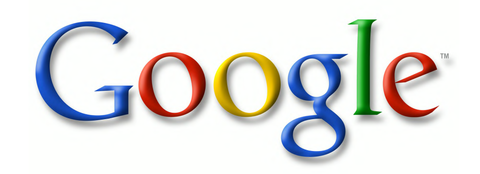

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковымъ.

ТОМЪ СТО ЧЕТВЕРТЫЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°.
На Страстномъ бульварѣ.
1873.

О НАУКѢ

и

ЕЯ ЗНАЧЕНІИ ВЪ ГОСУДАРСТВѢ

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.)

I.

Приступая къ собранію своихъ историческихъ трудовъ, * составленныхъ въ теченіе сорокалѣтней литературно-ученой дѣятельности и частію уже изданныхъ, частію еще рукописныхъ, не могу не привесть прекрасныхъ словъ Тита Ливія, помѣщенныхъ имъ въ его знаменитомъ *Введеніи въ исторію Рима.*

„Заслужу ли я, говоритъ Титъ Ливій, ** одобреніе что опи-

* Эта статья, какъ и вторая, составляющая ея продолженіе, статья: *О наукѣ въ Россіи*, предназначаются служить введеніемъ къ полному собранію сочиненій автора.

** Praefatio. Facturusne operae pretium sim, si a primordio Urbis res populi Romani perscripserim, nec satis scio; nec, si sciam, dicere ausim: quippe qui, quum veterem, tum vulgatam esse rem, videam, dum novi semper scriptores, aut in rebus certius aliquid adlaturos se, aut scribendi arte rudem vetustatem superaturos, credunt. Utcumque erit, juvabit tamen, rerum gestarum memoriae principis terrarum populi pro virili parte et me ipsum consuluisse; et si in tanta scriptorum turba mea fama in obscuro sit, nobilitate ac magnitudine eorum, meo qui nomine obficient, me consoler. Res est praeterea et inmensi operis ut quae supra septingentesimum annum repetatur; et quae, ab exiguis

салъ дѣла римскихъ граждапъ, начиная съ самаго первобытнаго времени города,—не знаю; но еслибъ и зналъ, не рѣшился бы высказать. Вижу что это считается и устарѣлымъ, и слишкомъ простымъ, и что новые писатели всегда обращаются къ болѣе современнымъ событіямъ, полагая что они или вѣрнѣе ихъ представятъ, или искусствомъ изложенія превзойдутъ

profecta initiis, eo creverit, ut jam magnitudine laboret sua: et legentium plerisque, haud dubito, quin primae origines proximaque originibus minus praebitura voluptatis sint, festinantibus ad haec nova, quibus jam pridem praevalentis populi vires se ipsae conficiunt. Ego contra hoc quoque laboris praemium petam, ut me a conspectu malorum, quae nostra tot per annos vidit aetas, tantisper, certe dum prisca illa tota mente repeto, avertam, omnis expers curae, quae scribentis animum, etsi non flectere a vero, sollicitum tamen efficere possit. Quae ante conditam condendamve urbem, poëticis magis decora fabulis, quam incorruptis rerum gestarum monumentis, traduntur, ea nec adfirmare, nec refellere, in animo est. Datur haec venia antiquitati, ut, miscendo humana divinis, primordia urbium augustiora faciat. Et, si cui populo licere oportet, consecrare origines suas, et ad Deos referre auctores, ea belli gloria est populo Romano, ut, quum suum conditorisque sui parentem Martem potissimum ferat, tam et hoc gentes humanae patiantur aequo animo, quam imperium patiuntur. Sed haec et his similia, utcumque animadversa aut existimata erunt, haud in magno equidem ponam discrimine. Ad illa mihi pro se quisque acriter intendat animum, quae vita, qui mores fuerint: per quos viros, quibusque artibus, domi militiaeque, et partum et auctum imperium sit. Labente deinde paullatim disciplina, velut desidentes primo mores sequatur animo; deinde ut magis magisque lapsi sint; tum ire coeperint praecipites: donec ad haec tempora, quibus nec vitia nostra, nec remedia pati pessumus, perventum est. Hoc illud est praecipue in cognitione rerum salubre ac frugiferum, omnis te exempli documenta in illustri posita monumento intueri: inde tibi tuaeque reipublicae, quod imitere, capias: inde, foedum inceptu, foedum exitu, quod vites. Ceterum aut me amor negotii suscepti fallit, aut nulla umquam respublica nec major, nec sanctior, nec bonis exemplis ditior fuit: nec in quam civitatem tam sero avaritia luxuriaque immigraverint: nec ubi tantus ac tam diu paupertati ac parsimoniae honos fuerit. adeo, quanto rerum minus, tanto minus cupiditatis erat. Nuper divitiae avaritiam, et abundantes voluptates desiderium per luxum atque libidinem pereundi perdendique omnia invexere. Sed querelae, ne tum quidem gratae futurae, quum forsitan et necessariae erunt, ab initio certe tantae ordiendae rei absint. Cum bonis potius ominibus votisque ac precationibus Deorum Dearumque, si, ut poëtis, nobis quoque mos esset, libentius inciperemus, ut orsis tanti operis successus prosperos darent.

безыскусственную древность. Что бы однако ни случилось, меня будетъ радовать что и я, съ своей стороны, подумалъ сохранить память дѣяній первенствующей на землѣ республики; и если среди толпы писателей я останусь въ неизвѣстности, утѣшусь благородствомъ и величіемъ тѣхъ кто затмитъ мое имя.

„Этотъ предметъ потребовалъ огромнаго труда, ибо обнимаетъ собою болѣе семисотъ лѣтъ и излагаетъ дѣла республики которая, выйдя изъ весьма малаго начала, до того разрослась что уже страдаетъ своею громадностію. Между тѣмъ не сомнѣваюсь что первоначальныя времена и событія ближайшія къ первобытной эпохѣ представятъ многимъ читателямъ такъ мало занимательнаго что они поспѣшатъ къ событіямъ новымъ, когда силы давно уже преобладающихъ надъ міромъ гражданъ сами себя сокрушаютъ. Я же, напротивъ, считаю наградою за трудъ что, углубляясь всѣмъ умомъ въ старину, отвлекаюсь отъ созерцанія бѣдствій, ихъже видѣло въ теченіе столькихъ лѣтъ наше время, и становлюсь свободнымъ отъ всякихъ заботъ, которыя могли бы если не отклонить духа писателя отъ истины, то возбудить въ немъ тревогу.

„Преданія о происшествіяхъ до построеннаго, или же построимаго города принадлежатъ болѣе поэтическимъ былинамъ, чѣмъ непреложнымъ памятникамъ исторіи, и ихъ ни утверждать, ни опровергать не намѣренъ. Это уступка древности: совокупляя человѣческое съ божескимъ, да облекаетъ она первобытность городовъ святынею. Но если какой-либо республикѣ должно дозволить освящать свое происхожденіе и возводить къ богамъ своихъ основателей, то военная слава Рима такова что человѣческія племена могутъ съ тѣмъ же спокойствіемъ духа допустить притязаніе Римлянъ что ихъ родоначальникомъ и родителемъ строителя былъ Марсъ Всемощный, съ какимъ они допускаютъ ихъ владычество. Но для меня останется безъ различія будутъ ли эти и имъ подобныя сказанія отвергнуты или признаны.

„Мнѣ же напротивъ желательно чтобы каждый обратилъ зоркое вниманіе въ моемъ трудѣ на то: какова была жизнь и каковы нравы; какими мужами и какимъ способомъ дѣйствій въ дѣлахъ внутреннихъ и военныхъ было создано и увеличено владычество; чтобы читатель прослѣдилъ мыслію какъ, при падающей гражданственности, нравы сперва какъ бы слабѣли,

потомъ болѣе и болѣе потрясались, затѣмъ стали быстро идти къ упадку, пока наконецъ мы достигли нашего времени, когда не можемъ переносить ни своихъ пороковъ, ни средствъ къ ихъ исцѣленію.

„Въ томъ и состоитъ спасительная и плодотворная польза знанія дѣлъ (то-есть исторіи) что ты видишь предъ собою всякаго рода поученія, начертанныя на славномъ памятникѣ: здѣсь что̀ примешь для подражанія какъ себѣ, такъ и своей республикѣ; тамъ гибельное по замыслу, гибельное по исходу, чтобъ избѣжать онаго.

„Впрочемъ, или меня ослѣпляетъ любовь къ избранному предмету, или дѣйствительно никогда не было республики ни величественнѣе, ни святѣе нашей, ни богаче добрыми примѣрами; не было общины въ которую бы такъ поздно проникла алчность и роскошь и гдѣ бы такъ долго и такой почетъ оказывали бѣдности и бережливости, такъ что чѣмъ менѣе было богатствъ, тѣмъ менѣе и влеченія къ нимъ. Нынѣ же богатства породили корыстолюбіе, а чрезмѣрныя наслажденія желаніе гибнуть и губить все въ роскоши и необузданности.

„Но устранимъ отъ приступа къ столь великому дѣлу жалобы, которыя непріятны даже и тогда когда станутъ неизбѣжными. Начнемъ охотнѣе, подражая обычаю поэтовъ, добрыми предзнаменованіями, обѣтами и молитвами къ богамъ и богинямъ, да дадутъ они благополучный успѣхъ труду нашему.“

II.

Если историкъ обезсмертившій себя великимъ произведеніемъ и описывавшій событія отечественной республики смотрѣлъ на свой трудъ съ подобнымъ недовѣріемъ, то не должно ли это недовѣріе еще усилиться въ человѣкѣ посвятившемъ себя изслѣдованію отдаленной древности и предмету къ которому у насъ нѣтъ и тѣни сочувствія? Занятіе древнею греческою исторіей, основанное на критическомъ разборѣ источниковъ и сообразное съ новѣйшимъ состояніемъ науки сопряжено у насъ съ большими, едва преодолимыми трудностями. Эти трудности происходятъ не столько отъ науки и недостатка средствъ, столько отъ умственнаго настроенія общества и отъ направленія господствующаго въ литературѣ. Въ обществѣ преобладаетъ къ классическому міру такое безгра-

ничное равнодушіе что любители охотнѣе пожелаютъ имѣть свѣдѣнія о дикаряхъ Средней Африки, чѣмъ объ Аѳинахъ и Спартѣ. Бо́льшая же часть нашей литературы не только не содѣйствуетъ къ устраненію этого равнодушія, но и поддерживаетъ его, излагая мнѣнія непріязненныя, а иногда и глубоко враждебныя классическимъ занятіямъ.

Было однако время когда и у насъ умѣли цѣнить значеніе древней Греціи и, какъ говорилъ Карамзинъ, когда любили Грековъ. Изученіе греческой исторіи началось за сто лѣтъ предъ симъ и проявилось въ замѣчательныхъ трудахъ: Нартова, Алексеева,* Полетики, при Екатеринѣ Великой, Мартынова и Спиридона Дестуниса при Александрѣ I. Но оно пало, и самые труды этихъ достойныхъ ученыхъ оставлены и забыты. Если въ послѣдствіи и можно указать на нѣкоторыя весьма дѣльныя произведенія, то они только свидѣтельствуютъ что греческая образованность обладаетъ духовною силой, приковывающею къ себѣ ученаго, и что всѣ наносимые ей удары не сокрушатъ ея твердыни. Эти произведенія приносятъ честь авторамъ, но остаются у насъ въ забвеніи. Не хранится ли причина такого состоянія въ томъ что наша мысль и наша забота устремлены на другіе предметы?

Мы думаемъ теперь о Западѣ, не объ эллинствѣ; наши взоры обращены къ Германіи, Франціи, Англіи, какъ къ идеалу жизни литературной, политической и промышленной. Мы старательно подражаемъ тому что̀ тамъ происходитъ и что̀ тамъ принято; спѣшимъ, съ трепетнымъ нетерпѣніемъ, какъ бы измѣнить самихъ себя по чужеземному образцу, и считаемъ свое воспитаніе неконченнымъ до тѣхъ поръ пока не побываемъ въ обѣтованныхъ странахъ западной Европы. Мы заимствуемъ и переносимъ къ себѣ все что̀ намъ доступно и что̀ намъ нравится: художество и литература, промыслы и пути сообщенія, даже самыя учрежденія Запада находятъ у насъ радушный пріемъ и почти мгновенно прилагаются. Словомъ, мы живемъ болѣе западною чѣмъ своею жизнію. Въ этомъ неоспоримомъ фактѣ нельзя и самому поверхностному наблюдателю не видѣть того сильнаго, на общественный и умственный бытъ нашъ, иностраннаго вліянія, которое вторгается къ намъ не въ видѣ слабаго ручейка, но въ видѣ

---

* Онъ самъ постоянно пишетъ свое имя: Алексеевъ, не Алексѣевъ.

стремительнаго потока. Нельзя и не сочувствовать этому вліянію и не содѣйствовать ему всею силою разумной воли: въ немъ лежитъ глубокая историческая истина, указывающая на законъ усматриваемый въ государственномъ развитіи народовъ и держащій въ зависимости судьбу ихъ.

III.

Принятіе чуждой, но высшей, образованности встрѣчается у каждаго великаго народа и есть непремѣнное условіе его дальнѣйшихъ успѣховъ. Эллины перенесли къ себѣ образованность, Востока и, преобразовавъ ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ опередивъ своихъ предшественниковъ, передали ее Римлянамъ въ далеко улучшенномъ видѣ; передали уже какъ свое достояніе, выработанное собственнымъ творчествомъ. Этими двумя наслѣдіями, греческимъ и римскимъ, воспользовались западные Европейцы въ эпоху Возрожденія и поднялись чрезъ нихъ на такую высоту что стали умственными владыками цѣлаго міра. Мы наконецъ стараемся теперь усвоить себѣ западно-европейское. Итакъ исторія убѣждаетъ что принятіе чужой образованности не есть событіе случайное, и что безъ него народное усовершенствованіе не существуетъ и не мыслимо; а потому и нельзя, повторимъ, не сочувствовать его у насъ дѣйствію. Но иностранное вліяніе благотворно не столько потому что знакомитъ заимствующихъ съ новыми знаніями, изобрѣтеніями и открытіями, сколько, и преимущественно, по той причинѣ что чрезъ подобное вліяніе вносятся въ общество новыя идеи, пробуждающія творческій духъ человѣка. Простое заимствованіе разнородныхъ свѣдѣній и предметовъ, даже самыхъ полезныхъ для жизни, не имѣетъ историческаго значенія и недостаточно для того чтобы водворить въ государствѣ истинную образованность. Безъ знанія руководящей ихъ идеи, свѣдѣнія остаются чужими, не проникаютъ въ глубь и не перераждаютъ народа; они только служатъ наружнымъ украшеніемъ, доставляютъ удобства жизни и производятъ мгновенный блескъ, въ сущности же безполезны и обманчивы, такъ какъ прикрываютъ невѣжество; это позолота, не чистое золото. Успѣхъ общества зависитъ отъ самобытной умственной дѣятельности, неразлучной съ творчествомъ. Это ве-

ликое дѣло происходитъ не чрезъ пріемъ свѣдѣній, а чрезъ созвательное пониманіе и собственное разрабатываніе идей извнѣ вносимыхъ. Новыя идеи возбуждаютъ въ человѣкѣ любознательность, и какъ только она явится, открывается въ обществѣ знаменательный и богатый послѣдствіями процессъ, въ которомъ люди сначала предаются строгому изученію съ цѣлію усвоить внесенныя знанія и идеи и понять ихъ въ основномъ существѣ, не въ однихъ внѣшнихъ проявленіяхъ; а потомъ напрягаютъ всю твердость воли и всю силу ума чтобъ усвоенное и понятое не оставить чуждымъ, но переработать, примѣнить къ нравамъ, обычаямъ, религіи, языку народа, посѣять и взростить науку на родной почвѣ и согласовать ее съ геніемъ народа, словомъ, слить съ народностью. Дойдя до этого результата, общество совершаетъ успѣхъ въ государственно-историческомъ развитіи и достигаетъ самобытной, народной образованности, представительницею которой служитъ наука. Такая образованность есть принадлежность и отличительный признакъ народовъ носящихъ названіе историческихъ; она только одна имѣетъ вѣсъ и цѣну, и только этими народами и занимается исторія.

IV.

Употребляя слово историческій, не разумѣемъ народа о которомъ сохранились или существуютъ какія-либо свѣдѣнія. Въ наше время, когда путешественники и миссіонеры проникли во внутренность Африки, на острова Полинезіи и въ степи Средней Азіи; когда открыты источники Нила, остававшіеся тайною въ теченіе тысячелѣтій, не много остается неузнанныхъ еще племенъ на земномъ шарѣ. Говоримъ о народахъ которые проходятъ возрасты исторической жизни или которые, исполнивъ трудъ свой, сошли съ поприща, завѣщавъ потомкамъ память дѣлъ своихъ. Народъ историческій или, какъ его часто называютъ, народъ великій уподобляется великому человѣку и дѣйствуетъ подъ вліяніемъ двухъ началъ: онъ слѣдуетъ общимъ законамъ человѣчества, но приводитъ ихъ въ исполненіе согласно съ своими силами и своею даровитостью, покоряясь требованіямъ своей свободной воли. Такихъ народовъ

немного; ихъ дѣятельность, не замыкаясь предѣлами своей области, распространяется на сродные народы и обусловливаетъ ихъ познаніе, такъ что въ цѣломъ племени происходитъ общее духовное настроеніе и вырабатывается такъ-сказать племенная образованность. Въ древнемъ мірѣ существовали и взаимно дѣйствовали четыре образованности: египетская, симитская, эллинская и римская или италіянская. То же видимъ и въ новое время въ Германіи и Италіи, гдѣ, несмотря на бывшее до сихъ поръ чрезвычайное, только теперь уничтожающееся, разнообразіе владѣній, выработались однако общія и единыя, германская и италіянская, образованности. Но между соплеменниками возвышается иногда одинъ, какъ отдѣльная личность, и служитъ представителемъ прочихъ вѣтвей племени, которыя къ нему тяготѣютъ, вмѣстѣ съ нимъ совершаютъ свой умственный путь, и свою судьбу соединяютъ съ его судьбой. Вавилоняне были представителями Семитовъ, Аѳиняне—Эллиновъ, Римляне—народовъ Италіи. Вліяніе историческаго народа не ограничивается наконецъ и своимъ племенемъ; оно пріобрѣтаетъ значеніе преемственности, переходитъ на племена чуждыя, внося новые элементы въ умственную жизнь ихъ, и, не останавливаясь даже и тогда когда государство прекращаетъ свое бытіе, возраждается чрезъ тысячелѣтіе. Величіе не знаетъ смерти; оно всегда живетъ и всегда благотворно дѣйствуетъ, и есть прямое, притомъ единственное, достояніе исторіи, которая только его и помѣщаетъ въ своихъ лѣтописяхъ. Много было въ древнемъ мірѣ колѣнъ, владѣній, царствъ и общинъ, но исторія говоритъ только объ Египтянахъ, Семитахъ, Грекахъ и Римлянахъ, о прочихъ же упоминаетъ коротко и большею частію случайно. Еслибы Греки не воевали съ Персами и Римляне съ Карѳагенянами, то едва ли сохранилось бы о нихъ что-либо кромѣ имени.

V.

Наблюденія надъ государственною жизнію народовъ привели къ открытію историческаго закона называемаго преемственностію и убѣждающаго въ истинѣ что труды предшествовавшихъ поколѣній не остаются безплодными для поколѣній послѣдующихъ и что идеи не умираютъ, а содѣйствуютъ дальнѣйшему успѣху. Изъ тѣхъ же наблюденій опредѣлилась самая

степень того значенія какое можетъ имѣть на общество пріемъ новой образованности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ отъ того происходящія послѣдствія. Закону преемственности подчинена судьба государствъ и народовъ; она имъ обозначается и отъ него зависитъ; новыя идеи измѣняютъ направленіе духовной стороны общества, какъ бы перерождаютъ оное, и въ то же время окрѣпляютъ и возвышаютъ государство. Всѣ эти важныя и благодѣтельныя послѣдствія преемственности достижимы однако и вообще возможны только при двухъ непремѣнныхъ условіяхъ: при даровитости народа воспринимающаго духовныя начала выработанныя внѣ его среды, и при правильномъ способѣ какъ самого пріема, такъ и изученія воспринятаго.

VI.

Требованіе даровитости для успѣха въ какомъ бы то ни было предметѣ такъ естественно и очевидно что едва ли предстоитъ необходимость, не говорю уже доказывать, но и разъяснять это требованіе. Замѣчу только что здѣсь разумѣется даровитость въ дѣлѣ знанія и науки, какъ самой высшей и главнѣйшей потребности государства. Наука представляетъ духовную силу человѣка и общества, совокупляетъ и какъ бы олицетворяетъ знанія и занимаетъ первое мѣсто въ кругу умственной жизни народа. Все это возможно только при высокой даровитости людей посвятившихъ себя наукѣ, и только въ обществѣ обладающемъ этимъ благомъ. Даровитость есть важнѣйшее условіе усовершенствованія, основаніе и залогъ будущаго, та драгоцѣнная сокровищница которой богатство не исчерпываютъ самыя роскошныя щедроты. Она притомъ не есть принадлежность или отличительный признакъ одной какой-либо способности разума, но хранится во всѣхъ, возбуждаетъ ихъ дѣятельность и, соединивъ въ стройное цѣлое, ведетъ къ общему началу, называемому образованностью. Но изслѣдуя и разлагая даровитость, находимъ въ ней три свойства, составляющія три ея существенныя части: воспріимчивость, пытливость ума и творчество. Эти свойства имѣютъ значительный вѣсъ въ исторіи и объясняютъ событія кажущіяся загадочными. Въ благоустроенномъ обществѣ и при правильномъ водвореніи науки, всѣ три свойства существуютъ вмѣстѣ и неразлучно

связаны тѣснѣйшими узами и взаимно себѣ помогаютъ и содѣйствуютъ. Творчество вѣнчаетъ пытливость ума, которая въ свою очередь возбуждается воспріимчивостью, а воспріимчивость сама по себѣ теряетъ цѣну безъ пытливости и творчества. При совокупномъ ихъ дѣйствіи принятыя извнѣ знанія подвергаются умственному труду человѣка и, преобразовавшись въ этомъ духовномъ горнилѣ, перестаютъ быть чуждыми и становятся собственнымъ достояніемъ, выработаннымъ согласно съ геніемъ народа.

Есть однако общества и народы которые хотя одарены живою воспріимчивостью и обнаруживаютъ нѣкоторое сочувствіе къ прекрасному и истинному, но не проявляютъ ни творчества, ни даже пытливости ума и не создаютъ ничего самобытнаго. Они увлекаются готовыми знаніями; переносятъ къ себѣ добытыя другими открытія и изобрѣтенія; переводятъ съ другихъ языковъ на свой отечественный произведенія наукъ и литературы; приспособляютъ къ себѣ разныя иноземныя учрежденія; словомъ, украшаютъ себя чужими дарами, но не идутъ далѣе. Такое общество осуждаетъ себя на вѣчное духовное рабство и на вѣчную зависимость отъ своихъ чужестранныхъ учителей. Въ немъ бываетъ иногда большое умственное движеніе, основывается много учебныхъ заведеній, преподаются разнообразнѣйшіе предметы и пишется о всемъ возможномъ, такъ что можно было бы подумать что въ немъ цѣнится и укореняется наука; но это призракъ, который такъ же быстро исчезаетъ, какъ и является. Онъ озаритъ яркимъ свѣтомъ, но на мгновеніе, и послѣ него водворяется мракъ сильнѣе прежняго.

Многіе писатели утверждаютъ что общество не трудящееся самостоятельно надъ наукою, а только все заимствующее, лишено творчества и никогда не произведетъ ничего новаго. Мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Воспріимчивость есть зародышъ и главнѣйшая потребность творчества; она низшая ступень, заставляющая предполагать высшую. Правда, не всѣ народы одарены одинаково; но три означенныя свойства въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ существуютъ у всѣхъ. Если потому замѣчается въ обществѣ живая воспріимчивость, то она уже свидѣтельствуетъ что въ немъ должно таиться и само творчество. А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію что иногда и замѣчательный народъ, какъ бы отрѣшаясь отъ самобытности и отъ дальнѣйшаго постепеннаго усовершенство-

ванія, довольствуется заимствованнымъ и на немъ останавливается. Это происходитъ не отъ отсутствія творческаго духа, а отъ способа пріема новой образованности и отъ изученія воспринятаго.

Какъ бы ни велика была даровитость людей, она требуетъ правильнаго и весьма глубокаго изученія, идущаго сознательно указаннымъ путемъ, никогда отъ него не уклоняясь. При вѣрной методѣ ученія и при водвореніи чрезъ то въ обществѣ науки, даровитость укрѣпляется и становится производительною и творческою; безъ нихъ же, при всемъ подражаніи и заимствованіи, она или вовсе заглохнетъ, или, вырвавшись на просторъ, нанесетъ вредъ, часто гибельный.

VII.

Мы живемъ въ эпоху какъ преобразованій, такъ и народной дѣятельности, которыя вступили наконецъ послѣ долгой разлука въ союзъ и дѣйствуютъ въ полномъ согласіи и съ возбужденнымъ соревнованіемъ. Преобразованія совершаются такъ быстро, какъ будто стараются опередить другъ друга; имъ помогаетъ народная дѣятельность, такъ измѣнившая страну. Всѣми сословіями овладѣло какое-то трепетное нетерпѣніе, недовольное существующимъ и жаждущее новаго. Въ литературѣ и въ ученіи, въ государственныхъ учрежденіяхъ, въ торговлѣ и промыслахъ, въ самомъ состояніи общества, вездѣ усматривается отпечатокъ особеннаго движенія, которое не волнуется, такъ-сказать, по поверхности, а проникаетъ глубоко, обнимая умственный, нравственный и политическій строй земли Русской. Во всемъ, однако, этомъ разнообразномъ и чрезвычайно многостороннемъ движеніи усматривается одна руководящая мысль, одно главное, преобладающее начало; вездѣ видно сознательно принятое намѣреніе, лежащее въ основаніи разнородныхъ стремленій; все идетъ къ опредѣленной цѣли, для достиженія которой трудятся съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ. Эта цѣль— водворить въ Россіи западную образованность и поставить наше отечество на ту высоту до коей дошли первенствующія страны Европы. Цѣль прекрасная и высокая, обѣщающая великую будущность и весьма возможная и достижимая, такъ какъ никто, надѣемся, не будетъ отрицать у Русскихъ ни трудолюбія, ни даровитости.

Чѣмъ значительнѣе однако дѣло, тѣмъ болѣе оно требуетъ вниманія, соображеній и осмотрительности. Принятіе чуждой образованности не есть простое нововведеніе, еще менѣе внѣшнее украшеніе или улучшеніе, которое можно было бы легко устранить и сбросить; оно влечетъ за собою самыя знаменательныя послѣдствія и весьма справедливо признается первостепеннымъ событіемъ въ исторіи развитія государства. Имъ опредѣляется будущность народа, ибо оно оказывается столько же благотворнымъ и счастливымъ, сколько и пагубнымъ, смотря по тому направленію которое оно приметъ или какое дадутъ ему.

Заимствуя западное, Русскіе обнаружили воспріимчивость и сочувствіе, которымъ нельзя не радоваться и которыя производятъ самое утѣшительное впечатлѣніе. Мы не можемъ однако и не должны остановиться на заимствованіи однихъ внѣшнихъ проявленій образованности, ни на слѣпомъ подражаніи даже тому что̀ всего замѣчательнѣе и возвышеннѣе на Западѣ. Какъ ни удобны желѣзныя дороги, пароходы и телеграфы; какъ ни полезны переносимыя къ намъ разнаго рода учрежденія; какъ ни плодотворны прусскія гимназіи, всѣ они только результатъ тѣхъ идей которыя создаютъ образованность. Для того чтобы наше отечество заняло мѣсто въ ряду всемірно-историческихъ дѣятелей и стало достойнымъ представителемъ славянскаго племени, намъ слѣдуетъ понять, изучить и водворить у себя то умственное начало или ту идею которая произвела эти блестящіе результаты и на которой построено великолѣпное зданіе западно-европейской образованности. Если, не увлекаясь внѣшнимъ лоскомъ, мы успѣемъ это начало самобытно разработать, то пріобрѣтемъ не чуждую намъ позолоту, а драгоцѣнный металлъ, и представимъ свою собственную образованность.

VIII.

Смотря же на западную Европу въ общемъ смыслѣ, безъ различія національностей, и желая однимъ словомъ опредѣлить ея отличительный признакъ и ея мѣсто въ исторіи человѣчества, можно сказать, не встрѣтивъ противорѣчія, что ей принадлежитъ наука, какъ по своему открытію, такъ и по ея возможному усовершенствованію. Слово наука обозначаетъ ту

высокую степень образованности, которою западная Европа въ правѣ гордиться и которая доставила ей неоспоримое умственное преобладаніе на земномъ шарѣ. Она вышла изъ глубокаго изученія древняго классическаго міра и имъ до сихъ поръ неизмѣнно поддерживается и такъ-сказать питается, но выработана Европейцами собственнымъ и самобытнымъ творчествомъ. Наука представительница и олицетвореніе всего западнаго образованія и въ то же время она ему содѣйствуетъ, его улучшаетъ и ведетъ къ дальнѣйшему успѣху. Она средоточіе въ коемъ слагаются знанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ могущественная сила которая ихъ вызываетъ и распространяетъ въ обществѣ. Внушая чувства чести и личнаго достоинства, наука водворяетъ въ обществѣ правдивость, законность и исполненіе долга, чрезъ что и доставляетъ государству спокойствіе и благоденствіе. Она и возвышаетъ государство, такъ какъ изобрѣтаетъ для него всѣ средства къ продолжительному и прочному могуществу.

Это высокое значеніе науки налагаетъ обязанность обсудить само понятіе науки и опредѣлить точный смыслъ его. Постараемся представить его въ краткомъ очеркѣ и въ той только мѣрѣ сколько требуется для разъясненія нашего предмета. Мы не имѣемъ въ виду излагать его съ точки зрѣнія философіи и подвергать всестороннему изслѣдованію. Наша историческая цѣль замыкаетъ разысканія въ тѣсные предѣлы и удаляетъ их отъ всѣхъ другихъ соображеній.

IX.

Науку составляютъ знанія, логически соединенныя въ систему и проникнутыя идеею.

Остановимся на этомъ опредѣленіи и постараемся оправдать его.

Говоримъ знанія, не свѣдѣнія, видя существенное различіе въ свойствѣ двухъ, хотя и сродныхъ, понятій, выражаемыхъ сими словами. Оба обозначаютъ умственныя пріобрѣтенія, но въ разной степени и при разныхъ условіяхъ. Знаніями можно назвать только тѣ изъ нихъ которыя выработались самостоятельною дѣятельностію разума и образуютъ потому вполнѣ сознаваемое, неотъемлемое духовное достояніе человѣка. Свѣдѣніями же обозначаются, хотя также умственныя пріобрѣтенія,

но болѣе извѣданныя и частію внушенныя, или повѣданныя, а слѣдовательно еще не достигшія значенія сознательной собственности человѣка и общества. Это различіе ихъ обоюднаго свойства лежитъ въ ихъ природѣ и согласуется съ ихъ первоначальнымъ источникомъ и съ ихъ образомъ дѣйствія. Свѣдѣнія вытекаютъ болѣе изъ внѣшняго наблюденія явленій духовнаго и естественнаго міра и представляютъ собою ихъ совокупность; знаніе, напротивъ, есть результатъ изслѣдованія которое проникаетъ въ глубь явленій, отыскиваетъ ихъ причину и изъ нея выводитъ законы отъ коихъ явленія зависятъ. Отсюда и происходитъ что свѣдѣнія свидѣтельствуютъ только объ умственной воспріимчивости человѣка и не идутъ далѣе. Правда, они способствуютъ улучшенію и украшенію общественнаго и частнаго быта, а при даровитости посвятившихъ себя ихъ изученію людей сопровождаются даже изобрѣтеніями, но не обнаруживаютъ проницательной пытливости ума, остающейся неизмѣннымъ спутникомъ знаній, и не создаютъ творчества, присущаго свойства науки. Несмотря однако на свое различіе, оба понятія сродны, и именно въ томъ смыслѣ что свѣдѣнія предшествуютъ знаніямъ, подобно тому какъ знанія предшествуютъ наукѣ. Другими словами: знаніе вырабатывается изъ свѣдѣній, и наука изъ знаній. Этотъ послѣдовательный ходъ опредѣляетъ и мѣсто занимаемое каждымъ изъ сихъ понятій въ постепенномъ развитіи образованности, ибо умственная дѣятельность общества уподобляется той же дѣятельности человѣка и чрезъ нее познается; правила одной служатъ правилами другой, и судьба одной объясняетъ другую и къ ней примѣняется. Западная Европа совершила этотъ путь съ логическою точностію. Какъ только изученіе древняго классическаго міра возникло въ эпоху Возрожденія, общество усвоило себѣ новыя начала съ такимъ увлеченіемъ что, стараясь отбросить прошедшее, такъ-сказать, облеклось ими, жило и думало подъ ихъ вліяніемъ. Тогда наступилъ вѣкъ свѣдѣній, изобильный открытіями и изобрѣтеніями. За нимъ послѣдовалъ періодъ знанія, ибо Европейцы не остановились надъ заимствованіемъ чуждаго и имъ не удовольствовались, а, подвергнувъ оное строгому разбору, всесторонне его постигли, вызвали сами новыя знанія и личнымъ трудомъ пріобрѣли собственное умственное достояніе. Наконецъ знаніе измѣнилось въ науку, которая еще и теперь безпрерывно усовершенствуется, хотя уже достигла высокаго достоинства.

X.

Вторымъ признакомъ науки весьма справедливо считается система, въ коей однородныя знанія расположены въ логическомъ порядкѣ и въ немъ изучаются. Система есть не только связь соединяющая нѣсколько отдѣльныхъ частей вмѣстѣ, но и духовное начало, образующее изъ сихъ частей стройно сочлененное цѣлое. Части системы — существенная, органическая принадлежность цѣлаго; онѣ другъ другу помогаютъ и, такъ-сказать, живутъ одною жизнію; и хотя каждая имѣетъ собственное назначеніе, но всѣ дѣйствуютъ въ одномъ духѣ, такъ что ни одна изъ нихъ не можетъ быть ни отнята, ни устранена безъ нарушенія общаго согласія. Какъ не мыслимо человѣческое тѣло безъ руки или безъ ноги, такъ не мыслима исторія безъ Греціи или Рима, или какой-либо другой подобной части, несмотря на то что въ каждой изъ сихъ частей излагается самобытная жизненная дѣятельность, вырабатывающая собственную идею. Система необходима вездѣ, даже въ тѣхъ періодахъ образованія гдѣ еще нѣтъ науки; она придаетъ значеніе свѣдѣніямъ, но достигаетъ своей цѣли преимущественно въ наукѣ, гдѣ, проникнутая идеею, пріобрѣтаетъ видъ стройнаго, логическаго цѣлаго.

XI.

Слово идея (ἡ ἰδέα) заимствовано отъ глагола εἴδω—вижу, именно отъ вида ἰδεῖν (infit. Aorist 2), созерцать и познавать, и означаетъ: видъ, вѣрнѣе говоря, образъ познаваемый и узнанный вслѣдствіе созерцанія. Это слово встрѣчается у греческихъ писателей весьма рано, еще у Ѳеогнида и Пиндара, употребляется также Иродотомъ и Ѳукидидомъ; но его значеніе долго колебалось, пока не было объяснено Платономъ и установлено имъ такъ твердо что въ существѣ своемъ принимается и теперь безъ измѣненія. Платонъ однако не излагаетъ его нигдѣ во всей полнотѣ и цѣлости, а разсматриваетъ и развиваетъ его съ разныхъ сторонъ во многихъ изъ своихъ философскихъ бесѣдъ, возвращаясь къ нему всегда съ видимою любовью. Въ этихъ бесѣдахъ замѣчается и послѣдовательный ходъ умозрѣнія философа, отразившійся въ употребленіи самого слова, ибо

Платонъ принималъ первоначально, для выраженія своей мысли, большею частію слово τὸ εἶδος, и только въ послѣдствіи остановился, не уклоняясь, на словѣ идея, ἡ ἰδέα. Новѣйшіе писатели занимавшіеся исторіею философіи въ древнемъ мірѣ, и между ними въ особенности Ц еллеръ, * соединили въ цѣлое, разбросанное по частямъ, ученіе Платона и тѣмъ придали ему вѣсъ и цѣну, которыми оно до сихъ поръ безспорно пользуется. Мы ограничимся для своей цѣли самымъ краткимъ указаніемъ главной мысли.

Наука, говорили мы, состоитъ изъ положительныхъ знаній; она изъ нихъ исходитъ, на нихъ основана и безъ нихъ не существуетъ. Но, при пытливости человѣческаго разума и при многосторонней его дѣятельности, знанія расширяются въ такихъ размѣрахъ и доходятъ до такого разнообразія что человѣкъ не въ силахъ обнять ихъ, еще менѣе ихъ постигнуть, если не будетъ руководиться тѣмъ духовнымъ началомъ которое само вытекаетъ изъ знаній. Это начало есть идея. Являясь результатомъ знаній, она ихъ обобщаетъ, проникаетъ въ каждое отдѣльное знаніе, даетъ ему жизнь и значеніе, указываетъ должное ему мѣсто въ кругу сродныхъ знаній, творитъ изъ частей цѣлое. Идея потому есть, узнанное разумомъ, общее начало или общность (τὸ κοινὸν), ** выражающее свойство принадлежащихъ къ одному роду частностей; есть единое начало (τὸ ἓν), *** или единица (ἡ ἑνάς, άδος), **** выработавшаяся изъ многихъ отдѣльностей (τὸ ἓν ἐπὶ πολλῶν). † „Много, говоритъ Платонъ, †* прекрасныхъ дѣйствій, много добрыхъ

* E. Zeller *Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwickelung*. Въ первомъ отдѣлѣ втораго тома (Tübingen, 1859, in 8°), стр. 412—457.

** Платонъ, *Θеэтитъ*, pag. 185, B.: οὔτε γὰρ δι' ἀκοῆς οὔτε δι' ὄψεως οἷόν τε τὸ κοινὸν λαμβάνειν περὶ αὐτῶν.

*** Онъ же, *Парменидъ*, pag. 132. C: Οὐχ ἑνός τινος, ὃ ἐπὶ πᾶσιν ἐκεῖνο τὸ νόημα ἐπὸν νοεῖ, μίαν τινὰ οὖσαν ἰδέαν; Ναί.

**** Онъ же, *Филивъ*, pag. 15, A: ὅταν δέ τις ἕνα ἄνθρωπον ἐπιχειρῇ τίθεσθαι καὶ βοῦν ἕνα καὶ τὸ καλὸν ἓν καὶ τἀγαθὸν ἕν, περὶ τούτων τῶν ἑνάδων καὶ τῶν τοιούτων ἡ πολλὴ σπουδὴ μετὰ διαιρέσεως αμφισβήτησις γίγνεται.

† Онъ же, *Респубд.*, X, pag. 576, A: εἶδος γὰρ πού τι ἓν ἕκαστον εἰώθαμεν τίθεσθαι περὶ ἕκαστα τὰ πολλὰ οἷς ταὐτὸν ὄνομα ἐπιφέρομεν.

Аристот. *Метафиз.* 1, 9, 3: καθ' ἕκαστον γὰρ ὁμώνυμον τί ἐστι, καὶ παρὰ τὰς οὐσίας τῶν τε ἄλλων ὧν ἐστὶν ἓν ἐπὶ πολλῶν.

†* Платонъ, *Респубд.*, VI, 507, B: Πολλὰ καλὰ, ἦν δ'ἐγώ, καὶ πολλὰ ἀγα-

дѣлъ, и каждое изъ нихъ мы усматриваемъ и отличаемъ словомъ; но само прекрасное (αὐτὸ καλὸν), само добро (αὐτὸ ἀγαθὸν) и тому подобное суть идеи, которыя невидимы и познаются разумомъ.“ Но идея не довольствуется только обобщеніемъ частностей, а обозначаетъ также и цѣль къ которой онѣ стремятся; она не только средоточіе, гдѣ знанія слагаются, но и духовное начало, которое проникаетъ въ глубь знаній, направляетъ ихъ къ требуемой разумомъ цѣли и служитъ образцомъ (τὸ παράδειγμα, ατος) для ихъ изученія. Словомъ, идея есть созданный разумомъ первообразъ (εἶδος νοητόν), сосредоточивающій въ себѣ однородныя знанія и объясняющій точный смыслъ и цѣль ихъ.

Какъ сама умственная дѣятельность человѣка, первообразы многочисленны и разнообразны, и вырабатываются въ одинаковой съ нею послѣдовательности и постепенности. Они занимаютъ различныя мѣста или степени, и бываютъ низшими и высшими, завися отъ круга знаній изъ коего исходятъ. Несмотря однако на свое разнообразіе, между собою согласуются, взаимно себѣ помогаютъ и содѣйствуютъ, и стремятся къ одному средоточію, то-есть къ одной общей, первостепенной идеѣ, или къ тому первообразу который, совокупивъ ихъ, выражаетъ ихъ основное существо (τὸ ἄιτιον), и признается ихъ представителемъ. Эта верховная идея, такъ-сказать идея идей, излагается Платономъ не какъ умственное представленіе, но какъ умственное бытіе, ἡ οὐσία, которое не только не мечта и не выдумка, но и не предполагается, а дѣйствительно, хотя духовно, существуетъ, ὄντως ὄν. Она самосущее, образуемое разумомъ, τὸ νοούμενον, царемъ, βασιλεύς, земли и неба, начало, живетъ сама собою, αὐτὸ καθ᾽ αὑτὸ, то-есть своею собственною жизнію, и есть самоединая, αὐθ᾽ ἕκαστον, то-есть, говоря новѣйшимъ языкомъ, самобытна. Идеями обозначаются общіе и неизмѣнные законы, служащіе къ познанію бытія подверженнаго въ своихъ частностяхъ переворотамъ.

Эллинскіе философы опредѣлили идеи, но не приложили ихъ ни къ исторіи, ни къ другимъ предметамъ; а потому у нихъ

θὰ καὶ ἕκαστα οὕτως εἶναί φαμέν τε καὶ διορίζομεν τῷ λόγῳ. Καὶ αὐτὸ δὴ καλὸν καὶ αυτὸ ἀγαθὸν, καὶ οὕτω περὶ πάντων, ἃ τότε ὡς πολλὰ ἐτίθεμεν, πάλιν αὖ κατ᾽ἰδέαν μίαν ἑκάστου ὡς μιᾶς οὔσης τιθέντες, ὃ ἔστιν ἕκαστον προσαγορεύομεν. Καὶ τὰ μὲν δὴ ὁρᾶσθαί φαμεν, νοεῖσθαι δ᾽οὔ, τὰς δ᾽αὖ ἰδέας νοεῖσθαι μὲν, ὁρᾶσθαι δ᾽οὔ.

не было и не могло быть науки, въ истинномъ значеніи сего слова; они ограничились знаніями, ἡ ἐπιστημή, хотя и довели ихъ до высокой степени совершенства. Этимъ самымъ однако они подготовили путь и положили основаніе для дальнѣйшаго успѣха. Воспользовавшись трудами Эллиновъ, новѣйшіе ученые успѣли выработать науку и перенесть ее даже на изученіе не только Греціи, но и всего Востока. Теперь открыты начала которымъ слѣдуетъ общество въ своемъ постепенномъ развитіи; узнаны законы остающіеся непреложными, несмотря на безконечное разнообразіе въ ихъ примѣненіи; понята послѣдовательность и цѣль самобытной дѣятельности народовъ. При этомъ новомъ способѣ изученія, видъ древняго міра измѣняется: событія остаются тѣми же какъ они разказаны своими отечественными писателями, но ихъ смыслъ и связь перестаютъ уже быть загадкою, и то что прежде являлось отдѣльными и какъ бы разбросанными фактами, оказывается стройнымъ цѣлымъ, проникнутымъ общею идеей. Теперь, наконецъ, стало возможнымъ говорить объ египетской, семитской и эллинской образованности, сравнить ихъ между собою и указать каждой принадлежащее ей мѣсто въ преемственномъ ходѣ человѣческой мысли.

XII.

Познакомившись съ опредѣленіемъ науки, постараемся узнать ея свойства и ея отличительные признаки. Это изученіе не представитъ трудностей, и вопросъ рѣшится, думаемъ, логически, если обратимся къ самому источнику изъ котораго наука вытекаетъ.

Наука единосущна, въ ней одно существо; и это существо— человѣческій разумъ.

Разумъ властитель господствующій надъ всѣми властителями; судья предъ которымъ предстаютъ всѣ судьи міра; законодатель устраивающій царства и народы; разумъ подчиняетъ природу, управляетъ дѣлами людей и установляетъ начала на которыхъ основано общество. Онъ создаетъ науку, выражая въ ней правила и законы своей творческой дѣятельности. Наука обладаетъ потому всѣми его свойствами, раздѣляетъ судьбу его, безъ него не существуетъ и не мыслима, и подвергается тѣмъ видоизмѣненіямъ какія онъ самъ

испытываетъ. Разсматривая же разумъ не съ общей философской, а только съ исторической точки зрѣнія, и имѣя въ виду только примѣненіе началъ науки къ разъясненію историческихъ событій, видимъ въ немъ три главныхъ стороны: свободу, творчество и могущество. Эти самыя свойства принадлежатъ и наукѣ.

Прежде всего замѣтимъ что наука, какъ результатъ дѣятельности разума, есть не какое-либо частное, а общее человѣческое достояніе, не прикованное ни къ странѣ, ни къ народу. Разсматриваемая сама въ себѣ, она не имѣетъ народности, и нѣтъ ни англійской, ни германской, ни русской науки, и никогда и быть не можетъ. Но наука обрабатывается согласно съ геніемъ народа и потому принимаетъ народное направленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ новыя стихіи которыя согласуются съ народностью и изъ нея вытекаютъ. Другими словами: содержаніе, цѣль и сущность науки вездѣ, во всѣхъ странахъ, одинаковы; но у различныхъ націй она облекается въ различныя формы и какъ бы налагаетъ на себя различную одежду. А такъ какъ языкъ, выражая народную мысль и вообще народный геній, служитъ главнымъ представителемъ народности, то наука, чтобы стать истиннымъ достояніемъ народа, излагается и должна излагаться не на какомъ другомъ языкѣ, а на отечественномъ. Только при этомъ условіи наука и содѣйствуетъ водворенію и успѣхамъ образованности въ странѣ.

XIII.

Обратимся къ разсмотрѣнію свойствъ науки.

Нѣтъ необходимости доказывать что свобода мысли есть первое и самое главное условіе, безъ котораго наука не только не разрабатывается и не процвѣтаетъ, но вообще не зараждается. Наука, какъ самъ разумъ, не знаетъ ни оковъ, ни стѣсненій, ни предписаній; она дѣйствуетъ свободно и самобытно, удовлетворяя только духовной потребности изученія, но не руководясь никакими сторонними соображеніями. Свобода мысли есть жизнь, такъ-сказать, кровь и плоть науки; та могущественная сила которая производитъ творчество, и

то начало истины которое упрочиваетъ въ обществѣ образованность. Словомъ, свобода есть существенное свойство науки, служащее источникомъ изъ коего исходятъ всѣ ея отличительные признаки и откуда она заимствуетъ свой вѣсъ и значеніе.

Бывъ результатомъ свободной дѣятельности разума, наука воспринимается обществомъ только въ то время когда совершится въ немъ пробужденіе этой свободной дѣятельности, то-есть при его собственной духовной потребности, выходящей изъ убѣжденія и воли человѣка. Наука не можетъ быть ни искусственно водворена, ни произвольно наложена: дѣйствуя, учась и изобрѣтая, общество не покорствуетъ предписаніямъ, а удовлетворяетъ требованіямъ своего творческаго духа. Обществу могутъ помочь, облегчить его трудъ, дать средства къ достиженію цѣли, но не образовать: оно образуется своими силами и само собою. Человѣкъ награжденъ всѣмъ что̀ ведетъ къ преуспѣянію, и одаренъ способностью пріобрѣтать желанныя блага; но ему самому принадлежитъ исполненіе сихъ предначертаній, и онъ самъ долженъ стать достойнымъ своего великаго дара. Успѣхъ общества зависитъ отъ самого общества, отъ степени душевной силы которою оно обладаетъ; счастливыя и несчастныя обстоятельства могутъ ускорить или замедлить умственное развитіе, но они его ни создаютъ, ни уничтожаютъ. Водвореніе въ государствѣ науки есть дѣло разумной свободы человѣка.

Наука не только свободно воспринимается, но и требуетъ свободнаго изученія, устраненнаго отъ всѣхъ побочныхъ цѣлей. Она изучается сама въ себѣ и для себя самой; она не средство для чего-либо, а сама себѣ цѣль, такъ что изученіе науки имѣетъ въ виду только науку, а не ея приложеніе къ жизни. Еслибы стали изучать науку съ желаніемъ удовлетворять общественнымъ и житейскимъ потребностямъ, то она перестала бы существовать какъ наука, сошла бы съ своей высоты и обратилась въ ремесло и схоластику.

XIV.

Говоримъ объ изученіи науки, не объ ея вліяніи на общество, и не о послѣдствіяхъ коими сопровождается ея водвореніе. Наука существуетъ въ государствѣ и находится въ постоянномъ съ нимъ взаимодѣйствіи. Общество трудится надъ

улучшеніемъ своего быта, напрягаетъ силы для самообразованія и стремится умножить свои вещественныя и умственныя пріобрѣтенія; наука является ему союзникомъ и помощію и содѣйствуетъ ему, удовлетворяя его потребностямъ и желаніямъ. Наука совокупляетъ воедино народныя силы и ведетъ ихъ къ одной цѣли, доставляя имъ чрезъ то единодѣйствіе и силу. Она руководитъ законодательствомъ, финансами и всѣмъ гражданскимъ положеніемъ націи; совершенствуетъ промыслы, торговлю и земледѣліе; возвышаетъ умственную производительность общества. Наука внушаетъ человѣку благородныя чувства и смягчаетъ общественные нравы. Наконецъ, обнимая міръ естественный и духовный, излагаетъ законы бытія и ходъ человѣчества, утверждаетъ правила законности и исполненія долга, и оцѣниваетъ самого человѣка, изображая дѣятельность разума и объясняя свободу мысли, совѣсти и слова. Нельзя ни отрицать, ни подвергать сомнѣнію взаимнаго дѣйствія науки съ обществомъ.

Чтобы достойно совершить это дѣло, необходимо изучать науку не въ ея приложеніи къ жизни, а въ ней самой, въ ея идеѣ, въ ея основныхъ началахъ. Только при такомъ изученіи она будетъ понята, а затѣмъ уже и примѣнима. Словомъ, изученіе науки должно исходить изъ духовной потребности человѣка и самаго безкорыстнаго побужденія; и въ этомъ отношеніи оно слѣдуетъ тому общему порядку который усматривается какъ въ естественномъ, такъ и въ умственномъ мірѣ. Шелковичный червь производитъ свою нить не для обогащенія ліонскихъ фабрикантовъ, а по требованію своей природы; драгоцѣнные камни создаются въ теченіе тысячелѣтій не для того чтобъ украсить роскошное общество, а вслѣдствіе законовъ мірозданія; художникъ изобразилъ на полотнѣ Божію Матерь и Преображеніе не для удовольствія римскаго папы и не за дары его, а по влеченію своего генія. Такъ и наука изучается не съ какою-нибудь особенною цѣлью, а сама въ себѣ, для узнанія законовъ естества и человѣчества.

XV.

Согласуясь съ законами разума, наука подчиняется извѣстнымъ правиламъ, и безъ нихъ не существуетъ. Эти, весьма точно и строго опредѣленныя, правила носятъ названіе методы изученія, которая до того необходима что наука только

чрезъ нее становится возможною, какъ по отношенію къ ея усвоснію, такъ и по отношенію къ дальнѣйшему усовершенствованію, сопровождаемому творчествомъ. Гдѣ нѣтъ методы, нѣтъ и науки; ибо метода указываетъ прямой, логическій путь изученію и обращаетъ изученіе на познаніе науки въ самой себѣ и на изслѣдованіе ея непреложныхъ законовъ, опираясь притомъ не на мечту и предположенія, а на положительныя данныя. Метода устраняетъ всякую мысль о приложеніи науки къ чему бы ни было; ищетъ и цѣнитъ въ наукѣ только науку; ставитъ ее чрезъ то на незыблемое основаніе и даетъ ей независимость. Но своеволіе вторгается и въ науку, всего очевиднѣе въ исторію. Весьма печально видѣть какъ часто люди, не зная правилъ исторической методы и даже вовсе объ нихъ и не догадываясь, но увлекаясь ложно понимаемою пользой общества, требуютъ историческаго изученія въ его примѣненіи къ жизни и тѣмъ низводятъ его на степень рабскаго служенія дневнымъ выгодамъ. Еслибы своеволіе, хотя мгновенно, одержало верхъ, то столь же мгновенно прекратилась бы и наука.

Наука свободна и въ томъ смыслѣ что ничего не ищетъ, ничего не желаетъ, еще менѣе проситъ: она даритъ щедротами своихъ вѣрныхъ и близкихъ, но принимаетъ только достойныхъ, и весьма взыскательна въ своемъ выборѣ. Наука ничего не требуетъ и ничего не ожидаетъ; ей не нужны ни награды, ни покровительство; она живетъ сама собою, своею духовною жизнію. Напрасно думаютъ что, основавъ университеты и академіи, издавъ уставы и введя преобразованія, что тѣмъ вдругъ водворятъ науку и распространятъ ея изученіе. Эти учрежденія необходимы и неминуемы, ибо только они и даютъ средства и возможность изучать науку, но ими не пробудится наука до тѣхъ поръ пока не родится умственной въ ней потребности, возбуждающей разумную дѣятельность человѣка, безъ всякаго помысла объ общественныхъ преимуществахъ и о приносимыхъ въ послѣдствіи выгодахъ. Но при какихъ условіяхъ совершается пробужденіе этой потребности? Надобно чтобы наука разрабатывалась и преподавалась въ своемъ существѣ и въ своей идеѣ, и чтобъ ученый, стоя на высотѣ современныхъ знаній и проникнутый важностью своего дѣла и своего долга, излагалъ науку въ ея послѣднихъ результатахъ; всего же болѣе чтобы въ его душѣ таилось сознательное убѣжденіе, заставляющее его смотрѣть на науку не какъ на украшеніе, а какъ на условіе жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ одна-

ко столь же необходимо чтобы слово преподавателя находило отголосокъ и сочувствіе, и чтобъ онъ не былъ проповѣдникомъ въ пустынѣ, хотя бы и предъ огромнымъ числомъ слушателей. Наука становится плодотворною и вообще доступною только въ томъ случаѣ когда къ ней приступаютъ люди обладающіе уже знаніями, которыя дозволяютъ имъ посвятить себя ея изученію; когда въ учащихся развита способность мыслить и понимать идеи, и когда они пріучены не къ легкимъ и поверхностнымъ занятіямъ, а ко внимательному и отчетливому трудолюбію. При этихъ условіяхъ едва ли можно сомнѣваться въ возможности водворенія науки.

Итакъ, наука сама собою существуетъ, сама собою изучается и для себя самой преподается; въ этихъ признакахъ выражается ея свобода и самобытность, чрезъ нихъ она и познается. Свобода науки есть идеалъ, предъ которымъ ученый благоговѣетъ и егоже безъ затаенной мысли чествуетъ. Но благоговѣть и чествовать можетъ только тотъ кто самъ живетъ свободою мысли и предается изученію безкорыстно. Для него, какъ прекрасно сказалъ Шиллеръ, наука есть небесная богиня. Если же, приступая къ изученію науки, будутъ руководиться ея приложеніемъ къ жизни, свобода науки мгновенно исчезаетъ, само изученіе перестаетъ быть наукою и, становясь собраніемъ полезныхъ житейскихъ свѣдѣній, превращается, по словамъ того же поэта, въ доходную корову, дающую масло. *

XVI.

Перейдемъ къ остальнымъ свойствамъ науки. О нихъ остается сказать весьма немного словъ, ибо творчество и могущество, хотя и составляютъ двѣ важнѣйшихъ принадлежности науки, но, исходя изъ свободы мысли, какъ изъ общаго источника, оказываются только дальнѣйшимъ развитіемъ этого начала и его такъ-сказать вѣнчаніемъ.

Между ними выступаетъ впередъ творчество, такъ какъ оно, изъ всѣхъ свойствъ и отличительныхъ признаковъ науки, является самымъ очевиднымъ и какъ бы нагляднымъ, ибо представляется само собою каждому и не посвященному въ изученіе

---

* Извѣстные стихи Шиллера:

Einem ist sie die himmlische Göttin; dem anderen
Eine tüchtige Kuh, die ihn mit Butter versorgt.

науки. Оно во всемъ обнаруживается, и распространяется на все что только живетъ и дышетъ, произрастаетъ и двигается; что существуетъ въ мірѣ естественномъ и духовномъ. Какъ результатъ непрерывной дѣятельности разума, творчество выражаетъ постоянное усовершенствованіе и успѣхъ науки, а съ нимъ и успѣхъ общества. Разумъ дѣйствуетъ и изобрѣтаетъ; находитъ новые начала и законы, и возводитъ зданіе науки, постепенно надстраивая и возобновляя прежнее. Умственный трудъ не прекращается и не можетъ прекратиться, ибо тогда не только не было бы ни успѣха, ни усовершенствованія, но общество остановилось бы въ своемъ развитіи и пошло бы даже назадъ, что есть первый признакъ начинающагося паденія. Словомъ, творчество неразлучно съ наукою; оно ея присущее свойство и ея жизненная сила; безъ него наука не существуетъ и не мыслима.

Этимъ однако не исчерпывается высокое значеніе творчества; его вліяніе идетъ далѣе; ибо оно и есть то возвышенное духовное начало которое дѣлаетъ науку непобѣдимою и изъ коего вытекаетъ ея могущество. Наука руководитъ дѣлами войны и мира, совершаетъ открытія и изобрѣтенія, подчиняетъ себѣ природу и человѣка; умственную производительность общества. Наука внушаетъ человѣку благородныя чувства, смягчаетъ нравы и, влагая глубокія убѣжденія, перерождаетъ человѣка и общество. Все это, повидимому неизмѣримое, разнообразіе построено на одномъ началѣ, дающемъ всему вѣсъ и цѣну: наука проповѣдуетъ истину и въ ней пріобрѣтаетъ свое могущество. Разумъ господствуетъ потому что открываетъ истину и идетъ ея путемъ. Въ душѣ человѣка живетъ чувство правды и истины, котораго нельзя ни нарушить, ни ослабить, не оскорбивъ достоинства самого человѣка. А потому и могущество науки несокрушимо. Какъ всякая истина, наука сама въ себѣ проста и ясна и совершенно удалена отъ хитросплетеній и тонкостей, но тѣмъ самымъ она къ себѣ и привлекаетъ; для ея уразумѣнія однако требуется зрѣлый и высокій умъ, способный къ воспринятію истины. Обладая свободною и независимою силой, наука не предлагаетъ сама никому ни услугъ, ни помощи; никуда сама не входитъ, еще менѣе вторгается; она ожидаетъ сочувственнаго призыва, но тогда становится неотразимою, вѣчно горя неугасимымъ пламенемъ. Ее могутъ угнетать и преслѣдовать, ставить ей преграды и налагать оковы, но не уничтожить; ибо наука

есть самъ человѣческій разумъ, и истина не умираетъ. Угнетеніе науки бываетъ всегда пагубно для того государства въ коемъ оно совершается, и сопровождается самыми ужасными послѣдствіями. Въ этомъ смыслѣ къ наукѣ прилагается великое слово Гамаліила, сказанное имъ противъ гонителей первыхъ христіанъ-апостоловъ: „Если, говорилъ онъ, будетъ отъ человѣка совѣтъ сей или дѣло сіе, разорится; если же отъ Бога есть, не разорите то.“

Было время когда считали необходимымъ разсуждать о пользѣ науки и приводить тому подтвержденія и доказательства. Это время прошло и едва ли возвратится. Доказывать пользу науки не значитъ ли доказывать пользу образованія, или доказывать свѣтъ и теплоту солнца? Пожалѣемъ о тѣхъ кто ихъ не видитъ и не чувствуетъ ихъ благодѣяній.

XVII.

Если всѣми признано за неоспоримую истину что наука самобытно разрабатывается, то тѣмъ самымъ опредѣляется ея отношеніе къ подражанію чуждымъ знаніямъ и къ заимствованію результатовъ иноземной образованности. Между ними нѣтъ ничего общаго, и, какъ подражаніе, такъ и заимствованіе, взятыя сами въ себѣ, не имѣютъ никакой цѣны и даже оказываются вредными въ томъ случаѣ когда за ними не послѣдуетъ самостоятельной умственной дѣятельности, основанной на ученіи и имъ подготовляемой. Въ западной Европѣ наука взлелѣяна знаніемъ древняго міра; классическое ученіе служитъ ей по сей день подготовленіемъ и основаніемъ. Ученіе не ремесло и не торговля, не усвоеніе разнородныхъ, примѣнимыхъ къ жизни свѣдѣній и не навыкъ или ловкость въ обращеніи съ отвлеченными предметами; словомъ, не есть обученіе, а развитіе самостоятельнаго умственнаго труда и строгой послѣдовательности мысли. Это достигается классическимъ ученіемъ, которое благотворно по той именно причинѣ что дѣлаетъ человѣка способнымъ къ занятію наукой. До послѣдняго времени мы шли въ этомъ отношеніи путемъ совершенно противоположнымъ тому которому слѣдуютъ западные Европейцы: у насъ почти нѣтъ приверженцевъ классическаго ученія, и наоборотъ, огромное число его противниковъ. Но антиклассическое ученіе, состоя въ усвоеніи, хотя разнообразныхъ, но весьма поверхностныхъ свѣдѣній, есть полнѣйшее отрицаніе науки, и вредно всего болѣе потому

что лишаетъ человѣка навсегда возможности посвятить себя наукѣ. Если наши стремленія къ образованію искренни, и если предстоитъ Россіи занять подобающее ей мѣсто въ ряду историческихъ народовъ, то намъ необходимо изучать и разрабатывать науку съ предварительною и притомъ сознательною помощію классическаго ученія.

Наука основа и сила какъ человѣка, такъ и общества; при ея водвореніи и при правильности даннаго ученію направленія, государство процвѣтаетъ и пріобрѣтаетъ значеніе историческаго. Но когда пріемъ иностранныхъ знаній, не вызвавъ науки, остается только наружнымъ украшеніемъ; когда наука встрѣчаетъ преграды и гоненія и когда налагаются оковы на классическое ученіе, тогда государство, не создавъ самобытной образованности, слабѣетъ и даже разлагается и падаетъ.

Это слово можетъ многимъ показаться мечтою ученаго, но оно вѣрно подтверждается непреложнымъ свидѣтельствомъ исторіи. Исторія представляетъ поучительные примѣры разложенія и паденія занимавшихъ даже видное мѣсто царствъ, а также примѣры сильныхъ внутреннихъ сотрясеній, вслѣдствіе частію ложно понятаго пріема иностранной образованности, частію послѣдовательныхъ гоненій науки и систематическаго стѣсненія ея свободы. Укажемъ прежде всего на Аравійскій Халифатъ, заслуживающій въ этомъ дѣлѣ весьма большаго вниманія.

XVIII.

Аравитяне славились всегда своими военными доблестями; но они одарены также живою воспріимчивостію и сочувствіемъ къ познанію; они не только произвели завоеванія и основали обширное царство, но и были представителями магометанскаго Востока. Вступивъ, послѣ утвержденія Халифата, въ близкія сношенія съ разными народностями, Аравитяне встрѣтили новый міръ, далеко превосходившій ихъ отечественный бытъ и сохранявшій еще остатки своего прежняго, нѣкогда высокаго, просвѣщенія. Это сближеніе пробудило въ нихъ любознательность и вызвало большое умственное движеніе, свидѣтельствующее объ ихъ благородномъ увлеченіи. Они такъ плѣнились новою, невѣдомою имъ, образованностью что стремились ее перенесть къ себѣ и какъ бы ею облачиться. Государственные люди узнавали иноземныя учрежденія и усвоивали что̀ находили полезнымъ и примѣнимымъ; художники

принимали за образецъ греческое и древне-восточное искусство и подражали ему въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ; ученые знакомились съ эллинскимъ языкомъ и эллинскою литературой и переводили греческихъ авторовъ, частію вполнѣ, частію въ извлеченіи. Аравитяне изучали также и древній Востокъ, бывшій тогда въ подданствѣ Халифата: въ ихъ трудахъ читаемъ описаніе различныхъ памятниковъ и сообщеніе многихъ, почерпнутыхъ изъ подлинниковъ, историческихъ извѣстій; въ новѣйшее же время открыты переводы на арабскій языкъ съ халдейскаго или древле-вавилонскаго и указанія о существовавшихъ нѣкогда подобныхъ же переводахъ съ египетскаго и даже съ финикійскаго. Все убѣждаетъ что Аравитяне подверглись весьма сильному вліянію иностранной образованности.

При взглядѣ на столь замѣчательную ихъ литературную дѣятельность, напоминающую въ нѣкоторомъ смыслѣ эпоху Возрожденія въ западной Европѣ, не слѣдовало ли бы ожидать отъ нея такихъ же благотворныхъ результатовъ какими сопровождалась эта великая эпоха? Не было ли бы справедливымъ думать что Аравитяне, не довольствуясь, при своей даровитости, заимствованіемъ чуждаго и подражаніемъ иноземному, предадутся сами строгому изученію воспринятаго и успѣютъ выработать свою собственную, народную образованность? Не произошло ничего подобнаго. Все это умственное движеніе было только мимолетнымъ блескомъ, явившимся въ видѣ лучезарнаго свѣта; оно продолжалось не долго, и прекратилось, не оправдавъ ожиданій, которыя казались законными.

Этому умственному состоянію соотвѣтствовало политическое положеніе Аравійскаго Халифата. Его основаніе и быстрое распространеніе; завоеванія произведенныя въ Азіи, Африкѣ и Европѣ; покореніе самыхъ разнообразныхъ народностей поразили современниковъ и доставили Аравитянамъ такую славу что они стали даже предметомъ народной поэзіи Европейцевъ. Халифатъ былъ могуществевъ, и являлся какъ бы незыблемымъ, угрожая Риму и подступивъ къ Константинополю. Оказалось другое. Спустя нѣсколько столѣтій едва остались слѣды его существованія. Халифатъ палъ, а сами Аравитяне возвратились въ свое прежнее невѣжество.

XIX.

Это повидимому загадочное событіе оказывается естественнымъ и неминуемымъ если его разсмотрѣть съ точки зрѣнія преемственности и со стороны требованій налагаемыхъ этимъ закономъ на общество. Не приступая къ уразумѣнію внесенныхъ знаній въ ихъ существѣ, и не прилагая умственнаго труда чтобъ ихъ разработать; вообще не понимая истиннаго ученія и даже о немъ не заботясь, Аравитяне предпочли пользоваться чужими дарами и довольствовались давно уже готовыми свѣдѣніями.

Они не цѣнили знаніе какъ знаніе, не трудились надъ изученіемъ идеи, составляющей присущую часть знанія и науки, а искали только свѣдѣній, приложимыхъ, въ самомъ обширномъ смыслѣ, къ жизни. Вслѣдствіе этого ввелось у нихъ простое, недостойное обученіе, не только не имѣющее ничего общаго съ наукой, но и погубившее въ нихъ всякую способность къ занятію наукой. Мы удостовѣрились въ справедливости этой мысли чрезъ разсмотрѣніе самой литературы Аравитянъ.

Долгое время распространено было въ Европѣ мнѣніе о глубокой учености Аравитянъ и о высокомъ значеніи ихъ трудовъ по разнымъ отраслямъ человѣческаго знанія; упоминались имена знаменитыхъ людей, въ особенности математиковъ и астрономовъ, какъ напримѣръ Абулъ-Вефы (Aboul-Wefä), коего признавали преемникомъ Птолемэя и творцомъ теоріи Луны; постоянно высказывалось сожалѣніе что ученыя произведенія Аравитянъ не переведены и остаются въ неизвѣстности. Теперь эти затрудненія устранены европейскими оріенталистами, и аравійская литература стала общимъ достояніемъ чрезъ переводы на языки французскій и нѣмецкій. Но и взглядъ на эту литературу совершенно измѣняется: выйдя изъ своего таинственнаго заключенія, она утратила то обаяніе которое до того производила и которымъ незаслуженно пользовалась. Въ ученыхъ трудахъ Аравитянъ нѣтъ и слѣдовъ самостоятельнаго изученія; о наукѣ никто изъ нихъ не думалъ и не догадывался; вся литература состоитъ или изъ переводовъ, или заимствованій и подражанія, или наконецъ изъ компиляцій и сборниковъ.

XX.

Аравійскіе ученые перевели математическій трудъ Клавдія Птолемэя, пользовавшійся въ древнемъ мірѣ такою, притомъ весьма справедливою, извѣстностію что въ византійскую эпоху ему придали титулъ „великаго произведенія“, μεγάλη σύνταξις, вслѣдствіе чего и самъ Птолемэй носилъ имя великаго астронома, ὁ μέγας ἀστρονόμος, иногда даже величайшаго μέγιστος. Можно было бы подумать что у Аравитянъ астрономія процвѣтала, и что они питали глубокое уваженіе къ самому автору, тѣмъ болѣе что удержали въ заглавіи своего перевода этотъ титулъ, сложивъ изъ него слово Tabrir al magesthi, что̀ и сохранилось до сихъ поръ въ названіи Аль-Магестъ. На дѣлѣ замѣчается другое. Процвѣтанія астрономіи вовсе не было, и книга Птолемэя, не вызвавъ самостоятельнаго разрабатыванія науки, принята была только какъ необходимое пособіе и руководство, и послужила, сверхъ того, однимъ къ устройству магометанскаго календаря, другимъ же къ изученію астрологіи или предсказаній будущаго посредствомъ знанія звѣзднаго неба. Этому мнѣнію противорѣчитъ Седильо (Sedillot), который, на основаніи не задолго предъ тѣмъ найденнаго отрывка одного арабскаго астрономическаго сочиненія, утверждалъ что въ X столѣтіи жилъ замѣчательный арабскій астрономъ Абулъ-Вефа, дополнившій и опередившій Птолемэя открытіемъ неравенствъ Луны. Седильо до того увлекъ ученыхъ этимъ извѣстіемъ что Матье (Mathieu), говоря въ засѣданіи Французской Академіи Наукъ отъ своего имени и отъ имени Араго, сказалъ что „Аравитяне знали третье неравенство Луны, опредѣленное Абулъ-Вефою въ Багдадѣ, за шесть столѣтій до Тихо-Браге, коему приписывали честь этого открытія.“ * А г. Шаль (Chasles), опираясь на тотъ же самый фактъ, видѣлъ въ немъ доказательство высокаго умственнаго развитія Аравитянъ въ десятомъ вѣкѣ. **

* Г. Бертранъ пишетъ: M. Mathieu d'un autre coté, dans la séance du 3 Décembre 1843, parlant en son nom et en celui d'Arago, avait dit: „Les Arabes ont connu la troisième inégalité de la Lune, determinée par Aboul-Wéfa à Bagdad, six siècles avant que l'on en fit honneur à Tycho-Brahé.“

** Une preuve remarquable de la haute culture intellectuelle des Arabes.

Но Біо (Biot) опровергъ эти мечты, показавъ ничтожество найденнаго отрывка Абулъ-Вефы и весь призракъ его мнимаго открытія. Съ другой стороны, оріенталистъ Мункъ, хотя и не отрицалъ вѣрности перевода сего отрывка вообще, замѣтилъ однако что Седильо придалъ невѣрный смыслъ, правда только одному слову арабскаго астронома, но самому важнѣйшему, именно тому отъ коего зависитъ рѣшеніе вопроса. Послѣ всего нельзя не благодарить г. Бертрана (Bertrand) * что онъ произнесъ въ этомъ дѣлѣ свое полновѣсное слово и изложилъ этотъ спорный предметъ, результатомъ котораго оказывается что Абулъ-Вефа былъ только простымъ толкователемъ Птолемэя, не присоединивъ къ его труду ничего собственнаго.

XXI.

Въ направленіи аравійской ученой литературы усматривается особенность, заслуживающая внимательнаго обсужденія: въ ней преобладали сборники, вѣрнѣе говоря компиляціи, составленные изъ отрывковъ разныхъ иностранныхъ писателей, относящихся къ одному предмету, и приводимыхъ въ арабскомъ переводѣ, обыкновенно съ обозначеніемъ авторовъ изъ коихъ они слагались. Въ этой особенности лежитъ глубокій смыслъ и она сама есть многозначительный историческій фактъ, озаряющій яркимъ свѣтомъ какъ умственное состояніе націи, такъ и послѣдствія которыя изъ него вытекаютъ. Существованіе подобныхъ трудовъ, предполагающее склонность къ нимъ въ обществѣ, свидѣтельствуетъ или о паденіи, или о совершенномъ отсутствіи самостоятельной умственной дѣятельности въ народѣ, и сопровождается тягостными послѣдствіями для государства. Пока греческая литература процвѣтала, въ ней не было и помысла о сборникахъ; они явились въ то время когда греческое общество питалось умственными произведеніями прошедшаго, не обладая тою духовною силой которая создаетъ собственное и самобытное. Такъ и у Римлянъ не было ни Епитоматоровъ, ни Бревіаріевъ до эпохи предшествовавшей паденію Западной Римской имперіи. Если же ученая литература начинается составленіемъ подобныхъ сборниковъ, извлекаемыхъ изъ сочиненій иностранныхъ писа-

* I. Bertrand: *La théorie de la Lune d'Aboul-Wefa*; помѣщено въ *Journal des Savants*, Octobre 1871.

телей, то тѣмъ самымъ преграждается путь къ дальнѣйшему усовершенствованію и какъ бы предсказывается что наука не водворится и даже не примется. Благодаря европейскимъ оріенталистамъ, нѣкоторые изъ арабскихъ сборниковъ у насъ теперь предъ глазами, такъ что можно пріобрѣсть вѣрное понятіе объ ученой дѣятельности этого народа. Читая ихъ, невольно приходишь въ изумленіе при видѣ легкомыслія съ какимъ аравійскіе мудрецы обращались съ предметами учености и съ трудами ученыхъ, которые они перелагали на свой отечественный языкъ. Эти сборники соотвѣтствовали умственному состоянію общества для котораго составлялись; они не требуютъ ни подготовленія, ни даже напряженнаго чтенія; въ нихъ пріобрѣтаются съ чрезвычайною легкостію самыя разнообразныя свѣдѣнія, но безпредѣльно поверхностныя, а весьма часто столь же ложныя.

XXII.

Аравитяне занимались повидимому греческою философіей и знакомились съ эллинскими философами, коихъ часто называютъ и даже приводятъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они какъ будто бы и сами трудились въ этой области знанія, притомъ, судя естественно только по ихъ собственнымъ отзывамъ, съ большимъ успѣхомъ, ибо они превозносятъ похвалами своего мыслителя Ашъ-Шахрастанія, признавая въ немъ такого же знаменитаго философа, какъ въ Абдулъ-Вефѣ астронома. Это самохваленіе ввело въ заблужденіе новѣйшихъ ученыхъ, что̀ и оставалось до тѣхъ поръ пока германскій оріенталистъ г. Гарбрюкеръ * не перевелъ на нѣмецкій языкъ всего сочиненія Ашъ-Шахрастанія и тѣмъ не разсѣялъ тумана, скрывавшаго это

* *Abu-'l-Fath' Muhammad Asch-Schahrastani's Religionspartheien und Philosophenschulen. Aus dem Arabischen übersetzt von Dr Theodor Haarbrücker*. 2 тома in 8. Первый томъ Halle 1850, второй Halle 1851.

Отдѣлъ о греческихъ философахъ находится во второмъ томѣ второй книги автора, подъ заглавіемъ: *Die Philosophen*, и заключаетъ въ себѣ двѣ главы (у Гарбрюкера стр. 77—212). Третья глава той же книги (стр. 212—333) носитъ заглавіе: *Die späteren von den Philosophen des Islam.*

привидѣніе. Теперь не подлежитъ сомнѣнію что мудрецы Аравитянъ, хотя и пользовались трудами греческихъ философовъ, но не для изученія науки философіи, о которой они и не мечтали, а только для пріобрѣтенія большей ловкости въ философствованіи и для увеличенія числа умозрительныхъ изреченій и мудрствованій, чѣмъ они гордились и чѣмъ, подобно мудрецамъ древняго Востока, охотно блистали въ своихъ бесѣдахъ. Въ своемъ сочиненіи, обнимающемъ исторію религіи и философіи многихъ народовъ, Ашъ-Шахрастаній посвятилъ значительный отдѣлъ эллинскимъ философамъ и сообщаетъ о нихъ много подробностей, причисляя къ нимъ не только Плутарха, но и поэта Иліады и Одиссеи. Взявъ въ руки книгу аравійскаго философа, увлекаешься любопытствомъ и приступаешь къ чтенію въ надеждѣ почерпнуть новыя свѣдѣнія, или отыскать какое-либо воззрѣніе, но скоро останавливаешься въ изумленіи, видя предъ собою разказъ напоминающій повѣсти *Тысячи и Одной Ночи.* Ашъ-Шахрастаній очевидно пользовался различными византійскими сборниками, и его главнѣйшая цѣль состояла въ доставленіи своимъ соотечественникамъ притчъ или мудрыхъ изреченій эллинскихъ мыслителей. Онъ начинаетъ философомъ Гомеромъ, и представляетъ въ арабскомъ переводѣ 38 притчъ, заимствованныхъ, говоритъ онъ, изъ его стихотвореній. Г. Наукъ * принялъ на себя трудъ повѣрить выписки арабскаго ученаго, и показалъ что мудрыхъ изреченій Гомера нѣтъ ни въ Иліадѣ, ни въ Одиссеѣ, и что они заимствованы почти всѣ изъ сборника извѣстнаго подъ именемъ: Стихотворныя притчи Менандра, Μενάνδρου γνῶμαι μονόστιχοι. ** Съ такою добросовѣстностію писалъ Ашъ-Шахрастаній.

Есть однако часть, хотя не литературы, а письменности, которою Аравитяне занимались и съ болѣе строгимъ вниманіемъ и съ большимъ усердіемъ, а потому она не лишена до-

* A. Nauck: Uber einige angebliche Fragmente des Homer; помѣщено въ Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Academie des Sciences de St-Pétersbourg. 1859. Tome XVI, № 28, page 433 sqq.

** Полное собраніе подобныхъ притчъ составилъ Гертель и издалъ подъ заглавіемъ: Vetustissimorum et sapientiss. Comicorum quinquaginta, quorum opera integra non extant, sententiae, quae supersunt. Per Jacobum Hertelium. Basileae. 1560.

стоинства: говоримъ о сочиненіяхъ посвященныхъ земледѣлію. Правда и здѣсь, какъ вездѣ, не открыто до сихъ поръ ничего самостоятельнаго; все ограничивается переводами и сборниками, но по крайней мѣрѣ въ этихъ произведеніяхъ, вышедшихъ изъ подъ ихъ пера, видно болѣе добросовѣстности, чѣмъ въ ихъ разсужденіяхъ о философахъ и о философіи. Г. Клеманъ-Мюллетъ (Clement-Mullet) * оказалъ услугу, переведя на французскій языкъ сочиненіе Ибнъ-Аль-Авама, жившаго въ Испаніи, въ Севильѣ, въ XII столѣтіи, и оставившаго послѣ себя подобный сборникъ подъ заглавіемъ: *Китабъ-аль-Феллахъ*, или *Книга земледѣлія.*

Изъ этого весьма краткаго и бѣглаго очерка можно кажется убѣдиться что хотя Аравитяне и обнаружили живую воспріимчивость и увлеклись новою для нихъ образованностью, но приняли ее только въ готовыхъ результатахъ, не стараясь ея понять въ самомъ существѣ ея. Этотъ ложный способъ заимствованія чуждыхъ свѣдѣній и погубилъ ихъ. Иностранное осталось у нихъ иностраннымъ; оно служило имъ наружнымъ блескомъ и украшеніемъ, но не проникло въ ихъ собственную духовную дѣятельность, не укрѣпило ихъ ума, а только ихъ самихъ растлило. Еслибы напротивъ Аравитяне начали тѣмъ чѣмъ въ послѣдствіи начали западные Европейцы въ эпоху Возрожденія; еслибъ они, вмѣсто переводовъ и собранія мудрыхъ изреченій, посвятили себя строгому изученію самаго знанія, то нѣтъ сомнѣнія что Халифатъ стоялъ бы твердо до нашего времени и спасъ бы восточную Европу отъ нашествія Турокъ. Онъ палъ неподдержанный творческимъ могуществомъ науки и оставилъ по себѣ примѣръ того безконечно высокаго значенія которое имѣетъ въ государствѣ правильный способъ заимствованія иностранной образованности и вѣрное изученіе воспринятаго.

XXIII.

Не менѣе гибельными оказываются преграды поставляемыя наукѣ и оковы налагаемыя на свободу мысли, источникъ науки. Событія послѣднихъ столѣтій подтверждаютъ справедливость этого положенія.

* *Le livre de l'Agriculture* d'Jbn-al-Awam (Kitab - al - fellah). Traduit de l'Arabe par J. J. Clement-Mullet. Paris. Tome I, 1864. Tome II, première partie, 1866, Tome II, seconde partie, 1867, in 8.

Время извѣстное подъ именемъ Возрожденія (Renaissance), есть та знаменательная эпоха въ жизни народовъ западной Европы съ которой начинается ихъ высокое образованіе, идущее не останавливаясь до сихъ поръ въ своемъ безпрерывномъ усовершенствованіи. Успѣхъ оказанный Европейцами превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія, далеко опередивъ что до того существовало. Преемственность образованности представилась здѣсь во всемъ своемъ историческомъ значеніи. Этотъ успѣхъ закрныый: онъ вышелъ изъ вѣковаго умственнаго труда, сопряженнаго съ борьбою и съ противодѣйствіями, и былъ слѣдствіемъ сознательнаго воспринятія идей завѣщанныхъ древними Греками потомству и правильнаго способа ученія, основаннаго подъ руководствомъ этихъ идей. Эллины выработали идею свободы гражданина и идею свободы мысли, которыя и выражаются во всей древне-эллинской литературѣ; вѣрнѣе говоря, коими она проникнута, ими живетъ и дышетъ и чрезъ нихъ производитъ свое благотворное дѣйствіе. Увлеченные этими идеями, западные Европейцы приняли первоначально греческую литературу вполнѣ, такъ-сказать всецѣло, и признавали ее образцомъ во всемъ, какъ по мысли и направленію, такъ и по самому исполненію. Но эти самыя идеи не плѣнили ихъ однако только своею новостію и не остались однимъ блестящимъ украшеніемъ, а пробудили напряженную пытливость ума, которая подвергла критическому разбору заимствованное, разлагала оное на части и разработывала, чтобы составить себѣ о немъ ясное понятіе и личнымъ трудомъ своимъ превратить воспринятыя знанія въ собственное умственное достояніе, не оставивъ ихъ чуждыми. Древній міръ, преимущественно греческій, предсталъ въ XV вѣкѣ во всемъ своемъ величіи; но онъ былъ предметомъ не простаго любопытства и не поверхностнаго знакомства, а глубокаго, самостоятельнаго и всесторонняго изученія, которое утвердилось между всѣми людьми науки и нашло радушный пріемъ въ обществѣ, гдѣ не только читали, но и говорили по-латыни и часто по-гречески даже многія женщины царскихъ семействъ и самыхъ высшихъ сословій. Подъ вліяніемъ этихъ идей учреждались новыя училища и университеты, преобразовывались нѣкоторые изъ прежде существовавшихъ и водворилось правильное ученіе, цѣлью коего было не пріобрѣтеніе разностороннихъ свѣдѣній и не упражненіе въ мудрствованіи, а развитіе умственнаго труда и строгой послѣдовательности мысли,

двухъ предметовъ составляющихъ вѣрный залогъ будущаго успѣха. Оно было основано на классической филологіи, ею руководилось, ею начиналось и оканчивалось. Оно остается въ своемъ существѣ неизмѣннымъ и по сей день, такъ что ему обязана западная Европа своимъ цвѣтущимъ состояніемъ. Принятое повсюду съ самымъ живымъ сочувствіемъ, это ученіе пробудило творческій духъ людей, и притомъ такъ скоро что въ томъ же самомъ XV столѣтіи совершились уже открытія и изобрѣтенія, давшія новый видъ всему міру, а за ними послѣдовали и великіе ученые, патріархи новѣйшей науки. Коперникъ, * Рейхлинъ, ** Эрасмъ, *** Бюдей, **** Альдъ-Мануцій, † Полиціанъ, †* Макіавелли и Гвичардини †** на рубежѣ 15го и 16го вѣка, а во второй половинѣ шестнадцатаго Сигони †*** въ Италіи, Кюжасъ, †† Генрихъ Этьенъ, ††* Скалижеръ ††** и Бодинъ ††*** во Франціи.

---

* Kopernik, Copernicus, род. въ Торнѣ 12го февраля 1473, умеръ въ Фрауэнбургѣ 23го мая 1543.

** Johann Reuchlin, называвшійся Capnio, родился въ Пфорцгеймѣ 1455, умеръ въ Штутгардѣ 30го іюня 1522.

*** Desiderius Erasmus Роттердамскій, сынъ голландца Герардса Прата, Gheraerds Praet, родился 28 октября 1467, померъ въ Базелѣ 12 іюля 1536.

**** Guillaume Budé, Budaeus, родился 1467 или 1468, померъ въ Парижѣ 23 августа 1540.

† Aldus Pius Manutius Romanus или Альдъ Мануцій старшій, родился въ Бассано 1446, померъ (былъ убитъ) 1516. Его сынъ Paulus Manutius, родился въ Венеціи 1512, померъ 1574 года въ Римѣ.

†* Angelus Politianus, Angelo Poliziano, родился въ Monte Pulciano или Monte Poliziano, въ Тосканѣ, 14 іюля 1454, померъ во Флоренціи 24 сентября 1494.

†** Francesco Guicciardini, родился 6 марта 1482, во Флоренціи, померъ тамъ же 1540.

†*** Carolus Sigonius Mutinensis, профессоръ университета въ Болоньи, родился въ Моденѣ 1524, померъ тамъ же 1584.

†† Jacques Cujas, Jacobus Cujacius, родился въ Тулузѣ 1522, померъ въ Буржѣ 1590.

††* Henri Estienne, Henricus Stephanus, родился въ Парижѣ 1528, померъ въ Ліонѣ, въ городской больницѣ, 1598.

††** Joseph Juste Scaliger, родился въ Ажанѣ (Agen) 4 августа 1540, померъ въ Лейденѣ въ Голландіи 21 января 1609.

††*** Jean Bodin, Bodinus, родился въ Анжерѣ (Angers) 1530, померъ отъ чумы въ городѣ Ланѣ (Laon) 1596.

Итакъ, исторія убѣждаетъ что изученіе древняго міра, развивая умъ и укрѣпляя способность къ напряженному логическому труду, вноситъ въ общество идею свободы личной дѣятельности и идею свободы мысли, а вмѣстѣ съ тѣмъ водворяетъ въ немъ законность и преданность къ исполненію долга. Говоримъ свобода, не своеволіе, ибо эти понятія различны.

XXIV.

Человѣческая мысль дѣйствуетъ въ логической послѣдовательности, и по опредѣленнымъ правиламъ, согласнымъ съ законами разума. Она живетъ и дышетъ свободою, но отвергаетъ своеволіе, видя въ немъ отрицаніе свободы. Своеволіе есть господство страстей, не слѣдующее никакимъ требованіямъ ума и заботящееся только объ удовлетвореніи своихъ личныхъ намѣреній и выгодъ. Свобода напротивъ ищетъ сама разумныхъ правилъ, и, подчиняясь имъ, утверждаетъ законность. Различіе между этими двумя понятіями весьма велико, и казалось бы что о своеволіи не должно быть и помысла; но если ученіе идетъ неправильно, то оно можетъ встрѣчаться, и часто встрѣчается, какъ въ наукѣ, такъ и въ обществѣ. Чѣмъ возвышеннѣе въ государствѣ разумная свобода, тѣмъ могущественнѣе сила закона и исполненіе гражданами своего долга, ибо идея свободы всегда соединяется съ идеей правды, и вызываетъ вмѣстѣ съ нею обязанность стремиться къ общему благу. Обѣ идеи составляютъ духовную и нравственную потребность человѣка, и, никогда не разлучаясь, идутъ въ согласіи къ одной цѣли. Ихъ совокупность выражаютъ теперь словами: свобода и порядокъ; и это выраженіе совершенно вѣрно; но не вѣрнѣе ли еще говорили у насъ въ старину, обозначая ту же мысль словами: воля и урядъ?

Своеволіе не есть разумное начало, и не можетъ имъ быть, такъ какъ, отвергая логическія правила ума, отвергаетъ и законность. Оно средоточіе изъ коего исходятъ три явленія разрушающія всякое общество: безначаліе, деспотизмъ и рабство. Эти три состоянія различны только повидимому, но одинаковы и по своему существу и по своимъ послѣдствіямъ. Они растутъ изъ одного корня и сливаются въ своихъ дѣйствіяхъ: рабство перерождается въ деспотизмъ и безначаліе, а деспотизмъ производитъ рабство.

XXV.

До половины XVI вѣка изученіе древняго міра было повсемѣстнымъ и удостоивалось вездѣ покровительства и почета. Это положеніе измѣнилось, когда чрезъ проповѣди Лютера и Кальвина половина западной Европы отдѣлилась отъ римской церкви и отъ папскаго престола. Начались не только войны католиковъ съ протестантами, но и противодѣйствіе тѣмъ самымъ идеямъ которыми въ теченіе цѣлаго вѣка руководились и что̀ признавали благотворнымъ. Люди недавно еще преданные эллинству и считавшіе его знаніе своимъ лучшимъ украшеніемъ старались теперь насильственно сбросить съ себя все древнее, въ особенности греческое, и открыли гоненіе противъ науки и противъ ученыхъ, стоявшихъ въ ея главѣ: Скалижеръ, Казобонъ, Декартъ едва спаслись бѣгствомъ изъ Франціи. Ихъ преслѣдовали не столько за ихъ вѣроисповѣданіе; ибо много милліоновъ реформатовъ оставалось еще въ разныхъ странахъ Юго-Запада; сколько за науку, видя въ ней угрожающую опасность. Это гоненіе не было ни частнымъ и ни случайнымъ; оно вытекало изъ общаго настроенія умовъ во всемъ католическомъ мірѣ. Представителями направленія, вступившаго въ борьбу съ идеями эллинства чтобы прекратить и подавить ихъ вліяніе, были іезуиты.

XXVI.

Общество іезуитовъ основано на началахъ совершенно противоположныхъ тѣмъ которыя выработаны древними Греками и преобразили новѣйшую Европу. Въ немъ олицетворилось отрицаніе идей, а слѣдовательно отрицаніе науки, что̀ отразилось впрочемъ и на немъ самомъ, ибо въ теченіе трехъ столѣтій своего существованія это общество не представило ни одного мужа науки въ истинномъ смыслѣ сего слова, хотя въ немъ и было много ученыхъ тружениковъ. Учрежденіе этого общества состоялось въ эпоху воинственной церкви (église militante), когда все дышало войною и когда убивали ближняго для возвеличенія Божіей славы (ad majorem Dei gloriam); сами

члены его назвали себя дружиною Іисуса Христа (Compagnie de Jésus), не были монахами и не принадлежали къ ордену, подобно бенедиктинцамъ или доминиканцамъ, но дѣйствовали оружіемъ другаго рода. Давъ обѣтъ слѣпаго и безусловнаго повиновенія и отрекшись отъ идеи свободы, іезуиты сомкнулись какъ бы въ боевую фалангу и смѣло выступили противъ общаго врага, но пошли не противъ вооруженныхъ людей, а противъ ненавистной имъ идеи свободы разума, желая истребить ее въ корнѣ. Они поступали сознательно. Іезуиты поняли что убѣжденія людей и умственное настроеніе общества измѣняются не убійствами и казнями, и не кострами и муками, а ученіемъ и воспитаніемъ, влагающими въ душу человѣка правила, остающіяся на всю жизнь руководителями дѣяній, а потому и трудились на этомъ поприщѣ съ непреклонною послѣдовательностію и со всею силой воли, не теряя изъ виду главной цѣли своихъ стремленій. Они ея и достигли, притомъ скорѣе чѣмъ можетъ-быть сами надѣялись. Введеніемъ въ своихъ коллегіяхъ той деспотической дисциплины, которая отвергала всякій помыслъ о самостоятельности и обращала человѣка въ послушное орудіе, іезуиты подавили въ молодомъ поколѣніи идею свободы личной дѣятельности, то-есть наслѣдованную отъ древнихъ Эллиновъ идею свободы гражданина. А изобрѣтеніемъ, въ противоположность ученію филологическому, особаго способа преподаванія и ученія, состоявшаго не въ развитіи умственнаго труда и послѣдовательности мысли, а въ сообщеніи разнаго рода такъ-называемыхъ полезныхъ для жизни свѣдѣній, они подавили другое наслѣдіе Эллиновъ, свободу мысли.

Замѣтимъ что у іезуитовъ было два рода училищъ: одни, въ весьма маломъ числѣ, открывались только для тѣхъ кто намѣревался вступить въ само общество и быть въ послѣдствіи его членомъ; другія же носившія, по прежнему обычаю, названіе коллегій и устроенныя во множествѣ въ разныхъ католическихъ странахъ Европы, имѣли цѣлію общее образованіе юношества. Мы говоримъ о послѣднихъ.

XXVII.

Въ іезуитскихъ коллегіяхъ преподавались всѣ въ то время извѣстные предметы; преподавались также и древніе языки, въ особенности латинскій; но большое число разнородныхъ

предметовъ, всего же болѣе самая метода преподаванія и ученія, придали коллегіямъ своеобразное значеніе. Занятія ограничивались поверхностнымъ изложеніемъ со стороны учившихъ и простымъ выучиваніемъ со стороны учившихся; умъ не останавливался надъ трудностями, не проникалъ въ глубь предмета и не пріучалъ себя къ знанію причины явленій, что̀ и развиваетъ способности, а довольствовался усвоеніемъ самихъ явленій, то-есть одною внѣшнею оболочкой; изученіе древнихъ языковъ, изъ филологическаго, основаннаго на постоянномъ мышленіи, обратилось въ обыкновенное заучиваніе и стало дѣломъ не умственнаго труда и разсужденія, а преимущественно памяти; словомъ, способъ изобрѣтенный іезуитами вовсе не былъ ученіемъ, а только механическимъ обученіемъ, злонамѣренно обдуманнымъ и приложеннымъ съ рѣдкимъ искусствомъ къ занятіямъ умственными предметами. Молодой человѣкъ получившій такое образованіе, если только подобный сборъ свѣдѣній можетъ носить имя образованія, блисталъ предъ невѣдущими своимъ знакомствомъ со множествомъ разнородныхъ предметовъ; онъ, казалось, зналъ все, но въ существѣ онъ не зналъ ничего; онъ ходилъ кругомъ зданія науки, но не могъ вступить въ него, не имѣя ключа даже и въ его преддверіе. Всего ужаснѣе что воспитанные этимъ способомъ люди лишались чрезъ него навсегда способности заниматься наукою, ибо умъ, не трудясь самостоятельно и не побѣждая самъ собою преградъ, а воспринимая готовые уже результаты, терялъ присущее ему свойство самодѣятельности и засыпалъ въ человѣкѣ; его пытливость уничтожалась въ корнѣ, а творчество и не показывалось, какъ бы не существуя. При такомъ состояніи общества, водвореніе науки невозможно и немыслимо.

Этотъ способъ ученія есть буквально тотъ самый что̀ у насъ называютъ общеобразовательнымъ и что̀ наши противники классицизма превозносятъ, настоятельно требуя его введенія. По странному смѣшенію понятій многіе придаютъ ему имя реальнаго, даже и не догадываясь что говорятъ о двухъ различныхъ предметахъ. Весьма замѣчательно совпаденіе стремленій іезуитовъ съ нашими литературными дѣятелями, хотя и нѣтъ сомнѣнія что іезуиты поступали съ полнымъ сознаніемъ и съ опредѣленною цѣлію подавить свободу мысли, между тѣмъ какъ мнѣнія нашихъ антиклассиковъ скорѣе дѣло случая, и подобныхъ стремленій у нихъ нѣтъ и быть

не можетъ. Но взвѣсили ли наши общеобразователи и реалисты тѣ пагубныя послѣдствія коими сопровождался іезуитскій способъ ученія, когда цѣлыя страны, бывшія высоко образованными, обращались едва не въ невѣжество?

Все творилось іезуитами во имя Бога и для Его прославленія; всѣ видѣли въ этихъ дѣйствіяхъ самопожертвованіе іезуитовъ и ихъ заботливость какъ объ упроченіи римско-католической церкви, такъ объ ея распространеніи между протестантами, а въ Польскомъ королевствѣ и между православными, составлявшими тамъ большинство народонаселенія. Общество іезуитовъ исполнило свое призваніе: во всѣхъ католическихъ странахъ воздвиглись его коллегіи; юношество находилось въ его рукахъ; оно само пріобрѣло могущество какимъ никогда не обладало ни одно общество, и одержало побѣду о которой никто и не мечталъ прежде. Побѣда печальная и гибельная! Италія, стоявшая въ XVI вѣкѣ во главѣ европейской образованности и славная учеными, литераторами, поэтами и художниками, сошла съ своего поприща и уступила первенство другимъ, до того ее опередившимъ что теперь, при своемъ новомъ возрожденіи, она уже у нихъ заимствуетъ, стараясь вознаградить утраченное. Та же судьба постигла Испанію и Португалію, двѣ цвѣтущія страны до появленія въ нихъ іезуитовъ. Они же низвели и погубили Богемію, имѣвшую полное право гордиться и своимъ проповѣдникомъ Яномъ Гусомъ, и своимъ знаменитымъ Пражскимъ университетомъ. Не менѣе бѣдствій испытало и бывшее Польское королевство.

XXVIII.

Въ судьбѣ Польскаго королевства есть черты напоминающія судьбу Аравійскаго Халифата. Быстрое распространеніе государства, большой и столь же кратковременный блескъ, и вслѣдъ за нимъ такое же быстрое разложеніе и паденіе. Въ концѣ XVI вѣка Польша возвысилась, а два столѣтія спустя она уже не существовала. Есть сходство и въ самой причинѣ этого событія: оно произошло отъ совершеннаго отсутствія науки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубокое между ними различіе. Что̀ въ Халифатѣ дѣлалось по невѣдѣнію, тѣмъ болѣе что Аравитяне стали лицомъ къ лицу съ Византійцами, питавшимися только сборниками и извлеченіями изъ произведеній ума

древнихъ Грековъ, то творилось въ Польшѣ съ полнымъ сознаніемъ и намѣренно: говоримъ о водвореніи ученія изобрѣтеннаго іезуитами.

Извѣстно что Польское королевство сложилось изъ двухъ частей, совершенно различныхъ, какъ по предшествовавшей соединенію исторической судьбѣ своей, такъ по языку, вѣроисповѣданію и по составу народонаселенія: изъ древней Польши и изъ великаго княжества Литовскаго. Польша, занимавшая несравненно меньшую часть, была страною римско-католическою, и единственною, по языку жителей, во всемъ королевствѣ, собственно польскою; великое же княжество Литовское, обнимавшее обширное пространство и доставившее, чрезъ свое присоединеніе, могущество двойственному королевству, было православнымъ и вполнѣ русскимъ. Въ него вошли, населенныя только Русскими, хотя и завоеванныя литовскими предводителями, сѣверо- и юго-западныя княжества, коими до тѣхъ поръ владѣли князья потомки Владиміра и Ярослава.

XXIX.

Идеи эпохи Возрожденія и основанный на нихъ новый способъ ученія не проникли въ великое княжество Литовское и даже едва ли его коснулись; оно осталось внѣ умственнаго движенія обнявшаго въ XV вѣкѣ всю западную Европу. Но онѣ перешли въ собственную Польшу, были тамъ оцѣнены и приняты, и произвели самое благотворное дѣйствіе. Краковскій университетъ преобразился и прославился Коперникомъ, великимъ ученымъ, основателемъ новѣйшей астрономіи. Еслибъ это ученіе безостановочно продолжалось и успѣло бы водвориться въ Польшѣ такъ же твердо какъ въ Германіи; еслибъ оно сверхъ того, не стѣсняя русской народности, распространилось въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, то можно было бы ожидать въ этой славянской странѣ столь же цвѣтущаго состоянія науки какъ и въ Германіи, а за нимъ и такого же прочнаго и спокойнаго возвышенія государства.

Вмѣстѣ съ идеями эпохи Возрожденія, Поляки съ самою живою воспріимчивостію заимствовали, преимущественно изъ Италіи и Франціи, и тѣ общественныя нововведенія коими эта эпоха ознаменовалась. Дворъ устроенъ былъ по западно-европейскому образцу; вельможи говорили по-латыни и

по-французски, а дворянство старалось слѣдовать ихъ примѣру; принятъ былъ западный образъ жизни, западныя изобрѣтенія, все чѣмъ отличалась западная Европа; собраны библіотеки, выстроены великолѣпныя зданія; словомъ, блескъ былъ очевидный, и Польша представилась въ новомъ видѣ, подававшемъ надежды въ будущемъ.

Итакъ первоначально встрѣчаемъ въ Польшѣ и правильное ученіе развивавшее свободу мысли, и улучшеніе общественнаго и частнаго быта.

XXX.

Съ прибытіемъ іезуитовъ, это положеніе измѣнилось, и прекрасно посѣянныя сѣмена умерли въ зародышѣ. Іезуитскія коллегіи и училища покрыли Польшу въ такомъ большомъ числѣ какъ нигдѣ въ западной Европѣ; ихъ способъ ученія и воспитанія переняли различные монашескіе ордена и неуклонно шли по ихъ стопамъ; ихъ метода преподаванія проникла даже въ свѣтскія, не зависѣвшія отъ нихъ, учебныя заведенія; такъ что въ короткое время іезуиты стали руководить всѣмъ ученіемъ въ Польшѣ. Пользуясь покровительствомъ королей и расположеніемъ вельможъ, ихъ общество господствовало, а Поляки добровольно имъ предавались, на гибель своего образованія, даже о томъ и не догадываясь. Прежній наружный блескъ однако сохранился: сношенія съ западною Европою продолжались и еще увеличивались; вводимыя на Западѣ удобства жизни постоянно заимствовались; польское высшее общество жило и веселилось по-европейски. Іезуиты не только тому не противились, но даже поощряли: не бывъ монахами, они не нуждались проповѣдывать умѣренности; притомъ забота о красотѣ внѣшней обстановки отвлекала людей отъ умственныхъ занятій, а наружный лоскъ прикрывалъ внутреннюю пустоту и ничтожество заученныхъ свѣдѣній, дѣлая людей послушнымъ орудіемъ твердой воли. Все вниманіе іезуитовъ сосредоточилось на дѣйствіи противъ свободы мысли, и въ этой цѣли они успѣли: насильственно подавленныя идеи и наука, убитая въ зародышѣ, исчезли изъ Польши, а съ ними и всякая возможность истиннаго образованія. Въ началѣ XVII вѣка Польша оказалась измѣненною по началамъ противоположнымъ эпохѣ Возрожденія. Іезуиты торжествовали побѣду, какой они не одерживали нигдѣ, даже въ Италіи.

XXXI.

Изъ Польши іезуиты вступили въ великое княжество Литовское и начали въ немъ свое ученіе съ тою же сознательною послѣдовательностію отъ которой они никогда не отступали. Имъ здѣсь и не предстояло, по крайней мѣрѣ въ первое время, тѣхъ трудностей какія они встрѣтили въ Польшѣ. Тамъ надобно было бороться съ идеями эпохи Возрожденія и съ филологическимъ ученіемъ, хотя и не вполнѣ укоренившимся, но уже знакомымъ и принятымъ. Въ княжествѣ напротивъ эти идеи оставались неизвѣстными, и основаннаго на нихъ ученія не существовало, такъ что вліяніе іезуитовъ повсемѣстно распространилось и было значительнымъ. Притомъ они прибыли окруженные могущественными союзниками: ихъ поощряли короли и поддерживало польское дворянство, дѣйствовавшее подъ вліяніемъ слѣпаго фанатизма. Это дворянство явилось во всемъ блескѣ своей внѣшней образованности и произвело сильное впечатлѣніе въ западной Руси. Ихъ пріемы и предупредительность, общественный и семейный бытъ ихъ, высокое значеніе женщины, невѣдомыя въ княжествѣ удобства жизни, наконецъ разнообразныя свѣдѣнія, показывавшія какъ будто бы не было чего бы они не знали; все поразило и влекло къ нимъ аристократовъ великаго княжества. Много князей, вельможъ и іерарховъ, которые всѣ были православные и Русскіе, такъ плѣнились этою новою блестящею наружностію что старались подражать имъ, принимали ихъ образъ жизни и ихъ языкъ, стали воспитывать дѣтей въ іезуитскихъ училищахъ и по польскому образцу, а весьма многіе отрекались отъ православія и переходили въ католичество. Другіе, и между ними высокопоставленныя лица, хотя и оставались вѣрными греческому вѣроисповѣданію, но, кромѣ религіи, отказывались отъ всего отечественнаго, сбрасывали съ себя все русское и, признавъ себя Поляками, обнаруживали болѣе заботливости о выгодахъ Польскаго королевства, чѣмъ своей родины, великаго княжества. Укажемъ на знаменитую историческую личность, на князя Константина Острожскаго, который сооружалъ православные храмы, печаталъ Библію и надѣлялъ щедротами русское духовенство, и въ то же время, съ доблестію достойною лучшаго дѣла, побѣждалъ московское войско,

присланное на помощь угнетенной западной Руси; былъ, ко вреду своего отечества, однимъ изъ ревностнѣйшихъ приверженцевъ Польши и внушилъ своей дочери такое уваженіе ко всему польскому что она перешла въ католичество и стала Полькою, забывъ свое высокое происхожденіе отъ князей русскихъ. Это движеніе все болѣе и болѣе увеличивалось и, направляемое искусною рукой іезуитовъ, наконецъ обняло великое княжество Литовское въ полномъ объемѣ его обширныхъ предѣловъ. Правда, были и противодѣйствія, иногда весьма значительныя, но они не остановили всеобщаго увлеченія; князья и вельможи не сочувствовавшіе повороту принуждены были или молчаливо переносить его, или выселяться изъ великаго княжества; настроеніе господствовавшее въ высшемъ слоѣ жителей западной Руси было въ пользу польскаго іезуитскаго образованія. Ему помогалъ отчасти и переходъ въ Польское королевство московскихъ бояръ, искавшихъ тамъ убѣжища въ царствованіе Іоанна Грознаго. Переворотъ происшедшій въ западной Руси былъ столь силенъ что наконецъ большинство русскихъ князей, вельможъ и іерарховъ великаго княжества Литовскаго отреклись отъ своей народности и обратились въ Поляковъ.

Нельзя не видѣть въ этомъ событіи ослѣпленія людей увлекшихся привидѣніемъ и рабски слѣдовавшихъ за своимъ кумиромъ, не помышляя о будущей судьбѣ своей. Они преклонились предъ образованіемъ котораго не существовало и чтили знаніе коего не было и тѣни. Не понимая что ученіе іезуитовъ было умственнымъ деспотизмомъ, попиравшимъ духовную независимость человѣка, они любовались его облаченіемъ, тою обманчивою позолотою, которая постижима только при развитіи свободной мысли въ обществѣ. Этою позолотою плѣнились западно-русскіе вельможи, не подозрѣвая въ сердцевинѣ грубаго металла. Причина этого событія поучительна: она лежала въ совершенномъ отсутствіи образованія, вѣрнѣе говоря, въ невѣжествѣ высшаго слоя жителей великаго княжества Литовскаго. Только крайнее невѣжество могло побудить людей къ столь преступному дѣйствію какъ отреченіе отъ народности, лишившее отческую землю самостоятельности.

XXXII.

Великое княжество Литовское было самобытнымъ государствомъ соединеннымъ съ 1386 года съ Польшею только въ лицѣ государя, но управлявшимся отдѣльно и независимо; оно было

притомъ вполнѣ русскимъ, и не имѣло первоначально ничего общаго съ Польшею. Польско-Литовское царство оказывается въ большей степени двойственнымъ, чѣмъ нынѣ Австро-Венгрія, ибо до 1569 года въ немъ не было общаго сейма, завѣдывавшаго дѣлами обѣихъ частей государства, такъ что каждая часть составляла самостоятельное цѣлое. Но сами же западно-русскіе вельможи и іерархи, обратившіеся уже въ Поляковъ, добровольно содѣйствовали прекращенію этой независимости и, измѣнивъ своему отечеству, уничтожили государственную самобытность великаго княжества Литовскаго. Ими руководили іезуиты, стремившіеся слить Литву съ Польшею и образовать изъ нихъ единое Польское королевство, видя въ томъ конечное торжество своего общества. Іезуиты властвовали въ Польшѣ и надѣялись, чрезъ водвореніе польскаго элемента въ Литовскомъ княжествѣ, не только упрочить свое господство, но и положить основаніе для дѣйствія на Москву и на Русское царство. Они не щадили усилій и не останавливались предъ средствами для исполненія своихъ обширныхъ предначертаній. Лаская честолюбіе вельможъ, они выставляли великую будущность и политическій блескъ Польскаго королевства и принесли въ жертву княжество, не по привязанности къ Польшѣ, а для своихъ цѣлей. Они поступали согласно съ своими правилами. Для іезуита не существуетъ ни отечества, ни народности, ни роднаго языка, ни государства; для него есть только церковь, но съ условіемъ господства въ ней его общества. Еслибъ іезуиты надѣялись пріобрѣсти болѣе вліянія чрезъ возвышеніе русскаго элемента, то нѣтъ сомнѣнія что они стали бы его поддерживать и усиливать, ко вреду и на счетъ Польскаго. И дѣйствительно, когда папа Климентъ XIV, буллою Dominus ac redemtor noster, данною 21го іюля 1773 года, закрылъ общество, и когда іезуиты нашли прибѣжище въ Русской имперіи, то они тщательно заботились объ изученіи русскаго языка, преподавали оный въ своихъ училищахъ и коллегіяхъ, въ особенности въ Полоцкѣ, * и поощряли переводы съ древнихъ языковъ на русскій. Русское правительство

* У меня въ рукахъ книга подъ заглавіемъ: *Цицероновы размышленія о совершенномъ добрѣ и крайнемъ злѣ*. Переведены съ латинскаго въ Полоцкѣ И. Посниковымъ.

Весьма было бы желательно имѣть полный списокъ русскихъ книгъ составленныхъ подъ руководствомъ іезуитовъ, что̀ озарило бы яркимъ свѣтомъ дѣйствія этого общества.

однако не воспользовалось этимъ, важнымъ для западнаго края, поворотомъ въ дѣйствіяхъ, а послѣ кончины императрицы Екатерины II, даже ему противодѣйствовало. Тогда іезуиты вновь примкнули къ польскому элементу, и трудились съ такимъ напряженнымъ рвеніемъ и такъ успѣшно что все западное среднее и низшее дворянство, бывшее еще въ большинствѣ членовъ православнымъ и русскимъ, не только перешли въ католичество, но и обратились въ Поляковъ, тѣмъ болѣе ревностныхъ что ихъ отреченіе произошло недавно. Но что̀ предано вельможами, іерархами и дворянствомъ, спасено народомъ. Этотъ западно-русскій народъ, бѣдный, гонимый, угнетаемый въ теченіе столѣтій, остался вѣренъ и языку, и православію; а когда наступило разложеніе Польскаго королевства, онъ нашелъ духовную помощь и защиту въ достославныхъ дѣятеляхъ вышедшихъ изъ Кіевской академіи. Для насъ, коренныхъ урожденцевъ западной Руси, благотворныя дѣла академіи незабвенны.

Итакъ, введеніе въ западной Руси іезуитскаго, антиклассическаго по своему духу ученія сопровождалось послѣдствіями которыя до сихъ поръ остаются неизгладимыми: народность, высокое благо человѣка и гражданина, исчезла у людей принявшихъ это ученіе, и государственная самобытность ихъ отечества, которому предстояла бы великая будущность, навсегда пала.

Та же причина, хотя въ другомъ видѣ и такъ-сказать при другой обстановкѣ, произвела паденіе и собственной Польши.

XXXIII.

Человѣческій умъ созданъ для дѣятельности; онъ въ ней проявляется, ею существуетъ; безъ нея какъ бы умираетъ. Въ своемъ постепенномъ, и всегда правильномъ, шествіи умъ встрѣчаетъ преграды и препятствія, но предъ ними не только не останавливается, но, напротивъ, напрягаетъ всю энергію воли и вступаетъ въ борьбу съ ними. Эта борьба полезна, какъ задатокъ лучшаго; въ ней источникъ совершенствованія; безъ нея успѣхъ невозможенъ. Умъ пробуждается трудностями; онъ ихъ вызываетъ и ищетъ; только при нихъ и обнаруживается во всемъ своемъ величіи и силѣ. Гдѣ нѣтъ ни преградъ, ни борьбы, нѣтъ ни могущества, ни образованности. Исторія выставляетъ эту истину въ видѣ положительнаго закона.

Великія событія не происходятъ случайно; они подчинены опредѣленнымъ началамъ, соотвѣтствующимъ правиламъ логи-

ческаго мышленія. Какъ разнообразны отдѣльныя происшествія, производимыя свободною волей человѣка, такъ сходны по идеѣ событія, завися отъ общихъ законовъ разума. Въ основѣ всѣхъ событій древняго и новаго міра лежитъ борьба двухъ противоположныхъ началъ, воюющихъ съ полнымъ увлеченіемъ и стремящихся доставить господство своему умственному достоянію. Большею частію борьба оканчивается пораженіемъ одного изъ нихъ и видимымъ преобладаніемъ другаго торжествующаго свою побѣду. Этотъ фактъ носитъ въ исторіи названіе дѣйствія, action. Но торжество только временно; въ могуществѣ и процвѣтаніи таится уже зародышъ паденія. Когда Лудовикъ XIV произнесъ свое знаменитое слово: Я государство, l'êtat c'est moi, то тогда же, хотя едва замѣтно, началось противодѣйствіе, которое неусыпно работало до тѣхъ поръ, пока, пріобрѣтя въ свою очередь преобладаніе, не подавило столь искусно устроенной системы. Дѣла влекутъ за собою послѣдствія часто совершенно противоположныя намѣреніямъ съ коими они были задуманы и приводимы въ исполненіе. Разрушивъ существующее, они вводятъ порядокъ новый, основанный на другихъ началахъ. Этотъ фактъ называется воздѣйствіемъ, réaction.

Изученіе этихъ двухъ началъ: дѣйствія и воздѣйствія, принадлежитъ къ числу самыхъ главныхъ предметовъ исторіи и есть первостепенная задача историка, при описаніи событій. Они существуетъ всегда и вездѣ, усматриваются въ событіяхъ и происшествіяхъ; ими представляются въ истинномъ свѣтѣ тѣ, потрясающіе государства, волненія и перевороты, коихъ причина, при поверхностномъ наблюденіи, кажется если не тайною, то загадочною. Воздѣйствіе неминуемо и неотразимо; оно тяготѣетъ надъ обществомъ, гнететъ его всею силой, часто сопровождается раздорами и бѣдствіями, а иногда разгромомъ и даже паденіемъ государства. Оно идетъ правильно и неуклонно, согласуясь съ законами духовной жизни человѣка; но обнаруживается до того разнообразно что событія вытекшія изъ одного источника являются какъ бы вызванными самыми противоположными причинами. Такъ попраніе идей эпохи Возрожденія произвело во Франціи революцію, и то же самое дѣйствіе сопровождалось въ Польшѣ воздѣйствіемъ выразившимся въ совершенномъ умственномъ, нравственномъ и политическомъ растлѣніи общества, окончившемся паденіемъ Польскаго королевства.

XXXIV.

Идея свободы мысли и свободы гражданина, возникшая въ западной Европѣ въ эпоху Возрожденія, нашла во Франціи радушный и сочувственный пріемъ, пользовалась почетомъ и уваженіемъ. Франція стала ея новымъ отечествомъ и возвысилась на такую степень, что въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII столѣтія была во главѣ европейской образованности. Литература, правовѣдѣніе, философія, вообще наука процвѣтала тамъ болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ западной Европы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государство пріобрѣло могущество, которымъ оно до того не владѣло. Этимъ успѣхомъ Франція обязана водворенію гуманистскаго или классическаго ученія, проникнутаго идеями выработанными древними Греками и поступившими въ наслѣдство западной Европы. Первымъ представителемъ этого ученія былъ знаменитый Бюдей, современникъ Рейхлина и Эрасма, съ коего началась во Франціи новая эра умственной дѣятельности. За нимъ послѣдовалъ длинный рядъ великихъ ученыхъ, которые всѣ вышли изъ глубокаго изученія древняго міра, но оказали услуги по разнымъ отраслямъ человѣческаго знанія. Не упоминая всѣхъ, назовемъ самыхъ замѣчательныхъ. Въ XVI вѣкѣ: Кюжасъ и его соперникъ Бодинъ, Робертъ и Генрихъ Этьенъ, Бриссоній (Barnabé Brisson), Годофредъ 1й (Denys Godefroy), и Доно (Hugues Doneau, Donellus), Іосифъ Скалижеръ и Казобонъ (Isaac Casaubon), Данесъ (Pierre Danès), Мюретъ (Marc-Antoine Muret), Тюрнебъ или Тюрнбевъ (Adrien Turnebeuf, Turnebus), Ламбинъ (Denys Lambin) и Раме (Pierre de la Ramée), мученикъ Варѳоломеевской ночи. Въ XVII вѣкѣ: Эро или Эральдъ (Didier Hérauld, Desiderius Heraldus), Пето или Петавій, Помье (Paulmier) или Пальмерій (Palmerius), Вижье или Вижеръ (François Vigier, Vigerus), Сомезъ или Сальмазій (Saumaise, Salmasius), Петитъ (Petitus), Годофредъ сынъ (Jacques Godefroy, Godofredus), Де Ту или Туанъ (De Thou, Thuanus), Пакье, наконецъ Декартъ или Картезій (Des Cartes, Cartesius), возстановитель философіи. Этимъ ученымъ мужамъ Франція обязана и своею славою, и своимъ высокимъ образованіемъ. Они положили основаніе новѣйшей наукѣ, которая изъ Франціи пе-

решла въ другія страны западной Европы; они же пробудили любознательность въ своемъ собственномъ отечествѣ и содѣйствовали появленію въ немъ той блистательной литературы XVII вѣка, которая до сихъ поръ остается образцовою и никогда не утратитъ своего высокаго достоинства. Корнель, Расинъ, Мольеръ, Боссюэтъ были краснорѣчивыми истолкователями этой знаменательной эпохи. Самъ французскій языкъ пріобрѣлъ вскорѣ значеніе, какимъ только нѣкогда, въ древности, пользовался греческій: онъ повсемѣстно распространился въ Европѣ, былъ принятъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ и договорахъ, проникъ даже въ самое общество, и, почти вытѣснивъ языки отечественные, сталъ языкомъ придворнымъ и говоромъ семействъ аристократическихъ. Все было дѣломъ идей эпохи Возрожденія и гуманистскаго ученія, единственно правильнаго и плодотворнаго.

Но эти идеи, какъ вездѣ, такъ и во Франціи, встрѣтили непримиримую вражду въ католическомъ духовенствѣ, въ особенности у іезуитовъ, явившихся какъ бы воплощеніемъ противодѣйствія. Іезуиты не увлеклись ни свободою мысли, ни свободою гражданина; не плѣнились наукою въ самой себѣ, безъ житейскихъ цѣлей; они видѣли въ новомъ ученіи опасность, грозившую церкви, вѣрнѣе говоря, своему въ ней господству, и мечтали о возвращеніи къ блаженной, средневѣковой жизни. Они трудились чтобы навсегда прекратить это ученіе и искоренить самую мысль о свободѣ. Поддерживая всею силою своего могущественнаго вліянія правительственные замыслы французскихъ королей, стремившихся сосредоточить въ своей особѣ все государство, они овладѣли страною и тяготѣли надъ нею полнымъ гнетомъ систематическаго гоненія. Гугеноты были порабощены; знаменитѣйшіе ученые бѣжали изъ своего отечества въ Голландію, Швейцарію, Германію; поставлены всевозможныя преграды гуманистскому ученію; наконецъ Нантскимъ эдиктомъ реформаты изгнаны изъ Франціи. Нельзя было, повидимому, дѣйствовать успѣшнѣе. Произошло однако противное. Идеи эпохи Возрожденія принялись во Франціи такъ глубоко что ихъ нельзя было уничтожить. Ихъ могли преслѣдовать, на время остановить и попрать, но не искоренить. Съ ними росло воздѣйствіе, и когда черезъ столѣтіе созрѣло, то, прорвавшись съ ужасающею силою, повергло Францію въ кровавый переворотъ, извѣстный подъ именемъ великой революціи.

XXXV.

Переходя изъ Франціи въ Польшу встрѣчаемъ потрясенія еще болѣе пагубныя для націи, хотя въ существѣ своемъ произведенныя тѣми же самыми причинами. Правда, въ Польшѣ не было революціи, не было той эпохи которой сами Французы придаютъ названіе царства ужаса, le règne de la terreur; но и не было того блистательнаго возрожденія, которое послѣдовало за разливомъ страстей и вновь доставило Франціи утраченное предъ тѣмъ первенство въ Европѣ. Его и не могло быть, такъ какъ всѣ элементы подобнаго возрожденія заглушены были и погибли въ самомъ зародышѣ и корнѣ.

Если справедливо, да никто въ томъ и не сомнѣвается, что наука, исходя сама изъ свободы мысли и ею только существуя, водворяетъ съ своей стороны также разумную свободу, основанную на глубокомъ убѣжденіи, и внушающую чувство правды, законности и исполненіе долга; то столь же справедливо что отсутствіе науки влечетъ за собою нравственное и умственное своеволіе, являющееся полнымъ отрицаніемъ свободы. Это и произошло въ Польшѣ. Изгнавъ науку, ученіе іезуитовъ не встрѣчало уже ни борьбы, ни противодѣйствія, но нашло осужденіе и казнь въ самомъ себѣ, въ своей собственной природѣ. Изъ него вышло то состояніе что̀, по законамъ духовной жизни человѣка, только и могло выйти: крайнее умственное своеволіе, породившее всеобщее растлѣніе націи. Начались крамолы и внутреннія волненія; обнаружились во всей наготѣ неповиновеніе закону и неисполненіе своего долга; пробудился слѣпой фанатизмъ, доходившій до изступленія, и открылись гоненія противъ православныхъ, переступившія послѣдніе предѣлы беззаконія. Правительство лишилось силы, и водворилось царство анархіи, а съ нимъ господство страстей, погубившее чувство правдивости и законности и державшее страну въ постоянномъ смятеніи. Но наружный лоскъ сохранялся въ прежнемъ видѣ; образъ жизни высшихъ сословій отличался удобствами и даже роскошью; повсюду были училища и библіотеки; иностранное перенималось съ большимъ рвеніемъ; вельможи говорили по-французски и жили по парижскимъ обычаямъ. Подъ этою позолотою однако скрывалось невѣжество и, что̀ еще важнѣе, отсутствіе убѣжденій и

человѣческаго достоинства, выразившееся въ томъ изумительномъ явленіи что въ поступкахъ одного и того же лица совокуплялись иногда два противоположныхъ руководителя: деспотическая гордость и едва не рабское униженіе. Такое положеніе разлагало государство и указывало на близость грозившаго ему паденія. Оно и совершилось, притомъ безвозвратно, ибо возстановленіе Польши не мыслимо безъ полнаго перерожденія націи, что̀ потребовало бы вѣковыхъ усилій народа.

XXXVI.

Есть впрочемъ много приверженцевъ мнѣнія что Польское королевство стало только жертвою честолюбія трехъ сосѣднихъ державъ, стремившихся къ пріобрѣтенію его достоянія, и что оно пало вслѣдствіе нѣсколькихъ несчастныхъ сраженій. Имъ противорѣчитъ изученіе исторіи и опровергаетъ всѣ мечты ихъ. Въ великихъ событіяхъ выражается результатъ государственнаго устройства, народной дѣятельности, всего гражданскаго и умственнаго быта націи. Событія зависятъ отъ тѣхъ духовныхъ началъ которыми нація проникнута, и отъ той степени образованности на которой она находится; они съ ними всегда согласуются и служатъ самымъ вѣрнымъ ихъ проявленіемъ; а потому причина событій лежитъ глубоко въ состояніи народа и только изъ него исходитъ. Эту мысль прекрасно излагаетъ авторъ *Исторіи Юлія Цезаря*, еще недавно занимавшій престолъ Франціи, хотя онъ и произнесъ тѣмъ самымъ, конечно не подозрѣвая, столь же грозный, сколько правдивый, приговоръ надъ своими дѣлами и своимъ правленіемъ. *

* *Histoire de Jules César*. Tome premier. Préface: Trop souvent l'écrivain nous présent les différentes phases de l'histoire comme des événements spontanés, sans rechercher dans les faits anterieurs leur véritable origine et leur déduction naturelle; semblable au peintre qui, en reproduisant les accidents de la nature, ne s'attache qu'à leur effet pittoresque, sans pouvoir, dans son tableau, en donner la démonstration scientifique. L'historien doit être plus qu'un peintre; il doit, comme le géologue, qui explique les phénomènes du globe, decouvrir le secret da le transformation des sociétés.

Mais, en écrivant l'histoire, quel est le moyen d'arriver à la verité? C'est de suivre les règles de la logique. Tenons d'abord pour certain qu'un grand effet est toujours dû à une grande cause, jamais à une petite; autrement dit, un accident, insignifiant en apparence, n'amène

„Очень часто", говоритъ Наполеонъ III, „писатель представляетъ историческія событія въ видѣ случайныхъ происшествій, не разыскивая въ предыдущихъ дѣлахъ ихъ истиннаго происхожденія и не вникая въ естественный ходъ ихъ развитія. Онъ уподобляется тогда художнику, который заботится только о воспроизведеніи живописнаго вида мѣстности, но не можетъ изобразить въ своей картинѣ указаній требуемыхъ наукой. Историкъ долженъ пойти далѣе живописца; какъ геологъ, объясняющій явленія земнаго шара, онъ долженъ открыть тайну преобразованія обществъ.

„Но какимъ же средствомъ достигнуть въ историческомъ трудѣ истины? Надобно слѣдовать правиламъ логики. Великія событія производятся великими, не малыми причинами. Незначительный случай никогда не повлечетъ за собою важныхъ послѣдствій, если не существуетъ причины которая бы дозволила чтобъ онъ сопровождался великимъ дѣломъ. Искра только тогда разжигаетъ пожаръ, когда падаетъ на воспламеняющіеся, уже прежде скопленные, предметы. Монтескье подкрѣпляетъ эту мысль. Счастіе, говоритъ онъ, не управляетъ міромъ. Есть причины общія, частію нравственныя, частію физическія, которыя дѣйствуютъ въ каждомъ государствѣ, его возвышаютъ и поддерживаютъ, или низвергаютъ. Всѣ событія подчинены этимъ причинамъ, такъ что если случайный исходъ сраженія, то-есть причина частная, разрушаетъ государство, то значитъ была причина общая, вслѣдствіе которой государство долженствовало погибнуть, потерпѣвъ одно только пораженіе". Присоединимъ что Монтескье дополняетъ свою мысль прибавляя * что „общее настроеніе руководитъ частными случаями".

Если же великія событія суть результатъ общественнаго и

---

jamais de résultats importants sans une cause preéxistante qui a permis que ce leger accident produisit un grand effet. L'étincelle n'allume un vaste incendie que si elle tombe sur des matières combustibles amassées d'avance. Montesquieu confirme ainsi cette pensée: „Ce n'est pas la fortune, dit-il, qui domine le monde.... Il y a des causes générales, soit morales, soit physiques, qui agissent dans chaque monarchie, l'élèvent la maintiennent ou la precipitent; tous les accidents sont soumis à ces causes, et si le hasard d'une bataille, c'est-à-dire une cause particulière, a ruiné l'état, il y avait une cause générale qui faisait que cet état devait périr par une seule bataille."

* L'allure principale entraine avec elle tous les accidents particuliers.

умственнаго быта народа, то они наступаютъ и совершаются въ той же послѣдовательности и соотвѣтствуютъ тѣмъ же началамъ которыя усматриваются въ самомъ развитіи образованности. Правда что правильному развитію оказывается часто насильственное противодѣйствіе, нарушающее его спокойное шествіе; но оно успѣваетъ только временно и не можетъ его ни прекратить, ни уничтожить. Великія событія неизбѣжны и неминуемы, и ихъ причина всемогуща. „Въ мірѣ нравственномъ", продолжаетъ тотъ же авторъ, * „какъ и въ мірѣ естественномъ, существуетъ верховный законъ, который опредѣляетъ и постановленіямъ и правителямъ роковой предѣлъ, обозначающій конецъ ихъ полезной дѣятельности. Пока этотъ предѣлъ не наступитъ, ничто не превозмогаетъ: заговоры, бунты, все разбивается о несокрушимую силу, охраняющую то что̀ хотѣли бы низвергнуть. Но если государственный строй, хотя повидимому и непоколебимый, перестаетъ быть полезнымъ успѣху человѣчества, тогда ни могущество преданія, ни личная доблесть, ни память славныхъ дѣлъ прошедшаго не могутъ остановить и на день паденія."

Отъ великихъ дѣлъ или событій существенно отличаются дѣла малыя или происшествія, хотя онѣ и тѣсно между собою связаны. Происшествія вытекаютъ не изъ общихъ началъ человѣчества, а изъ свободной воли человѣка, а потому безконечно разнообразны и служатъ не причиною, чѣмъ онѣ никогда не бываютъ, а только поводомъ дѣяній. Когда событіе созрѣло и готово вспыхнуть, то случай, иногда самый ничтожный, который въ другое время остался бы даже незамѣченнымъ, расжигаетъ пожаръ и становится происшествіемъ, а происшествіе перерождается въ событіе. „Государственные

* *Histoire de Jules César*, tome I, page 23: Il existe, on le dirait, dans l'ordre morale ainsi que dans l'ordre physique, une loi suprême qui assigne aux institutions, comme à certains êtres une limite fatale, marquée par le terme de leur utilité. Tant que ce terme providentiel n'est pas arrivé, rien d'opposé ne prevaut: les complots, les révoltes, tout échoue contre la force irrésistible qui maintient ce qu'on voudrait renverser; mais si, au contraire, un état de choses, inébranlable en apparence, cesse d'être utile aux progrés de l'humanité, alors ni l'empire des traditions, ni le courage, ni le souvenir d'un passé glorieux, ne peuvent retarder d'un jour la chute decidée par le destin.

перевороты, говоритъ Аристотель,* происходятъ иногда по самому малому поводу, иногда даже отъ случая; они не совершаются для малыхъ дѣлъ, а только начинаются малыми, борьба же идетъ для дѣлъ великихъ, такъ что незначительное по себѣ дѣло становится весьма важнымъ.“ Это видимъ въ переворотѣ лишившемъ Тарквинія Гордаго римскаго престола. Приведемъ еще разъ слова Наполеона III. „До тѣхъ поръ, говоритъ онъ,** пока дѣло римскихъ царей не исполнилось, они торжествовали надъ всѣми препятствіями. Тщетно старались сенаторы присвоить себѣ власть, завѣдуя ею каждый въ теченіе пяти дней; напрасно возставали страсти противъ господства одного правителя; все было безполезно, и даже убійство царей еще болѣе укрѣпляло царскій санъ ихъ. Но какъ только они перестали быть необходимыми, самый простой случай низвергъ ихъ: одинъ человѣкъ оскорбилъ женщину, и престолъ падаетъ.“

XXXVII.

Исторія представляетъ множество и подобныхъ случаевъ и несравненно важнѣйшихъ происшествій, которыя были не причиною, а только поводомъ событій, хотя часто и принимались за дѣйствительную причину.

Еще недавно Австрія потерпѣла пораженіе при Садовой или Кенигтрецѣ, и повидимому это одно дѣло разрушило Германскій союзъ, прекратило силу Вѣнскаго договора, лишило Австрію Венеціи, вытѣснило ее изъ Германіи и поставило Пруссію въ число первостепенныхъ государствъ Европы.

---

* Аристотель, *Политика*, V (у Бартелеми-Сентъ-Илера VIII, 2, 9. Μεταβάλλουσι δ'αἱ πολιτεῖαι... ἔτι διὰ τὸ παρὰ μικρὸν.

V, 5, ι: Γίνονται δὲ καὶ ἀπὸ συμπτώματος μεταβολαί.

V, 3, ι: Γίνονται μὲν οὖν αἱ στάσεις οὐ περὶ μικρῶν, ἀλλ' ἐκ μικρῶν στασιάζουσι δὲ περὶ μεγάλων. Μάλιστα δὲ καὶ αἱ μικραὶ ἰσχούσιν, ὅταν ἐν τοῖς κυρίοις γένωνται.

** Тамъ же: C'est ce qui arriva sous les rois, et, tant que leur tâche ne fut pas accomplie, ils triomphèrent de tous les obstacles. En vain les sénateurs tentèrent de se partager le pouvoir en l'exerçant chacun pendant cinq jours; en vain les passions se soulevèrent contre l'autorité d'un chef unique: tout fut inutile, et le meurtre même des rois fortifia la royauté. Mais une fois le moment venu où ils cessent d'être indispensables, le plus simple accident les précipite. Un homme abuse d'une femme, le trône s'écroule.

А между тѣмъ та же Австрія, въ первый походъ Наполеона въ Италіи во время французской революціи, могла перенесть нѣсколько подобныхъ пораженій и гибель нѣсколькихъ армій, и несмотря на то не пала. Битва при Садовой послужила поводомъ къ исполненію тѣхъ стремленій къ національному единству Германіи, которое подготовлялось въ теченіе полстолѣтія и иногда насильственно прорывалось. Оно было не причиною, а только проявленіемъ великаго событія, которое рано или поздно долженствовало совершиться, и теперь, на нашихъ глазахъ, совершается; ибо разложеніе Австрійскаго государства, съ одной стороны, и возвышеніе, какъ умственное, такъ нравственное и политическое Пруссіи, съ другой, при всеобщемъ настроеніи Германскаго народа, привели бы къ тому же результату и при другихъ обстоятельствахъ, какъ они дѣйствительно теперь и приводятъ.

Несчастный для Австріи исходъ войны съ Пруссіей обнаружилъ до очевидности что Австрія страдала сильнымъ внутреннимъ недугомъ, который грозилъ ей смертію, хотя и казался не существующимъ, прикрываемый всѣми средствами могущественнаго чиновничества. Австрійское правительство шло путемъ противоположнымъ законамъ логики. Оно провозглашало себя представителемъ охранительнаго начала, но понимало охраненіе только въ томъ смыслѣ что угнетало свободу мысли, ставило преграды наукѣ, передавало училища въ вѣдѣніе іезуитовъ и преслѣдовало общественный и политическій духъ народа, возбуждающій сознательную дѣятельность и внушающій патріотическія чувства. Вѣрное преданіямъ XVIII вѣка, оно не согласовалось ни съ успѣхами новѣйшаго просвѣщенія, ни съ настроеніемъ времени, ни съ потребностями и характеромъ народонаселеній, ни даже съ тою простою истиной которая говоритъ что свободное развитіе народа есть условіе и залогъ его благоденствія. Судьба имперіи находилась въ рукахъ князя Меттерниха, правда весьма искуснаго и ловкаго дипломата, но правителя мелочнаго, трепетавшаго предъ новыми идеями и дѣйствовавшаго въ пользу реакціи и чрезъ ея посредство. Политика Меттерниха была не творчествомъ великаго государственнаго мужа, замыслившаго возсоздать имперію на новыхъ началахъ, а дѣломъ человѣка который, отрицая духовное преуспѣваніе, имѣлъ въ виду господство матеріальной силы и надѣялся укрѣпить Австрію вооружая различныя народности другъ противъ друга. Австрія повидимому процвѣтала и

казалась могущественною: многочисленное войско, сильныя крѣпости и постоянная готовность къ войнѣ придавали ей политическое значеніе въ Европѣ, а устройство путей сообщенія, расширеніе торговли и возвышеніе промышленности придавало видъ прочнаго благосостоянія. Недоставало главнаго, самостоятельной дѣятельности ума народа. Попраніе свободы мысли и ея воплощенія, науки, пагубно и для народа и для правительства, ибо разумъ, какъ представитель свободы, ни самъ не производитъ насилій, ни способенъ раболѣпствовать. Послѣдствія правленія Меттерниха явились скорѣе, чѣмъ можно было предвидѣть; революція въ Вѣнѣ и возстаніе въ Венгріи были первымъ признакомъ внутреннихъ страданій; война 1859 года лишила Австрію Ломбардіи, а разгромъ Садовой былъ такъ ужасенъ что, несмотря на свои побѣды при Кустоццѣ и при Лиссѣ, и на совершенное пораженіе италіянскаго войска и флота императоръ Францъ-Іосифъ принужденъ былъ уступить Венецію королю Виктору-Эммануилу. Затѣмъ Австрія распалась на двѣ части и едва ли не вступала теперь въ періодъ своего полнаго разложенія.

XXXVIII.

Главная забота историка, при обсужденіи великихъ событій и переворотовъ, состоитъ въ открытіи причины изъ которой они вышли, въ изученіи основнаго начала, которое лежитъ глубоко и узнается чрезъ внимательное разсмотрѣніе общаго положенія государства. Многіе факты являются какъ бы первыми дѣятелями и, такъ-сказать, выступаютъ впередъ, несмотря однако на то, они оказываются только проявленіемъ начала, не самимъ началомъ; только поводомъ, не причиною событій. Отсюда происходитъ что одинаковое происшествіе пріобрѣтаетъ иногда громадные размѣры въ одной странѣ и не сопровождается никакими особенно важными послѣдствіями въ другой.

Когда зданіе монархіи заложенное Генрихомъ IV, возведенное кардиналомъ Ришелье и завершенное Людовикомъ XIV, было подкопано въ своемъ основаніи; когда законъ сталъ мертвою буквой и замѣнился произволомъ; самостоятельный трудъ общества ослабѣлъ и почти прекратился, а въ то же время народное сознаніе пробудилось. Тогда финансы пріобрѣли значеніе какого никогда еще въ новомъ мірѣ не имѣли и, превратившись въ бурную стихію, разрушили и правительство и го-

сударство, такъ что многіе историки принимали ихъ разстройство за самую причину революціи. Но едва ли въ меньшемъ разстройствѣ были въ началѣ нынѣшняго столѣтія финансы Россіи, когда рубль ассигнаціями, быстро понижаясь, упалъ наконецъ на 25 копѣекъ, и когда, вслѣдствіе такого ужаснаго пониженія, народная дѣятельность обезсилѣла, и водворился хаосъ во всѣхъ предпріятіяхъ и оборотахъ. А между тѣмъ наше отечество не только не подверглось, подобно Франціи, перевороту, но вышло съ честію изъ этого положенія, перенеся въ одно время и финансовое сотрясеніе и грозное нашествіе Наполеона I. Разстройство финансовъ Франціи было однимъ изъ проявленій внутренняго недуга страны, было поводомъ, не причиною революціи.

Свобода мысли и неразрывно сопряженное съ нею водвореніе науки составляютъ ту жизненную силу которая укрѣпляетъ и возвышаетъ государство, и ослабленіе которой ведетъ къ неминуемому паденію, несмотря на обманчивый наружный блескъ и на искусственныя средства коими часто правительство поддерживается. Процвѣтаніе науки доставило первенство Англіи и Пруссіи; ея угнетеніе погубило Польшу, повергло Францію въ нескончаемую революцію и довело до разложенія нѣкогда обширную Австрійскую имперію.

М. КУТОРГА.

ОКОЛЬНЫМЪ ПУТЕМЪ

ПОВѢСТЬ.

I.

Изъ оконъ деревяннаго дома, отличавшагося какъ и большая часть губернскихъ построекъ, отсутствіемъ всякой архитектуры, открывался видъ на занесенную снѣгомъ площадку, темно-желтую стѣну сосѣдняго каменнаго зданія и фонарный столбъ, уединенно и безъ всякой симметріи возвышавшійся на углу. Дальше взоръ упирался въ заборъ, надъ которымъ чернѣли узловатые сучья липъ, и выглядывало узкое полукруглое окно мезонина; въ сторонѣ рисовался зеленый куполъ церкви, и крестъ надъ нимъ тускло свѣтился въ лучахъ холоднаго зимняго солнца. Мельчайшая снѣжная пыль пересыпалась въ воздухѣ, осѣдая пушкомъ на ветхомъ переплетѣ оконъ; было шестнадцать градусовъ морозу, и стекла чуть-чуть тускнѣли, какъ будто кто-то дышалъ на нихъ. У крыльца ждали широкія розвальни, запряженныя тройкой; лошадки пожимались отъ холода и нетерпѣнія, побрякивали мѣдными бляхами и всхрапывали, напуская изъ ноздрей цѣлые клубы пара.

Въ домѣ происходили сборы. Человѣкъ лѣтъ тридцати, довольно крупнаго сложенія, съ лицомъ очень пріятнымъ, хотя безхарактернымъ, прошелъ черезъ среднюю залу, остановился предъ затворенною дверью въ другую комнату и потянулъ за ручку замка.

— Скоро, Настя? проговорилъ онъ, и пріотворивъ дверь, переступилъ черезъ порогъ небольшой уборной.

Комната эта могла назваться уборною развѣ потому только что въ углу противъ двери стояло огромное старинное трюмо, въ неуклюжей рамѣ краснаго дерева, да въ простѣнкѣ между окнами помѣщался ломберный столикъ, уставленный небольшимъ зеркальцемъ и кое-какими до крайности не многосложными принадлежностями туалета. Затѣмъ рѣшительно ничего что̀ повсемѣстно составляетъ необходимую обстановку женскаго уголка не замѣчалось въ этой комнатѣ: ясно было что домъ былъ нанятъ на время, съ хозяйскою мебелью, и что жильцы находили излишнимъ приложить съ своей стороны какія-либо старанія чтобъ устроиться поудобнѣе и покрасивѣе.

Обитательница этой комнаты была налицо. Въ ту минуту какъ пріотворилась дверь изъ залы, она стояла предъ трюмо, поправляя на головѣ мѣховую шапочку съ ваточными наушниками и какъ-то странно придавленнымъ дномъ. Она подвинула шляпку на лобъ, завязала подъ подбородкомъ ленты и обернулась къ вошедшему. Въ ея лицѣ, несмотря на очень молодые годы отливавшемъ желтизной, въ ея движеніяхъ и даже въ самомъ костюмѣ отражалась какая то вялость и распущенность, что-то кисленькое и обиженное.

— Я готова, Николай, сказала она, и не то застѣнчиво, не то недружелюбно остановила на вошедшемъ маленькіе глаза, не производившіе никакого впечатлѣнія.

Они были братъ и сестра, но какъ это нерѣдко случается, между ними не было никакого сходства. Братъ былъ годами десятью старше, но выглядѣлъ гораздо свѣжѣе сестры; желтизна не проступала на его лицѣ, и около губъ не было преждевременно сморщенныхъ линій, придававшихъ наружности дѣвушки какое-то надоѣдающее взгляду выраженіе.

Онъ оглянулъ сестру, и на лицѣ его отразилась легкая тѣнь неудовольствія.

— Ты *это* платье надѣла? проговорилъ онъ, и взглядъ его остановился на розовомъ бантѣ, скудно украшавшемъ талію дѣвушки.

— Да.... А что̀? спросила та, нерѣшительно оглядывая свой туалетъ.

— Такихъ платьевъ что-то не видно больше; какъ-то иначе ихъ теперь носятъ.... пояснилъ братъ.

— Вотъ еще! Какъ же еще носятъ! возразила съ неудовольствіемъ дѣвушка; она не любила когда братъ дѣлалъ ей замѣчанія насчетъ ея туалета, и едва ли это не было главною причиной глухаго раздраженія, прорывавшагося въ ея отношеніяхъ къ нему. Женщины которымъ разъ дали понять что имъ недостаетъ вкуса и умѣнья одѣться часто на всю жизнь сохраняютъ уязвленное чувство.

— Право, вотъ этого уже давно не носятъ... продолжалъ братъ, съ сомнѣніемъ проводя пальцемъ по краямъ коротенькаго тюника,—и этотъ бантъ... сзади какъ-то гораздо пышнѣе дѣлаютъ.

У дѣвушки углы рта непріятно раздвинулись, и что-то напряженное и кислое, предшествовавшее готовности заплакать, проступило въ каждой чертѣ лица. Она оперлась кончиками пальцевъ на туалетный столикъ и въ половину отвернулась къ окну.

— Я вовсе не желаю наряжаться какъ.... *другія*, проговорила она, и желтизна рѣзче оттѣнила ея обращенное къ свѣту лицо.

Въ этомъ намекѣ на *другихъ* заключалось нѣчто по всѣмъ признакамъ ядовитое, имѣвшее въ отношеніяхъ брата и сестры особенное и щекотливое значеніе. У Николая брови слегка сдвинулись, и на низенькомъ лбу выпукло проступили двѣ-три морщины. Онъ поправилъ въ рукахъ свою мѣховую шапку и пошелъ къ дверямъ, но на срединѣ комнаты остановился и повернулся къ сестрѣ.

— Настя, тебѣ можетъ-быть не хочется ѣхать на пикникъ? проговорилъ онъ.

— Зачѣмъ ты это спрашиваешь? возразила сестра.

— Стало-быть не хочется?

— Ты видишь, я ѣду; чего жь тебѣ еще?

— Но ты этимъ приносишь мнѣ жертву? тебѣ это непріятно?

Дѣвушка не глядѣла на него и покачала носкомъ ботинка; ей нравилось что ея поступокъ называли жертвой.

— Можетъ-быть, сказала она.

— Но отчего, Настя?

— Оттого что не предвижу для себя никакого удовольствія.

Что-то темное опять пробѣжало по лицу Николая и остановилось въ складкѣ между сдвинутыми бровями. Онъ подошелъ къ зеркалу, натянулъ на голову шапку и съ рѣшительнымъ видомъ повернулся къ сестрѣ.

— Настя, отчего ты не любишь Ельницкую? проговорилъ онъ, строго взглянувъ изъ-подъ надвинутаго на брови мѣха.

Дѣвушка неопредѣленно пошевелила плечами.

— Тебѣ вѣдь это вѣроятно все равно... отвѣтила она съ кислымъ раздраженіемъ, опуская углы губъ.—И ужь конечно это ничего не перемѣнитъ въ твоихъ намѣреніяхъ.

Николаю вдругъ сдѣлалось гадко, и горько, и какое-то ненавистное чувство мгновенно подавило его. „Еще бы твоя закислая злость на мои намѣренія дѣйствовала!“ мысленно возразилъ онъ, сжимая свои крупные, крѣпкіе пальцы. Онъ повернулся къ окну и заглянулъ на площадку: тамъ кучеръ шагомъ проѣзжалъ застоявшуюся тройку.

— Лошади готовы, сказалъ Николай, глядя куда-то мимо сестры въ глубину комнаты.

— И я давно готова, отвѣтила та.

Оба, натянувъ шубы, сошли къ санямъ по узенькимъ доскамъ, посыпаннымъ пескомъ и скрипѣвшимъ подъ ногами. Николай подсадилъ сестру, запахнулся и крикнулъ:

— Къ Ельницкимъ!

Лошади рѣзво подхватили по незаѣзженному снѣгу.

Ельницкіе принадлежали къ чиновной аристократіи губернскаго города. Старикъ Петръ Казиміровичъ предсѣдательствовалъ въ казенной палатѣ, заводилъ только очень хорошія знакомства и жилъ открыто. Онъ былъ польскаго происхожденія, но православный; на родномъ языкѣ не говорилъ никогда даже съ Поляками, а по-русски изъяснялся отчетливо и правильно, ударяя особенно на шипящія согласныя, что̀ придавало его рѣчи непріятную выразительность. Въ сужденіяхъ онъ отличался логичностью и предпочиталъ видѣть во всемъ дурную сторону; но больше всего любилъ заявлять въ разговорѣ свои права на принадлежность къ мѣстному дворянству. Эти права основывались исключительно на женитьбѣ, доставившей ему родство съ нѣсколькими помѣщичьими домами и недурное подгородное имѣнье, которое онъ потомъ еще отдѣлалъ и устроилъ на собственныя благопріобрѣтенныя средства. На жену онъ взиралъ какъ на что-то постороннее, исчерпавшее упомянутою услугой все свое назначеніе; дочь, красивую дѣвушку лѣтъ двадцати, любилъ и по-своему баловалъ, то-есть позволялъ женѣ тратить на ея туалетъ значительныя суммы, бралъ ее иногда съ собою дѣлать визиты, и во всемъ остальномъ предоставлялъ ей полную свободу.

Въ это утро у нихъ собралось немногочисленное общество чтобъ ѣхать пикникомъ въ ихъ подгородную усадьбу. Пригла-

шенные состояли все изъ ближайшихъ знакомыхъ: хозяйки дома, Клеопатры Ивановны, женщины еще не старой, ловкой и, какъ выражались въ городѣ, въ свое время видавшей виды. Самъ Петръ Казиміровичъ удалился въ палату, находя затѣваемое удовольствіе себѣ не по лѣтамъ. Въ гостиной, несмотря на небольшое число собравшихся, господствовала та нѣсколько распущенная веселость, которую можно встрѣтить только въ провинціальномъ обществѣ, гдѣ всѣ знаютъ другъ друга чуть не съ дѣтства. Какъ-то весело толкались, что-то безъ нужды выкрикивали.

Ждали только Веребьевыхъ. Съ пріѣздомъ ихъ всѣ высылали на крыльцо, и началось разсаживанье по санямъ. Николай Васильевичъ предложилъ свою тройку Mlle Ельницкой; предложеніе было принято, причемъ мать и дочь обмѣнялись взглядомъ, почему-то смутившимъ Веребьева. Настю взяла съ собой сама Клеопатра Ивановна въ свои большія четверомѣстныя розвальни. Визави помѣстился съ ними маленькій, розовенькій, вѣчно-улыбавшійся и раскланивавшійся докторъ, о которомъ злые языки въ городѣ говорили будто Mme Ельницкая несоразмѣрно дорого платитъ ему за визитъ.

Настя старалась улыбаться, усаживаясь въ спокойныхъ розвальняхъ подлѣ хозяйки. Она знала что никто болѣе не возьметъ ее съ собою; и сквозь напряженную улыбку что-то дрожало въ ея лицѣ—какіе-то неулыбавшіеся мускулы.

II.

Тройки неслись гуськомъ по первопутью. Кучера, привставъ за передками, только пошевеливали локтями; бубенчики заливались; бѣлая пыль съ вѣтромъ летѣла въ лицо, осѣдая на бобрахъ и соболяхъ; даже лошади кажется чувствовали какъ хороша была дорога и вытягиваясь, уносились впередъ и впередъ. У Веребьева лицо покраснѣло отъ удовольствія и холода; отвернувъ воротникъ, онъ то засматривалъ черезъ плечо кучера, любуясь широкимъ бѣгомъ кореннаго, то вглядывался въ морозный профиль сидѣвшей подлѣ него дѣвушки. У нея щеки тоже горѣли и глаза щурились подъ побѣлѣвшими отъ снѣжной пыли рѣсницами.

— Хотите, обгонимъ всѣхъ? предложилъ Веребьевъ.

— Хорошо, отвѣтила Ельницкая, не поворачивая головы.

— Гаврило, обгоняй! крикнулъ Веребьевъ кучеру.

Тотъ пошевелилъ кнутовищемъ, обмоталъ руковицы возжами и присвистнулъ. Пристяжныя вытянулись; топотъ зачастилъ, сливаясь въ морозный гулъ; комки снѣгу, разбиваясь о щитки, сыпали въ лицо жесткою пылью; вѣтеръ свистѣлъ въ ушахъ. Одна, другая тройка остались позади; вотъ и послѣдняя, вся дымившаяся въ какомъ-то бѣломъ облакѣ, минуты двѣ выскакивала рядомъ, и понемногу начала отставать, точно проваливаясь куда-то.

— Предводительскихъ-то затоптали, проговорилъ Гаврило, вдругъ показавъ изъ-за плеча кончикъ краснаго носа и бѣлый усъ.

Клубъ пара на мгновенье скрылъ его и задымившихся пристяжныхъ. Подъ шубой тепло, а на ногахъ уже не чувствуешь пальцевъ, и при каждомъ порывѣ вѣтра точно иголки вонзаются въ лицо. Верстовой столбъ, чуть ли уже не десятый по счету, сверкнулъ въ глаза изъ-подъ накопившейся на немъ снѣжной шапки.

— Спущу маленько, объявляетъ Гаврило, и подается всѣмъ тѣломъ назадъ, чуть не на колѣни господамъ. Пристяжныя перестаютъ скакать и всхрапываютъ.

Веребьеву вдругъ досадно стало что они такъ много проѣхали.

— Шагомъ! скомандовалъ онъ кучеру.

Онъ обернулся къ Ельницкой и съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ разсматривалъ ея головку, нырнувшую въ пушистый мѣхъ и не шевелившуюся отъ холода.

— Вы очень озябли? спросилъ онъ, чувствуя что хотѣлъ сказать что-то совсѣмъ другое, давно уже наполнявшее всю его мысль и стоявшее предъ нимъ сквозь морозъ и снѣгъ.

— Холодно.... отвѣтила Ельницкая и постучала сапожками о деревянное дно саней.

Веребьевъ разсѣянно поддерживалъ разговоръ. Странно, сидя подлѣ Ельницкой и собираясь что-то очень нужное и важное сказать ей, онъ думалъ о другомъ. Ему приходили на мысль его деревенскій домъ, мать, которая должна была сегодня пріѣхать въ городъ, и еще что-то общее, неопредѣленное, что̀ однакожь страннымъ и близкимъ образомъ вертѣлось около Ельницкой и не отдѣлялось отъ нея. Онъ думалъ какъ его не любили его родные, и старался объяснить себѣ: отчего?

Но какъ онъ ни усиливался стать на какую-то другую точку зрѣнія, на которой стояла напримѣръ его мать, или Настя, онъ ничего не умѣлъ сообразить, кромѣ того что все это „глупости“. И онъ начиналъ думать о Ельницкой и еще о чемъ-то, самомъ главномъ и важномъ, что̀ присутствовало въ немъ въ видѣ упрямаго и нетерпѣливаго рѣшенія — а мысль перескакивала на одного изъ самыхъ частыхъ посѣтителей Ельницкихъ, губернскаго льва, по фамиліи Ухолова, и припоминались какіе-то разговоры, слова, какое-то непріятное и смутное впечатлѣніе.... Онъ не успѣлъ опомниться, какъ занесенная снѣгомъ усадьба выглянула на поворотѣ. Mme Ельницкая, на послѣдней верстѣ обогнавшая Веребьева, чтобы пріѣхать раньше всѣхъ и встрѣтить гостей, уже высаживалась изъ саней, поддерживаемая подъ локоть докторомъ.

Остальные подъѣзжали одни за другими. Въ переднюю валилъ паръ изъ поминутно отворяемыхъ дверей, слышалось топанье прозябшихъ ногъ и охрипшіе на морозѣ голоса. Въ каминахъ весело трещалъ огонь; продрогнувшій докторъ, пользуясь суматохой, забѣжалъ въ буфетъ, проглотилъ двѣ рюмки кюммеля и возвратился въ гостиную, невинно потирая руки и рдѣя розовыми щеками. Настю увели отогрѣвать куда-то во внутреннія комнаты.

— Чудесная у васъ эта тройка, обратился къ Веребьеву круглолицый и нѣсколько глуповатый на видъ помѣщикъ.—Я дорогой все слѣдилъ за аллюромъ. Коренникъ-то мятлевскій?

— Мятлевскій.

— Ну, то-то же! заключилъ помѣщикъ, подкинувъ головой съ такимъ видомъ какъ будто послѣ этого не о чемъ было и толковать больше.

Въ столовой прозябшіе гости съ веселымъ нетерпѣніемъ толклись около закуски, гремѣли стульями, стучали ножами и вилками. Докторъ лукаво отказался отъ водки, но за то нагребъ себѣ изъ жестянки чего-то очень хорошаго, и самую жестянку отодвинулъ въ сторону и прикрылъ салфеткой. Настю заставили выпить нѣсколько капель водки и посадили къ печкѣ: она все еще не могла опомниться отъ холода. Горячій паръ носился надъ столомъ; рюмки звенѣли; буфетчикъ, еще наканунѣ прибывшій изъ города для распоряженій, хлопалъ въ углу пробками; веселый, нѣсколько безпорядочный и шумный говоръ наполнялъ комнату.

Въ залѣ кто-то наигрывалъ ритурнель; повторенные звуки

раздавались все громче и громче и торопили засидѣвшихся въ столовой. Веребьевъ никогда не танцовалъ; „но почему?" пришло ему въ голову. Онъ повернулся къ Людмилѣ Петровнѣ и ангажировалъ ее на кадриль.

— Вы будете танцовать? съ недоумѣніемъ спросила дѣвушка, вскинувъ на него глазами.

— Да, кадриль, если вы не откажете мнѣ....

— Но первую я уже танцую.

— Такъ вторую.... просилъ Веребьевъ.

Ельницкая какъ-то нерѣшительно кивнула головой.

— Не понимаю съ чего это вамъ вздумалось.... проговорила она, вставая.

Веребьевъ пошелъ вслѣдъ за нею въ залу. Ему очень досадно сдѣлалось что она уже обѣщала первый контръ-дансъ. И кому? Онъ все время былъ подлѣ нея; онъ не слышалъ чтобы кто-нибудь просилъ ее. Онъ остановился предъ роялемъ, за который уже усѣлась одна изъ дѣвицъ, исполнявшая при всѣхъ подобныхъ случаяхъ обязанность тапера, и поглядывалъ какъ ставили стулья и размѣщались пары.

Ельницкая въ эту минуту быстро подошла къ Ухолову, разговаривавшему съ ея матерью.

— Съ кѣмъ вы сейчасъ танцуете? спросила она его.

— Сейчасъ? Я еще никого не ангажировалъ....

— Такъ пойдемте, сказала Ельницкая.

Ухоловъ подалъ ей руку.

— Placé, place! скомандовалъ онъ, пробираясь съ Людмилой Петровной между нетанцующими.

Веребьевъ машинально посторонился и сталъ за студомъ Ельницкой. Его непріятно удивило что она танцуетъ съ Ухоловымъ. „Когда это она могла обѣщать ему?" подумалъ онъ опять. У него вдругъ пропала всякая веселость; плохонькіе звуки кадрили какъ-то угрюмо раздражали его. Онъ смотрѣлъ въ спину Ухолову, на его отлично-скроенное платье, на узкій проборъ раздѣлявшій на затылкѣ его густые, слегка курчавившіеся волосы, и опять имъ овладѣло безпокойное, ненавидящее чувство... Онъ дождался новаго контръ-данса и усадилъ Людмилу Петровну между танцующими.

Кадриль показалась ему какою-то безтолковою; онъ нѣсколько разъ сбивался, и при каждой путаницѣ встрѣчался со снисходительнымъ и какъ будто ободряющимъ взглядомъ Ухолова, танцовавшаго vis-à-vis. Этотъ взглядъ раздражалъ и тяготилъ

его; онъ чувствовалъ что танцуетъ плохо, ужасно плохо, и что на него смотрятъ; нѣсколько разъ Ельницкая должна была даже потянуть его за руку, чтобы показать что̀ надо дѣлать. А Уходовъ, какъ нарочно, скомандовалъ grand-rond, и съ какимъ-то веселымъ бѣшенствомъ принялся крутить и гонять танцующихъ. Ельницкая впрочемъ тотчасъ вышла изъ круга.

— Я устала, merci, поблагодарила она Веребьева, и прошла въ уборную.

Веребьевъ опять остался одинъ, съ раздраженнымъ чувствомъ стыда и досады. Танцовальный залъ уже не представлялъ для него никакого интереса; напротивъ, никогда не было ему такъ противно смотрѣть на эти вертящіяся пары и слушать пошловатую музыку какъ сегодня. Людмила Петровна не переставала танцовать; ее ангажировали на перебой. Даже Настя была приглашена на двѣ кадрили, и оба раза докторомъ, которому было поручено заняться ею. Веребьевъ чувствовалъ себя совершенно чужимъ среди этого веселья, и съ тоской переходилъ изъ залы въ гостиную и изъ гостиной въ залу, ожидая отъѣзда. Во время одного изъ такихъ скитаній къ нему съ озабоченнымъ видомъ подошелъ Уходовъ.

— Вы имѣете визави? торопливо обратился онъ къ нему.

— Я не танцую, сухо отвѣтилъ Веребьевъ.

— Какая досада! У меня нѣтъ визави. Да танцуйте пожалуйста, добавилъ Уходовъ совершенно наивно.

Веребьеву давно хотѣлось сорвать на комъ-нибудь свое раздраженіе.

— Я не сдѣлалъ изъ танцевъ своей спеціальности! рѣзко и громко отвѣтилъ онъ.

Уходовъ сначала удивился, потомъ разсмѣялся.

— Это и замѣтно было, воскликнулъ онъ, вдругъ вспомнивъ смѣшную фигуру танцующаго Веребьева. Тотъ весь вспыхнулъ.

— Я никому не позволяю надо мною смѣяться, а вамъ менѣе всѣхъ! проговорилъ онъ громко, взмахнувъ на Уходова загорѣвшимися глазами.

Губы Уходова насмѣшливо улыбнулись, а въ узкихъ глазахъ съ желтоватыми бѣлками сверкнуло что-то злое.

— Вы желаете имѣть со мной ссору? спросилъ онъ довольно спокойно.

„Да“, хотѣлъ было бросить ему Веребьевъ, но вдругъ глаза его встрѣтились съ удивленнымъ, строгимъ взглядомъ Людмилы Петровны, приблизившейся къ порогу комнаты и оттуда

слѣдившей за вспышкой. Веребьеву вдругъ ужасно совѣстно стало....

— Нѣтъ, даже и ссоры не желаю имѣть съ вами! проговорилъ онъ рѣзко, и отвернулся отъ Ухолова.

Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ обернулся: онъ ожидалъ что Ухоловъ бросится за нимъ; но въ комнатѣ уже никого не было.

Послѣ мазурки общество тотчасъ собралось въ обратный путь. Рѣшено было всѣмъ размѣститься въ прежнемъ порядкѣ. Надъ полями начинало уже смеркаться; по дорогѣ чуть искрились плывшія въ воздухѣ снѣжинки, и вдали какъ будто что-то дымилось въ таломъ полусвѣтѣ зимнихъ сумерекъ. На душѣ у Веребьева было неспокойно; онъ все поворачивался въ своихъ широкихъ енотахъ, точно пробуя усѣсться поудобнѣе. Милый профиль женскаго лица уже не такъ ясно какъ утромъ рисовался подлѣ него; полутѣни трепетали около этого лица, и въ морозномъ воздухѣ какъ будто стыли красивыя, мягкія очертанія.

Уже нѣсколько верстъ они проѣхали, а Веребьевъ все собирался заговорить, и не умѣлъ.

— Людмила Петровна, пойдете ли вы за меня замужъ? вдругъ брякнулъ онъ со внезапною рѣшимостью.

Лошади неслись; частый и гулкій топотъ отдавался въ морозномъ воздухѣ, со свистомъ летѣвшемъ имъ навстрѣчу; бубенчики густо позвякивали точно надъ самымъ ухомъ, а Веребьеву казалось будто странная, неестественная тишина настала за послѣднимъ звукомъ его словъ: онъ не движется, и все кругомъ стоитъ и ждетъ....

Ельницкая медленно повернула къ нему край щеки и посмотрѣла на него уголкомъ глаза.

— Вы дѣлаете мнѣ предложеніе? спокойно спросила она. Веребьеву жуткимъ показалось это спокойствіе.

— Да.... прошепталъ онъ.

Дѣвушка совсѣмъ повернула къ нему лицо.

— Вамъ надо обратиться къ отцу.... сказала она.

Въ головѣ у Веребьева вдругъ зашумѣло и завихрилось; морозъ съ пріятною дрожью прохватилъ его и сжалъ разгорѣвшееся лицо.

— А *вы*.... вы позволяете? вы согласны? проговорилъ онъ, наклоняясь и заглядывая ей въ глаза, щурившіеся отъ холоднаго вѣтра.

— Да.... негромко отвѣтила Ельницкая. Она опять глядѣла

куда то все прямо и поеживалась въ шубкѣ, прижимаясь къ воротнику разгорѣвшимся кончикомъ уха.

— Вы ожидали что я.... буду свататься? съ какимъ-то любопытствомъ спросилъ Веребьевъ.

Ельницкая быстро повернула къ нему лицо, медленно щуря и раскрывая глаза и улыбаясь уголками губъ.

— Ожидала, отвѣтила она.

Веребьеву опять жутко стало отъ этого коротенькаго отвѣта и спокойно улыбавшагося лица.... Какимъ-то пугающимъ и щекочущимъ холодомъ вдругъ пахнуло на него.

Сзади слышался храпъ нагонявшихъ лошадей; четверомѣстныя розвальни тяжело продвинулись мимо; Mme Ельницкая что-то кричала оттуда; докторъ, помѣщавшійся визави, приподнялъ свою дорогую соболью шапку и для чего-то раскланивался. Веребьевъ замѣтилъ только свою сестру, закутанную поверхъ шубы въ вязаный платокъ и жалостливо глядѣвшую оттуда сквозь выжатыя морозомъ слезы. На минуту эта встрѣча непріятно подѣйствовала на него. „Ахъ, да какое мнѣ дѣло!" рѣшилъ онъ впрочемъ тутъ же, и обернулся къ Ельницкой.

— Вы догадывались что я люблю васъ? спросилъ онъ, понижая голосъ, и вдругъ почувствовалъ страстное желаніе говорить и выспрашивать все объ одномъ и томъ же.

— Это и не я, а всѣ замѣтили, отвѣтила дѣвушка, и чему-то улыбнулась, какъ будто мысль объ этомъ наводила на какое-то забавное воспоминаніе.

— И вы не сердитесь? не оскорбляетесь? вы себѣ сказали: а Богъ съ нимъ! пусть себѣ! что-то въ этомъ родѣ шепталъ какимъ-то балованнымъ голосомъ Веребьевъ, поглядывая на дѣвушку свѣтившимися и немножко сумашедшими глазами.

Онъ вытянулъ изъ муфты ея руку — рука была въ перчаткѣ; онъ повернулъ ее къ себѣ внутреннею стороной и прилалъ застывшими на морозѣ губами къ маленькому кружку, гдѣ бѣлѣла сжатая перчаткой ладонь. Потомъ, внутренно чему-то смѣясь, поцѣловалъ обтянутые лайкой пальцы и сжалъ ихъ въ рукѣ.

III.

Веребьевъ проводилъ сестру домой, гдѣ ихъ ждала уже мать, незадолго предъ тѣмъ пріѣхавшая изъ деревни.

Лизавета Андреевна Веребьева вдовѣла уже лѣтъ пятнадцать, и хотя на видъ была старообразна и любила жаловаться

на хворость и недуги, но принадлежала къ числу самыхъ долговѣчныхъ женщинъ. Характера она была тихаго, но мнительнаго; привыкла подобно многимъ вдовамъ думать что только и было ея времячко пока мужъ былъ живъ — хотя на самомъ дѣлѣ покойникъ былъ нрава крутаго и вздорнаго и держалъ ее въ сильнѣйшей зависимости. Но для женщинъ подобныхъ Лизаветѣ Андреевнѣ зависимость не только пріятна, но и необходима: на свободѣ онѣ какъ-то не умѣютъ ни ступить, ни сказать, и быстро опускаются. Лизавета Андреевна тоже сильно опустилась къ тому времени въ которое застаетъ ее нашъ разказъ: разучилась хозяйничать, полюбила изображать изъ себя жертву обстоятельствъ и людской неблагодарности, и никакъ не умѣла поставить себя къ сыну въ такія отношенія которыя указывались его тридцатилѣтнимъ возрастомъ. Въ результатѣ она всегда и во всемъ подчинялась ему, но только послѣ упорнаго и унылаго сопротивленія, сопровождаемаго капризами и сѣтованіями.

Братъ и сестра пришли прямо къ матери.

— Ну, чтò у насъ дома? спросилъ Николай, цѣлуя ее въ руку.

— Да все одно — съ людьми ничего не могу подѣлать, отвѣтила Лизавета Андреевна. — Дунька сбѣжала—не хочетъ оставаться, хоть ты чтò! Терентій поваръ тоже ушелъ — Дергачевы сманили. Совсѣмъ безъ прислуги осталась, хоть ложись да умирай. Я потому собственно и въ городъ поспѣшила, принанять кого-нибудь. А дома теперь ни дровъ нарубить, ни щей сварить.

Лизавета Андреевна протяжно и озабоченно вздохнула.

— И отчего они всѣ мутятся, понять не могу, продолжала она.—Ужь у насъ ли не житье? съ жиру бѣсятся, прости Господи.—Терентій-то, оказывается, былъ воръ, добавила она съ убѣжденіемъ.

Николай на подобныя рѣчи обыкновенно отмалчивался.

— Ну а у тебя тутъ какъ? чтò у *тѣхъ* дѣлается? перемѣнила разговоръ Лизавета Андреевна, подразумѣвая подъ *тѣми* Ельницкихъ, которыхъ почему-то не любила называть по имени.

По тону голоса какимъ были произнесены эти слова и по сопровождавшему ихъ легкому вздоху Веребьевъ могъ догадаться что отношенія матери къ Ельницкимъ нисколько не улучшились; онъ впрочемъ и не разчитывалъ на это.

— Я получилъ согласіе Людмилы Петровны, сказалъ онъ довольно спокойно, хотя въ груди у него сильно дрогнуло.

Мать и дочь переглянулись.

— Вотъ уже какъ? стало-быть я и кстати пріѣхала—прямо къ свадьбѣ? сказала Лизавета Андреевна.

— Не знаю когда будетъ свадьба, отвѣтилъ сухо Веребьевъ. Ему больше всего досадно было что Настя присутствовала при этомъ разговорѣ.

— Не затянутъ, не бойся; торопиться будутъ, неравно какъ бы женихъ не отвертѣлся, проговорила Лизавета Андреевна.

— Кажется имъ нѣтъ причины недовѣрять мнѣ, возразилъ Веребьевъ. Онъ чувствовалъ какъ накипало въ немъ раздраженіе.

— Правда: такихъ жениховъ какъ ты не всѣмъ Богъ посылаетъ, согласилась съ ироніей мать. — Не отвертишься, не таковскій.

Веребьевъ прошелъ неспокойными шагами по комнатѣ и быстро повернулся къ матери.

— Маменька, я давно хотѣлъ васъ спросить: что̀ именно вы имѣете противъ моей женитьбы на Ельницкой? обратился онъ къ ней, рѣшившись не замѣчать присутствія сестры.

Лизавета Андреевна на такой вопросъ не сразу отвѣтила. Она довязала нѣсколько петлей въ чулкѣ, обмотала нитку кругомъ спицы, положила все это на колѣни и тогда уже высказалась:

— Не пара она тебѣ, Николай Васильевичъ, вотъ и весь мой сказъ.

Веребьевъ не разъ уже слыхалъ это.

— Почему же не пара? рѣшился онъ спросить.

— А потому что проведетъ она тебя, не успѣешь ты и оглянуться, пояснила Лизавета Андреевна.—Скрытна она очень, и себѣ на умѣ, и около матери на всякія дѣла насмотрѣлась. Да и не полюбитъ она тебя никогда, не таковскій ты, добавила она съ откровенностью. Веребьева это укололо.

— Что̀ жь ее заставляетъ въ такомъ случаѣ идти за меня? возразилъ онъ.

— А за кого жь ей идти? Другіе-то что̀ хвостомъ за ней бѣгаютъ небось не сватаются....

Веребьевъ не въ силахъ былъ продолжать этотъ разговоръ. Все что̀ онъ слышалъ только оскорбляло его и раздражало: онъ уже освоился съ мыслью что мать не можетъ ни понять,

ни полюбить его невѣсту. И во всякомъ случаѣ послѣ того какъ онъ получилъ согласіе Людмилы Петровны, могло ли что-нибудь измѣнить его намѣренія? Онъ вышелъ въ переднюю, надѣлъ шубу и отправился пѣшкомъ къ Ельницкимъ.

Ему показалось, что лакей отворявшій дверь съ какою-то особенною предупредительностью улыбнулся ему и сказалъ: пожалуйте въ гостиную-съ, тамъ всѣ. „Должно-быть уже знаютъ что я женихъ", подумалъ Веребьевъ, не безъ примѣси удовольствія.

Въ гостиной дѣйствительно присутствовали всѣ члены семейства. Петръ Казиміровичъ по случаю сообщенной ему новости не спалъ послѣ обѣда, и хотя чувствовалъ оттого нѣкоторую тяжесть въ головѣ, но въ виду необыкновеннаго событія старался превозмочь себя и встрѣтилъ Веребьева съ весьма знаменательною любезностью.

— Не хотите ли ко мнѣ въ кабинетъ, сигарочку выкурить? тотчасъ предложилъ онъ. Веребьевъ долженъ былъ заключить изъ того что его разговоръ съ Людмилой Петровной не составляетъ тайны для главы семейства.

Въ кабинетѣ Петръ Казиміровичъ предупредительно подвинулъ ему кресло, самъ сѣлъ рядомъ и даже наклонилъ къ нему ухо, какъ бы давая знать что совершенно готовъ тотчасъ его выслушать.... Веребьевъ однако ничего не говорилъ: онъ медленно раскуривалъ сигару, которая слегка дрожала въ его рукѣ, и не умѣлъ прибрать словъ чтобы начать. Петръ Казиміровичъ съ неудовольствіемъ измѣнилъ свое наклонное положеніе, затянулся сигарой и бросилъ на жениха довольно холодный взглядъ, какъ бы выражавшій: „дуракъ ты, не умѣешь къ дѣлу приступить".

— Дочь передала мнѣ сейчасъ что вамъ угодно было сдѣлать ей предложеніе.... заговорилъ Петръ Казиміровичъ самъ.— Мнѣ очень пріятно сообщить вамъ что Людмила Петровна располагаетъ совершенною свободой выбора; отъ ея рѣшенія все зависитъ.

Веребьевъ отъ внутренняго волненія блѣднѣлъ и краснѣлъ во время этой рѣчи.

— Людмила Петровна выразила мнѣ свое согласіе, проговорилъ онъ. Петръ Казиміровичъ съ нѣкоторою торжественностью поднялся съ кресла.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ, — мнѣ остается только

поздравить васъ отъ души и просить позволенія назвать своимъ зятемъ.

И онъ деликатно дотронулся рукой до плеча Веребьева и приблизилъ къ нему свое нѣсколько морщинистое, но еще благообразное лицо. Будущіе тесть и зять поцѣловались.

— Молю Бога чтобъ вы оба были счастливы и чтобы миръ и согласіе царствовали между нами всѣми, заключилъ Петръ Казиміровичъ, поднявъ глаза къ потолку и обмахнувъ ихъ вслѣдъ за тѣмъ носовымъ платкомъ.—Ну, пойдемте же теперь къ дамамъ, добавилъ онъ, пріостановившись у дверей чтобы пропустить гостя.

Веребьевъ съ недокуренною сигарой вошелъ въ гостиную: онъ позволилъ себѣ сдѣлать это въ качествѣ жениха.

— Милочка, Богъ да благословитъ тебя! поздравилъ Петръ Казиміровичъ дочь, которая торопливо подошла къ нему и прислонилась лицомъ къ его груди.

— Николай Васильевичъ сдѣлалъ намъ честь, просилъ ея руки, объяснилъ онъ женѣ, и тоже поцѣловался съ нею.

Клеопатра Ивановна поспѣшно приблизилась къ дочери и приняла ее въ объятія.

— Мы только молимся чтобъ она была счастлива, а въ судьбу ея не мѣшаемся, проговорила она, обращаясь больше къ жениху.—А маменька не пріѣхала еще къ вамъ? добавила она съ любопытствомъ.

— Пріѣхала, отвѣтилъ съ невольною запинкой Веребьевъ.

— Породнимся, такъ ближе сойдемся съ нею, продолжала Клеопатра Ивановна, переглянувшись съ дочерью; — а то до сихъ поръ какъ-то мало мы съ нею видѣлись, да она кажется и не охотница съ чужими людьми сближаться?

— Она все больше дома сидитъ, отвѣтилъ Веребьевъ: ему этотъ неизбѣжный разговоръ о матери былъ въ тягость.

— Все-таки она сдѣлаетъ честь, заѣдетъ? спросила съ удареніемъ Клеопатра Ивановна.

— Ахъ, разумѣется заѣдетъ, поспѣшилъ успокоить ее Веребьевъ, и отошелъ къ Людмилѣ Петровнѣ.

Петръ Казиміровичъ скоро удалился къ себѣ въ кабинетъ; Клеопатру Ивановну вызвали распорядиться чаемъ.

— Придете въ столовую или вамъ сюда прислать? спросила она уходя.

— Пришлите сюда, маменька, отвѣтила за обоихъ Людмила Петровна.

Женихъ и невѣста остались вдвоемъ. Веребьевъ, прежде чѣмъ что-нибудь придумать, взялъ обѣими руками бѣленькую ручку Людмилы Петровны и прилалъ къ ней губами; потомъ передвинулъ губы повыше браслета, гдѣ нѣжная кожа руки бѣлѣла подъ желтымъ кружевомъ рукавчика. Ему это позволили.

— Вы говорили уже вашей maman?.. спросила его Ельницкая.

— Говорилъ..., отвѣтилъ Веребьевъ, потупляясь.—Ея согласіе, конечно, только формальность; но она очень рада.... рѣшился онъ прилгнуть.

— *Очень* рада? переспросила съ удареніемъ Ельницкая: — А мнѣ почему-то всегда казалось что Лизавета Андреевна недолюбливаетъ меня, и Настасья Васильевна тоже.

— Ахъ, это несправедливо, храбро держался Веребьевъ.—У нихъ у обѣихъ несообщительный характеръ, это правда; но я убѣжденъ что сблизившись съ вами короче, онѣ полюбятъ васъ отъ души...

— Мнѣ будетъ очень пріятно въ этомъ убѣдиться, сказала довольно холодно Ельницкая.—Впрочемъ, прибавила она, блеснувъ своими сѣрыми глазами,—вѣдь вы совершеннолѣтній?

Веребьева смутилъ этотъ вопросъ, въ которомъ чувствовалось что-то ироническое, если не враждебное. Онъ нерѣшительно поднялъ глаза на Ельницкую, и ему показалось что онъ поймалъ ея мысль.

— Во всякомъ случаѣ *вы* будете хозяйкой въ домѣ, сказалъ онъ.

— Конечно.... спокойно отвѣтила Ельницкая.—Простите что я заговорила объ этомъ, добавила она, нѣсколько ласковѣе взглянувъ на Веребьева,—но я вѣдь никогда не носила маски; вы должны были видѣть что я не умѣю подчиняться.

— Равенство правъ — вотъ основа истиннаго счастья, отвѣтилъ нѣсколько книжно Веребьевъ.

— Разумѣется, подтвердила Ельницкая.

Человѣкъ подалъ имъ на серебряномъ подносѣ чай. Веребьевъ, машинально помѣшивая ложечкой въ стаканѣ, думалъ о томъ какъ трудно выразить въ разговорѣ все то что мечтательно толпилось и роилось въ его умѣ, въ чувствѣ, всѣ тѣ неопредѣленныя какъ дымъ и какъ дымъ колеблющіяся ожиданія, съ которыми онъ стоялъ у порога своего счастья.

— Что у васъ такое вышло съ Уходовымъ? вдругъ вывела его изъ этой мечтательности Ельницкая.

— Я былъ не совсѣмъ правъ предъ нимъ.... отвѣтилъ, запинаясь, Веребьевъ. — Все дѣло въ томъ что онъ мнѣ не нравится, и я не люблю встрѣчать его подлѣ васъ....

Ельницкая усмѣхнулась одними глазами.—Вы однакожь сознаете что ваше поведеніе съ нимъ было почти неприлично? сказала она.

— Я былъ неправъ, повторилъ Веребьевъ.

— А мнѣ это было очень непріятно, продолжала Ельницкая.—Я терпѣть не могу всякой шероховатости, всякихъ порывовъ: въ обществѣ это всегда очень смѣшно. Мало ли кого мы не любимъ?

Веребьевъ ничего не возразилъ. Онъ ожидалъ что Ельницкая будетъ защищать Ухолова; но она говорила о немъ совершенно спокойно.

— Такъ что при будущей встрѣчѣ вы обойдетесь съ нимъ дружелюбнѣе? прибавила она, и приблизила свою руку къ рукѣ Веребьева, который тотчасъ взялъ и крѣпко пожалъ ее.

— Я лучше бы желалъ сдѣлать такъ чтобы больше не встрѣчаться съ нимъ.... сказалъ онъ. Ельницкая равнодушно пожала плечами.

— Къ чему? возразила она. — Да и какъ это сдѣлать? онъ принятъ во всѣхъ домахъ. Не запереться же намъ съ вами отъ всего свѣта....

— Въ городѣ, конечно, это трудно, согласился Веребьевъ;— но въ деревнѣ....

Ельницкая на это совсѣмъ промолчала.

Дѣло, впрочемъ, разрѣшилось весьма просто: Ухоловъ на другой день заѣхалъ къ Веребьеву и поздравилъ его, съ такою развязностью и свободой, какъ будто между ними никогда ничего не было. Веребьевъ, какъ ни подозрительно относился къ своему врагу, въ эту минуту чуть ли не упрекалъ себя за нетерпимость.

IV.

Рядомъ съ домомъ Ельницкихъ стоялъ на той же улицѣ небольшой одноэтажный домикъ, состоявшій всего изъ шести комнатъ, весьма неудобно расположенныхъ и порядкомъ запущенныхъ. Несмотря на зимнее время, въ этомъ домикѣ стучали топоры, скрипѣла пила, визжалъ рубанокъ; маляры съ кистями и ведерками то-и-дѣло шмыгали въ парадную дверь,

изъ которой перепачканный въ краскахъ и крахмалѣ мальчишка выгребалъ прямо на улицу кучи стружекъ и обойныхъ обрѣзковъ. Изъ трубъ цѣлые дни валилъ густой дымъ: домикъ усердно протапливали, чтобы краска и клей могли сколько-нибудь просохнуть.

Всѣ эти работы и приготовленія совершались подъ личнымъ наблюденіемъ Петра Казиміровича, обязательно вызвавшагося позаботиться о будущемъ жилищѣ новобрачныхъ, проводившихъ теперь свой медовый мѣсяцъ въ деревнѣ.

Выборъ дома послѣдовалъ такъ же внезапно какъ внезапно было рѣшеніе молодыхъ переѣхать въ городъ. До свадьбы объ этомъ не было и рѣчи, хотя Людмила Петровна обѣщала пріѣхать на праздникахъ погостить у родныхъ. Но не прошло и десяти дней со времени отъѣзда молодыхъ въ деревню, какъ Петръ Казиміровичъ получилъ отъ зятя коротенькое письмо слѣдующаго содержанія:

„Многоуважаемый Петръ Казиміровичъ. Сколько я ни стараюсь развлекать Милочку тѣми скромными средствами какія находятся здѣсь въ моемъ распоряженіи, но деревенская жизнь оказывается для нея совершенно невыносимою, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Поэтому я покорнѣйше прошу васъ принять на себя трудъ отыскать намъ въ городѣ сколько-нибудь удобную квартиру, и если она будетъ слишкомъ грязна, то наскоро ее отдѣлать. Деньги какія понадобятся на то я возвращу вамъ тотчасъ по пріѣздѣ въ городъ. Милочка поручаетъ мнѣ приписать что она совершенно разсчитываетъ на ваше обязательное содѣйствіе въ этомъ весьма важномъ для нея дѣлѣ. Н. В.“

Клеопатра Ивановна вслѣдъ за тѣмъ получила письмо отъ дочери:

„Милая маменька,—писала ей Людмила Петровна—вотъ уже вторая недѣля какъ я разсталась съ вами и со всѣмъ тѣмъ къ чему я такъ привыкла и что̀ такъ дорого для меня въ городѣ. Мы застряли въ деревнѣ, занесенные со всѣхъ сторонъ сугробами. Изъ оконъ „усадьбы“, какъ ее здѣсь называютъ, я вижу только снѣгъ, снѣгъ и снѣгъ, да черные сучья деревьевъ. По этому снѣгу мы иногда катаемся на тройкѣ — и не скажу чтобъ это напоминало мнѣ наши городскіе пикники. Вѣчно—замороженную Настю сажаютъ рядомъ со мной, Николай Васильевичъ помѣщается визави, и заставляетъ меня любоваться пристяжными. Я разъ отвѣтила ему что пріятно имѣть хорошихъ лошадей, когда есть кому показать ихъ, но что безъ этого послѣдняго условія никакая роскошь не имѣетъ для меня значенія. Онъ называетъ это пустотой и тщеславіемъ — вы знаете, онъ всегда былъ вѣжливъ въ этомъ родѣ.

И при этомъ ужасно любитъ меня, что̀ впрочемъ ни для кого изъ насъ не новость. Мамаша его изволятъ дуться, а достойнѣйшая сестрица совсѣмъ позеленѣла въ это короткое время отъ злости. Я доставляю себѣ иногда развлеченіе—подразнить ихъ обѣихъ, высказывая съ пошлѣйшимъ хладнокровіемъ чудовищныя вещи; думаю что онѣ скоро будутъ отъ меня открещиваться. Скучно только что Николай послѣ каждой подобной сцены впадаетъ въ чувствительность и пристаетъ ко мнѣ за разъясненіями моей души. А что̀ тутъ разъяснять, когда все очень просто? Впрочемъ, теперь можете уже все это списать со счетовъ: супругу моему пришла благая мысль—произвесть надо-мною экспериментъ, то-есть переѣхать въ городъ и посмотрѣть какая я буду „въ свойственной мнѣ обстановкѣ"—это его собственное выраженіе. Можете себѣ представить до чего я обрадовалась! (правда что и сама я не мало потрудилась чтобы внушить ему такое рѣшеніе). Онъ уже писалъ объ этомъ папа; пожалуста, душечка маменька, похлопочите съ своей стороны для вашей хорошенькой Милочки. Пусть папа выберетъ хоть маленькую квартирку, но непремѣнно на улицу, и чтобы парадная дверь была не со двора, и отъ васъ какъ можно поближе. Да на отдѣлку пусть не поскупится—мужъ все принимаетъ на свой счетъ. Въ гостиной я бы хотѣла обои подъ блѣдно-желтый мраморъ съ темно-лиловыми квадратами, и мебель тоже темно-лиловая; можно нѣсколько золоченыхъ стульевъ, только немного. Моя комната голубая, мебель безъ дерева; для столовой поищите imitation подъ кожу, а если нѣтъ, то подъ дубъ. Ну, да я знаю что вы все это отлично сдѣлаете, если захотите — а меня этимъ просто возвратите къ жизни. Знакомымъ пожалуста кланяйтесь и всѣмъ скажите что я переѣзжаю въ городъ. Любящая васъ дочь Миля."

Письмо это было прочитано вслухъ и послужило темой для небольшаго разговора между Петромъ Казиміровичемъ и Клеопатрой Ивановной.

— Нельзя сказать чтобы любезный зять нашъ много успѣлъ у своей жены, замѣтилъ Петръ Казиміровичъ, безъ всякаго впрочемъ огорченія.

— Въ чемъ ему успѣвать-то? возразила Клеопатра Ивановна. — Не любоваться же на него выходила замужъ Милочка! Изъ-подъ вѣнца да прямо въ трущобу завезъ.... Ну, да съ Милочкой-то не скоро ему справиться — умѣетъ постоять за себя.

— Не изъ безгласныхъ! подтвердилъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ Петръ Казиміровичъ.—Разумѣется, это не такая партія чтобы вдвоемъ романсы распѣвать. Онъ долженъ былъ понять это.

— Партія какъ партія, возразила Клеопатра Ивановна. —

Человѣкъ онъ смирный, съ состояніемъ, любитъ жену—вотъ и все что нужно отъ мужа. А вздумаетъ отъ нея нѣжностей добиваться, самъ виноватъ будетъ. Ну, да пусть только поскорѣй пріѣзжаютъ, подлѣ матери-то всегда лучше.

Съ того же дня отецъ и мать, не мѣшкая, занялись приготовленіями къ пріѣзду дочери. Квартира, какъ мы знаемъ, нашлась въ двухъ шагахъ, бокъ-о-бокъ съ домомъ Ельницкихъ. Клеопатра Ивановна, высмотрѣвъ выгоды мѣстоположенія, приказала даже продѣлать въ заборѣ, раздѣлявшемъ оба двора, калитку, такъ чтобъ изъ одного дома въ другой можно было сообщаться, не выходя на улицу. Затѣмъ пріисканы были мастера для отдѣлки страшно-запущенныхъ комнатъ, и работа закипѣла. Клеопатра Ивановна сама выбрала мебель и обои, стараясь во всемъ удовлетворить вкусу дочери, а Петръ Казиміровичъ ежедневно, предъ тѣмъ какъ ѣхать въ палату, заходилъ въ обновляемыя комнаты и лично отдавалъ приказанія и наставленія рабочимъ. Издержки, нѣсколько округляемыя для упрощенія счетовъ, заносились имъ собственноручно въ особый списокъ, который и долженъ былъ быть предъявленъ зятю къ уплатѣ.

Работы подвигались быстро, и гораздо раньше конца медоваго мѣсяца молодые были извѣщены эстафетой что въ городѣ все готово къ ихъ пріѣзду. Они, съ своей стороны, не заставили ждать себя. Въ сумерки ближайшаго воскресенья, старинный возокъ Николая Васильевича, запряженный тройкой усталыхъ почтовыхъ, скрипя полозьями подъѣхалъ къ дому Ельницкихъ; изъ окошечка нетерпѣливо выглядывала хорошенькая головка Людмилы Петровны. Черезъ минуту пріѣзжіе уже были введены въ комнату Клеопатры Ивановны, гдѣ къ услугамъ ихъ тотчасъ явился кипящій самоваръ.

— Ахъ, я горю нетерпѣніемъ посмотрѣть свою квартиру, порывалась Людмила Петровна, и едва первая чашка чаю была выпита, пошла въ сопровожденіи матери и мужа черезъ дворъ.

Убранство комнатъ ей очень понравилось; но всего болѣе оцѣнила она удобство непосредственнаго сосѣдства съ „своими", и въ восторгѣ нѣсколько разъ бросалась цѣловать мать; вообще ее рѣдко можно было видѣть въ той степени оживленія въ какой находилась она сегодня. Веребьевъ, напротивъ, осматривалъ все очень равнодушно, а при видѣ золоченыхъ

стульевъ даже поморщился и сказалъ что этой мѣщанской роскоши терпѣть не можетъ.

— Николай Васильевичъ, ты тутъ распорядись всѣмъ пожалуста, а я вернусь къ maman.... обратилась къ нему Людмила Петровна, и получивъ въ отвѣтъ короткое „хорошо", исчезла вмѣстѣ съ Клеопатрой Ивановной изъ комнатъ.

Петръ Казиміровичъ, разбуженный поднявшеюся въ домѣ суматохой, вышелъ къ дочери, сказалъ ей нѣсколько незначительныхъ комплиментовъ, и возвратился въ кабинетъ. Мать и дочь остались вдвоемъ.

— Ну?... только сказала Клеопатра Ивановна, усаживаясь на диванѣ и сгарая непреодолимымъ любопытствомъ. Этого перваго свиданья съ дочерью послѣ ея замужества она ждала съ какимъ-то почти хищнымъ нетерпѣніемъ.

— Да все, какъ предполагать надо было, такъ и пошло.... отвѣтила Людмила Петровна, усмѣхнувшись не то кисленькою, не то наивною улыбкой.—Любитъ онъ меня ужасно....

— Съ нѣжностями поди все лѣзетъ? подсказала мать.

— Разумѣется.... отвѣтила съ нѣкоторою запинкой Людмила Петровна.

Но Клеопатра Ивановна не удовлетворилась этимъ отвѣтомъ. — Пристаетъ очень? спросила она, нѣсколько понижая голосъ.

Молодая женщина вскользь взглянула на нее, потупилась и слегка покраснѣла.

— Лизавета Андреевна да Настя точно совы по угламъ сидятъ, сказала она, пропуская вопросъ матери безъ отвѣта. — А я на нихъ рѣшительно никакого вниманія не обращаю, точно ихъ и нѣтъ въ домѣ....

— И отлично, одобрила мать. — А что жь *онъ*-то? принимаетъ твою сторону?

— Мужъ старается нейтральнымъ держаться, объяснила Людмила Петровна. — Да вѣдь онъ, вы знаете, очень сдержанный человѣкъ....

— Ну, иногда и расшевелить его надо будетъ, перебила Клеопатра Ивановна.—Какъ теща съ золовкой пристанутъ, не позволитъ же ему въ углу глазами хлопать. Онъ обязанъ жену выше всѣхъ въ домѣ поставить.

„Это-то мы и безъ него сдѣлаемъ", подумала Людмила Петровна, но ничего не сказала.

— А у васъ, maman, попрежнему по четвергамъ собираются? спросила она послѣ минутнаго молчанія.

— Да, по четвергамъ....

— Я думаю у себя понедѣльники открыть, продолжала дочь.—Ни у кого нѣтъ понедѣльниковъ, всѣ знакомые свободны въ этотъ день.

— И безъ того къ такой хозяйкѣ всѣ пойдутъ, улыбнулась мать, не безъ гордости оглядывая свою красивую дочь.—Да ты похорошѣла, Милочка! добавила она, и нагнувшись къ самому уху дочери, что-то спросила ее шепотомъ.

— Ахъ нѣтъ, отвѣтила она, на этотъ разъ уже безъ краски въ лицѣ.

— Ну, умница, похвалила мать, и успокоившись по безмѣрно интересовавшему ее вопросу, съ чувствомъ поцѣловала дочь въ щеку.

Слуга вторично подалъ чай; его послали къ Николаю Васильичу узнать не прикажетъ ли снести и ему „отъ генеральши"; но лакей Веребьева даже не сталъ докладывать объ этомъ барину, объявилъ что у него свой самоваръ наставленъ.

— Домъ-то каковъ у тебя въ деревнѣ? чай въ комнатахъ по-старинному все? продолжала разспрашивать Клеопатра Ивановна.

— Ахъ, и не напоминайте лучше! воскликнула съ гримаской Людмила Петровна.—Зеркала одни чего стóятъ! въ гостиной кресла краснаго дерева, съ деревянными спинками. Лизавета Андреевна хотѣла меня утѣшить, говоритъ—обивку обновить собираемся, но я ей такъ и отрѣзала: обновляйте если хотите для себя, а я на этихъ креслахъ и сидѣть не умѣю.

— Не отъ бѣдности у нихъ вѣдь это, а отъ неумѣнья, замѣтила Клеопатра Ивановна.—Тебѣ это все по-своему поставить надо.

— Ахъ, мамаша, но какъ я вамъ благодарна что вы мнѣ квартиру такую приготовили! воскликнула вмѣсто отвѣта Людмила Петровна, и нѣсколько разъ звучно и горячо поцѣловала мать въ ея пухлыя и уже сильно пожелтѣвшія щеки.

— Не малаго и стóитъ.... онъ-то, поди, поморщится, какъ платить придется? закинула Клеопатра Ивановна.—Да на первыхъ порахъ не очень-то ему поддаваться слѣдуетъ, добавила тотчасъ же, зная что подобная сентенція не встрѣтитъ противорѣчія со стороны дочери.

— Еще бы! подтвердила Людмила Петровна, слегка сблизивъ

свои темныя брови и закинувъ хорошенькую головку. Въ этомъ движеніи выразилось столько самоувѣренной, привычной отваги что Клеопатра Ивановна съ нѣкоторымъ даже недоумѣніемъ посмотрѣла на дочь.

V.

Пока въ гостиной большаго „генеральскаго“ дома мать и дочь предавались наслажденію интимной бесѣды послѣ первой въ ихъ жизни разлуки, въ маленькомъ домикѣ о́-бокъ весьма скоро улеглась суетня, поднятая пріѣздомъ господъ, и въ комнатахъ водворилась тишина, нарушаемая только позвякиваньемъ посуды, которую разбиралъ въ сѣняхъ за перегородкой лакей, да негромкими шагами самого Веребьева, болѣе часу уже ходившаго взадъ и впередъ по слабо освѣщенному кабинету. Кабинетъ этотъ былъ довольно просторенъ, но какъ-то не приспособленъ и не удобенъ. Единственное окно торчало почти въ самомъ углу, мѣшая уставить какъ слѣдуетъ письменный столъ, и распространяя по комнатѣ неровное освѣщеніе. Теперь впрочемъ, при спущенной плотной сторѣ и при свѣтѣ лампы, это неудобство скрадывалось. Веребьевъ былъ доволенъ по крайней мѣрѣ тѣмъ что въ комнатѣ было много свободнаго мѣста, такъ какъ Петръ Казиміровичъ въ убранствѣ ея обнаружилъ экономію и не загородилъ ее мебелью. Можно было безпрепятственно мѣрить ее шагами изъ конца въ конецъ, что̀ въ нѣкоторые часы было для Веребьева настоятельною потребностью.

Такой именно часъ выдался сегодня. Веребьеву до сихъ поръ какъ-то еще не было времени осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи. А надо было многое понять, многое признать доказаннымъ.... Первое что̀ представилось ему и требовало разрѣшенія заключалось въ такомъ простомъ вопросѣ: „счастливъ ли онъ?“ И однакожь о̀нъ ужь давно мѣрными и скорыми шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, безпрестанно подставляя и опрокидывая этотъ вопросъ, и еще не нашелъ никакого рѣшенія. Минутами ему хотѣлось совсѣмъ устранить его, уйти отъ него—но внѣ этого вопроса чувствовалась какая-то пустота. Прежде недавно, когда онъ еще искалъ и мечталъ, ему казалось такъ легко ступить на ту или другую колею, уложить жизнь по тому или другому масшта-

бу. Но теперь колея была найдена, масштабъ выбранъ; и вотъ онъ не зналъ куда ведетъ его эта колея....

Его идеалъ былъ не за горами. Онъ былъ тутъ, подъ рукою, среди готовой дѣйствительности. Устроиться такъ чтобы ни люди, ни предразсудки не мѣшали спокойно и дѣятельно прожить вѣкъ—больше онъ ничего не хотѣлъ. Онъ эту цѣль преслѣдовалъ еще съ тѣхъ поръ какъ пріѣхалъ домой по окончаніи курса въ университетѣ, и какое-то глубоко и скрытно работавшее въ немъ чувство заставило его нравственно покоробиться и поморщиться при первомъ близкомъ столкновеніи съ семьей, съ „домомъ“. Распущенность, въ которую такъ легко втягиваешься, если не остеречься на первомъ шагу, въ немъ, въ свѣжемъ человѣкѣ, разбудила брезгливость. Онъ, осмотрѣвшись, тотчасъ рѣшилъ обособиться, найти себѣ занятіе и зажить въ семьѣ стороною. Имѣніе принадлежало ему; онъ принялся хозяйничать, сначала робко, присматриваясь, ничего не измѣняя въ заведенныхъ порядкахъ и только наблюдая чтобы больше дѣлали и меньше крали. Потомъ сталъ заводить и нѣкоторыя новости: хотѣлось испробовать свои силы, да кстати и не дать залежаться деньгамъ. Тутъ подоспѣло земство; Веребьевъ былъ выбранъ въ гласные, принялся работать горячо, съ нѣкоторымъ даже самопожертвованіемъ, съ иллюзіями. Это продолжалось, конечно, не долго: самопожертвованіе оказалось не достигающимъ цѣли, иллюзіи получили два, три памятныхъ щелчка, задоръ русскаго земца поулегся; но Веребьевъ не бросилъ дѣла, не махнулъ рукою, а только ощуталъ въ самомъ себѣ довольно значительный нравственный убытокъ. Характеръ и выдержка спасли его отъ апатіи и отъ озлобленія. Ему не удалось повести дѣло тою дорогой какой хотѣлось; онъ согласился продолжать его такъ какъ требовали обстоятельства — безъ прежней любви и увлеченія, но съ выработанною жизнью дѣльностью. Нѣкоторая доза сомнѣнія и нерасположенія къ людямъ осѣла на немъ, вмѣстѣ съ жаждой возмѣстить на сторонѣ испытанное разочарованіе. Чувство одиночества сильнѣе стало сказываться въ душѣ. Съ матерью онъ не находилъ общихъ точекъ соприкосновенія; сестра не любила его, и онъ долженъ былъ сознаться что платилъ ей тѣмъ же. Маленькія ежедневныя уязвленія, подымавшія на дыбы оскорбленное самолюбіе, дальше и дальше раздвигали рубежъ отдѣлявшій его отъ семьи. Тутъ первые подступы страсти вдругъ подняли его высоко, высоко надъ

окружавшею дѣйствительностью, надъ обиходомъ однихъ и тѣхъ же интересовъ, разговоровъ и лицъ. Сѣренькая обстановка семьи, „дома", показалась ему еще невзрачнѣе и пошлѣе, когда среди ея нарисовался изящный образъ Людмилы Петровны. Ему разомъ стало ясно чего надо искать, и въ какія двери выйти изъ крошечнаго круга въ который замкнулась его жизнь. Онъ женился.

И вотъ, въ послѣдній день своего медоваго мѣсяца, онъ одиноко шагалъ взадъ и впередъ по своему новому и не нравившемуся ему кабинету, и ворочалъ въ умѣ вопросъ который еще недавно казался такъ утвердительно предрѣшеннымъ: счастливъ ли онъ? нашелъ ли то чего искалъ?

Чувство уступчивости было развито въ Веребьевѣ въ весьма сильной степени. Онъ такъ дорожилъ немногими выпавшими ему на долю благами что готовъ былъ насильно закрыть глаза на все то что̀ представляло цѣнность этихъ благъ въ нѣсколько сомнительномъ свѣтѣ. Только такое капризное чувство какъ любовь могло упорно сопротивляться примиряющей и оправдывающей дѣятельности разсудка....

Было уже не далеко до полночи, когда Людмила Петровна вернулась отъ матери. Маленькими торопливыми шажками прошла она въ кабинетъ, и подойдя къ мужу, положила руку ему на плечо.

— Что̀ ты тутъ подѣлывалъ, мой другъ? спросила она. Ея взгляду тотчасъ предстали пустой письменный столъ и ворохъ чемодановъ и ящиковъ, сброшенныхъ въ уголъ и еще не опорожненныхъ.—Не разбирался еще?

— Успѣю; что̀ жь ночью начинать? отвѣтилъ Веребьевъ.

Людмила Петровна быстро и внимательно заглянула ему въ глаза: ей подозрительнымъ показался сухой тонъ этого отвѣта.

— Какъ у тебя темно.... проговорила она, и подойдя къ столу, прибавила огня въ лампѣ и зажгла стоявшія подлѣ свѣчи. Въ комнатѣ какъ будто веселѣе сдѣлалось.

— Этотъ кабинетъ не очень удобный? да? продолжала она, опустившись на диванъ и потянувъ за рукавъ мужа.—Не нравится тебѣ? я ужь по глазамъ вижу....

— Мнѣ право все равно.... отвѣтилъ Веребьевъ, садясь подлѣ жены и положивъ руку кругомъ ея таліи.

— И тѣмъ лучше, если не нравится: меньше сидѣть въ немъ

будешь, продолжала, улыбаясь, Людмила Петровна.—Ты вѣдь бука, тебя еще растормошить надо....

Веребьевъ на это только улыбнулся. Перспектива какъ его будетъ тормошить хорошенькая жена показалось ему издали очень завлекательною.

— Я хочу у насъ понедѣльники устроить.... ты ничего противъ этого не имѣешь? приступила Людмила Петровна, ласково заглядывая мужу въ глаза.

— Это твое дѣло, отвѣтилъ Веребьевъ.

— Мнѣ кажется такъ для тебя самого удобнѣе будетъ; а то каждый день станутъ ходить гости, надоѣдать тебѣ.... продолжала молодая женщина.—И потомъ.... maman говорила, Казатины недавно въ Петербургъ уѣхали, послѣ нихъ ложа свободная осталась: ты абонируешься?

— Изволь, согласился опять Веребьевъ.

Людмила Петровна прижалась головкой къ его плечу.

— Знаешь, ужь покутимъ нынѣшнюю зиму: это вѣдь самое счастливое время въ нашей жизни! проговорила она, подставляя поцѣлую лежавшую на его плечѣ головку.

У Веребьева мелькнула мысль что если это самое счастливое время въ ихъ жизни, то сообразно ли было прибѣгать къ тѣмъ заурядньмъ, пошленькимъ развлеченіямъ, въ которыхъ находятъ рессурсъ люди ничѣмъ внутренно не наполненные и ни на чемъ не сосредоточенные? Но ему слишкомъ отрадно было слышать сорвавшееся полупризнаніе, и онъ не рѣшился смутить его.

„Каждый любитъ по-своему, подумалъ онъ. И она тоже любитъ, и въ то же время нуждается въ свѣтѣ, въ развлеченіяхъ, къ которымъ привыкла и которыя можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ необходимы для такой молодой женщины.“

VI.

Понедѣльники дѣйствительно устроились: Людмила Петровна приняла заблаговременно всѣ мѣры чтобъ обезпечить ихъ успѣхъ. Такъ какъ квартира которую они занимали въ городѣ была небольшая, то собрать у себя многочисленное общество оказалось невозможнымъ; поэтому произведена была всѣмъ знакомымъ строгая сортировка; Людмила

Петровна надѣялась въ качественномъ отношеніи вознаградить себя за то что̀ теряла въ количественномъ. Мужъ не сопротивлялся объѣхать съ нею съ визитами нѣсколько избранныхъ домовъ, значившихся въ ея спискѣ; и едва она замѣтила что визиты начинаютъ утомлять его, какъ тотчасъ же освободила его отъ этой обязанности, и на слѣдующій день поѣхала съ матерью, объясняя гдѣ было нужно что мужъ занятъ устройствомъ квартиры и приноситъ свои искреннія извиненія. Дамы которыя должны были составить обычный кружокъ Людмилы Петровны были все молоденькія, бойкія и почему-нибудь интересныя; Людмила Петровна была совершенно чужда соревнованія и зависти и не заботилась окружить себя нарочно некрасивыми женщинами, среди которыхъ рельефнѣе выступала бы ея собственная красота. Съ молодежью она встрѣтилась на четверговомъ раутѣ у матери, куда явился на короткое время и Николай Васильевичъ, рѣшившійся не манкировать, на первыхъ порахъ по крайней мѣрѣ, родственными отношеніями, и не подать повода къ упрекамъ въ холодности или нерасположеніи. Но у Ельницкихъ по четвергамъ собиралось весьма пестрое общество—все что̀ когда-нибудь съ ними встрѣтилось и познакомилось; и хотя Петръ Казиміровичъ весьма замѣтно оттѣнялъ свои отношенія, держась съ большинствомъ въ нѣсколько пренебрежительномъ тонѣ, но въ домѣ съ давнихъ поръ установилась какая-то своего рода распущенность, заставлявшая говорить въ городѣ что „у Клеопатры Ивановны гости безъ церемоній". Веребьевъ, еще мало присмотрѣвшійся къ этимъ раутамъ, чувствовалъ отражавшуюся на нихъ нравственную неряшливость и въ особенности не могъ переносить необузданной болтовни Клеопатры Ивановны.

Въ понедѣльникъ было все иначе. Общество собравшееся у Людмилы Петровны могло назваться очень интереснымъ, и ужь конечно ни у кого въ городѣ не встрѣчалось вмѣстѣ столькихъ хорошенькихъ женщинъ и щеголеватыхъ молодыхъ людей. Даже Клеопатра Ивановна чувствовала себя нѣсколько стѣсненною и держалась далеко не съ тою безцеремонностью какъ дома. Уколовъ явился однимъ изъ первыхъ, и не найдя Николая Васильевича въ гостиной, пришелъ къ нему въ кабинетъ выкурить сигару, причемъ похвалилъ квартиру и прошелся по ней со свѣчею въ рукѣ, разглядывая обои и отдавая справедливость вкусу и умѣнью Клеопатры Ивановны. Николай Василь-

евичъ былъ больше озадаченъ, чѣмъ оскорбленъ этою развязностью губернскаго льва, и съ какимъ-то растерявшимся чувствомъ ходилъ вслѣдъ за нимъ по комнатамъ и отвѣчалъ на его замѣчанія. Между тѣмъ гости съѣзжались; Людмила Петровна, встрѣчая ихъ, съ улыбкой взглядывала на мужа, точно ободряя его показать себя на этотъ разъ со всѣми любезнымъ; ей какъ будто добродушно смѣшно было видѣть въ первый разъ мужа въ этой роли хозяина. Николаю Васильевичу и самому въ первые полчаса не скучно было: молодыя, красивыя, веселыя лица, наполнившія ихъ уютную гостиную, заняли его непривыктее къ обществу вниманіе. „Можетъ-быть это и въ самомъ дѣлѣ весело?“ подумалъ онъ, вслушиваясь въ поднявшійся вокругъ него говоръ. Но мысль эта не долго носилась въ его головѣ. Гости раздѣлились маленькими группами; дамы, показавшіяся ему такими веселыми, интересными, скоро обнаружили что каждая изъ нихъ пріѣхала на раутъ съ arrière-pensée, что у каждой есть свой собственный, уже готовый интересъ, въ лицѣ высокаго брюнета съ выразительными глазами, или блондина съ выхоленною щеголеватою бородкой. Общій разговоръ потерялся; говорили по угламъ, слышался отдѣльный смѣхъ и непонятные постороннему отрывочные намеки. Чувство своей ненадобности, одиночества, сказалось въ Веребьевѣ; онъ догадался что все тутъ занято, замѣщено, и что онъ не только никому здѣсь не нуженъ, но еще и жену его отняли у него для обязанностей хозяйки. Онъ незамѣтно оставилъ гостиную и ушелъ въ кабинетъ.

Чувство одиночества въ первый разъ больно и ясно, нестерпимо ясно, охватило его. Додумываться, анализировать было безполезно. Такъ точно какъ въ холостое свое время, послѣ цѣлаго ряда маленькихъ столкновеній и неудачъ, отдѣлившихъ его отъ родныхъ и отъ общества, такъ точно испытывалъ онъ теперь гнетущее сознаніе своей особности, ненужности. Тогда отъ этой тоски одиночества онъ ушелъ, поддавшись внезапно и властительно поработившей его страсти. Человѣкъ два раза въ жизни входитъ въ семью. Онъ разошелся съ первою; впереди ему улыбалась возможность вновь, по собственному зрѣлому выбору, устроить себѣ другую семью, и уже на всю жизнь. Теперь этого выхода больше не было. Затративъ послѣднее, онъ остался бѣднѣе, чѣмъ былъ прежде. „Зрѣлый выборъ“, подсказанный близорукою страстью, стоялъ теперь предъ нимъ своею лѣвою стороной,

во всеоружіи невозвратимости. „Но такъ ли я смотрю на вещи? не преувеличиваю ли я подъ вліяніемъ раздраженія и фальшивыхъ иллюзій?“ вертѣлось у него въ головѣ. Онъ радъ былъ остановиться на этой мысли. Онъ перебиралъ въ умѣ тысячи легкихъ, незначительныхъ порознь подробностей своего медоваго мѣсяца, припоминалъ слова, взгляды, и не зналъ что̀ рѣшить, не находилъ общаго цѣльнаго освѣщенія. Только подозрительное внутреннее чувство вставало въ немъ и сказывалось возростающимъ раздраженіемъ. „Для любви, для счастья, нужна вѣра, а этой вѣры у меня нѣтъ“, рѣшилъ онъ съ грустью.

Было уже за полночь. Говоръ и шумъ въ гостиной совсѣмъ стихли; Веревьевъ подумалъ что должно-быть гости разъѣхались, и вышелъ посмотрѣть—что̀ жена?

Онъ не вполнѣ угадалъ: въ гостиной съ Людмилой Петровной оставался еще Уxоловъ. Они сидѣли довольно далеко другъ отъ друга и о чемъ-то разговаривали. Уxоловъ повертывалъ въ рукѣ шляпу, какъ человѣкъ который уже собрался было уйти, но вдругъ разговорился и остался. Раздраженіе накопившееся въ груди Веребьева только усилилось при видѣ Уxолова.

— Не знаю хорошо ли ты дѣлаешь что такъ поздно засиживаешься? сухо сказалъ онъ женѣ, не обративъ на гостя никакого вниманія.

У Людмилы Петровны губы слегка поблѣднѣли, но лицо осталось спокойнымъ.

— Развѣ такъ поздно? спросила она равнодушно.

Уxоловъ сконфузился и торопливо поднялся съ кресла.

— Простите, Людмила Петровна, это я васъ такъ задержалъ... сказалъ онъ.

— Такъ до свиданья — до завтра? простилась съ нимъ Людмила Петровна, подавая руку. — Я пригласила Павла Сергѣича завтра къ намъ въ ложу... пояснила она мужу.

Тотъ ничего на это не сказалъ, и только, подавая Уxолову руку, сухо проговорилъ: „прощайте“, и не вышелъ его проводить въ переднюю.

Изъ гостиной, гдѣ мужъ и жена остались вдвоемъ, слышно было какъ Уxоловъ возился съ калошами, почему-то не налѣзавшими сразу на ноги. Весьма вѣроятно было что онъ съ намѣреніемъ мѣшкалъ въ передней, разчитывая услышать первое, весьма интересовавшее его слово какое будетъ сказано Веребьевыми по его уходѣ. Наконецъ дверь за нимъ захлоп-

нулась, и слуга прошелъ въ гостиную убирать десертныя блюдечки и салфетки.

Людмила Петровна стояла неподвижно у стола, съ блѣдными еще губами, и перебирала пальцами конфекты, лежавшія предъ ней на тарелочкѣ. Опущенный взглядъ ея ни разу не поднялся на мужа.

— Лампы можно тушить? спросилъ лакей.

— Туши, отвѣтила Людмила Петровна, и взявъ со стола конфекты, понесла ихъ къ себѣ въ комнату. Веребьевъ молча пошелъ за нею.

Людмила Петровна прошла всю комнату, поставила тарелочку съ конфектами на туалетный столикъ, и вдругъ быстро повернулась къ шедшему по ея слѣдамъ мужу.

Комнату освѣщали только двѣ свѣчи, горѣвшія у трюмо; стройная фигура молодой женщины, съ немного закинутою назадъ головкой, отразилась во весь ростъ въ широкомъ зеркалѣ. Глаза со сверкнувшими въ нихъ искрами теперь прямо глядѣли на мужа, и розовыя ноздри слегка раздулись.

— Вы сдѣлали мнѣ сцену, Николай Васильичъ.

Уголки рта ея слегка дрогнули, когда она произносила эту фразу. Веребьеву на минуту какъ будто неловко стало.

— Я только хотѣлъ дать замѣтить Уходову что не намѣренъ поощрять его короткости въ домѣ... сказалъ онъ.

— И вы не придумали для этого ничего умнѣе какъ поставить меня въ смѣшное положеніе? перебила его Людмила Петровна.

— Тебя? чѣмъ же это? неловко спросилъ Веребьевъ.

— Такъ вы и не понимаете даже! воскликнула Людмила Петровна, всплеснувъ руками.—Вы разгоняете моихъ гостей, отсылаете меня спать, распоряжаетесь моею личностью, моею гостиной, моею свободой, и удивляетесь что я называю свое положеніе неловкимъ? продолжала она, постепенно возвышая голосъ и сверкая глазами, въ которыхъ при каждомъ взмахѣ рѣсницъ вспыхивали искры. — Стало-быть вы предполагаете продолжать этотъ образъ дѣйствій, такъ какъ не находите въ немъ ничего предосудительнаго?

Веребьевъ не ожидалъ этого горячаго объясненія; онъ готовъ былъ почувствовать себя виноватымъ, но раздраженіе еще не остыло въ немъ, и вызывающій тонъ жены не могъ подѣйствовать на него примирительно.

— Я точно также не люблю смѣшныхъ положеній и не желаю разыгрывать въ губернскомъ свѣтѣ роль mari de la reine

возразилъ онъ сухо. — Уховъ мнѣ положительно противенъ; ты это знала когда еще была невѣстой, и могла бы отстранить его... безъ скандала, какъ вы всѣ выражаетесь.

— Но для чего бы я стала отстранять его? воскликнула, закидывая голову, Людмила Петровна.—Вамъ онъ противенъ? а мнѣ противны ваши косолапые пріятели, которые шляются къ вамъ и съ утра натаптываютъ въ передней; вы бы посовѣтовали имъ калоши носить... Такъ вотъ и займемся взаимными услугами; вы будуте отваживать моихъ знакомыхъ, а я вашихъ. Угодно вамъ?

Намекъ на „косолапыхъ“ пріятелей былъ очень чувствителенъ Веребьеву. Къ нему въ самомъ дѣлѣ хаживали разныя нѣсколько странныя на видъ личности, которыхъ онъ очень любилъ за умъ или дѣльность, сознавая въ то же время ихъ совершенную „невозможность“ какъ обыкновенныхъ знакомыхъ; поэтому онъ и не водилъ ихъ въ гостиную и не знакомилъ съ женой. Но ему досадно было что Людмила Петровна понимала ихъ исключительно только со стороны ихъ „косолапости“. Демократическая жилка заговорила въ немъ.

— Эти „косолапые“ въ тысячу разъ умнѣе и честнѣе вашихъ глупыхъ франтовъ, возразилъ онъ съ краской въ лицѣ, въ первый разъ переходя въ спорѣ съ женой на язвительное *вы*.—А къ вамъ я съ ними не набиваюсь, вы кажется видѣли это! добавилъ онъ.

Людмила Петровна, не отвѣчая, задула одну свѣчу, а другую взяла въ руку.

— Послушайте, Николай Васильичъ... обратилась она къ нему совершенно спокойно.—Я готова быть вамъ хорошею женой, но въ опекѣ вашей не нуждаюсь. Это будетъ напрасная забота съ вашей стороны; роль дрессированной жены мнѣ очень мало нравится; я еще въ дѣвушкахъ пользовалась полною свободой. Смѣшныхъ положеній я также не намѣрена выносить, и если вы не откажетесь отъ вашихъ странныхъ претензій, я также отлично сумѣю поднять васъ на смѣхъ,—будьте увѣрены!—А пока, доброй ночи!

И кивнувъ мужу головой, Людмила Петровна со свѣчей въ рукѣ спокойно прошла въ спальную.

Веребьевъ остался одинъ въ потьмахъ. Онъ прислушался, не щелкнетъ ли замокъ въ двери за которою исчезла Людмила Петровна, и увѣрившись что дверь не заперта, вошелъ въ нее вслѣдъ за женою.

— Милочка, ты сердишься? спросилъ онъ неувѣреннымъ и ласковымъ голосомъ, нагнавъ жену.

Людмила Петровна изъ-за плеча чуть-чуть повернула къ нему голову.

— Ты гадкій сегодня, Николай.... сказала она равнодушно.— Ты меня оскорбилъ при постороннемъ человѣкѣ и заставилъ выдержать сцену.

Она сохраняла все то же положеніе. Шелковистый, пахучій локонъ, колебавшійся на ея покатой спинѣ, скользилъ по щекѣ Веребьева. Онъ быстро и крѣпко притянулъ къ себѣ жену обѣими руками.

— Милочка, это наша первая крупная ссора; она намъ къ добру послужитъ! сказалъ онъ, потянувшись губами къ ея щекѣ, однимъ краемъ обращенной къ нему.

— Не знаю.... отвѣтила задумчиво Людмила Петровна, покачавъ головой.

Уголокъ ея глаза подозрительно смотрѣлъ на мужа.

— Я думала что ты добрый, мягкій; а ты злой! сказала она.

— Злой? переспросилъ съ ущемившимъ внутреннимъ чувствомъ Веребьевъ.

— Да, злой, подтвердила Людмила Петровна,—и я вѣроятно эту ночь плакать буду, добавила она, моргнувъ длинными рѣсницами.

У Веребьева что-то упало въ груди. Все до сихъ поръ только волновавшее и раздражавшее его вдругъ встало предъ нимъ при совершенно другомъ освѣщеніи. Ему безконечно жаль стало этого мучительно-красиваго лица, за минуту дышавшаго оскорбленнымъ гнѣвомъ, а теперь блѣднаго и утомленнаго.

— Милочка, прости меня! Это вѣдь все изъ-за такихъ пустяковъ вышло! произнесъ онъ упавшимъ голосомъ.

— То-то и скверно! возразила молодая женщина.—Еслибъ я была виновата, я кажется позволила бы тебѣ ударить меня... Ахъ, какъ вы всѣ грубы, самые даже лучшіе мущины!

Веребьевъ опустился къ ея колѣнямъ и прижался лицомъ къ мягкимъ шелковымъ складкамъ ея платья.

— Дитя мое, вѣдь это оттого что я безумно люблю тебя! прошепталъ онъ страстно.

— Зачѣмъ же безумно? Я такой любви не понимаю и не хочу, остановила его Людмила Петровна, и прижавъ ладонь къ его горячему лбу, тихонько оттолкнула его.—Если у насъ изъ-за

каждой бездѣлицы такія сцены будутъ, я съ этою жизнью никогда не примирюсь, продолжала она.—Ты послушай, скажи мнѣ: ты ревнивъ?

— Вѣроятно, отвѣтилъ Веребьевъ.

— И къ Ухолову ревнуешь меня?

— Не ревную, а просто мнѣ его рожа не нравится, высказался Веребьевъ.

— Ну, такъ подумай же, разсуди самъ, ты вѣдь такимъ благороднымъ себя считаешь, можно ли требовать отъ жены чтобъ она отказала отъ дому человѣку изъ-за такой вздорной причины? А Ухоловъ очень услужливый, обязательный человѣкъ, и съ нимъ нельзя разорвать, не поставивъ себя въ натянутое положеніе къ цѣлому городу. Ты вѣдь знаешь что у твоей хорошенькой жены слабость есть—она любитъ общество! заключила Людмила Петровна, запустивъ тонкіе пальчики въ слегка курчавившіеся волосы мужа.

VII.

Примиреніе, такъ быстро послѣдовавшее за первою значительною вспышкой супружескихъ несогласій, было, повидимому, совершенно искреннее съ обѣихъ сторонъ. По крайней мѣрѣ относительно Николая Васильевича невозможно было сомнѣваться, и прекрасно сдѣлалъ Петръ Казиміровичъ, избравъ именно утро слѣдующаго дня для дѣловаго и вмѣстѣ родственнаго посѣщенія, которое онъ давно уже собирался нанести зятю, но все выжидалъ удобнаго времени. Въ качествѣ человѣка пожилаго и совершенно поглощеннаго службой, Петръ Казиміровичъ еще ни разу не былъ у молодыхъ; дальнѣйшая медленность могла показаться преднамѣренною, да притомъ существовала и особая причина настоятельно направлявшая сановнаго тестя къ зятю. Причина эта ежедневно напоминала о себѣ Петру Казиміровичу, красуясь на его столѣ въ видѣ сложеннаго по-канцелярски листа бумаги, въ которомъ заключался счетъ израсходованныхъ на отдѣлку и убранство квартиры денегъ.

Петръ Казиміровичъ прошелъ сперва прямо къ дочери, поцѣловалъ ее въ лобъ, спросилъ о здоровьи и еще о чемъ-то вполголоса, и тотчасъ же направился въ кабинетъ зятя. Обмѣ-

нявшись первыми условными фразами и раскуривъ сигару, онъ вынулъ изъ кармана уже извѣстное читателю письмецо Веребьева изъ деревни, развернулъ его и щелкнулъ по немъ пальцемъ.

Въ этомъ письмецѣ, любезнѣйшій Николай Васильичъ, началъ онъ, щурясь на листокъ,—вы просили меня отыскать вамъ въ городѣ квартирку и отдѣлать ее, съ тѣмъ что затраченныя на этотъ предметъ деньги вы возвратите мнѣ по прiѣздѣ въ городъ....

Петръ Казиміровичъ при этомъ нѣсколько приблизилъ письмо къ Веребьеву и провелъ пальцемъ по строкамъ, причемъ вдругъ какъ-то пытливо и строго взглянулъ на зятя. Какъ человѣкъ осмотрительный, онъ счелъ нужнымъ предварительно заявить что сохранилъ письмецо въ качествѣ нѣкотораго документа.

— Да-съ, я давно собирался просить васъ покончить эти счеты, сказалъ Веребьевъ.

— Теперь это дѣло одной минуты, успокоительно замѣтилъ Петръ Казиміровичъ, тѣмъ же порядкомъ вытаскивая изъ кармана счетъ.—Вотъ-съ, не угодно ли вамъ просмотрѣть и свѣрить съ наличностью; я сюда каждую копѣйку вносилъ.

Веребьевъ пробѣжалъ глазами счетъ и поморщился: цифры стояли круглыя, итогъ выходилъ весьма почтенный.

— У меня дома нѣтъ такихъ денегъ; я съѣзжу въ банкъ, сказалъ онъ.

Петръ Казиміровичъ фамиліарно дотронулся до его плеча

— Не торопитесь, любезнѣйшій Николай Васильичъ, пожалуста не торопитесь; дѣло вѣдь не къ спѣху, успокоилъ онъ его.—Я только для памяти....

Но Веребьевъ, напротивъ, очень торопился. По уходѣ тестя онъ тотчасъ поѣхалъ въ банкъ, взялъ тамъ нужную сумму и отослалъ съ женой къ Петру Казиміровичу.

— Папà, я вамъ деньги принесла, сказала Людмила Петровна, входя въ кабинетъ отца съ толстою пачкой ассигнацій.

Петръ Казиміровичъ окинулъ деньги слегка вспыхнувшимъ взглядомъ, быстро пересчиталъ и усмѣхнулся.

— Славный у тебя муженекъ, Милочка: честный, съ состояніемъ.... сказалъ онъ.

Людмила Петровна слѣдила за разноцвѣтными бумажками, быстро мелькавшими въ рукахъ отца.

— Папà, я вамъ всѣхъ не отдамъ, сказала она, нахмуривъ свои подвижныя бровки.

Петръ Казиміровичъ усмѣхнулся и продолжалъ складывать ассигнаціи.

— Вы мнѣ до сихъ поръ вѣдь очень мало дали; дайте хоть изъ мужниныхъ денегъ! продолжала настойчиво Людмила Петровна.

— Съ этакимъ золотымъ мужемъ на чтò тебѣ свои деньги? возразилъ Петръ Казиміровичъ, все еще улыбаясь, хотя требованіе дочери заставило его внутренно поморщиться.—Ну, да ужь пусть по-твоему, возьми! рѣшилъ онъ, протягивая къ дочери нѣсколько ассигнацій.—А Николаю Васильичу я росписочку дамъ: хоть и свои, да деньги счетъ любятъ.

Людмила Петровна дождалась росписки, опустила деньги въ карманъ, и придерживая ихъ тамъ рукою, быстро перебѣжала черезъ дворъ.

— Nicolas, merci, воскликнула она, столкнувшись съ мужемъ и нѣсколько разъ крѣпко поцѣловала его въ лобъ.

— За чтò это? спросилъ озадаченный Веребьевъ.

— А за мебель я еще не поблагодарила тебя, пояснила Людмила Петровна, сжимая въ карманѣ только-что добытыя ассигнаціи.

Въ передней въ эту минуту слабо задребезжалъ звонокъ.

— Это вѣрно къ тебѣ; я исчезаю.... сказала Людмила Петровна, и скрывшись за дверью, по обыкновенію пріостановилась чтобъ однимъ глазкомъ взглянуть въ щелочку на „косолапаго“ посѣтителя.

На порогѣ кабинета показалась и тихонько прошмыгнула въ комнату довольно странная фигура.

Это былъ человѣкъ средняго роста, худощавый и бѣлокурый. Съ перваго взгляда трудно было бы угадать его лѣта: черты лица казались молодыми, а выраженіе старымъ, или скорѣе утомленнымъ и даже нездоровымъ. Хорошъ онъ или дуренъ, также нельзя было бы опредѣлить сразу. Лобъ у него былъ открытый, но слишкомъ сдавленный въ вискахъ, желтоватые, рѣдкіе и очень мягкіе волосы стояли кверху; непріятно было что они очень мало отличались цвѣтомъ отъ кожи. Маленькіе глаза ласково и нѣсколько робко глядѣли изъ-подъ мягкихъ, расплывающихся, лишенныхъ характерности бровей. Тонкія и блѣдныя губы улыбались, но какъ будто не тому чтò онъ видѣлъ, а чему-то особенному, происходившему въ немъ самомъ.

Одѣтъ онъ былъ довольно опрятно, во все черное, но платье какъ-то неудобно сидѣло на немъ, тѣснило, точно онъ надѣлъ его не примѣривъ. У него была также очень странная, скользящая, беззвучная походка: онъ не вошелъ, а прошмыгнулъ въ комнату, какъ-то бокомъ, точно входилъ не въ дверь, а въ щель.

— А, Яковъ Алексѣичъ! Давненько что-то васъ не видно! встрѣтилъ гостя Веребьевъ, и не сразу успѣлъ усадить его въ кресло: тотъ все какъ-то жался, переминался съ ноги на ногу и откланивался на всѣ приглашенія.—Какъ поживаете?

Гость и на это отвѣтилъ молчаливою улыбкой и поклономъ. Наконецъ онъ усѣлся ужасно неловко, бокомъ, и продолжалъ все такъ же неопредѣленно улыбаться, неспокойно тереба пальцами едва державшуюся на сюртукѣ пуговицу.

Яковъ Алексѣевичъ изъ всѣхъ „косолапыхъ" пріятелей Веребьева былъ конечно самый странный и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ самый замѣчательный. Фамилія у него тоже была очень странная: Ляличкинъ. О прошедшемъ его не только Веребьевъ, но и никто въ городѣ не зналъ ничего основательно. Появился онъ тутъ какъ-то незамѣтно, можетъ-быть пять, а можетъ-быть и десять лѣтъ назадъ, съ теткой, сн.явшею отъ бездѣтнаго дальняго родственника маленькую макаронную фабрику и скоро умершею. Тетка носила другую фамилію, и потому когда она умерла, Ляличкинъ оказался для всѣхъ такъ же мало извѣстнымъ какъ еслибъ онъ наканунѣ ночью свалился съ соборной колокольни. Макаронная фабрика исчезла, а взамѣнъ ея явились у Ляличкина кое-какія весьма скромныя средства, хватавшія ему на его незатѣйливую и нѣсколько цыганскую жизнь. Никакихъ постоянныхъ и опредѣленныхъ занятій которыя могли бы приносить доходъ у Ляличкина не было, но онъ не оставался совершенно празднымъ. Онъ звалъ себя сочинителемъ, и дѣйствительно сочинялъ; впрочемъ до сихъ поръ ничего не кончилъ и не напечаталъ. Учился ли онъ гдѣ-нибудь и когда-нибудь, про то рѣшительно никто не зналъ, но въ разговорѣ его постоянно слышалось что-то такое что̀ обличало человѣка образованнаго и много думавшаго. Только всему этому сообщался какой-то особенный складъ, заставлявшій Веребьева серіозно считать своего пріятеля немного помѣшаннымъ. Тотъ же складъ отражался и на литературной работѣ Ляличкина: не то чтобы въ ней недоставало обыкновенной связи, но рядомъ со страницами положительно

талантливыми шло что-то невыработанное, не съ той точки взятое или слишкомъ уже оригинальное и смѣлое, но притомъ не объясненное и не поставленное на почву. Впрочемъ Ляличкинъ писалъ мало; онъ больше приготовлялся, думалъ и искалъ. Онъ иногда на долгое время чѣмъ-нибудь задавался, напримѣръ изученіемъ встрѣтившагося ему типа—и носился съ этою задачей, спалъ съ ней, выбалтывалъ ее кому попадется. Кругъ знакомства его ограничивался впрочемъ чуть ли не однимъ Веребьевымъ, съ которымъ онъ сошелся потому что Веребьевъ съ первой встрѣчи обнаружилъ такое простое и неподдѣльное участіе къ нему что разомъ завладѣлъ его симпатіями. Веребьевъ былъ также единственнымъ лицомъ съ которымъ Ляличкинъ дѣлился своими литературными планами и трудами. У него и теперь лежала на столѣ неоконченная повѣсть, которую Ляличкинъ занесъ ему еще до его женитьбы, и за чтеніемъ которой Веребьевъ провелъ нѣсколько странныхъ часовъ. Повѣсть была крайне оригинальная—смѣсь гофманщины съ народною поэзіей; были и страницы необыкновенно сильныя, но съ какою-то горячечною силой.

— Я поджидалъ васъ давно, думалъ что вы за повѣстью зайдете, сказалъ Веребьевъ.—Я прочиталъ ее.

— Не годится? какъ-то стѣсняясь спросилъ Ляличкинъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Веребьевъ. — Тамъ есть страницы которыхъ не забудешь; но фантазіи, фантазіи у васъ слишкомъ много. Или вы мало наблюдаете дѣйствительную жизнь, или у васъ воображеніе уже такъ болѣзненно направлено.

Веребьевъ спохватился, не слишкомъ ли уже ясно намекнулъ онъ? Но Ляличкинъ смотрѣлъ на него съ выраженіемъ такой несомнѣнной ироніи что Веребьевъ самъ нѣсколько смутился.

— Вы какъ будто не различаете, продолжалъ онъ, непріятно теряясь подъ взглядомъ своего страннаго гостя,—какъ будто не различаете той тонкой, иногда почти невидимой черты которая отдѣляетъ возможное отъ невозможнаго, явленія дѣйствительныя отъ загадочныхъ... Согласитесь, вѣдь героиня вашей повѣсти существо не живое, не изъ тѣхъ съ которыми мы ежедневно встрѣчаемся на улицѣ, въ театрѣ, въ гостиной одним словомъ, дитя фантазіи?

Ляличкинъ при этихъ словахъ пересталъ улыбаться и быстро взмахнулъ на Веребьева своими желтоватыми рѣсницами

— Дитя фантазіи? переспросилъ онъ съ живостью.—Вы ошибаетесь. Это Инночка.

Веребьевъ въ свою очередь съ удивленіемъ вскинулъ глазами на гостя.

— Какъ вы сказали? спросилъ онъ, опасаясь ослышаться.

— Я говорю, это Инночка, повторилъ Лялечкинъ.

— Какая Инночка? спросилъ съ возраставшимъ удивленіемъ Веребьевъ.

— Инночка, вы ее не знаете, объяснилъ Лялечкинъ и вдругъ потупился и какъ-то растерянно засуетился на стулѣ. Пуговица на сюртукѣ безпокоила его, и онъ все крутилъ ее большимъ и указательнымъ пальцемъ и наматывалъ на нее отдѣлившійся кончикъ нитки. Понемногу онъ однако успокоился, и въ узенькихъ глазахъ его даже заиграла прежняя иронія.

— Вы стало-быть отрицаете фантастическое въ жизни? спросилъ онъ своимъ металлическимъ голосомъ, не въ первый разъ уже производившимъ на Веребьева странное и какъ будто тягостное впечатлѣніе. Веребьевъ взглянулъ на него съ особеннымъ любопытствомъ, но тотчасъ опустилъ глаза.

— Я только думаю, отвѣтилъ онъ,—что въ нашъ вѣкъ, при господствѣ практическихъ и соціальныхъ интересовъ, литература должна быть также практической и соціальною, должна искать задачъ въ мірѣ дѣйствительности, и преимущественно въ его темныхъ сторонахъ. По крайней мѣрѣ я думаю что теперь это необходимо для успѣха.

— Міръ дѣйствительности! повторилъ съ тою же ироніей Лялечкинъ.—А совершенно ли вы убѣждены что границы этого міра вамъ въ точности извѣстны? Можетъ-быть то чтò одному покажется фантастическимъ для другаго представляетъ дѣйствительность? говорилъ онъ и прищурился на Веребьева, а на тонкихъ губахъ его блуждала усмѣшка.

— Я, признаться, никогда не задавалъ себѣ серіозно такихъ вопросовъ, сказалъ Веребьевъ, которому все хотѣлось какъ-нибудь отклонить Лялечкина отъ его темы. — Но мнѣ все-таки думается что искусство должно основываться на изученіи дѣйствительной, реальной жизни, что тутъ его настоящая сила. Пестрыя краски черезчуръ избаловали наше зрѣніе; мы требуемъ отъ художника чтобъ онъ подпустилъ гдѣ нужно копоти, потому что и въ жизни на каждомъ шагу встрѣчается копоть....

Лялечкинъ молчалъ, какъ-то насупившись, и изрѣдка насмѣшливо взглядывая на Веребьева.

— Я вѣроятно брошу свою повѣсть: я не то хотѣлъ въ ней

сказать, да не вышло.... проговорилъ онъ. — Но вы мнѣ все-таки отдайте ее....

Веребьевъ досталъ со стола толстую тетрадь; Лялички́нъ свернулъ ее трубкой, засунулъ въ задній карманъ и началъ торопливо прощаться, подшаркивая ножкой, улыбаясь и кланяясь.

— Я на дняхъ зайду къ вамъ: вы все тамъ же живете, въ Глухомъ переулкѣ? спросилъ Веребьевъ.

— Тамъ же, все тамъ же, подтвердилъ Лялички́нъ, и еще разъ шаркнувъ ножкой, безшумно вышелъ изъ кабинета.

VIII.

Предъ тѣмъ какъ ѣхать въ тотъ день въ театръ, Людмила Петровна захотѣла выбрать въ оранжереѣ букетъ. Николай Васильевичъ остался въ каретѣ ждать ее. На улицѣ уже смеркалось, сѣрое небо дышало оттепелью. Веребьеву показалось что онъ ждетъ очень долго; наконецъ Людмила Петровна, осторожно перейдя тротуаръ и держа обѣими руками букетъ, вернулась въ карету. Затворяя дверцу, Веребьевъ вдругъ случайно увидѣлъ за стеклянною стѣной оранжереи ненавистное лицо Ухолова. Подозрительная мысль быстро и ядовито ударила ему въ голову.

— Ты видѣла тамъ Ухолова? спросилъ онъ нѣсколько дрогнувшимъ голосомъ жену.

— Ухолова? Да, онъ тамъ кому-то букетъ покупаетъ.... отвѣтила равнодушно Людмила Петровна.

Веребьевъ замолчалъ. Откинувшись въ уголъ кареты, онъ какъ-то тупо соображалъ обстоятельства этой встрѣчи. Условленное свиданіе? Но зачѣмъ же, когда *имъ* и безъ того предстоитъ провести цѣлый вечеръ вмѣстѣ, и когда то же свиданіе можно устроить гораздо проще, напримѣръ у матери? Слѣдовательно простой случай? Но Веребьевъ какъ-то не въ силахъ былъ остановиться на послѣднемъ предположеніи.... Ему и неспокойно было, и еще болѣе совѣстно этого подозрительнаго, ревниваго чувства, назойливо его смущавшаго.

Въ театрѣ ему было ужасно скучно. Піесу которую давали въ этотъ вечеръ онъ видѣлъ уже нѣсколько разъ; хорошенькая актриса, кружившая цѣлую зиму головы губернской молодежи, показалась ему нисколько не интересною. Ему даже

досадно было смотрѣть на увлеченіе провинціальнаго партера: чѣмъ тутъ восхищаться? А изъ первыхъ рядовъ креселъ поминутно вылетали громоподобные „браво" и всплески аплодисментовъ. Въ райкѣ кто-то попытался шикнуть; аплодисменты усилились, стучали каблуками, палками; нѣсколько угрожающихъ лицъ повернулось въ сторону откуда послышалось шиканье; очевидно было что актрисѣ желали сдѣлать невинную театральную овацію. „Господи, какъ это они умѣютъ при каждой глупости оживиться, интересъ себѣ найти!" думалъ почти съ досадой Веребьевъ.

Людмила Петровна казалась тоже очень оживленною. Ей вздумалось подразнить Ухолова по поводу купленнаго имъ букета. Ухоловъ былъ очевидно очень доволенъ что его дразнятъ, и отшучивался съ видомъ нѣкоторой таинственности. Но по окончаніи перваго акта капельмейстеръ торжественно поднесъ актрисѣ букетъ, очень хорошо замѣченный Людмилой Петровной по длиннымъ голубымъ лентамъ, и таинственность разъяснилась.

— Такъ вотъ она дама вашего сердца? поддразнила его Людмила Петровна.

— Это просто дань театральнымъ обычаямъ....

— Разказывайте, перебила его Людмила Петровна. — Мнѣ давно говорили что вы за ней ухаживаете.... Да и очень просто: *всѣ* за ней гоняются, такъ какъ же вамъ отстать отъ другихъ?

— Очень лестнаго вы обо мнѣ мнѣнія, улыбнулся съ легкою гримасой Ухоловъ, но однако воспользовался антрактомъ чтобы проникнуть за кулисы.

— Вѣтреникъ какой этотъ Ухоловъ, равнодушно сказала Людмила Петровна, оставшись одна съ мужемъ и отодвинувшись въ глубину ложи. — Въ прошломъ году таялъ предъ Стрѣлковой, теперь съума сходитъ по Горевой: съ каждою новою актрисой новая любовь....

Веребьевъ ничего не отвѣтилъ. „Зачѣмъ она мнѣ это говоритъ?" подумалъ онъ. И ему вдругъ пришла въ голову мысль: ужь не комедію ли они условились разыграть предъ нимъ, чтобъ этимъ ухаживаньемъ за актрисой отвлечь его подозрительное вниманіе? Тогда и эта встрѣча въ оранжереѣ, случайность которой онъ не хотѣлъ допустить, объяснится очень просто изъ той же идеи....

Ему вдругъ сдѣлалось гадко и за нее, и за собственную свою мысль....

Уховловъ не остался до конца спектакля: его ждало какое-то неотлагаемое дѣло.

— Вы больше любите быть актеромъ чѣмъ зрителемъ, сказала ему, усмѣхаясь, Людмила Петровна.

Спустя полчаса, Людмила Петровна сама предложила ѣхать домой: спектакль и ей начиналъ казаться утомительнымъ. Веребьеву было все равно; онъ согласился.

Въ окнахъ у Ельницкихъ свѣтились огни.

— Я пойду пить чай къ maman, сказала Людмила Петровна, выходя изъ кареты.

Веребьевъ молча вошелъ домой. Безотчетная, гнетущая тоска наполняла ему душу. Съ какимъ-то злорадствомъ думалъ онъ что можетъ-быть Уховловъ въ эту минуту сидитъ съ его женой у Ельницкихъ, не даромъ Людмила Петровна такъ рада была что квартира занята бокъ-о-бокъ съ домомъ матери. Ревнивое воображеніе его все съ тою же злобною радостью разыгрывалось долѣе и долѣе на эту тему. Можетъ-быть жена даже не къ матери пошла.... вѣдь она знаетъ что мужъ не станетъ за нею шпіонить. И ему тутъ же приходила мысль что низко подозрѣвать женщину.... Но развѣ я знаю что̀ такое эта женщина? оправдывался онъ самъ предъ собою.

Ему сдѣлалось невыносимо сидѣть и ждать въ своемъ неуютномъ кабинетѣ. Онъ опять надѣлъ пальто и вышелъ на улицу. Ночь была по зимнему теплая и свѣтлая; въ свѣжемъ, прозрачномъ воздухѣ тянуло какою-то бодрящею влажностью. Веребьевъ прошелъ мимо дома Ельницкихъ: огни въ окнахъ уже погасли, и только въ комнатѣ Клеопатры Ивановны еще свѣтилось за плотно запущенною драпировкой. Онъ повернулъ за уголъ и бездѣльно шелъ все впередъ, не различая улицъ и напряженно путаясь въ какой-то неопредѣленной и мучительной мысли. Дома становились все рѣже, переулки узились и кривились; онъ и не замѣтилъ что приблизился къ отдаленной части города. Вдругъ темный силуэтъ ѳтразившійся на спущенной бѣлой шторѣ приковалъ его вниманіе. Онъ узналъ Уховлова. Комната которой принадлежало окно вѣроятно была маленькая, и потому фигура поставленная между свѣчей и шторкой бросала на послѣднюю рѣзкую, правильную тѣнь. Да и домикъ былъ крошечный, старенькій, съ высокою досчатою крышей и узенькимъ палисадникомъ предъ окнами. По-

винуясь какому-то странному чувству, Веребьевъ толкнулъ качавшуюся на одной петлѣ калитку и подошелъ къ самому домику. Силуэтъ то отдалялся отъ окна, то опять приближался; да, это Уходовъ, ошибиться нѣтъ никакой возможности. Вотъ и другая тѣнь, очевидно женская, обрисовалась на шторѣ. Веребьевъ впился въ нее глазами; дикая, нелѣпая мысль заронилась ему въ голову.... Онъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ.... нѣтъ, онъ слушалъ: до слуха его долетѣлъ короткій, подавленный крикъ. Въ домѣ совершалось что-то странное: тѣни колебались, точно между ними происходила борьба; дрожало должно-быть пламя свѣчи, судя по неровнымъ кругамъ, расплывавшимся по шторѣ; потомъ свѣтъ внезапно погасъ, опять послышался пронзительный, короткій крикъ и какой-то тупой шумъ, похожій на быстрое хлопанье дверью. Въ ту же минуту еще разъ хлопнула дверь, вѣроятно наружная, потому что стукъ раздался явственнѣе, и женская фигура, закутанная съ головой въ большой темный платокъ, стремительно прошмыгнула мимо Веребьева.

— Кто тутъ? инстинктивно окликнулъ онъ ее. У него сердце сильно и неровно колотилось въ грудь.

Незнакомая женская фигура пріостановилась на секунду, повернула къ Веребьеву блѣдное, красивое, почти дѣтское личико, и быстро побѣжала по тротуару.

Веребьевъ постоялъ въ какомъ-то тупомъ недоумѣніи и вдругъ почувствовалъ всю отрезвляющую пошлость своего положенія.

— Ночное похожденіе господина Уходова! произнесъ онъ чуть не вслухъ, съ какою-то злобною радостью смѣясь надъ самимъ собой и надъ хитрою цѣлью подозрѣній и догадокъ, надъ которою работалъ его умъ. Тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ себя въ положеніи человѣка видѣвшаго страшный сонъ, и только-что очнувшагося.

„Однако чтò же это за приключеніе?“ думалъ онъ, поспѣшными шагами возвращаясь домой.

Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ мы должны возвратиться немного назадъ, къ утру этого самаго дня, такъ странно окончившагося.

IX.

Выйдя отъ Веребьева, Ляличкинъ продолжалъ все такъ же иронически улыбаться и даже подсмѣиваться про себя; но какое-то чувство горечи сквозило на его лицѣ сквозь его усмѣшку.

„Міръ дѣйствительности! ежедневная дѣйствительность! какъ это все у нихъ придумано!“ разсуждалъ онъ мысленно, мелкими шажками идя по тротуару. — „А кто меня увѣритъ что только то и дѣйствительно что̀ доступно ихъ ожирѣвшимъ мозгамъ? Практическіе идéалы! какъ еще онъ не сказалъ: мануфактурные идеалы?“ Ляличкинъ опять значительно усмѣхнулся.

„А можетъ-быть“, продолжалъ онъ раздумывать,—„у меня въ самомъ дѣлѣ разстроено воображеніе, какъ говоритъ Веребьевъ, слишкомъ сильно развито, до болѣзненности?—Гм! Болѣзненность! опять, какъ у нихъ удобно придумано: вы видите то что̀ мы не можемъ видѣть, стало-быть это болѣзнь.— Нѣтъ, и онъ не понимаетъ!“ заключилъ Ляличкинъ съ тоской.

Вдругъ онъ остановился въ какомъ-то испугѣ; волненіе внезапно отразилось на блѣдномъ лицѣ.

— Инночка! прошепталъ онъ и почти бѣгомъ бросился догонять быстро промелькнувшую мимо него фигуру.

Это была дѣвушка, или почти дѣвочка, лѣтъ шестнадцати, съ худощавымъ тонкимъ лицомъ, торопливою походкой и маленькими совершенно дѣтскими ножками, быстро мелькавшими изъ-подъ коротенькой ситцевой юбки. Черный поношенный платокъ закрывалъ ей голову и часть лица; несмотря на оттепель, въ этомъ нарядѣ должно было быть холодно. Ляличкинъ только вскользь замѣтилъ ея нѣжный, какъ будто еще не выяснившійся профиль, когда она быстро пробѣжала мимо него. Онъ въ одну минуту догналъ ее и пошелъ тише чтобъ оставаться въ нѣсколькихъ шагахъ позади; онъ не хотѣлъ поровняться съ нею и старался только не упускать ее изъ виду. А она все шла, скоро, не глядя ни на кого; разъ она обернулась; онъ остановился; она пошла еще скорѣе. Вдругъ она повернула въ узкій безлюдный переулокъ, и замѣтивъ что Ляличкинъ идетъ за нею слѣдомъ, внезапно стала прямо предъ нимъ и вскинула на него сверкнувшими глазами.

— Чего вы отъ меня хотите? произнесла она отрывисто, притопнувъ ножкой, и губы ея сердито дрогнули.

Ляличкинъ остановился, скрестилъ на груди руки и молча глядѣлъ на нее.

— Какъ странно! проговорилъ онъ тихо,—мнѣ казалось что у васъ долженъ быть совсѣмъ другой голосъ....

У Инночки брови опять сердито сдвинулись, но взглянувъ пристальнѣе на странную фигуру Ляличкина и его грустно-смѣшную позу, она не могла удержаться и вдругъ расхохоталась.

— Это уморительно! Въ своемъ ли вы умѣ? воскликнула она и опять наморщила свои тоненькія бровки. Отъ волненія прозрачно-розовыя ноздри ея тонко очерченнаго носика расширились и усиленно дышали. У нея было маленькое, очень нѣжное, почти дѣтское лицо; она была шатинка съ голубыми глазами.

— Съ чего вы взяли за мной бѣгать? продолжала она, прикусивъ губу бѣлыми и ровными зубками.—Я на васъ жаловаться буду! добавила она рѣшительно, и притопнувъ своею маленькою ножкой, повернулась и пошла далѣе.

Ляличкинъ съ минуту постоялъ въ раздумьи, потомъ тихо пошелъ назадъ. Онъ уже не улыбался и не подсмѣивался, а сосредоточенно смотрѣлъ подъ ноги, занятый какою-то мыслью. Было около двухъ часовъ пополудни; на уединенной улицѣ по которой онъ шелъ незамѣтно было никакого движенія; въ воздухѣ было влажно, чувствовался непріятный запахъ талой грязи. Ляличкинъ прошелъ уже нѣсколько улицъ, машинально поворачивая то направо то налѣво. Вдругъ онъ поднялъ голову и съ удивленіемъ оглянулся: онъ былъ въ томъ же самомъ переулкѣ въ которомъ исчезла Инночка. Открытіе это какъ будто бы испугало его; онъ остановился и сталъ припоминать какою дорогой онъ шелъ? не ошибся ли онъ? Но нѣтъ, переулокъ дѣйствительно тотъ самый: вотъ большой желтый угольный домъ—единственное каменное зданіе въ этой части города; вотъ кабачокъ со скрипящею на блокѣ дверью; вотъ и низенькій маленькій домикъ за палисадникомъ, у котораго онъ столько разъ стоялъ, поджидая Инночку....

Онъ миновалъ въ раздумьи ворота, дошелъ до слѣдующаго дома и повернулъ; прошелъ еще разъ и опять повернулъ. Во дворѣ не видно было ни души и никакой перемѣны: та же водовозная бочка стояла подлѣ выкинутой изъ погреба пустой

кадки; та же конура въ углу и предъ ней на цѣпи совершенно смирная собака. Ляличкинъ все такъ же машинально вошелъ во дворъ и по тремъ ступенькамъ поднялся въ сѣни. Впереди было окно, направо дверь, сильно захватанная руками, налѣво подымалась вверхъ маленькая лѣсенка—вѣроятно на чердакъ.

„А что же я скажу когда войду къ *нимъ*?" мелькнуло въ головѣ у Ляличкина. Вдругъ ему показалось что изъ-за двери слышится чей-то тонкій, прерывающійся, пронзительный голосъ—какъ будто голосъ Инночки. Онъ встрепенулся, дернулъ дверную скобку и вошелъ.

Тутъ ему представилась очень странная сцена. Но сперва надо объяснить нѣкоторыя предшествовавшія обстоятельства.

Бросивъ Ляличкина, Инночка добѣжала впопыхахъ домой, и въ сѣняхъ сердито хлопнула за собою дверью. Она была не въ духѣ. Этотъ странный господинъ, котораго она совсѣмъ не знала и который точно выросталъ изъ-подъ земли, какъ только она выходила на улицу, выводилъ ее изъ терпѣнія своимъ неотвязчивымъ преслѣдованіемъ. Чего онъ отъ нея хотѣлъ? Она начинала бояться его.

Душистый запахъ сигары непріятно поразилъ ее при входѣ въ комнату.—„Притащился уже!" подумала она, вскинувъ глазами на клеенчатый диванъ, помѣщавшійся въ простѣнкѣ между двумя небольшими и вѣчно тусклыми окнами. На диванѣ сидѣлъ опрокинувшись на спинку и переложивъ ногу на ногу Павелъ Сергѣевичъ Уховъ; нѣсколько поодаль отъ него помѣщалась на стулѣ сморщенная старушонка, въ черномъ холстинковомъ платьѣ, жидкія складки котораго непріятно обрисовывали ея костлявыя формы.

— Чего столько шаталась? заворчала она, какъ только Инна показалась на порогѣ.

Уховъ при входѣ дѣвушки лѣниво приподнялся съ дивана и поймалъ ее за руку. Та быстро ее отдернула.

— Застала братца? продолжала старуха, впиваясь глазами въ Инну.

— Застала.... кланяться вамъ велѣлъ.... отвѣтила Инна.

— Очень мнѣ нужны его поклоны, проворчала старуха.—А что жь онъ денегъ?

— Денегъ?... онъ хотѣлъ прибить меня! отвѣтила Инна сквозь навернувшіяся слезы.

— Стоило затѣмъ и ходить, ужь правда! воскликнула старуха, злобно наморщивая клочковатыя брови.—Вотъ сердце человѣческое, продолжала она, обращаясь къ гостю:—тысячъ пять капиталу имѣетъ, а хоть бы десятью рублями помогъ сестрѣ.

— Можетъ-быть и не за что, спокойно замѣтилъ Уходовъ.

Старуха посмотрѣла на него, на Инну, собрала свое вязанье, почесала спицей за ухомъ и пошла къ двери, громко стуча подошвами. Инночка, заслышавъ ея шаги, встрепенулась и бросилась за нею.

— Куда? прикрикнула на нее старуха.

— Я пойду... тихо проговорила Инночка.

— Еще не доставало! гость тутъ—сиди! сердито остановила ее старуха, ткнувъ костлявою рукой въ плечо.

— Я одна не останусь здѣсь! почти вскрикнула Инночка, хватаясь за ея платье.

— Пусти!—выдумала тоже! огрызнулась та, и оттолкнувъ Инну, захлопнула за собою дверь ведущую во внутреннюю комнату.

Ржавый замокъ лязгнулъ со скрипомъ, и въ маленькой комнаткѣ внезапно стало тихо томительно и жутко тихо. Чижъ, повѣшенный въ домодѣльной клѣткѣ къ окну, долбнулъ носомъ о палочку, пошевелилъ крыломъ и нахохлился; крупная капля, накопившаяся на протекавшемъ потолкѣ, оторвалась и шлепнулась на полъ. Инночка, прижавшись къ стѣнѣ, повела кругомъ взглядомъ и сдвинула брови. Уходовъ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, опираясь одною рукой на спинку кресла, и его желтоватые глаза, разгорѣвшіеся какимъ-то злымъ и жаднымъ блескомъ, слѣдили за каждымъ ея движеніемъ.

— Вы все такія же сердитыя, Инночка?... произнесъ онъ нервно поправляя туго накрахмаленный воротничокъ, подпиравшій ему подбородокъ. Инночка все стояла неподвижно, закусивъ губу и слегка закинувъ голову.

Онъ сдѣлалъ два шага впередъ.

— Инночка, я вѣдь не губить тебя хочу! продолжалъ онъ нетвердо.—Одно твое слово, и я для тебя жизни не пожалѣю, въ золото, въ бархатъ тебя одѣну! Только немножко, на одну чуточку полюби меня, Инночка!

Онъ стремительно подался къ ней и обнялъ ее сильными

руками. Инночка пронзительно вскрикнула и быстро, какъ піявка впилась во что-то зубами.....

— Дьяволъ! простоналъ Уxоловъ, почувствовавъ мучительную боль въ плечѣ. — Я тебя задушу, чертёнокъ! вскрикнулъ онъ, багровѣя отъ злости, но вдругъ остановился и точно прирос къ мѣсту: на него прищуриваясь и какъ будто подсмѣиваясь, глядѣло незнакомое лицо.

X.

— Аа! протяжно произнесъ Лялычкинъ, входя въ комнату и со страннымъ чувствомъ оглядываясь кругомъ.—Я кажется попалъ какъ разъ кстати...

У него колѣни слегка дрожали, и болѣзненная блѣдность лица казалась еще болѣзненнѣе. Инночка, задыхаясь отъ злости и страха, упала на стулъ и закрыла лицо руками. Лялычкинъ подошелъ прямо къ ней.

— Инночка! произнесъ онъ, тихонько отрывая ея руки отъ лица и стараясь заглянуть ей въ глаза.—Инночка, какъ это все странно случилось!

И онъ провелъ рукою по холодному лбу и опять оглянулся.

— Что̀ вамъ здѣсь надо? сердито произнесъ подлѣ нея Уxоловъ, еще не вполнѣ оправившійся отъ всего случившагося.

— Я вамъ да̀мъ воды, продолжалъ Лялычкинъ, и не обращая никакого вниманія на Уxолова, налилъ изъ стоявшаго на столѣ графина стаканъ воды и подалъ Иннѣ.

— Выпейте, это успокоитъ васъ.

Инночка молча оттолкнула стаканъ, пересѣла къ окну и отвернулась.

— Что̀ это все значитъ, и кто вы такой? продолжалъ громче Уxоловъ, у котораго расходилась злость къ непрошенному посѣтителю.

Тотъ разсѣянно вскинулъ на него глазами.

— Я Лялычкинъ, отвѣтилъ онъ.

— Что̀ такое?

— Я вамъ говорю: Лялычкинъ. Это моя фамилія.

— Что̀ вамъ здѣсь надо?

— А развѣ вы здѣсь хозяинъ? Я васъ не знаю.

— Это мнѣ нравится! воскликнулъ Уховолъ, недоумѣвая и сердясь.—Дѣло въ томъ что *я* васъ не знаю!

— Я пришелъ къ Инночкѣ.

— Чтò-о?

— Я къ ней пришелъ, пояснилъ Ляличкинъ, указывая глазами на Инну.

— А по какому случаю вы къ ней пришли?

Ляличкинъ равнодушно пожалъ плечами, и поставивъ себѣ стулъ подлѣ Инны, сѣлъ. Въ эту минуту старуха, заслышавъ въ комнатѣ чужой голосъ, просунула голову въ дверь, и при видѣ незнакомаго лица, въ недоумѣніи остановилась на порогѣ.

— А чтò вамъ, сударь, надо? обратилась она къ Ляличкину, подозрительно оглядывая его съ головы до ногъ.

Ляличкинъ, вмѣсто отвѣта, въ свою очередь внимательно оглянулъ ее.

— Вы здѣсь хозяйка? спросилъ онъ.

Старуха кивнула головой.—А вамъ чтò надо? повторила она.

— Я зашелъ на минуту. Моя фамилія Ляличкинъ. Вы мать Инночки?

— Про то я знаю, неохотно отвѣтила старуха, переглянувшись съ Уховолымъ.—Одначе, если вы по какому дѣлу, такъ объяснитесь, а коли нѣтъ, такъ съ Богомъ,—я незнакомыхъ людей не принимаю.

— Я вамъ сказалъ что пришелъ на минуту, и сейчасъ уйду.— Такъ вы вѣрно родственница?

— Да вы-то, сударь, кто такой? перебила его съ досадой старуха.

— Моя фамилія Ляличкинъ, повторилъ незнакомецъ.—Я сочинитель.

Старуха еще подозрительнѣе посмотрѣла на него.

— А по какому, сударь, дѣлу вы пожаловали? Если на счетъ денегъ, такъ я безъ залогу не даю.—Да и никакихъ денегъ нѣтъ, спохватилась она тутъ же.

— Нѣтъ, не на счетъ денегъ. Я, видите ли, наблюдаю жизнь, отвѣтилъ Ляличкинъ и неожиданно какъ-то исподтишка усмѣхнулся.

— Чтò такое? съ недоумѣніемъ переспросила старуха.

— Наблюдаю жизнь; это теперь всѣ сочинители дѣлаютъ; для нихъ это необходимо.

— Какую жь это жизнь вы соблюдаете? спросила старуха,

сложивъ на тощемъ животѣ руки и прищуриваясь подслѣповатыми глазами.

— Не соблюдаю, а наблюдаю, спокойно поправилъ ее Ляличкинъ.—Я приглядываюсь къ явленіямъ жизни, изучаю ихъ.... Такъ это воспитанница ваша что ли? продолжалъ онъ, указывая глазами на Инночку, которая не поворачивая головы иногда изподлобья съ любопытствомъ взглядывала на разговаривавшихъ.

— Вамъ-то не все ли равно? отвѣтила старуха.—„Никакъ шпіонъ какой-нибудь“, подумала она тутъ же, и съ безпокойствомъ взглянула на Ухолова. Тотъ сдѣлалъ ей знакъ глазами, и взявъ со стола шляпу, незамѣтно исчезъ изъ комнаты.

— Ничего я, сударь, не понимаю про что вы говорите, произнесла старуха, придавъ своему лицу безстрастное и безпомощное выраженіе.—Надсмѣхаться, кажется, вамъ угодно.

Ляличкинъ потеръ рукою лобъ и всталъ.

— Я еще не знаю какъ я это все устрою.... произнесъ онъ задумчиво, и взглянулъ на Инночку; дѣвушка опустила глаза и отвернулась.—Но мы еще увидимся и переговоримъ.... Я зайду.... я буду заходить къ вамъ, продолжалъ онъ, заторопившись и отыскивая шляпу; но вдругъ приблизился къ старухѣ и нагнувшись къ ея уху шепнулъ:

— Знаете, у меня также есть деньги!.. и поймавъ недовѣрчивое и жадное выраженіе блеснувшее въ ея глазахъ, продолжалъ громко съ дребезжащимъ смѣхомъ.

— А вы и повѣрили! Вы и повѣрили! повторилъ онъ, потирая руки.—А я вотъ нарочно оставлю васъ въ недоразумѣніи: не скажу больше ни слова. Но имѣйте въ виду: мы еще увидимся съ вами.—Инночка, прощайте, прибавилъ онъ, и оглянулся, ища глазами дѣвушку: но ея уже не было, она незамѣтно скрылась изъ комнаты.

— Она ушла, а я хотѣлъ сказать ей... произнесъ съ грустью Ляличкинъ.—Ну, нечего дѣлать. Такъ я зайду завтра; тогда мы переговоримъ...

И Ляличкинъ, кланяясь и какъ-то задумчиво усмѣхаясь, точно его опять занимала и забавляла какая-то мысль, вышелъ изъ комнаты, натянувъ на затылокъ свою высокую и значительно смятую шляпу.

Вдругъ онъ остановился, и широкая улыбка освѣтила его

лицо: въ сѣняхъ, притаившись между стѣною и дверью, стояла Инна. Она поджидала его.

— Вы здѣсь, Инночка! съ радостнымъ изумленіемъ воскликнулъ Лялячкинъ. — А я жалѣлъ что не могъ съ вами проститься.

Инночка подняла на него свои большіе голубые глаза. Щеки ея были еще блѣдны отъ недавняго волненія и ея кругленькія плечики повременамъ какъ будто вздрагивали подъ обрисовывавшими ихъ складками старенькаго платьица.

— Я напрасно на васъ сердилась.... произнесла она тихо, и робко протянула Лялячкину свою крошечную, дѣтскую ручку. Тотъ крѣпко пожалъ ея пальчики, потомъ вдругъ поднесъ ихъ къ губамъ, и въ смущеніи быстро поцѣловалъ.

— Такъ вы не сердитесь? не будете сердиться? спрашивалъ онъ, заглядывая ей въ глаза и не выпуская ея руки изъ своей.

— Нѣтъ... А я думала что вы такой же какъ Павелъ Сергѣичъ...

Лялячкинъ усмѣхнулся.

— Его зовутъ Павелъ Сергѣичъ? Вы ненавидите его?

Инна не отвѣчала и тихонько отняла свою руку.

— Я тоже хочу ходить къ вамъ... задумчиво продолжалъ Лялячкинъ.—Потому что.... я вамъ послѣ объясню почему. Это все вздоръ что̀ я старухѣ говорилъ; вы не обращайте на это вниманія. Я буду ходить для того чтобъ этотъ Павелъ Сергѣичъ не трогалъ васъ. А если онъ опять будетъ.... какъ давича, приставать къ вамъ, такъ вы уйдите.... приходите ко мнѣ, я васъ спрячу. Слышите, Инночка, приходите ко мнѣ, у меня васъ никто не тронетъ. Я здѣсь близко живу, въ Глухомъ переулкѣ, домъ Колотовкина, башмачника Колотовкина. Вы не забудете? вы не будете бояться придти ко мнѣ?

— Я не боюсь васъ, проговорила Инночка.

— Да, да, непремѣнно уйдите, если васъ будутъ обижать— ко мнѣ. Домъ Колотовкина, въ Глухомъ переулкѣ. Тамъ вы будете въ совершенной безопасности, никто не найдетъ васъ. А завтра я зайду снова, посмотрю.... я поговорю со старухой. Прощайте, Инночка.

И тою же странною сѣменящею походкой дошелъ Лялячкинъ до конца улицы, завернулъ въ знакомый ему маленькій трактирчикъ и пообѣдалъ. Аппетита у него не было, и онъ только пробовалъ подаваемыя ему блюда; онъ не остался

посидѣть по обыкновенію въ билліардной, а пошелъ прямо домой, въ Глухой переулокъ. Квартира его состояла изъ двухъ небольшихъ комнатъ съ маленькимъ корридорчикомъ вмѣсто передней. Онъ давно уже жилъ на этой квартирѣ и привыкъ къ ней, но какъ-то не умѣлъ въ ней обжиться, не расположился какъ слѣдуетъ. Домовитости въ ней не было никакой, и жилище его до такой степени отличалось походнымъ характеромъ, какъ будто онъ поселился въ немъ вчера, и назавтра намѣревался выбраться. За чистотою онъ тоже не гнался, и совершенно довольствовался тѣмъ что рябая и курносая дѣвка, прислуживавшая ему отъ хозяйки, раза два въ недѣлю махала по его поламъ, совершенно облѣзлою щеткой. Онъ даже сердился на нее въ эти дни: возня и непріятный стукъ голой щетки раздражали его и мѣшали думать.

Войдя въ кабинетъ, Лялечкинъ бросилъ на подоконникъ пальто и шляпу, и не раздѣваясь прилегъ на диванъ, заложивъ руки подъ голову; въ этомъ положеніи онъ привыкъ проводить бо́льшую часть дня; иногда, полежавъ на диванѣ, переходилъ въ спальную и ложился на кровать: тамъ было темнѣе и думалось какъ-то удобнѣе. Но на этотъ разъ ему не лежалось; онъ былъ выбитъ изъ обычной своей колеи, чувствовалъ неопредѣленное физическое волненіе и какую-то напряженность; мысли, быстрѣе чѣмъ обыкновенно, вспыхивали и сбивчиво кружились. Онъ всталъ и началъ ходить по обѣимъ комнатамъ, растворивъ между ними дверь. Непривычное безпокойство выражалось въ его походкѣ и въ мелкихъ нерѣшительныхъ чертахъ его лица; его занимала Инночка. Но она занимала его не сама по себѣ, она какъ-то странно сливалась съ утреннимъ разговоромъ у Веребьева и съ судьбою его повѣсти. Тутъ ему представилась и вся недавняя сцена: старуха и Уховловъ, и загадочный, какъ будто что-то замышляющій, видъ Инночки. Ему припомнился ея ласково-робкій взглядъ при прощаніи и дѣтскій, тихо-звонкій, просящій оправданія голосъ. И ему показалось что звукъ этого голоса, и даже не звукъ, а одинъ атомъ звука, одно невообразимо-кроткое, но тысячу разъ повторенное колебаніе звуковой волны протекло гдѣ-то надъ нимъ и на секунду остановилось въ воздухѣ...

На дворѣ уже совсѣмъ свечерѣло, и сумерки закрались въ комнаты, наполнивъ ихъ нетвердыми, расплывающимися тѣнями. Лялечкинъ подошелъ къ столу, черкнулъ спичкой, зажегъ свѣчу и присѣлъ. Брошенная на столъ рукопись привлекла

его вниманіе. Онъ развернулъ ее, и медленно, съ какимъ-то скупымъ чувствомъ началъ читать. Чѣмъ дальше читалъ онъ, тѣмъ сильнѣе овладѣвало имъ безпокойное ощущеніе недовольства; какой-то неясный, поэтически-блѣдный образъ отрывался отъ страницы и уходилъ куда-то вдаль, а ему казалось что онъ уже приковалъ его къ бумагѣ, что онъ нашелъ тѣ буквы изъ которыхъ онъ слагался.... И съ каждой страницей все дальше и дальше уплывалъ этотъ образъ, и уплывая, глядѣлъ на него такимъ смѣющимся, дразнящимъ взглядомъ что ему становилось жутко. Онъ бросилъ тетрадь, схватилъ листъ бумаги и, придвинувшись къ столу, сталъ писать.

Сначала онъ нетерпѣливо перечеркнулъ нѣсколько строкъ, но скоро перо его быстро забѣгало по бумагѣ. Уплывавшій образъ Иночки освѣтился яснѣе и ближе; онъ какъ будто спускался ему на душу, и слова быстро и свободно нанизывались на перо. Неопредѣленная и тягостная напряженность, которую онъ чувствовалъ съ нѣкотораго времени, разрѣшалась медленно, съ какою-то тихою болью, похожею на едва чувствуемое щекотанье.

Хозяйская служанка заглянула къ нему спросить будетъ ли онъ пить чай; онъ нетерпѣливо махнулъ ей рукой.

Онъ еще долго писалъ. Странная, болѣзненная прозрачность освѣтила каждую черту его лица. Низкія и темныя стѣны комнаты, крошечный золотой язычокъ, трепетавшій и какъ будто хотѣвшій оторваться отъ свѣчки, протертая клеенка покрывавшая столъ, и даже тѣ никогда не притупляющіяся, непроизвольныя и безплодныя волненія которыми ежеминутно отражается ощущеніе жизни,—все это тускнѣло, таяло и наконецъ тихо кануло въ какую-то темную и теплую глубину. Образъ Иночки, прозрачный и легкій, какъ утренній паръ, отдѣлился отъ застилающей жизнь темной и чадной копоти и лучистымъ блескомъ легъ на страницу.

Наконецъ онъ уронилъ перо и въ изнеможеніи опустился на диванъ.

XI.

Въ темнотѣ и тишинѣ, наполнявшихъ комнату, какъ будто прозвенѣлъ слабый, плывущій, металлическій звукъ. Лялечкинъ встрепенулся.

„Что это?“ подумалъ онъ.

— Жакъ! произнесъ явственно чей-то голосъ.

Лялачкинъ вздрогнулъ: этотъ голосъ напомнилъ ему что-то такое близкое, какъ будто только-что прозвучавшее надъ ухомъ.—„Не послышалось ли мнѣ?“ подумалъ онъ приподнявшись на диванѣ.

— Жакъ! повторилъ черезъ минуту тотъ же голосъ, еще явственнѣе и печальнѣе; въ то же время кто-то какъ мышь заскребся въ двери.

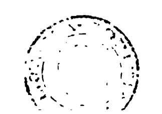
Лялички́нъ вскочилъ съ дивана и бросился въ корридорчикъ.

— Это вы! вскрикнулъ онъ съ испугомъ, отступая въ темноту.

На порогѣ, закутанная въ черный платокъ, стояла Инна. Лунный свѣтъ, пробиваясь сквозь узкое окно, слабо освѣщалъ ея маленькое лицо, полузакрытое складками, и блестѣлъ серебряными искорками въ темно-синихъ зрачкахъ, глубоко глядѣвшихъ изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ. Что-то нерѣшительное, пугливое и безконечно-нѣжное выражалось во всей ея фигурѣ. Лялички́нъ засуетился, черкнулъ спичкой и усиливался дрожащими отъ волненія руками зажечь свѣчку.

— Не надо, тихо проговорила Инна, и огонекъ погасъ.

— Ну такъ пойдемте сюда, сюда, осторожнѣе, говорилъ торопливымъ шопотомъ Лялички́нъ, ведя Инну за руку и откидывая ногою то стулъ, брошенный среди комнаты, то книгу валявшуюся со вчерашняго дня на полу, то какую-то длинную палку, Богъ вѣсть для чего занесенную въ комнаты и торчавшую концомъ изъ-подъ письменнаго стола.—Вотъ здѣсь присядьте, тутъ удобно, повторялъ онъ, усаживая Инночку на продавленный диванъ съ котораго только-что всталъ, и съ какимъ-то сладкимъ ощущеніемъ оправляя мягкія складки ея платья. — Вотъ, вотъ, хорошо что вы пришли, я радъ, ужь какъ я радъ, лепеталъ онъ, присѣвъ предъ ней на колѣняхъ и заглядывая ей въ лицо, въ глаза, въ узкую тѣнь отъ платка, въ которую пряталась ея шейка. Въ комнатѣ было не темно и не свѣтло; лунный блескъ лежалъ на стеклахъ оконъ и отражался пятнами на полу и на мебели; въ прозрачной неясности плавали всѣ предметы, но Лялички́нъ видѣлъ только маленькое блѣдное личико Инны, которая сверху, мол-

чаливымъ и ласковымъ взглядомъ глядѣла на него, суетившагося и что-то лепетавшаго у ея ногъ.

— Ну, разкажите, Инночка, какъ вы сюда попали... какъ вы рѣшились? Опять приходилъ къ вамъ Павелъ Сергѣичъ? да? говорилъ Лялечкинъ.—Или старуха къ вамъ приставала? былъ Павелъ Сергѣичъ?

— Какой Павелъ Сергѣичъ? спросила Инночка, и уголки губъ ея вдругъ дрогнули отъ наколившагося внутри ея смѣха.

— Какъ какой? переспросилъ Лялечкинъ удивившись и уставился глазами на Инночку, у которой жилки около губъ такъ и прыгали.

— Павелъ Сергѣичъ?—а, это тотъ высокій, смуглый, съ такимъ тонкимъ носомъ? воскликнула она.—Я съ нимъ только-что танцовала, мы съ нимъ кружились, кружились, до тѣхъ поръ пока я стукнулась плечомъ объ эту дверь. Ты думаешь я отъ него убѣжала? продолжала она, и это *ты* жуткимъ трепетомъ наполнило Лялечкина.—Какой вздоръ! прибавила она слегка вздрагивая отъ негромкаго смѣха.—Я къ тебѣ пришла, просто къ *тебѣ*, потому что ты у меня такой хорошій, такой добрый, славный...

Она чуть-чуть подняла руки, такъ что распахнувшіяся складки ея платка упали къ нему на плечи, и онъ вдругъ почувствовалъ себя охваченнымъ ощущеніемъ тепла и нѣги. Тонкіе маленькіе пальчики скользили въ его волосахъ, а глаза, раскрытые широкимъ взмахомъ длинныхъ рѣсницъ, глядѣли на него такъ странно и такъ близко... Ему хотѣлось что-то сказать, что-то вскрикнуть—и онъ не могъ, и чувствовалъ что весь онъ какъ-то физически связанъ, и ему было и страшно, и жутко, и пріятно чувствовать себя въ этомъ положеніи.

— Жакъ! прошептали подлѣ него полураскрытыя уста; его лица коснулось горячее дыханіе, и онъ почувствовалъ на губахъ долгій, влажный, одуряющій поцѣлуй. У него мутилось въ глазахъ и захватывало духъ; онъ потянулся къ Иннѣ, хотѣлъ обнять ее—и странная неподвижность сковывала его члены. Но главное что его поражало—это большіе синіе глаза, глядѣвшіе ему въ душу и въ глубинѣ которыхъ онъ чувствовалъ холодный, металлическій и сильный блескъ. Лунный свѣтъ, бѣлесоватыми лучами наполнявшій комнату, какъ будто весь

сосредоточился въ этихъ глубокихъ зрачкахъ, и оттуда колеблющіяся невообразимо тонкія серебряныя нити свѣта тянулись вверхъ и внизъ, опутывали его самого и всѣ предметы. Пощипывающій трепетъ пробѣжалъ по всему тѣлу. Какой-то туманъ, полный звуковъ страсти, нестерпимаго до боли напряженія каждаго нерва; какое-то текучее, изнуряющее блаженство, какія-то волны протекали по немъ. Онъ силился приподняться, силился вскрикнуть, и обливаясь холоднымъ пóтомъ,— проснулся.

Свѣсивъ съ дивана ноги и съ усиліемъ приподнявъ отяжелѣвшія и горячія вѣки, Лялички́нъ испуганно оглядѣлся. Свѣчка, которую онъ забылъ потушить, сильно нагорѣла, и ея непріятный, напитанный копотью свѣтъ расплывался кругами въ низенькой комнаткѣ, не достигая сырыхъ и темныхъ угловъ. Сѣренькая дѣйствительность отчетливо и осязательно представилась ему при этомъ скудномъ и чадномъ освѣщеніи. Ему жалко было что онъ проснулся, жалко было своего сна. „Господи, какъ нестерпимо хорошо!“ прошепталъ онъ раскрывая глаза и утирая ладонью влажный лобъ.

Вдругъ онъ встрепенулся, вскрикнулъ и задрожалъ всѣми членами.... Въ темномъ углу, до котораго не достигалъ тусклый и какъ будто полинялый свѣтъ свѣчи, неподвижно сидѣла человѣческая фигура, и какіе-то глаза робко, словно жалуясь, глядѣли на него и не мигали. Въ разсѣянности и темнотѣ онъ ничего не замѣтилъ до сихъ поръ. Когда онъ вскрикнулъ, эта неподвижная фигурка тихо зашевелилась и отвернулась. Онъ сорвался съ дивана и однимъ прыжкомъ подскочилъ къ ней.

— Возможно ли? Инночка? вскричалъ онъ.

Инна тихо повернула къ нему лицо, и раздвинувъ складки платка покрывавшаго ея голову, молча подняла на него глаза, на уголкахъ которыхъ дрожали слезы. „Это не сонъ, это дѣйствительность“, простоналъ Лялички́нъ, вдругъ понявъ что это тотъ самый робкій, печальный, довѣрчивый взглядъ; тѣ самыя милыя, неопредѣленныя, полудѣтскія черты которыя поразили его когда онъ поутру прощался съ Инночкой.

— Какое счастіе что вы пришли! И какой сонъ, какъ это странно! лепеталъ Лялички́нъ, засуетившись и растерявшись. Онъ неопредѣленно потянулъ рукой, какъ будто хотѣлъ убѣдиться что предъ нимъ дѣйствительно Инна, и тотчасъ скон-

фузившись подскочилъ къ столу, сорвалъ пальцами нагорѣвшую свѣтильню, опять подошелъ къ Иннѣ, и въ замѣшательствѣ, не зная хорошо ли онъ это дѣлаетъ, опустился подлѣ нея на колѣни и осторожно положилъ обѣ руки къ ней на платье.—Инночка, вы давно уже здѣсь, да? я спалъ? лепеталъ онъ, снизу заглядывая ей въ лицо узкими и странно-свѣтившимися глазами.—У меня такой удивительный сонъ былъ: будто вы пришли.... нѣтъ, не вы, то-есть не вы сами, а Инночка что̀ въ моей повѣсти.....

Онъ растерянно провелъ рукою по лбу, какъ будто тамъ что-то тѣснило, и на лицо его набѣжала грусть.

— Инночка, вы плачете? произнесъ онъ, заслышавъ тихое, подавленное всхлипыванье. И при первыхъ звукахъ этого плача ему самому сдѣлалось такъ жалко и такъ горько что голосъ у него порвался. Онъ приблизился къ Инночкѣ и робко взялъ ея руку.

— Оставьте, отстаньте... проговорила она, отталкивая его и поворачиваясь лицомъ въ темный уголъ.—Чего вамъ отъ меня надо? вы всѣ такіе злые, гадкіе... я васъ всѣхъ ненавижу. Что̀ я имъ сдѣлала? Господи, за что̀ они меня мучатъ? что̀ я имъ сдѣлала? повторяла она, всхлипывая тонкимъ, дѣтскимъ плачемъ.—Я никого не трогаю, никого, никого! почти взвизгнула она, хрустнувъ своими нѣжными пальчиками.

— Но теперь никто васъ не тронетъ, здѣсь, у меня... проговорилъ Ляличкинъ. Его мучило безсильное желаніе успокоить, утѣшить, защитить ее. — Я васъ никому не отдамъ, никому не позволю пальцемъ васъ тронуть... да что̀ тронуть, взглянуть на васъ не позволю! вскричалъ онъ, взмахнувъ по воздуху тщедушнымъ кулакомъ.—Оставайтесь у меня, располагайтесь. У меня двѣ комнаты: эта и еще вонъ тамъ; здѣсь будете вы, а въ той, похуже, я. Или впрочемъ вамъ въ той удобнѣе будетъ, сюда зайти кто-нибудь можетъ; ну, да мы устроимся, вотъ увидите какъ мы чудесно устроимся. У меня тихо, никто не будетъ васъ безпокоить; а отыскать васъ тутъ никто не можетъ—почему они знаютъ что вы здѣсь? Вы вѣдь не говорили *тамъ* что ко мнѣ идете?

Это напомнило Ляличкину что онъ не знаетъ еще самаго главнаго: что̀ *тамъ* случилось, побудившее Инночку искать у него пріюта? Но какое-то чувство стыдливости, очень свойственное Ляличкину, мѣшало ему разспросить объ этомъ

— Вамъ надо отдохнуть, успокоиться — непремѣнно надо успокоиться, лепеталъ онъ. Но замѣтивъ что Инна остается неподвижною въ своемъ темномъ углу, онъ присѣлъ подлѣ нея на стулѣ.

— Павелъ Сергѣичъ приходилъ опять? да? нерѣшительно заговорилъ онъ.

Инна кивнула головой.

— И старуха опять приставала къ вамъ?

— Да... она ушла совсѣмъ изъ дому, а меня оставила одну съ Павломъ Сергѣевичемъ, проговорила Инночка слегка вздрагивавшимъ голоскомъ.—А я вспомнила что вы меня къ себѣ звали, вырвалась и убѣжала, прибавила она, и въ первый разъ ласково и довѣрчиво взглянула на Лялички на наплаканными глазами.

— Ну, вотъ видите, вотъ видите, какъ это хорошо! воскликнулъ Ляличкинъ, тихонько потирая руки.

— Вы одни живете? спросила Инна, медленно спустивъ съ головы платокъ, изъ-подъ котораго просыпался на плечо густой снопъ волосъ. — Двѣ комнаты: эта и тамъ? А у васъ бываетъ кто-нибудь? У васъ есть знакомые?

Ляличкинъ послѣдовательно удовлетворилъ ея любопытству. Инна встала, потянулась всѣми членами, зѣвнула и остановила на Ляличкинѣ неопредѣленный и сонный взглядъ.

— Идите, я буду спать, сказала она.

Онъ безропотно повиновался.

Долго не могъ онъ заснуть; его не покидало подмывающее, безпокойно сладкое ощущеніе восторга, въ которомъ онъ плавалъ съ той минуты какъ увидѣлъ у себя Инну. Никогда не испытанное, ласково раздражающее счастье наполняло его, вмѣстѣ съ блаженнымъ забвеніемъ всего прежняго, всего посторонняго. Минутами имъ овладѣвалъ страхъ: не сонъ ли все это, не игра ли больнаго воображенія? Онъ вскочилъ съ кровати, и на цыпочкахъ, пугаясь малѣйшаго шороха, прокрался въ кабинетъ и трусливо заглянулъ на диванъ. Инночка спала. Ляличкинъ подкрался къ изголовью и минуты двѣ неподвижно и радостно любовался спящею головкой, затаивъ дыханіе и боясь пошевельнуться, чтобы не скрипнула половица; потомъ тихо наклонился къ ней и съ жуткимъ замираніемъ сердца

— Вамъ вѣдь нельзя меня у себя оставить, возразила Инна. Да и съ какой стати вамъ хлопотать обо мнѣ! я очень вамъ благодарна!

Лялечкинъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на Инну.

— Да съ чего вы это взяли! воскликнулъ онъ, сплеснувъ руками.—Вѣдь я ни за чтò не отпустилъ бы васъ отъ себя, еслибы не боялся что васъ возьмутъ у меня. А онъ семейный, и притомъ положеніе въ городѣ имѣетъ; онъ вамъ и паспортъ можетъ выхлопотать. А я каждый день буду приходить, хоть однимъ глазкомъ взглянуть на васъ...

Веребьевъ тоже приблизился къ Инночкѣ и протянулъ ей руку. Та неохотно взяла ее.

— Вы мнѣ не довѣряете? заговорилъ Веребьевъ; — и не удивительно: вѣдь вы видите меня въ первый разъ. Но я думаю что еслибы вы перешли ко мнѣ въ домъ, мы подружились бы съ вами. Я васъ съ моею женой познакомилъ бы. И во всякомъ случаѣ, въ вашей волѣ всегда будетъ уйти, я не могу васъ удерживать. А покамѣсть я постарался бы устроить со старухой такъ чтобъ она не могла уже заявлять никакихъ правъ на васъ.—Согласны, Инночка? Право, я вовсе не дурной человѣкъ, и вамъ не надо бояться меня...

Инночка подняла на него глаза; въ нихъ скользила нерѣшительная улыбка.

— Вы говорите, у васъ жена есть? спросила она.

Веребьевъ подтвердилъ.

— И добрая она?

— Да, добрая, опять подтвердилъ съ нѣкоторою невольною запинкой Веребьевъ: ему пришло въ голову что Людмила Петровна можетъ-быть совсѣмъ не одобритъ его внезапнаго рѣшенія взять въ домъ какую-то неизвѣстную дѣвочку.

— Мнѣ все равно, я пожалуй пойду къ вамъ... проговорила Инночка.—Только чтò же я буду у васъ дѣлать? Я шить умѣю, вышивать могу, а кроить совсѣмъ не знаю. Кошельки шелковые умѣю вязать...

— Ну, значитъ дѣла для васъ найдется сколько угодно, засмѣялся Веребьевъ.—Я сразу же же задамъ вамъ работу, женѣ цѣлый пеньюаръ вышить. На полгода хватитъ!

— Я и англійское шитье знаю! подхватила одобренная Инночка.

— Вотъ и чудесно. Такъ пойдете со мною? это не очень далеко.

— А я могу очень далеко ходить, мнѣ ничего. А дѣти есть у васъ?

— Нѣтъ, я только второй мѣсяцъ женатъ, отвѣтилъ Веребьевъ.

— Жаль, сказала Инна.—Я люблю съ дѣтьми возиться.

— Повозитесь съ моею женой, она тоже дитя...

— Ха-ха-ха! засмѣялась Инночка, взмахнувъ концами своего шерстянаго платка.—А *онъ* бываетъ у васъ? спросила она, вскинувъ глазами на Ляличкина.

— Какъ же, а теперь еще чаще будетъ бывать, успокоилъ ее, улыбнувшись, Веребьевъ.—Такъ пойдемте.

— Хорошо, отвѣтила серіозно Инночка.

И поправивъ на головѣ платокъ, она церемонно присѣла Ляличкину и пошла рядомъ съ Веребьевымъ, осторожно ступая по снѣгу и иногда исподтишка взглядывая на своего новаго покровителя. А тотъ неспѣшно и задумчиво шагалъ подлѣ нея, нѣсколько поздно удивляясь неожиданному пріобрѣтенію которое велъ къ себѣ въ домъ.

XIII.

Людмила Петровна была дома, когда Веребьевъ, робѣя и конфузясь, вошелъ въ кабинетъ, поминутно оглядываясь на Инночку, которая за его спиной съ любопытствомъ бросала во всѣ стороны быстрые, бѣглые взгляды, и казалась болѣе заинтересованною, чѣмъ смущенною ожидавшимъ ее новымъ положеніемъ. Людмила Петровна тотчасъ же вошла вслѣдъ за нею въ кабинетъ и вопросительно оглянула обоихъ.

— Вотъ, Милочка, рекомендую тебѣ новую мастерицу... умѣетъ вышивать и вообще должна быть искусница во всякихъ рукодѣльяхъ... проговорилъ Веребьевъ, ободрительно поглядывая на Инночку, но самъ непріятно теряясь подъ вопросительнымъ взглядомъ жены.—Это бѣдная дѣвочка, прибавилъ онъ,— у которой нѣтъ ни родныхъ, ни близкихъ. Ее надо пріютить, это будетъ доброе дѣло. Да я кромѣ того увѣренъ что она будетъ очень полезна тебѣ...

Онъ взглянулъ на жену, ища одобренія въ ея глазахъ; но

Людмила Петровна холодно и безучастно смотрѣла на него и на Инночку.

— Пройдите въ дѣвичью, черезъ коррилоръ направо, сухо обратилась она къ послѣдней.—Тамъ подождите, я посмотрю что вы можете дѣлать.

Инночка молча повернулась и вышла изъ комнаты.

— Что это еще за фантазія? обратилась Людмила Петровна къ мужу, какъ только они остались вдвоемъ.

— Я тебѣ говорю—бѣдная дѣвочка, сирота; я встрѣтился съ ней случайно... объяснилъ Веребьевъ. Онъ видѣлъ что затѣя его не встрѣчаетъ сочувствія въ женѣ, но рѣшился не уступать ей въ этомъ дѣлѣ.

— Гдѣ жь ты ее открылъ, скажи пожалуста? продолжала съ безучастнымъ любопытствомъ Людмила Петровна.

Веребьевъ въ короткихъ словахъ разказалъ какимъ образомъ познакомился съ Инночкой. Онъ упомянулъ и о роли Ухолова въ этой исторіи, и съ тревожнымъ любопытствомъ слѣдилъ за выраженіемъ лица жены: что она? Но Людмила Петровна только прижала своими бѣленькими зубками нижнюю губу, и ни одна черта ея лица не отразила никакого движенія.

— Должно-быть гадкая дѣвчонка, и я рѣшительно не понимаю что тебѣ вздумалось вмѣшаться въ эту исторію, сказала она только, выслушавъ разказъ мужа.

— Я на это смотрю какъ на доброе дѣло, сухо возразилъ Веребьевъ.

— Глупости, отрѣзала Людмила Петровна, и вышла изъ кабинета.

Спустя часа два, Веребьевъ зашелъ въ дѣвичью провѣдать: что Инночка? Дѣвичья была довольно большая и свѣтлая; Инна не могла стѣснить горничную, которой принадлежала эта комната. Веребьевъ засталъ ее у окна, все въ томъ же холстинковомъ платьицѣ и шерстяномъ платкѣ на плечахъ, прилежно работающею надъ какою-то вышивкой.

— Уже сѣли за работу, Инночка? ласково спросилъ ее Веребьевъ.

Инночка только подняла на него глаза, и, ничего не отвѣтивъ, продолжала быстро скользить иголкой.

— Я вамъ велю здѣсь кровать поставить, продолжалъ Веребьевъ.—У васъ никакихъ вещей нѣтъ съ собою?

— Я ничего не взяла, отвѣтила Инночка.

— Ну, и не надо, это все можно будетъ какъ-нибудь устроить, продолжалъ Веребьевъ, и отдалъ распоряженія горничной. Ему нѣсколько смѣшно было входить въ эти заботы—точно у него вдругъ дитя явилось.

Горничная, получивъ приказанія, удалилась изъ комнаты. Веребьевъ въ первый разъ остался одинъ съ Инночкой, и не находился что̀ ей сказать. Ему странно и досадно было чувствовать это стѣсненіе въ присутствіи ребенка.

— Вы не скучаете, Инночка? спросилъ онъ наконецъ, садясь на стулѣ подлѣ дѣвушки. — Эта работа не надоѣла вамъ?

Инночка опустила иглу, подняла на него свои большіе синіе глаза и улыбнулась. Веребьевъ въ первый разъ замѣтилъ красоту этого полу-дѣтскаго, полу-дикаго взгляда и этой улыбки, пугливо и вмѣстѣ весело вспыхивавшей на маленькихъ губкахъ.

— Когда надоѣстъ, я брошу, сказала спокойно Инночка.

— Развѣ вы лѣнивы? спросилъ улыбаясь Веребьевъ.

— Это какъ на меня найдетъ, пояснила Инночка.—Когда разсержусь, со мной ничего нельзя сдѣлать.

Веребьевъ посмотрѣлъ на нее снисходительно, какъ на ребенка, который грозитъ раскапризничаться.

— Вотъ вы какія, сказалъ онъ шутливо, и встрѣтившись съ косымъ взглядомъ Инночки, не могъ не подумать какъ она въ эту минуту похожа на пойманнаго дикаго звѣрка, пугливо озирающагося на незнакомыя лица.

Людмила Петровна вошла въ эту минуту въ дѣвичью, и улыбнувшись какъ-то значительно мужу, взяла въ руки работу Инночки.

— Ничего, недурно, только вы ужасно копаетесь, сказала она сухо. — Этакъ вы полгода провозитесь съ однимъ пеньюаромъ.

Инночка рѣзкимъ движеніемъ потянула къ себѣ работу и положила ее на подоконникъ. Въ ея большихъ глазахъ вспыхнули искры.

— Осторожнѣе, моя милая, проговорила Людмила Петровна, остановивъ на Иннѣ въ упоръ холодный, недобрый взглядъ. И окинувъ тѣмъ же взглядомъ мужа, она неторопливо и съ нѣкоторою торжественностью вышла изъ комнаты.

Веребьевъ чувствовалъ страшную неловкость: было ясно что Инна дѣлалась предметомъ борьбы между нимъ и женою. Ему предстояло каждую минуту ожидать со стороны жены выходки, которая сдѣлаетъ положеніе Инночки въ домѣ невозможнымъ. Онъ почувствовалъ въ себѣ глухое раздраженіе и безконечную жалость къ этому ни въ чемъ не повинному ребенку.

Инночка сидѣла, сложивъ на колѣняхъ руки и неподвижно глядя предъ собою. Нижняя губа ея была прикушена.

— Вы разсердились, Инночка? ласково спросилъ ее Веребьевъ.

— И не подумала, отвѣтила съ наружнымъ спокойствіемъ Инна, и взяла съ окна работу.—Не мѣшайте, я вышивать буду, прибавила она, и быстро заходила иглой.

Веребьевъ всталъ чтобъ уйти. Онъ дошелъ уже до порога комнаты, какъ вдругъ Инна, не отрываясь отъ работы, сказала въ полголоса:

— Ваша жена злая, я не люблю ее...

Веребьевъ вернулся.

— Она не злая, она только капризна немного, сказалъ онъ.— Вы не принимайте каждаго слова къ сердцу, а обидѣть васъ я никому не дамъ.

— Нѣтъ, злая, повторила Инна, и не проронила больше ни слова.

За обѣдомъ Людмила Петровна все молчала, но вдругъ проговорила со вспыхнувшею на лицѣ краской.

— Должно-быть у мущинъ есть особенное влеченіе къ уличнымъ красавицамъ: въ одну и ту же дѣвчонку сперва Уховловъ влюбился, а теперь вы!...

Веребьевъ на это промолчалъ—онъ даже злости не почувствовалъ въ себѣ на такую выходку. „Мучитъ ее что Уховловъ за Инночкой ухаживаетъ“, подумалъ онъ.

Уховловъ въ этотъ день оказался легкимъ на поминѣ. Онъ зашелъ предъ вечеромъ, на правахъ человѣка для котораго не существуетъ офиціальныхъ часовъ пріема—веселый, чѣмъ-то пріятно ажитированный, переполненный новостями и сплетнями. Веребьевъ рѣшился не выходить къ нему, затворился у себя въ кабинетѣ и взялъ съ полки какую-то книгу. Прошло однако не болѣе получаса, какъ вниманіе его было отвлечено ясно послышавшимися за стѣной рыданіями. Веребьевъ

насторожился ухомъ, не зная чтò подумать. Сначала онъ предположилъ что это плачетъ Инночка; но заглянувъ въ дѣвичью, онъ увидѣлъ ее тамъ, спокойно работавшею при свѣчѣ надъ своею нескончаемою вышивкой. Въ корридорчикѣ онъ пріостановился чтобы прислушаться. Изъ гостиной слышно было какъ Ухоловъ большими шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Рыданія доносились изъ спальной; было ясно что это плакала Людмила Петровна.

Веребьевъ вернулся въ кабинетъ измученный и потерянный. Чтò могли значить эти рыданія, въ то время какъ чужой человѣкъ оставался въ гостиной? Не ясно ли что между женой и Ухоловымъ произошло объясненіе—безъ сомнѣнія по поводу Инночки?

Дѣло принимало видъ скандала. Рыданія за стѣной утихли, но не прекращались. Веребьевъ рѣшился войти къ женѣ.

Въ полутемной спальной, освѣщенной только теплившеюся предъ образомъ лампадкой, Людмила Петровна полулежала на постели, спрятавъ лицо въ подушки, и нервно всхлипывала. Заслышавъ шаги мужа, она быстро подняла голову, провела рукою по глазамъ и сдѣлала нѣсколько шаговъ ему на встрѣчу.

— Чтò съ тобою? чтò это значитъ? спросилъ Веребьевъ.

Людмила Петровна обмахнула лицо платкомъ.

— Пусти, тамъ Ухоловъ одинъ, сказала она, тихонько отстраняя мужа съ дороги.

Веребьевъ взялъ ее за руки.

— Милочка, я хочу знать чтò такое произошло между вами, или я сейчасъ же вышвырну его за дверь!

У него въ темнотѣ глаза налились кровью, и мускулы лица подергивало.

— Сумашедшій! проговорила громко Людмила Петровна, и вырвавшись изъ рукъ мужа, выскользнула изъ комнаты.

Веребьевъ въ изнеможеніи опустился на стулъ. „Господи, чтò жь это такое!“ простоналъ онъ вслухъ. Онъ не зналъ, не только чтò ему дѣлать, но даже чтò подумать. Вышло все какъ-то ужь очень просто и неожиданно; надъ нимъ почти смѣялись. Его положеніе походило на то какъ будто кто-нибудь сзади подкрался къ нему, завязалъ ему глаза и скрутилъ руки. Онъ чувствовалъ что не въ силахъ пошевелиться. „Однако, это не можетъ такъ оставаться“, подумалъ онъ. „Это ужь

очень нагло. Я разойдусь съ женой и уѣду въ деревню, или еще дальше.“

Тутъ ему пришло на мысль что есть еще третье лицо— Уходовъ. Надо рѣшить и на его счетъ.—„Ахъ, это послѣ“, сказалъ онъ себѣ, и дотронулся рукою до глазъ: ему показалось что на рѣсницахъ выступили слезы. Но глаза были сухи, и только непріятно горѣли.

„Уѣду въ деревню, и Инночку возьму съ собою“, продолжалъ онъ думать. Но тутъ же ему представилась мать, укоризненно покачивающая головой и преслѣдующая его нестерпимо - сострадательнымъ взглядомъ, и кисло-торжествующая улыбка на губахъ Насти.—„Нѣтъ, и въ деревню не поѣду, рѣшилъ онъ.—Куда нибудь дальше—въ Петербургъ что ли. Тамъ до меня никому не будетъ дѣла.“

XIV.

„А какъ же въ такомъ случаѣ Инночка?“ пришло ему тутъ же на мысль. Онъ нѣсколько удивился что такъ много думаетъ объ Инночкѣ, тогда какъ жена, которой принадлежала главная роль во всей исторіи, какъ-то совсѣмъ стушевалась въ его мысляхъ. Онъ однако не остановился на этомъ вопросѣ. Ему вдругъ захотѣлось взглянуть еще разъ въ этотъ день на Инночку; онъ всталъ и прошелъ по корридору въ дѣвичью.

Горничной тамъ не было. Инночка стояла предъ маленькимъ зеркальцемъ, и натянувъ на голову платокъ, повязывала вокругъ шеи его длинные концы.

— Чтò вы? куда это вы? почти съ испугомъ спросилъ ее Веребьевъ, входя въ дѣвичью.

Инна повернула къ нему нахмуренное лицо.

— Я иду, сказала она.

— Куда идете? куда? переспросилъ Веребьевъ.

— Домой.... къ теткѣ.

Веребьевъ растерялся.

— Какъ же это можно, Инночка? Да я васъ не пущу.... проговорилъ онъ, становясь между нею и дверью. И откуда къ вамъ такая блажь забралась въ голову?

— Какъ вы можете не пустить? возразила Инночка, сердито сблизивъ свои высокія брови.

— Да такъ, просто не пущу, потому что вамъ нельзя уже

идти къ той старухѣ. Она васъ погубитъ—развѣ вы все забыли?

— Что вамъ за дѣло? тонкимъ и рѣзкимъ голосомъ проговорила Инна.

— Да полноте, Инночка, вы капризничаете! продолжалъ Веребьевъ и почти насильно взялъ спрятанную подъ платкомъ руку дѣвушки.—Пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ, я съ вами поговорить хочу. Развѣ вы уже не вѣрите мнѣ, Инночка?

Дѣвушка нерѣшительно подняла на него глаза и тутъ только замѣтила его печальное и разстроенное лицо. Это повидимому вдругъ подѣйствовало на нее.

— Пойдемте, сказала она.

Веребьевъ провелъ ее за руку по темному корридорчику и усадилъ въ кабинетѣ на диванчикъ. Большіе глазы Инны серіозно и ласково смотрѣли на него.

— Вамъ не хорошо, да? Я такъ и догадалась съ перваго раза что вы несчастливы. У васъ лицо такое.

Веребьева ущемили эти слова. Ему стыдно стало своего несчастья.

— Съ чего вы это взяли, Инночка? возразилъ онъ съ тѣмъ чувствомъ ложнаго стыда, съ какимъ упавшій съ разбѣгу школьникъ увѣряетъ что сдѣлалъ это нарочно.

— Я знаю, отвѣтила Инна, кивнувъ по направленію гостиной.— Потому что *она* меня не любитъ. Она злая, а вы хорошій, простой....

„Дитя! откуда она это понимаетъ?“ подумалъ Веребьевъ. Ему вдругъ захотѣлось откровенности, участія: это дитя смотрѣло на него такимъ проницательно - серіознымъ, ласковымъ взглядомъ!

— Если я.... хорошій, зачѣмъ же вы хотите отъ меня уйти? сказалъ онъ, не выпуская маленькой руки Инны.

— Когда мнѣ вздумается, я уйду.... отвѣтила Инночка.

— А если я буду просить васъ не уходить? вамъ не жалко будетъ меня бросить? говорилъ Веребьевъ.

Инна посмотрѣла на него и покачала головой.

— Не знаю, сказала она.

— А мнѣ грустно будетъ, если вы уйдете. Я уже привязался къ вамъ....

Инна повторила свое движеніе головой.

— У васъ жена есть, сказала она.

Это слово напомнило Веребьеву горечь его положенія.

— Жена останется здѣсь, а я уѣду въ деревню, недалеко отсюда. Тамъ у меня мать и сестра. Хотите я васъ туда отвезу?

— Зачѣмъ вездѣ кто-нибудь есть, кромѣ васъ? проговорила Инна, съеживъ точно отъ холода плечи.—Вы одинъ хорошій....

Эта повторенная ласка смутила Веребьева.... „Ахъ, еслибъ это прежде"... тайно шевельнулось въ его мысли, и его взглядъ задумчиво скользнулъ по печальному личику Инны.

Та вдругъ подняла на него свои ясные глаза и подвинулась къ нему.

— Отчего вы хотите уѣхать, а жена ваша останется здѣсь? спросила она.

Веребьева точно ножомъ кольнулъ этотъ вопросъ. „Да, это первое съ чѣмъ всякій будетъ обращаться ко мнѣ.... если не промолчитъ изъ состраданія", подумалъ онъ.

Инна, не дождавшись отвѣта, пошевелила бровями и промолвила будто сама себѣ:

— Я понимаю. Я сразу догадалась!—Ахъ, какъ бы я хотѣла чтобы вы веселый, счастливый были! прибавила она громче, и вдругъ, поднявшись на цыпочки и оглянувшись косымъ взглядомъ на дверь, быстро и беззвучно поцѣловала Веребьева въ лобъ. Это случилось такъ мгновенно и неожиданно что Веребьевъ, какъ бы защищаясь, машинально протянувъ предъ собою руку. А Инна, внезапно застыдившись и испугавшись своего поступка, съежила плечики и робко поглядывала виноватыми глазками. Вдругъ она почувствовала себя сжатою чьими-то сильными руками, чьи-то горячія губы быстро поцѣловали ее.

„Господи что жь это я дѣлаю!" опомнился Веребьевъ, и ему мгновенно представился весь ужасъ его положенія.... Инны уже не было въ комнатѣ....

Онъ опустился на стулъ и зажмурилъ глаза.—„Вотъ оно чѣмъ кончилось!" проплыло въ его разгоряченномъ мозгу. Дальше онъ въ эти минуты ничего не могъ разобрать. Одно только казалось ему совершенно яснымъ—что онъ не любилъ жену. Потомъ воспоминаніе о скандалѣ, который еще ждалъ развязки, овладѣло всѣми его чувствами. Глухая злоба душила его, и къ ней примѣшивалось смутное сознаніе своей виновности. Но онъ внутренно протестовалъ противъ этого сознанія.—Иночка—какой вздоръ! Вѣдь онъ сегодня въ первый

разъ увидѣлъ ее. Ему дорого было чье-нибудь участіе, вотъ и все. Эти поцѣлуи—мгновенная вспышка оскорбленнаго и разнѣженнаго чувства. Дитя!

Шелестъ женскаго платья вывелъ его изъ оцѣпенѣнія. Когда онъ раскрылъ глаза, его взглядъ упалъ на блѣдное, взволнованное лицо жены.

— Теперь мы одни, произнесла Людмила Петровна, и сѣла довольно далеко отъ него.—Я хочу сказать вамъ два слова... продолжала она глухимъ и напряженнымъ тономъ.—Вы были такъ низки что промѣнявъ меня на какую-то дѣвчонку—черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы!—осмѣлились высказать мнѣ гнусныя подозрѣнія.... Вы дважды поступили какъ дрянной человѣкъ! Я говорю вамъ это для того чтобы вы знали какъ я понимаю васъ....

Веребьевъ силился сообразить что̀ такое говорила ему жена.

— Не понимаете? повторила съ сарказмомъ и горечью въ голосѣ Людмила Петровна.—О, Боже мой, когда жь вы научитесь понимать? Вѣдь вы не поняли надъ чѣмъ я плакала.... тамъ, въ спальной? вы не поняли отчего у меня рыданья подступили къ горлу, такъ что я должна была убѣжать изъ гостиной, рискуя выдать чужому человѣку свой семейный скандалъ? Да вы и теперь не понимаете надъ чѣмъ я рыдала!

Голосъ Людмилы Петровны истерически задрожалъ.

— И вы никогда не поймете того что̀ ясно каждому честному человѣку! воскликнула она съ усиліемъ и опустивъ голову, стиснувъ пальцами лицо.

Веребьевъ, вдругъ поблѣднѣвъ, поднялся къ ней.

— Такъ ты отъ *этого* плакала? произнесъ онъ какимъ-то страннымъ, испуганнымъ и дрожавшимъ отъ счастья голосомъ.

Людмила Петровна не отвѣчала. Веребьевъ осторожно отнялъ ея руки отъ лица и заглянулъ въ ея заплаканные глаза.

— Ты меня подозрѣваешь что я люблю Инночку, да? произнесъ онъ съ внутреннимъ блаженнымъ смѣхомъ.

Ему попрежнему не отвѣчали.

— Ты ревнуешь?

Людмила Петровна подняла голову.—Развѣ я знала что ты вовсе не любишь меня! произнесла она, проведя рукой по мокрымъ рѣсницамъ.—Зачѣмъ ты увѣрялъ меня въ своей любви? Ты эту дѣвчонку вѣрно и тогда уже любилъ!

— Милочка, какой вздоръ! воскликнулъ Веребьевъ.—Я ее раньше сегодняшняго утра въ глаза не видѣлъ.

— И она такъ скоро стала дорога тебѣ.... съ прежнимъ раздраженіемъ проговорила Людмила Петровна.

Веребьевъ съ каждымъ новымъ упрекомъ только чувствовалъ какъ все больше и больше разсѣвался предъ нимъ туманъ, въ которомъ онъ задыхался полчаса назадъ. Столько мучительнаго съ тихою болью отходило отъ него...

— Вѣдь это все вздоръ, капризы, ревность безъ всякаго основанія... Ну, похожъ ли я на вѣтренаго мужа? говорилъ онъ, близко подвинувшись къ женѣ и не выпуская ея рукъ изъ своихъ.

„А Инночка? а поцѣлуи?“ мелькнуло у него въ головѣ.—„Ребячество!“ тутъ же мысленно отвѣтилъ онъ.

Людмила Петровна сама какъ будто утомилась ролью обвинительницы.

— Слушай, Nicolas, сказала она, строго вглядываясь въ его глаза;—эта дѣвчонка не должна оставаться у насъ въ домѣ. Ты ее отправь; я этого требую!

Веребьевъ смутился; ему неловкимъ и жестокимъ показалось отступиться отъ Инночки.

— Этой бѣдной дѣвушкѣ некуда дѣваться; я не могу пожертвовать ею! сказалъ онъ твердо.

Еще не высохшіе отъ слезъ глаза Людмилы Петровны чуть-чуть сверкнули.

— Не можетъ? переспросила она.

— Милочка, было бы жестоко взять ее въ домъ, и на другой день выгнать! проговорилъ Веребьевъ.

Людмила Петровна подняла нахмуренныя брови и помолчала.

— Такъ отправь ее въ деревню, тамъ ей гораздо лучше будетъ, предложила она послѣ недолгой паузы.

У Веребьева у самого была та же мысль. „На время, конечно, а тамъ посмотримъ“, дополнилъ онъ мысленно.

— Я постараюсь это устроить, отвѣтилъ онъ женѣ.

— Да... непремѣнно... и завтра же, подтвердила Людмила Петровна, съ видомъ утомленія подымаясь съ кресла.—А теперь bonne nuit, сегодняшній день утомилъ меня.

И шурша измятыми складками своего платья, она прошла мимо мужа. Предъ дверью въ дѣвичью она пріостановилась и прислушалась: тамъ было совершенно тихо.

XV.

Веребьевъ всю ночь не могъ сомкнуть глазъ. Онъ то слышалъ рыданья жены и слегка гортанный голосъ Инночки, то вспоминалъ гнѣвный порывъ оскорбленной женщины, и потомъ сознаніе разсѣяннаго подозрѣнія...

Это подозрѣніе начинало опять ядовито шевелиться въ ночной темнотѣ. Не былъ ли онъ просто жертвой искусно разыгранной комедіи?

Мысль эта мучительно остановилась въ его умѣ. Было что-то неправдоподобное, натянутое въ томъ объясненіи какое дала ему жена... Какъ онъ могъ такъ увлечься, чтобы повѣрить ему? Но черезъ минуту голосъ Людмилы Петровны, такой искренній, страдающій, слышался ему, и онъ разражался упреками самому себѣ. А вѣры все-таки не было...

Предъ разсвѣтомъ онъ наконецъ заснулъ, и проспалъ долго. Людмила Петровна не дождалась его къ чаю, напилась сама и ушла къ матери. Веребьевъ справился объ Инночкѣ.

— Не вернулась еще, отвѣтила горничная.

— Какъ не вернулась? встрепенулся Веребьевъ.—Да куда жь она ушла?

— Не знаю—ничего не сказала, только еще съ ночи ушла.

— Какъ же вы пустили, безтолковые вы всѣ! со злостью вскричалъ Веребьевъ, заламывая руки. Онъ почувствовалъ какъ съ болью сжалось его сердце при мысли что Инночка навѣрное ушла къ старухѣ и не захочетъ болѣе вернуться. И потомъ уйти ночью... ее такъ легко могли обидѣть въ той безлюдной части города, гдѣ стоялъ домъ старухи.

Онъ допилъ простывшій чай и вышелъ изъ дому. Первою его мыслью было пойти прямо къ старухѣ и убѣдиться тамъ ли Инна. Отыскать домишко было не трудно: онъ хорошо замѣтилъ его въ ту ночь, когда въ первый разъ, при такихъ странныхъ обстоятельствахъ, столкнулся съ Инночкой. Но его ждала неудача: старуха на всѣ разспросы только отрицательно качала головой и жаловалась на какихъ-то дурныхъ людей. Отъ нея пахло виномъ. Веребьевъ не совсѣмъ ей повѣрилъ, но удостовѣриться не было средствъ. Онъ вспомнилъ про Ляличкина и рѣшился провѣдать у него—не знаетъ ли онъ чего объ Инночкѣ?

изъ этихъ домиковъ, въ полуотворенную дверь, увидѣлъ Инночку. Она сидѣла на скамьѣ, наклонившись къ маленькой, грязной дѣвочкѣ, и обломкомъ гребешка расчесывала ей волосы. Взглядъ ея тотчасъ упалъ на Веребьева, какъ только онъ поровнялся съ домикомъ. Она не смутилась и только заложила гребенку въ курчавые волосы дѣвочки и оттолкнула ее отъ себя. Веребьевъ поманилъ ее; она послушно встала, притворила за собою дверь и пошла подлѣ него.

— Зачѣмъ это вы ушли отъ меня? спросилъ Веребьевъ.

Она ничего не отвѣтила и только раза два бокомъ взглянула на него.

— Чтò вы тутъ дѣлали, въ этомъ домикѣ?

— Ничего, проговорила тихо зазвенѣвшимъ голосомъ Инна.— Я тутъ иногда бываю.

Веребьевъ понемногу начиналъ волноваться.

— Вы дурно сдѣлали, Инночка; я цѣлое утро ищу васъ, и ужасно безпокоился.... Такъ нельзя дѣлать, вы меня измучаете...

Инночка на это только какъ-то странно скалила свои бѣлые зубки; въ выраженіи ея лица въ эту минуту проступило что-то цыганское.

— Вы не будете больше такъ дѣлать? продолжалъ съ ласковымъ укоромъ Веребьевъ. Дикарка опять ничего не отвѣтила.

— Вы пойдете теперь къ намъ? согласны пожить покамѣсть у меня въ деревнѣ? Я бы васъ самъ сегодня же отвезъ: тридцать верстъ только.

— Я пойду къ вамъ: я ѣсть хочу, отвѣтила, пошевеливъ плечами, Инночка.

— Вотъ и отлично, обрадовался Веребьевъ, и оба прибавили шагу.

— А я знаю куда вы вчера ушли отъ меня, продолжалъ онъ, пытливо взглянувъ на свою спутницу. Та только головой повела.

— Къ Ляличкину, продолжалъ Веребьевъ.

— А вы какъ знаете? встрепенулась Инночка.

— Я его сейчасъ встрѣтилъ....

— И онъ сказалъ вамъ?

— Нѣтъ, по лицу его догадался.

Инночка опять чуть-чуть оскалила зубы.

— То-то, онъ не скажетъ, промолвила она.

— Вѣдь признайтесь, продолжалъ Веребьевъ,—когда я давича заходилъ къ Ляличкину, вы у него были?

Бѣлые зубки Инночки такъ и сверкнули.

— Онъ больной, сказала она.

— Лялячкинъ? Чѣмъ же онъ боленъ? спросилъ Веребьевъ.

— У него тутъ болитъ, объяснила Инночка, показавъ на лобъ.

„И она тоже это замѣчаетъ“, подумалъ Веребьевъ, и ему вспомнились странности Лялечкина и въ особенности его сегодняшній взволнованный и загадочный видъ.

Они пришли къ дому. Веребьевъ провелъ Инночку прямо въ столовую, усадилъ къ столу и велѣлъ подать что было въ кухнѣ готоваго. Инночка должно-быть въ самомъ дѣлѣ была очень голодна, и ѣла молча, быстро работая бѣленькими зубками и изрѣдка равнодушно взглядывая на Веребьева.

Людмила Петровна изъ окна „генеральскаго“ дома видѣла какъ они пришли.

— Вотъ, maman, взгляните, сказала она матери.

Клеопатра Ивановна приблизила лицо къ оконному стеклу и посмотрѣла съ большимъ любопытствомъ.

— Скажите пожалуста! проговорила она, покачавъ головой.

— Посудите, могу ли я это сносить?

Клеопатра Ивановна перенесла взглядъ на дочь. Въ этомъ взглядѣ выразилось столько обиднаго сострадания что Людмила Петровна вспыхнула.

— Я пойду домой, сказала она, и поцѣловавъ мать, возвратилась черезъ боковую калитку къ себѣ.

Завтракъ еще не былъ конченъ, когда она вошла въ столовую. Видъ ненавистной дѣвчонки, спокойно поѣдавшей котлетку на ея великолѣпномъ рѣзномъ столѣ Louis XVI, вывелъ ее изъ себя.

— Въ которомъ часу вы отправляете *ее* въ деревню? обратилась она къ мужу, сдвинувъ брови съ такимъ видомъ который не обѣщалъ ничего хорошаго. Губы ея дрожали.

— Я не подумалъ еще объ этомъ; сегодня, кажется, уже поздно.... проговорилъ Веребьевъ.

Инна при входѣ Людмилы Петровны хотѣла встать, но встрѣтившись съ ея сердитымъ взглядомъ, только нахмурилась и осталась на стулѣ. Въ зрачкахъ ея тоже бѣгали недобрыя искры.

— Слѣдовательно вы отказываетесь отъ вчерашняго слова? проговорила Людмила Петровна къ мужу.—А васъ, моя милая,

вѣрно не учили что когда входитъ барыня, надо встать и поклониться? обратилась она къ Инночкѣ.

Та только слегка поблѣднѣла и принялась завязывать концы платка, покрывавшаго ей голову и плечи.

— Людмила Петровна, это недостойно.... барыни! проговорилъ Веребьевъ.

— Merci, равнодушно поблагодарила его Людмила Петровна.— Такъ вы отказываетесь отправить ее сегодня?

Веребьевъ въ смущеніи слѣдилъ за торопливыми движеніями Инночки, очевидно собравшейся уходить.

— Инночка, подождите меня минуточку въ моемъ кабинетѣ, я сейчасъ туда приду, сказалъ онъ.

Оставшись одинъ съ женою, онъ прошелся раза два изъ угла въ уголъ, и быстро повернувшись къ Людмилѣ Петровнѣ, присовокупилъ успокоившимся голосомъ:

— Я поступлю по вашему желанію; черезъ часъ этой дѣвочки не будетъ здѣсь: я самъ отвезу ее въ деревню—и съ этими словами быстро пошелъ къ двери.

— Но я вовсе не хочу чтобы вы сами ее отвозили! воскликнула Людмила Петровна, не ожидавшая такого заключенія.

— Мнѣ больше не съ кѣмъ ее отправить, возразилъ Веребьевъ.

— А я не хочу, не хочу чтобы вы сами ее отвозили! воскликнула Людмила Петровна.—Если вы съ ней уѣдете, вы меня больше не найдете здѣсь!

Веребьева уже не было въ комнатѣ. Людмила Петровна въ неподдѣльномъ отчаяніи сжала свои красивыя бѣлыя руки и опустилась на стулъ. На выразительномъ лицѣ ея отразилась тоска и какое-то недоумѣніе. „Какъ же такъ? что жь теперь будетъ?“ говорили ея сжатыя губы. „Нѣтъ, онъ остановится, онъ не сдѣлаетъ этого шага“....

Она стала прислушиваться. Изъ сосѣдней комнаты доносились спокойныя распоряженія мужа, слышались тяжелые шаги камердинера, принесшаго въ кабинетъ чемоданъ. Стало-быть онъ въ самомъ дѣлѣ уѣзжаетъ? стало-быть онъ не шутя пожертвовалъ ею—для уличной дѣвчонки, которую она даже въ горничныя къ себѣ не удостоила бы взять?

Людмила Петровна въ первый разъ горько и серіозно оглянулась на себя, на мужа, на эти короткія пять - шесть недѣль ихъ брачной жизни. Ей стало немножко страшно. До сихъ поръ она смотрѣла на свою всесильную власть надъ мужемъ какъ

на неистощимый капиталъ, котораго хватитъ на всю жизнь; и вдругъ этого капитала оказывается недостаточно чтобъ уплатить по первому крупному чеку. Но гдѣ же въ такомъ случаѣ эта любовь, о которой такъ горячо заявлялъ онъ еще женихомъ, и послѣ? Ей и въ голову не приходило спросить себя—сдѣлала ли она хоть ничтожную малость чтобъ удержать эту любовь за собою?...

Людмила Петровна была воспитана какъ воспитываются многія красивыя русскія барышни. Съ именемъ мужа у нея всегда нераздѣльно соединялось представленіе о чемъ-то такомъ что̀ надо немедленно подчинить, покорить, чѣмъ она должна владѣть, что̀ обязано ежеминутно жертвовать собой ея капризамъ. Притомъ, это что-то представлялось враждебнымъ ей самой и ея семьѣ; съ нимъ надо было бороться какъ съ своимъ естественнымъ врагомъ. Вся тайна супружескаго счастія въ ея понятіяхъ заключалась въ томъ чтобъ имѣть сильнаго союзника въ своей семьѣ, даже въ своихъ знакомыхъ, а мужа какъ можно скорѣе уединить отъ всѣхъ его прежнихъ связей и вполнѣ подчинить своей волѣ. Она такъ и дѣлала, стараясь всѣми силами разорвать мужа съ его матерью, даже съ его деревенскимъ домомъ, и совершенно искренно цѣня малѣйшій капризъ Клеопатры Ивановны гораздо дороже самыхъ серіозныхъ привязанностей и привычекъ мужа. То вѣдь свои, родные, а мужъ.... мужу надо ежеминутно показывать что его идеи и привычки презрѣнны, и что блестящая, избалованная дѣвушка принесла неоцѣненную жертву, сдѣлавшись его женою....

И вдругъ, осчастливленный мужъ не только не поддается этой теоріи супружескаго благополучія, но еще наноситъ ей неслыханное оскорбленіе. Нѣтъ, это не можетъ такъ продолжаться.

Людмила Петровна встала, прошла въ свою комнату, поправила предъ зеркаломъ волосы и спросила одѣваться. Она нарочно потребовала шляпку и пальто, чтобы дома не знали что она идетъ къ матери. Затѣмъ она вышла на улицу, прошла мимо „генеральскихъ“ оконъ, повернула и сильно дернула за звонокъ.

Клеопатра Ивановна была дома.

XVII.

Между тѣмъ Ляличкинъ, выбѣжавъ отъ старухи, растерянною походкой шагалъ по переулкамъ, тѣснившимся къ обитаемой имъ части города. Эта походка и больное, блуждающее выраженіе его лица пугали попадавшихся на встрѣчу прохожихъ и заставляли ихъ съ сожалѣніемъ или со смѣхомъ сторониться. Ляличкинъ никого не замѣчалъ и только придя домой и вступивъ въ полутемныя сѣни—опомнился и то потому только что наткнулся на предметъ заставившій его внезапно вздрогнуть всѣмъ тѣломъ.

Предметъ этотъ, однакожь, не заключалъ въ себѣ ничего ужаснаго. Это былъ просто мѣстный квартальный надзиратель, фигура чрезвычайно мирная и нѣсколько даже добродушная, въ настоящее время довольно удобно покоившаяся на обдерганномъ диванчикѣ, выбивавшая толстыми ногтями какую-то дробь на ножнахъ шпажовки.

— А вотъ и онъ! воскликнула при появленіи Ляличкина квартирная хозяйка, и быстро исчезла: она давно уже съ тоскливымъ нетерпѣніемъ поджидала жильца, такъ какъ разговоръ съ квартальнымъ, поддерживаемый ею по чувству почтительности и отчасти по сознанію нѣкоторой своей прикосновенности къ дѣлу, никакъ не клеился.

— Вотъ и кстати, проговорилъ сиповатымъ баскомъ квартальный, кланяясь болѣзненно-поблѣднѣвшему Ляличкину и тѣмъ же движеніемъ указывая на дверь, какъ бы приглашая поскорѣе отпереть ее.

— Вы... ко мнѣ? пролепеталъ Ляличкинъ, овладѣвая нервною болью сжавшею ему горло.

— Отворите-ка, отворите-ка квартирку, тамъ и побесѣдуемъ, протянулъ квартальный.

Ляличкинъ долго не могъ попасть ключомъ въ замочную скважину: рука его дрожала; крупный потъ стылъ на лбу. Наконецъ дверь распахнулась, и оба вошли въ комнату.

— А зачѣмъ это у васъ окно открыто? вдругъ обратился къ нему квартальный, потянувъ носомъ сырой и холодный воздухъ.—По времени года не слѣдовало бы.

Ляличкинъ машинально затворилъ окно. Квартальный досталъ изъ кармана роговую табатерку, понюхалъ и слегка крякнулъ.

— Поступила на васъ жалоба что якобы укрываете у себя для незаконной цѣли несовершеннолѣтнюю дѣвицу Инну, бѣжавшую изъ дому родственницы и воспитательницы ея, мѣщанки Никотенковой.... началъ квартальный, и вдругъ остановился, вперивъ въ Лялички неподвижный взглядъ и какъ бы ожидая отъ него продолженія собственной рѣчи.

Но Лялички безмолвно стоялъ, оперщись обѣими руками о столъ; колѣни его подрагивали, а лицо, на которое теперь падалъ широкій свѣтъ изъ окна, покрывала прозрачная блѣдность.

— Такъ вотъ, этакій маленькій осмотръ въ квартирѣ произвести требуется, объяснился квартальный, и заложивъ одинъ палецъ за пуговицу сюртука, какъ-то загадочно пошевелилъ остальными.

— Послушайте, господинъ надзиратель, это.... это все вздоръ что̀ вамъ старуха говорила! залепеталъ вдругъ Ляличкинъ, наклоняясь къ квартальному и быстро мигая безкровными вѣками.—Это она нарочно все насказала, потому что она давно преслѣдуетъ меня. Она хочетъ погубить меня, эта старуха. И никакой Инночки у нея нѣтъ, потому что все это одинъ обманъ; даже ужасно хитрый обманъ, я васъ увѣряю. Ну, скажите, какъ бы эта Инночка могла убѣжать отъ нея, когда она у меня тутъ, съ самаго начала у меня тутъ! (Онъ хлопнулъ рукою по рукописи, которую вытащилъ изъ кармана.) И еще она ее своею родственницей называетъ! Ха, ха, ха!

И Ляличкинъ, прищурившись на полицейскаго чиновника, залился на минуту тихимъ, металлическимъ смѣхомъ.

Лицо квартальнаго выразило совершенное непониманіе того что̀ говорилъ Ляличкинъ.

— Гм, что̀ вы такое, однако, разказываете? отозвался онъ, внезапно нахмурившись и покосясь на Ляличкина и на толстую тетрадь, лежавшую предъ нимъ на столѣ.

— Это повѣсть. Понимаете, Инночка это вовсе не живое лицо, а героиня повѣсти, которую я сочинилъ, торопливо и нервно пояснялъ ему Ляличкинъ.—Вотъ посмотрите, тутъ даже на заглавномъ листѣ написано: Инночка. И потомъ вездѣ, на каждой страницѣ все Инночка, Инночка, Инночка....

Квартальный посмотрѣлъ на заглавный листъ, и послюнивъ указательный палецъ, перевернулъ имъ нѣсколько страницъ.

— Гм, это однако очень странно, произнесъ онъ, будучи совершенно не въ силахъ переварить въ мысляхъ такой

необыкновенный и рѣшительно не предусмотрѣнный въ законѣ случай.—А несовершеннолѣтней дѣвицы Инны вы въ квартирѣ своей не укрываете? обратился онъ однако къ Лялечкину.

— Да поймите же что вотъ это она и есть, Инна-то! Вѣдь Инночка и Инна это одно и то же имя! объяснялъ Лялечкинъ.

— Гм! произнесъ только квартальный и опять нахмурился и покосился на своего страннаго собесѣдника.

Потомъ досталъ изъ кармана табатерку, но не раскрылъ, а только покрутилъ ее между пальцами, прошелся въ смежную комнату, заглянулъ тамъ подъ кровать, и вытащилъ изъ-за обшлага листъ сѣрой бумаги. Прибавивъ къ написанному тамъ нѣсколько строкъ, онъ подсунулъ его къ Лялечкину для подписи.

Лялечкинъ не читая подмахнулъ. Квартальный отправилъ бумагу тѣмъ же порядкомъ за обшлагъ, потомъ взялъ со стола рукопись, свернулъ ее въ трубку и сунулъ въ заднiй карманъ.

— А это зачѣмъ же? встрепенулся Лялечкинъ.

— Такъ надо, порядокъ. Случай такой, того.... не предусмотрѣнъ закономъ, объяснилъ квартальный.

— Но вы вѣдь возвратите мнѣ ее? Здѣсь все мое состоянiе, вся моя судьба! жалобно и испуганно взмолился Лялечкинъ.

— Ну, тамъ разсмотрятъ, рѣшатъ.... А вы сами-то какъ.... того? Въ порядкѣ? вдругъ обратился къ нему квартальный и опять подозрительно оглядѣлъ его.—Потому что вы словно бы того....

И блюститель порядка, опять какъ-то загадочно повертѣвъ въ воздухѣ пальцами, удалился на половину квартирной хозяйки.

Лялечкинъ присѣлъ къ окну, прикрываясь простѣнкомъ и терпѣливо ждалъ пока онъ совсѣмъ уйдетъ изъ дому. Только проводивъ окончательно глазами его слегка подпрыгивавшую на ходу фигуру, онъ обнаружилъ признаки необычайной дѣятельности: выдвинулъ ящики изъ коммода, досталъ оттуда кое-какое бѣлье и сложилъ его на постель; потому снялъ со стѣны висѣвшiя въ картонныхъ рамкахъ фотографiи, собралъ нѣкоторыя вещицы со стола, и все это также сложилъ на постель; отыскалъ трубку съ коротенькимъ чубукомъ, какiя у солдатъ называются носогрѣйками, продулъ ее и вмѣстѣ съ кисетомъ сложилъ въ ту же кучу; затѣмъ снялъ съ подушки наволочку и завязалъ все это концами простыни. Тогда онъ

снялъ съ гвоздя свой плащъ, тщательно встряхнулъ его и надѣлъ; надвинулъ на брови шляпу, взялъ узелокъ подъ полу, и осторожно, крадучись и озираясь, вышелъ изъ дому. Дверь онъ оставилъ незапертою: пусть, молъ, приходятъ, пусть! Походка у него явилась совсѣмъ воровская: онъ скользилъ подъ стѣной, вытягивая шею, оглядываясь и какъ-то особенно широко переставляя ноги, точно не шелъ, а перескакивалъ съ кочки на кочку. Больная улыбка змѣилась на его безкровныхъ губахъ, вдругъ смѣняясь иногда выраженіемъ испуга.... На одной изъ улицъ ему встрѣтился городовой; онъ вдругъ принагнулся за шедшею впереди енотовою шубой, и когда городовой уже совсѣмъ поровнялся съ нимъ, схватилъ господина въ шубѣ сзади за локти, перекрутился вмѣстѣ съ нимъ и пустился со всѣхъ ногъ въ сторону.

Пробѣжавъ съ полверсты по кривымъ улицамъ, онъ перевелъ духъ, и придерживаясь той стороны гдѣ отъ фабрикъ и заводовъ падала тѣнь, шелъ все дальше и дальше. Онъ рѣшительно не сознавалъ куда идетъ и зачѣмъ; въ головѣ его, среди тысячи несвязныхъ мыслей, бродило только смутное желаніе куда-нибудь спрятаться. Почему ему надо было спрятаться, онъ также не объяснялъ себѣ; но сознаніе какой-то опасности гнало его по пятамъ и заставляло пугливо вздрагивать на каждомъ шагу. Дорога его шла теперь по грязному берегу рѣки, заваленному сгнившими бревнами и мусоромъ: онъ безпрестанно спотыкался, задѣвая длинными полами плаща за щепки и камни. Вдругъ колѣни его сами собой подогнулись и глаза неподвижно остановились, устремленные на одну точку: прямо на него шелъ по берегу тотъ самый квартальный который производилъ обыскъ въ его квартирѣ. Неизъяснимый ужасъ искривилъ лицо Ляличкина; не спуская глазъ съ приближавшагося квартальнаго, онъ сталъ пятиться, пятиться, и вдругъ, скользнувъ ногами по кучѣ щебня, полетѣлъ въ воду.

Пронзительный, тонкій, почти дѣтскій крикъ раздался надъ тѣмъ мѣстомъ откуда только-что исчезла фигура Ляличкина. Это вскрикнула Инночка.... Скрывшись опять отъ Веребьевыхъ и бродя безъ всякой цѣли по городской окраинѣ, она давно уже разглядѣла Ляличкина и слѣдила за нимъ, очень интересуясь узнать куда это онъ идетъ со своею таинственною ношей подъ полой. Она была уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, когда онъ вдругъ бултыхнулъ въ воду. Онъ успѣла толь-

ко пронзительно вскрикнуть, и въ неизъяснимомъ ужасѣ заломивъ надъ головой свои худенькія руки, окаменѣла на мѣстѣ.

Квартальный былъ тоже очевидцемъ происшествія.

— Эй, кто тамъ! Спасайте! Человѣкъ въ воду упалъ! крикнулъ онъ на всю улицу, подставляя руки къ губамъ въ видѣ рупора.

Какая-то невзрачная фигурка выдѣлилась изъ темноты и подбѣжала къ берегу.

Рѣка была очень мелка въ этомъ мѣстѣ, такъ что даже небольшаго роста человѣкъ не могъ бы утонуть въ ней. Но Ляличкинъ не показывался надъ водой, и только пузыри расходились широкими кругами отъ того мѣста гдѣ случилась катастрофа.

Фабричный вызвавшійся лѣзть въ воду скоро однако нащупалъ его на грязномъ днѣ, и повозившись, кое-какъ вытащилъ на берегъ. Ляличкинъ былъ мертвъ.

— Эге! да это кажется тотъ самый который... того... Должно-быть ударъ приключился, выразилъ свою догадку квартальный, и распорядился чтобы мертвое тѣло отнести въ ближайшую полицейскую часть.

Инночка медленно поплелась вслѣдъ за толпой провожавшею покойника.

XVIII.

Людмила Петровна застала Клеопатру Ивановну одну. Она была этому очень рада, потому что то о чемъ она намѣрена была переговорить съ матерью не могло быть сказано при постороннихъ.

— Maman, я окончательно поссорилась съ мужемъ, начала она, сбрасывая шляпку и опускаясь въ кресло подлѣ матери.

— Что̀, что̀ такое у васъ случилось? полюбопытствовала Клеопатра Ивановна, интересовавшаяся до необузданности всякими интимными дѣлами.

Людмила Петровна принялась разказывать. Оскорбленная нотка крикливо слышалась въ ея голосѣ; она была очень взволнована и находилась подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ обиды и досады. Ей казалось что въ настоящую минуту нѣтъ существа несчастнѣе ея; поэтому она очень удивилась когда Клеопатра Ивановна, вмѣсто всякаго проявленія материнскихъ чувствъ, прервала ее вопросомъ:

— Собственно до чего же у нихъ дошло съ дѣвчонкой-то этой, ты знаешь ли?

— Почему же я могу знать? отвѣтила съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ Людмила Петровна.

— Какъ женѣ не узнать! Эти дѣла по всему видны бываютъ, замѣтила мать.

— Да я вовсе не хочу этого знать! Довольно съ меня и того что̀ онъ открыто себѣ позволяетъ, возразила Людмила Петровна.

— Ишь вѣдь козелъ какой бородатый, замѣтила какъ бы про себя Клеопатра Ивановна.—А ты этимъ не пренебрегай, за этимъ смотрѣть надо. Иное дѣло когда мущина такъ себѣ дурачится, а иное дѣло когда до серіознаго доходитъ. Тутъ главное—дѣти могутъ быть, добавила она полушепотомъ, наклоняясь къ дочери.

Людмила Петровна чувствовала что мать не понимаетъ ее.

— Я, maman, рѣшилась больше не жить съ мужемъ; я опять у васъ буду жить, сказала она.

Клеопатра Ивановна какъ сидѣла, такъ и окаменѣла на мѣстѣ.

— Какъ у насъ жить? Что̀ это такое ты сказала? воскликнула она.

— Что̀ жь, развѣ вы прогоните меня? возразила уже съ раздраженіемъ Людмила Петровна.

Клеопатра Ивановна всплеснула руками.

— Да какъ же это можно, Милочка! Развѣ это бываетъ гдѣнибудь? заволновалась она.—Да этакъ не стоило бы и хлопотать дочерей замужъ выдавать. Ты возись съ нею, бейся, жениховъ лови, а она къ тебѣ, повѣнчавшись, да черезъ мѣсяцъ назадъ придетъ! Да этакъ матерямъ лучше на свѣтъ не родиться. У самой будутъ дѣти, узнаешь что̀ значитъ невѣсту съ рукъ сбыть.

Клеопатра Ивановна не замѣчала что въ волненіи говоритъ лишнее, очень ужь на нее подѣйствовала перспектива держать у себя въ домѣ соломенную вдову!

— Да ты подумала ли что̀ ты такое затѣяла? продолжала она, увлекаясь далѣе и далѣе.—Иное бы дѣло было еслибы ты подготовила все исподоволь, чтобъ онъ, напримѣръ, состояніе на твое имя переписалъ, или что̀; а то на̀ тебѣ! Да вѣдь онъ за этакій-то скандалъ, что̀ ты ему сдѣлаешь, поломаннаго гроша тебѣ не дастъ. А своего-то что̀ у тебя? Двѣ дюжины ло-

жекъ серебряныхъ, да тряпки... А толковъ-то да пересудовъ чтò подымется! Ты попробуй только сказать объ этомъ отцу, посмотришь чтò онъ запоетъ тебѣ...

Людмила Петровна поднялась съ мѣста.

— Успокойтесь, maman, я ничѣмъ не стѣсню васъ. Я пошутила.

Клеопатра Ивановна подозрительно заглянула ей въ глаза.

— Ты не думай, Милочка, что я изъ какихъ-нибудь разчетовъ... заговорила она.—Я для твоей же пользы. Соломенною-то вдовой у родителей жить не то чтò на своей волѣ. Мало ли какіе съ мужемъ вздоры бываютъ? Это чтò бы такое было еслибы сейчасъ врозь бѣжать? Да и съ твоимъ ли мужемъ тебѣ-то не управиться? Такіе ли еще бываютъ!

Людмила Петровна не слышала послѣднихъ словъ: руки ея нервно дрожали, завязывая ленты шляпки, и въ груди съ дрожащею болью колотилось маленькое, гнѣвное, оскорбленное сердечко.

На крыльцѣ она остановилась. Ей ни за чтò не хотѣлось вернуться теперь домой. Чувство обиды и ненависти всею силой давило ее. Мужъ вѣроятно еще не уѣхалъ; она ни за чтò не хотѣла бы встрѣтиться теперь съ нимъ. Но куда же дѣваться?

Она перебрала въ головѣ нѣсколько знакомыхъ семействъ и не рѣшилась пойти ни къ кому изъ нихъ: всѣ такъ противны были ей теперь. Ей казалось что каждый любопытный взглядъ прочтетъ на ея лицѣ о ея обидномъ положеніи. Кто знаетъ, можетъ-быть связь ея мужа съ этою дѣвчонкой (она была теперь увѣрена что тутъ есть связь) уже сдѣлалась предметомъ городской сплетни... Ей стало горько, очень горько и нестерпимо обидно.

Тутъ, по весьма простому сближенію воспоминаній, ей пришелъ на память Ухоловъ. Мужъ не терпѣлъ его—это очень много значило при ея теперешнемъ раздраженіи. Притомъ Ухоловъ уже нѣсколько лѣтъ сряду былъ самымъ вѣрнымъ ея поклонникомъ. Онъ конечно приметъ ея сторону, дастъ ей практическій совѣтъ какъ устроить свою жизнь.

Людмила Петровна пріостановилась на этой мысли. Чтò еслибъ она вдругъ теперь зашла къ Ухолову? О, какъ жестоко бы отмстила она этимъ мужу! Правда, она рисковала очень многимъ; но развѣ ее не понуждали къ этому шагу? Притомъ Ухоловъ всегда былъ относительно ея такъ благороденъ,

такъ деликатенъ... Она разкажетъ ему все, все, и они вмѣстѣ обсудятъ ея положеніе.

Въ нерѣшительности она сдѣлала нѣсколько шаговъ дальше и дальше отъ дому. На улицахъ было немноголюдно; это ободрило ее. Она опустила вуаль и быстро пошла впередъ.

Рука ея опять сильно дрогнула, хватаясь за ручку звонка.

— Дома Павелъ Сергѣичъ? спросила она почти шепотомъ слугу.

— Дома, отвѣтилъ тотъ какимъ-то фамиліарнымъ тономъ.

Людмилѣ Петровнѣ было ужасно стыдно; ей казалось что лакей принимаетъ ее Богъ знаетъ за кого. Она, не подымая вуаль, вошла въ маленькое зальце, и боялась оглянуть себя въ зеркалѣ. Самыя стѣны точно указывали на нее и шептались о ней.

„Ну, не будемъ трусить", мысленно ободрила она себя и присѣла на плетеный стулъ.

Изъ сосѣдней комнаты слышно было какъ Уходовъ въ полголоса разспрашивалъ слугу, потомъ начался какой-то шорохъ— должно-быть онъ одѣвался. Наконецъ плотно-притворенная дверь отворилась, и Уходовъ, въ щегольскомъ утреннемъ костюмѣ, опрысканный духами, вошелъ въ залу.

— Людмила Петровна! Чему я обязанъ такимъ счастіемъ! весело вскричалъ онъ, пожимая ея руку.

— Нашей дружбѣ, Павелъ Сергѣевичъ, отвѣтила Людмила Петровна, чувствуя что мучительно краснѣетъ подъ нескромно радостнымъ взглядомъ Уходова.

Тотъ не выпускалъ ея руки изъ своей.

— Пройдемте туда; здѣсь очень неудобно, предложилъ онъ, указывая на дверь изъ которой за минуту предъ тѣмъ появился.

Въ залѣ, съ ея плетеными стульями, въ самомъ дѣлѣ было неудобно. „Вѣрно у него тамъ гостиная", подумала Людмила Петровна, и пошла за молодымъ хозяиномъ.

Гостиная оказалась большимъ, очень комфортабельнымъ кабинетомъ. Плотныя шторы были опущены, мягкая мебель наполняла простѣнки. Слуга торопливо выскочилъ за дверь, унося съ собою какія-то принадлежности мужскаго гардероба. Людмила Петровна опять сконфузилась.

— Странный поступокъ съ моей стороны, не правда ли? сказала она, силясь улыбнуться и опускаясь подлѣ Уходова на

предложенный ей диванчикъ. Она въ эту минуту уже жестоко раскаивалась въ своемъ необдуманномъ шагѣ.

— Ничего я не вижу страннаго; великолѣпная идея! воскликнулъ Уховлвъ. — Да снимите же пожалуста вашу шляпку, предложилъ онъ, и протянулъ руку чтобы развязать бантъ. Людмила Петровна отстранила его.

— Нѣтъ, я на минутку, сказала она.—Знаете зачѣмъ я пришла къ вамъ? Я немножко поссорилась съ мужемъ, даже очень... Онъ оскорбилъ меня.

Въ голосѣ Людмилы Петровны дрогнула оборвавшаяся нотка; она чувствовала что готова сейчасъ расплакаться, и ужасно боялась этого. Продолговатые, черные, съ желтоватыми бѣлками глаза Ухолова, выразительно жадно глядѣвшіе на нее, смущали ее.

— Бѣдненькая Людмила Петровна! проговорилъ улыбающимся голосомъ Ухоловъ, придвигаясь къ ней и беря ея руки, все еще остававшіяся въ перчаткахъ.—Чтò же такое надѣлалъ Николай Васильевичъ?

— Чтò именно такое—не все ли равно? Только я ужасно несчастлива, и я не знаю, мнѣ не съ кѣмъ посовѣтоваться, говорила Людмила Петровна, чувствуя какъ ей тяжело становилось дышать подъ плотнымъ вуалемъ.—Я не умѣю выносить оскорбленія, я должна наказать его. Научите меня.

Глаза и все лицо Ухолова смѣялись.

— Мнѣ васъ учить? полноте! кто такъ отлично начинаетъ, тотъ не нуждается въ учителѣ! воскликнулъ онъ, весело захохотавъ. Людмила Петровна вздрогнула.

— Чтò вы хотите этимъ сказать? спросила она гнѣвно, сближая брови.

— Да снимите же ради Бога вашу шляпку, я совсѣмъ не вижу васъ сквозь этотъ вуаль! продолжалъ Ухоловъ, пропуская безъ отвѣта ея вопросъ.

На этотъ разъ онъ поймалъ концы ея лентъ и распустилъ бантъ. Людмила Петровна почти отпрянула отъ него и вскочила съ дивана.

— Послушайте, да вы не бойтесь, успокоивалъ ее Ухоловъ, поднявшись вслѣдъ за нею и осторожно придерживая ее за талію.—Сюда рѣшительно никто не зайдетъ, человѣкъ мой ужь знаетъ... добавилъ онъ вполголоса, наклоняясь къ ея лицу.

У Людмилы Петровны мутилось въ глазахъ.

— Павелъ Сергѣичъ, вы ошиблись; вы не поняли меня, проговорила она, рѣзкимъ движеніемъ освобождаясь отъ Ухолова.

Она бросилась въ дверь, оттуда въ залу, и въ минуту очутилась на крыльцѣ. Растерявшійся Ухоловъ даже не могъ проводить ее.

XIX.

Людмила Петровна не шла, а бѣжала по улицамъ. Въ покраснѣвшихъ глазахъ ея стояли слезы. Горькое, ѣдкое чувство наполняло ее и тѣснило дыханіе. Ей и страшно было, и какъ будто чему-то радовалась она—какой-то избѣгнутой опасности. Только очень тяжело было это радостное чувство — словно она пріобрѣла его непомѣрно дорогою цѣною.

Дома ее встрѣтила горничная.

— Николай Васильевичъ уѣхалъ? не твердо спросила Людмила Петровна.

— Нѣтъ, они у себя въ кабинетѣ.

Людмила Петровна не ожидала этого отвѣта. Она хотѣла еще что-то спросить, но горничная, предупреждая ее, сообщила:

— Они должно-быть совсѣмъ не поѣдутъ; дѣвушка-то та ушла, и нигдѣ ее сыскать не могли.

У Людмилы Петровны какъ будто полегчило въ груди отъ этого извѣстія. Она сбросила пальто, шляпку, обмахнула все еще красные отъ слезъ глаза, и осторожными шажками прошла въ кабинетъ.

Веребьевъ сидѣлъ у стола, опустивъ голову на руки. На дворѣ уже начинало смеркаться, и слабый свѣтъ едва проникалъ сквозь зеленую штору. Онъ давно уже сидѣлъ въ этомъ положеніи и думалъ. Мысли его не радостно тѣснились одна на встрѣчу другой. Онъ думалъ о своей испорченной жизни, о безцвѣтно-отжитой молодости, какъ-то незамѣтно и безслѣдно куда-то канувшей, и о томъ короткомъ, обманувшемъ его счастіи, которое послала ему любовь. Онъ думалъ о томъ какъ самые обыкновенные люди, которыми онъ не могъ не пренебрегать, какъ-то умѣютъ устроить свою жизнь и обойтись при всѣхъ случайностяхъ и обстоятельствахъ — а онъ, кому не отказывали ни въ умѣ, ни въ доброй волѣ, хватался за жизнь неумѣлыми руками и терялся при первомъ толчкѣ. Онъ упрекалъ себя въ гордости, въ нетерпимости и приходилъ къ заключенію къ

которому приходитъ каждый задумавшійся русскій человѣкъ, то-есть еслибы де начать жизнь сначала и т. д.

Людмила Петровна неслышно подошла къ нему и провела рукой по его волосамъ. Онъ вздрогнулъ.

— Ты не уѣхалъ? сказала она ласково, какимъ-то робѣющимъ взглядомъ заглядывая ему въ глаза.

— Незачѣмъ было ѣхать: эта дикарка ушла куда-то, и я увѣренъ что не придетъ больше, отвѣтилъ спокойно Веребьевъ.

Людмила Петровна опустила свою маленькую ручку на лежавшую на столѣ широкую руку мужа и стала подлѣ него.

— А ты не... не огорченъ что она ушла? спросила она, пытливо и неувѣренно заглядывая въ самые зрачки его глазъ.

Веребьевъ повелъ плечомъ.

— Ты ревнуешь... это смѣшно, сказалъ онъ.

— Что̀ жь мнѣ дѣлать, если я ревнива? возразила Людмила Петровна.—И ты тоже ревнуешь меня.

Намекъ на Ухолова непріятно покоробилъ Веребьева.

— Мы не дѣти, надо имѣть довѣріе другъ къ другу, сказалъ онъ.

— А ты... ты имѣешь ко мнѣ это довѣріе? переспросила Людмила Петровна.

— Да, отвѣтилъ съ легкою запинкой Веребьевъ.

Людмила Петровна придвинулась къ мужу и положила руки ему на плечо.

— Знаешь что я хочу предложить тебѣ? заговорила она, своими большими—и уже не лукавыми—глазами глядя ему въ лицо, — ты говоришь, эта дѣвушка больше не придетъ сюда; не будемъ принимать также и Ухолова.

— Это что̀ за перемѣна? недовѣрчиво удивился Веребьевъ.

— А почему жь бы и не быть перемѣнѣ? возразила Людмила Петровна, и чувствуя что больше не въ силахъ удерживать подступившія къ горлу рыданія, уронила голову на плечо мужа и залилась слезами.

Веребьевъ растерялся.

— Милочка, что̀ съ тобою? О чемъ ты плачешь? Что̀ такое случилось? спрашивалъ онъ, лаская ея хорошенькую головку и самъ нервно вздрагивая отъ ея истерическихъ движеній.

Людмила Петровна продолжала плакать; она выплакивала и тревогу, и разочарованія, и счастье сегодняшняго дня, такъ полнаго для нея впечатлѣній.

- Другъ мой, уѣдемъ отсюда; уѣдемъ въ деревню, проговорила

она сквозь слезы, какъ-то странно улыбаясь блѣдными губами и прижимаясь къ мужу.—Ты увидишь что я буду другая, совсѣмъ другая.

У нея мелькала мысль разказать мужу все, все, до послѣдней подробности этого дня; но какое-то стыдливое чувство остановило ее. Лучше послѣ когда-нибудь, когда оба они будутъ гораздо ближе другъ къ другу, и притупится острое ощущеніе только-что пережитыхъ впечатлѣній.

— Видишь ли, продолжала она, смахивая съ рѣсницъ округлившіяся слезы, — утромъ, послѣ этой сцены... помнишь?—я почувствовала себя очень несчастною. Я много думала, за многое упрекала себя, и мнѣ захотѣлось любить тебя горячо, просто какъ любятъ другъ друга хорошіе люди. И чтобы никто не становился между нами, никто не заслонялъ бы насъ другъ отъ друга... пусть будетъ все сызнова, все сначала.... Да?

Полицейскій врачъ, производившій вскрытіе мертваго тѣла Ляличкина, нашелъ въ его мозгу органическія поврежденія было рѣшено что смерть его послѣдовала отъ нервнаго удара; Небольшая сумма денегъ найденная при немъ была употреблена на похороны, устроившіяся, однако, полицейскимъ порядкомъ, такъ какъ никакихъ родственниковъ у покойника въ цѣломъ городѣ не оказалось. Веребьевъ въ тотъ день еще ничего не зналъ о печальной участи постигшей его пріятеля, и потому не могъ быть на похоронахъ. Одна только Инночка, въ своемъ неизмѣнномъ холстинковомъ платьицѣ и черномъ шерстяномъ платкѣ, проводила покойника до самаго кладбища, гдѣ его мирно приняла убогая могила.

Съ тѣхъ поръ о ней пропалъ всякій слухъ въ городѣ.

В. АВСѢЕНКО.

ФАУСТЪ

ТРАГЕДІЯ ГЁТЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СЦЕНА II.*

ЗА ВОРОТАМИ.

Гуляющіе разныхъ званій выходятъ изъ города.

НѢСКОЛЬКО РЕМЕСЛЕННИКОВЪ.

Куда же мы идемъ?

ВТОРЫЕ.

Къ сторожкѣ лѣсника.

ПЕРВЫЕ.

Нѣтъ, мы на мельницу.

ОДИНЪ РЕМЕСЛЕННИКЪ.

Пойдемте-ка къ фонтану!

ДРУГОЙ.

Дорога скучная и слишкомъ далека.

ВТОРЫЕ РЕМЕСЛЕННИКИ.

А ты куда?

ТРЕТІЙ РЕМЕСЛЕННИКЪ.

Да я отъ прочихъ не отстану.

---

* Переводъ первой сцены см. *Руcскій Вѣстникъ* № 7й 1867.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Идите на село; красавицъ много тамъ,
И пива добраго, и погулять привольно.

ПЯТЫЙ.

Спасибо молодецъ! Иди, коль хочешь, самъ!
Ужь раза два моимъ бокамъ
Досталось на селѣ довольно.

ГОРНИЧНАЯ.

Нѣтъ! Въ городъ я вернусь!

ВТОРАЯ.

Онъ ждетъ насъ у осинъ.

ПЕРВАЯ.

Да мнѣ-то что̀? Съ тобой лишь онъ гуляетъ,
Съ тобой танцуетъ и болтаетъ,
Ну и ступай къ нему!

ВТОРАЯ.

Онъ нынче не одинъ:
Курчавый будетъ съ нимъ.

ШКОЛЬНИКЪ.

Вишь какъ шагаютъ! Чудо!
Пойдемъ за ними, братъ! Пристать бы къ нимъ не худо!
Забористый табакъ, пивка стаканъ другой,
Да дѣвка красная—что̀ дѣлать, вкусъ такой!

ГОРОЖАНКА.

Смотри, красавчики собою,
И безъ оглядки, просто срамъ,
Бѣгутъ за горничной простою,
Гдѣ столько есть хорошихъ дамъ.

ВТОРОЙ ШКОЛЬНИКЪ (*первому*).

Постой! Я сзади двухъ другихъ
Въ нарядныхъ платьяхъ замѣчаю;
Сосѣдка мнѣ одна изъ нихъ,
За нею я пріударяю.
Онѣ тихонько, скромно такъ идутъ,
И насъ съ собой навѣрное возьмутъ!

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ, нѣтъ! Я врагъ стѣсненій, братецъ мой!
Спѣшимъ, спѣшимъ! Дичина ускользаетъ!

Повѣрь, рука знакомая съ метлой
Тебя всѣхъ лучше въ праздникъ обласкаетъ!

ГОРОЖАНИНЪ.

Не нравится, друзья, мнѣ голова нашъ новый.
Лишь выбрали, такой сталъ гордый и суровый.
И чѣмъ для насъ полезенъ онъ?
Все слышишь пѣснь одну и ту же:
Стѣсненія со всѣхъ сторонъ,
Повинности что день то хуже.

НИЩІЙ (*поетъ*).

Вы люди добрые спѣшите
Гулять веселою толпой,
На старца нищаго взгляните
И сжальтесь надъ моей нуждой.
Лишь тотъ кто призритъ скорбь другаго
Узнаетъ счастіе вполнѣ —
Въ день свѣтлый праздника Христова
Подайте милостыню мнѣ!

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИНЪ.

Не знаю лучше я веселья въ день воскресный,
Чѣмъ разговоръ объ ужасахъ войны:
Какъ гдѣ-то, въ Турціи, въ чужбинѣ неизвѣстной,
Народы цѣлые мечомъ истреблены;
Сидишь за кружкою и взоромъ провожаешь
Спокойно по рѣкѣ плывущія суда,
Потомъ, придя домой, въ душѣ благословляешь
Отчизны тишину и мирные года.

ТРЕТІЙ ГОРОЖАНИНЪ.

Такъ, такъ, сосѣдъ! Люблю я это самъ.
Пожалуй вдалекѣ сражайся,
Пусть все верхъ дномъ поставятъ тамъ,
Лишь все по-старому у насъ-то оставайся!

СТАРУХА (*молодымъ горожанкамъ*).

Добро пожаловать франтихи молодыя!
Кто жь не засмотрится на васъ?
Поди ты, гордыя какія!
А что на думушкѣ узнаю я сейчасъ.

ГОРОЖАНКА.

Уйдемъ, Агата, неприлично явно
Водиться намъ съ колдуньею такой,

Хоть, правда, на дому у ней еще недавно
Мнѣ ночью суженый явился какъ живой.

ВТОРАЯ.

А мнѣ она его въ стаканѣ показала:
Какъ воинъ онъ стоялъ, друзьями окруженъ,
Но сколько я его повсюду ни искала,
Доселѣ на глаза мнѣ не попался онъ.

СОЛДАТЫ.

Твердые за́мки
Съ крѣпкой стѣною,
Дѣвъ неприступныхъ
Съ гордой душою
Бралъ бы я съ бою!
Добрая плата,
Доблестный трудъ!
Трубы отважныхъ
Громко сзываютъ,
Радость и гибель
Имъ возвѣщаютъ,
Грозно несется
Буря войны,
Дѣвы и за́мки
Сдаться должны!
Добрая плата,
Доблестный трудъ!
Бодро солдаты
Дальше идутъ.

ФАУСТЪ и ВАГНЕРЪ.

ФАУСТЪ.

Оковы рѣки и ручьевъ сокрушила
Благая весна животворнымъ лучомъ,
Жизнь юная зеленью долы покрыла,
Какъ старецъ угрюмый, въ безсильи своемъ,
Въ суровыя горы зима отступила.
Оттуда порою она посылаетъ
Лишь немощный иней, и зелень луговъ
Крупой ледяною, сердясь, осыпаетъ,
Но таетъ мгновенно холодный покровъ.
Все къ свѣту стремится, все къ жизни возстало
Все краской веселой одѣться спѣшитъ:

Цвѣтовъ въ околоткѣ веснѣ не достало,
Она ихъ нарядомъ людей замѣнитъ.
На городъ вдали оглянися съ высотъ:
Подъ темными сводами тѣсныхъ воротъ
И давка, и говоръ, и шумъ, и движенье —
Всѣ праздновать идутъ Христа воскресенье;
Самимъ имъ пора воскресенья пришла
Изъ замкнутыхъ комнатъ и душныхъ домовъ,
Отъ гнета работы, отъ узъ ремесла,
Изъ смрадныхъ подваловъ и темныхъ угловъ,
На волю изъ улицъ, изъ мрака церквей
Зоветъ ихъ сіянье весеннихъ лучей.
Смотри какъ толпа въ безпрерывномъ движеньи
Луга и сады заняла вдалекѣ;
Отъ края до края, на всемъ протяженьи,
Веселыя лодки плывутъ по рѣкѣ;
Вотъ пестрой гурьбой тяжело нагруженный
Челнокъ запоздалый отчалилъ сейчасъ,
И даже на склонахъ горы отдаленной
Цвѣтные наряды привѣтствуютъ глазъ;
Съ села раздается напѣвъ хоровода —
Здѣсь рай настоящій простаго народа,
Лишь звуки веселья здѣсь слышатся мнѣ,
Здѣсь быть человѣкомъ могу я вполнѣ!

ВАГНЕРЪ.

Въ прогулкѣ съ вами, докторъ, безъ сомнѣнья,
И честь и пользу вижу я всегда,
Но грубыя мнѣ гадки развлеченья,
И не пришелъ бы я одинъ сюда.
Мнѣ крики, скрипки, кегли нестерпимы,
Весь этотъ хаосъ дикой кутерьмы:
Бѣснуются, какъ чортомъ одержимы,
И говорятъ: поемъ и веселимся мы!

ПОСЕЛЯНЕ *(подъ липой)*.

Пѣніе и пляска.

Плясать выходитъ пастушокъ,
Цвѣтная куртка и вѣнокъ,
Нарядъ на немъ красивый.
Подъ липой водятъ хороводъ,

И пляшетъ весело народъ;
Люли, люли,
Люли, люли, люли —
Звучитъ напѣвъ гульливый.

Поспѣшно входитъ онъ въ кружокъ,
И мимоходомъ дѣвку въ бокъ
Толкнулъ пастухъ шутливо;
А дѣвка бойкая въ отвѣтъ:
Толкаться такъ совсѣмъ не слѣдъ,
Люли, люли,
Люли, люли, люли —
Вѣдь это неучтиво.

Живѣе пляска, хоръ дружнѣй,
Пастухъ съ красоткою своей
Кружится прихотливо;
Лицо горитъ, нарядъ въ пыли,
И вотъ въ сторонку отошли,
Люли, люли,
Люли, люли, люли,
Обнявшись шаловливо.

Оставь, пастухъ! Мы знаемъ васъ!
Дѣвицѣ парень ужь не разъ
Въ любви поклялся лживо;
А онъ въ отвѣтъ ее ласкалъ,
И всю окрестность оглашалъ,
Люли, люли,
Люли, люли, люли,
Подъ липой хоръ гульливый.

СТАРЫЙ ПОСЕЛЯНИНЪ.

Спасибо, докторъ, вамъ на томъ
Что въ толкотню простыхъ людей
Вы не побрезгали придти
При всей учености своей.
Позвольте жь свѣжаго питья
Вамъ чарку лучшую налить.
Вамъ отъ души желаю я
Не только жажду утолить,
Пусть столько жь сколько капель въ ней
Пошлетъ вамъ Богъ счастливыхъ дней.

ФАУСТЪ.

Я пью отрадное питье,
Вамъ всѣмъ привѣтствіе мое.

(Народъ с обиходится въ кругъ.)

СТАРЫЙ ПОСЕЛЯНИНЪ.

Да, хорошо что въ Свѣтлый день
Вы появляетесь сюда:
Не оставляли вы народъ
Во дни невзгоды и труда.
Не мало здѣсь найдется насъ
Кого покойный вашъ отецъ
Отъ смерти злой чудесно спасъ,
Заразѣ положивъ конецъ.
Цвѣтущій отрокъ, бодро шли
Вы въ зараженные дома;
За трупомъ трупъ изъ нихъ несли,
Но не коснулась васъ чума.
Свершили подвигъ вы опасный;
Помогъ помощнику Всевластный.

ВСѢ.

Храни его надолго Богъ,
Чтобъ онъ и впредь помочь намъ могъ!

ФАУСТЪ.

Тому вы кланяться должны
Кѣмъ силы намъ на трудъ даны.

(Проходитъ далѣе съ Вагнеромъ.)

ВАГНЕРЪ.

Какъ долженъ ты, великій мужъ, цѣнить
Горячее народа уваженье!
Счастливъ кто могъ свое умѣнье
Съ такою пользой примѣнить!
Всѣ шлютъ тебѣ благословенья,
И старъ и младъ къ тебѣ спѣшитъ,
Нѣмѣетъ скрипка, хоръ молчитъ,
Идешь, рядами всѣ стоятъ,
На воздухъ шапки ихъ летятъ,
Колѣна преклонить готовы,
Какъ предъ святынею Христовой.

ФАУСТЪ.

Два-три шага насъ къ камню приведутъ,
Гдѣ отъ пути мы отдохнемъ съ тобою.
Не разъ, одинъ, сидѣлъ я въ думѣ тутъ,
Постомъ себя терзая и мольбою.
Надежды, вѣры полнъ живой,
Хотѣлъ за слезы и стѣнанья
Купить конецъ заразы злой
Я у Владыки мірозданья.
Насмѣшкой мнѣ звучитъ толпы хвала.
О, еслибъ понялъ ты, въ душѣ моей читая,
За что оказана была
Отцу и сыну честь такая!
Отецъ мой былъ незнатный человѣкъ;
Стремяся къ высшимъ, сокровеннымъ знаньямъ,
О таинствахъ природы весь свой вѣкъ
Онъ размышлялъ съ причудливымъ стараньемъ.
Ученики въ поту лица
Въ волшебной кухнѣ съ нимъ трудились,
Гдѣ по рецептамъ безъ конца
Лѣкарства дикія варились.
Тамъ лилію съ могучимъ львомъ
Въ прохладной ваннѣ сочетали,
И на огнѣ изъ дома въ домъ
Безъ жалости перегоняли;
Когда жь, сіяя пестротой,
Царица въ стклянкѣ появлялась,
Готово средство: мретъ больной;
Кто спроситъ, много ль исцѣлялось?
Составомъ адскимъ долго мы,
Свирѣпѣй пагубной чумы,
Окрестность всю опустошали:
Я тысячи извелъ губительнымъ питьемъ,
И вотъ въ присутствіи моемъ
Убійцъ безстыдныхъ прославляли.

ВАГНЕРЪ.

Но можно ль вамъ объ этомъ горевать?
Мы всѣ, скажите, не должны ли
правила которымъ насъ учили
·ѣрѣ силъ на дѣлѣ выполнять?

Коль юношей отца ты почитаешь,
Доволенъ онъ останется тобой;
Коль, возмужавъ, науку умножаешь,
До цѣли высшей сынъ достигнетъ твой.

ФАУСТЪ.

О, счастливъ ты, когда изъ моря тьмы
Надѣешься на свѣтъ пробиться!
Намъ нужно то чего не знаемъ мы,
А то что̀ знаемъ негодится.
Но часъ отрадный не дадимъ
Мы отравить себѣ тоскою.
Смотри, какъ свѣтомъ золотымъ
Горятъ избушки за листвою.
Уходитъ прочь отъ насъ свѣтило дня,
Въ его лучахъ проснется жизнь иная;
О, еслибъ крылья подняли меня
Во слѣдъ за нимъ летѣть не уставая!
Мерцаньемъ вся озарена,
Земля бъ у ногъ моихъ лежала:
Огонь на высотахъ, въ долинахъ тишина,
И каждая бъ рѣка какъ серебро блистала;
Не задержала бы божественный полетъ
Гора суровая съ ущельями глухими,
И море теплое средь рдѣющихъ высотъ
Предстало̀ бъ наконецъ предъ взорами моими;
Въ немъ хочетъ божество сокрыться отъ меня,
Но дальше я лечу, лучи его впивая:
Мракъ ночи позади, въ очахъ сіянье дня,
Сводъ неба надо мной, внизу волна морская.
Прекрасный сонъ! Но солнце далеко!
На крыльяхъ духа вольно и легко
Не вознесется плоть земная.
Но какъ сдержать души волненье,
Когда весною слышишь ты
Какъ льется жаворонка пѣнье
Изъ лучезарной высоты,
Когда надъ темными соснами
Орелъ торжественно паритъ,
И надъ морями, надъ долами
Журавль на родину летитъ!

ВАГНЕРЪ.

Я самъ владалъ, случалося, въ мечтанья,
Но не знавалъ такого состоянья.
Полей, лѣсовъ скучна мнѣ красота,
Крыло же птицы людямъ не годится;
Не лучше ли умомъ переноситься
Изъ тома въ томъ, къ листу съ листа?
Исполнится отрады вечеръ длинный,
Живая теплота по членамъ протечетъ,
А если разогнешь пергаменъ ты старинный,
То небо цѣлое къ тебѣ сойдетъ!

ФАУСТЪ.

Одну ты знаешь сторону вещей,
О, не знакомься же съ другою!
Ахъ! Двѣ души живутъ въ груди моей,
Враждуя вѣчно межъ собою.
Одна, любовью пылкою горя,
Хватается за жизнь земную,
Другая рвется, въ высоту паря,
Къ великимъ предкамъ, въ жизнь иную.
О, если мощный сонмъ духовъ
Таинственно витаетъ въ поднебесной,
Пускай сойдутъ съ лазурныхъ облаковъ
И унесутъ меня въ свой міръ чудесный
Хотя бъ ковромъ я обладалъ
Летающимъ въ края чужіе,
На всѣ сокровища земныя
Его бы я не промѣнялъ.

ВАГНЕРЪ.

Не призывай къ себѣ духовъ,
Носящихся кругомъ незримо!
Всегда вредить ихъ рой готовъ,
Вражда ихъ къ намъ непримирима.
Съ полночи вихремъ ледянымъ,
Они какъ стрѣлы налетаютъ,
Съ востока вѣяньемъ сухимъ
Всѣ легкія твои съѣдаютъ,
Съ пустынь полудня жгучій зной
Приноситъ намъ ихъ дуновенье,
Съ заката дождикъ льютъ рѣкой

Землѣ и людямъ на мученье.
Ихъ чутокъ слухъ, хитры они и злы,
Покорны намъ, насъ обмануть желая:
Являются какъ Божіи послы,
И лживо шепчутъ звуки рая.
Но намъ пора; ужь міръ одѣлся тьмой,
Свѣжѣетъ воздухъ, всталъ туманъ ночной.
Домъ подъ вечеръ въ особенности милъ.
Что̀ жь взоръ свой вдаль ты зорко устремилъ?
Что̀ тамъ тебя такъ сильно занимаетъ?

ФАУСТЪ.

Собака въ полѣ черная блуждаетъ.

ВАГНЕРЪ.

Ну, да, такъ что̀ же? Чѣмъ она важна?

ФАУСТЪ.

Вглядись, тебѣ чѣмъ кажется она?

ВАГНЕРЪ.

Да пуделемъ, который, какъ бываетъ,
Хозяина здѣсь ищетъ по слѣдамъ.

ФАУСТЪ.

Въ волшебномъ кругѣ насъ онъ замыкаетъ,
Все ближе, ближе подбѣгая къ намъ;
И полоса какъ будто огневая
Во мракѣ ночи тянется за нимъ.

ВАГНЕРЪ.

Повѣрьте мнѣ, собака то простая;
Обмануты вы зрѣніемъ своимъ.

ФАУСТЪ.

Сдается мнѣ, въ таинственномъ круженьи
Опуталъ насъ онъ сѣтью роковой.

ВАГНЕРЪ.

Онъ прыгаетъ вкругъ насъ въ недоумѣньи,
Увидѣвъ вдругъ чужихъ передъ собой.

ФАУСТЪ.

Круги тѣснѣе, нѣтъ исхода!

ВАГНЕРЪ.

Смотри, собачья вся природа:
Ложится, лаетъ, бьетъ хвостомъ.
Что̀ жь видишь ты особеннаго въ немъ?

ФАУСТЪ.

Поди сюда, останься съ нами.

ВАГНЕРЪ.

Забавный пудель передъ вами:
Готовъ служить, коль ты стоишь,
И прыгать вверхъ, когда велишь,
Платокъ обронишь, онъ найдетъ,
Изъ рѣчки палку принесетъ.

ФАУСТЪ.

Ты правъ, здѣсь искра духа не видна;
Все дрессировка лишь одна.

ВАГНЕРЪ.

Подчасъ собакою смышленой
Заняться можетъ и ученый.
Да, вашей ласки стóитъ несомнѣнно
Студентовъ нашихъ спутникъ неизмѣнный.

И. ПАВЛОВЪ.

ОЧЕРКЪ
КИТОЛОВНАГО ПРОМЫСЛА

СТАТЬЯ КАПИТАНА ДАТСКОЙ СЛУЖБЫ ГАММЕРА. *

I.

Историческій очеркъ китоловства.

Когда началось китоловство—вопросъ до сихъ поръ еще не разрѣшенный. По всей вѣроятности многія тысячелѣтія жили киты спокойно въ моряхъ своихъ, и человѣкъ не догадывался безпокоить ихъ; только случайно попадали они въ руки людей, будучи выбрасываемы на берегъ сильными бурями. Первыя данныя какія мы имѣемъ о китоловствѣ относятся къ IX столѣтію; именно, Альфредъ Великій, король англійскій (871—900), говоритъ что одинъ житель Гельголанда, по имени Отере, разказывалъ ему о шестидесяти китахъ убитыхъ имъ въ два дня. Такое большое количество китовъ убитыхъ въ столь короткое время, и нѣкоторыя другія обстоятельства даютъ намъ право предполагать что это были не настоящіе киты, а или дельфины, или морскія свиньи. Эти породы и теперь еще загоняются лодками на берега острововъ Фёро и Фюэнъ, гдѣ и убиваются иногда въ количествѣ отъ

* Извѣстный китоловъ, принимавшій участіе въ Московской Политехнической выставкѣ. Настоящій очеркъ былъ составленъ авторомъ для предполагавшихся во время выставки чтеній о китоловствѣ.

100 до 400 штукъ въ день. Въ слѣдующемъ столѣтіи мы получаемъ подобныя же свѣдѣнія съ береговъ Франціи и Испаніи. Вполнѣ достовѣрно извѣстно что только въ XV столѣтіи организовалось правильное китоловство.

Для жителей береговъ Бискайскаго залива китоловство составляло главное, почти исключительное занятіе; поэтому не удивительно что первыя свѣдѣнія о китоловствѣ мы получаемъ изъ этихъ мѣстностей, гдѣ въ тѣ времена было такъ много китовъ.

Необходимо предположить что прежде чѣмъ стали употреблять гарпунъ для ловли китовъ, были для этой цѣли многіе другіе способы; гарпунъ впервые появился въ XV столѣтіи, и благодаря ему громадное количество китовъ было убито въ Бискайскомъ заливѣ. Съ этого времени киты стали все рѣже и рѣже попадаться въ этихъ мѣстностяхъ, такъ что уже въ половинѣ XVI столѣтія, Баски, лучшіе моряки того времени, принуждены были выѣзжать за китами къ берегамъ Исландіи, Гренландіи и Нью-Фаундленда. Исландцы вмѣстѣ съ Басками стали ежегодно охотиться за китами, и въ концѣ того же столѣтія флотилія ихъ состояла уже изъ 50—60 кораблей.

Большіе доходы получавшіеся отъ этого промысла вскорѣ привлекли вниманіе Англичанъ, и въ 1594 году Англія снарядила нѣсколько кораблей къ Нью-Фаундленду чтобы принять участіе въ ловѣ. Но, вѣроятно, выручка была очень незначительна, ибо въ слѣдующемъ году Англія уже не возобновила своей попытки. Въ это время наступилъ какъ бы періодъ замедленія въ развитіи китоловства. Прежде столь предпріимчивые Баски охладѣли къ своему промыслу; господствовавшая въ то время въ Испаніи всеобщая апатія отразилась и на китоловствѣ.

Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія, европейскія моря, благодаря войнѣ Испаніи съ Голландіей, стали небезопасны для торговли; испанскій военный флотъ загородилъ путь къ Остъ-Индіи. Все это заставило Голландцевъ, націю по преимуществу торговую, обратить все свое стараніе на проложеніе другаго пути къ Остъ-Индіи, а именно на открытіе сѣверо-восточнаго прохода. Съ этою цѣлію въ 1594 и двухъ слѣдующихъ годахъ снаряжены были три экспедиціи, которыя, впрочемъ, не привели къ желаемому результату, но послужили къ открытію Шпицбергена. Какъ ни незначительными казались сначала эти открытія, однако въ послѣдствіи сильнѣй-

шія сѣверо-европейскія государства враждовали изъ-за обладанія этими землями, ибо скоро увидали какія богатства можно пріобрѣтать на этихъ негостепріимныхъ берегахъ. Англичане первые добрались до этихъ обѣтованныхъ острововъ. Въ 1608 году гулльскіе купцы послали туда два корабля за тюленями и моржами, а въ 1611 году туда же отправились еще два кораблря, снаряженные „Обществомъ для открытія неизвѣстныхъ странъ" или какъ оно было въ послѣдствіи названо „The Russian Company". Это Общество, предполагавшее что оно одно имѣетъ исключительно право заниматься китоловствомъ при берегахъ Шпицбергена, послало туда въ 1612 году два корабля, не ожидая чтобы какая-нибудь другая нація осмѣлилась послать туда же свои корабли и оспаривать у Англичанъ права на Шпицбергенъ. Права эти Англичане основывали на томъ что они первые начали заниматься тамъ китоловствомъ, а главное на томъ что соотечественникъ ихъ Вилленби (Willanghby), во время поѣздки своей въ Архангельскъ, видѣлъ къ сѣверу неизвѣстную землю, которая потомъ уже, много лѣтъ спустя, была названа Шпицбергеномъ. Вслѣдствіе всего этого, они не мало удивились, встрѣтивъ тамъ одинъ бискайскій и два голландскихъ корабля. Англичане немедленно принудили Голландцевъ удалиться и погрозили отобрать у нихъ и корабли и добычу, если еще разъ встрѣтятся съ ними у Шпицбергена. Голландцы повиновались, а Баски остались, и воротились домой съ богатою добычей. Добыча Англичанъ въ этомъ году состояла изъ 17 китовъ и нѣсколькихъ моржей, доставившихъ около 180 тоннъ жира.

Въ слѣдующемъ году Голландцы, несмотря на свою предыдущую неудачу, снова рѣшились испытать счастье. Было выписано нѣсколько человѣкъ Басковъ въ качествѣ гарпунщиковъ, и снаряжено 5 кораблей, которые и были посланы на Шпицбергенъ. „Русское Общество" провѣдало объ этомъ, и изъ опасенія повторенія подобныхъ случаевъ выпросило у англійскаго правительства концессію на исключительное право китоловства у Шпицбергена; думая что и этого недостаточно, Общество послало туда 7 вооруженныхъ кораблей, изъ которыхъ на одномъ было 21 орудіе. Въ продолженіи лѣта эта флотилія встрѣтила 57 голландскихъ, 1 бордоскій, 2 дюнкирхенскихъ, 4 французскихъ и нѣсколько частныхъ англійскихъ кораблей. Съ Голландцами покончили скоро: у нихъ отняли жиръ, китовый усъ и всѣ китоловные снаряды, самихъ же

немедленно воротили назадъ; одинъ же корабль, экипажъ котораго состоялъ изъ англійскихъ матросовъ, былъ отосланъ въ Лондонъ. Потери Голландцевъ исчислены въ 13.000 гульденовъ. Съ Французами поступили вѣжливѣе—имъ позволили удержать въ свою пользу половину жира, но съ тѣмъ чтобы другую половину они сами вытопили для Англичанъ. Остальнымъ кораблямъ позволено было остаться съ уплатою 8 китовъ. Англійскихъ частныхъ китолововъ отправили во свояси. Въ 1613 году такое же столкновеніе произошло между Голландцами и Басками; вообще случаи подобнаго рода насилія и самоуправства были не рѣдкостью въ тѣ времена.

Голландцы, столь упорные въ предпріятіяхъ отъ которыхъ зависятъ ихъ матеріальныя выгоды, несмотря на всѣ тяжкія потери, понесенныя ими въ эти послѣдніе два года, не могли отказаться отъ выгодъ шпицбергенскаго китоловства. Въ 1612 году основалось Сѣверное Китоловное Общество, выхлопотавшее себѣ у голландскаго правительства привилегію на китоловство. Запастись бискайскими гарпунщиками, Общество это въ 1616 году отправило на Шпицбергенъ нѣсколько китоловныхъ судовъ, въ сопровожденіи четырехъ вооруженныхъ кораблей. Англичане, у которыхъ въ этомъ году было на промыслѣ 12 большихъ и 2 маленькихъ корабля, чувствуя свое безсиліе, уже не тревожили Голландцевъ; сами же Голландцы рѣшились не мстить имъ за прошлогодніе притѣсненія. Несмотря на такое миролюбивое положеніе дѣлъ, выручка обѣихъ націй въ этомъ году была весьма незначительна.

Въ это время Христіанъ IV, король датскій, узнавъ о происшествіяхъ на Шпицбергенѣ, объявилъ что этотъ островъ принадлежитъ Даніи, на томъ будто бы основаніи что Шпицбергенъ и Гренландія составляютъ части одного материка, а Гренландія, какъ извѣстно, была открыта датскимъ морякомъ. Съ цѣлью удержать свои права и обезпечить на будущее время датское китоловство, король послалъ къ Шпицбергену четыре военныхъ корабря, подъ начальствомъ адмирала Крузе. Адмиралъ получилъ приказаніе брать выкупъ со всѣхъ тѣхъ судовъ которыя безъ разрѣшенія Даніи будутъ заниматься китоловствомъ у береговъ Гренландіи. Каждый корабль долженъ былъ уплачивать 100 или 200 специесталеровъ; если же встрѣтится сопротивленіе, то принуждать ихъ къ выкупу силою. Эта эскадра встрѣтила около Шпицбергена нѣсколько кораблей „Русскаго Общества", которые впрочемъ имѣли раз-

рѣшеніе заниматься здѣсь китоловствомъ. Нѣсколько же другихъ судовъ были захвачены и потомъ проданы; два бискайскихъ корабля тоже были захвачены, и лишь благодаря большому выкупу, снова отпущены.

Въ 1617 году „Русское Общество“ послало къ Шпицбергену шестнадцать кораблей, которые добыли 115 китовъ; доставившихъ 2.000 тоннъ жира. Защищая права свои на владѣніе Шпицбергеномъ, Данія не могла избѣгнуть множества столкновеній съ другими націями. Сраженія между кораблями всѣхъ флаговъ происходили безпрестанно. Голландцамъ наконецъ надоѣло притѣсненіе Англіи, и въ 1618 году голландская флотилія изъ 23 кораблей была послана въ эти полярныя моря. Она овладѣла на Шпицбергенѣ лучшими заливами, посѣщаемыми прежде Англичанами, гдѣ и встрѣтила нѣсколько англійскихъ китолововъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ дѣло дошло до сраженія. Послѣ непродолжительнаго обстрѣливанія, Англичане сдались. Одинъ изъ ихъ кораблей былъ уничтоженъ во время битвы; остальныхъ же, отобравъ у нихъ всю добычу прогнали назадъ въ Англію съ большими убытками.

Только теперь догадались что всѣмъ выгоднѣе примириться, чѣмъ ежегодно содержать большіе военные корабли въ столь отдаленныхъ моряхъ. Такъ какъ каждая нація считала себя въ правѣ заниматься китоловствомъ у Шпицбергена, то въ 1618 году, Англія, Голландія и Данія рѣшились раздѣлить между собою берега этого острова. Англичанамъ пришлось выбирать прежде другихъ, и потому естественно они захватили лучшія мѣста для китоловства, а именно весь ЮЗ. уголъ до 79° с. ш. Голландцы получили островъ Амстердамъ. Датчанамъ достался такъ - называемый Датскій островъ, съ прекрасною гаванью Коббе-Бай. * Въ послѣдствіи Гамбургъ тоже получилъ въ удѣлъ небольшой заливъ, къ югу отъ Датскаго острова, который и былъ названъ Гамбургскій. Баскамъ же, у которыхъ научились китоловству всѣ другія націи, ничего не досталось, и они должны были довольствоваться сѣвернымъ берегомъ Шпицбергена, часто недоступнымъ для кораблей.

---

* Коббе-Бай наиболѣе посѣщаемая гавань на западномъ берегу Шпицбергера. Она рано освобождается отъ льда, имѣетъ хорошую якорную стоянку и удобное мѣсто для наливки водою.

Когда уже каждый имѣлъ свою опредѣленную часть берега, китоловство сдѣлалось весьма выгоднымъ промысломъ. Жиръ свозился на берегъ, гдѣ и вытапливался, а уже не отсылался для этого въ Европу. Привезли строительные матеріалы, и вскорѣ на голыхъ берегахъ Шпицбергена воздвиглись прочныя зданія. Голландцы построили на островѣ Амстердамѣ большую салотопню Смиренбургъ (Smeerenbourg), сдѣлавшуюся вскорѣ самымъ населеннымъ пунктомъ въ этой странѣ вѣчнаго льда. Въ теченіи многихъ годовъ, каждое лѣто можно было здѣсь найти городокъ, обитаемый нѣсколькими тысячами людей. Вся голландская китоловная флотилія останавливалась здѣсь каждую весну, всѣ корабли привязывались въ рядъ къ берегу. Сотни лодокъ сновали взадъ и впередъ по заливу. Тысячи людей дѣятельно работали: одни ловили китовъ, другіе обрѣзывали сало, третьи вытапливали жиръ, наполняли имъ боченки, очищали китовый усъ и т. п. Все работало; лѣнтяямъ здѣсь не было мѣста. Предпріимчивые торговцы устраивали на берегу лавочки съ табакомъ, водкой и рыболовными снарядами. Здѣсь, подъ 80° с. ш., ежедневно пекли свѣжій хлѣбъ, и когда вынимали его изъ печей, то трубными звуками извѣщали объ этомъ все населеніе. *

Шпицбергенъ считался лучшимъ мѣстомъ для китоловства во всемъ Ледовитомъ Океанѣ. Громадные киты водились у самаго берега, и часто спокойно засыпали вблизи кораблей и китоловныхъ лодокъ, которыхъ они еще не научились опасаться; когда вонзался въ бока ихъ гарпунъ, они казались скорѣе удивленными, чѣмъ раздраженными. Лодкамъ и кораблямъ не нужно было удаляться въ открытое море на поиски китовъ; безъ большаго труда и почти безъ опасности ловъ производился въ виду берега, у самыхъ салотопень. Въ самое короткое время корабли набирали полный грузъ, и были примѣры что нѣкоторые корабли успѣвали совершать два рейса домой съ грузомъ. Это былъ золотой періодъ въ исторіи китоловства. Несмотря на ежегодное увеличеніе числа кораблей и на то что съ каждымъ годомъ все больше и больше убивалось китовъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, количество ихъ повидимому не уменьшалось, и они не становились болѣе осто-

* Скоресби говоритъ что число людей временно населявшихъ Смиренбургъ доходило до 12—15.000.

рожными. Кораблекрушенія случались только изрѣдка, и Голландцы часто посылали туда даже такія суда которыя не были специально снаряжены для китоловства.

Англичане далеко не обнаруживали такой дѣятельности, какъ Голландцы. Въ 1619 году „Русское Общество" вмѣстѣ съ „East Indian Company" снарядило 11 китоловныхъ кораблей; но имъ впрочемъ не посчастливилось. Одинъ корабль со всѣмъ грузомъ былъ потерянъ, и черезъ нѣсколько времени оба общества рѣшились совершенно прекратить китоловный промыселъ Въ 1620—1623 годахъ нѣсколько кораблей было снаряжено въ Англіи на частныя средства, но и они скоро должны были прекратить свои рейсы на Шпицбергенъ. Въ продолженіи всей послѣдней половины XVII столѣтія, изъ Англіи выѣзжали китоловные корабли только по одиночкѣ; вообще англійское китоловство въ этомъ столѣтіи было самое незначительное. Только въ тридцатыхъ годахъ XVIII столѣтія оно снова стало усиливаться.

Голландцы, изо всѣхъ другихъ народовъ, всегда играли важнѣйшую роль въ исторіи китоловства. Въ 1617 году промыселъ ихъ распространился до острова Янъ-Майнъ, * и въ слѣдующемъ же году тамъ были устроены салотопни. Очевидно, Голландцы надѣялись на то что золотое время китоловства будетъ длиться вѣчно, иначе они не потратили бы такихъ большихъ суммъ на постройку дорогихъ зданій, въ столь отдаленныхъ странахъ. Какъ долго продолжалось ихъ заблужденіе, сказать трудно; по Зоргдрагеру—нѣсколько лѣтъ. Капитанъ Янсенъ говоритъ что уже въ 1626 году начали отыскивать новыя мѣста для китоловства. Неудивительно потому что въ 1641—42 году „Русское Общество" отказалось отъ своей привилегіи на китоловство у Шпицбергена, ибо не было никакой выгоды отстаивать ее, такъ какъ за китами приходилось ѣздить уже въ другія, хотя болѣе отдаленныя, но за то и болѣе богатыя мѣстности. „Общество" не могло снаряжать болѣе 30 кораблей ежегодно; столько же снаряжалось и на частныя средства; впрочемъ, для подтвержденія этихъ цифръ мы не имѣемъ достовѣрныхъ данныхъ.

Еще въ самомъ началѣ китоловства, были сдѣланы попытки относительно возможности зимовать на Шпицбергенѣ. Никто

* Этотъ островъ открытъ въ 1611 году Янъ-Майкомъ.

добровольно не рѣшался испытать это на себѣ. Нѣсколькимъ англійскимъ преступникамъ, присужденнымъ къ смерти, была обѣщана жизнь, если они согласятся провести тамъ зиму. Но они наотрѣзъ отказались, и пожелали лучше умереть въ Англіи, чѣмъ ѣхать на этотъ страшный островъ. Совершенно случайно, попытка эта была сдѣлана сначала девятью, а потомъ восемью матросами, которые, заблудившись на Шпицбергенѣ, были оставлены тамъ ихъ кораблемъ, и имъ поневолѣ пришлось здѣсь перезимовать. Первая партія вся вымерла, вторая же провела здѣсь зиму довольно благополучно, и всѣ восемь были живы и здоровы къ тому времени когда корабль ихъ слѣдующею весной вернулся за ними.

Такъ какъ количество китовъ стало замѣтно уменьшаться, то сдѣлалось необходимымъ узнать не увеличивается ли число ихъ зимою. Въ 1633 году семь Голландцевъ, за большое вознагражденіе, отправились зимовать въ Смиренбургъ, и столько же на островъ Янъ-Майнъ. Первые выдержали зиму, вторые же всѣ умерли, не дождавшись посланнаго за ними корабля. Въ 1634 году, партія матросовъ оставшихся зимовать въ Смиренбургѣ вся вымерла. Послѣ такихъ печальныхъ результатовъ, никто уже добровольно не соглашался на повтореніе подобной попытки. Само собою разумѣется что, изрѣдка, запоздавшіе корабли должны были оставаться здѣсь на зиму, но обыкновенно экипажъ не выдерживалъ холодовъ и лишеній и вымиралъ поголовно. Но были примѣры что и болѣе продолжительное пребываніе въ этихъ полярныхъ странахъ оканчивалось благополучно; такъ, напримѣръ, четыре русскіе матроса, потерявши свой корабль, прожили шесть лѣтъ (1743—1749) на одномъ островѣ на сѣверо-востокѣ Сибири.

Какъ уже было сказано, въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія начало замѣчаться уменьшеніе въ количествѣ китовъ; ограничиваться ловлею китовъ въ гаваняхъ и бухтахъ стало невозможно; приходилось отыскивать ихъ уже дальше въ открытомъ морѣ; но все еще не настолько чтобы трудно было имѣть постоянное сношеніе съ берегомъ и салотопнями. Пока еще продолжалась эта береговая ловля, до тѣхъ поръ Смиренбургъ и другія салотопенныя заведенія поддерживались; но какъ скоро киты стали все дальше и дальше удаляться отъ берега, эти поселенія потеряли всякое значеніе. Большіе мѣдные кот-

лы и другія принадлежности салотопленія стали оттуда помалу увозиться; зданія разрушались, и тѣ кто тогда посѣщали Шпицбергенъ видѣли лишь фундаменты и груды развалинъ прежде процвѣтавшаго и славнаго Смиренбурга; еще и теперь находятъ тамъ длинные ряды каменныхъ крестовъ, поставленные на могилахъ умершихъ моряковъ.

При такихъ условіяхъ казалось что китоловство должно бы совершенно прекратиться въ этихъ моряхъ. Но вышло иначе. Такъ какъ монополія ловли уже не существовала, то множество частныхъ китоловов стали ежегодно посѣщать Шпицбергенъ. Въ періодъ времени отъ 1640 и до 1740 — ежегодно изъ Голландіи выѣзжало на китоловство по 160 кораблей, а въ иные года и по 240. Самое большое число кораблей выѣхавшихъ изъ Голландіи было въ 1701 году — а именно 2.074 (по Зоргдрагеру—2.072). Они добыли 67.317 кварделлеровъ жира (1 квард.=300 киллогр.). Отъ 1675 по 1721 годъ Голландцы выслали на китоловство 6.995 кораблей, которые убили 32.908 китовъ, доставившихъ доходъ въ 84 милл. рейхсталеровъ. На каждый корабль среднимъ числомъ приходилось ежегодно по 5 китовъ. Въ это время, которое можно назвать серебрянымъ вѣкомъ въ исторіи китоловства, ловля все еще происходила вблизи береговъ и потому доставляла порядочные барыши, но по мѣрѣ того какъ болѣе и болѣе ловились киты, ихъ приходилось уже отыскивать въ открытомъ морѣ, и наконецъ ихъ стали находить исключительно между пловучими льдами. Корабли выстроенные по обыкновенному способу уже не могли болѣе служить потребностямъ китоловства. Большое число погибшихъ во льдахъ кораблей принудило наконецъ обратить особенное вниманіе на постройку китоловныхъ судовъ. Пришлось покрывать корабль особенными обшивками, могущими противустоять льдамъ; сдѣлали различныя видоизмѣненія какъ въ подводной, такъ и въ надводной частяхъ корабля, и такимъ образомъ, мало-по-малу, выработался тотъ типъ корабля который теперь служитъ для полярныхъ экспедицій.

Послѣ того какъ китоловство потеряло характеръ берегового промысла, сдѣлалось очень труднымъ опредѣлить гдѣ именно лучшія мѣста для ловли. Считали что лучшее мѣсто—моря къ сѣверу отъ Шпицбергена и около острова Вайгача. Когда же льды спускались такъ далеко на югъ что всѣ сѣверные берега Шпицбергена становились недоступными, то киты большими

массами переходили къ юго-востоку отъ Шпицбергена и въ моря лежащія между этимъ островомъ и Новою Землей. Поэтому китоловы понемногу раздѣлились на двѣ группы; одни посѣщали болѣе сѣверныя, другіе болѣе южныя широты. Первые посѣщали моря лежащія между 80°—73° с. ш.; вторые же обыкновенно не заходили сѣвернѣе 73°. Вообще же, выше 79° или 80° с. ш. китоловы никогда не заходили, даже еслибы льды это и позволяли, такъ какъ существовало мнѣніе что къ сѣверу отъ Шпицбергена находится сильное теченіе, могущее унести съ собою корабли на полюсъ. Это мнѣніе не такъ неправдоподобно, какъ оно можетъ казаться, ибо этимъ можно объяснить существованіе свободнаго полярнаго моря, что сильно поддерживается многими учеными, и въ особенности германскимъ географомъ Петерманомъ. *

Въ эту пору, кромѣ Голландіи, и другія государства стали принимать участіе въ китоловствѣ, но никто съ такимъ рвеніемъ и успѣхомъ, какъ Гамбургъ. Это было именно въ то время когда Голландія была занята войною, и когда многіе опытные китоловы переселились въ Гамбургъ, гдѣ и положили основаніе китоловству. Бременъ и Эмденъ тоже приняли участіе въ этомъ предпріятіи, но въ 1757 году они должны были отъ него отказаться. Объ участіи Даніи въ китоловствѣ почти нечего сказать, такъ какъ датская литература мало объ этомъ трактуетъ. Извѣстно только что въ 1619 году король Христіанъ IV учредилъ „Гренландское общество китоловства“. А о томъ что участіе Даніи въ китоловствѣ было довольно значительно, можно заключить изъ того что Скоресби въ своихъ сочиненіяхъ замѣчаетъ что въ 1620 году англійскіе китоловы имѣли плохую выручку, ибо имъ помѣшало большое количество голландскихъ и датскихъ кораблей, находившихся въ то время у Шпицбергена. Далѣе мы находимъ свѣдѣнія о стычкахъ между голландскими и датскими китоловами и о томъ что датскій военный флотъ былъ посланъ въ сѣверныя моря Христіаномъ IV для удержанія тамъ своихъ владѣній, на которыя Англія и Голландія вздумали предъявить притязанія. Франція и Испанія въ XVII и XVIII столѣтіи тоже принимали участіе въ

* Въ 1871 году въ Копенгагенскомъ университетѣ защищалась диссертація исландскимъ географомъ Гисли Бруннельсономъ, въ которой говорится что древніе жители сѣверной Европы, населившіе Исландію, знали о существованіи свободнаго полярнаго моря.

китоловствѣ, но постояннаго и правильнаго лова они не производили. Только въ самомъ раннемъ періодѣ развитія китоловства, Баски, какъ лучшіе въ то время гарпунщики, были въ большомъ спросѣ въ Голландіи. Позднѣе, жители островов Баркумъ, Тершеллингъ и Амеландъ, а въ особенности датскихъ (теперь прусскихъ) островов Фёръ, Сильдъ и Ромё вытѣснили ихъ изъ этого ремесла. Швеція весьма мало занималась китоловствомъ; извѣстно только что въ 1697 году два шведскихъ корабля привезли изъ Шпицбергена 1.520 тоннъ сала.

Чтобы показать какое количество китовъ водилось прежде около Шпицбергена, мы приведемъ списокъ судовъ и количество сала добытыхъ ими за 1697 годъ (со словъ Скоресби):

121 голландскихъ	кораблей	добыли	116.786	тоннъ	сала
47 гамбургскихъ	„	„	46.345	„	„
12 бременскихъ	„	„	10.700	„	„
4 датскихъ	„	„	4.828	„	„
2 шведскихъ	„	„	1.520	„	„
2 эмденскихъ	„	„	192	„	„
188			180.321		

До сихъ поръ мы говорили только о китоловствѣ въ моряхъ между Гренландіей, Исландіей, Шпицбергеномъ и Новою Землей. Въ началѣ XVIII столѣтія китоловство распространилось уже и на Девисовъ проливъ. Этотъ проливъ первоначально былъ открытъ въ X столѣтіи, но потомъ это открытіе совершенно забылось, и только въ 1585 году Англичанинъ Девисъ снова открылъ этотъ проливъ, который и былъ названъ по его имени. Въ 1715 году Голландцы первые попробовали заняться китоловствомъ въ этихъ моряхъ; они дошли даже до 72° с. ш. Но до 1730 года правильнаго китоловства здѣсь не существовало. Въ этомъ же году 82 голландскихъ корабля убили здѣсь 212 китовъ, и съ этого времени моря эти ежегодно стали посѣщаться голландскими китоловами; но никогда китоловство не процвѣтало здѣсь такъ какъ на Шпицбергенѣ. Изъ слѣдующаго списка можно составить ясное понятіе о значеніи китоловства какъ на Шпицбергенѣ, такъ и въ Девисовомъ проливѣ.

Голландское китоловство у Шпицбергена.

Года.	Число кораблей.	Число потерянныхъ кораблей.	Число убитыхъ китовъ.	Количество жира въ квардалярахъ.	Стоимость квардаляра жира въ гул.
1719—1728	1.504	40	3.439	197.400	42
1729—1738	858	13	2.198	130.400	39
1739—1748	1.356	31	6.193	289.288	45
1749—1758	1.389	30	4.770	202.412	52
1759—1768	1.324	25	3.018	146.419	60
1769—1778	903	31	3.493	133.977	62

Голландское китоловство въ Девисовомъ проливѣ.

1719—1828	748	20	1.251	111.228	42
1729—1738	975	14	1.928	152.791	39
1739—1748	368	10	1.162	79.324	45
1749—1758	340	6	513	46.150	52
1759—1768	296	4	818	53.772	60
1769—1778	434	8	1.313	85.396	62

Англичане, завидуя большимъ барышамъ Голландцевъ, рѣшили снова заняться китоловствомъ. Въ 1725 году снаряжена была флотилія изъ 15 кораблей, экипажъ которыхъ былъ составленъ изъ жителей острова Фёро. Барыши были весьма значительны, но когда Датчанъ удалили изъ службы и замѣнили Англичанами, то все снова пошло неудачно. Не помогло и увеличеніе числа кораблей; въ 1730 году Англичане понесли убытка на 9.000 ф. стер., и наконецъ въ 1732 году предпріятіе было совершенно брошено. *

При такихъ обстоятельствахъ англійское правительство рѣшилось поощрять частныхъ людей къ китоловству; назначили преміи для кораблей снаряжаемыхъ на китоловство, сначала въ размѣрѣ 20, а потомъ 40 шаллинговъ на каждую тонну вмѣстимости. Эта мѣра, принятая въ послѣдствіи и другими государствами, принесла такіе богатые плоды что англійская китоловная флотилія, состоявшая въ 1732 году изъ 5 кораблей, въ 1756 году имѣла уже 83 корабля, и это число не уменьшалось въ продолженіи 20 лѣтъ. Въ этотъ періодъ времени Гол-

* Всѣ убытки Англіи въ эти 8 лѣтъ (1725—1732) исчисляются въ громадную сумму 237.000 ф. стерл.

ландцы, Датчане и Гамбургцы тоже занимались китоловствомъ. Въ 1749 году 41 голландскихъ кораблей поймали въ Девисовомъ проливѣ 205 китовъ; 4 гамбургскихъ — 25 китовъ. Скоресби считаетъ что 90 датскихъ корабля въ 1753 поймали 344 кита, но такъ ли это, утвердительно сказать не можемъ, за отсутствіемъ вѣрныхъ документовъ. Съ 1758 году и вплоть до нашего времени мы имѣемъ вѣрныя свѣдѣнія о китоловствѣ Даніи и Норвегіи. Существуютъ подробные отчеты объ участіи различныхъ городовъ въ этомъ промыслѣ, который съ каждымъ годомъ становился все убыточнѣе. Въ 1774 году датское правительство образовало изъ частныхъ капиталовъ „Гренландское Промышленное и Китоловное Общество". Но этимъ дѣло не исправилось. И Данія, по примѣру Англіи, тоже начала выдавать преміи по 8 и по 15 талеровъ за тонну вмѣстимости. Королевское Общество Гренландской Промышленности, благодаря этой преміи, продержалось до 1788 года, но съ ежегоднымъ убыткомъ въ 22.000 рейхсталеровъ, и въ 1790 году предпріятіе было покинуто и корабли проданы. Утѣшались тѣмъ что и Шведы не были счастливѣе; въ 1774 въ Готенбургѣ (въ Швеціи) учредилось китоловное общество, которое, несмотря на сильную поддержку со стороны правительства, скоро прекратило свое существованіе.

1770 годъ голландское китоловство тоже стало ослабѣвать. Англичане, благодаря высокой преміи, имѣли большое преимущество надъ Голландцами, которые, равно какъ и Гамбургцы, въ послѣдніе годы стали терпѣть большіе убытки. Въ 1771 году на Шпицбергенѣ было 110 и въ Девисовомъ проливѣ 40 голландскихъ кораблей, а въ періодъ времени отъ 1785 по 1794 въ эти пункты отправлялись ежегодно только 60 кораблей. Въ 1765 году изъ Гамбурга вышло 83 корабля, въ 1788—33, а въ 1797 только 19.

Изъ Норвегіи въ 1793 году вышли на китоловство 33 частные корабля; и съ этого времени и здѣсь китоловство все болѣе и болѣе уменьшалось. Французская революція окончательно убила китоловство во Франціи и Голландіи, и Наполеоновскія войны въ началѣ нынѣшняго столѣтія отстранили и всѣ другія націи отъ этого промысла. Въ 1810 году изъ Англіи отправились на китоловство 19 судовъ, въ 1818 — 157, въ 1820 — 89, а въ 1842 число кораблей снова уменьшилось до 18; въ 1852 число ихъ опять увеличилось до 46. Самый

6*

счастливый годъ былъ 1814; 76 кораблей поймали 1437, или почти по 19 китовъ на каждый корабль—наибольшее число въ исторіи китоловства. Корабль *Resolution* воротился домой съ 44 китами. Послѣ этого удивительнаго лова, около Шпицбергена киты встрѣчаются только по одиночкѣ, и китоловы искавшіе тамъ счастья возвращались или съ небольшою добычей или и вовсе съ пустыми руками. Въ настоящее время китъ породы Balaena mysticetus, составлявшій до сихъ поръ исключительную цѣль промысла, почти совершенно вымеръ или истребленъ.

Только одни Англичане, или вѣрнѣе Шотландцы, до сихъ поръ еще занимаются китоловствомъ въ Девисовомъ проливѣ. Около 10 пароходовъ въ 400 тоннъ вмѣстимости ежегодно отправляются въ сѣверныя части этого пролива, гдѣ еще можно встрѣтить китовъ, но всегда одиночками. Много лѣтъ продолжали они заниматься этимъ промысломъ, но наконецъ, не предвидя конца неудачамъ, рѣшились было совершенно прекратить китоловство. Кораблей однакожь они не могли продать, и поэтому въ запрошломъ году шотландскія суда снова отправились пытать счастье. Неожиданно напали они въ Девисовомъ проливѣ на такую массу китовъ что въ самое короткое время всѣ пароходы набрали полный грузъ. Объясняютъ этотъ фактъ весьма различно. Одни говорятъ что киты, преслѣдуемые Американцами въ Камчатскомъ и Охотскомъ моряхъ, укрылись въ Девисовомъ проливѣ, куда проникли, вѣроятно, вслѣдствіе того что это мѣсто моря Сѣверной Америки почему-либо очистилось отъ льдовъ. Другіе же предполагаютъ что киты зашли сюда изъ свободнаго полярнаго моря. Въ прошломъ году, эти же корабли снова посланы въ Девисовъ проливъ, но свѣдѣній о нихъ мы пока еще не имѣемъ.

Шотландскіе пароходы, кромѣ китоловства, занимаются весною ловлей тюленей около Янъ-Майна и Шпицбергена. Въ этомъ промыслѣ съ большою выгодой принимаютъ участіе до 30—40 норвежскихъ кораблей. Далѣе распространяться о тюленьемъ ловѣ я не буду, такъ какъ это не касается близко предмета моей статьи.

Все что мы до сихъ поръ говорили относится къ китоловству въ Сѣверномъ Ледовитомъ Океанѣ, производимому кораблями, но кромѣ того въ Гренландіи существовало береговое китоловство, которымъ занимались тамошніе датскіе ко-

лонисты. Въ прежнее время Эскимосы съ весьма первобытными орудіями производили тамъ не маловажную ловлю китовъ; но позднѣе Датчане ввели европейскіе снаряды. Барыши ихъ были довольно значительны. Съ 1772 по 1806 ежегодно добывалось до 4.000 тоннъ жира и до 60.000 фунтовъ китоваго уса. Если вспомнить что этотъ ловъ производился съ берега лодками, со скудными средствами, то можно удивляться что онъ приноситъ столь богатые барыши. Когда въ 1807 — 14 годахъ началась война Англіи съ Голландіей, то и этому промыслу Англичане нанесли ощутительный ударъ, отъ котораго онъ уже болѣе не могъ подняться до прежняго значенія.

Чтобы дать по возможности полный историческій очеркъ китоловства, намъ нужно остановиться нѣсколько времени и на моряхъ другихъ частей свѣта. Когда въ сѣверныхъ моряхъ нашего полушарія китоловство стало упадать, а именно около 1783 года, Англичанинъ Эндерби (Enderby) послалъ въ Тихій Океанъ первое китоловное судно. Многіе послѣдовали этому примѣру, и въ настоящемъ столѣтіи китоловство распространилось съ необычайною быстротой въ южномъ полушаріи и въ Тихомъ Океанѣ. Но теперь уже не Голландцы, а Американцы играютъ главную роль въ китоловномъ промыслѣ. Нѣсколько сотенъ кораблей было снаряжено въ Нью-Йоркихъ верфахъ для китоловства. Франція тоже выслала много судовъ. Данія приняла было участіе въ этомъ южномъ китоловствѣ, но вскорѣ прекратила свои попытки. Сѣверо-Амириканская война нанесла большой вредъ китоловству; крейсеры въ большомъ числѣ захватывали много китоловныхъ судовъ. Къ тому же и киты начали попадаться рѣже около Новой Зеландіи, и съ 1842—американскіе китоловы стали отправляться въ Камчатское и Охотское море и въ Беринговъ проливъ. Осенью 1871 года Американцы потерпѣли здѣсь большую неудачу, потерявъ во льдахъ 36 кораблей.

Въ южномъ полушаріи ловятъ кита называемаго Balaena australis или antarctica, который очень похожъ на гренландскаго кита, такъ какъ тоже не имѣетъ спиннаго плавня. Гренландскіе киты встрѣчаются впрочемъ не только около Гренландіи, но и въ Охотскомъ и Камчатскомъ моряхъ, куда они переходятъ вѣроятно черезъ Девисовъ проливъ. Гораздо прежде чѣмъ европейскіе китоловы стали посѣщать Тихій Океанъ, мы уже

имѣемъ примѣры что въ Камчатскомъ морѣ встрѣчались киты съ воткнутыми въ нихъ европейскими гарпунами, что̀ ясно доказываетъ что эти киты должны были придти сюда изъ сѣверныхъ европейскихъ морей. Первое извѣстіе о подобномъ случаѣ мы имѣемъ отъ одного голландскаго корабля, встрѣтившаго кита съ гарпуномъ около Кореи въ 1453. Зоргдрагеръ говоритъ что въ Татарскомъ морѣ былъ найденъ китъ съ гарпуномъ, на которомъ были вырѣзаны буквы W. B., и было доказано что этотъ гарпунъ принадлежитъ голландскому китолову Вильгельму Бастіансъ. Во время русской экспедиціи 1714 года, въ Камчатскомъ морѣ найденъ былъ выброшенный на берегъ китъ, въ которомъ застрялъ гарпунъ европейской работы и съ вырѣзанными на немъ латинскими буквами. *

Этимъ я оканчиваю исторію китоловства насколько она относится къ Balaena mysticetus и B. australis. Къ сожалѣнію, ловля этихъ китовъ должна будетъ вскорѣ совершенно прекратиться, потому что теперь уже не встрѣчаются большія стада этихъ животныхъ. Отдѣльные экземпляры, разсѣянные на большихъ пространствахъ, еще и теперь попадаются. Въ большомъ же количествѣ киты эти можетъ-быть водятся въ тѣхъ моряхъ и уголкахъ Ледовитаго Океана куда китоловы проникнуть еще не могли.

Въ послѣднее время стали пробовать ловить другую породу китовъ—Balaenoptera (Finnwahle), который прежде не составлялъ цѣли промысла, такъ какъ простыми гарпунами ловить его было невозможно. Въ 1864—66 годахъ Американецъ Томасъ Рейсъ первый сдѣлалъ опытъ ловли этихъ китовъ на берегахъ Исландіи помощью изобрѣтеннаго имъ ракетнаго станка. Ему удалось завладѣть только нѣсколькими китами, а многихъ китовъ, которыхъ онъ навѣрно смертельно ранилъ, не могъ вытащить, такъ какъ его снаряды не были достаточно усовершенствованы. А опыты эти стоили Рейсу очень дорого, и въ 1867 году онъ долженъ былъ прекратить ихъ. Въ это время въ Даніи полагали что Американцы наживаютъ большія деньги въ Исландіи, и потому въ 1866 въ Копенгагенѣ была снаряжена экспедиція; я былъ назначенъ командиромъ ея, и въ этомъ же году мы уже занимались ловомъ

* G. T. Müller. *Sammlung Russischer Geschichte* St. Petersb. 1758 p. 104.

Balaenoptera около Исландіи. Мы употребляли такія же оружія какими пользовались Американцы, и убили въ этомъ году 8 китовъ и много другихъ потеряли. Въ продолженіи 1867—68 — 69 мы охотились за китами и тюленями между Янъ-Майномъ и Шпицбергеномъ. Въ 1870 году корабль на которомъ я находился былъ затертъ льдами и потонулъ, мы сами едва спаслись. Благодаря большимъ издержкамъ и многочисленнымъ опытамъ намъ удалось во многихъ отношеніяхъ улучшить наши орудія и снаряды, и къ тому времени когда мы такъ трагически окончили свою экспедицію, всѣ они были доведены до такого совершенства что мнѣ казалось что ловъ Balaenoptera могъ уже сдѣлаться дѣйствительно выгоднымъ промысломъ. Впрочемъ, большая глубина моря около Исландіи и многія другія обстоятельства заставляли сомнѣваться въ успѣхѣ, и потому мы не рѣшались снова затрачивать большой капиталъ на такое предпріятіе которое уже разъ заставило насъ понести значительныя потери.

Въ 1870 году одинъ голландскій пароходъ отправился къ Исландіи на ловъ Balaenoptera, и во все лѣто онъ убилъ только одного кита. Въ 1871 году онъ поймалъ 12 китовъ, и въ прошломъ году снова выѣхалъ на китоловство. Въ это же время смѣлый норвежскій морякъ Swen Töyn тоже упорно занимался китоловствомъ. Нѣсколько лѣтъ онъ терпѣлъ большіе убытки, но наконецъ такъ улучшилъ свои снаряды что въ Вальдзе около Варангеръ-Фіорда могъ основать прочное китоловство. Въ послѣдніе 3 года ежегодно онъ убивалъ до 20—30 китовъ, но при этомъ онъ самъ мнѣ говорилъ что такая удача главнымъ образомъ зависѣла отъ стеченія особенно благопріятныхъ условій. Да и то, несмотря на такой хорошій уловъ, его все-таки было недостаточно для покрытія расходовъ: къ тому же надо замѣтить что и китъ этотъ хотя гораздо больше гренландскаго кита, но онъ даетъ въ 2 раза менѣе жира и уса.

II.

О способахъ и орудіяхъ ловли китовъ. — Салотопленіе.

Въ тѣ времена когда киты водились большими стадами въ заливахъ Шпицбергена, китобойные корабли служили только для перевозки людей и орудій на мѣста лова, а потомъ всѣ

лѣтніе мѣсяцы они спокойно простаивали въ гаваняхъ, почему и употреблялись купеческіе корабли по большей части самые старые и малоцѣнные, чтобы не терпѣть большихъ убытковъ въ случаѣ ихъ гибели, такъ какъ тогда еще не существовало обществъ страхованія. Въ послѣдствіи, когда китовъ приходилось уже отыскивать между льдами и въ далекомъ разстояніи отъ земли, сдѣлалось необходимымъ употреблять болѣе крѣпкія суда, и мало-по-малу выработался тотъ типъ корабля который теперь служитъ для китоловства.

Китобойные корабли строятся изъ самаго лучшаго дубоваго лѣса. Носовая часть, наиболѣе подверженная напору льда, укрѣпляется по возможности прочно: футовъ на 10—12 отъ форштевня вся она сплошь забирается деревомъ и скрѣпляется болтами, бимсами и брусьями, идущими до самаго ахтерштевня. Снаружи форштевень обдѣлывается желѣзными листами въ 8 дюйма толщиной и скрѣпляется болтами, проходящими сквозь весь массивный носъ корабля. По всей обшивкѣ привинчиваются 2 и $2^1/_2$ дюймовыя доски изъ желѣзнаго дуба. Къ ахтерштевню толщина этой обшивки постепенно уменьшается до $1^1/_2$ — 1 дюйма, точно также толщина ея уменьшается на 2 — 3 фута ниже грузовой ватерлиніи. Углубленіе между форштевнемъ и скулами корабля, задѣлывается толстыми брусьями изъ желѣзнаго дуба, идущими вдоль носа на 8—9 футовъ. За неимѣніемъ этого дуба, брусья обшиваются $^1/_2$ дюймовыми желѣзными листами. Весьма важно чтобы мидель-шпангоутъ былъ отнесенъ какъ можно ближе къ носу, что̀ весьма облегчаетъ ходъ корабля сквозь сплотившіеся куски льда, и если это пароходъ, то такое устройство его защищаетъ винтъ отъ напора льда, заставляя ледяныя глыбы расходиться на весьма большой уголъ сзади кормы. Валъ и винтъ дѣлаются изъ литой стали и должны быть массивнѣе, чѣмъ въ обыкновенныхъ пароходахъ.

Пароходы отправляющіеся на китоловство въ Девисовъ проливъ имѣютъ отъ 300 до 600 тоннъ водоизмѣщенія и, смотря по величинѣ, несутъ отъ 6 до 8 вельботовъ и 53—67 человѣкъ экипажа. Холодный климатъ заставляетъ дѣлать каюты и жилую палубу болѣе просторными и теплыми. Поэтому, кромѣ каютъ, въ средней палубѣ устраиваютъ два большія помѣщенія съ печками; одно находится въ кормѣ и служитъ для гар-

гарпунщиковъ и рулевыхъ; носовое же помѣщеніе служитъ для матроссовъ. Камбузъ помѣщается въ особомъ домикѣ, на верхней палубѣ. Весь трюмъ корабля наполненъ желѣзными ящиками (tanks) для жира. Эти ящики обыкновенно наполняются углемъ, а по мѣрѣ потребленія его, въ ящики накачивается вода, служащая въ этомъ случаѣ балластомъ. Когда начинается салотопленіе, то эти ящики наполняютъ жиромъ. Шотландскіе китобойные корабли, отправляющіеся въ Девисовъ проливъ и могущіе вернуться домой въ то же лѣто, обыкновенно не имѣютъ салотопни на палубѣ. Корабли же снаряжаемые въ Тихій Океанъ или въ Камчатское море всегда имѣютъ салотопню. По мѣрѣ производства лова, сало сейчасъ же топится, чѣмъ достигается большая экономія въ помѣщеніи его, ибо три боченка сала даютъ два боченка жира.

Вельботы должны быть пловучи, должны легко подыматься на волненіи и быть поворотливыми. Они строятся обыкновенно изъ сосноваго лѣса, длина ихъ 27 фут., при ширинѣ въ 5 фут. 9 дюйм., * они снабжены 6ю ясеневыми веслами и 700 саж. линя въ кадкахъ, необходимыми гарпунами и другими орудіями и 7 человѣкъ команды. Во время перехода вельботы помѣщаются на верхней палубѣ, по прибытіи же на мѣсто ловли, они подвѣшиваются къ шлюпбалкамъ. Для ловли Balaenoptera вельботы дѣлаются въ 31—32 фута длины.

Описывать всѣ снаряды какими вооружаются вельботы отдѣльно я не буду, замѣчу только что остріе и рукоятки обыкновенныхъ и гранатныхъ гарпуновъ дѣлаются изъ самаго мягкаго кузнечнаго желѣза, равно какъ и копья, иначе они переламывались бы, вонзаясь въ кита. Огнестрѣльные гарпуны вошли въ употребленіе въ послѣднія 15 лѣтъ, а комбинація ихъ съ разрывными гранатами на практикѣ была примѣнена лѣтъ шесть тому назадъ, но несмотря на это, они все-таки не вытѣснили еще ручнаго гарпуна.

Ракетный станокъ, съ разрывными гарпунами для ловли Balaenoptera былъ изобрѣтенъ Американцемъ Томасомъ Рейсъ. Но этотъ снарядъ не удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ китолововъ, и теперь онъ замѣненъ усовершенствованнымъ ракетнымъ гарпуномъ. Форма гранаты имѣетъ весьма важ-

* Это датскія мѣры длины; 1 датскій футъ въ 12 дюйм. =0,44131 арш.

ное значеніе, она должна быть очень острою, чтобы легко пронзить эластическій слой сала и упругіе мускулы кита. Послѣ многихъ измѣненій формы гранаты, пришли къ заключенію что гранаты съ острыми ребрами наилучше достигаютъ своей цѣли. Гранаты наполняютъ разрывнымъ порохомъ, а въ послѣднее время я употреблялъ даже динамитъ. Дѣйствіе динамита въ 4—5 разъ сильнѣе дѣйствія пороха, и при первомъ моемъ опытѣ, взрывъ былъ такъ силенъ что головка и рукоятка гарпуна разлетѣлись въ дребезги. Для предупрежденія такихъ случаевъ, я сдѣлалъ двойную гранату. Меньшее отдѣленіе ея, ближайшее къ головкѣ гарпуна, наполняется порохомъ и соединяется съ ракетой затравкой; большее же отдѣленіе начиняется динамитомъ (оба отдѣленія также сообщаются между собою затравкой). Взрывъ пороховой камеры вонзаетъ динамитную гранату еще глубже въ тѣло кита, гдѣ она и разрывается. Опытъ мой удался—динамитъ оказалъ весьма смертоносное дѣйствіе, и въ 1868 году я употреблялъ его съ большимъ успѣхомъ. Но скоро мой запасъ динамита, не знаю вслѣдствіе какой причины, сталъ кристаллизоваться, и я боялся употреблять его. Взрывъ Нобелевской фабрики и другіе несчастные случаи отъ неосторожнаго обращенія съ динамитомъ принудили меня оставить его, и я снова сталъ употреблять разрывной порохъ съ довольно хорошимъ успѣхомъ. Я, впрочемъ, удержалъ свою двойную гранату, такъ какъ двойной взрывъ вполнѣ обезпечивалъ гарпуну возможность глубоко и крѣпко засѣсть въ тѣло кита.

Норвежскій китоловъ Свенъ Фойнъ (Swen Föyn) вмѣсто ракетнаго станка употребляетъ двуствольную пушку—одинъ стволъ въ $1^1/_8$ вершка въ діаметрѣ и заряжается гарпуномъ, другой въ $2^1/_8$ верш. діаметра заряжается гранатой. Этотъ снарядъ имѣетъ то преимущество что здѣсь къ гарпуну можно привязать 5 вершковый тросъ, тогда какъ ракетный гарпунъ можетъ нести только 3 верш. тросъ. Кромѣ того гарпунъ и граната здѣсь вонзаются въ кита совершенно отдѣльно, и потому гарпуну не такъ легко выпасть изъ кита какъ въ томъ случаѣ когда онъ вонзается въ него только вслѣдствіе разрыва гранаты. Несмотря на всѣ преимущества снаряда Фойна надъ моимъ ракетнымъ станкомъ, онъ уступаетъ моему въ томъ отношеніи что его собственная тяжесть и тяжесть пяти-вершковаго троса дѣлаютъ невозможнымъ установку его на вельботы. Поэтому Фойнъ

устанавливалъ свою пушку на маленькомъ пароходѣ, на которомъ, впрочемъ, можно было ѣздить не далеко отъ береговъ, но пускаться на ловлю въ открытомъ морѣ было невозможно. Я считаю Фойновскую пушку очень удобною для береговаго лова, а свой ракетный станокъ предпочитаю для ловли въ открытомъ морѣ.

Такъ какъ убить Balaenoptera весьма трудно, то кромѣ разрывныхъ гранатъ употребляли и другіе снаряды, устроивали гарпунъ съ внутреннею полостью, куда помѣщали трубочку наполненную синильною кислотой, но этотъ ядъ не оказалъ никакого дѣйствія. Вѣроятно сила кровянаго потока изливаемаго изъ раны и есть та причина которая не дозволяетъ яду распространяться по сосудамъ, такъ какъ, очень можетъ быть что весь ядъ немедленно выбрасывается вонъ вмѣстѣ съ кровью.—Я употребилъ другой способъ, который, казалось, долженъ былъ имѣть хорошій результатъ; а именно я замѣнилъ синильную кислоту кюраре, весьма сильнымъ, какъ извѣстно, ядомъ. Самаго незначительнаго количества его достаточно для умерщвленія въ нѣсколько минутъ собаки, лошади и другихъ животныхъ. Я самъ производилъ опыты съ этимъ ядомъ и видѣлъ его смертоносное дѣйствіе. Копенгагенскій профессоръ Панумъ помогалъ мнѣ въ моихъ изслѣдованіяхъ. Я заказалъ патроны наполненные 27 гранами стрихнина и тремя гранами кураре; патроны эти я помѣстилъ въ разрывную гранату, и 21го іюля 1868 года я сдѣлалъ первую пробу этому снаряду около Исландіи. Я пустилъ эту гранату въ очень большаго кита изъ породы Balaenoptera Siboldtii. Китъ былъ смертельно раненъ, но имѣлъ еще достаточно силы проплавать около пяти часовъ. Вынырнувъ на поверхность воды онъ испускалъ фонтаны крови, но особенныхъ явленій, доказывающихъ дѣйствіе яда, мы не замѣтили. Чтобъ изслѣдовать дѣйствіе яда, мы вытащили кита на берегъ около Сейдисъ-Фіорда и вскрыли его. Граната лопнула около сердца, одинъ кусокъ ея даже пронзилъ сердце, но никакого слѣда яда или дѣйствія его мы не нашли. Мясо животнаго отравленнаго стрихниномъ до такой степени ядовито что оно умерщвляетъ животное накормленное имъ. Въ этомъ же случаѣ даже и этого не произошло: мы накормили собакъ мясомъ кита, и онѣ остались живы; потомъ сами Исландцы ѣли этого кита, и тоже безъ всякихъ вредныхъ для себя послѣдствій. Явленіе можно объяснить лишь тѣмъ

что взрывъ пороха сжигаетъ ядъ, почему онъ и становится недѣйствительнымъ.

Тросъ употребляемый для ловли гренландскаго кита (Balaena) имѣетъ обыкновенно до 120 саженъ длины; онъ спускается изъ лучшей пеньки и приготовляется самымъ тщательнымъ образомъ. Тросы эти просмаливаются только слегка чтобы не уменьшить ихъ гибкости, ходовая же часть троса, саженъ на 12, вовсе не просмаливается. Въ каждомъ вельботѣ помѣщается шесть такихъ тросовъ, въ сложности длиною до 700 саженъ. Для ракетнаго станка, то-есть для ловли Balaenoptera, употребляютъ $3^1/_4$-дюймовой манильскій тросъ, ибо здѣсь нужна бо́льшая крѣпость ихъ чѣмъ при ловли гренландскаго кита. Для ловли Balaenoptera нужно еще имѣть компенсаторъ съ гутталерчевыми кольцами, гарпунъ со свинцовымъ грузомъ, различнаго рода кошки и машинку для измельченія сала. На форъ-брамъ-стенгѣ прикрѣпляется бочка съ полкой для сидѣнія, съ ширмами для защиты отъ вѣтра и со стативомъ для подзорной трубы. Здѣсь обыкновенно помѣщается капитанъ, и управляетъ какъ ходомъ судна между пловучими льдами, такъ и ловлей китовъ.

Какъ было уже сказано, экипажъ китобойнаго корабля состоитъ изъ 35—67 человѣкъ; если это парусное судно, то изъ этого числа нужно вычесть семь машинистовъ. Вотъ составъ экипажа китобойнаго судна: капитанъ, два штурмана, шесть гарпунщиковъ, восемь рулевыхъ (для вельботовъ), одинъ боцманъ, одинъ плотникъ, одинъ бондарь, одинъ поваръ, одинъ медикъ, два машиниста, четыре кочегара и 38 матросовъ.

Для успѣшнаго хода дѣла необходимо имѣть опытнаго и смѣтливаго рулеваго; гарпунщики и рулевые на вельботахъ должны быть люди храбрые, съ вѣрнымъ глазомъ, твердою рукой и громкимъ голосомъ—отъ этого иногда зависитъ весь исходъ экспедиціи. Остальная часть экипажа должна быть составлена изъ сильныхъ, молодыхъ матросовъ, хорошо дисциплинированныхъ и привычныхъ къ дѣлу. Мѣсячное содержаніе получаемое экипажемъ очень не велико, но за то онъ получаетъ большіе проценты съ прибыли отъ лова. Въ Норвегіи и Даніи гарпунщики и рулевые получаютъ отъ 16 до 25 р. въ мѣсяцъ и $^1/_6$ часть чистаго дохода, раздѣляемую между ними поровну. Эта $^1/_6$ часть принимается за норму и по ней разчитывается жалованье остальной части экипажа: одни матросы получаютъ по $^1/_4$ того что̀ получилъ каждый гарпунщикъ, дру-

гіе по $^1/_8$ и по $^5/_8$. Капитанъ получаетъ въ восемь разъ больше части получаемой гарпунщикомъ и соотвѣтствующее мѣсячное жалованье.

Китобойные корабли занимающіеся китоловствомъ въ сѣверныхъ европейскихъ моряхъ обыкновенно выѣзжаютъ изъ дому въ половинѣ февраля, и уже около половины марта приходятъ къ Шпицбергену и Янъ-Майну, гдѣ до послѣднихъ чиселъ апрѣля занимаются ловомъ тюленей; въ концѣ апрѣля они или возвращаются съ добычей назадъ, или же прямо направляются къ Девисовому проливу.

Описавъ вооруженіе китоловнаго судна, я постараюсь описать самое производство лова. Во время перехода занимаются обыкновенными морскими работами; экипажъ распредѣляется по вельботамъ; точатъ гарпуны, пики, ножи, строгаютъ рукоятки для гарпуновъ и пикъ, приготовляются для нихъ кольца. Кабели и тросы приводятся въ исправность; гарпунщики наблюдаютъ чтобы въ ихъ вельботахъ все было прилажено. При приближеніи къ пловучимъ льдамъ, къ передней мачтѣ привѣшивается бочка, къ борту подвѣшиваются помосты, и все приготовляется для немедленнаго нападенія на перваго кита.

При первой встрѣчѣ съ китами, всѣ вельботы сейчасъ же спускаются на воду и попарно преслѣдуютъ кита. Китъ рѣдко находится подъ водою болѣе 10—15 минутъ, и потомъ выплываетъ на поверхность минуты на три чтобы подышать. Этими-то немногими минутами и пользуются чтобы какъ можно ближе подплыть къ киту. Затѣмъ исходъ лова зависитъ отъ рулеваго; онъ долженъ быстрымъ и сильнымъ движеніемъ рулеваго весла поставить вельботъ такъ чтобы гарпунщику было удобно пустить гарпунъ. Ракетный гарпунъ пускается на разстояніи отъ 10 до 12 саженей, ручной же гарпунъ не далѣе какъ на 4—5 саженей. Если удастся вонзить гарпунъ въ хорошее мѣсто, то-есть сзади лопатки или около боковаго плавня, то стараются какъ можно скорѣе удалиться отъ раненаго кита, который такъ сильно бьетъ хвостомъ и головой что легко можетъ раздавить лодку. Если вельботъ опрокинется, то каждый матросъ схватываетъ свое весло и старается спастись на сосѣднюю лодку; гарпунщики и рулевые кромѣ того снабжены спасительными поясами. Раненый китъ обыкновенно старается уйти отъ своихъ враговъ, для чего ныряетъ почти вертикально на большую глубину. Очень важно имѣть постоянный надзоръ за тѣмъ

чтобы тросъ, привязанный къ гарпуну, могъ легко травиться изъ вельбота, иначе же китъ можетъ увлечь за собою и лодку и экипажъ ея. Чтобы по возможности затруднить киту бѣгство, тросъ удерживающій его пропускается чрезъ неподвижный блокъ; треніе отъ этого бываетъ такъ сильно что блокъ можетъ легко загорѣться, почему его безпрестанно и поливаютъ водой. Очень часто китъ уходитъ такъ далеко что 700-саженнаго троса не хватаетъ, и тогда призываютъ на помощь другой вельботъ, и тросы обѣихъ лодокъ связываются вмѣстѣ.

Раненый китъ остается подъ водою обыкновенно около получаса; если море въ этомъ мѣстѣ очень глубоко, то иногда и дольше, но за то въ такихъ случаяхъ онъ скорѣе устаетъ и дольше остается на поверхности воды для дыханія, почему и вельботамъ, собравшимся въ это время вмѣстѣ, легче нападать на него копьями, или же снова гарпунами. Иногда китъ умираетъ почти мгновенно, иногда же онъ нѣсколько разъ ныряетъ и снова выплываетъ, пока наконецъ не всплыветъ мертвымъ на поверхность моря. Его встрѣчаютъ торжествующими криками и сейчасъ же буксируютъ къ кораблю.

Для ловля Balaenoptera употребляются, какъ было выше сказано, вельботы нѣсколько большей величины чѣмъ для лова гренландскаго кита, и на днѣ ихъ дѣлаются отверстія для прохожденія троса. Гранату выстрѣливаютъ по возможности на близкомъ разстояніи отъ кита, и цѣлятъ * въ него какъ можно ниже, такъ чтобы граната, пройдя нѣсколько футовъ подъ водою, вонзилась по сосѣдству съ сердцемъ или легкими. Здѣсь она разрывается, но китъ не всегда сейчасъ же умираетъ. Если даже и удастся мгновенно убить кита, то послѣ его смерти съ нимъ еще много хлопотъ. Дѣло въ томъ что мертвый гренландскій китъ не тонетъ, тогда какъ Balaenoptera сейчасъ же послѣ смерти идетъ ко дну — въ этомъ-то и состоитъ вся трудность ловли Balaenoptera. Кромѣ того раненый Balaenoptera ныряетъ не вертикально, а продольно, и притомъ съ такою быстротой что вельботамъ почти невозможно за нимъ слѣдовать. Трудно близко подойти къ нему въ то время ког

* Трубку ракетнаго станка кладутъ обыкновенно на плечо матроса, и гарпунщикъ цѣлится какъ изъ простаго ружья.

да онъ выходитъ подышать, и потому повторить выстрѣлъ почти никогда не приходится. Поэтому если китъ не убитъ мгновенно, то обыкновенно отрѣзаютъ тросъ и оставляютъ его безъ преслѣдованія. Однажды я преслѣдовалъ кита въ продолженіи 5—6 часовъ и наконецъ потерявъ изъ виду свои корабли, принужденъ былъ бросить свою добычу. Почти всѣ раненые киты умираютъ, что̀ случается впрочемъ иногда только черезъ нѣсколько дней, и выбрасываются на западный берегъ Исландіи, то-есть на разстояніи до 700 верстъ отъ того мѣста гдѣ его ранили.

Каждый отдѣльный ловъ сопряженъ съ такими разнообразными случайностями что описать нормальную охоту невозможно. Иногда случается что тотчасъ же послѣ выстрѣла китъ всплываетъ мертвымъ (такъ бываетъ только съ гренландскими китами. Это, впрочемъ, чрезвычайно рѣдкій примѣръ. Случается и такъ что китъ, съ нѣсколькими торчащими въ немъ гарпунами, опрокидываетъ вельботы, и таща ихъ на буксирѣ, успѣваетъ уйдти отъ своихъ преслѣдователей. Однажды былъ со мной именно такой казузъ. Опрокинувъ лодку, китъ сталъ убѣгать отъ насъ, унося съ собою и лодку и 1.680 саженъ троса. Его нагнали, снова засадили въ него гарпунъ, но ему вторично удалось уйдти, влача за собою 3.360 саженъ троса. Только послѣ 12тичасоваго преслѣдованія его настигли и убили. Подобные примѣры случаются и при ловлѣ Balaenoptera, но здѣсь они гораздо опаснѣе и сложнѣе. Я разкажу нѣсколько бывшихъ со мною случаевъ.

22го августа 1868 года, смертельно раненый китъ, пробывъ нѣсколько минутъ подъ водою, вынырнулъ, проплылъ нѣкоторое разстояніе съ изумительною быстротой и, обернувшись назадъ, выскочилъ изъ воды почти всѣмъ тѣломъ, наткнулся на вельботъ, и еслибы гарпунщикъ не успѣлъ перерубить троса, то люди неминуемо погибли бы. Китъ продолжалъ свой бѣгъ, и мнѣ стоило большихъ трудовъ догнать его и убить.

13го мая 1868 года динамитная граната была пущена въ кита и, какъ казалось, произвела мгновенную смерть, ибо китъ остался недвижимъ на поверхности воды; мы уже стали отвозить тросъ на пароходъ, какъ вдругъ китъ задвигался и началъ увозить вельботъ на буксирѣ. Другой вельботъ подоспѣлъ во-время и тоже бросилъ гранату съ другой стороны. Китъ

снова казался умершимъ, но вскорѣ онъ опять поплылъ, таща за собою оба вельбота. Я поспѣшилъ съ пароходомъ къ лодкамъ, забралъ оба троса на бортъ и закрѣпилъ ихъ. Китъ проплылъ такимъ образомъ 3 мили. Наконецъ я снова пустилъ въ него динамитную гранату, но желаемаго результата мы и этимъ не достигли; напротивъ того бѣгъ кита еще ускорился, къ тому же одинъ изъ гарпуновъ вырвался изъ кита, и я долженъ былъ травить тросъ пока не былъ брошенъ новый гарпунъ. Наша охота продолжалась уже 6 часовъ, и я рѣшился послать вельботы чтобы напасть на кита копьями. Кровь лилась изъ множества ранъ, и всѣ полагали что онъ скоро умретъ. Вдругъ онъ измѣнилъ направленіе своего бѣга, повернулся прямо къ пароходу и сталъ бить его хвостомъ и головой. Тросы перетерлись о бортъ корабля, и китъ снова оказался на свободѣ и сталъ понемногу удаляться отъ насъ. Вельботы едва догнали его, пустили въ него нѣсколько ручныхъ гарпуновъ и наконецъ убили его. Китъ пошелъ ко дну послѣ $9^1/_2$ часоваго упорнаго боя.

Не легко вытащить затонувшаго мертваго кита. Тросъ удерживающій его проводится черезъ блокъ къ компенсатору, состоящему изъ эластическихъ колецъ, привязанныхъ къ вершинѣ мачтъ; черезъ такое кольцо пропускается тросъ и понемногу наматывается на воротъ. Однимъ тросомъ рѣдко удается вытащить затонувшаго кита, ибо онъ рвется уже отъ тяжести 12.000 фунтовъ, и потому приходится прибѣгать къ помощи другихъ тросовъ. Для этого на тросъ, привязанный къ воткнутому въ кита гарпуну надѣваютъ тяжелый гарпунъ съ 5ю дюймовымъ концомъ и спускаютъ его внизъ по тросу. Гарпунъ вонзается въ кита, и такимъ образомъ получается два кабеля, могущихъ выдержать тяжесть въ 32.000 фунтовъ. Если опустить такой гарпунъ нельзя, вслѣдствіе того что китъ лежитъ на днѣ бокомъ или на самой ранѣ, тогда вмѣсто гарпуна спускаютъ сильные автоматическіе клещи съ 5ю-дюймовымъ тросомъ. Клещи, дойдя до ручки гарпуна, воткнутаго въ кита, такъ крѣпко захватываютъ ее что сорваться не могутъ. Этими способами обыкновенно удается поднять кита. По окончаніи этой работы начинаютъ снимать сало, что производится одинаковымъ образомъ для обоихъ видовъ китовъ.

Кита прикрѣпляютъ за хвостъ къ носу корабля, и туловище кладется параллельно борту такъ что голова приходится

почти противъ средней мачты. Начинается рѣзка сала длинными полосами, въ 2—3 аршина шириною, спирально вокругъ кита. Толстый слой сала находящійся на челюстяхъ кита срѣзается отдѣльно. Голова отрѣзается отъ туловища и цѣликомъ втаскивается на бортъ, гдѣ срѣзаютъ съ нея сало и вынимаютъ усъ. Во время этой работы орудія да и сами люди такъ вымазываются саломъ что работать становится очень трудно, и потому рукоятки орудій безпрестанно пересыпаются древесными опилками. Два матроса во все это время исключительно заняты точеніемъ ножей, лопатъ и прочихъ орудій. Когда все сало срѣзано, туловище кита отвязывается и бросается; если же можно вытащить его на берегъ, то тамъ продолжаютъ срѣзать оставшееся сало, снять которое въ открытомъ морѣ очень трудно. Въ свѣжемъ состояніи мясо кита составляетъ очень хорошую пищу. Свенъ Фойнъ основалъ около Вардее фабрику земледѣльческихъ туковъ, приготовляемыхъ изъ сушенаго китоваго мяса.

Въ свободное отъ лова время, весь экипажъ китоловнаго судна занятъ вытопкою сала. Сначала отдѣляютъ отъ сала мясистыя части и потомъ рѣжутъ его на длинныя полосы вершковъ 6 шириною. Эти полосы перепускаютъ черезъ машину, разрѣзающую ихъ на тонкіе листочки въ ¼ вершка толщиною. Эти-то кусочки и кладутъ въ большіе металлическіе котлы, и подливаютъ немного воды, чтобы сало не пригорало къ стѣнкамъ котла. Во время нагрѣванія котловъ сало постоянно мѣшается деревянными лопатами. Когда куски кожи начинаютъ осаждаться на дно котла, то это есть признакъ что весь жиръ выдѣлился изъ клѣтчатки. Мѣдными продыравленными ковшами вынимаютъ осадокъ и кладутъ его подъ прессъ, гдѣ и выдавливаются послѣдніе остатки жира. Котлы съ жиромъ оставляютъ нѣкоторое время въ покоѣ, пока не осядетъ вся грязь. Потомъ жиръ переливается въ сосуды, на днѣ которыхъ налита вода. Здѣсь жиръ охлаждается и окончательно отстаивается; наконецъ насосами перекачиваютъ его въ желѣзные ящики, находящіеся въ трюмѣ.

Вмѣстѣ съ вытопкою жира, идетъ приготовленіе китоваго уса. Его очищаютъ круглыми скребницами отъ кожи, и потомъ колотятъ его, пока пластинки не распадутся на длинныя тонкія палочки. Затѣмъ ихъ выщелачиваютъ, высушиваютъ и связываютъ въ пучки.

III.

Значеніе китоловства для Россіи. Что было сдѣлано и что нужно сдѣлать для развитія русскаго китоловства.

Его Высочество Государь Наслѣдникъ еще прошлою весною просилъ русскаго посланника въ Даніи, барона Моренгейма, приготовить къ Московской Политехнической выставкѣ полную коллекцію китоловныхъ снарядовъ и орудій. Переговоривъ со мною, баронъ Моренгеймъ пріобрѣлъ всѣ китоловные снаряды употребляемые въ настоящее время, и передалъ мнѣ приглашеніе отъ комитета выставки пріѣхать въ Москву для объясненія выставленныхъ предметовъ по китоловству и для прочтенія нѣсколькихъ лекцій. Кромѣ того осенью прошлаго года, при посѣщеніи Копенгагена Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, я видѣлся съ адмираломъ Посьетомъ, съ которымъ я и переговорилъ о подробностяхъ лекцій, которыя мнѣ предстояло прочесть въ Москвѣ.* Вслѣдствіе всего этого я и рѣшился сказать нѣсколько словъ о значеніи китоловства для Россіи, и о томъ что, по моему мнѣнію, слѣдовало бы сдѣлать для развитія этого промысла въ Россіи.

Китоловство, кромѣ матеріальныхъ выгодъ доставляемыхъ промышленникамъ, имѣетъ немаловажное значеніе въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Однимъ изъ необходимыхъ результатовъ развитія китоловства было открытіе новыхъ земель и морей въ полярныхъ странахъ и доставленіе военному флоту опытныхъ и смѣлыхъ моряковъ; привычка къ дѣятельности и настойчивость въ борьбѣ, возбуждаемая этимъ промысломъ, безъ сомнѣнія, должны приносить государству большую пользу.

Очевидно что и Россія можетъ извлекать изъ китоловства тѣ же выгоды которыя получили Франція, Англія, Данія, Голландія и Скандинавія, и потому не удивительно что такой государь какъ Петръ Великій, въ 1723 году, учредилъ на средства казны правильное китоловство на Кольскихъ берегахъ. Самъ Петръ, во время своего пребыванія въ Голландіи, видѣлъ какое значеніе имѣло для нея китоловство; онъ видѣлъ что въ этомъ маленькомъ государствѣ ежегодно снаряжалось слишкомъ 200 судовъ для китоловства, и до 15.000 человѣкъ

* Лекціи по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не состоялись.

занимались имъ и доставляли странѣ огромные доходы. Ни одна страна въ Европѣ не лежитъ ближе къ китоловнымъ мѣстамъ чѣмъ Россія; почему же подданнымъ Царя не заняться этимъ промысломъ?

Со смертью Петра русское китоловство рушилось; всѣ старанія и заботы императрицъ Анны Іоанновны и Екатерины II не могли воскресить его. Вѣроятно вслѣдствіе незнанія о существованіи различныхъ видовъ китовъ, на Мурманскомъ берегу стали охотиться за Balaenoptera, и поэтому-то всѣ тогдашнія попытки не могли имѣть успѣха, такъ какъ мы видѣли уже что даже опытнѣйшіе китоловы не могутъ охотиться за Balaenoptera съ обыкновенными снарядами; только въ самое послѣднее время въ Даніи, Норвегіи и Америкѣ начали изобрѣтать такіе снаряды и орудія которые сдѣлали возможнымъ успѣшный ловъ этихъ китовъ.

Вслѣдствіе этихъ же причинъ не удалась и попытка графа Воронцова основать, въ 1784 году, китоловство на Мурманскомъ берегу. Спустя нѣсколько лѣтъ онъ предпринялъ ловлю гренландскаго кита у Шпицбергена, но и здѣсь потерпѣлъ неудачу, благодаря Англичанамъ, которые, какъ извѣстно, въ началѣ нынѣшняго столѣтія уничтожили какъ русское, такъ и датское и норвежское китоловство. Съ этого времени, насколько мнѣ извѣстно, Россія ни разу не дѣлала попытки снова заняться китоловствомъ.

Никто не можетъ отвергать что Русскіе обладаютъ и энергіей и мужествомъ, необходимыми не только для китоловства, но и для открытій и изслѣдованій въ полярныхъ странахъ. Россія владѣетъ громадною береговою линіей пограничною съ полярными морями, и потому ей удобнѣе, чѣмъ другимъ націямъ: a) заняться китоловствомъ, которое до сихъ поръ было предоставляемо ею въ Европѣ Норвежцамъ, а въ Охотскомъ морѣ и въ Беринговомъ проливѣ Американцамъ, и b) проплыть весь сѣверный берегъ Сибири и направить всѣ усилія на открытіе новыхъ земель и морей и даже самаго полюса — однимъ словомъ, исполнить то чего не могли исполнить другіе народы.

Въ настоящее время, съ помощію пара и всѣхъ новоизобрѣтенныхъ усовершенствованій, что̀ можетъ помѣшать оплыть весь сѣверный берегъ Сибири? Нельзя полагать что Шпицбергенъ, Новая Сибирь и острова Котельный и Фадѣевскій продолжаются къ сѣверу сплошнымъ ледянымъ полемъ, тогда это

предпріятіе дѣйствительно становится невозможнымъ. Напротивъ того, все дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе что ледяныя поля видимыя съ береговъ Сибири тянутся лишь немного за Котельный островъ, и что далѣе на сѣверъ находится открытое полярное море, доходящее до сѣверныхъ береговъ Гренландіи и соединяющееся съ Девисовомъ проливомъ посредствомъ пролива Смитса. По изслѣдованіямъ русскихъ мореходовъ * оказывается что сѣвернѣе упомянутыхъ островов иногда можно было видѣть открытое море, и что разстояніе отъ этого моря до береговъ Сибири не превосходитъ 150 верстъ.

Если сравнивать новѣйшія открытія съ древними преданіями, въ особенности съ исландскими сагами, то оказывается очень вѣроятнымъ что дѣйствительно существуетъ открытое полярное море. Слѣдующіе факты, какъ кажется, могутъ служить для подтвержденія этого предположенія.

Тюлени, какъ извѣстно, держатся на наружныхъ краяхъ ледяныхъ полей, гдѣ весною они собираются громадными стадами; въ это время ледяныя скалы отдѣляются отъ главнаго ледянаго поля и вмѣстѣ съ тюленями уносятся полярными потоками. Въ началѣ апрѣля, когда ловъ тюленей около Янъ-Майна кончается, можно встрѣтить пловучіе льды съ трупами тюленей несущіеся къ Ю.-З. вдоль береговъ Гренландіи. Я самъ былъ свидѣтелемъ что тюлени убитые нами въ послѣднихъ числахъ марта подъ 72° с. ш. въ половинѣ апрѣля неслись со льдами вдоль береговъ Гренландіи и Исландіи. Обогнувши мысъ Фарвель (Farewell), льды идутъ къ сѣверу по западнымъ берегамъ Гренландіи, и въ Баффиновомъ заливѣ, то-есть между Гренландіей и Лабрадоромъ, нагромождаются и образуютъ сплошной барьеръ. Здѣсь-то именно этотъ южный потокъ встрѣчается съ сѣвернымъ потокомъ, несущимъ льды изъ Смитсова пролива и съ сѣверной части Гренландіи. Замѣчательно что эти льды населены тѣми же Phoca Groenlandica, которыя приносятся въ Баффиновъ проливъ южнымъ потокомъ, и потому очевидно что и тѣ и другіе тюлени, а слѣдовательно и льды приносятся изъ одной общей мѣстности гдѣ-нибудь около Шпицбергена или Янъ-Майна, откуда одни направляются съ сѣвернымъ потокомъ, другіе съ южнымъ,—одни огибаютъ сѣверную оконечность Гренландіи, другіе южную, то-есть мысъ Фарвель. Что это дѣйствительно такъ, подтверждается много-

* Wrangel's *Reise*, p. 252. II. Theil.

лѣтними наблюденіями датскихъ колонистовъ при ловлѣ тюленей на западномъ берегу Гренландіи.

Существуютъ примѣры что киты въ которыхъ были воткнуты гарпуны въ Девисовомъ проливѣ позднѣе убивались у Шпицбергена, или наоборотъ, а такъ какъ Balaenoptera никогда не показывается у мыса Фарвель или на югѣ отъ Исландіи, то очевидно долженъ существовать свободный проходъ гдѣ-нибудь на сѣверѣ Гренландіи. Это подтверждается и тѣмъ короткимъ промежуткомъ времени которое необходимо киту для перехода отъ Шпицбергена въ Девисовъ проливъ.

Кромѣ примѣра приведеннаго Скоресби, я укажу еще на слѣдующіе случаи. Въ 1805 году капитанъ Франксъ всадилъ гарпунъ въ кита въ Девисовомъ проливѣ, и въ томъ же году этотъ же китъ былъ убитъ его сыномъ около Шпицбергена. Капитанъ Садлеръ убилъ у Шпицбергена кита въ которомъ былъ воткнутъ эскимосскій гарпунъ, слѣдовательно пришедшій съ западнаго берега Гренландіи. Третій случай заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ 1787 году одинъ китоловъ встрѣтилъ въ Девисовомъ проливѣ мертваго кита, въ которомъ онъ нашелъ гарпунъ своего брата. По возвращеніи домой, онъ узналъ что этотъ гарпунъ былъ воткнутъ въ кита у Шпицбергена только двумя днями раньше чѣмъ онъ нашелъ мертваго кита въ Девисовомъ проливѣ. Такъ какъ киту въ два дня невозможно обогнуть южную оконечность Гренландіи, то очевидно долженъ существовать свободный ото льда проходъ на сѣверъ Гренландіи, ибо китъ, который долженъ каждые 10—15 минутъ выходить на поверхность воды для дыханія, не можетъ плыть подъ большимъ ледянымъ полемъ. Наконецъ, на Котельномъ островѣ находили ребра китовъ и часто видѣли китовъ около береговъ Сибири. Все это указываетъ что не далеко отъ этихъ мѣстъ должно находиться свободное полярное море. Припомнивъ какое большое стадо китовъ, совершенно неожиданно, попалось запрошлымъ лѣтомъ въ Девисовомъ проливѣ, мы должны сознаться что есть неизвѣстныя моря въ которыхъ ихъ еще очень много.

Слѣдовательно, единственное затрудненіе заключается въ томъ чтобы проникнуть чрезъ громадное скопленіе льдовъ образуемое весною около береговъ Сибири, и приносимое сюда многоводными сибирскими рѣками. Съ хорошо приспособленнымъ пароходомъ по всей вѣроятности возможно пройти сквозь этотъ ледяной поясъ; далѣе же, какъ кажется, не можетъ

представиться серіознаго затрудненія для открытія новыхъ морей съ большими стадами китовъ и даже самаго полюса и сѣверо-восточнаго прохода въ Тихій Океанъ.

Къ такому-то результату должна придти Россія. Что это будетъ имѣть большое значеніе для Россіи и для другихъ странъ, кажется, не требуетъ разъясненія. Почему же не рѣшиться на это предпріятіе, не принести для него нѣкоторыя жертвы?

По русскому *Морскому Сборнику* за 1870 годъ, № 11, стр. 22, неофиціальнаго отдѣла, оказывается что въ послѣднее время правительство снова обратило вниманіе на развитіе русскаго китоловства. Въ 1869 году въ Колѣ учредилось китоловное общество подъ личнымъ покровительствомъ Великаго Князя Алексѣя Александровича, при содѣйствіи офицеровъ корвета *Варягъ* и купцовъ Базарнаго, Сидорова и др. *

Для успѣшнаго развитія китоловства въ Россіи, я полагаю, было бы полезно употребить слѣдующія мѣры.

Нужно стараться образовывать китоловныя общества, не только на Бѣломъ Морѣ, но и на восточномъ берегу Сибири, и правительство должно поддерживать ихъ. Поддержка эта можетъ заключаться въ томъ что китоловныя орудія и снаряды доставлялись бы этимъ обществамъ отъ казны, а иногда полезна была бы и денежная субсидія.

Весьма полезно было бы для китоловства пріобрѣтеніе на счетъ казны парохода въ 600 тоннъ водоизмѣщенія и снаряженіе полярной экспедиціи.

Подробностей какъ снарядить такой пароходъ для полярной экспедиціи я здѣсь приводить не буду. Позволю себѣ замѣтить только что такой пароходъ долженъ быть снабженъ провизіей на три года. Уголь и припасы должны быть заранѣе отосланы на Шпицбергенъ и Новую Землю; нужно захватить съ собою жителей Сѣверной Сибири съ нартами и собаками, и имѣть полный комплектъ китоловныхъ орудій и снарядовъ для тюленьяго лова. Нужно имѣть опытныхъ гарпунщиковъ и рулевыхъ. Если случится недостатокъ въ углѣ, то его можно замѣнить китовымъ жиромъ, который составляетъ отличное топливо. Въ свободное отъ научныхъ изслѣдованій время люди должны заниматься ловомъ тюленей и китовъ. Съ этою цѣлью экспедиція должна по-

* У этихъ береговъ китовъ водится довольно много, и самъ *Варягъ* свидѣтельствуетъ что встрѣтилъ у Мурманскаго берега большія стада китовъ.

слѣть въ началѣ марта къ Янъ-Майну или на Шпицбергенъ и запяться ловомъ тюленей, добычу отослать домой съ тѣмъ кораблемъ который привозилъ сюда провизію. На Котельномъ островѣ должна поддерживаться станція во все время пока экспедиція находится въ плаваніи.

Экспедиція приготовитъ опытныхъ людей, которые потомъ окажутъ большую услугу частнымъ китоловамъ. Еще бо́льшіе результаты доставитъ она если найдетъ новыя мѣста гдѣ водятся гренландскіе киты.

Какое важное значеніе для науки будетъ имѣть эта экспедиція, можно заключить уже по множеству частныхъ экспедицій, снаряжаемыхъ въ полярныя страны изъ Германіи, Швеціи и Америки. Но эти экспедиціи плохо вооружены и не имѣютъ достаточныхъ приспособленій ни для проложенія пути сквозь льды, ни для продолжительныхъ зимовокъ, и пототому я не думаю чтобъ онѣ достигли своей цѣли.

Если вооружить корабль такъ полно, правильно и цѣлесообразно, какъ позволяетъ нынѣшнее состояніе науки, то я почти увѣренъ въ счастливомъ окончаніи экспедиціи.

МАРИНА ИЗЪ АЛАГО РОГА*

СОВРЕМЕННАЯ БЫЛЬ.

(*Посвящается графинѣ Соф. Андр. Толстой.*)

XIII.

Княгиня Солнцева сидѣла вдвоемъ съ Завалевскимъ въ кабинетѣ покойнаго графа Константина Владиміровича. Они перешли туда съ балкона, на которомъ все общество, включая сюда и господина Самойленку, пило чай. Послѣ чая Пужбольскій немедленно скрылся, а Солнцева увелъ Іосифъ Козьмичъ въ конюшни „на арабчиковъ полюбоваться". Дина, въ свою очередь, потребовала чтобы Завалевскій показалъ ей свой домъ.

Онъ повелъ ее по комнатамъ. Войдя въ кабинетъ, она повела кругомъ себя долгимъ, печально-внимательнымъ взглядомъ, медленно подошла къ окну, прищурилась отъ ударившаго ей въ глаза солнца и, отойдя къ столу, устало опустилась въ кресло.

— Ты говорилъ, онъ здѣсь и умеръ? заговорила она.

Графъ подтвердилъ движеніемъ головы. Онъ сѣлъ спиной къ окну, противъ нея.

— И добровольно восемнадцать лѣтъ не выѣзжалъ изъ деревни?

— Да.

* Окончаніе. См. *Русск. Вѣст.* №№ 1 и 2.

Она откинулась въ спинку своего кресла, зажмурила глаза.

— Какіе это все люди были! тихо начала она, вздохнувъ, послѣ долгаго молчанія. — И какъ низко упало русское общество съ тѣхъ поръ, послѣ полувѣка, подумать страшно!... Я въ прошломъ году, въ Петербургѣ, присутствовала при этомъ... *политическомъ* процессѣ... Ты поймешь что̀ я вынесла оттуда. Во все время у меня въ головѣ какъ живые стояли *тѣ* что̀ нянчили меня тамъ, въ Сибири... А предъ глазами *эти*... и въ ушахъ все что̀ говорилось въ ихъ оправданіе!...

— Красиво было? съ короткою улыбкой спросилъ Завалевскій.

— C'était écoeurant! * съ отвращеніемъ отвѣчала княгиня. — Знаешь, Владиміръ, промолвила она, помолчавъ опять, — намъ скоро жить будетъ нельзя...

— Будто? улыбнулся онъ попрежнему.

— Нельзя; захлебнемся въ болотѣ....

— Вылѣземъ какъ-нибудь, сказалъ онъ.

Она приподняла на него свои длинные, пронзительные глаза:

— Ты вѣришь въ русское будущее?

— Надо вѣрить, Дина, коротко отвѣчалъ Завалевскій.

— Надо!... Улыбка мелькнула на ея губахъ. — A la façon de saint Augustin... Какъ бишь ты говорилъ подлинный текстъ?

— Credo quia absurdum.

— C'est cela: *это нелѣпо, а потому* вѣрю... Въ силу развѣ такой логики!..

Графъ не отвѣчалъ ей: ему было тяжело въ разговорахъ съ нею чувствовать что она попрежнему находила возможность пролѣзать во всѣ закоулки его мысли и играть ею по-своему.

— Нѣтъ, продолжала она, — я давно отложила попеченіе! Не вылѣземъ, потому что не хотимъ, а не хотимъ потому что хотѣть не умѣемъ. Vice de race,—фосфору у насъ что ли менѣе чѣмъ у другихъ народовъ, или азоту, какъ это по-нынѣшнему?

Онъ пожалъ плечами.

— Какой вздоръ! Воспитай правильно только одно поколѣніе,—и мы поговоримъ тогда о расѣ... Весь вопросъ въ воспитателяхъ,—а молодаго способнаго матеріала много; его нельзя отрицать.

Дина еле замѣтно моргнула бровью.

— Не знаю что̀ удастся вамъ выработать изъ этого молодаго матеріала, а пока... очень ужь онъ первобытенъ! Это

* Тошнило.

оригинально во всякомъ случаѣ, улыбнулась княгиня,—ново... для меня по крайней мѣрѣ... Вчера напримѣръ, эта красавица, дочь твоего управляющаго, — а хороша она, хороша на рѣдкость, par parenthèse!—я просто любовалась тою откровенностью съ которою она показывала мнѣ что я не имѣю счастія ей нравиться....

— Да... Все же лучше чѣмъ лгать! съ разстановкой, задумавшись, сказалъ на это Завалевскій.

Быстрымъ взглядомъ скользнула по немъ Дина: но онъ не о ней въ эту минуту думалъ, онъ,—по поводу Марины, задумался теперь объ этихъ, дорогихъ ему и гибнущихъ—русскихъ молодыхъ силахъ...

— Неоцѣненное качество, отвѣчала ему его собесѣдница, — которое присуще всѣмъ первобытнымъ, и котораго они тотчасъ же лишаются какъ только начнете вы ихъ полировать....

— Это парадоксъ, Дина!

— Парадоксъ? пожала она плечами. — Или ты до сихъ поръ еще не замѣтилъ что какъ только принимаемся мы наше сырье обдѣлывать, такъ оно и становится никуда негоднымъ?... Развѣ ты не видишь что, кромѣ простаго мужика, все остальное у насъ ложь и призракъ!... Онъ—грубый, противный намъ своею грубостью, но положительный фактъ, его, какъ ты говоришь, нельзя отрицать. Мы же — фантазія на чужую тему, сочиненная пожалуй хоть и такимъ Паганини какъ Петръ Великій, но которую завтра можно вымарать всю какъ есть, а Русскій народъ и не догадается объ этомъ...

Завалевскій, въ свою очередь, поднялъ на нее глаза и улыбнулся невыразимо-печально.

— Радикальнѣйшій изъ *радикальныхъ* нашихъ журналовъ, сказалъ онъ, — не выразился бы рѣшительнѣе тебя, принадлежащей къ *сливкамъ* петербургскаго общества!... За что̀ же нападаютъ у насъ на этихъ несчастныхъ... *нигилистовъ*, — терпѣть я не могу этого глупаго слова! — которые въ оправданіе себя могутъ по крайней мѣрѣ сказать что у нихъ сапоговъ нѣтъ!...

Дина вдругъ засмѣялась, засмѣялась глухимъ, отрывчатымъ, злымъ смѣхомъ.

— А ты только теперь догадался что настоящіе на Руси нигилисты,—les naïfs, les vrais!—это мы, *сливки*, наше общество, нашъ петербургскій *мондъ*, nôtre élégante société, съ какимъ-то желчнымъ наслажденіемъ нанизывала она синонимы одинъ

за другимъ. Nihil, rien, ничего,—это мы, прежде всѣхъ другихъ мы!... Я счастіемъ всей моей жизни заплатила за то что двадцать лѣтъ тому назадъ не знала этой науки такъ же твердо какъ теперь!...

Голосъ у нея оборвался. Завалевскій понялъ что она страдала; онъ невольно опустилъ голову....

Да, она дѣйствительно страдала въ эту минуту: ея неудавшаяся жизнь какъ-то разомъ, яркими бликами выступила предъ нею изъ тьмы прошлаго.... ей хотѣлось и терзать себя, и оправдываться, и винить другихъ....

— Мнѣ помнится, говорила она, — наша бревенчатая изба, тамъ.... на границахъ Китая.... затопленная печь, у которой вѣчно грѣлся больной отецъ мой.... и *ихъ* бесѣды, *ихъ* признанія.... Мнѣ было двѣнадцать лѣтъ. Однажды въ разговорѣ — какъ теперь слышу выраженіе его голоса, вздохъ его при этомъ —одинъ изъ нихъ припомнилъ слова Пушкина: „не дай намъ Богъ увидѣть русскій бунтъ, *безсмысленный* и безпощадный“. Отецъ мой, не отрывая глазъ отъ пылающихъ дровъ, сказалъ на это: „да, въ Россіи все съ *верху* и этимъ *верхомъ!...*“ Я рано, какъ ты, начала думать.... Я всегда жадно слушала, соображала.... Эти слова глубоко запали мнѣ въ душу: я поняла, — *ихъ* путь былъ невѣренъ, того что̀ такъ горячо жаждали они для родины *тѣмъ* путемъ никогда не достигнуть!... И помню я какъ, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, сиживала я одна по цѣлымъ часамъ, глядя въ окно на этотъ занесенный снѣгомъ сибирскій городокъ, и неотступно думала: какъ бы мнѣ повыше, поближе къ этому *верху* дойти, и что̀ бы я говорила, какъ бы дѣйствовала, еслибы дошла, была тамъ, гдѣ бы слова мои могли быть услышаны.... Силъ и вѣры въ себя чувствовала я безъ конца; въ головѣ сидѣли у меня всѣ эти историческія женщины рѣшавшія судьбы народовъ.... Я чувствовала себя героиней, une Jeanne d'Arc, горько улыбнулась Дина, — я, дѣвчонка, однимъ моимъ женскимъ вліяніемъ думала сдѣлать для Россіи то чего *они* не умѣли сдѣлать... Этой завѣтной мысли, не покидавшей меня ни минуты съ тѣхъ годовъ, я пожертвовала тобою, Владиміръ.... ты это знаешь? рѣзко заключила она.

Что̀ было правды въ ея словахъ? Пужбольскій, Марина, еслибы слышали ихъ, не колеблясь назвали бы ихъ обманомъ... Завалевскій лучше зналъ ее, онъ не сомнѣвался въ ея искренности; онъ зналъ что не лгала она.... Но сколько въ этихъ ея

молодыхъ, великодушныхъ замыслахъ было, невѣдомо для нея самой, ранневременной черствости и личнаго властолюбія!

Графъ еще ниже опустилъ голову....

А она, полузакрывъ глаза, свѣсивъ голову на руку, роняла слова одно за другимъ:

— Моимъ замужствомъ открывался мнѣ доступъ au coeur de la place.... Я твердою ногой заняла мѣсто въ самомъ центрѣ нашего *хигъ-лифа*, иронически коверкая на французскій ладъ англійское high life, примолвила она.—Наступала наконецъ для меня желанная минута: я могла начать *дѣйствовать*.... Я прямо начала съ моего beau père'а; онъ стоялъ такъ высоко, такъ *близко*.... Помню какъ сейчасъ, это было у него, послѣ семейнаго обѣда, въ самомъ тѣсномъ кругу; рѣчь зашла о предстоявшей тогда войнѣ. Я сказала что, à chances égales, у враговъ нашихъ будетъ всегда одно преимущество надъ нами: это ихъ образованіе и свободное общественное мнѣніе.... Надо было видѣть ужасъ съ какимъ взглянулъ на меня совершенно круглыми глазами, какъ расплеснулъ онъ чашку кофе которую держалъ въ рукахъ, и, замахавъ облитыми пальцами, вышелъ изъ комнаты, торопливо отирая ихъ носовымъ платкомъ.... Это былъ мой дебютъ!...

Княгиня разсмѣялась опять своимъ отрывчатымъ, недобрымъ смѣхомъ.

— Чѣмъ кончилась моя политическая карьера—говорить тебѣ нечего, продолжала она ронять слова насмѣшливо, печально и несвязно:—пятнадцать лѣтъ я агитировала.... все ту же мысль мою преслѣдовала... И какіе случаи представлялись! Новое царствованіе... Un souverain généreux, libéral, преобразованіе всего государства!.. Я все мечтала, ждала каждый день: вотъ, вотъ проснутся они; поймутъ, начнутъ работать!.. Въ итогѣ вышло вотъ что̀: друзей у меня нѣтъ, les gens en place удостоиваютъ меня чести называть меня une syrène politique des plus dangereuses,—а мнѣ еще ни одной здравой мысли во всю мою жизнь не удалось провести своимъ вліяніемъ.... и, что̀ забавнѣе всего: величайшіе мои ненавистники—это они, тѣ о которыхъ я радѣла, *mon parti*, пользамъ котораго я думала служить этою безсмысленною моею *агитаціею* въ продолженіи пятнадцати лѣтъ...

Ты слишкомъ умна была всегда, Дина! невесело улыбнулся графъ.

Она кинула на него взглядомъ изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ.

— Да, ума у насъ никогда не любили, онъ инстинктивно противенъ намъ и грозенъ... Но вѣдь за то ужь... Кто это, не помнишь, Chamfort или Voltaire сказалъ, que „les gens d'esprit font des sottises parcequ'ils ne supposent jamais le monde aussi bête qu'il est?.. Вѣдь мы... У насъ даже инстинкта нѣтъ!... Какъ тяжело странѣ гдѣ нѣтъ руководящаго высшаго сословія, образованнаго и независимаго,—это уже всякій теперь видитъ... А мы, понимали ли мы когда-нибудь серіозно наши прямыя задачи, да хоть просто *интересы* наши?.. Мы все изъ рукъ выпустили, и умѣемъ только безполезно браниться по уголкамъ нашихъ гостиныхъ... Да чего лучше — вотъ тебѣ самый свѣжій примѣръ: ты слышалъ вчера моего остроумнаго супруга, l'écho de nos salons! съ невыразимымъ презрѣніемъ проговорила княгиня... Они, эти Несторы и Одиссеи *консерватизма*, эти образцовыя маменьки du grand monde, они того даже въ толкъ себѣ взять не могли, что никогда еще, съ начала царствованія, не издавалось у насъ такой разумной и *консервативной* мѣры какъ эта реформа образованія, что противъ этого *débordement du matérialisme*, о чемъ пищатъ они съ утра до вечера, — одинъ оплотъ, одно спасеніе для ихъ дѣтей,—это здоровое, *человѣческое* воспитаніе!.. Что̀ я крови себѣ испортила, разсуждая съ ними!.. Все равно что воду толкла... Всѣ они хоромъ, faisant le tierce à tous ces sales feuilletons radicaux, кричали au despotisme—и какъ по нотамъ разыгрывали игру отъявленнѣйшихъ враговъ своихъ.

— Они въ райскомъ, до грѣхопаденія, состояніи обрѣтаются, замѣтилъ на это со смѣхомъ графъ,—добра отъ зла отличать не умѣютъ... Блаженные!

— Ни вѣрованій у насъ, ни преданій, ни идеаловъ! какимъ-то надтреснутымъ голосомъ заговорила опять Дина,—ничего не осталось, все позабыто, порвано... Безсмысленное шатаніе за границей, безполезное прозябаніе у себя дома, жизнь au jour le jour, тотъ же грубый прозаизмъ жизни что̀ у вчера разжившагося Жида, des vanités d'antichambre — хорошъ примѣръ какой подаемъ мы собою русскому обществу!.. У насъ даже, въ нашемъ всестороннемъ банкротствѣ, прадѣдовскихъ портретовъ не остается... да и половина изъ насъ не знаетъ кто и что̀ былъ его прадѣдъ... Мы не Русскіе, христіане—à peine... и менѣе всего аристократы!... Мы блаженные, ты правду сказалъ, мы не умѣемъ отличить добра отъ зла, пользы отъ

вреда, враговъ отъ друзей. Кого мы умѣли привлечь къ себѣ, пригрѣть, обратить, кого не оттолкнули!.. Какой русскій художникъ, честный писатель могъ когда-нибудь разчитывать на нашу поддержку, сочувствіе? Да и знаемъ ли мы ихъ, знаемъ ли кто *нашъ* и кто *не нашъ*, говоря par abstraction, потому что сами мы прежде всего не знаемъ *кто мы* такіе? Тамъ въ печати, да въ какихъ-то невѣдомыхъ намъ уголкахъ Россіи идетъ тяжелая, часто непосильная можетъ-быть борьба за Бога, за семью, за родину, за все то что̀ называемъ мы nôtre acte de foi, а мы зачитываемся *Monsieur, madame et bébé*, да слушаемъ зѣвая Патти—и ни о какой борьбѣ, ни о какой русской мысли знать не хотимъ!... Такъ молчите же по крайней мѣрѣ,—неожиданно зазвенѣлъ голосъ княгини,—не жалуйтесь, не пищите, не корчите изъ себя нелѣпаго faubourg Saint-Germain russe, не воображайте что вы un *parti*, et que vous faites de *l'exclusivisme éclairé*, когда вы соберете у себя въ салонъ трехъ курляндскихъ бароновъ, двухъ непроходимо-глупыхъ генераловъ, et Pita Koubenski, достойнаго друга князя Солнцева, mon seigneur et maître, и начнете съ этими Талейранами отчитывать Россію!..

Она замолкла, встала и подойдя къ окну, устремилась взглядомъ въ даль, за Алый Рогъ.

— Не легко тебѣ жить, понимаю! какъ бы про себя проговорилъ Завалевскій.

— Не легко! повторила она, не оборачивая головы. — Ты этого хотѣлъ! промолвила Дина черезъ мгновеніе.

— Я? не могъ не воскликнуть онъ.

Она отвѣчала не сейчасъ:

— Повторять скучно, объ этомъ не разъ говорено было между нами, кажется.

Говорено было не разъ,—но никогда такъ мало какъ теперь не былъ расположенъ Завалевскій выносить эти знакомые упреки. Какимъ-то страннымъ раздраженіемъ отзывалось въ немъ, въ продолженіи всего этого разговора, эхо собственной его мысли въ устахъ Дины.

— Ничего нѣтъ легче посему, отвѣчалъ онъ ей, стараясь придать шутливый тонъ своимъ словамъ,—ничего нѣтъ легче какъ не касаться уже никогда болѣе этого предмета.

Она вѣроятно разчитывала на другое впечатлѣніе: нервное содраганіе пробѣжало у нея по щекѣ. Но она не обернулась,

не двинула ни однимъ членомъ, она продолжала пристально глядѣть въ окно.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— Она въ самомъ дѣлѣ хороша какъ нимфа лѣсная! воскликнула вдругъ Дина.

— Кто такое? спросилъ почему-то графъ.

Онъ зналъ о комъ рѣчь,—онъ видѣлъ самъ, онъ сидѣлъ тутъ же у окна, и обернувшись на слова княгини, замѣтилъ Марину, проходившую по направленію своего флигеля. Онъ ласково закивалъ ей, но она не видѣла, не замѣтила. Она видѣла только Дину, у того же окна, рядомъ съ нимъ, и низко опустивъ голову подъ широкою шляпой, пробѣжала въ свою дверь съ быстротою испуганнаго звѣрка.

— Что̀, она умна? оставляя безъ вниманія ненужный вопросъ Завалевскаго, спросила его княгиня.

— Милая дѣвушка! отвѣтилъ онъ серіознымъ тономъ.

— D'éducation—point?

Онъ помолчалъ.

— Кто у насъ въ Россіи хорошо воспитанъ, разсѣянно проговорилъ онъ наконецъ, отвѣчая не ей, а своимъ собственнымъ размышленіямъ.

— Merci! засмѣялась Дина, отошла отъ окна и заняла прежнее свое мѣсто въ креслѣ противъ графа.

— Ты долго думаешь пробыть здѣсь? молвила она, какъ бы лишь для того чтобы сказать что-нибудь.

— Не знаю право... вотъ какъ удастся лѣсъ продать.

— А ты лѣсъ продаешь? тѣмъ же равнодушнымъ тономъ проговорила княгиня.

— Да.. деньги нужны... для моего заведенія, какъ-то неохотно объяснилъ Завалевскій.

— А!.. Cela tient toujours? съ тончайшимъ какъ волосъ оттѣнкомъ ироніи прогорила она.

Но онъ былъ чутокъ на эти оттѣнки ея,—онъ поднялъ вѣки и взглянулъ на нее строго и пристально.

— Что̀ же могло бы меня заставить измѣнить моей мысли? сказалъ онъ сухо.

Она невозмутимо выдержала его взглядъ; вопроса его какъ будто и не слыхала.

— Все по тому же плану? спросила она.

— По тому же...

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Я тебѣ завидую, заговорила княгиня; — ты нашелъ дѣло, занятіе... ты будешь жить себѣ въ деревнѣ — хоть годъ проживешь,—безъ скуки, безъ тоски... Безъ этой адской моей тоски! такъ и вырвалось у нея...

Никогда еще столь искреннимъ и скорбнымъ звукомъ не звучалъ для Завалевскаго этотъ знакомый ему голосъ: ему вдругъ стало ужасно больно за нее...

— Поѣзжай въ Италію, сказалъ онъ, — меня искусство спасало...

Дина приподняла голову.

— Vous oubliez mon boulet de galérien? * язвительно проговорила она,—какое *съ нимъ* искусство спасетъ!..

Невольная улыбка скользнула по устамъ графа:

— Оставь его въ Петербургѣ,—поѣзжай одна!

— Оставить его,—одного? Княгиня плечами повела. — Чтобы онъ въ мое отсутствіе и меня ужь самую проигралъ въ карты... если только нашлись бы еще охотники выиграть меня? съ невыразимою горечью улыбнулась она.

— Какъ, опять?.. воскликнулъ Завалевскій, останавливаясь предъ ней.

— Онъ не переставалъ никогда... И знаешь—гадко!.. Какъ пословица говоритъ: блудливъ какъ кошка, а труслив какъ заяцъ... таитъ, лжетъ, сбивается,—а затѣмъ слезы, раскаяніе, лизаніе рукъ... Odieux!..

— Долги? коротко сказалъ графъ, принимаясь опять ходить по комнатѣ.

— Само собою... На дняхъ срокъ одному векселю,—я поручилась... и если я не найду денегъ въ деревнѣ, я и не знаю...

— Много?

— Пять тысячъ съ чѣмъ-то, пропустила она сквозь зубы—и отвернулась, какъ бы избѣгая встрѣчи съ его глазами.

Онъ походилъ, походилъ...

— Это, кажется, найдется, какимъ-то шепотомъ, и еще старательнѣе чѣмъ она стараясь не глядѣть на нее, промолвилъ онъ,—сѣлъ къ столу и, потянувъ къ себя ящикъ, принялся шарить въ немъ нервно подергивавшимися пальцами.

— Пять... вотъ! не договорилъ онъ, выбрасывая на столъ пачки ассигнацій и быстро подымаясь съ мѣста, чтобы не видѣть какъ возьметъ ихъ Дина.

Она сунула ихъ въ карманъ сухимъ, какъ бы гнѣвнымъ

* Ты забылъ мое каторжничье ядро.

движеніемъ, отшатнулась въ спинку кресла и закрыла себѣ оба глаза рукою...

— Владиміръ, тихо промолвила она, — ты меня презирать долженъ!

— Почему же это? весь растерявшись, обернулся онъ къ ней...

— Parce que j'accepte—et que vous ne m'aimez plus!..

Она опустила руку—и такъ и впилася въ него расширенными зрачками... Онъ не отвѣчалъ... До этой минуты она еще могла сомнѣваться... Теперь,—нѣтъ, въ его душѣ ничего уже болѣе не оставалось!—потухла послѣдняя, послѣдняя искра... Она поняла.

На ея посинѣвшихъ губахъ заиграла тутъ же послушная усмѣшка:

— А замѣчаешь ты какъ подъ старость всѣ мы склонны къ сентиментальности? какъ бы глумясь надъ самой собою, сказала она, подымаясь съ мѣста... и не давъ ему найти отвѣтъ:— Когда у тебя здѣсь на почту посылаютъ?..

— Каждый день можно, — у насъ контора въ селѣ, поспѣшилъ объяснить Завалевскій.

— И прекрасно,—я успѣю сегодня же написать воронежскому моему управляющему, чтобы ждалъ насъ въ субботу. Письмо все же раньше насъ попадетъ; мы въ Орлѣ остановимся...

И она пошла къ дверямъ. Графъ двинулся за нею.

— Et ce pauvre Alexandre! остановилась вдругъ на ходу и засмѣялась княгиня.

— А чтò?

— А то что онъ какъ котъ влюбленъ въ эту вашу красавицу здѣшнюю,—comment l'appelez vous déjà?..

— Въ Марину?

— И что онъ, продолжала княгиня,—не видитъ что эта Марина, въ свою очередь, безумно влюблена въ *тебя*.

— Въ меня! почти испуганно вскрикнулъ Завалевскій:—его такъ и ошеломило...

Дина скользнула по немъ своими египетскими глазами — и ядовито улыбнулась.

— Ça ne serait déjà pas si bête de la part de la donzelle.... Берегись!...

XIV.

Глубокимъ, облегчающимъ вздохомъ вздохнула Марина, когда съ трескомъ хлопнула за нею дверь на блокѣ что̀ вела со двора въ помѣще́ніе Іосифа Козьмича, и она наконецъ очутилась дома... Кузнецъ, Пужбольскій, Дина, замѣченная ею у окна, рядомъ съ *нимъ*, разнообразныя впечатлѣнія этихъ встрѣчъ,— все это сливалось у нея въ одно скорбное и удручающее чувство... Ей жадно опять хотѣлось остаться одной, *уйти*, не думать *о людяхъ*...

Она быстро направилась въ свою комнату,—но въ нее ходъ былъ чрезъ гостиную, а въ гостиной слышались голоса и хохотъ... Табачный дымъ такъ и обдалъ ее, едва успѣла она войти...

Она остановилась на порогѣ въ нѣкоторомъ недоумѣніи.

У Іосифа Козьмича были гости: „монополистъ" Вермавъ и еще кто-то, кого Марина не узнала съ перваго раза...

Хозяинъ, развалившись въ своемъ *вольтерѣ*, покуривалъ сигару; гости нещадно дымили папиросками, расхаживая вдоль и поперекъ просторной комнаты.

Верманъ, Самуилъ Исааковичъ, былъ человѣкъ еще молодой, лѣтъ тридцати пяти, и представлялъ собою типъ современнаго *полированнаго* Еврея. Въ Варшавѣ онъ несомнѣнно признавалъ бы себя за „Поляка Моисеева закона"; призванный обстоятельствами *къ коммерціи* въ центрѣ Имперіи, онъ былъ русскій патріотъ и претендовалъ на *развитость*. Выражался онъ по-русски правильно и довольно чисто; лишь при сочетаніи гортанныхъ съ трескучимъ звукомъ *р* выдавала рѣчь его семитическое его происхожденіе. Наружность Самуила Исааковича была совершенно приличная, даже красивая. Одѣтъ онъ былъ щеголемъ, въ свѣтло-сѣрые брюки и тонкій чернаго сукна сюртукъ, безукоризненно петербургскаго покроя. По бѣлому его жилету волновалась толстая золотая цѣпь о двухъ концахъ, а на указательный палецъ правой руки насаженъ былъ большой золотой перстень съ крупнымъ, сіяющимъ въ немъ алмазомъ. Эта правая рука Вермана покоилась въ карманѣ его панталонъ, но указательный палецъ выставленъ былъ наружу, и онъ на ходу, куря, разговаривая и улыбаясь, то-и-дѣло косился на него: видите-молъ какую штуку носимъ — и это намъ ни почемъ!..

Второй собесѣдникъ господина Самойленки ни благообразностью, ни щеголеватостью наружности своей не отличался: однихъ лѣтъ съ Верманомъ, небольшаго роста, угреватый, чернозубый—печка во рту, какъ говорятъ Французы, — глаза его исчезали за синими стеклами стальныхъ очковъ, и все выраженіе его лица сосредоточивалось въ узкихъ и длинныхъ губахъ, постоянно складывавшихся въ саркастическую, некрасивую усмѣшку... Говорилъ онъ бойко, складно, необыкновенно самоувѣренно, и *слово-ериколъ* заканчивалъ чуть не каждую изъ своихъ фразъ, что придавало имъ какую-то особенную, желанную имъ, повидимому, ядовитость. Облеченъ онъ былъ въ просторное коричневатое пальто, изъ рукавовъ котораго выглядывало бѣлье довольно сомнительной опрятности...

Онъ обернулся на скрипъ двери, увидѣлъ входившую Марину—и остановился какъ вкопанный посередь гостиной, не кланяясь и глядя на нее во всѣ глаза изъ-за своихъ синихъ очковъ,—между тѣмъ какъ „монополистъ“ спѣшилъ къ ней, шаркая ножкой и протягивая ей еще издали свою украшенную алмазомъ руку, съ апломбомъ имѣвшимъ свидѣтельствовать о томъ что всю жизнь провелъ де человѣкъ въ свѣтѣ.

— Маринѣ Осиповнѣ мое высокопочитаніе! проговорилъ онъ, пожимая ея пальцы;—привычки своей не измѣняете: все попрежнему какъ роза цвѣтете...

— Ботанику даже въ галантерейность обратилъ-съ! хихикнулъ вдругъ господинъ въ синихъ очкахъ, не измѣняя положенія и продолжая не кланяться ей.

Марина подняла на него глаза...

— Не узнала? кивнувъ на него съ замѣтнымъ пренебреженіемъ, спросилъ Іосифъ Козьмичъ.

Она узнала его по голосу: это былъ ея бывшій пансіонскій учитель, *знаменитый* Левіаѳановъ...

— Евпсихій Дороѳеичъ! пробормотала она;—я, дѣйствительно... Въ васъ какая-то перемѣна?...

— Очки-съ, и какъ баранъ остриженъ, съ новымъ хихиканьемъ объяснилъ ей эту перемѣну Левіаѳановъ,—ближайшіе люди едва узнаютъ-съ...

— Что же это вамъ вздумалось? безучастно спросила она: ее гораздо болѣе занималъ вопросъ, для чего и какимъ образомъ попалъ онъ въ Алый Рогъ?

— На счетъ очковъ-съ, что вамъ сказать, отвѣчалъ онъ,— инструментъ хорошій-съ!... Ну-съ, а что касается до волосъ,

которые вы, какъ бывшая моя ученица, помните при ихъ естественной длинѣ, то я поставленъ былъ въ необходимость возложить оные на алтарь отечества...

Марина взглянула на него недоумѣвая.

— Другими словами, продолжалъ *иронизировать* господинъ Левіаѳановъ, выставляя при этомъ на свѣтъ Божій свои черные зубы во всей ихъ *естественной* прелести, — другими словами, я долженъ былъ пожертвовать волосами моими новѣйшимъ требованіямъ россійскаго просвѣщенія-съ...

Верманъ, очутившійся тѣмъ временемъ за спиною Левіаѳанова, насмѣшливо подмигнулъ Маринѣ, какъ бы приглашая ее ко вниманію.

— Все-таки не понимаю! громко сказала она.

— Еще-бы! воскликнулъ *знаменитый* учитель: — здоровый мозгъ даже рѣшительно отказывается понимать эти новѣйшіе *абсурды!*.. Тѣмъ не менѣе они берутъ верхъ-съ, и развитые люди, которымъ жрать все-таки требуется, принуждены по неволѣ подчиняться имъ... Замѣчаніе отъ попечителя при ревизіи получилъ-съ, ну-съ—и окарнался!... Полагаю, прибавилъ Левіаѳановъ,—вамъ не безызвѣстно что въ настоящую минуту въ богоспасаемомъ отечествѣ нашемъ задулъ самый рѣшительный нордъ-остъ-съ!

— Это что же по-вашему означаетъ? довольно грубо спросилъ господинъ Самойленко, пуская вверхъ тонкую струю дыма и не глядя на него.

— А тотъ самый вѣтеръ-съ это означаетъ что дуетъ изъ „страны гдѣ ловятъ соболей"...

Іосифъ Козьмичъ презрительно повелъ на него глазами... Но Верманъ не далъ ему слова промолвить.

— Нѣтъ, Іосифъ Козьмичъ, воскликнулъ онъ, расхохотавшись и закартавивъ уже совсѣмъ по-жидовски отъ избытка удовольствія,—это гхорошо, это удачно!.. Евпсихій Дорроѳеичъ, они большой мастерръ на эти оэтхрыя словечки.. Мнѣ это очень нхравится, потому очень это смѣшно!..

Марина устало опустилась въ кресло,—она тоскливо предвидѣла что не скоро придется ей отдѣлаться отъ этой почтенной компаніи.

А *знаменитый* учитель продолжалъ объяснять ей:

— Пансіонъ княгини, какъ вамъ извѣстно, не существуетъ еще съ прошлаго года....

— Очень ужъ много вы туда *прогрессу* напустили должно-быть, ввернулъ опять ему Іосифъ Козьмичъ.

— При непробудной спячкѣ общества и дикомъ обскурантизмѣ учебнаго начальства, отрѣзалъ на это Левіаѳановъ,—немыслимъ болѣе прогрессъ образованія въ Россіи!..

— И слава тѣ, Господи! безцеремонно отпустилъ, въ свою очередь, г. Самойленко.

Евпсихій Дороѳеичъ язвительно поджалъ губы, какъ бы готовясь разразиться всесокрушающимъ какимъ-то словомъ.... и ничего не сказалъ: онъ вспомнилъ во-время что ему не разчетъ враждовать съ Іосифомъ Козьмичемъ, и только плечомъ слегка повелъ.

Но „монополистъ" еще разъ горячо вступился за него:

— Ахъ, Боже мой, я даже не вѣрю моимъ ушамъ, чтобы такой умный человѣкъ какъ Іосифъ Козьмичъ могъ такую идею въ своей головѣ держать!.. Какъ же это можно безъ прогресса?.. Мы, Русскіе, должны имѣть прогрессъ, какъ вся Европа имѣетъ... И Евпсихій Дороѳеичъ про начальство свое вѣрно сказалъ, повѣрьте моему честному слову, уважаемый Іосифъ Козьмичъ, потому, за то единственно что у него самыя новыя убѣжденія *цывилизаціи*, онъ пострадалъ въ своей службѣ,—самую должность свою въ гимназіи потерялъ, вздохнулъ даже Верманъ, въ то же время двусмысленно подмигивая опять Маринѣ.

Она вопросительно взглянула на Левіаѳанова.

— Вѣрно-съ; вынужденъ былъ распроститься съ нашею губернскою *Чехіею*, хихикнулъ тотъ въ отвѣтъ.

Марина еще съ бо́льшимъ изумленіемъ открыла глаза.

— А до васъ еще не дошло названіе? Очень удачно придумано-съ оно извѣстнымъ однимъ въ Петербургѣ остроумцемъ: не гимназія, а *Чехія*-съ, Тверская Чехія, Тульская Чехія, Московская Вторая Чехія и такъ далѣе-съ; по преобладающему, то-есть, въ нихъ элементу—и соотвѣтственная кличка, злобно смѣялся Левіаѳановъ.

— Очень не нравятся Евпсихію Дороѳеевичу эти *братья-Славяне!* подбивалъ съ громкимъ смѣхомъ видимо потѣшавшійся „монополистъ".

— А чѣмъ они его обидѣли? спросилъ Іосифъ Козьмичъ, не почитая даже нужнымъ обратиться съ этимъ вопросомъ къ самому Левіаѳанову.

— Никогда они меня не обижали, подбирая задрожавшія

губы, возразилъ учитель,—потому, вопервыхъ-съ, на то отъ меня еще никому не дано дозволенія, а затѣмъ они и обиды-то нанести никому не въ состояніи... Потому это даже не люди-съ, а нѣчто въ родѣ преподавательныхъ машинъ, къ самостоятельному мышленію и критикѣ неспособныхъ-съ... Ты ему толкуешь о современной педагогіи, о реальныхъ требованіяхъ вѣка а онъ даже, пѣшка этакая; слова тебѣ не возразитъ, а только улыбается снисходительно, и тутъ же, по первому звонку-съ, пендеритъ въ классъ и добросовѣстнѣйшимъ образомъ душитъ своего Цицерона...

— Къ долгу своему, значитъ, усерденъ, вывелъ заключеніе Іосифъ Козьмичъ.

— Факирствуетъ даже во имя допотопнаго принципа сего-съ! пояснилъ съ своей стороны *знаменитый* учитель.

— Ну а мѣста-то вы изъ чего лишились?

Левіаѳановъ недружелюбно глянулъ изъ-подъ очковъ на надменнаго г. Самойленку, и тутъ же обернулся къ Маринѣ:

— Вы меня поймете-съ, заговорилъ онъ;—вопервыхъ, новый директоръ филологъ... и убѣжденный притомъ... то-есть, другими словами-съ, обскурантъ первѣйшаго нумера; вовторыхъ, носъ свой совать всюду пошелъ, на уроки ходить-съ... Контроль, словомъ, надо мною завелъ-съ. Намеки пошли, замѣчанія, и ехиднѣйшимъ, знаете, образомъ: у васъ, говоритъ мнѣ разъ, въ шестомъ классѣ двѣ трети учениковъ букву *ять* правильно ставить не умѣютъ; смѣю, говоритъ, думать что знать это было бы гораздо для нихъ полезнѣе, чѣмъ разсуждать *объ отрицательномъ элементѣ въ русскомъ народномъ эпосѣ*, это онъ-съ на одну изъ моихъ лучшихъ лекцій намекалъ... Я, знаете, даже отвѣтомъ не удостоилъ его... потому на такую пошлость и отвѣчать не стоитъ!.. Обскурантъ, какъ видите-съ, однимъ этимъ замѣчаніемъ весь себя выгравировалъ... Ну-съ и, разумѣется, это молчаливое мое презрѣніе къ нему паче злѣйшей брани засѣло въ его мелкой, классической душонкѣ. Сталъ онъ меня видимо преслѣдовать-съ, а я, знаете, молчать принужденъ, потому буаръ-манже, ничего съ этимъ не подѣлаешь!.. Только наконецъ такой случай вышелъ-съ: въ томъ же это шестомъ классѣ было,—долженъ я былъ имъ, знаете-съ, по программѣ, о духовномъ краснорѣчіи, о церковныхъ нашихъ якобы *ораторахъ* читать... Такъ по этому поводу-съ выразилъ я въ классѣ самую элементарную, будничную, такъ-сказать, въ наше время мысль: вѣра въ отвлеченное начало, го-

ворю, а тѣмъ болѣе всякій внѣшнимъ образомъ выражающійся культъ его не совмѣстны, говорю-съ, съ реально-научнымъ направленіемъ современнаго человѣчества... И, можете себѣ представить-съ, за эту невиннѣйшую мою фразу онъ мнѣ вдругъ въ педагогическомъ совѣтѣ формальный выговоръ-съ!.. Сдержался я и тутъ, молчу-съ,—жду, знаете,—не можетъ быть, думаю себѣ, чтобы никто изъ присутствующихъ за здравый смыслъ не вступился!.. Держи карманъ! позеленѣлъ даже отъ злости Левіаѳановъ,—сидитъ почтенное сословіе, духомъ низости обуянное-съ, глаза опустили... Хоть бы одинъ рѣшился!.. Молчатъ, какъ воды въ ротъ набрали!.. Ну-съ, тутъ я съ мѣста поднялся: я до сихъ поръ полагалъ, говорю, что прямая задача каждаго педагога-съ есть здоровое развитіе мозговъ ввѣряемаго ему юношества; если же, говорю, вамъ, требуется теперь забивать это юношество въ старыя колодки умственнаго крѣпостничества и идолопоклонства, то я такому преступному дѣлу не слуга-съ, и отрясаю прахъ моихъ сандалій... Плюнулъ, и вышелъ...

— Хражданство свое показали, настоящій сынъ отечества нашъ Евпсихій Дороѳеичъ! закартавилъ опять восхищенный Верманъ, Самуилъ Исааковичъ, и треснулъ одобрительно „сына отечества“ по плечу.

— А затѣмъ что́ же произошло? спросилъ практическій Іосифъ Козьмичъ:—сами вы подали въ отставку, или васъ *того?*..

Онъ досказалъ мысль свою движеніемъ руки...

— Сами, сами! отвѣчалъ за Левіаѳанова „монополистъ“,—плюнули какъ благородный человѣкъ — и вышли самъ!.. И такъ я удивился, скажу вамъ! Ѣду изъ Харькова—и тутъ на станціи встрѣчаю ихъ. Куда вы, говорю, отправляетесь? А они мнѣ это все разказали: и теперь, говорятъ, ѣду въ Петербургъ, въ военную гимназію желаю поступить, потому тамъ, говорятъ они, начальство настоящее, либеральное... И это совсѣмъ правда, я слышалъ въ Петербургѣ: самая настоящая либеральная цывилизація теперь въ военномъ вѣдомствѣ... Только у меня сейчасъ эта мысль въ голову—что вашъ графъ тутъ большое заведеніе начинаетъ, и я подумалъ что такой ученый какъ Евпсихій Дороѳеичъ можетъ у него самое лучшее мѣсто получить, съ большимъ жалованьемъ... Іосифъ Козьмичъ, говорю имъ, самъ первый сортъ человѣкъ и мнѣ самый лучшій другъ. Онъ можетъ вамъ, говорю, очень помогать...

— А я вамъ на это вотъ что̀ долженъ сказать, прервалъ его главноуправляющій:—помощь моя въ этомъ дѣлѣ не при чемъ, ибо я вовсе до него не касаюсь, и планы графа насчетъ его этой школы мнѣ даже вовсе незнакомы. Вы переговорите вотъ съ ней, небрежно обращаясь къ Левіаѳанову, кивнулъ на Марину Іосифъ Козьмичъ,—ей по этой части болѣе извѣстно. А мы съ вами, Самуилъ Исааковичъ, пройдемъ ко мнѣ...

— Пойдемте, пойдемте, почтеннѣйшій другъ! заспѣшилъ Вермачъ.

Марина и бывшій ея наставникъ остались одни.

— Что̀ же вы мнѣ скажете „по этой части-съ?" иронически повторяя слова Іосифа Козьмича, спросилъ дѣвушку Левіаѳановъ, взялъ стулъ и сѣлъ прямо насупротивъ ея, и такъ близко что колѣни его чуть не касались ея платья...

Она отодвинулась съ кресломъ своимъ назадъ.

— Право не знаю что̀ вамъ сказать, отвѣчала она,—кромѣ того что̀ и вамъ, кажется, такъ же хорошо извѣстно какъ и мнѣ... Графъ устраиваетъ институтъ въ которомъ будутъ воспитываться народные учителя...

Ей почуялось что онъ ее не слушаетъ: онъ глядѣлъ не отрываясь на нее; за его темными очками она не видѣла его глазъ, но на губахъ его складывалась какая-то скверная, влажная улыбка, которая ей была очень противна.

— Организмъ вашъ замѣчательно развился съ тѣхъ поръ какъ я не видалъ васъ, выговорилъ, дѣйствительно, Левіаѳановъ вслѣдъ за этою скверною улыбкой.

Марина окинула его холоднымъ взглядомъ съ ногъ до головы.

— Я полагаю что вы пріѣхали сюда не для того чтобы заниматься моею особой! рѣзко и коротко промолвила она.

Онъ передернулъ плечами, всталъ—и заходилъ по комнатѣ.

— А въ память того что я нѣкогда имѣлъ честь быть вашимъ преподавателемъ, видимо подавляя свою желчь, молвилъ онъ,—вы не откажете мнѣ въ отвѣтѣ-съ на нѣкоторые... необходимые для меня вопросы?

— Спрашивайте! На что̀ могу, на то отвѣчу.

— Что̀ за человѣкъ такой этотъ вашъ графъ?

Она предвидѣла что онъ это непремѣнно ее спроситъ, и отвѣчала безъ замѣшательства:

— Очень хорошій человѣкъ.

— Ну это само собою-съ! хихикнулъ тутъ же Левіаѳановъ,— всѣ эти тупицы идеальныя прекрасные люди!

Этого не предвидѣла Марина—и вся кровь кинулась ей въ голову... Съ какимъ наслажденіемъ швырнула бы она въ эту минуту въ голову *наглеца* тяжелый бронзовый колокольчикъ стоявшій тутъ, на столѣ, въ ближайшемъ разстояніи отъ ея руки. Но она сдержалась въ свою очередь.

— А чѣмъ онъ вамъ доказалъ что онъ „тупица идеальная"? уронила она сквозь сжавшіяся губы.

— Какъ чѣмъ доказалъ? продолжалъ хихикать Левіаѳановъ;— да этимъ самымъ институтомъ своимъ-съ!.. Какой же реалистъ, человѣкъ съ мозгами, станетъ жертвовать своимъ капиталомъ— вѣдь онъ-съ, говорятъ, триста тысячъ ухаетъ на это дѣло!—на дѣло въ которомъ онъ ни бельмеса не смыслитъ!..

— Вы почемъ знаете что не смыслитъ? вскрикнула Марина,— онъ въ Америкѣ спеціально изучалъ народныя школы!..

Слово „Америка" въ первую минуту какъ бы озадачило *знаменитаго* Евпсихія Дороѳеича: „На кой чортъ этакимъ аристократамъ пустѣйшимъ въ Америку ѣздить?" пронеслось у него въ головѣ.

— Америка-съ въ этомъ вопросѣ не указъ! возразилъ онъ громко,—тамъ-съ давно *люди,* граждане свободные... А у насъ прежде всего надобно знать-съ... ту дурацкую штуку надобно знать-съ что̀ зовутъ *русскимъ народомъ!*

— А вы его знаете, народъ?

Руку Марины такъ и тянуло къ колокольчику...

— Я по крайней мѣрѣ знаю то-съ... *куда* его вести слѣдуетъ! прошипѣлъ Левіаѳановъ, и безобразною, судорожною складкой скривились его уста...

Онъ обернулся на Марину—и почуялъ на этотъ разъ что несочувственъ былъ онъ ей со всѣхъ сторонъ, и что далеко стояла теперь отъ него эта бывшая его ученица-воструха, когда-то, такъ бойко и рабски ему вторя, разсуждавшая „о политико-соціальномъ значеніи типа Катерины въ *Грозѣ*"....

„Влялался маленько", сознался онъ внутренно. И тутъ же въ цѣломудренномъ воображеніи объяснилъ себѣ откуда могла произойти въ ней эта перемѣна: „аристократъ, разсудилъ онъ, *клубничникъ*, пріударяетъ за нею всеконечно, а ей, дурѣ, лестно!..."

— Нѣтъ спора, заговорилъ онъ вслухъ, довольно ловко заворачивая оглобли,—что люди способные на такія, прямо надо

сказать, безкорыстныя жертвы-съ, во всякомъ случаѣ люди почтенные, всякое поощреніе себѣ заслуживающіе.... Но все же-съ, стою на томъ, вѣдь это люди не реальные-съ!... Отсюда вижу-съ: витаетъ почтенный человѣкъ въ воздусяхъ, все человѣчество на перси себѣ принять готовъ-съ, любовь эдакая всеобъемлющая, анъ гранъ... Типъ сороковыхъ годовъ, извѣстно. Эстетикъ-съ!...

— А вамъ какихъ еще нужно? съ вызывающею улыбкой спросила Марина.

— И такіе нужны-съ, и такіе! засмѣялся Левіаѳановъ.—Только за этими, за благодѣтелями-то, изволите видѣть-съ, должны стоять настоящіе, реальные люди.... которые все вести должны-съ.... И это даже гораздо удобнѣе.... и безопаснѣе, потому эти эстетики, аристократы эти-съ, они тамъ, наверху, довѣріе внушаютъ.... и за ними человѣку, что̀ говорится, какъ у Христа за пазушкой. Теперь не мало такихъ примѣровъ на Руси: аристократъ, знаете, благонамѣренный, вывѣскою, размалеваннымъ этимъ орломъ, что̀ пучитъ грудь на воротахъ-съ.... ну-съ, а тамъ, внутри зданія, реалисты настоящее дѣло дѣлаютъ-съ! уже захлебывался и облизывался Левіаѳановъ, рисуя предъ Мариной эту соблазнительную для него картину.

— А кто же лучше по-вашему, гнѣвно задрожалъ голосъ дѣвушки,—эти ли честные люди на воротахъ, или тѣ которые ихъ „тамъ, внутри", обманываютъ?

— Да кто же вамъ говоритъ про обманъ! словно даже и обидѣлся тотъ;—никакого обмана тутъ нѣтъ-съ, потому что естественнымъ теченіемъ, непобѣдимою силою вещей, эстетикъ-съ всегда, въ каждомъ данномъ случаѣ долженъ подчиниться реалисту, ибо самая великодушная фантазія безсильна предъ фактомъ-съ. А съ фактомъ эстетикъ справиться не въ состояніи-съ, и съ перваго же разу мизернѣйшимъ образо̀мъ пасуетъ предъ нимъ-съ, потому что онъ, извѣстно, орелъ-съ, свысока, анъ гранъ!... А реалистъ—кротъ, руки себѣ марать не боится, всякіе входы и выходы знаетъ-съ, терпѣніемъ, голодомъ да холодомъ ловитъ и вскормленъ, такъ-сказать.... Такъ какъ же ему не осѣдлать почтеннаго верхогляда-съ, воздыхающаго о пользѣ народа на тысячномъ матрацѣ и не разумѣющаго даже того въ чемъ именно эта польза народа состоитъ-съ! Вѣдь вы подумайте только о томъ: вѣдь благодѣтель этотъ съ мужикомъ и говорить-то не умѣетъ-съ, вѣдь, какъ онъ тамъ себѣ ни распинайся и ни гуманничай, вѣдь онъ крестьянско-

му-то своему воспитаннику во вѣки вѣковъ чуждъ останется, и будетъ въ немъ видѣть этотъ сынъ народа все то же *начальство*-съ, которое онъ съ пеленъ пріученъ ненавидѣть!...

— Неправда, пылко заступилась Марина,—онъ этого мальчика, воспитанника своего, любить будетъ, а любовь.... это всякій чувствуетъ!...

— Любовь! захихикалъ опять Левіаѳановъ,—любовь во Христѣ понимается?... Ну-съ, эта штука стара, ее бросить пора! На нее босому сапоговъ не сошьешь-съ!... На этой-то штукѣ-съ всѣ они и проваливаются, благодѣтели-то!... Какая тутъ христіанская любовь-съ, когда весь общественный порядокъ ни чертà не стóитъ, и....

— И вы бы хотѣли мальчикамъ разрушеніе его проповѣдывать! не сдерживаясь болѣе, не дала ему кончить Марина.

„Эге, да какъ она прямо хватаетъ!“ подумалъ нѣсколько озадаченный „сынъ отечества“.

— Я вижу, барышня, сказалъ онъ громко,—что вы не даромъ изволите проводить ваше время въ обществѣ сіятельныхъ лицъ, слишкомъ вы консервативны стали-съ.... Только къ чему вы эти жалкія слова говорите: „разрушеніе“ и прочее? Какое тутъ *разрушеніе*? Коли вещь цѣла и здорова, такъ она отъ слова прахомъ не разсыплется.... Ну, а если прогнила она вся насквозь, вѣдь вы ее отъ самогибели ничѣмъ не спасете-съ! Я полагаю что вашъ графъ, какъ умный человѣкъ, самъ за гниль стоять не станетъ-съ....

— Я все это слышала, знаю! еще разъ прервала его дѣвушка. Глаза ея горѣли какъ въ лихорадкѣ; она едва совладѣвала съ нервною дрожью, пронимавшею всѣ ея члены.

— Я знаю, я сама испытала.... все чему вы насъ учили тамъ, въ пансіонѣ... и они, эти,—Марина кивнула на столъ съ журналами,—*это* гниль.... и смерть.... да, гниль и смерть!... Я неумѣлая, ничего не знаю, ни за чтò приняться не умѣю,—такъ хорошо воспитали меня! Но я чувствую, всѣмъ существомъ моимъ чувствую, что не *этому* слѣдуетъ учить народъ.... что *вы* не учители его, а *презиратели!*... Они, эти „эстетики“, надъ которыми вы смѣетесь.... такіе люди какъ графъ,—они тысячу разъ ближе къ бѣдному народу.... онъ ихъ всегда въ тысячу разъ будетъ болѣе уважать, любить, чѣмъ васъ, *злюковъ*, ненавистниковъ!...

Левіаѳановъ опѣшилъ.... Этотъ горячій, прерывающійся

голосъ, эти сверкающіе глаза, негодующія яркія губы—ему еще и не случалось натыкаться на что-либо столь искреннее, сильное и красивое. Но, главное, онъ понималъ что она, эта красавица, гораздо глубже проникала въ *суть вещей* чѣмъ онъ это могъ предполагать, и что это подымалось теперь серіозною преградой къ достиженію имъ тѣхъ *политическихъ* и матеріальныхъ цѣлей для которыхъ онъ, по иниціативѣ Вермана, пріѣхалъ въ Алый Рогъ.

— Многоуважаемая эксъ-ученица моя, началъ онъ послѣ довольно продолжительнаго размышленія, стараясь придать теперь какъ можно болѣе игривости своимъ словамъ,—я никакъ не думалъ чтобы мы съ вами когда-нибудь встрѣтились врагами на пути жизни.... А еще менѣе, чтобы вы рѣчамъ моимъ могли придавать *неблагонамѣренное* значеніе-съ. Такія бесѣды-съ какъ сейчасъ наша съ вами повторяются теперь ежедневно во всѣхъ пунктахъ пространнаго нашего отечества. Это еще Тургеневымъ въ *Дымѣ* замѣчено-съ очень вѣрно: сойдутся вмѣстѣ два русскихъ человѣка, и тотчасъ же начнутъ о *судьбахъ Россіи*.... И высказываются большею частію при этомъ мнѣнія.... самыя крайнія-съ, нелѣпыя иногда.... Однако это нормальному теченію жизни нисколько не мѣшаетъ-съ, и отъ этихъ разговоровъ никакого *разрушенія*, ниже бунта не происходитъ-съ.... Такъ и теперь между нами.... Все что вы мнѣ выразили о графѣ,—а я не могу не принять въ серіозъ убѣжденія такой умной личности какъ вы,—доказываетъ мнѣ то что онъ человѣкъ съ мозгами.... И я увѣренъ что еслибы мы теперь разсуждали съ нимъ, отправляясь отъ понятій самыхъ противоположныхъ, мы бы непремѣнно сошлись и подали другъ другу руку на одной, равно намъ дорогой идеѣ—на желаніи общей пользы!...

— Никогда, никогда бы не сошлись! закачала головой Марина.

— Позвольте, однако!... перебилъ ее Левіаѳановъ,—и пріостановился.—Вѣдь я васъ настолько знаю.... и уважаю, заговорилъ онъ опять, какъ-то насильственно и тревожно усмѣхаясь,—что увѣренъ.... вы на доносъ и наушничество не способны....

— Какое наушничество? открыла она большіе глаза.

— Вы не стали бы предостерегать графа.... что вотъ это *опасный*, молъ, человѣкъ.... агитаторъ что ли?...

— Нѣтъ, нѣтъ! поняла Марина и презрительно усмѣхнулась

въ свою очередь,—ничего бы я его не предостерегала.... потому что онъ самъ...

Она не договорила. Левіаѳановъ съ ненавистью покосился на нее.

— Вы большое вліяніе на него имѣете-съ? пропустилъ онъ поджимая свои длинныя губы.

Она глянула на него во всѣ зрачки.

— На такого человѣка вліянія я имѣть не могу,—но уважаетъ онъ меня, въ этомъ я убѣждена....

Онъ не выдержалъ этого взгляда, и пробормотавъ: „я увѣренъ-съ, увѣренъ", пошелъ опять ходить по комнатѣ.

Настало молчаніе. Левіаѳановъ стоялъ у открытаго окна гостиной и глядѣлъ въ садъ.

— Графъ сѣдой? спросилъ онъ.—И голову нѣсколько внизъ держитъ?...

— Д-да....

— Такъ это онъ!... И съ нимъ дама!... Вѣдь онъ не женатъ?

— Н-нѣтъ....

— Такъ позвольте полюбопытствовать: кто же это съ нимъ? обернулся къ Маринѣ Евпсихій Дороѳеичъ.

— Одна его родственница,—княгиня Солнцева.

— Родственница! протянулъ за нею Левіаѳановъ, принимаясь опять глядѣть въ окно.—Ловко одѣта, шельма! выразилъ онъ свое одобреніе, и примолвилъ:—собаку на этомъ съѣли, аристократки эти!

Покачиваясь, какъ бы въ раздумьи, съ одной ноги на другую, онъ постоялъ, постоялъ у окна, и вдругъ разомъ повернулъ къ Маринѣ.

— Можете ли вы мнѣ дать одно ваше честное слово?

— Не дамъ, съ нѣкоторымъ удивленіемъ отвѣчала она,—пока не узнаю въ чемъ оно должно состоять.

— Не выражать графу вашего мнѣнія обо мнѣ, ни за, ни противъ?

— Я вамъ сказала: ему не нужно моего мнѣнія.

— Ну, и прекрасно! Такъ я пойду-съ....

— Куда? невольно спросила Марина.

— Отрекомендуюсь ему....

И Левіаѳановъ исчезъ за дверями открывавшимися изъ гостиной Іосифа Козьмича прямо въ садъ.

— И вотъ кто насъ воспитываетъ! прошептала Марина, въ какомъ-то изнеможеніи опуская голову на грудь.

Между тѣмъ, въ наступившей теперь тишинѣ, до нея довольно явственно стали доноситься изъ-за неплотно притворенной двери кабинета Іосифа Козьмича голоса хозяина и Вермана. Увлеченные интересомъ своей бесѣды, они говорили уже совершенно громко, очевидно не помышляя о томъ что разговоръ этотъ могъ дойти до постороннихъ ушей...

— Еслибы вы всѣмъ количествомъ, и въ сроки, лѣтъ на шесть! говорилъ „монополистъ".

— Ловокъ ты, братъ Самуилъ Исааковичъ! басилъ смѣясь Іосифъ Козьмичъ:—по сорока рублей десятину чтобъ я тебѣ лучшій мой, береженый, лѣсъ отдалъ, когда, какъ только дана будетъ концессія на линію, такъ я за всю дачу кругомъ по сту рублей возьму....

— Не пойдетъ сюда ни за что линія! перебилъ Верманъ;—я отъ самаго вѣрнаго человѣка въ Петербургѣ знаю: желѣзная дорога на Трущобскъ пойдетъ...

— На Трущобскъ! передразнилъ его г. Самойленко;—въ самомъ дѣлѣ?—Ну, а если я тебѣ сейчасъ письмо принесу къ графу отъ самого управляющаго министерствомъ, что наша линія уже Высочайше утверждена?...

Послѣдовало молчаніе: Верманъ очевидно былъ сбитъ съ позиціи.

— Такъ это-жь еще когда концессія, многоуважаемый, заговорилъ онъ опять,—а вы говорите, графу сейчасъ деньги нужны?

— Такъ и не по сту же рублей прошу у тебя, а половину....

— Шестьдесятъ рублей сказали?...

— Ну, конечно, съ моими коммиссіонными—и всѣ шестьдесятъ выйдутъ... Такъ вѣдь какой же клинъ продаю тебѣ: Сотникову пустошь!...

— Коммиссіонерскій процентъ гдѣ угодно—два, а не двадцать, многоуважаемый! тономъ шутливаго упрека сказалъ на это Верманъ.

— А мнѣ наплевать на ваше „гдѣ угодно"! грубо возразилъ „потомокъ гетмановъ";—какъ сказалъ, такъ и живетъ!...

— Дорого, почтенный другъ! послышался вздохъ „монополиста".

— А дорого, такъ я съ клинцовскихъ старовѣровъ по семидесяти пяти возьму! Самъ знаешь, не вру... Только не хочется мараться съ ними!...

Верманъ опять отвѣчалъ не сейчасъ:

— Ну, извольте, Іосифъ Козьмичъ,—мы, какъ образованные

люди и старые друзья, не будемъ торговаться!... Извольте,— беру все количество, двадцать тысячъ десятинъ, по той же цѣнѣ, платежъ по срокамъ, въ пять лѣтъ!...

— Сказалъ—нѣтъ! отрѣзалъ тотъ, и голосъ его такъ и зазвучалъ чувствомъ глубокаго уваженія къ собственному своему благородству:—интересовъ моего довѣрителя я не продаю!... Ему требуется триста тысячъ: я сбываю тебѣ изъ дачи шесть тысячъ десятинъ по пятидесяти рублей кругомъ, вношу ему полную сумму, беру свои коммиссіонныя—и баста!.. Ни березки лишней не позволю вырубить!... Захочетъ графъ черезъ два года остальное по сту рублей продать,—покупщика ему найду...

— Сами купите! хохоталъ уже Верманъ,—и затѣмъ раздалось громкое чмоканье:—это повершали друзья свою сдѣлку лобызаньемъ...

— И на что вамъ столько денегъ, многоуважаемый? продолжалъ заливаться „монополистъ“ на самыхъ высокихъ нотахъ своего голоса.

— А ты забылъ что у меня дочь невѣста? весело отвѣчалъ на это Іосифъ Козьмичъ;—на приданое ей нужно!..

Словно волною грязи обдало Марину... Она вскочила съ мѣста, не помня себя, кинулась къ двери кабинета...

— Не нужно мнѣ вашихъ краденыхъ денегъ! крикнула она, и, хлопнувъ за собою этою дверью такъ что зазвенѣли всѣ окна гостиной, пробѣжала въ свою комнату,—и заперлась въ ней двойнымъ замкомъ.

XV.

Левіаѳановъ, застегнувъ пальто на всѣ пуговицы, подвязавъ распустившійся галстукъ и отряхивая пыль съ рукавовъ своихъ, направлялся по саду искать графа.

— Ишь ты великолѣпіе какое! воскликнулъ онъ про себя, очутившись въ главной широкой аллеѣ, въ глубинѣ которой подымался легкій, изящный, Растреллієвскаго стиля фасадъ Алорожскаго дворца;—поселиться бы тутъ, кажется... и умирать не надо!...

Графъ и княгиня Солнцева выходили въ это время изъ боковой аллеи.

Левіаѳановъ пріостановился, далъ имъ подойти и, не спѣша, съ приличною учтивостью, снялъ предъ ними шляпу.

— Извините меня за нескромность, обратился онъ къ Завалевскому;—заѣхавъ сюда случайно съ однимъ моимъ знакомымъ, имѣющимъ дѣло до вашего главноуправляющаго,—я самовольно дерзнулъ выйти на прогулку въ вашъ прекрасный садъ...

— Ахъ, сдѣлайте милость! поспѣшилъ отвѣчать Завалевскій,—на то и сдѣланъ садъ чтобы въ немъ гуляли... И это удовольствіе не часто ему достается, къ сожалѣнію, шутливо примолвилъ онъ—и слегка двинувшись впередъ, взглянулъ на Левіаѳанова, какъ бы приглашая его этимъ взглядомъ продолжать прогулку вмѣстѣ...

Учитель еще разъ приподнялъ шляпу и повелъ глазами на княгиню... Она, въ свою очередь, поощрительно улыбнулась...

Левіаѳановъ и не подозрѣвалъ какъ благопріятна была для него эта избранная имъ для „отрекомендованія себя" минута... Послѣ приведеннаго нами разговора въ кабинетѣ, Дина и Завалевскій вышли вмѣстѣ въ садъ, машинально,—она потому что ей нечего было уже дѣлать, нечего сказать въ томъ кабинетѣ; онъ по простому долгу хозяина, чтобы не оставить ее одну... И уже цѣлый часъ ходили они теперь подъ тѣнью аллей, отъ времени до времени обмѣниваясь вопросами и замѣчаніями, на которыя не требовалось отвѣта, тщательно избѣгая взгляда и слова, которые могли бы выдать то что̀ думалось каждымъ изъ нихъ—и чуть не проклиная другъ друга за это взаимное стѣсненіе, за этотъ свой невыносимый, безсмысленный tête à tête... Третье, новое, незнакомое лицо—это былъ для обоихъ ихъ нежданный и вожделѣнный избавитель!...

— Какое это мѣсто прекрасное для вашего будущаго заведенія! началъ прямо избавитель, шагая рядомъ съ графомъ.

— А вы уже слышали про мои затѣи? ласково спросилъ тотъ.

— Какъ не слыхать-съ!... И какъ Русскій—и притомъ самъ вышедшій изъ народа человѣкъ, и педагогъ къ тому жь,—обрадовался имъ несказанно!... Мѣсто, главное, отлично выбрано... вдали отъ тлетворнаго вліянія городовъ... дающее возможность полнаго сосредоточенія, ближайшаго руководства... Да-съ, даже вздохнулъ Левіаѳановъ,—здѣсь дѣйствительно можетъ по рецепту нашихъ вѣчныхъ учителей, древнихъ, воспитаться mens sana in corpore sano *.

— А вы были педагогомъ? спросилъ графъ.

* Здравый умъ въ здравомъ тѣлѣ.

— Нѣсколько лѣтъ преподавалъ въ здѣшней губернской гимназіи.. и бросилъ!...

— Бросили?

— Да-съ; грудь у меня слабая, чахоткой врачи пугали.... Впрочемъ, примолвилъ онъ, стараясь улыбнуться какъ можно добродушнѣе,—самого-то меня пугала не физическая, а такъ-сказать, *духовная* смерть...

— Что же такъ? участливо обернулся на него Завалевскій.

— Да изволите видѣть-съ, заговорилъ опять Левіаѳановъ, придавая тону своихъ словъ оттѣнокъ наивности и добродушія,—у насъ въ Россіи, Богъ уже знаетъ какъ это дѣлается, но какое бы занятіе ни выпало на долю человѣку, будь онъ ученый или сапожникъ,—онъ непремѣнно, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, обращается въ чиновника... Ну-съ, такъ вотъ мнѣ сапожникомъ подолѣе хотѣлось оставаться!... Я и удалился.

Графъ и Дина засмѣялись оба: очень не глупымъ человѣкомъ показался имъ обоимъ этотъ невѣдомый господинъ.

— И вы *навсегда* отказались отъ учебной дѣятельности? какъ бы удивился Завалевскій.

„Клюетъ! самодовольно сказалъ себѣ Левіаѳановъ; — страхъ не любитъ чиновниковъ все это аристократство, я зналъ!...“

— Ничего про себя не могу сказать въ эту минуту, отвѣчалъ онъ громко,—потому я весь еще подъ впечатлѣніемъ счастливаго для меня помышленія что я изъ казенной колеи выбился...

— И что же вы думаете дѣлать? спросила его въ свою очередь Дина.

— Я-съ... въ Одессу пробираюсь.... оттуда хотѣлось бы моремъ—ко Святымъ Мѣстамъ... На Востокъ вообще! поспѣшилъ онъ примолвить, поймавъ на лету быстрый, проницательный взглядъ кинутый ему княгинею... „Не ханжа!“ принялъ онъ тотчасъ же къ свѣдѣнію.

— Отчего же именно на Востокъ? улыбалась она между тѣмъ.

— Какъ это вамъ сказать-съ! началъ педагогъ ощупью, ловя попеременно на лицѣ графа и Дины впечатлѣніе какое производили его слова;—я выраженіе *Востокъ* понимаю очень широко... хотѣлось бы познакомиться съ единовѣрными... а главное, съ единокровными намъ племенами... къ славянству поближе присмотрѣться...

— Для педагогическихъ цѣлей? продолжала усмѣхаться княгиня.

— Ну, конечно! поддакнулъ онъ и разсмѣялся ей подстать;— тамъ, разумѣется, учиться нечему, но...

— Едва ли такъ! сказалъ неожиданно для него графъ;—у Чеховъ, напримѣръ, мы многому, пожалуй, могли бы научиться.

— Съ придурью этой московскою, значитъ, баринъ! тотчасъ же рѣшилъ про себя Левіаѳановъ;—дда-съ, съ важностью возгласилъ онъ громко,—серіозное образованіе-съ.... Это уже никакъ отнять у нихъ нельзя-съ!... И затѣмъ,—что̀ для нашего брата, Россіянина, особенно поучительно,—цивилизація, такъ-сказать, сплошная-съ; не съ верху, а отъ корня идетъ-съ,—о чемъ хлопочутъ такъ наши почтенные славянофилы.... которые, конечно,— онъ жалостливою гримасой объяснилъ княгинѣ невысокое мнѣніе свое о славянофилахъ,—и немедленно затѣмъ обернувшись къ Завалевскому:—но Хомяковъ, напримѣръ, сказалъ онъ.... и пріостановился на мигъ:—„а чортъ ихъ молъ впрочемъ знаетъ, не почитается ли у нихъ Хомяковъ *краснымъ!*"—нельзя игнорировать-съ такую капитальную все-таки штуку какъ Хомяковъ! договорилъ онъ наконецъ.

— „Сплошная цивилизація"! повторилъ тѣмъ временемъ слова его графъ; — это вами вѣрно замѣчено.... Проваловъ нѣтъ между общественными слоями, — слѣдовательно розни мѣста нѣтъ, коллективность политическихъ, соціальныхъ интересовъ.

— А у насъ, подхватывая на лету его мысль и начиная развивать ее по-своему, залопоталъ Левіаѳановъ,—у насъ явленіе противоположнаго свойства. У насъ внизу безграмотная, темная масса, сверху искусственная, такъ-сказать, интеллигенція.

— Умственный пролетаріатъ! проронила княгиня.

— Именно такъ-съ, именно! Умственный пролетаріатъ... Элементъ опасный! примолвилъ онъ съ рѣшительностью, съ слишкомъ большою рѣшительностью!

Дина закусила слегка свою нижнюю губу, повела на него избока взглядомъ и спросила только:

— Вы находите?

Онъ тревожно взглянулъ на нее,—чѣмъ-то подозрительнымъ отдался въ его ухѣ этотъ простой, короткій вопросъ.

— Бьетъ-съ въ глаза! какъ бы очень сожалѣя объ этомъ, умильно взглянулъ онъ на нее; — у насъ *среднихъ* людей вовсе нѣтъ, обратился онъ къ графу,—и вслѣдствіе сего страшнѣйшій *провалъ*, какъ вы отлично изволили выразиться, между стихійною народною массой и высшеобразованными людьми, которые, въ свою очередь, вслѣдствіе избытка предложенія и

бѣдности спроса, не находятъ соотвѣтствующихъ своему образованію занятій-съ.

— А вы находите что у насъ слишкомъ много образованныхъ людей? прервалъ его вдругъ чей-то, раздавшійся за ними, рѣзкій по звуку и по выраженію голосъ.

Всѣ обернулись.

— Это пріятели мой, князь Пужбольскій, не могъ не засмѣяться графъ, и вопросительно вмѣстѣ съ тѣмъ взглянулъ на „педагога": а тебя же молъ какъ назвать?

— Левіаѳановъ, Евпсихій Дороѳеичъ, представился тотъ; — имя не совсѣмъ обычное, началъ было онъ съ нѣсколько кислою усмѣшкой....

— Вотъ вы сейчасъ про *проваль* говорили, не далъ ему досказать Пужбольскій, обращаясь къ нему словно они вѣкъ были знакомы и сто разъ уже спорили объ этомъ предметѣ,—а чѣмъ вы, позвольте васъ спросить.... comment le comblerez vous.... какъ вы его *закидать* будете, этотъ оврагъ?

— Да вотъ-съ уже одно изъ ближайшихъ къ тому средствъ,— образовательное заведеніе какое предполагаетъ графъ, отвѣчалъ учитель, спрашивая себя въ то же время: это еще что̀ за новое чучело?

— Въ самомъ дѣлѣ! завизжалъ пламенный и раздраженный въ эту минуту противъ всего свѣта князь; — а вотъ въ его мысли—онъ кивнулъ на Завалевскаго—его заведеніе должно готовить энтузіастовъ, борцовъ за *русскую* правду, за *русскій* идеалъ.... И если это должно осуществиться, знаете ли противъ кого идти, кто Юліаны Отступники, съ кѣмъ придется воевать на смерть этимъ его будущимъ борцамъ?... Это вотъ тотъ самый „избытокъ" soi-disant образованныхъ у насъ людей.

Княгиня Солнцева какимъ-то мимолетнымъ ироническимъ взглядомъ покосилась на Пужбольскаго.

— Вы совершенно правы, замѣтилъ ему, подлаживаясь подъ этотъ взглядъ, Левіаѳановъ, — если мы подъ „образованными нашими людьми" будемъ разумѣть исключительно какихъ-то отъявленныхъ Базаровыхъ.

— Отъявленныхъ! повторилъ князь; — mais je vous demande mille pardons, почтеннѣйшій Левіаѳанъ Дороѳеичъ! немилосердно коверкалъ онъ въ пылу негодованія.... Наши Базаровы давно перестали лягушекъ рѣзать, и на половину сидятъ теперь въ звѣздахъ и толстыхъ эполетахъ.... Такъ какіе же у насъ „отъявленные", — у насъ теперь одни *благонамѣренные* Базаровы

остались, mon très cher Дороѳей Левіаѳановичъ!... И вы себѣ представьте теперь какъ легко независимому мнѣнію выступать съ ними въ бой, на публичную арену!... Съ одной стороны Базаровъ въ звѣздахъ, который, если ты посмѣешь сомнѣваться въ его благонадежности, потребуетъ чтобы тебѣ административнымъ порядкомъ глотку зажимали; съ другой—вся орда Базаровыхъ безъ звѣздъ, которая во всѣ водосточныя трубы свои начинаетъ *поливать гражданскія слезы* и во всѣ свои вороньи горла каркать что ты мерзостнѣйшій „*обскурантъ, врагъ реформъ*, газета *Вѣсть*", доносщикъ и шпіонъ,—excusez du peu!... А судьею надъ тобой сидитъ Полишинель qu'on nomme le „русское общественное мнѣніе", и чешетъ себѣ въ затылкѣ: ишь ты, говоритъ, я было думалъ того.... что оно ничего, хорошо даже, а по либеральному-то выходитъ что это *доносъ*.... Ну, такъ *распинай!*...

Пужбольскій на этомъ словѣ поперхнулся, и раскашлялся на весь садъ. Завалевскій разсмѣялся. Княгиня усмѣхалась прежнею, загадочною своею улыбкой. Левіаѳанову начинало какъ-то казаться что относительно чаемаго имъ успѣха *бабушка еще на двое сказала*, что онъ до сихъ поръ даже не видѣлъ ясно за чтò можно было бы ему крѣпко уцѣпиться.

Онъ пустилъ на ва-банкъ:

— Я это главнымъ образомъ отношу-съ, сказалъ онъ, — къ тому прискорбному обстоятельству, что, при совершившемся у насъ общемъ переустройствѣ, высшее, независимое сословіе лишилось, вмѣстѣ съ главенствомъ своимъ и прямымъ вліяніемъ на народныя массы, и подобающаго ему значенія въ государственныхъ сферахъ.

— А-а! протянула вдругъ княгиня,—вы за аристократическій принципъ?...

Левіаѳанова даже передернуло.

— Да чтò же съ этимъ прикажете дѣлать, поворотилъ онъ на шутливый тонъ, — когда фактъ таковъ, что овцы видимо безъ пастырей остались!

— И имъ вотчинная полиція нужна? огорошилъ его вопросомъ Пужбольскій.

— Да.... хоть бы такъ?...

— А пастырямъ право розогъ?

Левіаѳановъ усиленно захихикалъ:

— Чтò же-съ.... въ Англіи сѣкутъ вѣдь....

— И больно! подтвердилъ князь.—А вамъ англійское государственное устройство и исторія его извѣстны?

— Ну, конечно!...

— Вы въ Англіи бывали?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ...

— Гнейста читали?

— Имѣлъ въ рукахъ, не смѣлъ окончательно солгать Левіаѳановъ, который, разумѣется, какъ *передовой* россійскій мыслитель, и понятія не имѣлъ о подобныхъ книгахъ. — Да что̀ онъ, въ самомъ дѣлѣ, экзаменовать меня хочетъ, этотъ козелъ рыжій? злобно спрашивалъ онъ себя между тѣмъ.

— А какъ вы думаете, допекалъ его между тѣмъ Пужбольскій, которому нужно было сорвать на комъ-нибудь сердце за неудачу свою у Марины, — еслибы высшее наше сословіе, въ томъ или другомъ видѣ, получило дѣйствительно „главенство и вліяніе на народныя массы", какъ вы изволите выражаться, мы такъ бы вотъ всѣ тотчасъ и обратились въ country gentlemen'овъ?... Вы вотъ первый, напримѣръ, какъ помѣщикъ....

— Я не помѣщикъ-съ, я скромный педагогъ, прервалъ его тотъ—и осклабился.

— Пе-да-гогъ! повторилъ озадаченный князь, который до этой минуты искреннѣйше убѣжденъ былъ что собесѣдникъ его какой-то *уѣздный ретроградъ*, сосѣдъ Завалевскаго....

— Или даже вѣрнѣе того-съ, эксъ-педагогъ! счелъ нужнымъ, на свою бѣду, ближе объяснить Левіаѳановъ.

— Безъ мѣста! тотчасъ же и перевелъ себѣ это Пужбольскій, окинулъ быстрымъ взглядомъ педагога и тихо улыбавшагося подлѣ него Завалѐвскаго, и вдругъ громко расхохотался....—Mais vous vous fichez de nous, mon cher monsieur! пробормота̀лъ онъ сквозь этотъ смѣхъ.

— Что̀-съ? спросилъ, не понявъ, Левіаѳановъ.

— А то-съ что, если вы не помѣщикъ, то какой можетъ быть для васъ интересъ жаждать вотчинной полиціи!

Левіаѳановъ не нашелъ отвѣта—и покраснѣлъ, въ первый разъ отъ рожденія....

— А впрочемъ, заговорилъ опять князь Пужбольскій,—если вы желаете укрѣпить себя въ иллюзіяхъ на счетъ того ка̀къ мы способны „вліять на народныя массы", то я могу вамъ представить образчикъ....

Онъ не досказалъ и снова расхохотавшись:

— Cousine, наклонился онъ къ княгинѣ, — je vais lui amener vôtre mari?...

Она взглянула на него, сдвинувъ брови... и не выдержала, разсмѣялась сама.

— Vous êtes un insolent, Alexandre!... Et pour vous punir — vous allez me donner le bras... и кромѣ того вы мнѣ отыщете моего мужа. Мы сегодня уѣзжаемъ, надо отдать приказанія.... Когда отходитъ поѣздъ? обернулась она къ Завалевскому.

— Въ девять часовъ десять минутъ вечера, отвѣчалъ онъ,— если отсюда выѣхать въ семь....

— Нѣтъ, нѣтъ, я смертельно всегда боюсь опоздать.. Отпусти ужь насъ въ шесть, пожалуста! проговорила она такимъ тономъ—что „я знаю, конечно, какъ трудно тебѣ съ нами разстаться, но вѣдь что̀ же дѣлать!...“

— Надобно предварить Іосифа Козьмича въ такомъ случаѣ чтобъ онъ приказалъ къ этому времени лошадей....

— Хорошо, хорошо, я скажу ему! заторопился Пужбольскій подать руку княгинѣ: онъ ласкалъ себя мыслью увидѣть тамъ, у Іосифа Козьмича, Марину... Марину, которая не любитъ его, и любитъ другаго.... и видъ которой, онъ зналъ, еще больнѣе разбередитъ ему душу.... Но *Рыбакъ*, у Гёте, тѣшилъ онъ себя, зналъ также что̀ его ожидаетъ... и не могъ, не могъ,—полѣзъ въ воду... parcequ'on ne résiste pas à tant d'attraits...

И съ жалобнымъ вздохомъ проговоривъ про себя:

Sie sprach zu ihm, sie sang zu ihm;
Da war's um ihn geschehn,

злополучный князь повлекъ за собою княгиню Солнцеву ко *дворцу*...

Они исчезли изъ вида прежде чѣмъ Завалевскій успѣлъ внутренно рѣшить вопросъ: лучше ли ему идти за Диной или оставаться съ Левіаѳановымъ....

А Левіаѳановъ, читая его недоумѣніе въ чертахъ его лица, рѣшилъ тутъ же что окончательное объясненіе съ нимъ не изъ чего откладывать въ долгій ящикъ,—и приступилъ къ дѣлу немедленно:

— Скоро вы думаете открыть ваше заведеніе? обернулся онъ къ графу.

— Я ничего вамъ объ этомъ не могу сказать, отвѣчалъ ему тотъ не сейчасъ.

— Я осмѣлюсь васъ просить, развязно проговорилъ Евлсихій Дороѳеичъ,—имѣть меня въ виду для этого дѣла.. Это та-

кое полезное, *реальное* дѣло, вырвалось у него безсознательно,—которому я готовъ посвятить всѣ силы и способности.... И я смѣю надѣяться, примолвилъ онъ съ заискивающею, плоскою какою-то улыбкой,—что въ *убѣжденіяхъ* мы вполнѣ сойдемся....

— Не думаю! тихо сказалъ на это графъ.

Левіаѳановъ ушамъ своимъ не совсѣмъ повѣрилъ; онъ въ крайнемъ даже случаѣ такой откровенности не ожидалъ...

— Что̀ вы изволили сказать? переспросилъ онъ.

— Я сказалъ: не думаю! повторилъ такъ же спокойно Завалевскій.

— Вы не полагаете.... чтобы наши убѣжденія могли....

— Не полагаю...

— Это однако довольно странно, пробормоталъ „пегагогъ“,— и что̀ же могло вамъ подать поводъ?...

— Нашъ разговоръ.. сейчасъ... Завалевскій еле замѣтно усмѣхнулся.

— Нашъ разговоръ?... Левіаѳановъ начиналъ теряться.—Что̀ же именно заключили вы изъ него?...

— Что ваши *убѣжденія* недостаточно *реальны!* услышалъ онъ неожиданный отвѣтъ.

Онъ поднялъ глаза и встрѣтилъ глаза Завалевскаго, строго остановившіеся на немъ.... Онъ прочелъ въ нихъ себѣ, своему безстыдству, безповоротный приговоръ.... Нижнюю губу его такъ и повело отъ злости...

— Позвольте полюбопытствовать, прошипѣлъ онъ сквозь стиснутые зубы,—въ чемъ же состоитъ *реальность* убѣжденій вашей *касты?*

Завалевскій усмѣхнулся невольно.

— Если вамъ подъ „кастой“ угодно разумѣть здравомыслящихъ у насъ людей извѣстнаго общества, то я, кажется, не ошибусь отвѣтить вамъ что, въ понятіяхъ этихъ людей, Русскій народъ — не западный пролетарій, и не польское *быдло.* Ни опасаться его, ни презирать наши высшія сословія основанія не имѣютъ; исторической розни между нимъ и ими никогда не было; „главенство“ надъ нимъ возлежитъ на нихъ не какъ право, а какъ обязанность,—какъ долгъ старшаго брата учить младшаго... А потому, не права розогъ, а образованія,— *здороваго*, органически правильнаго образованія этимъ высшимъ нашимъ сословіямъ желаютъ *прежде всего* благомыслящіе у насъ люди.. Безъ этого же такъ - называемое образованіе

„народныхъ массъ“ есть колоссальный пуфъ или ядовитое оружіе данное въ руки всякимъ политическимъ безумцамъ и интриганамъ.... Согласны вы со мной? закончилъ графъ все съ тою же безпощадною улыбкою.

Левіаѳановъ поблѣднѣлъ, открылъ широко ротъ для возраженія.... и ничего не сказалъ.

— Извините что обезпокоилъ, круто повернулъ онъ на каблукахъ, и толстыя подошвы его сердито заскрипѣли по свѣженакиданному крупному леску аллеи...

Онъ остановился лишь у дверей Іосифа Козьмича, поглядѣлъ назадъ, и въ раздумьи сталъ обглядывать свои ногти.

— Неужто жь, въ самомъ дѣлѣ, стали они вдругъ такъ умны? промычалъ онъ про себя, покосился еще разъ на *дворецъ* Алаго Рога, бѣлѣвшій сквозь темную зелень кленовъ и липъ, и улыбнулся своею желчною, безобразною улыбкой. — Петербургъ, военная гимназія,—не пропадемъ! рѣшилъ Левіаѳановъ, и твердыми стопами вошелъ въ покинутую имъ за часъ назадъ гостиную....

XVI.

Онъ нашелъ тамъ хозяина, Вермана и незнакомаго ему щеголеватаго господина за ломбернымъ столомъ, разставленнымъ въ самой срединѣ комнаты; они играли въ *табельку*. Незнакомый Левіаѳанову господинъ былъ князь Солнцевъ. Онъ былъ очень веселъ—ему только-что удалось выиграть очень сомнительный *мизеръ уверть*, и онъ повѣствовалъ по этому случаю своимъ партнерамъ какъ выигралъ онъ однажды подобный же мизеръ съ королемъ и десяткою *бланкъ*.

— *Форсе* игра была? съ достоинствомъ спрашивалъ Верманъ, чувствовавшій себя чрезвычайно счастливымъ въ княжеской компаніи.

— Naturellement! смѣялся Солнцевъ, сдавая;—было это, знаете, во дворцѣ, un bal de mille personnes.... Музыка, понимаете, дамы, de belles épaules.... ну, Государь проходитъ.... j'étais distrait.... Хотя я всегда рискованно играю—это страсть моя!... но тутъ, дѣйствительно: un roi et dix, songez donc!... Играли мы вчетверомъ: князь Павелъ Павлычъ, баронъ Волкенштейнъ, я и.... кто же четвертый былъ?... Да, да, Печенѣговъ, le fameux Печенѣговъ! добродушно закивалъ онъ Верману,

какъ бы въ полномъ убѣжденіи что Верманъ непремѣнно долженъ знать „le fameux Печенѣгова“.

Верманъ, въ свою очередь, сдержанно улыбнулся и слегка прищурилъ глаза, что̀ въ его намѣреніи должно было изобразить что „я, молъ, какъ теперь съ тобой играю въ карты, такъ завсегда могу играть и съ le fameux Печенѣговымъ, и съ барономъ, и съ самимъ княземъ Павелъ Павлычемъ, и никогда себя не уроню!...“

— Въ первой рукѣ, надо вамъ сказать, продолжалъ между тѣмъ Солнцевъ,—былъ баронъ Волкенштейнъ. Покупаю, говоритъ онъ, въ....

Но въ чемъ покупалъ баронъ Волкенштейнъ, осталось навсегда недосказаннымъ для партнеровъ князя Солнцева. Дверь изъ передней быстро отворилась—и въ нее вошелъ Пужбольскій. Вошелъ, и тутъ же и накинулся на злополучнаго разкащика:

— Скажите, пожалуста! Я его по всѣмъ угламъ ищу, а онъ здѣсь, съ утра, картежничаетъ!.. И для чего вы его балуете? обратился онъ къ Іосифу Козьмичу, который казался очень не въ духѣ и, наморщась, молча перебиралъ свои карты.

— Что̀ же-съ, отвѣчалъ за него „монополистъ“, пріятно улыбаясь князю,—занятіе не предосудительное, и правительствомъ дозволенное, коммерческая игра!..

— Коммерческая, не коммерческая, онъ во всѣ! И во всѣ проигрываетъ! дернулъ плечами на это Пужбольскій.

— Не твои проигрываю, свои! не совсѣмъ откровенно засмѣялся Солнцевъ.

— Ты бы и мои проигралъ, да трудно: у меня ихъ нѣтъ никогда!...

Это „острое словечко“ ужасно понравилось Верману.

— А вѣдь это гхорошо, это удаачно! закартавилъ онъ полушепотомъ, наклоняясь къ сидѣвшему по лѣвой его рукѣ Іосифу Козьмичу и подмигивая ему смѣющимися глазами....

Іосифъ Козьмичъ словно не слышалъ....

— Тебя жена ждетъ, сообщалъ тѣмъ временемъ Пужбольскій кузену.

— Que diable me veut-elle? досадливо пробурчалъ тотъ, подымая на него встревоженные глаза.

— Вы сегодня уѣзжаете....

— Вотъ-те на! воскликнулъ Солнцевъ.

— Вѣдь, кажется, утромъ, за чаемъ, еще ничего положительнаго на счетъ этого княгиня не рѣшила? заговорилъ въ первый

разъ господинъ Самойленко, взглянувъ, въ свою очередь, на Пужбольскаго.

— Да, — но вотъ она мнѣ сейчасъ сказала.... Она бы желала выѣхать отсюда ровно въ шесть часовъ....

Іосифъ Козьмичъ взглянулъ на часы стоявшіе на каминѣ:

— А теперь третій въ началѣ.... Надо подставу высылать....

Онъ съ лѣнивою важностью шевельнулся въ своемъ креслѣ, повелъ глазами, и увидѣлъ Левіаѳанова, который, усѣвшись на стулѣ у окна и ухватившись руками за колѣно, саркастически поглядывалъ на всю эту незамѣчавшую его компанію:

— Позвоните, пожалуйста, сказалъ ему главноуправляющій,— на столѣ тутъ, на большомъ, колокольчикъ.... И что же это такъ заторопилась княгиня? обратился онъ снова къ Пужбольскому.

— Est-ce qu'on sait jamais ce qu'elle veut! фыркнулъ, не давъ тому отвѣтить, Солнцевъ. — Вы женаты? спросилъ онъ неожиданно Вермана.

— Вдовый, улыбнулся и вздохнулъ заразъ „монополистъ".

— И не жалѣйте! La liberté, vous savez!...

— Ты милъ, Солнцевъ, я всегда говорилъ что ты *милъ!*... C'est vôtre tact inoui que j'admire toujours! проговорилъ Пужбольскій, стоя противъ него и глядя въ упоръ ему въ лицо.

Солнцевъ немедленно же и сконфузился, опустилъ глаза и принялся тасовать свободную колоду.

— У васъ, кажется, повреждеціе какое-то въ экипажѣ? спросилъ его Іосифъ Козьмичъ.

— Да, гайка какая-то....

— За кузнецомъ съ утра послано,—должно-быть, давно здѣсь... Вы позвонили? обернулся на Левіаѳанова „потомокъ гетмановъ".

Но тотъ, не удостоивъ его даже взгляда, поднялся съ мѣста и, подойдя къ Верману:

— А вы когда же думаете на чугунку? рѣзкимъ тономъ спросилъ онъ его.

— Не знаю, отвѣчалъ небрежно и не глядя на него „монополистъ": — *при двухъ князьяхъ* онъ почиталъ неприличнымъ допустить фамиліарныя съ собою отношенія такого *незначительнаго человѣка* какимъ, по его мнѣнію, должны были эти князья почитать Левіаѳанова; — меня просилъ заѣхать къ нему въ Орѣхово генералъ Суходольскій.... такъ я еще, думаю, къ нему сегодня обѣдать поѣду,—а ужь развѣ завтра....

— Ну, и поѣзжайте къ своему генералу, отрѣзалъ ему на это

„сынъ отечества“,—а я ужь доберусь до города своими средствами!

— Все равно, завтра я бы васъ довезъ, сказалъ Вермань.— „Не выгорѣло у тебя, видно, братъ“, подумалъ онъ, — и даже подмигнулъ самому себѣ.

— Нѣтъ, ждать мнѣ некогда! коротко отвѣтилъ Левіаѳановъ—и никому не поклонившись вышелъ изъ комнаты, еще тутъ же, въ комнатѣ, напяливъ себѣ шляпу на голову.

— Эка шушера! пробасилъ господинъ Самойленко, не успѣла затвориться за нимъ дверь.

— D'où sort-il ce Rocambole là? удивился въ свою очередь Солнцевъ.

— Изъ милости, скажите, привезъ ихъ, изображая лицомъ своимъ обиду, а плечами презрѣніе, промолвилъ „монополистъ“,— и они же на меня въ претензіи!... Совсѣмъ необразованные люди, можно сказать!...

Пужбольскій даже и не замѣтилъ ничего,—онъ прохаживался по комнатѣ, тревожно заглядывая во всѣ углы и открытыя двери, въ чаяніи увидѣть гдѣ-нибудь свою *очаровательницу*....

— Марины Осиповны нѣтъ дома? рѣшился спросить онъ наконецъ Іосифа Козьмича.

— Не знаю! словно отрубилъ тотъ.

— Я ее видѣлъ.... она домой шла, проговорилъ несвязно князь.

— Видѣлись съ ней? И господинъ Самойленко пристально взглянулъ на него.

Пужбольскій безотчетно потупился.

Еще мрачнѣе насупились густыя брови надъ круглыми глазами „потомка гетмановъ“...

— По случаю ихъ отъѣзда, мы обѣдаемъ сегодня въ четыре часа, сообщилъ ему князь;—вы будете?... А ты, что̀ же, обратился онъ къ Солнцеву, — пойдешь къ женѣ?..

— Сейчасъ, вотъ сейчасъ кончимъ.... Кому сдавать? заторопился злополучный супругъ.

Игра началась снова.

Пужбольскій продолжалъ свою прогулку по гостиной. Онъ успѣлъ сообразить въ головѣ расположеніе квартиры Самойленко—до этого дня онъ никогда не бывалъ въ ней:—онъ уже зналъ навѣрное что эта, прямо противъ двери ведущей въ кабинетъ Іосифа Козьмича, запертая дверь вела въ комнату Марины, или ближайшую къ той комнату, — и онъ норовилъ все

къ этой двери, наставляя ухо, не послышится ли чего тамъ, за этою дверью, осторожно, какъ воръ, притрогиваясь рукою къ ней, къ замку.... и тутъ же принимаясь опять шагать въ противоположную сторону, боясь, какъ воръ, быть пойманнымъ на мѣстѣ преступленія.... Но, кромѣ владѣвшаго Аргусовыми глазами Іосифа Козьмича, никто изъ играющихъ не замѣчалъ его невинныхъ продѣлокъ,—а Іосифъ Козьмичъ, что̀ говорится, и виду не казалъ.... Пужбольскому удалось наконецъ ухватиться всею рукой за замокъ, повернуть его, потянуть къ себѣ.... Дверь не подалась,—она очевидно была заперта на ключъ.... Для князя не оставалось сомнѣнія: Марина заперлась у себя въ комнатѣ.... послѣ *сцены* съ отцомъ,—недаромъ онъ глядѣлъ такимъ свирѣпымъ,—и всего вѣроятнѣе изъ-за него, Пужбольскаго, изъ-за того что она отказала ему....

Ему стало невыносимо совѣстно—и онъ съ яростью, въ наказаніе себя, принялся выщипывать волосы изъ своей огненной бороды....

— До свиданія! торопливо проговорилъ онъ по адресу хозяина, и выбѣжалъ въ садъ.

Онъ обогнулъ флигель и очутился на дворѣ, на который, онъ зналъ, выходило окно комнаты Марины.... Окно это было закрыто, и стора съ разрисованнымъ по бѣлому ея фону большимъ, аляповатымъ букетомъ распущена была во всю ея длину.... Пужбольскій прошелся раза два предъ этимъ окномъ, сорвалъ съ куста росшаго подъ нимъ *Иванъ чая* цвѣтокъ, и тутъ же кинувъ этотъ цвѣтокъ въ тотъ же кустъ, отправился къ себѣ въ комнату, гдѣ, повалившись на постель, принялся, съ досады, за чтеніе.

XVII.

Къ обѣду собрались всѣ обитатели Алаго Рога, за исключеніемъ Марины.... Она сидѣла попрежнему запершись въ своей комнатѣ, и не отозвалась даже на голосъ своей молодой прислужницы, постучавшейся къ ней въ дверь съ вопросомъ: будетъ ли она обѣдать дома или во *дворцѣ?*... Ей не хотѣлось ѣсть, ей ничего не хотѣлось;—ни о чемъ не думать, ничего не чувствовать, *уничтожиться*, о, какъ сладко было бы это ей въ эту минуту!... Уснуть? Но сонъ не приходилъ, нервы ея были слишкомъ натянуты, слишкомъ чутки....

Іосифъ Козьмичъ не справился о ней, а когда въ столовой, предъ закускою, княгиня Солнцева обратилась къ нему съ любезнымъ вопросомъ: не будетъ ли она имѣть случая увидѣть еще разъ предъ своимъ отъѣздомъ его *прелестную дочь?* онъ не имѣлъ силы сдержаться и, весь побагровѣвъ, отрѣзалъ: „не стоитъ она этой чести, ваше сіятельство!"...

Княгиня съ любопытствомъ повела на него глазами.... „Ужь не заперъ ли онъ ее"? промелькнуло у ней въ мысли, но она тотчасъ же разсудила что, въ случаѣ чего-либо подобнаго, такія существа какъ Марина въ окошко выскакиваютъ, разбивъ это окно предварительно собственною рукой, не боясь порѣзать ее о стекла,—и что слѣдовательно ни о какомъ насиліи со стороны господина Самойленки нечего думать, и что гнѣвная вспышка его вызвана была тѣмъ, напротивъ, сознаніемъ что *ничего съ нею не подѣлаешь*....

Изъ-за чего могла произойти размолвка между отцомъ и дочерью, съ первой минуты отгадала это проницательная Дина. Ей стоило только взглянуть на мрачнаго, раздувавшаго ноздри и отдувавшагося словно въ водѣ Пужбольскаго, который, ни съ кѣмъ не говоря, шагалъ вдоль и поперекъ столовой, въ ожиданіи запоздавшаго супа... *Неудача* прописными буквами начертана была для нея на его лицѣ....

Она значительно взглянула на Іосифа Козьмича, и еле замѣтно моргнула въ сторону князя....

Онъ гнѣвнымъ движеніемъ приподнялъ въ отвѣтъ свои слонообразныя плечи.... Они поняли другъ друга.

— Это очень жаль, *онъ* отличный человѣкъ! сказала ему уже прямо Дина... — И вы не знаете отчего?...

Онъ промычалъ что-то сердитое, чего не разобрала она, и снова пожалъ плечами.

— Нѣтъ ли тутъ *другаго*, вы не замѣчали? медленно роняя слова, почти шепотомъ проговорила на это княгиня.

Онъ растерянно глянулъ въ ея загадочные, коварные глаза....

— Большое было бы несчастіе! съ тою же выразительною медлительностью пронизала она его какъ иглою, и тутъ же отойдя отъ него, обратилась къ Завалевскому съ какимъ-то ничего не значившимъ вопросомъ.

За обѣдомъ Дина рѣшилась, повидимому, окончательно очаровать господина Самойленку. Она повела рѣчь объ *умныхъ людяхъ*, и повела такъ что каждое ея слово кадило сладостнѣйшимъ ѳиміамомъ прямо въ носъ Іосифа Козьмича; она

доказывала что *умный* человѣкъ есть по преимуществу человѣкъ *практическаго дѣла*, что въ настоящую минуту Россіи нужны даже *исключительно* только эти, практическіе люди; что, къ сожалѣнію, наше *такъ-называемое высшее сословіе* практичнымъ быть никогда не умѣло, а еще менѣе отличается этимъ качествомъ то что̀ теперь называетъ себя *русскою интеллигенціею*.... „Весь этотъ *противный споръ*, говорила княгиня, который ведется въ газетахъ между *консерваторами* и *прогрессистами*—все это безсмысленно, все это *Дымъ* Тургенева, потому что спорятъ люди все того же закала, такіе же все *идеалисты*, съ тою только разницею что одни преслѣдуютъ призракъ какой-то *уже совсѣмъ не земной чистоты*, а другіе прозрѣваютъ впереди идола такого же грубаго и неумытаго какъ они сами.... Вся надежда на тѣхъ, немногихъ, *дѣйствительно умныхъ* людей, которые просто занимаются толково своимъ личнымъ, ближайшимъ дѣломъ.... Они одни, своимъ трудомъ, опытностью, энергіею, приносятъ пользу, поддерживаютъ другихъ своимъ примѣромъ, одни они спасители и благодѣтели....“

Сладки были такія рѣчи Іосифу Козьмичу: этотъ „дѣйствительно полезный человѣкъ, спаситель и благодѣтель“ — это былъ *онъ*; такой авторитетъ какъ эта *умнѣйшая столичная дама* освящалъ, такъ-сказать, избранный имъ *практическій путь жизни*, оправдывалъ и закрѣплялъ въ его сознаніи то чувство уваженія къ собственной особѣ которое онъ лелѣялъ въ себѣ съ юныхъ лѣтъ, и не оставлялъ уже въ немъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ его превосходства надъ этими, сидѣвшими съ нимъ теперь за столомъ, безполезными „идеалистами“...

И Іосифъ Козьмичъ скромно поддакивая „умнѣйшей дамѣ“ то одобрительнымъ кивкомъ, то неопредѣленнымъ, но явно сочувственнымъ мычаньемъ, поглядывалъ избока на своего патрона и Пужбольскаго, стараясь угадать по выраженію ихъ лицъ то впечатлѣніе какое могли производить на нихъ слова княгини. Но если въ этихъ словахъ ея заключалось тайное желаніе вызвать друзей нашихъ на споръ, или просто уколоть, задѣть ихъ,—то цѣль ея не была достигнута. Оба они едва ли понимали, слышали о чемъ говорилось.... Далеко бродили мысли Завалевскаго.... Предъ Пужбольскимъ неотступно рисовалось окно завѣшенное бѣлою сторой, съ большимъ на немъ букетомъ розъ, а за нею угадывался слишкомъ хорошо ему

вѣдомый, прелестный женскій образъ съ распущенными волосами и неотразимымъ взглядомъ лучезарныхъ голубыхъ очей...

Ничего они оба не слышали, не понимали... За то Іосифъ Козьмичъ апробовалъ безусловно, а Солнцевъ въ подтвержденіе того что̀ говорилось его женою о пользѣ приносимой практическими людьми, принимался нѣсколько разъ, отъ полноты благодарнаго сердца, приводить въ примѣръ новаго знакомца своего Вермана,--„монополистъ“ изловчился проиграть ему по грошевой игрѣ сто пятьдесятъ рублей съ полтиной, — но въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ благодарныхъ своихъ отзывовъ былъ каждый разъ останавливаемъ безпощаднымъ взглядомъ своей супруги: — „не интересно и безтактно“, говорилъ ему этотъ взглядъ... Онъ, *въ пику ей*, заговорилъ о томъ какъ жалѣетъ онъ о предстоящемъ имъ отъѣздѣ,—что такъ мало *дозволено было* ему воспользоваться обществомъ *du cher cousin*, то-есть Завалевскаго, et du cousin *Alexandre*, что не успѣлъ онъ познакомиться ближе *со всѣми прелестями* Алаго Рога, и такъ далѣе...

— Ты бы хоть проводилъ насъ, обратился онъ къ „cousin Alexandre'у“, вотъ они—и онъ указалъ на Іосифа Козьмича,—ѣдутъ съ нами до подставы,—всего десять верстъ...

— Непремѣнно! неожиданно поспѣшилъ отвѣчать ему Пужбольскій.

— Мы всѣ поѣдемъ, сказалъ и Завалевскій.

Пужбольскій нахмурился: ни оставаться вдвоемъ, ни ѣхать вмѣстѣ съ Завалевскимъ не желательно было ему въ эту минуту.

— Ни за что̀, ни за что̀! воскликнула княгиня, — я не хочу, не позволяю тебѣ трогаться съ мѣста, Владиміръ!..

— За что̀ же такая немилость? шутливо возразилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, умоляю тебя!... Дальніе проводы — лишнія слезы! примолвила она, какъ бы съ невольнымъ оттѣнкомъ нѣжности, затаенная иронія которой была понятна лишь ему одному....

— Да будетъ воля твоя! безъ улыбки отвѣчалъ онъ ей на это....

Къ назначенному часу выѣзда, запряженная щегольски подобраннымъ воронымъ шестерикомъ карета Солнцевыхъ и тройка саврасыхъ подъ тарантасомъ Іосифа Козьмича поданы были къ крыльцу. Мущины, за исключеніемъ графа, тотчасъ же вышли къ экипажамъ на дворъ... На нѣсколько минутъ Дина и графъ остались одни....

Она сидѣла въ дорожномъ платьѣ и шляпкѣ, съ полуопущенною на лицо вуалью, натягивая перчатку на тонкую, длинную руку...

— Мы надолго разстаемся, по всѣмъ вѣроятіямъ, заговорила она, не подымая глазъ;—чего же ты мнѣ предъ разставаньемъ пожелаешь?..

Завалевскій невыразимо печально поглядѣлъ на нее,—подошелъ, и протянулъ ей руку:

— Дина, тихо улыбнулся онъ,—я могу тебѣ пожелать лишь одного: да возвратится миръ...

Онъ пріостановился—и еще тише докончилъ:

— Въ твою *смущенную и страждущую* душу....

— У Пушкина въ „*озлобленную* душу" сказано,—у меня память хорошая! прервала она, оттолкнувъ слегка эту его протянутую руку.... Vous avez cru devoir me ménager, — и за то спасибо!...

Она засмѣялась короткимъ, сухимъ смѣхомъ....

— *Тебѣ* этого желать не нужно! продолжала она тутъ же намѣренно безстрастнымъ, леденымъ голосомъ; — ты и злоба, вы другъ друга не знали никогда... Ты *хотѣлъ*, боролся и страдалъ можетъ-быть очень много,—но, кромѣ тебя самого, никто ни крыльевъ, ни оружія твоего не видалъ... Изъ битвы жизни ты вышелъ *чистъ* и не изломанъ—и кончишь полнымъ смиреніемъ... И слава Богу!

— *Умякнуша словеса ихъ паче елея, и то суть стрѣлы!* пришелъ на память Завалевскому стихъ псалмопѣвца....

Онъ все такъ же тихо, грустно улыбнулся, закивалъ головой—и опуская ее:

— Дай Богъ, Дина, молвилъ онъ,—дай Богъ! Смиреніе—сила!...

Изъ-за опущенной своей вуали она метнула на него исполненнымъ презрѣнія и ненависти взглядомъ... и не выдержала,—не выдержала безконечной жалости къ ней съ которою встрѣчали его глаза эту ненависть и презрѣніе... Она отвернулась, встала:

— Одинъ въ полѣ не воинъ, говорятъ... Надѣюсь, графъ Владиміръ Алексѣичъ, что вы по старой дружбѣ не забудете извѣстить меня, когда вы приметесь за эту вашу „силу смиренія" *вдвоемъ*?

И, горше слезъ горючихъ, болѣзненно откликнулся въ душѣ Завалевскаго внезапно зазвенѣвшій, безнадежный, проклинающій смѣхъ Дины...

Она направилась къ крыльцу, не оборачивая головы.

Карета съ открытою дверцей и ожидавшимъ ее у этой дверцы камердинеромъ Солнцева стояла у подъѣзда. Она быстро вспорхнула въ нее и тотчасъ же заставила сѣсть подлѣ себя Пужбольскаго, отправивъ мужа въ тарантасъ къ Іосифу Козьмичу.

— Bonne chance! послала она рукою изъ кареты поцѣлуй Завалевскому, подавая въ то же время слугѣ знакъ къ отъѣзду.

— Пошелъ! крикнулъ тотъ, ловко вскакивая на козлы и задѣвая за крючокъ ремень залоснившагося на солнцѣ кожанаго фартука..

Экипажи тронулись...

Безъ шляпы, съ поникшею головой, какъ стоялъ на крыльцѣ, спустился со ступенекъ его Завалевскій — и прошелъ въ садъ боковою калиткой..

XVIII.

Стукъ колесъ, лошадиное ржаніе, громкій говоръ людей на дворѣ пробудили Марину отъ ея оцѣпенѣнія... Она подошла къ окну, подняла стору:—со двора, огибая уголъ дома, выѣзжалъ дормезъ съ привинченными поверхъ и сзади его сундуками... Это экипажъ Солнцевыхъ—подобнаго этому нѣтъ другаго въ Аломъ Рогѣ, Марина это знаетъ... Что̀ же это значитъ?.. Неужели уѣзжаетъ *эта женщина*? Такъ скоро? Сегодня... сейчасъ!... И для чего и какъ же это такъ скоро?... А вотъ и тарантасъ Іосифа Козьмича... Нѣтъ сомнѣнія,—она уѣзжаетъ,—онъ ѣдетъ провожать ее... А можетъ-быть и не одинъ Іосифъ Козьмичъ, — а и *онъ*... всѣ они навѣрное ѣдутъ *ее* провожать!...

„Она уѣзжаетъ... уѣзжаетъ!" повторяла громко дѣвушка съ какимъ-то недовѣрчивымъ, боязливымъ чувствомъ смутной радости... Да, она боялась радоваться,—да и чему? Какую перемѣну принесетъ за собою для Марины этотъ отъѣздъ? И самый этотъ *фактъ отъѣзда*—онъ вызывалъ въ ней какое-то скорбное ощущеніе. Она и не знала о немъ, онъ произошелъ помимо ея—она чувствовала себя какъ бы внезапно отрѣзанною отъ этой *общей жизни*, въ которой такъ недавно она была, казалось, необходимымъ звеномъ... Начнется ли снова

та жизнь?... Да и самое положеніе ея въ *этомъ домѣ* остается ли тѣмъ оно чѣмъ было? То что̀ сказала она сегодня Іосифу Козьмичу, въ присутствіи Вермана,—это не можетъ пройти безслѣдно... она это чувствуетъ, и она все-таки скажетъ ему опять то же, если вздумается ему объясниться съ нею по этому поводу... Но что̀ тогда?... Тогда...

Но Марина не хотѣла загадывать впередъ.... да и неспособна была она къ тому теперь,—всѣ опасенія, догадки, соображенія ея стушевывались, исчезали предъ убѣжденіемъ, предъ этимъ все сильнѣе и сильнѣе охватывавшимъ ее чувствомъ радости: „*она* уѣзжаетъ, *она* уѣхала"...

И чутко, всѣмъ слухомъ прислушивалась дѣвушка къ гулкому ходу быстро удалявшагося дормеза Солнцевыхъ, за которымъ, скрыпя слегка свѣжими осями, послѣшалъ доморощенный тарантасъ господина Самойленки.

Долго еще сидѣла она прислушиваясь—и все еще не вѣря... Что̀ же могло такое случиться что̀ побудило эту женщину уѣхать такъ скоро? допрашивала себя Марина—и не находила отвѣта. Звонъ часо̀въ въ гостиной донесся до нея сквозь закрытую дверь... Она машинально считала за боемъ: разъ, два, три, пять, семь...—Какъ поздно! удивилась она...

Она поднялась, подошла къ своей двери, отщелкнула замокъ, прошла въ гостиную.... заглянула въ кабинетъ Іосифа Козьмича,—никого нигдѣ, люди побѣжали всѣ на крыльцо *господъ провожать* и не возвращались,—домъ пустъ, двери въ садъ открыты настежь...

Не шелохнется тамъ,—въ саду; сквозь недвижную листву льются стройно косые лучи солнца; искорками горятъ на стволахъ сосенъ длинныя смоляныя капли; иволга выпѣваетъ вдали свое тоскливое колѣнце... Міръ и уединеніе кругомъ,—только воробьи торопливо щебечутъ по липамъ, словно передавая другъ другу только-что выпущенную сплетню.

Марина сошла въ садъ—и глубоко вздохнула; ее въ эту минуту можно было сравнить съ пташкою только-что попавшею на волю, но у которой сильно еще болятъ крылья отъ спутывавшей ихъ за мигъ предъ этимъ нитки.

Медленно, какъ ходятъ больные, двинулась она по дорожкѣ, улыбаясь, какъ послѣ долгой разлуки, любимымъ своимъ кленамъ, и со страхомъ, чуть не съ отчаяніемъ противясь наплывавшему противъ воли ея въ ея душу какому-то блаженному, *безумному* чувству надежды...

Она вышла въ большую аллею, прошла ее всю вдоль, вплоть до балкона, до *милаго* балкона, остановилась у последней его ступеньки,—вздохнула—и пошла назадъ, уныло понурясь... На первомъ повороте она машинально повернула вправо...

Въ глазахъ у нея потемнѣло... чуть не упала она... На деревянной зеленой скамьѣ, въ трехъ шагахъ отъ нея, сидитъ *онъ*, низко опустивъ голову, съ выраженіемъ какой-то безконечной, безысходной печали...

Она кинулась къ нему, громко вскликнувъ, и опустилась, безсильная, рядомъ съ нимъ, на скамью...

—Что съ вами? что, ради Бога? схватила она его за руку—вы плакали?

—Я?... Нѣтъ.... отчего вы думаете!... Какъ я радъ васъ видѣть! смущенно и ласково моргая вѣками глядѣлъ онъ на нее, силясь улыбнуться.

—Вы о *ней* думали... *которая сейчасъ уѣхала?*

—Да, отвѣчалъ застигнутый врасплохъ Завалевскій.

—Вы ее любите? пылко вскрикнула она.

—Не люблю—нѣтъ! молвилъ онъ, качая головой,—изумленный, самъ не понимая что заставляетъ отвѣчать его этому странному существу, такъ дерзко своими вопросами врывающемуся къ нему прямо въ душу.

—Не любите, замирающимъ отъ волненія голосомъ повторила она, наклоняясь къ нему плечомъ къ плечу и заглядывая ему прямо въ глаза своими сверкавшими глазами.—Не любите,—а думали о ней!...

—Да, думалъ... о судьбѣ ея думалъ, прошепталъ Завалевскій.

Марина слегка отодвинулась...

—Вамъ жаль ее? Почему? Чѣмъ заслужила она чтобы вы жалѣли о ней? съ горечью кидала она ему свои слова;—*она* вамъ всю жизнь отравила, эта женщина! Я знаю!...

—Вы знаете? безсознательно повторилъ онъ,—онъ даже не удивился...—Да, словно рѣшившись, примолвилъ Завалевскій,—я любилъ ее, и не любилъ никого больше... вся жизнь моя прошла такъ... Она меня отвергла...

—Безстыдница! вскрикнула Марина.

—Нѣтъ! тоскливо замоталъ онъ головой,—вы не знаете... не знаете, сколько силъ было въ ней.... чего хотѣла она!... Она права была!...

— Права! съ негодующимъ взглядомъ повторила дѣвушка,—и вы за это ее облагодѣтельствовали...

— Я дурно поступилъ можетъ-быть,—скорбно сжались брови Завалевскаго,—но спасти я ее не могъ.... ни тогда, ни послѣ. Нѣтъ, не могъ! говорилъ онъ, не глядя на Марину, отвѣчая не ей, а всей той долгой, грустной собственной думѣ что̀ уже давно клонила къ долу его рано посѣдѣвшую голову;—такихъ какъ она не спасаютъ...

Недоумѣвая слушала его Марина.

— Не плыть большому кораблю по мелководью, обернулся онъ къ ней съ улыбкой,—а *она* большой корабль, молодая особа!...

— И Богъ съ нимъ! отозвалась дѣвушка,—не нужно такихъ!

Онъ странно взглянулъ на нее:

— Видно, не нужно, еле слышно проговорилъ онъ, — если судьба ихъ—пропадать въ тинѣ... Не тѣмъ, видно, путемъ нужно, не тѣмъ большимъ ходомъ... На малое, не яркое дѣло отдай себя—смирись, жди... Смирись!..

Она слушала, едва переводя дыханіе...

Онъ всталъ со скамьи, прошелся,—и опять сѣлъ.

— Помните вы, обратился онъ къ ней, — какъ я васъ благодарилъ за ваше пѣніе, послѣ того какъ—ночью...

— Помню;—что̀ же? не дала она ему кончить.

— Я вамъ сказалъ „спасибо“ тогда... И теперь — спасибо! Вашъ голосъ въ ту минуту, то что̀ вы пѣли,—долго вамъ разсказывать,—двумя словами скажу: огонь потухалъ... вы раздули его опять... да, вы! сказалъ онъ,—и свѣтлая улыбка освѣтила на мигъ его черты,—бываютъ такія минуты... что-то внезапное, будто свыше!.. И я объ этомъ сейчасъ думалъ: *она* погибла,—я уцѣлѣлъ! Кругомъ ея могильная тьма и гниль...

— Вы все о ней, все о ней! вырвалось у Марины отчаяннымъ крикомъ;—а я... я, чтобы вы только не печалились, чтобъ были вы счастливы... я отдала бы всю себя сжечь, всю... по кускамъ... Потому что вы дороже мнѣ чѣмъ сто жизней... и жизни нѣтъ для меня безъ васъ!..

И скользнувъ со скамьи, она безумнымъ движеніемъ пала къ ногамъ Завалевскаго, и уронила голову ему въ колѣни...

Онъ страшно смутился... Онъ не вѣрилъ, презрѣлъ, забылъ то о чемъ предваряла его Дина, — это теперь оказывалось правдою, ошеломляющею правдою!..

Онъ приподнялъ ее за плечи, низко наклоняясь къ ея лицу, и самъ весь дрожа нервною дрожью:

— Ради Бога, встаньте... встаньте, что съ вами!

А она, всѣмъ охватывающимъ пламенемъ широко раскрывшихся зѣницъ своихъ погружаясь въ его растерянные глаза, говорила ему въ то же время:

— Мнѣ не нужно ничего... я не *она*... ни богатства вашего, ни графства!.. Берите меня *какъ есть!*

Цѣлый блаженный міръ пронесся на мгновеніе въ мысли Завалевскаго: восторги, счастіе, любовь,—все что измѣнило ему, чѣмъ обдѣленъ онъ былъ въ молодые дни, все это обольстительнымъ призракомъ, какъ бы въ насмѣшку, звало его къ себѣ теперь, на закатѣ жизни, устами чистаго и страстнаго созданія распростертаго у его ногъ...

Онъ пересилилъ себя, отшатнулся,—съ какимъ-то испугомъ отдернулъ отъ нея свои руки.

— Подумайте, что вы дѣлаете! Я старикъ! могъ только проговорить онъ...

Онъ боялся за самого себя — и непривычная ему, суровая нота зазвучала въ его голосѣ...

Она вскочила разомъ на ноги, вся выпрямилась, схватила себя обѣими руками за голову—и побѣжала отъ него прочь, словно ужаленная змѣею.

Онъ остался на скамьѣ, безъ словъ, безъ движенія...

— Марина Осиповна, куда вы? въ одно и то же время послышался ему въ большой аллеѣ голосъ Пужбольскаго и тяжелый скрипъ приближавшихся къ нему шаговъ.

Это былъ господинъ Самойленко. Онъ былъ важенъ и сумраченъ—и Завалевскій съ невольною тревогой заглянулъ ему въ лицо: онъ, очевидно, вмѣстѣ съ Пужбольскимъ долженъ былъ наткнуться сейчасъ на Марину... Не подозрѣваетъ ли онъ?..

Но непроницаемо было лицо Іосифа Козьмича... Только въ голосѣ его почудилась графу какая-то несвойственная ему оффиціальность, когда онъ, подойдя къ скамьѣ и не садясь,—какъ сдѣлалъ бы онъ по всей вѣроятности въ другое время,—остановился предъ своимъ патрономъ и доложилъ ему что „княгиня съ супругомъ изволили благополучно доѣхать до *Вьюнова* и оттуда поспѣшили проѣздомъ дальше, поручивъ ему, Самойленкѣ, передать свой сердечный поклонъ графу Владиміру Алексѣевичу“.

— Что вы не присядете? сказалъ ему Завалевскій, подвигаясь чтобы дать ему мѣсто.

— Нѣтъ-съ, я ужь такъ.... дома дѣло есть, отвѣчалъ довольно сухо главноуправляющій;—а я собственно хотѣлъ сообщить вамъ два слова насчетъ предполагаемой вами продажи лѣса...

— А что именно? спросилъ графъ, какъ бы непріятно пораженный этимъ извѣстіемъ.

— Верманъ, о коемъ я имѣлъ случай уже говорить вамъ, предлагаетъ очень хорошую, даже небывалую, можно сказать, въ сторонахъ нашихъ цѣну,—по пятидесяти рублей за десятину, и хоть весь лѣсъ кругомъ... Но я не совѣтую вамъ, такъ какъ цѣнность лѣсовъ съ каждымъ годомъ идетъ вверхъ, такъ-сказать баснословно; а потому, если вамъ угодно будетъ, можно было бы теперь тысячъ шесть десятинъ...

Завалевскій безпокойно задвигался на мѣстѣ.

— Нельзя ли съ этимъ дѣломъ погодить, Іосифъ Козьмичъ?

— То-есть, какъ-же это „погодить"? изумленно и медленно переспросилъ тотъ—и кровь замѣтно поднялась у него къ лицу.

— Мы всегда успѣемъ продать.. а я въ настоящее время... Завалевскому очевидно не хотѣлось объяснять своему „губернатору" причину такой внезапной перемѣны въ своихъ намѣреніяхъ,—мнѣ теперь большихъ денегъ не нужно... я хочу попробовать въ меньшемъ масштабѣ...

„Врешь ты!" съ невыразимою злостью сказалъ себѣ г. Самойленко.—Вы, можетъ-быть, молвилъ онъ громко: — желали бы сами переговорить съ покупщикомъ,—или даже поручить кому-нибудь, помимо меня, устроить вамъ это дѣло?

— Ни говорить самому, ни поручать что-либо другимъ я не желаю, Іосифъ Козьмичъ, отвѣчалъ тихо, но твердо графъ;—повторяю, мнѣ теперь большія деньги не нужны.

— Ваша воля! отрѣзалъ на это „потомокъ гетмановъ";— но вы мнѣ позвольте по крайней мѣрѣ, примолвилъ онъ едва сдерживаясь,—послать сказать Самуилу Исааковичу, — онъ въ настоящее время у генерала Суходольскаго,—чтобъ онъ уже не безпокоился пріѣзжать сюда опять... Напрасно обезпокоили только человѣка!..

— Сдѣлайте милость... мнѣ очень жаль! извинялся Завалевскій.

Іосифъ Козьмичъ дотронулся слегка до своей фуражки и, повернувшись налѣво кругомъ, отправился во-свояси аки левъ рыкаяй...

Завалевскій поднялся вслѣдъ за нимъ съ мѣста и задумчиво направился къ дому.

XIX.

Уже давно стемнѣло... Онъ сидѣлъ, одинъ, въ кабинетѣ, и думалъ,—думалъ объ этомъ уходящемъ днѣ. Тяжекъ и знаменателенъ былъ для него этотъ день. Утромъ Дина... *Послѣдняя* бесѣда его съ нею — онъ понималъ что̀ это былъ окончательный, безповоротный разрывъ—глубоко залегла ему въ душу... Куда, на что̀ ушли ея великія душевныя силы? Какъ въ этой безплодной борьбѣ съ мертвецами, которыхъ мечтала воскресить она, притупилось ее собственное нравственное чутье!.. Она колола его „непрактичностью", „идеальничаніемъ", тѣмъ что „изъ битвы жизни онъ вышелъ чистъ"... А сама она, цѣною нравственной чистоты своей,—чего она достигла?.. Нѣтъ, думалъ Завалевскій,—безплодны тѣ гордые замыслы... не ждать намъ отъ нихъ воскресенія... *Иже убо смирится яко отроча сіе, той есть болій во царствіи небеснѣмъ.* Съ дѣтскою вѣрой и смиреніемъ примись за свое малое дѣло — и не смущайся призракомъ что могъ бы ты большее дѣло дѣлать... Нѣтъ бо̀льшаго дѣла!..

Безполезно прошла вся его жизнь, но онъ не жалѣлъ объ этомъ:—мы уже знаемъ,—онъ не вѣрилъ въ *пользу*... Онъ вѣрилъ въ другое что-то, высшее, само въ себѣ сущее,—въ *духъ* человѣческій онъ вѣрилъ... и тосковалъ онъ теперь о томъ что такъ много жизни потрачено было имъ на безплодныя исканія... Онъ пріѣхалъ сюда, въ Алый Рогъ, съ широкою затѣею — и самъ не вѣрилъ въ нее, и нуженъ былъ этотъ молодой, женскій голосъ.. „Не пахана, не бороненая", вспомнились ему слова ея пѣсни... „Запрягись *самъ* въ плугъ, говорилъ онъ себѣ теперь съ какимъ-то невольнымъ внутреннимъ паѳосомъ,—въ молодыхъ, непочатыхъ душахъ прорѣзывай неизгладимыя борозды любви и святыхъ упованій, и не ищи ничего инаго, — „ты на землѣ совершилъ все земное"... О, еслибы это всѣ понимали, какъ понимаю теперь это я,—еслибы по всѣмъ уголкамъ бѣдной моей родины такіе же *безполезные* люди какъ я принялись за это *дѣло души*, за это *малое*—и безконечно великое дѣло!" Институтъ затѣянный Завалевскимъ представлялся ему теперь *нестерпимою казенщиной*, рано или поздно обѣтованнымъ удѣломъ *благонамѣренныхъ* Левіаѳановыхъ...

Нѣтъ, онъ не предастъ своей мысли на поруганіе, не подготовитъ почвы для враговъ! Онъ самъ приготовитъ бойцовъ... „за Бога, за семью, за родину“, какъ выражалась Дина,— за все то чему сама она перестала вѣрить! Онъ найдетъ тутъ же, въ бывшей своей вотчинѣ, пять, шесть сиротъ, онъ будетъ самъ ихъ воспитателемъ, учителемъ, онъ отдастъ имъ душу свою... онъ еще не старецъ,—ему сорокъ шесть лѣтъ— онъ еще можетъ дождаться жатвы! Онъ чувствуетъ—онъ способенъ вліять, благотворно дѣйствовать на чужую душу... Юноши имъ воспитанные во всеоружіи пойдутъ, въ свою очередь, на это дѣло жизни, въ свою очередь станутъ готовить крѣпкихъ, доблестныхъ руководителей, учителей народа... Не его деньгами, его духомъ созиждется нерушимое гнѣздо!..

Да, онъ способенъ вліять, онъ не можетъ этого не видѣть... Марина, это странное и прелестное созданіе,—ея обаятельный образъ, колѣнопреклоненный предъ нимъ, возставалъ неустанно въ его памяти и неодолимымъ смущеніемъ наполнялъ его душу,—какъ слѣдуетъ понимать тотъ едва вѣроятный порывъ что̀ привелъ, что̀ кинулъ ее сейчасъ къ его ногамъ?.. Нѣтъ, онъ не повѣритъ, не можетъ, не *долженъ* вѣрить... пора любви прошла для него навсегда... ему ли, съ его сѣдою головой, съ этими печальными морщинами на усталомъ челѣ,—ему ли вызывать любовь... любовь, такъ безжалостно посмѣявшуюся надъ нимъ въ лучшіе дни его юности?.. То что̀ говорила она ему,— тѣ слова что̀ палили ему теперь сердце,—это обманъ одинъ,— обманъ пылкой молодой души, алчущей *слова* и *свѣта*, и въ невѣдѣніи страстнаго стремленія не умѣющей отличить сосудъ отъ хранящагося въ немъ содержанія.. Онъ увидится съ нею, объяснитъ... онъ безтолково оттолкнулъ ее сейчасъ, онъ испугался... Чего испугался онъ?... И онъ чувствовалъ какъ блѣдныя его ланиты горѣли отъ приливавшей къ нимъ крови... Онъ чувствовалъ какъ жадно—и боязливо какъ—хотѣлось бы ему увидѣть ее скорѣе, и что̀ бы онъ далъ чтобы пережить опять то страшное и блаженное мгновеніе когда, вся пламень и жизнь, сжимала она его холодныя руки и говорила ему: „Мнѣ ничего не нужно... возьмите меня *какъ есть!..*“

Онъ заходилъ по кабинету, силясь отстранить соблазнъ этихъ представленій и снова приковать смущенную мысль къ тому „гнѣзду“, къ той *смиренной* школѣ, въ которой видѣлъ онъ теперь для себя и лучшую задачу, и спасеніе... Но успокоиться не суждено ему, видно, было.

— Ты здѣсь, Завалевскій? донесся до него изъ другой комнаты громкій голосъ Пужбольскаго.

— Здѣсь.

Князь переступилъ черезъ порогъ, отыскалъ пріятеля глазами въ полутьмѣ покоя, и повалился въ первое попавшееся ему кресло, съ видомъ человѣка который отъ усталости ногъ подъ собою не чувствуетъ.

— Я исходилъ садъ, не останавливаясь, четырнадцать разъ кругомъ, началъ онъ ex abrupto съ видимо напускною развязностію;—садъ имѣетъ въ окружности три тысячи четыреста восемьдесятъ восемь шаговъ; помноживъ это число на четырнадцать...

— Очень много выходитъ, прервалъ его разчеты графъ,— и ты...

— J'avais besoin de cet exercice pour me calmer, * не далъ ему кончить тотъ,—хотѣлъ получить возможность переговорить съ тобою хладнокровно, промолвилъ онъ, закуривая сигару о зажженную имъ спичку, и, пользуясь мгновеннымъ огнемъ этой спички, безпокойно глянулъ въ лицо Завалевскаго.

Графъ тотчасъ же догадался о чемъ это нужно было Пужбольскому переговорить съ нимъ; сердце у него ёкнуло.

— Говори! сухо проговорилъ онъ.

— Сегодня утромъ, повиновался немедленно князь,—между двѣнадцатью и часомъ, въ томъ большомъ лѣсу, гдѣ, ты помнишь, мы такой необыкновенно огромный бѣлый грибъ нашли, я предложилъ дочери твоего управляющаго, mademoiselle Samoïlenko, сердце мое, особу, и все что соблаговолили оставить мнѣ на пропитаніе Толкачевъ, Горбачевъ, et toute la satanée kyrielle que vous savez. Я просилъ ея руки...

— Ты! невольно вскликнулъ Завалевскій.

— Я! пыхнулъ сигарою Пужбольскій,—потому что я глупъ какъ пробка, что нынѣшнее утро и доказало мнѣ еще разъ до осязаемости.

— И она?.. Голосъ дрогнулъ у графа.

— Она?.. Elle m'a envoyé paître, ** что мнѣ слѣдовало предвидѣть, и что я въ сущности и предвидѣлъ... и все-таки полѣзъ, потому что, какъ говоритъ Байронъ: who, alas, can love

---

* Мнѣ нужно было это движеніе чтобъ успокоиться.

** Она отказала мнѣ.

and then be wise! * или какъ въ русской пословицѣ: *что у каждой старухи есть своя прорва...*

Какъ мало ни былъ расположенъ къ веселости Завалевскій, онъ не могъ не засмѣяться.

— Vous auriez du être plus généreux! воскликнулъ не безъ горечи князь;—не годится Цезарю глумиться надъ Помпеемъ!..

— Это ты меня Цезаремъ называешь? воскликнулъ, въ свою очередь, графъ.

— Тебя!.. И ты отрицать это даже права не имѣешь, потому тебѣ въ этомъ признались прямо, въ лицо!..

Завалевскій, не отвѣчая, склонилъ голову, словно пойманный въ преступленіи.

А пріятель его пояснялъ съ какимъ-то злорадствомъ, наслаждаясь его растеряннымъ видомъ:

— Сегодня, между семью и восемью, въ саду, за пять минутъ предъ нашимъ съ отцомъ ея возвращеніемъ сюда!

— Ты видѣлся съ нею? быстро подошелъ къ нему графъ.

— Видѣлся!

— И она тебѣ сказала?..

— Не сказала ничего, я самъ угадалъ... Угадать было не трудно,—elle n'avait pas figure humaine! **

— Боже, мой, вѣдь это безуміе! вырвалось отчаянно у Завалевскаго.

— Безуміе, подтвердилъ съ ироніей князь;—и я говорилъ ей что это безуміе, и она лучше обоихъ насъ знаетъ что это безуміе... И поэтому мнѣ безконечно жаль ее! завизжалъ онъ внезапно на самыхъ верхнихъ нотахъ своего голоса,—потому что она прелестнѣйшее существо на свѣтѣ... et que je l'aimerai, quoiqu'elle m'aie envoÿé paître, jusqu'à la fin de mes jours!..

И Пужбольскій, безсильный сдерживаться болѣе, пустилъ сигарою своею въ стѣну. Ударъ попалъ въ большую гравюру съ Рафаелевскаго *Преображенія...* Треснувшее стекло слабо зазвенѣло...

— Не вели вставлять новаго! всклинкнулъ онъ, вскакивая съ мѣста;—пусть это останется на вѣки у тебя памятью того дня когда ты безжалостно оттолкнулъ восхитительное Божіе созданіе... pour l'amour de laquelle я готовъ бы былъ, кажется, me faire capucin и всю жизнь глотать деревянное масло!..

---

* Кто, увы, можетъ любить и въ то же время быть мудрымъ.

** На ней человѣчьяго лица не было.

Теперь bonsoir, потому что весь мой запасъ хладнокровія выдохся и мнѣ опять надо четырнадцать разъ обѣжать садъ...

Онъ быстрыми шагами направился къ двери.

Завалевскій кинулся за нимъ, схватилъ его за руку.

— Не до буфонствъ, Пужбольскій!.. Ты мнѣ скажи,—ты ее видѣлъ,—какъ нашелъ ты ее?

— А такую я ее нашелъ, отвѣчалъ князь послѣ минутнаго молчанія,—что на первый даже взглядъ недобрымъ чѣмъ-то на меня повѣяло.. On ne sait pas, que diable!.. Особенно теперь, когда они со своимъ „прогрессомъ“ такъ устроили что жизни человѣческой три гроша цѣна!.. Я ей прямо далъ почувствовать что она... что это... А она подняла на меня свои божественные глаза и говоритъ мнѣ: смириться надо, не роптать...

Подъ рѣсницами Завалевскаго набѣжали слезы. Это были *его* слова!.. Не одну себя, всю свою гордость повергала она къ его ногамъ...

Онъ зашагалъ опять по комнатѣ въ невыразимомъ волненіи.

— Вѣдь это же невозможно, Пужбольскій, это было бы преступленіемъ... Вѣдь я чуть не тридцатью годами ея старѣе, вѣдь она мнѣ во внучки годится!.. Что̀ общаго между этою молодою жизнью и мною?

— Что̀ общаго! крикнулъ на него князь.—А то именно что она тебѣ не *дочь*, а *внучка* выходитъ!.. *Дѣти* объявили насъ трутнями и болванами, которые инаго дѣлать не умѣли какъ in's Blaue къ звѣздамъ парить, и похѣрили они за одно и звѣзды, и насъ... А *внукамъ* въ отцовскомъ болотѣ нестерпимо темно стало... Звѣздъ опять проситъ молодая жизнь,—довольно ей блудящихъ огней... свѣтилъ проситъ, de vrais astres au ciel!.. И ты *ее* не понялъ... не понялъ! завизжалъ онъ, схватываясь за волосы;—куда же *ей*, къ кому, гдѣ свѣтъ, гдѣ тепло? Развѣ не видишь ты qu'elle a l'étincelle divine! А кругомъ ея что̀, что̀?.. Nous les savons par coeur les продукты современнаго огорода, le передовой акцизный чиновникъ, et le либералъ-офицеръ генеральнаго штаба!.. Развѣ того душа ея проситъ? Вѣдь она же не меня, *тебя* она избрала,—чуть не рыданіе послышалось въ горлѣ бѣднаго Пужбольскаго,—умѣла же она понять!.. А онъ не можетъ, не хочетъ!..

И Пужбольскій, внѣ себя, цѣпляясь дорогой за стулья и столы, побѣжалъ въ свою комнату, расположенную въ противоположномъ концѣ дома.

Черезъ четверть часа пришелъ къ нему Завалевскій... Бесѣда друзей на этотъ разъ продолжалась далеко за полночь... Имъ въ голову не могло придти чтò въ это самое время происходило во флигелѣ занимаемомъ господиномъ Самойленкой...

XX.

Какъ туча грозный вернулся изъ сада Іосифъ Козьмичъ... Къ немалому своему удивленію, онъ засталъ у себя въ столовой, чрезъ которую проходилъ онъ въ кабинетъ, Вермана, котораго ожидалъ никакъ не ранѣе завтрашняго дня. „Монополистъ" сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ и жадно доѣдалъ какую-то поданную ему половину холодной индѣйки...

— Извините что безъ васъ распорядился, многоуважаемый, объяснилъ онъ хозяину,—чуть съ голоду не умеръ просто...

— Не застали генерала? коротко спросилъ тотъ.

— Утромъ въ городъ уѣхалъ, какъ нарочно,—и со всѣмъ семействомъ... Хлѣба куска тамъ достать не могъ, повѣрите!.. Вернулся къ вамъ и...

— Неудачный для васъ день! отрѣзалъ господинъ Самойленко.

— А чтò? поднялъ на него глаза Верманъ, встревоженный его тономъ.

— Чтò! — Пошелъ вонъ! обернулся главноуправляющій къ прислуживавшему гостю слугѣ. — Мимо проѣхало,—вотъ чтò! объяснилъ онъ Верману, едва остались они вдвоемъ.

„Монополистъ" только глазами заморгалъ,—онъ не совсѣмъ сообразилъ еще.

— Не продаетъ;—понялъ ты? крикнулъ ему Іосифъ Козьмичъ.

— Какъ не продаетъ? даже поблѣднѣлъ слегка Верманъ.

— А вотъ такъ, что ему большія деньги не нужны теперь...

— Да вѣдь онъ самъ же, говорили вы, въ шею гналъ васъ, чтобы деньги ему скорѣе?...

— Ну, а теперь не нужно!... Въ маломъ, говоритъ, масштабѣ думаю... Да вретъ онъ,—не то совсѣмъ, вретъ! захлебывался г. Самойленко, расхаживая по комнатѣ какъ въ клѣткѣ своей разъяренный левъ.

— *Сомнѣвается*--полагаете? смѣкнулъ „монополистъ" — и выронилъ вилку изъ рукъ...

Іосифъ Козьмичъ внезапнымъ оборотомъ сталъ стойма предъ нимъ, весь багровый...

— Змѣю за пазухой выростилъ я, пропустилъ онъ сквозь спиравшееся отъ гнѣва горло,—оттуда идетъ... понимаешь?...

Верманъ не на шутку перепугался.

— Выпейте, выпейте, многоуважаемый! захлопоталъ онъ, наскоро наливая полный стаканъ воды и подавая ее пріятелю...

Тотъ выпилъ ее залпомъ, и судорожнымъ движеніемъ рванулъ съ себя галстукъ.

— Змѣю выростилъ! повторилъ онъ глухо.

— Никогда, того быть не можетъ, не повѣрю, великодушно вступился „монополистъ",—чтобы такая благородная и образованная дѣвица какъ....

— А сегодня утромъ, перебилъ его господинъ Самойленко,— не слышалъ ты самъ, какъ она... Кто тамъ? крикнулъ онъ вдругъ на скрипъ осторожно отворявшейся изъ передней двери.

— Я... Осипъ, отвѣчалъ надтреснувшій голосъ—и въ дверь бочкомъ, сгорбясь, пролѣзла жабообразная фигура хромаго кузнеца;—приходить, сказывалъ Лаврентій, приказывали...

— Приходить! такъ и накинулся на него главноуправляющій,—драть тебя, такъ и то мало!...

— Что жь драть-то! пробормоталъ кузнецъ, перебирая между пальцами свою неизбѣжную мѣховую шапку,—напрасно за что драть-то!...

— Напрасно! подбѣжалъ къ нему съ поднятыми кулаками „потомокъ гетмановъ";—а колеса въ тарантасѣ моемъ ты смотрѣлъ?...

— Смотрѣлъ...

— Смотрѣлъ, подлецъ, а что хлябаютъ кругомъ шины—не видалъ?

— Новыя, извѣстно,—ссохлись, объяснялъ Осипъ, конфузливо опуская мѣшки своихъ вѣкъ на глаза.

Іосифъ Козьмичъ такъ и затопалъ на мѣстѣ.

— Такъ на это, распротоканалья ты эдакая, держу я тебя кузнецомъ, чтобы ты, ерепей мерзопакостный...

Голосъ Вермана прервалъ ругательства его на половинѣ.

— Гдѣ у васъ сигары, многоуважаемый? говорилъ онъ,— мои всѣ вышли...

— А вотъ сейчасъ... Погоди меня здѣсь, я съ тобой не кончилъ! крикнулъ кузнецу господинъ Самойленко и направился вслѣдъ за Верманомъ въ кабинетъ.

Дверь за ними затворилась; „хромой бѣсъ" остался одинъ...

Быстро наступалъ вечеръ. Кузнецъ все ждалъ... но дверь кабинета все такъ же оставалась затворенною... никто не звалъ его. Отмороженная нога его затекла,—онъ осторожно опустился на кончикъ ближайшаго къ передней стула, прикорнулъ головой къ притолкѣ, и тутъ же задремалъ...

Часы въ освѣщенной гостиной Іосифа Козьмича только-что отзвонили одиннадцать ударовъ, когда онъ съ Верманомъ вышли туда изъ полутемнаго кабинета, въ которомъ они до того времени переговаривались о неожиданномъ оборотѣ принятомъ *ихъ дѣломъ*, и о средствахъ его поправить... Остаться ночевать въ Аломъ Рогѣ „монополистъ" не согласился: ему, увѣрялъ онъ, необходимо было захватить въ городѣ одного пріятеля, который съ первымъ утреннимъ поѣздомъ собирался въ Харьковъ ѣхать, такъ что онъ его едва застать успѣетъ... Іосифъ Козьмичъ не настаивалъ...

Онъ проводилъ гостя до крыльца.

— Прощайте, до скораго свиданія, почтеннѣйшій другъ! говорилъ „монополистъ", усаживаясь въ свой экипажъ;—я увѣренъ что, при вашемъ умѣ, все устроится къ лучшему по вашей фантазіи... Маринѣ Осиповнѣ мое почтеніе прошу засвидѣтельствовать, заключилъ онъ подъ звонъ бубенцовъ и грохотъ задвигавшихся колесъ..

— Я вотъ ей засвидѣтельствую! пробурчалъ господинъ Самойленко, оставшись одинъ на крыльцѣ,—и медленными шагами поворотилъ назадъ.

Не успѣлъ онъ войти въ гостиную, какъ на порогѣ дверей выходившихъ въ садъ вырисовалась предъ нимъ стройная фигура Марины, вся свѣтлая на темномъ фонѣ сада...

Она увидѣла его, на мигъ остановилась въ дверяхъ,—и вошла въ комнату, блѣдная и спокойная.

У Іосифа Козьмича даже губы задрожали...

— Откуда, сударыня? началъ онъ, едва сдерживаясь.

— Изъ саду, какъ видите...

Она опустилась въ кресло и сложила руки на колѣняхъ, какъ бы готовясь слушать... Лицо ея приняло выраженіе чего-то преднамѣреннаго и рѣшительнаго...

Онъ быстро прошелся по комнатѣ—и вдругъ остановился предъ ней.

— Что̀ же вы цѣловались тамъ съ нимъ въ саду?...

Какъ отъ прикосновенія горячаго желѣза вся вздрогнула Марина.

— Про кого это вы говорите?

— Про кого жъ, какъ не про графа вашего! злобно отрѣзалъ онъ ей въ отвѣтъ.

Она улыбнулась;—чего стоила ей эта улыбка!...

— Вы знаете что это не можетъ быть;—къ чему же вы говорите? тихо вымолвила она, и руки ея упали снова на ея колѣна.

Господинъ Самойленко никакъ не ожидалъ этого спокойствія,—оно его еще болѣе раздражило.

— Я всего въ правѣ ожидать послѣ вашего *пассажа!* крикнулъ онъ на нее;—дерзости я еще могъ бы простить,—подлости никогда!...

Марина подняла на него свои потускнѣвшіе и изумленные глаза: онъ упрекалъ ее въ *подлости*?...

— Вы осмѣлились передать *ему*, захлебывался межъ тѣмъ Іосифъ Козьмичъ, — передать подслушанное... перевранное вами...

Она только плечами пожала.

Онъ наклонился къ ея креслу, сжимая кулаки...

— Ты меня, скверпавка ты эдакая, захрипѣлъ онъ, забывая уже всякую удержь,—ты меня предъ Жидомъ смѣла воромъ назвать... меня, Самойленку!... Да, мало того, шпіоничать пошла, нашептывать на меня своему... чортъ васъ знаетъ чѣмъ онъ тебѣ приходится!...

Она молчала, недвижимая какъ мраморная глыба... Только пальцы до боли стиснутыхъ ею рукъ хрустѣли въ отвѣтъ его бѣшенымъ ругательствамъ.

— Да говори же, отвѣчай!—его все сильнѣе приводила въ ярость неожиданная ея невозмутимость;—не ты развѣ отсовѣтовала графу лѣсъ продавать!...

— Я ничего не совѣтовала, все такъ же тихо промолвила она.

— Врешь ты, врешь! затопалъ онъ на нее ногами.

Она вскинула на него взглядомъ.

— Солгала ли я вамъ хотя разъ въ жизни? сказала она только.

— Такъ кто жъ его научилъ? уставился на нее Іосифъ Козьмичъ;—не святымъ же духомъ осѣнило его, чтобъ онъ съ утра на вечеръ съѣхалъ, съ *хочу* на *не хочу*?...

— Развѣ такъ трудно ему самому догадаться... что вы его обманываете? отвѣчала на это Марина.

Искры запрыгали въ зрачкахъ „потомка гетмановъ“.. Онъ схватился за стулъ...

— Да какъ ты смѣешь.. въ глаза... мнѣ... еще разъ... Знаешь ли ты... что я тебя могу...

Она еще разъ глянула ему въ лицо.

— Что̀ вы можете? спросила она.

— Въ ничтожество, въ холопство обратить тебя могу! заревѣлъ онъ,—и стулъ затрещалъ подъ его сильною рукой...

— Вы можете оскорблять меня, сказала Марина,—я все снесу.. *добровольно*... Но права надо мною вы не имѣете. . вы мнѣ не отецъ!...

— Я тебѣ не отецъ? озадаченно повторилъ Іосифъ Козьмичъ;—такъ кто же я тебѣ?...

— Мужъ моей покойной матери.

— Мужъ твоей.... А твой.... твой отецъ кто же, по-твоему?...

— Вы знаете, избѣгая встрѣтиться съ нимъ глазами, отвѣчала она: — отецъ мой князь Анатолій Сергѣичъ Серебряный....

— Анато-лій Серг.... Князь Анатолій Сергѣ.... Ха, ха, ха! Княжна! Сіятельная!... Княжна! хохоталъ какъ въ истерическомъ припадкѣ Іосифъ Козьмичъ....

— Моя мать вамъ въ этомъ сама призналась, прервала его Марина, — и вы... вы простили ей.... вы хорошо тогда поступили!..

— Твоя мать мнѣ призналась? повторилъ онъ, почти испуганно тараща на нее свои воспламененные круглые глаза; — да ты обезумѣла что ли совсѣмъ?...

Она, вся блѣдная, недоумѣвающая, воззрилась на него:

— У меня доказательство есть! пробормотала она, и кинулась въ свою комнату.

— Ваша рука,—не помните? быстро возвращаясь и протягивая Іосифу Козьмичу бережно хранившійся у нея клочокъ его письма къ Марѳѣ Ѳаддѣевнѣ, промолвила Марина.

Онъ вырвалъ у нея листокъ, подошелъ къ лампѣ, пробѣжалъ его.... Еще злѣе забѣгали его зрачки.... Безобразенъ былъ въ эту минуту Іосифъ Козьмичъ!

— И вы изъ этого,—вы изъ этого вывели что жена моя.... *моя* жена.... рога мнѣ наставила.... и что ты княжной родилась! Княжной!... Холопкой родилась ты! зашипѣлъ, зашамкалъ онъ отъ злости, — изъ милости своей безконечной

сжалилась покойница надъ тобою.... за дочь свою приняла.... А ты надъ памятью ея ругаешься.... Княжна!...

Марина схватилась за спинку кресла.... ноги ея подкашивались.... что-то безсвязное, острое и невыносимо-мучительное давило ей голову, ныло до тошноты въ ея груди....

— Кто же они — мать моя.... отецъ?... Гдѣ?... Кто у меня остался? спрашивала она отрывистымъ, надрывающимъ голосомъ....

Но безжалостенъ былъ господинъ Самойленко.... Князь Анатолій,—это былъ послѣдній, невыносимый ударъ для его самолюбія, съ утра, во всѣ больныя мѣста его исколотаго Мариною съ какою-то слѣпою безпощадностью,—князь Анатолій, человѣкъ ненавистнѣе котораго не существовало для него никого на свѣтѣ, которому онъ и понынѣ не могъ забыть высокомѣрно-насмѣшливаго обращенія съ нимъ, „потомкомъ гетмановъ“, когда онъ, бѣдный армеецъ въ отставкѣ, искалъ руки Мареы, пренебреженной этимъ блестящимъ гвардейцемъ,— нѣтъ, не въ состояніи былъ Іосифъ Козьмичъ простить Маринѣ это имя, это заблужденіе ея.... онъ ненавидѣлъ ее теперь, — ненавидѣлъ наравнѣ съ тѣмъ котораго она посмѣла почитать своимъ отцомъ!...

— Кто остался у васъ, захихикалъ онъ ей въ отвѣтъ; — а вотъ я вамъ сейчасъ.... сейчасъ покажу кто у васъ остался!... Не угодно ли?

Онъ пригласилъ ее рукой слѣдовать за нимъ, и направился въ кабинетъ.

Она тупо, безотчетно пошла за нимъ....

Въ кабинетѣ одиноко горѣла свѣча.... Онъ сильно дрожавшею рукою зажегъ о нее другую свѣчу, и прошелъ съ нею въ столовую.

— Эй ты, сопунъ! Ступай сюда, послышался дѣвушкѣ оттуда его голосъ, и затѣмъ чей-то хрипливый, будто испуганный возглась, шумъ упавшаго стула.... чьи-то тяжелые шаги близились къ дверямъ....

Вошелъ Іосифъ Козьмичъ—и за нимъ....

Все ясно стало для Марины: та *Марья Өедоровна*, на которую намекалъ ей утромъ этотъ ужасный человѣкъ, это была мать ея.... А онъ....

— Вотъ онъ,—*мужъ вашей матери*.... отецъ вашъ *по закону!* объяснилъ Іосифъ Козьмичъ, поднося свѣчу подъ самые глаза кузнеца, и, выронивъ ее изъ рукъ, всѣмъ грузнымъ тѣломъ

своимъ упалъ на близь стоявшій диванъ, какъ бы раздавленный самъ этимъ безжалостнымъ торжествомъ своимъ....

Она шатнулась всѣмъ тѣломъ назадъ, словно въ грудь ее кто ударилъ.... И тутъ же неимовѣрнымъ усиліемъ надъ собой выпрямилась вся, провела рукой по лицу, и прямо направилась къ кузнецу:

— Пойдемте! коротко сказала она ему.

Съ просонковъ, моргая своими красными вѣками отъ внезапнаго свѣта, онъ, какъ звѣрь лѣсной, оглядываяся во всѣ стороны, не понимая еще, не успѣвъ сообразить....

— Пойдемте! повторила Марина, притрогиваясь къ его плечу.

— Куда? какъ бы невольно проронилъ Іосифъ Козьмичъ.

Она обернулась къ нему:

— Благодарю васъ, твердо проговорила она, и словно сталью блеснули устремившіеся на него глаза ея,—благодарю за прошедшее.... И за сегодняшнее благодарю васъ, примолвила она почти ласково, — за то что гордость мою покарали.... Прощайте!...

— Куда? растерянно спросилъ еще разъ господинъ Самойленко.

— Куда мнѣ слѣдуетъ! такъ же рѣшительно отвѣчала Марина, и ухватившись за рукавъ „хромаго бѣса“:—идемте же... вы отецъ мой.... я за вами!...

Безмолвно, оторопѣло повиновался онъ ей.... Они вышли изъ комнаты.... Іосифъ Козьмичъ хотѣлъ вскрикнуть, приподняться, и снова, безъ словъ, упалъ на спинку дивана. Онъ былъ, дѣйствительно, раздавленъ.

XXI.

Безлунная ночь мрачно глядѣла съ неба; накрапывалъ дождикъ. Кузнецъ и Марина выходили за ограду села, въ поле.... Впереди какимъ-то страшнымъ чернымъ пятномъ темнѣла предъ ними ближняя опушка лѣса.

— Такъ якъ же то.... вы со мною пойдетё? недоумѣвающимъ голосомъ словно рѣшился спросить дѣвушку ея спутникъ: до этой минуты они еще словомъ не обмѣнялись.

— Съ вами, тихо отвѣчала она.

— А куда же мы пойдемъ? остановился онъ вдругъ на ходу.

— Куда хотите....

— *До меня* пойдете? проговорилъ кузнецъ, какъ бы совсѣмъ ужь не вѣря.

— Вы отецъ мой, — куда прикажете, я туда пойду, сказала она въ свою очередь.

Онъ потянулся головой ближе къ ней, будто пытаясь въ темнотѣ разглядѣть выраженіе ея лица.

— Отецъ! повторилъ онъ сквозь зубы, и вдругъ заковылялъ впередъ такъ быстро, что Марина едва поспѣвала за нимъ. Онъ что-то мычалъ про себя непонятное и сердитое.

Они дошли до лѣса.

— Довелъ-таки до того! неожиданно захихикалъ „хромой бѣсъ“, снова останавливаясь; — якъ же то вышло съ нимъ у васъ, кажите?

— Не спрашивайте, прошу васъ, не мучьте меня! вырвалось невольно у Марины.

— Не мучьте! протянулъ онъ страннымъ голосомъ, и примолвилъ: — а якъ онъ меня отцомъ вашимъ назвалъ.... зà чтò вы ему спасибо казали?

Она не отвѣчала,—чтò могла она отвѣчать *ему* на это?

— Отецъ! пробормоталъ онъ еще разъ, и уже безъ слова, безъ остановокъ продолжалъ держать свой путь въ почти непроглядной теми лѣса, не оборачиваясь, какъ бы позабывъ о неотстававшей отъ него дѣвушкѣ.

Она упрекала себя въ томъ что только-что сказала ему: не мучьте меня!... Нѣтъ, именно мученій, мученій алкала ея душа теперь... настоящихъ, грозныхъ—мученій *мучениковъ*, внѣшнихъ, ощутительныхъ болей.... И съ любовью приняла бы ихъ она, съ восторгомъ.... Среди этихъ пришлыхъ мученій она быть-можетъ позабыла бы хоть на мигъ эту горчайшую съѣдающую ее муку — *его презрѣніе!*... Но она смирится, *смирится какъ желаетъ онъ*, — она это свое теперешнее униженіе возведетъ себѣ въ утѣшеніе, въ радость!... Она искупитъ имъ все свое прежнее, безобразіе своего воспитанія, свое *фуфырство*, свои безумныя надежды.... Она крестьянкой будетъ, *чумичкой*, послѣднею изъ послѣднихъ,—она хлѣбы будетъ печь, борщъ варить этому увѣчному, уродливому, ненавидимому всѣми отцу своему!

Все темнѣй становилось въ лѣсу. Частый дождикъ слышно дробилъ по листамъ,—холодныя капли, скатываясь съ нихъ, капали на голову, за воротъ Марины... Она вздрагивала и жалась, стискивая зубы чтобы не стучали они,—лихорадка

понимала ее... А кузнецъ все такъ же торопливо шелъ впередъ,— она за нимъ.... Онъ неожиданно повернулъ влѣво, въ чащу... Куда же это?... Но не все ли равно ей?

— Низомъ не пройти вамъ ни зà чтò! счелъ онъ какъ бы нужнымъ объяснить,—трава скользкая.... съ горы въ *церковище* свалитесь.

— Ой! вскрикнула Марина: она въ темнотѣ наткнулась лбомъ на какой-то острый сучекъ.

Онъ остановился.... Въ чащѣ уже рѣшительно ничего разглядѣть было нельзя.

— За кушакъ держитесь, тутъ недалечко, на дорогу заразъ выйдемъ.... только на дерева надсадиться можно, потому узко тутъ будетъ.

Онъ развязалъ свой кушакъ и протянулъ конецъ его Маринѣ. Ея рука встрѣтилась съ его грубою какъ сапогъ, мокрою отъ дождя рукою. Она превозмогла себя—и ухватилась не за кушакъ, а за эту отвратительную мокрую руку.

— Такъ лучше, тихо промолвила она.

— Ну и такъ можно.... и такъ!... И такъ можно, повторилъ еще разъ кузнецъ, и какой-то мимолетно мягкій звукъ послышался ей въ его надтреснутомъ голосѣ.

Онъ осторожно сталъ пробираться впередъ по узкой тропѣ между деревьевъ, крѣпко держа ее за руку и бормоча опять про себя что-то несвязное и непонятное. „Дочка“ могла только разслышать Марина: онъ о ней разсуждалъ самъ съ собою. Тропинка между тѣмъ становилась шире, и впереди, какъ яркая звѣзда, блеснула прямо въ глаза Марины недалекая огненная точка.

— Акуратъ до нея вышли! засмѣялся вдругъ кузнецъ, выпуская сразу руку дѣвушки.

Они вышли къ хаткѣ одиноко стоявшей на большой дорогѣ, противъ самой опушки лѣса.

— А вотъ я зáразъ, зáразъ, забормоталъ „хромой бѣсъ“, торопливо перебираясь черезъ дорогу.

Марина не отставала отъ него. Онъ подошелъ къ двери избушки и осторожно стукнулъ въ нее своими костлявыми пальцами.

— А кто тамъ? раздался чрезъ мгновеніе за дверью заспанный старушечій голосъ.

— Я, Горпино, я, отмыкай скоро!

Дверь распахнулась. Онъ, не входя, прошепталъ нѣсколько

словъ отворившей. Звяканье мѣдныхъ монетъ донеслось до слуха Марины.

Она стояла посередь дороги. Пламя ночника чрезъ окно избушки прямо било на нее, освѣщая ея распустившіеся спутанные волосы, ея порванное о сучья, прилипшее къ тѣлу отъ дождя кисейное платье. Кузнецъ съ порога повелъ на нее глазами.

— Слухай ты, Горпино, обратился онъ опять къ невидимой старухѣ съ какими-то опять неслышными словами.

— Матерь Божія, барышня! послышался въ отвѣтъ изумленный возгласъ.

— Ну, ну, давай! заговорилъ хромой, загораживая собою дверь, съ очевиднымъ намѣреніемъ не допустить ее выйти изъ хаты.

Онъ взялъ у нея что-то изъ рукъ, поднесъ ко рту, закинувъ голову назадъ, крякнулъ и бережно уложилъ себѣ это за пазуху.

— А вотъ вамъ.... чтобъ не мокли! молвилъ онъ, вынося Маринѣ добытую имъ отъ старухи какую-то дырявую свитку.

— Спасибо вамъ! сказала она не поморщась, накидывая себѣ на плечи эти грязныя лохмотья.

Они пошли опять по дорогѣ.

Марина хорошо знала мѣстность: отъ этой „келейки" Горпины, до которой не разъ—и каждый разъ тщетно—добирался Марининъ обожатель, акцизный чиновникъ, подозрѣвавшій старуху въ тайной продажѣ водки,—отъ этого ея жилища до кузницы оставалось не далѣе версты. Но кузнецъ, повидимому, не спѣшилъ домой; онъ такъ же медленно теперь подвигался впередъ, какъ спѣшилъ за четверть часа предъ этимъ добраться до Горпины, и то-и-дѣло останавливался на ходу чтобы поднести къ губамъ тотъ завѣтный сосудъ что̀ хранился у него за пазухой. Сосудъ вскорѣ оказался пустъ. Онъ поднялъ его надъ головой съ намѣреніемъ швырнуть о земь, и вдругъ пріудержался.

— Дочка̀, держи! съ сиплымъ, пьянымъ хохотомъ крикнулъ онъ нежданно Маринѣ, заходившею во всѣ стороны рукою протягивая ей штофъ.

Марина подошла къ нему. Онъ уцѣпился за ея плечо,—онъ еле на ногахъ держался.

Она взяла его подъ руку и повела.

Дождь перересталъ тѣмъ временемъ; становилось свѣтлѣе, кое-гдѣ на разчищенномъ небѣ замигали звѣзды.

Въ лощинкѣ, подъ ракитами, стояла довольно длинная мазанка, крытая соломой и землей, съ пристроенною къ одному изъ боковъ ея на четырехъ деревянныхъ столбахъ стойкою для ковки лошадей: это была *кузня*,—обиталище „хромаго бѣса".

— *Мой дворецъ* теперь! сказала себѣ Марина, бодрясь и силясь улыбнуться, межь тѣмъ какъ вся она изнемогала подъ тяжестью навалившагося на нее пьянаго.

Они добрели кое-какъ до входа.

— Ог-мыкай!... Пе-трусь! безсмысленно замахалъ рукой кузнецъ, опускаясь какъ мѣшокъ на *прiпетокъ* * мазанки.

Оконце рядомъ съ дверью быстро отворилось; кто-то выглянулъ изъ него, и замѣтивъ Марину, слегка вскрикнулъ.... Послышался звонкій ребяческій голосокъ:

— А я заразъ свичу запалю, заразъ!

Дверь отворилась; на порогѣ ея появился мальчикъ лѣтъ четырнадцати, съ сальнымъ огаркомъ воткнутымъ въ бутылку въ рукѣ, и съ полусонными, полуиспуганными глазами устремленными на *барышню*.

Она улыбнулась ему — она знала его въ лицо, онъ когда-то былъ ученикомъ ея въ волостной школѣ—и указывая на *отца*:

— Помоги свести его, Петрусь! сказала она тихо мальчику.

Но хромой самъ, безъ помощи ихъ, приподнялся и, держась о стѣнку, вошелъ въ кузню. Онъ огляделся кругомъ мутными глазами и поплелся прямо къ стоявшей за мѣхами большой кадкѣ съ водой, въ которой остуживалось у него при ковкѣ раскаленное желѣзо. Опустившись предъ ней на земь, онъ принялся обливать себѣ водою голову, громко охая, фыркая и икая.

— Веди въ горницу! крикнулъ онъ посреди всего этого мальчику.

Петрусь, свѣтя своимъ огаркомъ, отворилъ едва замѣтную, отянутую рогожей дверь что вела во внутренній апартаментъ кузнеца.

Марина вошла, низко наклонивъ голову...

Ее такъ и прошибло тройнымъ запахомъ дыма, дубленой кожи и полыни... Какъ и въ кузнѣ, потолка не было въ этой *горницѣ*; ночное небо проглядывало кое-гдѣ сквозь ветхую

* Заваленка.

крышу, подъ которою, встревоженные внезапнымъ свѣтомъ, зарѣяли, при появленіи Марины, пріютившіеся тамъ воробьи и ласточки. На низко опустившіяся тонкія балки навѣшены были для просушки пучки лѣкарственныхъ и *настоечныхъ* травъ; окна, лавки кругомъ стѣнъ, полуразвалившаяся печь, занимавшая чуть не половину помѣщенія,—все это было загромождено всякою рухлядью, кучами гвоздей, болтовъ, гаекъ, обрѣзками шинъ, неотянутыми колесами, ведрами и грудами угля. Въ углу на гвоздяхъ висѣла цѣлая коллекція смушковыхъ шапокъ, кожуховъ, женскихъ платковъ и понявъ, подъ залогъ которыхъ ссужалъ бѣдный людъ грошами ростовщикъ кузнецъ... Въ этомъ углу и спалъ онъ на старой попонѣ разостланной на голомъ полу... Рядомъ съ дверью настланъ былъ ворохъ полусгнившей вонючей соломы, служившей Петруси ложемъ...

Марина въ изнеможеніи опустилась на это ложе,—она ногъ болѣе подъ собой не чувствовала... Петрусь стоялъ у притолки и глядѣлъ на нее все тѣми же испуганно-изумленными глазами...

— Чаво смотришь, мерзунъ, гнѣвно толкнулъ его кузнецъ, вваливаясь за ними въ *горницу*;—бери, о, свитку, неси до Горпины, *ейная*,—и чтобъ не приходилъ ты до утра,—слухаешь!..

Мальчикъ повиновался. Кузнецъ проводилъ его до входной двери, заперъ ее болтомъ, и вернулся къ Маринѣ.

Опьяненіе какъ бы на половину прошло у него: онъ двигался довольно твердо, и языкъ его не путался какъ за нѣсколько минутъ предъ этимъ... Но при мерцаніи свѣчнаго огарка, который онъ изъ рукъ Петруся принесъ на печь, скинувъ съ него предварительно нагаръ своими корявыми пальцами, Марина могла замѣтить что губы его судорожно подергивало и что недобрымъ выраженіемъ сверкали глаза его изъ подъ припоодымавшихся красныхъ вѣкъ... Ей опять становилось страшно съ этимъ... съ этимъ *отцомъ* своимъ...

Онъ смахнулъ съ одного размаха съ лавки все что было навалено на нее всякаго желѣза, сѣлъ—и уткнувъ себѣ локти въ колѣна, положилъ голову на руки и принялся молча глядѣть на Марину:

— Якъ же мы теперь будемъ жить съ тобою, дочка? спросилъ онъ наконецъ, съ какимъ-то ехиднымъ торжествомъ.

— Я... я не знаю, пролепетала она,—какъ хотите...

— Якъ хочу! повторилъ онъ, хихикнувъ...—А якъ захочу я надъ тобою покуражиться,—что̀ тоди? спросилъ онъ, грозно покачивая косматою головой своею.

— Куражьтесь!... Я снесу, отвѣчала покорно Марина... „Княжна!“ сказала она себѣ съ невольно горькою улыбкой.

Онъ опять уставился на нее:

— И не можетъ *онъ* ничего со мною подѣлать,—самъ казалъ... „отецъ твой“, казалъ: „по закону!...“ Жинка мнѣ была... вѣнчанная—Марья Ѳедоровна.. Не слыхали,—про мать свою... про Марью Ѳедоровну?... Нѣ, не слыхали, утромъ казали мнѣ—не слыхали!... Ой, грѣхъ, грѣхъ... большой грѣхъ!...

Онъ вдругъ закрылъ себѣ глаза руками...

— А таки моя, *моя дочка̀!* На мое вышло, продолжалъ онъ какъ въ бреду...—Отня̀лъ, двадцать годовъ не отдавалъ... а на мое жь вышло!... Потому—*знаю!* какимъ-то таинственно зловѣщимъ шопотомъ проговорилъ онъ:—двѣнадцать зорь по ту траву ходилъ... по̀ки нашелъ.. Завивъ тотъ мой вчирась на *виру̀* бачили?... казалъ Тулумбасъ—бачили...... Нѣту на завивъ тотъ отговора... Нѣту!... Отда̀лъ дочку, отдалъ! захохоталъ вдругъ дикимъ хохотомъ хромой...

Ужасъ все сильнѣе овладѣвалъ Мариной...

— Въ Сибирь хотѣлъ меня... убогимъ на вѣки сдѣлалъ... дьяволъ лысый!... Онъ приподнялся и опять упалъ на лавку,—винные пары снова подымались ему въ голову, глаза его наливались кровью и блуждали свирѣпо кругомъ, какъ бы отыскивая предметъ ненависти его... А за̀ что̀?... Простилъ я ей... все простилъ... Богъ съ тобою! казалъ ей,—только ты напредки не подумай... смѣть не подумай съ нимъ возжатись... А онъ, *гадюка*, * чтобъ ему, про̀клятому...

Въ эту минуту подъ самою кузней слышно раздался жалобный визгъ собаки, и въ оставшееся открытымъ, не высоко надъ землею прорѣзанное оконце однимъ прыжкомъ вскочилъ *Каро*—и съ неистовымъ лаемъ радости и тревоги кинулся къ госпожѣ своей. Онъ, видимо, давно, долго, отчаянно отыскивалъ ее повсюду...

— А чтобъ тебя, песъ анаѳемскій! заревѣлъ кузнецъ, подымая надъ головой тяжелую желѣзную полосу, попавшуюся ему, къ несчастію, подъ руку...

Каро, оскаливъ зубы, неустрашимо кинулся на него...

---

* Змѣя.

Не успѣла вскрикнуть Марина, какъ бѣдная собака, съ разможженнымъ черепомъ, лежала истекая кровью у ея ногъ.

— *Каро*, *Каро*... за что̀, за что̀ убили вы его! съ безумнымъ рыданіемъ упала она на земь, охватывая руками содрогавшееся еще тѣло вѣрнаго друга...

— Убью!... И тебя... убью!... Кровь барскую изъ жилъ вылущу! не помня себя ринулся на нее пьяный...

— Убейте! приподымаясь на колѣняхъ, вскрикнула Марина, простирая къ нему молящія руки. Смерть,—о, какое блаженство было бы это для нея!...

Полоса съ грохотомъ шлепнулась изъ рукъ его о земь... Онъ зашатался и растерянно ухватился за стѣну...

— Не буду... не буду! вдругъ зарыдалъ онъ истерическимъ, страшнымъ воплемъ,—тоди хотѣлъ... якъ въ люлькѣ лежала... съ Марьею... съ Марьей хотѣлъ,—обоимъ одна смерть!... Царство ей небесное, барыня покойница... съ рукъ вырвала.. Чуръ его... синій, о-о, чортъ рогатый!... Огнемъ меня... огнемъ...

Онъ повалился на лавку въ судорожномъ припадкѣ.

Марина схватила съ печи бутылку съ огаркомъ—и выбѣжала въ кузню... Зачерпнувъ изъ кадки воды въ жбанъ, она принялась обливать ею голову кузнеца... Она не слыхала какъ въ это самое время грохотали колеса подъѣзжавшаго экипажа, какъ вслѣдъ за тѣмъ нетерпѣливая и сильная рука застучала что̀ есть мочи въ дверь кузни...

— Отворяй, отворяй сейчасъ! кричалъ въ окно, уже почти подъ самымъ ея ухомъ, чей-то—она въ первую минуту даже не была въ состояніи признать чей это былъ угрожающій голосъ;—двери выломаю!...

Она выбѣжала, отомкнула....

— Гдѣ Марина? крикнулъ входя Іосифъ Козьмичъ—онъ не замѣтилъ ее въ темнотѣ... Первымъ движеніемъ ея было кинуться отъ него прочь, въ *горницу*, къ *отцу* своему....

Этотъ ненавистный голосъ словно привелъ того въ чувство. Онъ сидѣлъ теперь на лавкѣ, низко опустивъ косматую голову, дико поводя кругомъ мутными глазами.

— Марина! крикнулъ съ порога, завидя ее, г. Самойленко,—ѣдемъ?...

— Куда? спросила она, не понимая.

— Со мной!... Не можешь же ты здѣсь оставаться.... Онъ шагнулъ впередъ и чуть не упалъ, запнувшись за бездыханное тѣло бѣднаго *Каро*.... Онъ наклонился, узналъ:

— Это твоя работа? крикнулъ онъ бѣшенымъ голосомъ кузнецу.

— Моя, замоталъ тотъ головою;—и дочку хотѣлъ.... и дочку!... Въ Сибирь посылай!....

— Онъ пьянъ? испуганно глянулъ на Марину Іосифъ Козьмичъ.

— Пьянъ! вызывающимъ тономъ повторилъ хромой;—пьянъ, посылай въ Сибирь!...

— Марина, заговорилъ опять г. Самойленко,—ты виновата предо мной.... Я.... я простить тебѣ готовъ.... Но не здѣсь объ этомъ разсуждать намъ.... Ѣдемъ скорѣе!...

— Куда я отъ отца уѣду? сказала она.

— Онъ, онъ! возгласилъ Іосифъ Козьмичъ, насильно схватывая ее за руки,—не отецъ онъ, а убійца!... Онъ жену свою.... твою мать вотъ какъ эту собаку несчастную....

— Помилуй мя, помилуй, Господи! застоналъ вдругъ хромой.

— Я, съ глубоко захватывавшимъ его волненіемъ говорилъ между тѣмъ Іосифъ Козьмичъ,—я.... ты должна это знать, я любилъ твою мать бѣдную....

— На сносяхъ ее за меня отдалъ! прошипѣлъ кузнецъ.

— Врешь ты, мерзавецъ, врешь! кинулся на него со сжатыми кулаками г. Самойленко,—не отдалъ бы я ее тебѣ на вѣрную смерть!... Сама она, сама... въ мое отсутствіе.... Растерялась.... скрыть.... предъ барыней, предъ покойницей захотѣла.... А онъ тутъ, жаба подлая, приставалъ къ ней давно.... Она и пошла за него....

— Пошла.... На то шла чтобъ вѣрною быть....

— И была бъ она тебѣ вѣрная, аспидъ ты эдакой, потому душа у нея была ангельская!... Безъ меня все это было, Марина, безъ меня!... Жилъ я всю тогда зиму въ городѣ, ратниковъ сдавалъ.... Не зналъ даже что она замужъ вышла.... побоялась она что ли извѣстить меня.... Только за меня покойница жена, по ея просьбѣ, попу обвѣнчать ихъ скорѣй приказала.... Какъ вернулся я, да узналъ,—она ужь и родила давно.... Захотѣлъ я на младенца.... *на тебя* поглядѣть! И всего-то я разъ, разъ одинъ, зашелъ къ ней, предъ самымъ отъѣздомъ опять въ городъ,—всего на три дня пріѣзжалъ я тогда домой.... Зашелъ.... когда его, мерзавца, дома не было, потому видѣть я его не могъ!... Зашелъ.... благословить тебя хотѣлъ, двухмѣсячная была ты тогда, примолвилъ Іосифъ Козьмичъ какимъ-то сконфуженнымъ тономъ.... Не успѣлъ я вернуться въ го-

родъ, какъ получаю письмо отъ жены что злодѣй этотъ въ тотъ самый день, какъ только выѣхалъ я, убилъ Машу до смерти...

— А будь вы всѣ прокляты! промычалъ, прерывая его, кузнецъ, и свалился съ лавки на солому, уже совершенно лишенный сознанія.

Раздавленная, уничтоженная стояла Марина предъ этими *двумя отцами* своими, изъ которыхъ одинъ погубилъ, другой убилъ ея мать. Тошно, отвратительно ей было! Оба они равно внушали ей къ себѣ ужасъ и отвращеніе. Ничего у нея теперь не оставалось, ни одной не задѣтой, не помятой струны въ ея душѣ! Она бы все перенесла—нищету, грубость, униженіе, она отдавала всю себя на жертву своему дочернему долгу. Но предъ кѣмъ теперь этотъ ея *долгъ*, кому изъ этихъ убійцъ нужна ея жертва?..

— Марина, говорилъ ей тѣмъ временемъ Іосифъ Козьмичъ,— позабудемъ все! Побранились съ тобой — и баста! Квитъ!.... Вспомни: кто жь тебя взлелѣялъ, воспиталъ.... Вспомни покойницу жену,—она жь тебѣ за мать была!... А я—я ничего не хотѣлъ до времени говорить тебѣ — я просилъ правительство чтобы тебѣ права законной дочери моей предоставить.... На дняхъ графъ получилъ письмо изъ Санктъ-Петербурга, что тамъ на это согласны... Поняла ты,—ты теперь моя, моя *законная* дочь, Марина Осиповна Самойленкова.

Она пристально глядѣла на него лихорадочно-сіявшими глазами—и ничего не отвѣчала.

Не того ждалъ господинъ Самойленко; онъ видѣлъ что далеко не все кончено, что не обрадовалась, не кинулась ему на шею эта „его теперь *законная дочь*", что недобрымъ пламенемъ горѣли ея устремленные на него глаза, казавшіеся огромными отъ страшно-осунувшагося, потемнѣвшаго за эти два дня лица ея... Безпокойство не на шутку заговорило въ немъ.

— Время намъ нечего терять, Марина, уговаривалъ онъ ее,— ѣдемъ скорѣе домой!.. Подумай,—вѣдь это скандалъ!.. Что могутъ подумать... что скажутъ обо мнѣ... о тебѣ наконецъ... Ты только размысли хорошенько: первый, *графъ*... Ну, что онъ можетъ подумать?...

Она еще разъ взглянула на него, потомъ на *другаго*..... на кузнеца. Онъ лежалъ на соломѣ, какой-то скорченный, безпомощный и жалкій,—и стоналъ во снѣ,—въ томъ мучительномъ снѣ пьянаго, исполненномъ грозныхъ, давящихъ представленій.

Марина кивнула на него и опустилась на лавку.

— Нѣтъ, молвила она Іосифу Козьмичу, и улыбнулась невыразимо-презрительною улыбкой,—я съ вами не поѣду... Все же *онъ* лучше васъ!

Онъ даже покачнулся на толстыхъ ногахъ своихъ.. Это было слишкомъ, перенести это былъ онъ уже не въ состояніи.

Едва сдержался „потомокъ гетмановъ“.

— Помни же, прерывавшимся отъ бѣшенства голосомъ проговорилъ онъ,—помни: придешь... въ ногахъ будешь валяться... вонъ выгоню!

Онъ плюнулъ всѣмъ ртомъ въ распростертаго на соломѣ, предпочтеннаго ему *соперника*—и кинулся вонъ изъ кузни въ таратайку которая привезла его сюда.

Долго не могъ онъ опомниться—и въ неостывавшемъ гнѣвѣ своемъ плевалъ въ воздухъ въ продолженіи всего пути до дому. А думы его въ то же время становились все мрачнѣе, все безотраднѣй....

Подъѣзжая ко *дворцу*, онъ не безъ удивленія увидѣлъ свѣтъ въ покоѣ занимаемомъ княземъ Пужбольскимъ. — Не спитъ еще! сказалъ онъ себѣ, судорожно сжимая брови отъ невольной опять мысли о томъ „чтò *они* скажутъ!..“ И вдругъ, какъ бы осѣненный какимъ-то вдохновеніемъ:

— Стой! крикнулъ онъ своему кучеру, вылѣзъ изъ экипажа и, приказавъ не откладывать, самъ прошелъ на большое крыльцо.

Въ передней встрѣтился ему камердинеръ Пужбольскаго, со свѣчею въ одной рукѣ и только-что скинутымъ барскимъ платьемъ въ другой.

— Чтò, князь ужь легъ? спросилъ Іосифъ Козьмичъ.

— Книжку въ постели читаютъ, отвѣчалъ слуга, съ любопытствомъ глядя ему въ глаза;—графъ сейчасъ отъ нихъ вышли... Прикажете доложить о васъ?..

— Ступай въ свое мѣсто! величественно отрѣзалъ ему на это главноуправляющій;—я самъ о себѣ доложу....

И, отворивъ дверь, онъ направился въ спальню князя.

XXII.

Стукъ таратайки Іосифа Козьмича давно смолкъ на песчанистомъ пригоркѣ; давно погасъ на печи, нестерпимо чадя, сальный огарокъ Петруся, и блѣдный свѣтъ зари уже брезжилъ въ оконца кузни, а Марина все такъ же упорно и без-

сознательно не отрывала глазъ отъ бездыханнаго *Каро*, отъ рядомъ съ нимъ лежавшаго, въ безчувственный сонъ погруженнаго теперь кузнеца.... Способность мыслить словно покинула ее теперь, въ головѣ было пусто, точно что-то вдругъ насѣло, прихлопнуло, вышвырнуло все что̀ тамъ сейчасъ мучительно сознавало, судило и металось.... *Я умерла... могила*, проносилось у нея быстрыми, смутными ощущеніями... Но нѣтъ, *она жива*, говорила ей опять ноющая, тягучая боль, что̀ скребла будто кошачьими когтями у нея въ груди, подъ сердцемъ...

Послышались шаги, скрипъ двери... кто-то вошелъ, остановился на порогѣ... Она не подымала головы....

Это былъ Петрусь. Она видѣла какъ онъ шагнулъ ближе, низко наклонился, протянулъ руку, провелъ ею по волнистой шерсти безжизненнаго *Каро* — и какъ затѣмъ поднялъ на нее перепуганно-вопрошавшіе глаза, и изъ этихъ глазъ двѣ крупныя слезинки выкатились и потекли по загорѣвшимъ щекамъ мальчика.

Нежданными, горючими слезами залилась въ отвѣтъ имъ Марина. Сознаніе вернулось къ ней вмѣстѣ съ ними.

— Петрусь, ты добрый.... помоги,—надо похоронить его, едва могла она выговорить.

Мальчикъ, безъ дальнихъ словъ, приподнялъ трупъ собаки и поволочилъ его, ухвативъ обѣими руками, къ двери.

— Онъ тяжелъ, ты не снесешь одинъ.

Они вынесли его вдвоемъ на дорогу.

— А гдѣ жь *заховать* его? поднялъ Петрусь на Марину свои темные, сострадательные глаза.

— Куда-нибудь подальше, въ лѣсъ пойдемъ, отвѣчала она.

— Свезти можно.... на тачкѣ свезти, сказалъ мальчикъ, — только бы хозяинъ....

Онъ живо кинулся въ кузню, заглянулъ въ *горницу*—и такъ же быстро возвратился.

— Долго спать теперь будетъ! успокоительно закивалъ онъ Маринѣ, выкатилъ на дорогу тачку, служившую для возки угля изъ *ямы* въ толку—и, съ помощью дѣвушки, уложилъ въ нее тѣло пуделя.

— Понятный якой песъ былъ! помянулъ его вздохомъ Петрусь, ухватываясь за ручки и тихо двигая тачку впередъ.

— Онъ всегда такой злой.... твой хозяинъ? спросила черезъ мгновеніе Марина, идя за нимъ вслѣдъ.

— Бѣда! прошепталъ въ отвѣтъ мальчикъ.

— Ты его боишься?

— Бо-ю-ся... потому — знахарь! еще тише, осторожнѣе промолвилъ онъ.

— Ты сирота, Петрусь? спросила она опять, помолчавъ.

— Сирота, отвѣчалъ онъ, ни батькà не маю, ни матери...

— Какъ и я! сказала Марина.

Мальчикъ пріостановился и обернулся на нее съ выраженіемъ величайшаго изумленія... но допрашивать онъ все же не рѣшался...

— Никого у меня, Петрусь, подтвердила она,—никого на свѣтѣ!

Онъ растерянно глянулъ въ ея блѣдное, больное лицо, стиснулъ сильнѣе пальцами ручки тачки, и безмолвно двинулъ ее опять впередъ...

Они перебрались чрезъ закинутое поле, поросшее полынью и дикою ромашкой, къ опушкѣ дремучаго вѣковаго лѣса, раскидывавшагося отсюда вправо и влѣво на необозримое пространство. Никто, казалось, никогда не проникалъ въ эту грозную лѣсную пустыню... Ни просѣки, ни порубки, ни тележнаго слѣда.. Только одна, едва замѣтная, узенькая тропка вилась и пропадала межь тѣсно насаженными деревьями; густая темь еще чернѣла подъ ихъ низко свѣсившимися вѣтвями.

Мальчикъ разомъ остановился.

— *Онъ* завсегда тутъ ходитъ, какимъ-то боязливымъ голосомъ проговорилъ онъ.

Марина отыскивала мѣсто глазами.

— Вонъ тутъ можно, подъ сосною, сказала она.

Петрусь подвезъ туда тачку, вытащилъ изъ-подъ трупа припасенную имъ лопату и принялся копать яму для *Каро*.

Земля послѣ дождя была мягка, и мальчикъ скоро кончилъ свою работу. Марина между тѣмъ нарвала ольховыхъ вѣтокъ и уложила ими яму, тѣми же вѣтками покрыла она опущенное туда Петрусемъ тѣло ея друга и сама закидала его землей.

Мальчикъ принялся утаптывать поднявшійся бугорокъ „чтобы волки не отрыли“... Слезы вновь такъ и душили Марину..

— Петрусь, сказала она,—не знаю чѣмъ благодарить тебя,—ничего у меня нѣту... Дай хоть поцѣлую тебя!

Она обняла его за шею и крѣпко поцѣловала въ щеку.

— Вези жь теперь скорѣе тачку назадъ... чтобъ не проснулся *онъ* пока...

— А вы куда жь теперь, барышня? съ замѣтнымъ безпокойствомъ спросилъ мальчикъ.

— Барышня! повторила она, и уныло улыбнулась;—я не барышня, Петрусь, я такая жь какъ ты сирота безродная, безпріютная... И куда мнѣ идти—того сама не знаю....

— Я съ вами останусь! весь вспыхнувъ, предложилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что! *Онъ* проснется, хватится тебя... Кто тебя защититъ?.. Я ничего не могу... безсильная теперь я!..

Мальчикъ отвернулся, махнулъ себѣ рукавомъ по глазамъ— и покатилъ тачку по направленію къ кузнѣ.

А Марина, отыскавъ замѣченную ею тропинку, пошла по ней не оборачиваясь...

Чѣмъ далѣе подвигалась она, тѣмъ круче становился склонъ, по которому расположенъ былъ лѣсъ... Скользко было такъ что она то-и-дѣло принуждена была ухватываться за искалывавшіе ей руки сосновые и можжевеловые сучья, не то опускаться на земь, чтобы не расшибить себѣ на скатѣ лобъ о встрѣчное дерево... Она вспомнила вчерашнія слова кузнеца, — это былъ ближайшій отъ его жилища ко *дворцу*, имъ однимъ *знаемый*, путь, по которому одинъ „онъ и ходилъ завсегда“, какъ говорилъ Петрусь... Она знала: внизу, подъ этою кручей течетъ Алый Рогъ,—она затѣмъ и пошла по этой тропинкѣ.. Ей хотѣлось еще разъ взглянуть на тѣ свѣтлыя струи по которымъ плыла она недавно съ *нимъ*, гордая и счастливая,— на которыхъ небесные сны снились ей наяву..

Лѣсъ кончался у самаго *вира*; тропинка выводила къ *церковищу*...

Марина остановилась, тяжело переводя дыханіе...

Въ прозрачномъ свѣтѣ зачинающагося утра тонула окрестность. Надъ водами, надъ боромъ, тихо волнуясь, неслись вверхъ бѣломлечные клубы тумана... Съ противоположнаго берега, блестящими змѣйками віясь между деревъ, добѣгали до *вира* первые, робкіе лучи еще не видимаго солнца.. Сладко пѣли въ вѣтвяхъ просыпавшіяся пташки во срѣтеніе идущему свѣтлому дню...

Нѣтъ болѣе свѣтлыхъ дней для Марины... А давно ли, думала она, не было пташки беззаботнѣй ея!..

Онъ тутъ еще, тутъ—качается на березѣ, чуть не надъ самою головой ея—зловѣщій *завивъ* таинственной травы, по

которую „двѣнадцать зорь сряду“ ходилъ тотъ *ужасный человѣкъ*... Онъ „довелъ до своего“,—онъ побѣдилъ... *все началось* для нея съ той минуты когда указалъ ей на эту березу Тулумбасъ!..

Она протянула руку и—съ тѣмъ ощущеніемъ съ какимъ притронулась бы къ пылающему углю—сорвала *завивъ* съ вѣтви, и бросила его въ воду.

Онъ исчезъ на мигъ въ струяхъ... Прилежно слѣдила за нимъ дѣвушка: вотъ выплылъ онъ, вотъ понесло его теченіе, вотъ онъ натолкнулся на длинный стебель кулавки и, описавъ новый кругъ кругомъ себя, застрялъ перехваченный на пути иглами выбѣгавшаго со дна шильника...

Марина опустилась на полусгнившій стволъ сосны, вершиною своей обрушенной въ глубину *вира*... Ее мучила жажда;—она зачерпнула воды рукой, напилась, обмыла опухшія вѣки, лицо... Ее освѣжило... „Вольное водное царство“ припомнились ей слова ея сказки... Она подвинулась ближе, ближе по стволу—и принялась глядѣть въ бездонное *церковище*.

Какъ въ зеркалѣ видитъ она себя, и едва узнаетъ... Какъ измѣнилась она, какъ впали глаза!.. Темная волна ея волосъ скатилась съ плечъ, и плещутся въ струяхъ ихъ длинные концы... Смутилась на мигъ водная гладь... Она закидываетъ волосы назадъ—и опять глядитъ туда: узорною сѣтью опутываютъ ее тамъ склоняющіяся надъ нею древесныя вѣтви,—и подъ нею скользятъ облака безконечною цѣпью...

Она все глядитъ, —глядитъ не отрываясь... все дальше, все глубже проникаетъ взоръ ея въ прозрачное водное лоно... Синѣетъ краше небесной лазурь въ глубинѣ,—что-то чудное, тайное совершается тамъ... переливаютъ невиданные цвѣта... тянутся лучи... сыплются алмазные брызги... Опаломъ блещутъ хрустальныя стѣны; замелкали сквозь нихъ чьи-то странные лики... Узнаетъ себя она,—увѣнчаны пѣвникомъ и лиліями ея зеленые волосы... Манитъ ее кто-то изъ подводнаго чертога... и чей то знакомый, волшебный голосъ ее зоветъ: слышишь, слышишь,—звонятъ мои колокола, зовутъ, зовутъ тебя... Иди, иди,—здѣсь любовь... и забвеніе...

И сладкою волной льется въ уши Марины чудный гулъ подводнаго колокола... Ослѣпительными огнями горитъ глубина... Все настойчивѣе, все неотразимѣй зоветъ ее волшебный голосъ... „Забвеніе, забвеніе!..“ шепчетъ она, и ноги ея скользятъ уже съ берега въ воду... вздрогнула она вся отъ холоднаго прикосновенія влаги... Забвеніе! молвитъ она еще разъ.

Рука ея отдѣляется отъ сучка, за который держалась она до сихъ поръ... Покачнулась Марина... и всѣмъ тѣломъ повисла надъ бездной...

— Марина... Ма-ри-на Оси-повна! донеслось вдругъ до нея, точно съ неба.

Боже мой, это тотъ же опять... Это *его*, это *его* голосъ!...

Она вскрикнула отъ счастія, отъ ужаса... Отчаяннымъ движеніемъ откидывается она назадъ, ловитъ руками спасительный сучекъ...

— Барышня!... слышитъ она подлѣ себя пронзительный крикъ... Кто-то схватилъ ее за плечи, и тащитъ къ себѣ, стискивая въ перепугѣ тѣло ея до острой боли....

Это Петрусь. Онъ самъ еле дышетъ отъ волненія.... Помертвѣлая, сидитъ она на берегу, не чувствуя подъ собою ногъ, не смѣя повернуться.

— Господа... за вами... пріѣхали, перерывающимся языкомъ говоритъ мальчикъ Маринѣ...

Они, да!... Первый, весь изорванный и расцарапанный, десять разъ на скользкомъ скатѣ чуть не свернувшій себѣ шеи, добѣгаетъ до нея Пужбольскій. Въ одной рукѣ у него толстый пледъ, въ другой дорожная фляжка съ виномъ.

— Выпейте... сейчасъ, сейчасъ пейте! суетъ онъ ее въ руку дѣвушки, окутывая въ то же время пледомъ плечи ея, станъ... Руки дрожатъ у него какъ въ сильнѣйшемъ ознобѣ.—Je m'en doutais! какъ бы противъ воли вылетаетъ у него изъ устъ, — слава Богу, поспѣли вò-время!...

— Нѣтъ, нѣтъ, клянусь вамъ, воскликнула, понявъ, Марина,—я не хотѣла, не думала! .. Я смирилась... смирюсь... до конца! говоритъ она блѣдному какъ смерть Завалевскому, опускающемуся въ изнеможеніи рядомъ съ ней на траву.

Онъ взялъ ея руку и закрылъ себѣ ею глаза.

— Это сонъ опять, говоритъ она себѣ, — блаженный, небесный сонъ!...

И сквозь этотъ сонъ слышитъ она: онъ называетъ ее по имени.

— Марина, шепчетъ онъ,—хотите ли вы быть моею... моею дочерью?...

— Да говори же наконецъ, говори прямо! гнѣвно прервалъ его Пужбольскій.—Вѣдь онъ чуть съ ума не сошелъ, захлебываясь объяснялъ Маринѣ князь,—когда узналъ чтò было съ вами... Monsieur Самойленко... Іосифъ Козьмичъ... Вы можете

себѣ представить что̀ было со мною... входитъ онъ ко мнѣ,— я уже былъ въ постели,— и говоритъ: у меня нѣтъ дочери!... Вы одни можете спасти несчастную.... И разказалъ все.... Къ счастію, мы могли сейчасъ, не *теряя* ни минуты, поскакать. Par bonheur, не доѣзжая до кузни, nous avons rencontré ce brave garçon,—онъ указалъ на Петруся и тутъ же кивнулъ на Завалевскаго:—а онъ всю дорогу, какъ ребенокъ, лопоталъ Пужбольскій,—все увѣряетъ что онъ не смѣетъ.... что онъ старъ. J'avais beau l'assurer, lui citer des exemples... Вспомни, говорю, Артаксеркса или, вѣрнѣе, Агасѳера, и Астаръ, improprement nommée Esther, Эсѳирь, car le nom est persan и значитъ *звѣзда*, а star по-англійски; вспомни прелестную Догарессу, молодую жену восьмидесятилѣтняго Фаліеро... Ну наконецъ Марія Кочубей, „краса черкасскихъ дочерей"—вы помните у Пушкина, въ *Полтавѣ*:

Не только первый пухъ ланитъ
....
Порою и власы сѣдые etc.

Но онъ все сомнѣвается, боится.... Онъ трусъ, да, трусъ!... Онъ себѣ не вѣритъ.... Скажите же ему une bonne fois что вы не промѣняете его на весь легіонъ современныхъ молодцовъ, что любить вы можете его, только его!...

Марина ухватилась за его руку, приподнялась:

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы говорите объ этомъ! прошептала она съ упрекомъ.

— Какъ зачѣмъ? воскликнулъ Пужбольскій:—или вы до сихъ поръ не поняли? Ужь это не я, Марина Осиповна, задрожавшимъ невольно голосомъ молвилъ князь,—не я.... это онъ, Завалевскій, проситъ васъ быть его женой!

— Женою! проговорила она какъ въ бреду.

— Слово сказано, заговорилъ въ свою очередь графъ, взглянувъ на нее мгновенно запламенѣвшими глазами,—и мы живемъ въ такое странное время что я начинаю даже вѣрить что это съ моей стороны не безумство.

— Не безумство, нѣтъ, je proteste! вскипятился Пужбольскій,—старые, вѣчные идеалы, и молодая сила,—это такой союзъ...

Онъ не договорилъ...

Марина растерянно взглянула на него, на солнце, лучезарно выплывшее въ эту минуту изъ-за лѣса, осѣнила себя большимъ крестнымъ знаменіемъ и упала безъ чувствъ на руки Завалевскаго.

Б. МАРКЕВИЧЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ
О
ВЛАДИМІРѢ ИВАНОВИЧѢ ДАЛѢ*

I.

Владимірѣ Ивановичѣ Даль родился 10го ноября 1801 года, въ мѣстечкѣ Луганѣ, Славяносербскаго уѣзда Екатеринославской губерніи. Отецъ его въ то время служилъ врачомъ при Луганскомъ казенномъ литейномъ заводѣ.

Іоганнъ Даль, родомъ Датчанинъ, въ ранней молодости уѣхалъ въ Германію и тамъ въ одномъ изъ университетовъ (кажется Іенскомъ) прошелъ курсъ наукъ богословскаго факультета. Онъ сдѣлался замѣчательнымъ лингвистомъ. Кромѣ греческаго и латинскаго и многихъ новыхъ европейскихъ языковъ, онъ въ совершенствѣ изучилъ языкъ еврейскій. Извѣстность Даля какъ лингвиста достигла императрицы Екатерины II, и она вызвала его въ Петербургъ на должность библіотекаря. Здѣсь Іоганнъ Даль увидѣлъ что протестантское богословіе и знаніе древнихъ и новыхъ языковъ не дадутъ ему хлѣба, а потому отправился въ Іену, прошелъ тамъ курсъ врачебнаго факультета и возвратился въ Россію съ дипломомъ на степень доктора медицины. Въ Петербургѣ женился онъ на Маріи Фрейтагъ, дочери служившаго въ ломбардѣ чиновника. Мать ея, бабушка Владиміра Ивановича, Марья Ивановна Фрейтагъ, изъ рода французскихъ гугенотовъ де-Мальи, занималась русскою

* Читано въ годовомъ публичномъ собраніи Общества Любителей Россійской Словесности, 25го февраля 1873 года.

литературой. Она переводила на русскій языкъ Геснера и Ифланда.* Вліяніе бабушки не осталось безслѣднымъ для Владиміра Ивановича Даля. Съ матерью говорилъ онъ по-русски, а поминая бабушку какъ только выучился читать, сталъ читать ея переводы, а съ ними и другія русскія книги. Такимъ образомъ чтеніе на русскомъ языкѣ было первымъ его чтеніемъ.

Отецъ Владиміра Ивановича былъ горячъ иногда до безумія. Онъ поступилъ на медицинскую службу въ кирасирскій полкъ, принадлежавшій къ Гатчинскимъ полкамъ великаго князя Павла Петровича. Въ автобіографической запискѣ, которую Владиміръ Ивановичъ, уже пораженный физическими и нравственными ударами,** диктовалъ дочери за полгода до кончины, сказано слѣдующее: „Отецъ мой съ великимъ княземъ не ладилъ, а по обязанности являлся ежедневно къ нему съ рапортомъ. Однажды майоръ того полка (кирасирскаго) опоздалъ на какой-то смотръ или парадъ. Великій князь, наскакавъ на него, до того ему выговаривалъ что тотъ, покачавшись на лошади, свалился сnоломъ: съ нимъ сдѣлался ударъ. Павелъ Петровичъ бросился къ нему, приказалъ отцу моему о немъ заботиться, а когда, черезъ нѣсколько дней, майоръ поправился и могъ лично явиться къ нему, то великій князь, подавъ ему руку, сказалъ:

„— Sind Sie ein Mensch?

Тотъ отвѣчалъ:

„— Ja, Hoheit.

„— So können Sie auch verzeihen.***

„Я слышалъ отъ матери“, продолжаетъ Владиміръ Ивановичъ, „что она была все время послѣ этого въ ужасномъ страхѣ, потому что отецъ мой постоянно держалъ заряженные пистолеты, объявивъ что еслибы съ нимъ случилось что-нибудь подобное, то онъ клянется застрѣлить себя.“

---

* Нѣкоторые упоминаются въ *Росписи* Смирдина, №№ 7.207 и 7.268.

** Въ ноябрѣ 1871 года съ нимъ случился первый ударъ; въ февралѣ 1872 скончалась супруга его Екатерина Львовна (дочь оренбургскаго помѣщика Соколова). Всякій кто хотя немного зналъ семейство Даля согласится что эта чета составляла рѣдкій образецъ истиннаго христіанскаго супружества. Начало автобіографической записки В. И. Даля (всего три страницы, до выпуска изъ Морскаго корпуса) напечатано въ 11й книжкѣ *Русскаго Архива* 1872 года.

*** „Вы человѣкъ?“—„Да, ваше высочество.“ — „Ну, стало-быть вы можете и прощать.“

Изъ Гатчины Іоганнъ Даль перешелъ на службу въ горное вѣдомство, сначала въ Петрозаводскъ, потомъ въ Луганскій заводъ, затѣмъ, уже по рожденіи Владиміра Ивановича, въ морское вѣдомство, въ Николаевъ. Отсюда лѣтомъ 1814 года, когда Владиміру Далю было тринадцать съ половиной лѣтъ, его отвезли учиться въ Морской кадетскій корпусъ.

„Что̀ скажу о воспитаніи въ корпусѣ?“ говоритъ Владиміръ Ивановичъ въ автобіографической запискѣ. „О немъ въ памяти остались однѣ розги, такъ-называемыя дежурства, гдѣ дневалъ и ночевалъ барабанщикъ со скамейкою назначенною для этой потѣхи. Трудно нынѣ повѣрить что не было другаго исправительнаго наказанія противъ ошибки, шалости, лѣни и даже въ случаѣ простой безсмысленной досады любаго изъ числа двадцати пяти офицеровъ. Разкажу нѣсколько случаевъ которыхъ я былъ свидѣтелемъ. По обычнымъ преданіямъ, кадеты сообща устраивали въ огромной обѣденной залѣ въ Новый Годъ родъ иллюминаціи, ставили раскрашенныя и промасленныя бумажныя саженныя пирамиды, освѣщенныя огарками внутри. Какого труда и заботы дѣло это стоило, особенно потому что о̀но должно было дѣлаться тайно! Дѣти прятались для этого на чердакѣ и въ другихъ малодоступныхъ мѣстахъ, расписывая, подъ охраной выставленныхъ махальныхъ, бумажные листы вензелями начальниковъ своихъ и наклеивали на лучинныя пирамиды. Объ этомъ, конечно, знали всѣ офицеры, но не менѣе того какъ всякая безъ изъятія забава или занятіе, кромѣ научнаго, были запрещены, то въ 1816 году офицеръ 1й роты Миллеръ (онъ сто̀итъ того чтобъ его назвать)* своими руками, въ умывалкѣ 1й роты, изломалъ въ щепы и изорвалъ въ клочки изготовленныя къ Новому Году пирамиды. Не безъ слезъ, конечно, изготовлены были въ замѣнъ вторыя, по недосугу гораздо меньшія, а въ послѣдствіи, на самой иллюминаціи и маскарадѣ, сами офицеры, прохаживаясь по залѣ, любовались картинными вензелями своими на пирамидахъ, будто ни въ чемъ не бывало. Другой примѣръ. Директоръ нашъ, дряхлѣйшій адмиралъ Карцовъ, ** выжившій уже изъ лѣтъ, замѣтилъ въ сумеркахъ что кадеты разчистили себѣ на дворѣ катокъ и катаются, немногіе на конькахъ, другіе скользя на подошвахъ, приказалъ купить и раздать на каждую роту по

* Тогда флота лейтенантъ Николай Ѳедоровичъ Миллеръ.

** Полный адмиралъ, сенаторъ, адмиралтействъ-коллегіи членъ, александровскій кавалеръ Петръ Кондратьевичъ Карцовъ.

десяти паръ коньковъ. Казалось бы затрудненіе и самое запрещеніе этимъ было устранено, и раздачу коньковъ нельзя было принять иначе какъ за поощреніе, а между тѣмъ если кадетъ ловили на такой забавѣ, которая считалась въ числѣ шалостей, если они не успѣвали скрыться черезъ безконечно длинныя галлереи, то ихъ непремѣнно сѣкли. Иногда нельзя было не подумать что люди эти не въ своемъ умѣ. То же можно сказать о лейтенантѣ Калугинѣ, вертлявомъ щеголѣ и ломакѣ. Всякаго кадета который смѣлъ при немъ смѣяться, онъ допрашивалъ подъ розгами: „о чемъ ты смѣешься?“ вѣроятно подозрѣвая что смѣются надъ нимъ. Послѣдствія такого воспитанія очевидны. Не было того порока который бы не входилъ въ обиходъ кадетской жизни. Это было тѣмъ тяжелѣе что о самой возможности такой жизни и не слыхивали до́ма...

„Что̀ сказать о наукѣ въ корпусѣ? Почти то же что̀ и о нравственномъ воспитаніи: оно было изъ рукъ вонъ плохо, хотя для виду учили всему. Маркъ Филипповичъ Горковенко,* ученикъ извѣстнаго Гамалѣи и нашъ инспекторъ классовъ, былъ того убѣжденія что знаніе можно вбить въ ученика только розгами или серебряною табатеркой въ голову. Эта табатерка всякому памятна.

„Тамъ не такъ сказано, говори тѣми же словами, и затѣмъ тукманку въ голову: это было привѣтствіе Марка Филипповича при вступленіи ученика въ безконечный рядъ классовъ.“

Владиміръ Ивановичъ свое дѣтство и корпусное воспитаніе описалъ также въ повѣсти *Мичманъ Поцѣлуевъ*. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этой повѣсти, которую можно, хотя не совсѣмъ, но отчасти, назвать автобіографическою, по крайней мѣрѣ Владиміръ Ивановичъ не разъ говаривалъ что описывая похожденія Поцѣлуева онъ разумѣлъ себя, молоденькаго мичмана, ѣхавшаго въ мартѣ 1819 года изъ Петербурга въ Николаевъ.

„Смарагдъ Петровичъ Поцѣлуевъ былъ сынъ помѣщика Екатеринославской губерніи, воспитывался въ Морскомъ корпусѣ, былъ выпущенъ мичманомъ, назначенъ въ Черноморскій флотъ и ѣхалъ теперь въ Николаевъ.

„Смарагдъ былъ мальчикомъ съ хорошими способностями,

* Капитанъ-лейтенантъ, а въ послѣдствіи капитанъ перваго ранга и почетный членъ морскаго ученаго комитета.

съ доброю, дѣтскою душою, родился подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ созвѣздія Лиры и былъ поэтъ. Такъ по крайней мѣрѣ ему самому казалось; хотя сущность дѣла заключалась въ томъ что Смарагдъ вступилъ въ тѣ лѣта и отношенія когда всякій человѣкъ съ душой и чувствомъ дѣлается поэтомъ, и стиховъ не пишетъ только тотъ развѣ кому своенравная природа положительно отказала въ способности расположить готовую мысль мѣрными стопами и закончить ихъ рифмой. Въ самомъ дѣлѣ, есть люди которые рѣшительно не въ состояніи написать самое буднишнее стихотвореніе. Они пишутъ прозой хорошо, цвѣтисто, въ прозѣ ихъ есть поэзія, но они не въ состояніи сложить четыре стиха, сколько бы ни бились. Если такихъ людей по справедливости называемъ въ этомъ отношеніи бездарными, то Смарагдъ Петровичъ былъ юноша даровитый; онъ писалъ стишки, несмотря на недавнее упражненіе свое въ искусствѣ этомъ и малую опытность, довольно складно и свободно, даже нерѣдко наобумъ, вдругъ, но — геній его былъ слабосиленъ; это была естественно одна только вспышка, и начатое стихотвореніе оставалось не доконченнымъ. Начать стихотвореніе было ему легко, почти не стоило труда; но продолженіе и конецъ всегда откладывались на неизвѣстный срокъ и очень рѣдко исполнялись.

„Поцѣлуевъ получилъ дóма отъ матери, Нѣмки, благонравное воспитаніе, мечтательное воображеніе, курчавый волосъ, бѣлое лицо и голубые глаза; * отъ отца, Русскаго—беззаботный нравъ, не глупую голову, довольно широкія плечи, крѣпкое здоровье. На тринадцатомъ году поступилъ онъ въ Морской корпусъ, пробылъ тамъ пять лѣтъ, и теперь, съ эполетами, шитымъ воротникомъ и саблею на черномъ лаковомъ ремнѣ черезъ плечо, увидѣлъ свѣтъ.

„Поцѣлуевъ, какъ острый, но скромный и чулый мальчикъ, который выросъ дома безъ розогъ, этой необходимой принадлежности и приправы всякаго порядочнаго воспитанія, Поцѣлуевъ понялъ, въ первые три дня пребыванія своего въ корпу-

---

* Такова была въ самомъ дѣлѣ наружность Даля. О родителяхъ своихъ въ автобіографической запискѣ онъ говоритъ: „Отецъ былъ строгъ, но очень уменъ и справедливъ; мать добра и разумна и лично занималась обученіемъ нашимъ насколько могла; она знала кромѣ нѣмецкаго и русскаго еще три языка.“ То же и въ *Мичманѣ Поцѣлуевѣ*, хотя тамъ горный врачъ, Датчанинъ, жившій въ Екатеринославской губерніи, и представленъ Русскимъ и екатеринославскимъ помѣщикомъ.

сѣ что здѣсь всего вѣрнѣе и безопаснѣе какъ можно менѣе попадаться на глаза, не пускаться никогда и ни въ какія дѣтскія игры, а сидѣть прижавшись къ стѣнкѣ, тише воды, ниже травы. Такъ было въ то время въ корпусѣ; я знаю что теперь совсѣмъ иное, я говорю о давнопрошедшемъ. * Тогда сѣкли съ большимъ прилежаніемъ каждаго кто попадался въ такъ называемой шалости, то-есть кого заставали за какимъ бы то ни было занятіемъ, кромѣ учебныхъ тетрадей; а кто не попадался, того оставляли въ покоѣ, разсуждая весьма основательно что нельзя же пороть всѣхъ, поголовно; дежурный барабанщикъ, и тотъ уже не успѣвалъ припасать розогъ.

„Но Поцѣлуевъ по крайней мѣрѣ обогатилъ въ корпусѣ знаніе русскаго языка, и вотъ вамъ цѣлый списокъ новыхъ словъ, принятыхъ и понятныхъ въ Морскомъ Корпусѣ; читайте и отгадывайте: бадяга, бадяжка и т. д. ** Поцѣлуевъ кромѣ того научился безпрекословно повиноваться всякому *старику*, то-есть старому кадету, въ широкихъ, собственныхъ брюкахъ, въ затяжкѣ, въ портулейкѣ или ременномъ поясочкѣ съ мѣднымъ наборомъ и левиками. Въ классахъ было много кадетовъ, и каждымъ заниматься учителямъ было недосужно; поэтому они требовали чтобы кадеты по крайней мѣрѣ сидѣли тихо, не шумѣли и не кричали; и смирный по неволѣ считался прилежнымъ.

---

* Повѣсть *Мичманъ Поцѣлуевъ* писана въ тридцатыхъ годахъ, и ссылка на давнопрошедшее время имѣетъ значеніе классической медовой лепешки которую вступавшіе въ Плутоново царство кидали Церберу, то-есть цензурному комитету. Въ тридцатыхъ годахъ въ Морскомъ корпусѣ учился мой двоюродный братъ Николай Жилинъ, лѣтъ черезъ пять исключенный за малоуспѣшность. Когда мой дядя бралъ неудавшагося сынка изъ корпуса, съ него истребовали 17 рублей за розги употребленныя начальствомъ на образованіе его дѣтища. Изъ сего явствуетъ что въ тридцатыхъ годахъ, когда Даль писалъ *Поцѣлуева*, въ Морскомъ корпусѣ пороли чуть ли не здоровѣй прежняго, но такъ какъ барабанщики въ то время уже вовсе не могли снабжать корпусъ необходимыми педагогическими пособіями, къ тому же и окрестности Петербурга обѣднели лѣсомъ, то чтобы казенное заведеніе не понесло убытковъ стали пороть кадетовъ на родительскій счетъ.

** Затѣмъ слѣдуютъ 34 слова кадетскаго жаргона, перечисленныя во время сочиненія повѣсти не по записи, а по памяти, какъ сказывалъ Владиміръ Ивановичъ. Записи начинаются съ Зимогорскаго Яма, въ мартѣ 1819 года, какъ будетъ сказано ниже.

„Итакъ собственно кадетская жизнь оставила въ Поцѣлуевѣ немного поэтическихъ воспоминаній; но какъ онъ былъ за то счастливъ и доволенъ когда *вышелъ* въ гардемарины и *пошелъ* на плоскодонномъ фрегатѣ до Красной-Горки! Тяжеленько мальчику сидѣть изъ году въ годъ за рѣшеткой—неминуемая участь всѣхъ тѣхъ у кого нѣтъ родныхъ или сострадательныхъ знакомыхъ въ столицѣ. И какъ отрадно за то подышать воздухомъ на свободѣ, быть гребцомъ, марсовымъ, понимать и слушать команду вахтеннаго и чувствовать себя полезнымъ и нужнымъ на своемъ мѣстѣ — отдать брамъ-фалъ, взять кливеръ на гитовы, по командѣ, или даже спустить за́словомъ флагъ или гюйсъ, объѣдаться изюмомъ, орѣхами, пряниками, всегдашнею морскою провизіей гардемариновъ, ходить въ рабочей, измаранной смолою рубахѣ, подпоясавшись портупейкой, въ фуражкѣ на ремешкѣ или цѣпочкѣ, чтобъ ее не сорвало вѣтромъ; купаться, кататься на гребномъ суднѣ, не ходить цѣлый мѣсяцъ въ классы и двигать руки и ноги на свободѣ... О! это знаетъ только тотъ кто это испыталъ!

„Но послѣ одного раздольнаго и разгульнаго мѣсяца слѣдуетъ одиннадцать однообразныхъ, затворническихъ. Малодушіе опять беретъ верхъ. И засыпая и просыпаясь, трехъ-кампанецъ досчитывается уже по пальцамъ дня или по крайней мѣрѣ мѣсяца выпуска. Легко сказать, вольный казакъ-офицеръ, самъ себѣ господинъ, въ эполетахъ, съ саблей, никто не смѣетъ высѣчь—легко сказать, а воля ваша, голова закружится отъ этого внезапнаго перехода. Право, не мудрено что многіе въ неистовой, необузданной радости своей, кидаются въ крайности и распоряжаются какъ новые, неопытные хозяева свободою своею довольно дурно.“

Въ Морскомъ Корпусѣ Владиміръ Ивановичъ пробылъ до 17ти-лѣтняго возраста. Понятно что при той методѣ воспитанія какою руководились Горковенко и его помощники, нельзя было ожидать чтобы будущій составитель монументальнаго *Словаря живаго великорусскаго языка* вынесъ изъ корпуса какія-либо полезныя свѣдѣнія по части русскаго языкознанія. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ считать важнымъ пріобрѣтеніемъ знаніе словъ кадетскаго жаргона. За то онъ вынесъ изъ корпуса другое, имѣвшее свое вліяніе на предстоявшія въ послѣдствіи ему занятія въ разработкѣ русскаго языка. По словамъ В. И. Даля, ему еще ребенку всегда казалось страннымъ отъ чего это люди получившіе образованіе говорятъ

по-русски не такъ какъ говорятъ простолюдины. Еще болѣе ему странно было то что рѣчь простолюдиновъ съ ея своеобразными оборотами всегда почти отличалась краткостью, сжатостью, ясностью, опредѣлительностью и въ ней было гораздо больше жизни чѣмъ въ языкѣ книжномъ и въ языкѣ которымъ говорятъ образованные люди. И онъ полюбилъ народную рѣчь можно сказать еще съ младенчества. „Еще въ корпусѣ, говоритъ онъ, полусознательно замѣчалъ я что та русская грамматика по которой учили насъ съ помощію розогъ и серебряной табатерки, ни больше ни меньше какъ вздоръ на вздорѣ, челуха на челухѣ. Конечно, я тогда не могъ еще понимать что русской грамматики и до сихъ поръ не бывало, что та челуха которую зовутъ „русскою грамматикой" составлена на чужой ладъ, сообразно со всѣми Петровскими преобразованіями: неизученный, неизслѣдованный въ его законахъ живой языкъ взяли да и втиснули въ латинскія рамки склеенныя нѣмецкимъ клеемъ".

Это убѣжденіе, рядомъ съ убѣжденіемъ что богатый и сильный языкъ нашъ почти два вѣка портили и до сихъ поръ не перестаютъ портить внесеніемъ въ него безъ всякой надобности иноязычныхъ словъ, постоянно носилъ покойный Даль до самой кончины.

Въ *Напутномъ Словѣ* къ *Словарю* онъ сказалъ:

„Съ грамматикой я искони былъ въ какомъ-то разладѣ, не умѣя примѣнить ее къ нашему языку и чуждаясь ея не столько по разсудку сколько по какому-то темному чувству опасенія чтобъ она не сбила съ толку, не отколярила, не стѣснила свободы пониманія, не обузила бы взгляда. Недовѣрчивость эта была основана на томъ что я всюду встрѣчалъ въ русской грамматикѣ латинскую и нѣмецкую, а русской не находилъ."

Таково было убѣжденіе Даля о русской грамматикѣ. Оно не оставляло его съ ранней молодости до кончины. Когда подобныя рѣчи говаривалъ Даль будучи мичманомъ или военнымъ лѣкаремъ, на нихъ можно было не обращать вниманія, но когда слова эти произнесены такимъ знатокомъ русскаго языка какъ Даль, на склонѣ дней его, послѣ 50ти-лѣтнихъ почти трудовъ надъ *Словаремъ живаго великорусскаго языка*, для составленія котораго потребовалась бы цѣлая академія и цѣлое столѣтіе, надъ сказаннымъ стóитъ призадуматься. У насъ была Россійская Академія, есть теперь Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ, у насъ во всѣхъ университетахъ и рав-

ныхъ имъ заведеніяхъ существуютъ каѳедры русскаго языка и словесности, во всѣхъ училищахъ начиная съ гимназій и кончая сельскими школами учатъ русскому языку. А есть ли у насъ русская грамматика? И можно ли въ самомъ дѣлѣ назвать русскою грамматикой втиснутую какъ въ тюремныя колодки, по выраженію Даля, въ латинскія рамки склеенныя нѣмецкимъ клеемъ, нашу своеобычную, своеобразную, развившуюся по собственнымъ, невѣдомымъ чужеземцу законамъ, крѣпкую, сильную, могучую русскую рѣчь?

Но пусть продолжаетъ самъ недавно почившій послѣ многихъ и долгихъ трудовъ незабвенный нашъ труженикъ, инородецъ по крови, но по духу такой Русскій какихъ дай Богъ побольше въ средѣ прямыхъ и кровныхъ сыновъ Россіи.

„Мы (то-есть русское образованное общество), говоритъ онъ въ томъ же *Напутномъ Словѣ* къ *Словарю*, теперь только начинаемъ догадываться что насъ завели въ трущобу, что надо выбраться изъ нея по добру по здорову и проложить себѣ иной путь. Все что̀ сдѣлано было доселѣ, со временъ Петровскихъ, въ духѣ искаженія языка, все это какъ неудачная прививка, какъ прищепа разнороднаго сѣмени, должно усохнуть и отвалиться, давъ просторъ дичку, коему надо рости на своемъ корню, на своихъ сокахъ и сдобриться холей и уходомъ, а не насадкой сверху. Если и говорится что голова хвоста не ждетъ, то наша голова или наши головы умчались такъ далеко куда-то въ бокъ что едва ли не оторвались отъ туловища; а коли худо плечамъ безъ головы, то не корыстно же и головѣ безъ тула. Примѣняя это къ нашему языку сдается будто головѣ этой приходится либо оторваться вовсе и отвалиться, либо опомниться и воротиться. Говоря просто, мы увѣрены что русской рѣчи предстоитъ одно изъ двухъ: либо испошлѣть до нельзя, либо образумясь своротить на иной путь, захвативъ притомъ съ собою всѣ покинутые въ тороляхъ запасы. Взгляните на Державина, на Карамзина, на Крылова, на Жуковскаго, Пушкина и на нѣкоторыхъ нынѣшнихъ даровитыхъ писателей, не ясно ли что они избѣгали чужерѣчій, что старались каждый по своему писать чистымъ русскимъ языкомъ? А какъ Пушкинъ цѣнилъ народную рѣчь нашу, съ какимъ жаромъ и усладою онъ къ ней прислушивался, какъ одно только кипучее нетерпѣніе заставляло его въ то же время прерывать созерцанія свои шумнымъ взрывомъ одобреній и острыхъ замѣчаній и сравненій. Этому я не разъ былъ свидѣ-

телемъ... Пришла пора подорожить народнымъ языкомъ и выработать изъ него языкъ образованный. Народный языкъ былъ доселѣ въ небреженіи, только въ самое послѣднее время стали на него оглядываться, и то какъ будто изъ одной снисходительности и любознательности. Одни воображали что могутъ сами составить языкъ; другіе, вовсе не заботясь объ изученіи своего языка, брали готовыя слова со всѣхъ языковъ гдѣ и какъ попало, да переводили дословно чужіе обороты рѣчи, безсмысленные на нашемъ языкѣ, понятные только тому кто читаетъ нерусскою думою своею между строкъ, переводя читаемое мысленно на другой языкъ. Знаю что за мнѣніе это составителю *Словаря* не сдобровать. Какъ смѣть говорить что языкъ коимъ пишутъ оскорбленные такимъ приговоромъ писатели—языкъ не русскій? Да развѣ можно писать мужицкою рѣчью Далева *Словаря*, отъ котораго издали несетъ дегтемъ и сивухой или по крайности квасомъ, кислой овчиной и банными вѣниками? Нѣтъ, языкомъ грубымъ и необразованнымъ писать нельзя, это доказали всѣ рѣшавшіеся на такую попытку; но изъ этого еще не слѣдуетъ чтобы должно было писать такимъ языкомъ какой мы себѣ сочинили, распахнувъ ворота настежь на западъ, надѣвъ фракъ и заговоривъ на всѣ лады кромѣ своего, а изъ этого слѣдуетъ только что у насъ нѣтъ еще достаточно обработаннаго языка, и что онъ долженъ выработаться изъ языка народнаго. Другаго равнаго ему источника нѣтъ. Если же мы въ чаду обаянія сами отсѣчемъ себѣ этотъ источникъ, насъ постигнетъ засуха, и мы вынуждены будемъ ростить и питать свой родной языкъ чужими соками, какъ дѣлаютъ растенія чужеядныя. Пусть же всякъ своимъ умомъ разсудитъ что̀ изъ этого выйдетъ... мы отдѣлимся вовсе отъ народа, разорвемъ послѣднюю съ нимъ связь, мы испошлѣемъ еще болѣе въ рѣчи своей, убьемъ и погубимъ послѣднія нравственныя силы свои въ этой упорной борьбѣ съ природой и вѣчно будемъ тянуться за чужимъ, потому что у насъ не станетъ ничего своего, ни даже своей самостоятельной рѣчи, своего роднаго слова. Не трудно подобрать нѣсколько пошлыхъ рѣчей или поставить слово въ такой связи и положеніи что оно покажется смѣшнымъ или пошлымъ, и спросить, отряхивая бѣлыя перчатки, этому ли намъ учиться у народа? Но не гаерствуя, никакъ нельзя оспаривать истины что живой народный языкъ, сберегшій въ жизненной свѣжести духъ, который придаетъ языку стойкость, силу, ясность, цѣ-

лость и красоту, долженъ послужить источникомъ и сокровищницей для развитія образованной, разумной русской рѣчи, въ замѣнъ нынѣшняго языка нашего, каженника.... Что выдетъ изъ рѣчи нашей, если мы пойдемъ зря и безъ оглядки этимъ путемъ? Не понимая ни русской рѣчи, ни другъ друга, станемъ людьми безъ рѣчей, безсловѐсными, или же поневолѣ будемъ объясняться по-французски."

Рѣзкія, но правдивыя, суровой истины преисполненныя рѣчи! Въ комъ не замерло народное русское чувство, въ комъ не измельчала и не опошлилась до конца душа русская, тотъ призадумается надъ этими предсмертными словами Даля.

II.

Въ концѣ царствованія императора Александра I русскій флотъ былъ въ упадкѣ. Наши корабли совершали плаваніе только по „Маркизовой лужѣ", какъ называли тогдашніе моряки Финскій заливъ, по имени морскаго министра маркиза де-Траверсе, котораго признавали главнымъ виновникомъ паденія того учрежденія которое было любимымъ дѣтищемъ Петра Великаго. Далю однако посчастливилось: еще будучи гардемариномъ, сходилъ онъ не только до Красной Горки, какъ упоминаетъ въ своемъ *Мичманѣ Поцѣлуевѣ*, но и въ Копенгагенъ. Тамъ съ прочими русскими офицерами и гардемаринами, онъ былъ удостоенъ приглашенія къ обѣденному столу Датскаго короля. Не стану передавать разказовъ Даля о томъ какъ онъ провелъ нѣсколько часовъ во дворцѣ королей своихъ дѣдовъ; упомяну о другомъ, болѣе для насъ важномъ, разказѣ его о пребываніи въ Даніи. „Когда я плылъ къ берегамъ Даніи, говаривалъ онъ, меня сильно занимало то что увижу я отечество моихъ предковъ, *мое* отечество. Ступивъ на берегъ Даніи, я на первыхъ же порахъ окончательно убѣдился что отечество мое Россія, что нѣтъ у меня ничего общаго съ отчизною моихъ предковъ. Нѣмцевъ же я всегда считалъ народомъ для себя чуждымъ." *

---

* В. И. Даль произведенъ въ гардемарины въ 1816 году, то-есть пятнадцати лѣтъ отъ роду. Чинъ гардемарина считался въ то время офицерскимъ. Въ Копенгагенъ ходило двѣнадцать гардемариновъ, въ томъ числѣ Даль, Бутеневъ, Лихонинъ, убитый въ Турецкую войну, декабристъ Д. И. Завалишинъ, П. М. Новосильскій, въ послѣдствіи директоръ департамента иностранныхъ исповѣданій, а потомъ цензоръ,

собственнымъ словамъ, не имѣлъ ни средствъ, ни расположенія, или пассивнаго подчиненія и уживчивости съ нимъ, къ чему Даль былъ неспособенъ. * Напрасны были попытка Даля перейти въ инженеры, въ артиллеристы, даже просто въ армейскіе офицеры. Онъ вынужденъ былъ подать въ отставку, и снявъ мичманскій мундиръ отправился въ Дерптъ, гдѣ поселилась овдовѣвшая мать его для воспитанія младшаго своего сына. Здѣсь Владиміръ Ивановичъ, 20го января 1826 года, поступилъ въ студенты медицинскаго факультета. Подъ особеннымъ руководствомъ профессора хирургіи Мойера, онъ слушалъ курсъ врачебныхъ наукъ, вмѣстѣ съ Пироговымъ и Иноземцевымъ, находившимися тогда въ профессорскомъ институтѣ учрежденномъ при Дерптскомъ университетѣ.

Даль не кончилъ еще полнаго курса врачебныхъ наукъ какъ въ 1828 году вспыхнула Турецкая война. Въ полковыхъ врачахъ тогда крайне нуждались, ибо за Дунаемъ наши войска встрѣчены были двумя врагами — Турками и чумою. Въ 1828 году сдѣлано было распоряженіе всѣхъ казеннокоштныхъ университетскихъ студентовъ, годныхъ къ военно-медицинской службѣ, немедленно выслать въ дѣйствующую армію. Для Даля, какъ получившаго во время неполнаго курса необычайно обширныя познанія, сдѣлано было исключеніе. Ему дозволено было держать экзаменъ на степень доктора медицины; онъ явился на экзаменъ, и съ честію выдержалъ экзаменъ на доктора не только медицины, но и хирургіи. Марта 29го 1829 года онъ поступилъ въ военное вѣдомство и зачисленъ во 2ю дѣйствующую армію.

Прибывши въ армію Владиміръ Ивановичъ назначенъ былъ въ главную квартиру ординаторомъ при подвижномъ госпиталѣ и постоянно находился на глазахъ у главнокомандующаго графа Дибича-Забалканскаго. Въ это время запасъ его для *Словаря* значительно увеличился. „Живо хватая на лету родныя рѣчи, слова и обороты, говоритъ Даль въ предисловіи къ *Словарю*, когда они срывались съ языка въ простой бесѣдѣ, гдѣ никто не чаялъ соглядатая и лазутчика, этотъ записывалъ ихъ. И вотъ записки выросли до такого объема что при бродячей жизни стали угрожать требованіемъ для себя особой подводы.“ Въ 1829 году у Даля накопилось столько записокъ что для имущества его потребовался вьючный верблюдъ.

* *Московскія Вѣдомости* 1872, № 267. Статья Д. И. Завалишина.

И вдругъ, перехода за два до Адріанополя, въ военной суматохѣ верблюдъ пропалъ. „Я осиротѣлъ, пишетъ Даль, съ утратою своихъ записокъ, о чемоданахъ съ одежей мы мало заботились. Къ счастью, казаки отбили гдѣ-то верблюда и черезъ недѣлю привели его въ Адріанополь.“ * Такимъ образомъ начало русскаго *Словаря* было избавлено отъ турецкаго плѣненія.

Даль часто разказывалъ какъ обогащалъ онъ запасы свои областными словами и мѣстными оборотами рѣчи. „Нигдѣ это не было такъ удобно какъ въ походахъ“, говаривалъ онъ. „Бывало на дневкѣ гдѣ-нибудь соберешь вокругъ себя солдатъ изъ разныхъ мѣстъ, да и начнешь разспрашивать какъ такой-то предметъ въ той губерніи зовется, какъ въ другой, въ третьей; взглянешь въ книжку, а тамъ ужь цѣлая вереница областныхъ реченій“. Преимущественно въ Турецкомъ да Польскомъ походахъ, по словамъ Владиміра Ивановича, изучилъ онъ нашъ языкъ со всѣми его говорами.

Чтобы показать до какой степени Даль изучилъ мѣстные говоры, достаточно разказать слѣдующее: Владиміръ Ивановичъ не любилъ бывать въ большихъ обществахъ, на балахъ, вечерахъ и обѣдахъ, но находясь на службѣ иногда долженъ былъ являться на офиціальныхъ обѣдахъ и т. п. Однажды онъ былъ на такомъ обѣдѣ въ загородномъ домѣ. Пріѣхавъ по нѣкоторому недоразумѣнію въ приглашеніи на дачу рано, онъ засталъ хозяевъ еще въ суетѣ и хлопотахъ. Дѣло было лѣтомъ. Чтобы не мѣшать хозяевамъ онъ вышелъ въ палисадникъ, а тутъ за рѣшетчатымъ заборомъ собралось нѣсколько нищихъ и сборщиковъ на церковное строенье. Впереди всѣхъ стоялъ бѣлокурый, чистотѣлый монахъ, съ книжкою въ черномъ чехлѣ съ нашитымъ желтымъ крестомъ. Къ нему обратился Даль.

— Какого, батюшка, монастыря?

— Соловецкаго, родненькій, отвѣчалъ монахъ.

— Изъ Ярославской губерніи? сказалъ Даль, зная что „родимый“, „родненькій“ одно изъ любимыхъ словъ ярославскаго простолюдина.

Монахъ смутился и поникшимъ голосомъ отвѣтилъ:

— Нѣту-ти, родненькій, тамо-ди въ Соловецкомъ живу.

— Да еще изъ Ростовскаго уѣзда, сказалъ Владиміръ Ивановичъ.

Монахъ повалился въ ноги....

— Не погубите!...

* *Толковый словарь живаго великорусскаго языка*, т. I, стр. 3.

Оказалось что это былъ бѣглый солдатъ отданный въ рекруты изъ Ростовскаго уѣзда и скрывавшійся подъ видомъ соловецкаго монаха.

Во время десятилѣтняго пребыванія въ Нижегородской губерніи В. И. Даль собралъ множество матеріаловъ для географическаго указанія распространенія разныхъ говоровъ. Нижегородская губернія въ этомъ отношеніи представляетъ замѣчательное разнообразіе. Въ ней, какъ впрочемъ и вездѣ, по говорамъ можно добраться до историческаго такъ-сказать наслоенія народностей, то-есть можно замѣтить гдѣ остались первобытные русскіе насельники, гдѣ поселились Новгородцы, Сѣверяне, Бѣлоруссы, и пр. Гдѣ живетъ русское нынѣ племя бывшее прежде въ однихъ мѣстахъ Мордвою, въ другихъ Горною Черемисою, въ третьихъ Черемисою Нагорною. Когда я былъ начальствующимъ статистическою экспедиціей въ Нижегородской губерніи, какъ членовъ экспедиціи пріѣхавшихъ со мной изъ Петербурга, такъ и губернскихъ чиновниковъ находившихся въ личномъ моемъ распоряженіи, я познакомилъ съ Владиміромъ Ивановичемъ, и они въ его домѣ встрѣтили самый радушный пріемъ. Въ 1852 и 1853 годахъ мы объѣхали всѣ 3.700 населенныхъ мѣстностей губерніи, собирая свѣдѣнія по программѣ составленной мною и Н. А. Милютинымъ, подъ главнымъ руководствомъ Надеждина. И меня, и каждаго изъ членовъ предъ каждою поѣздкой Владиміръ Ивановичъ просилъ записывать въ каждой деревнѣ говоры: „А главное, говаривалъ онъ, оканье, аканье, цоканье, чваканье“ и т. д. Изъ этого у него накопился значительный матеріалъ, собранный уже послѣ напечатанія замѣчательной статьи Даля *О нарѣчіяхъ русскаго языка.* * Въ нѣсколькихъ селеніяхъ Лукояновскаго уѣзда, членомъ экспедиціи Н. И. Зайцевскимъ замѣчено было дзяканье, господство послѣ *а* звука *у*, замѣняющаго *о*, *в* и даже *л*, произношеніе предлога *съ* какъ *зъ*, обращеніе двугласныхъ (ѣ, я, ю) въ твердыя гласныя (а, у) и измѣненіе буквъ *г*, *k*, въ косвенныхъ падежахъ на *з* и *ц*. **

* *Вѣстникъ Императорскаго Географическаго Общества* 1852 года, книжка 5. Перепечатана безъ прибавленій въ предисловіи къ *Толковому Словарю.*

** Дзяканье: *дзядя* (дядя), *дзянуть* (тянуть) и т. п. Господство у: *вâукъ* (волкъ) и пр. *Трабуха* вмѣсто требуха, *кручúкъ* вмѣсто крючокъ. *Іонъ лгёцъ*, онъ лжетъ. *У сороци на хвистѣ*—У сороки на хвостѣ.

— Это Бѣлоруссы. Это таже Мензелинская шляхта, сказалъ Владиміръ Ивановичъ, и просилъ меня порыться въ архивахъ.

Архивы были тогда у меня подъ рукой. Поискали и нашли что въ XVII столѣтіи, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ нынѣшнемъ Лукояновскомъ уѣздѣ, равно какъ въ Мензелинскѣ и другихъ мѣстахъ, была поселена *Литва*, то-есть собственно говоря Бѣлоруссы. Тутъ объяснилось и то что дзякающихъ Лукояновцевъ окрестные жители зовутъ „панами", а иногда „панскими."

III.

Только-что воротился Даль съ богатымъ запасомъ *Словаря* изъ Турецкаго похода, какъ привелось ему идти въ новый походъ, противъ возмутившихся Поляковъ. Онъ былъ дивизіоннымъ врачомъ въ 3мъ пѣхотномъ корпусѣ, находившемся подъ командой генералъ-адъютанта (въ послѣдствіи графа) Ридигера. Въ іюлѣ 1831 года, когда князь Паскевичъ уже обложилъ Варшаву, Ридигеръ находился въ значительномъ отъ нея разстояніи, на правомъ берегу Вислы, и спѣшилъ прикрыть главную нашу армію съ тылу и съ боку. Польскій генералъ Ромарино былъ предъ тѣмъ отправленъ изъ Варшавы съ двѣнадцати-тысячнымъ войскомъ для истребленія русскаго корпуса барона Розена, но не успѣвъ въ томъ былъ преслѣдуемъ самъ Розеномъ и наступалъ на Ридигера. Легкіе польскіе отряды, подъ командой Завадскаго и другихъ, то-и-дѣло безпокоили нашъ корпусъ. Ридигеръ подходитъ къ правому берегу Вислы у мѣстечка Юзефова, — моста нѣтъ: Поляки предъ тѣмъ сожгли его. У Ридигера ни одного инженера. Опасность неминучая. Даль, расположившій въ то время своихъ больныхъ и раненыхъ въ опустѣломъ винокуренномъ заводѣ, стоявшемъ на берегу рѣки подлѣ Юзефова, увидѣлъ неподалеку пустыя бочки и предложилъ генералу устроить мостъ и перевести отрядъ на противоположный берегъ. Ридигеръ согласился. Надо было прежде всего устроить на правомъ берегу мостовое укрѣпленіе и потомъ занять лѣвый берегъ, находившійся въ рукахъ Поляковъ. Іюля 17го, Даль лично управлялъ десантомъ при занятіи непріятельскаго берега Вислы противъ мѣстечка Юзефова. Затѣмъ приступилъ онъ къ постройкѣ моста. Понтоновъ не было: онъ употребилъ бочки, плоты, лодки и паромы, и навелъ необыкновенный мостъ сначала у Юзефова,

а потомъ въ другой разъ у мѣстечка Казимиржа.* Наше войско перешло черезъ эти мосты. Когда послѣдніе русскіе солдаты вступали на тотъ берегъ Вислы, отрядъ Завадскаго внезапно напалъ на мостовыя укрѣпленія. Даль съ отборною командой 2го сентября былъ оставленъ Ридигеромъ для уничтоженія моста въ слѣдъ за отступающими нашими войсками... Завадскій подошелъ къ мосту, и Поляки вступили на него. Впереди шло нѣсколько офицеровъ, весело разговаривая. Даль подошелъ къ нимъ и объявилъ что больные и раненые съ врачами и лазаретною прислугой остались въ винокуренномъ заводѣ, но что онъ вполнѣ увѣренъ въ ихъ безопасности, потому что война идетъ съ христіанами, съ людьми просвѣщенными. Офицеры обнадеживаютъ Даля въ безопасности больныхъ, а сами подвигаются впередъ, весело разговаривая съ русскимъ лѣкаремъ. За ними вступаютъ на мостъ передовые люди отряда. Подходя къ серединѣ моста, Даль ускорилъ шаги, прыгнулъ на одну бочку гдѣ заранѣе былъ припасенъ остро наточенный топоръ. Разрубивъ нѣсколькими ударами топора главные узлы канатовъ связывавшихъ постройку, онъ бросился въ воду. Бочки, лодки, паромы понесло внизъ по Вислѣ, мостъ расплылся. Подъ выстрѣлами Поляковъ Даль доплылъ до берега и былъ встрѣченъ восторженными кликами нашего войска. Гарнизонъ мостоваго укрѣпленія, наша артиллерія и вагенбургъ были спасены отъ неминуемой гибели, а польскому корпусу Ромарино отрѣзана дорога въ Краковское и Сендомирское воеводство, куда онъ стремился по взятіи Русскими Варшавы.

„Когда происходили мостовыя работы, говоривалъ Владиміръ Ивановичъ, мы 26 августа слышали сильную канонаду. Наши брали Варшаву. Мнѣ въ тотъ день было не по себѣ, тоска какая-то напала... То было предчувствіе. Однимъ изъ слышанныхъ нами выстрѣловъ былъ смертельно пораженъ любимый братъ мой Левъ, служившій въ артиллеріи.“

Въ формулярный списокъ Владиміра Ивановича Даля вписано слѣдующее засвидѣтельствованіе генералъ-адъютанта Ридигера:

„По совершенному недостатку при корпусѣ генералъ-адъютанта Ридигера инженерныхъ офицеровъ, онъ (Даль) имѣлъ отъ

* Описаніе этого моста съ чертежами было въ послѣдствіи напечатано особою брошюрой въ Петербургѣ, въ типографіи Греча. Она теперь составляетъ библіографическую рѣдкость. Брошюра была переведена на французскій языкъ и напечатана въ Парижѣ.

него (Ридигера) порученіе завѣдывать построеніемъ черезъ рѣку Вислу моста на плотахъ, лодкахъ, паромахъ и бочкахъ. Іюля 17 (1831 года) лично управлялъ десантомъ при занятіи непріятельскаго берега Вислы противъ мѣстечка Юзефова; находился при спускѣ и наведеніи моста вновь при мѣстечкѣ Казимиржѣ и при внезапномъ нападеніи отряда Завадскаго на мостовыя укрѣпленія. Сентября 2го дня былъ оставленъ съ отборною командою для уничтоженія моста въ слѣдъ за отступающими войсками нашими, что̀ и успѣлъ исполнить благополучно, несмотря на то что былъ окруженъ непріятелемъ, вступавшимъ уже на самый мостъ, и симъ самымъ спасъ гарнизонъ, мостоваго укрѣпленія, равно артиллерію и вагенбургъ, отъ неминуемой гибели, и отрѣзалъ польскому генералу Ромарино, преслѣдуемому генераломъ барономъ Розеномъ, дорогу и убѣжище въ Краковское и Сандомирское воеводства.“

Что̀ же получилъ въ награду нашъ инженеръ-самоучка за такой подвигъ, за спасеніе войска? Строгій выговоръ начальства за то что взявшись не за свое дѣло оставилъ постъ при лазаретѣ и покинулъ находившихся на его попеченіи больныхъ и раненыхъ въ рукахъ непріятеля. Этимъ, по словамъ покойнаго Владиміра Ивановича, онъ былъ обязанъ баронету Вилье, недоброжелательство котораго къ даровитымъ подчиненнымъ такъ ярко очерчено въ запискахъ лейбъ-медика Тарасова, недавно напечатанныхъ. * Въ послѣдствіи, когда императоръ Николай Павловичъ изъ донесенія главнокомандующаго князя Паскевича, основаннаго на рапортѣ генерала Ридигера, узналъ о подвигѣ Даля, онъ наградилъ его Владимірскимъ крестомъ съ бантомъ.

По окончаніи польской кампаніи, Владиміръ Ивановичъ поступилъ ординаторомъ въ Петербургскій военно-сухопутный госпиталь. Здѣсь онъ трудился неутомимо и вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность замѣчательнаго хирурга, особенно же окулиста. Онъ сдѣлалъ на своемъ вѣку болѣе сорока однихъ операцій снятія катаракты, и всѣ вполнѣ успѣшно. Замѣчательно что у него лѣвая рука была развита настолько же какъ и правая. Онъ могъ лѣвою рукой и писать, и дѣлать все что̀ угодно, какъ правою. Такая счастливая способность особенно пригодна была для него какъ оператора. Самые знаменитые въ Петербургѣ операторы приглашали Даля въ тѣхъ случаяхъ когда операцію можно было сдѣлать ловчѣе и удобнѣе лѣвою рукой.

* *Русская Старина*, издаваемая г. Семевскимъ, 1872.

Даль дѣлался уже медицинскою знаменитостью Петербурга, и хотя былъ вполнѣ Русскимъ, но благодаря нерусскому прозванію, пользовался сочувствіемъ и доброжелательствомъ врачей-Нѣмцевъ, владычествовавшихъ тогда въ петербургской медицинѣ и ревниво охранявшихъ свою практику и свои доходы отъ врачей русскаго происхожденія. Въ это самое время проникло въ Россію ученіе Ганемана, и въ Петербургѣ появилось нѣсколько гомеопатовъ. Аллопаты встревожились и осыпали Даля почетомъ и благодарностями, когда онъ смѣло выступилъ противъ Ганемановой системы, и въ блистательныхъ статьяхъ опровергалъ ее.

Въ это время В. И. Даль вступилъ уже въ дружескія отношенія ко многимъ изъ лучшихъ писателей того времени; въ томъ числѣ къ Алексѣю Алексѣевичу Перовскому, попечителю Харьковскаго учебнаго округа, автору романа *Монастырка*, повѣстей: *Черная курица*, *Двойникъ* и др., извѣстному въ литературѣ подъ псевдонимомъ Антона Погорѣльскаго. Перовскій былъ поклонникъ гомеопатіи и сказалъ однажды Далю: „чѣмъ спорить теоретически, отчего не испытать вамъ гомеопатическаго способа лѣченія на практикѣ?“ Даль послѣдовалъ его совѣту, и вскорѣ сдѣлавшись горячимъ приверженцемъ гомеопатіи выступилъ съ новыми статьями въ ея защиту. Необычайная тревога поднялась въ медицинскомъ лагерѣ. Далю невозможно стало оставаться на службѣ, тѣмъ болѣе что совѣсть уже не дозволяла ему заниматься дѣломъ въ которое онъ больше не вѣрилъ,—и притомъ какимъ еще дѣломъ? Отъ котораго зависитъ жизнь многихъ людей. Несмотря на то что не было у него никакого состоянія, онъ вышелъ въ отставку и совершенно оставилъ медицинскую практику кромѣ хирургической. Были и другія обстоятельства заставившія прямодушнаго и правдиваго Даля покинуть военно-медицинскую службу, какъ разказываетъ однокашникъ и близкій къ нему человѣкъ, декабристъ Д. И. Завалишинъ: *

„Злоупотребленія и непріятности, отъ которыхъ онъ отчасти бѣжалъ изъ флота, встрѣтили Даля и на медицинской карьерѣ. Изъ множества разказанныхъ имъ мнѣ случаевъ, приведу одинъ очень характерическій чтобы показать до какой степени даже невольно приходилось ему вступать въ столкновенія съ медицинскимъ своимъ начальствомъ. Начальство

---

* *Московскія Вѣдомости* 1872 года № 267.

это требовало напримѣръ чтобы мѣсячныя вѣдомости о больныхъ въ лазаретахъ и при полкахъ доставлялись ему непремѣнно къ первому числу слѣдующаго мѣсяца. Соображаясь съ этимъ, Даль, когда ему пришлось въ первый разъ отправлять рапорты, закончилъ вѣдомости больныхъ 25мъ числомъ. Для доставленія бумагъ начальнику, при тогдашнихъ средствахъ сообщенія, и для собранія свѣдѣній, нужно было не менѣе четырехъ или пяти дней. Даль получилъ за свои первыя вѣдомости строгое замѣчаніе и приказаніе доводить ихъ непремѣнно до 1го числа. Въ слѣдующій разъ онъ такъ и сдѣлалъ; но естественно что къ начальству бумаги могли дойти не ранѣе 4го или 5го числа. Тогда онъ получилъ строжайшій выговоръ, съ приказаніемъ доставлять вѣдомости непремѣнно къ 1му числу. На это онъ въ рапортѣ объяснилъ несовмѣстимость этихъ требованій, изъ которыхъ одно непремѣнно исключаетъ возможность исполнить другое. За этимъ объясненіемъ послѣдовалъ выговоръ еще строже съ угрозами и съ вопросомъ какъ онъ смѣетъ не подчиняться тому правилу которое исполняется всѣми другими? Даль отвѣчалъ что ему не извѣстно имѣютъ ли другіе даръ знать напередъ за пять дней сколько у нихъ будетъ больныхъ и какими болѣзнями, но что онъ такого дара не имѣетъ, и потому составляя вѣдомости до 1го числа онъ можетъ лишь сдавать пакеты ночью въ канцелярію для отправки, какъ только успѣетъ подвести итоги; если же будутъ давать ему несовмѣстимыя приказанія и за невозможность исполнить присылать выговоры, то онъ перенесетъ дѣло на аппелляцію къ высшему начальству. Только послѣ этого его оставили въ покоѣ, но по службѣ доказали что случая этого не забыли. Все это возмущало, конечно, правдивость молодаго Даля. Въ послѣдствіи впрочемъ Даль видѣлъ, какъ онъ разказывалъ, что даже высшіе администраторы, и притомъ имѣвшіе еще репутацію добросовѣстныхъ, произвольно составляли вѣдомости, такъ какъ имъ было нужно, безъ всякаго уваженія къ системѣ.

IV.

Еще въ Дерптѣ познакомился Даль съ Жуковскимъ.* Въ Петербургѣ это знакомство перешло въ тѣсную дружбу. Дружба съ Жуковскимъ сдѣлала Даля другомъ Пушкина, сблизила его

* Въ то время когда В. И. Даль учился въ Дерптскомъ университетѣ, тамъ преподавалъ русскую словесность А. Ѳ. Воейковъ (авторъ

съ Воейковымъ, Языковымъ, Анною Зонтагъ (рожденная Юшкова), Дельвигомъ, Крыловымъ, Гоголемъ, кн. Одоевскимъ, съ братьями Перовскими. Въ 1830 году, вскорѣ по возвращеніи изъ Турецкаго похода, В. И. Даль напечаталъ первую свою литературную „попытку“ въ *Московскомъ Телеграфѣ* Полеваго.* Возвратясь изъ Польши и распростясь съ медициной, онъ совершенно выступилъ на литературное поприще. Началъ онъ русскими сказками. „Не сказки сами по себѣ были мнѣ важны, писалъ онъ въ послѣдствіи, а русское слово, которое у насъ въ такомъ загонѣ что ему нельзя было показаться въ люди безъ особаго предлога и повода — сказка послужила предлогомъ. Я задалъ себѣ задачу познакомить земляковъ своихъ сколько-нибудь съ народнымъ языкомъ и говоромъ, которому открывался такой вольный разгулъ и широкій просторъ въ народной сказкѣ.“ Предупреждая мысль будто онъ ставитъ свои сказки въ примѣръ слога и языка, Даль прибавляетъ: „Сказочникъ хотѣлъ только на первый случай показать небольшой образчикъ—и право не съ казоваго конца—образчикъ *запасовъ*, о которыхъ мы мало или вовсе не заботимся, между тѣмъ *какъ рано или поздно безъ нихъ не обойтись*“.**

Таковъ же былъ взглядъ Даля и на всѣ его повѣсти и разсказы. Въ нихъ имѣлъ онъ въ добавокъ цѣлію изобразить черты народнаго быта въ неподдѣльномъ его видѣ. Не забудемъ что до разказовъ Даля русскій простолюдинъ выводился или въ видѣ *пейзана* чуть не съ розовымъ вѣночкомъ на головѣ, какъ у Карамзина и его подражателей, или въ грязномъ каррикатурномъ видѣ, какъ у Булгарина. Въ то время не было еще ни *Мертвыхъ Душъ* Гоголя, ни *Записокъ Охотника* Тургенева.

Цѣль—показать образчикъ запасовъ народнаго языка—которую Даль постоянно преслѣдовалъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, иногда вредитъ имъ въ художественномъ от-

---

Дома Сумашедшихъ, потомъ редакторъ *Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду*), женатый на сестрѣ Жуковскаго Александрѣ Андреевнѣ. Жуковскій жилъ вмѣстѣ съ сестрой въ Дерптѣ до самаго того времени какъ былъ назначенъ воспитателемъ царствующаго нынѣ Государя Императора.

* См. предисловіе ко 2 тому *Сочиненій Владиміра Даля*. С.-Петербургъ 1861.

** *Полтора слова о нынѣшнемъ русскомъ языкѣ*, статья В. И. Даля напечатанная въ *Москвитянинѣ* 1842, часть 1, стр. 549-550.

ношеніи. Нанизывая слово зá словомъ изъ народнаго языка, пословицу за пословицей, поговорку за поговоркой, Даль не заботится что это идетъ прямо въ ущербъ художественности произведенія. Но онъ никогда и не считалъ себя художникомъ. „Это не моихъ рукъ дѣло, говаривалъ онъ въ откровенныхъ бесѣдахъ, иное дѣло выкопать золото изъ скрытыхъ рудниковъ народнаго языка и быта, и выставить его міру на показъ; иное дѣло передѣлать выкопанную руду въ изящныя издѣлія. На это найдутся люди и кромѣ меня. Всякому свое.“

И дѣйствительно, золотою рудой, да еще въ видѣ самыхъ крупныхъ самородковъ, должно считать *Словарь* Даля, его разсказы, его повѣсти, сказки собранныя имъ, пѣсни, пословицы поговорки, прибаутки, повѣрья и т. п. У каждаго русскаго писателя, если хочетъ онъ писать чистымъ и притомъ живымъ русскимъ языкомъ, труды Даля должны быть настольными книгами.

Первыя сказки въ числѣ пяти Даль издалъ въ 1833 году, назвавъ себя *Казакомъ Луганскимъ*, потому что родился въ казачьей землѣ, въ мѣстечкѣ Луганѣ. * Онѣ встрѣчены были

* *Русскія сказки. Первый пятокъ.* Казака Луганскаго. Нынѣ чрезвычайная библіографическая рѣдкость. Въ этомъ первомъ пяткѣ заключаются слѣдующія сказки: 1) *О Иванѣ молодомъ сержантѣ, удалой головѣ, безъ роду, безъ племени, спроста безъ прозвища.* Посвящена „милымъ сестрамъ моимъ Павлѣ и Александрѣ“; 2) *О Шемякиномъ судѣ и воеводствѣ и о прочемъ, была когда-то быль, а нынѣ сказка будничная.* Посвящена Карлу Христофоровичу Кнорре; 3) *О Рогволдѣ и Могучанѣ царевичахъ, равно и о третьемъ единоутробномъ ихъ братѣ, о славныхъ подвигахъ и дѣяніяхъ ихъ и о новомъ княжествѣ и княженіи.* Посвящена Катенькѣ Мойеръ и Машенькѣ Зонтагъ; 4) *Новинка-диковинка или невиданное чудо неслыханное диво.* Посвящена Н. Языкову и всѣмъ товарищамъ нашимъ профессорскаго института при Дерптскомъ университетѣ; 5) *О похожденіяхъ чорта-послушника, Сидора Поликарповича, на морѣ и на сушѣ, о неудачныхъ соблазнительныхъ попыткахъ его и объ окончательной пристройкѣ его по части письменной.* Посвящена однокашникамъ моимъ Павлу Михайловичу Новосильскому и Николаю Ивановичу Синицыну. Первый пятокъ *Сказокъ* Даля перепечатанъ въ VIII томѣ *Собранія* его сочиненій 1861 года. Кнорре, которому посвящена вторая сказка, пріятель Даля, былъ астрономомъ при обсерваторіи въ Николаевѣ. Катенька Мойеръ—дочь дерптскаго профессора-хирурга, Іоганна Христіана Мойера, у котораго учился Влади-

съ восторгомъ всѣми лучшими писателями того времени; особенно Пушкинъ былъ отъ нихъ въ восхищеніи. Подъ вліяніемъ перваго пятка сказокъ Казака Луганскаго, онъ написалъ лучшую свою сказку *О рыбакѣ и золотой рыбкѣ*, и подарилъ Владиміру Ивановичу ее въ рукописи съ надписью: „Твоя отъ твоихъ! Сказочнику казаку Луганскому, сказочникъ Александръ Пушкинъ."

Иначе взглянули на только-что выступившаго на литературное поприще Казака Луганскаго другаго разряда писатели. Булгаринъ нашелъ ихъ грязными, неприличными, и свое усердіе о приличіяхъ простеръ за приличную черту. Въ одной изъ Далевскихъ сказокъ нѣкоторыя выраженія были перетолкованы въ дурную сторону. * Раннимъ утромъ, когда Даль обхо-

міръ Ивановичъ. Машенька Зонтагъ—дочь извѣстной писательницы для дѣтей Анны Зонтагъ, урожденной Юшковой, родственницы Жуковскаго, жившей въ Дерптѣ, когда тамъ учился Даль. Н. М. Языковъ—извѣстный поэтъ. Новосильскій былъ въ послѣдствіи директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ, директоромъ хозяйственнаго отдѣленія Святѣйшаго Синода, а подъ конецъ жизни цензоромъ Петербургскаго цензурнаго комитета. Н. И. Синицынъ былъ въ послѣдствіи директоромъ Ришильевскаго лицея въ Одессѣ.

* *Сочиненія Владиміра Даля* изд. 1861, т. VIII, стр. 4 и 5: „Въ нѣкоторомъ царствѣ за тридесятымъ государствомъ, жилъ былъ царь Дадонъ, Золотой Кошель. У этого царя было великое множество подвластныхъ князей: князь Панкратій, князь Климъ, князь Кондратій, князь Трофимъ, князь Игнатій, князь Евдокимъ, много другихъ такихъ же и сверхъ того правдолюбивые, сердобольные министры; фельдмаршалъ Кашинъ, генералъ Дюжинъ, губернаторъ графъ Чихирь-Пяташная-Голова, да строеваго боеваго войска Иванъ молодой сержантъ, удалая голова, безъ роду, безъ племени, спроста безъ прозвища... Царь этотъ царствовалъ какъ медвѣдь въ лѣсу, дуги гнетъ, гнетъ не паритъ, переломитъ не тужитъ. Онъ послушалъ правдолюбивыхъ и сердобольныхъ своихъ совѣтниковъ, приказалъ немедленно отобрать отъ Ивана молодаго сержанта удалой головы, безъ роду безъ племени, спроста безъ прозвища - всѣ документы царскіе, чины, ордена, злато-чеканныя медали, и пошло ему опять жалованье солдатское, простое, житье плохое, и стали со дня на день налегать на него болѣе вельможи, бояре царскіе, стали клеветать, обносить, оговаривать...." Указано было еще на то что въ сказкѣ *О похожденіяхъ чорта-послушника Сидора Поликарповича*, вопервыхъ чортъ названъ именемъ православнаго христіанина, а вовторыхъ что военная и морская служба оказалась для самого чорта столь тягостною что онъ бѣжалъ. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ. По указанію Бул-

дилъ палаты больныхъ, явились въ военно-сухопутный госпиталь жандармы, взяли его и отвезли къ статсъ-секретарю А. Н. Мордвинову, управлявшему тогда третьимъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Тотъ встрѣтилъ его самыми обидными, самыми оскорбительными площадными словами, оборвалъ чтò называется, и посадилъ подъ арестъ, объявивъ что это дѣлаетъ онъ по Высочайшему повелѣнію. Даль и самъ не зналъ какъ объ этомъ провѣдали Жуковскій, бывшій уже тогда воспитателемъ Государя Наслѣдника, и находившійся тогда въ Петербургѣ дерптскій профессоръ Парротъ, близкій человѣкъ къ императору Александру I и уважаемый императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Онъ полюбилъ Даля когда еще тотъ былъ дерптскимъ студентомъ. И Жуковскій и Парротъ ходатайствовали предъ государемъ о Далѣ. Жуковскій объяснилъ что слова сказки навлекшія бѣду на автора выражаютъ вовсе не то чтò о нихъ доложили. Вечеромъ того же дня Даля освободили изъ-подъ ареста, и статсъ-секретарь Мордвиновъ разсыпался предъ нимъ въ самыхъ изысканныхъ любезностяхъ. „Это, какъ всегда говаривалъ Даль, больше всего поразило меня въ тотъ черный день“ Любезный статсъ-секретарь на прощаньѣ подалъ освобожденному арестанту руку. Не отвѣчая ни слова на любезности, Даль руки не подалъ, отвернулся и ушелъ. Это ему не сошло даромъ.

Черезъ нѣсколько времени между кантонистами въ разныхъ городахъ развилось египетское воспаленіе глазъ. Послѣдовало Высочайшее повелѣніе командировать лучшаго окулиста для обзора госпиталей въ военно-сиротскихъ отдѣленіяхъ. Выборъ палъ на Даля. Командировка эта на долгое время отвлекла бы его отъ практики имъ еще не покинутой и не представляла въ будущемъ ничего пріятнаго. Къ тому же Владиміръ Ивановичъ въ то время собирался жениться.* Но нечего дѣлать—

гривна, говаривалъ В. И. Даль, обидѣлись Пяташныя Головы, обидѣлись и алтынныя, оскорбились и такія головы которымъ цѣна была цѣлая гривна безъ вычета.

* На дѣвицѣ Юліи Андре. Отъ нея Владиміръ Ивановичъ имѣлъ сына Льва Владиміровича (род. 1834 въ Оренбургѣ, теперь одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ архитекторовъ и при томъ археологъ) и дочь Юлію Владиміровну (скончалась въ Римѣ 1863 года, двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду). Оба лютеранскаго закона. Во второй разъ Владиміръ Ивановичъ женился въ Оренбургѣ на Екатеринѣ Львовнѣ Соколовой (скончалась въ Москвѣ 9го

служба. Долженъ былъ покориться участи устроенной баронетомъ Вилье и Мордвиновымъ, сталъ собираться въ путь. Вдругъ нежданная перемѣна. Вмѣсто Даля послали другаго. Въ послѣдствіи лейбъ-медикъ Арендъ сказывалъ Владиміру Ивановичу что когда столь доброжелательный къ нему баронетъ Вилье доложилъ о назначеніи въ командировку Даля, императоръ Николай сказалъ ему: „Даля нельзя, назначить другаго, а то онъ можетъ подумать что его усылаютъ за сказки.“ Владиміръ Ивановичъ всегда съ чувствомъ умиленія разказывалъ о такомъ тонкомъ и деликатномъ отзывѣ императора Николая Павловича, ярко обрисовывающемъ прекрасную его душу.

Происшествіе съ первыми сказками Даля имѣло впрочемъ вліяніе на судьбу его. Оно отвлекло Владиміра Ивановича отъ готовившейся ему педагогической дѣятельности въ томъ самомъ университетѣ гдѣ самъ онъ получилъ образованіе. Въ то время, въ Дерптѣ, по выходѣ Воейкова, не было профессора русскаго языка и словесности. Парротъ, состоявшій тогда кажется ректоромъ университета, былъ въ Петербургѣ, и на праздную каѳедру приглашалъ Даля, уже получившаго извѣстность знатока русскаго языка. Даль съ охотой согласился на такое предложеніе, тѣмъ болѣе что въ то время начиналъ уже входить въ разладъ съ медициной. Но встрѣтилось препятствіе. Хотя Владиміръ Ивановичъ и былъ докторомъ, но не того факультета; по филологическому онъ не имѣлъ не только ученой степени, но и званія дѣйствительнаго студента. По совѣщаніи настойчиваго Паррота съ княземъ Ливеномъ, тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, дѣло однако улаживалось. Вмѣсто экзамена на ученую степень филологическаго факультета, Даль долженъ былъ представить свои *Русскія сказки* и кромѣ того прочитать двѣ пробныя лекціи въ Петербургскомъ университетѣ. Все было готово, какъ вдругъ разразилась надъ кандидатомъ въ профессоры буря изъ-за тѣхъ самыхъ сказокъ которыя онъ долженъ былъ представить. Хотя дѣло, какъ мы видѣли, и обошлось благополучно, но князь Ливенъ признавалъ неудобнымъ

февраля 1872 года), дочери помѣщика Бирскаго уѣзда, Уфимской (тогда Оренбургской) губерніи. Отъ нея Владиміръ Ивановичъ имѣлъ трехъ дочерей—Марью, Ольгу и Екатерину. Средняя замужемъ за нижегородскимъ помѣщикомъ П. А. Демидовымъ (служитъ товарищемъ прокурора Московскаго окружнаго суда), старшая и младшая—дѣвицы.

чтобы Далемъ представлено было то самое сочиненіе изъ-за котораго вышла неліріятная исторія, произведшая переполохъ и въ одобрившемъ книгу цензурномъ комитетѣ, находившемся въ его вѣдомствѣ. Пошли переговоры. Парротъ между тѣмъ уѣхалъ въ Дерптъ. Дѣло тѣмъ и кончилось.

Въ 1833 году Даль оставилъ медицинскую практику и службу въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ. Братъ его друга, Антона Погорѣльскаго, главный начальникъ оренбургскаго края, В. А. Перовскій, пригласилъ его къ себѣ на службу, и Владиміръ Ивановичъ, оставивъ Петербургъ, отправился на берега Урала.

V.

Самыми близкими людьми къ Далю, до отъѣзда его въ Оренбургъ и послѣ того, были Жуковскій, Пушкинъ и князь Одоевскій. Въ концѣ 1836 года, онъ съ В. А. Перовскимъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и черезъ мѣсяцъ схоронилъ одного изъ этихъ друзей.

Въ то время когда все было поражено преждевременною и столь печальною гибелью Пушкина, когда всѣ знавшіе и не знавшіе его лично, самые даже иностранцы толпились въ передней умиравшаго и по набережной Мойки, узнавать о ходѣ болѣзни, Даль всѣ трое сутокъ мученій Пушкина ни на минуту не оставлялъ его страдальческаго ложа. Послѣднія слова князя русскихъ писателей были обращены къ Далю.... Даль принялъ послѣдній вздохъ дорогаго всей Россіи человѣка.... Даль закрылъ померкшія очи закатившагося солнца русской поэзіи.

Извѣстно что Пушкинъ былъ нѣсколько суевѣренъ. Онъ носилъ на большомъ пальцѣ перстень съ изумрудомъ, называя его своимъ талисманомъ, и никогда не скидалъ его, говоря друзьямъ что если онъ сниметъ этотъ перстень хоть на минуту, божественный даръ поэзіи его покинетъ.... Когда Пушкинъ узналъ что нѣтъ надежды, что должно ему умереть, онъ снялъ перстень и надѣлъ его на руку Даля. Этотъ перстень Владиміръ Ивановичъ носилъ до смерти на той рукѣ которая написала *Словарь живаго великорусскаго языка*.... Не задолго до смерти Пушкинъ услыхалъ отъ Даля что шкурка которую ежегодно сбрасываютъ съ себя змѣи называется по-русски *выползина*. Ему очень понравилось это слово, и нашъ великій поэтъ среди шутокъ, съ грустью сказалъ Далю: „Да, вотъ мы пишемъ, зовемся тоже писателями, а половины

русскихъ словъ не знаемъ!... Какіе мы писатели? Горе, а не писатели! За то по-французски такъ насъ взять—мастера." На другой день Пушкинъ пришелъ къ Далю въ новомъ сюртукѣ. „Какова выползина!" сказалъ онъ смѣясь своимъ веселымъ, звонкимъ, искреннимъ смѣхомъ. „Ну изъ этой выползины я не скоро выползу. Въ этой выползинѣ я такое напишу что и ты не охаешь, не отыщешь ни одной французятины."* Что въ эти минуты занимало мысли великаго поэта, это скрыла отъ насъ тайна смерти: черезъ нѣсколько дней Пушкина не стало. Случилось же такъ что Пушкинъ былъ раненъ въ этомъ самомъ сюртукѣ. И когда въ предсмертной борьбѣ отдалъ онъ Далю свой талисманъ, дрожащимъ, прерывающимся голосомъ примолвилъ: „Выползину тоже возьми себѣ". Этотъ сюртукъ съ дырою отъ пули на правой полѣ долго хранился у Даля. Онъ передалъ его М. П. Погодину, у котораго онъ хранится теперь подъ бюстомъ Пушкина. **

Приведемъ слова Жуковскаго о Далѣ при умиравшемъ Пушкинѣ.

— Худо, братъ, мнѣ, сказалъ Пушкинъ, съ улыбкою вошедшему Далю. Но Даль, дѣйствительно имѣвшій болѣе другихъ надежды, отвѣчалъ ему:

— Мы всѣ надѣемся, не отчаивайся и ты.

— Нѣтъ, возразилъ онъ, здѣсь не житье; я умру, да видно такъ и надо.

Въ это время пульсъ его былъ ровнѣе и тверже, началъ показываться небольшой общій жаръ. Поставили піявки, *** пульсъ сталъ ровнѣе, рѣже и гораздо легче. Я ухватился, говорилъ Даль, какъ за соломинку, робкимъ голосомъ провозгласилъ надежду и обманулъ было и себя и другихъ. Пушкинъ, замѣтивъ что Даль былъ пободрѣе, взялъ его за руку и спросилъ:

— Никого тутъ нѣтъ?

— Никого.

— Даль, скажи мнѣ правду, скоро ли я умру?

— Мы за тебя надѣемся, Пушкинъ, право надѣемся.

* Такъ называлъ онъ галлицизмы и чужерѣчія вводимыя въ русскій языкъ.

** Я слышалъ отъ М. П. Погодина предположеніе его: когда будетъ воздвигнутъ въ Москвѣ памятникъ Пушкину, внизу его, въ приличномъ вмѣстилищѣ, положить этотъ сюртукъ, какъ реликвію великаго поэта, на память грядущимъ поколѣніямъ русскихъ людей.

*** Ставилъ ихъ Даль своими руками.

— Ну спасибо, отвѣчалъ онъ.

Но повидимому только однажды и обольстился онъ утѣшеніемъ надежды; ни прежде ни послѣ этой минуты онъ ей не вѣрилъ. Почти всю ночь (на 29е число; эту ночь всю Даль просидѣлъ у его постели) онъ продержалъ Даля за руку, часто бралъ по ложечкѣ воды или по крупинкѣ льда въ ротъ и всегда все дѣлая самъ: снималъ стаканъ съ ближней полки, теръ себѣ виски льдомъ, самъ накладывалъ на животъ припарки, самъ ихъ перемѣнялъ и пр. Онъ мучился менѣе отъ боли нежели отъ чрезмѣрной тоски.

— Ахъ, какая тоска! иногда восклицалъ онъ, закидывая руки на голову:—сердце изнываетъ.

Тогда просилъ онъ чтобы подняли его или поворотили на бокъ или поправили ему подушку и не давалъ кончить этого, останавливая обыкновенно словами:

— Ну, такъ, такъ, хорошо; вотъ и прекрасно, и довольно, теперь очень хорошо.—Или:—Постой—не надо—потяни меня только за руку; ну вотъ и хорошо и прекрасно.—Все это точныя его выраженія.

Вообще, говоритъ Даль, въ обращеніи со мной онъ былъ повадливъ и послушенъ какъ ребенокъ и дѣлалъ все чего я хотѣлъ. Однажды онъ спросилъ у Даля.

— Кто у жены моей?

Даль отвѣчалъ:

— Много добрыхъ людей принимаютъ въ тебѣ участіе, зала и передняя полны съ утра до вечера....

— Ну спасибо, отвѣчалъ онъ, однакоже поди, скажи женѣ что все слава Богу легко; а то ей тамъ пожалуй наговорятъ...

Пославъ Даля ободрить жену надеждою, Пушкинъ самъ не имѣлъ никакой. Однажды спросилъ онъ который часъ, и на отвѣтъ Даля продолжалъ прерывающимся голосомъ:

— Долго ли... мнѣ... такъ мучиться?.. Пожалуйста... поскорѣй...

— Терпѣть надо, другъ, дѣлать нечего, сказалъ ему Даль,—но не стыдись боли своей, стонай, тебѣ будетъ легче.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ прерывчиво,—нѣтъ... не надо... стонать... жена услышитъ.. смѣшно же... чтобъ этотъ.. вздоръ меня... пересилилъ... не хочу...

Мысли его были свѣтлы; изрѣдка только полудремотное забытье отуманивало ихъ. Разъ онъ подалъ руку Далю и пожимая ее проговорилъ:

— Ну подымай же меня, пойдемъ, да выше, выше... ну пойдемъ!

Но очнувшись онъ сказалъ:

— Мнѣ было пригрезилось что я съ тобой лѣзу вверхъ по этимъ книгамъ и пóлкамъ, высоко... и голова закружилась.

Немного погодя онъ опять, не раскрывая глазъ, сталъ искать Далеву руку и поднявъ ее сказалъ:

— Ну пойдемъ же пожалуйста, да вмѣстѣ.

Даль по просьбѣ его взялъ его подъ мышки и приподнялъ повыше. И вдругъ какъ будто проснувшись, онъ быстро раскрылъ глазá, лицо его прояснилось, и онъ сказалъ:

— Кончена жизнь.

Даль, не разслышавъ, отвѣчалъ:

— Да, кончено, мы тебя поворотили.

— *Жизнь* кончена, повторилъ онъ внятно и положительно. — Тяжело дышать, давитъ.

Это были послѣднія слова Пушкина. Всѣ надъ нимъ молчали. Минуты черезъ двѣ я (Жуковскій) спросилъ:

— Чтò онъ?

— Кончено, отвѣчалъ Даль. *

VI.

Къ восьми годамъ (съ 1833 по 1841) пребыванія Владиміра Ивановича въ Оренбургскомъ краѣ относится бóльшая часть его повѣстей и разказовъ. Къ этому же періоду времени должно отнести и главнѣйшее пополненіе запасовъ его для словаря, и собраніе народныхъ сказокъ, пословицъ и пѣсенъ. Послѣ *Перваго Пятка* Казакъ Луганскій продолжалъ свои сказки. Лучшіе того времени журналы дорожили честью украшать свои страницы произведеніями Даля. Съ 1834 по 1839 годъ, его сказки являются въ *Библіотекѣ для чтенія* Сенковскаго. *

---

* *Собраніе сочиненій* Жуковскаго. т. VI, стр. 356—361. *Послѣднія минуты Пушкина.*

** Сказки Казака Луганскаго явившіяся въ тридцатыхъ и отчасти въ сороковыхъ годахъ были слѣдующія: 1) *Сказка про Жида вороватаго, про Цыгана бородатаго.* 2) *Сказка про Емелю дурачка.* 3) *Сказка про Ивана Лапотника.* 4) *Сказка о Егорѣ Храбромъ и о волкѣ.* 5) *Сказка о ворѣ и бурой коровѣ.* 6) *Сказка о Строевой дочери и о коровушкѣ буренушкѣ.* 7) *Сказка о прекрасной царевнѣ Милонѣгѣ Бѣлоручкѣ.* 8) *Сказка о нуждѣ, о счастіи и о правдѣ.*

На ряду со сказками, началъ онъ писать и повѣсти изъ русскаго быта. Лучшими изъ нихъ были: *Бѣдовикъ*, *Колбасники* и *Бородачи* и *Павелъ Алексѣевичъ Игривый*, напечатанныя въ *Отечественныхъ Запискахъ*, которыя начались (въ 1839 году) первою изъ названныхъ повѣстей Казака Луганскаго. * Живя въ Оренбургѣ Владиміръ Ивановичъ совершенно изучилъ бытъ Киргизовъ и Уральскихъ Казаковъ и написалъ разказы *Бикей и Мауляна*, ** *Майна*, *Башкирская русалка*. Сюда же пожалуй можно отнести и восточную сказку *Бараньи*, напечатанную въ *Москвитянинѣ* сороковыхъ годовъ и надѣлавшую въ свое время много говора и даже переполоху между окружными начальниками и другими губернскими чиновниками вѣдомства Государственныхъ Имуществъ. Въ иллюстрированномъ сборникѣ А. П. Башуцкаго, издававшемся въ началѣ сороковыхъ годовъ подъ заглавіемъ *Наши*, В. И. Даль помѣстилъ очерки: *Уральскій казакъ*, *Чухонцы въ Питерѣ*, *Петербургскій дворникъ*, *Деньщикъ* и *Находчивое поколѣніе*. Странствованіе Даля по западному краю и въ южной Россіи и знакомство съ бытомъ тамошняго народа дали ему возможность написать разказы: *Цыганка*, *Болгарка*, *Подолянка*; зоологъ и охотникъ на перо и на шерсть ***, онъ изучалъ и нравы животныхъ. Его статьи *Медвѣдь* и *Волкъ*, напечатанныя въ сороковыхъ годахъ въ петербургскихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, представляютъ въ высшей степени замѣчательные

---

9) *Сказка о бѣдномъ Кузѣ—безталанной головѣ и о переметчикѣ Будунтаѣ*. 10) *Сказка о Лисѣ Патрикѣевнѣ*. 11) *Сказка о купцѣ съ купчихой и выкраденномъ ими сынѣ*. 12) *Илья Муромецъ, сказка Руси богатырской*. 13) *Какъ себѣ живутъ Василь Васильичъ съ Марьей Васильевной*. 14) *Карай царевичъ и Булатъ молодецъ*. 15) *Кладъ, русская сказка*. 16) *Вѣдьма, украинская сказка*.

* Кромѣ трехъ названныхъ повѣстей изъ русскаго быта, Владиміръ Ивановичъ Даль написалъ еще: 1) *Савелій Грабъ или Двойникъ*. 2) *Вакхъ Сидоровъ Чайкинъ*. 3) *Мичманъ Поцѣлуевъ или живучи оглядывайся*. 4) *Гофманская капля* (нѣчто въ родѣ фантастическихъ разказовъ Гофмана—неудачная). 5) *Отецъ съ сыномъ—старая погудка на новый ладъ*. 6) *Небывалое въ быломъ или былое въ небываломъ*. 7) *Отставной*. 8) *Расплохъ*. 9) *Хмѣль, сонъ и явь* (напечатана въ *Москвитянинѣ*).

** Она переведена на французской языкъ и напечатана въ 1845 году въ Парижѣ подъ заглавіемъ *Bikey et Maolina ou les Kirghiz-Kaissaks*. Par Dhale. Traduit du russe par Folormey.

*** Охотничьи выраженія—охота на птицъ и на звѣря.

разказы о нравахъ и бытѣ этихъ животныхъ. * Относительно естественной исторіи Владиміръ Ивановичъ не ограничился этими по истинѣ мастерскими, но теперь къ сожалѣнію совершенно забытыми, затерявшимися въ старыхъ газетахъ, статьями; по вызову главнаго начальства надъ военно-учебными заведеніями онъ написалъ превосходные учебники *Ботаники* и *Зоологіи*. Они высоко цѣнились и естествоиспытателями и педагогами; но когда въ нашихъ гимназіяхъ ввели преподаваніе естественной исторіи, учебники Даля почему-то обошли, предпочитая имъ жалкія руководства которыми неумѣлые педагоги набивали мальчикамъ головы. Что изданія Владиміра Ивановича Даля по части естественной исторіи были труды серіозные, довольно сказать что онъ былъ избранъ Академіею Наукъ въ члены корреспонденты по первому, то-есть физико-математическому ея отдѣленію.

Разнообразная дѣятельность Казака Луганскаго этимъ не ограничилась. Возникъ въ тридцатыхъ годахъ вопросъ о томъ что̀ читать грамотному русскому человѣку низшихъ слоевъ общества. Даль написалъ *Солдатскіе досуги* (пятьдесятъ два разказа и нѣсколько загадокъ). Эти *Досуги* не были похожи на искуственныя въ высшей степени, на каждомъ словѣ звучавшіе фальшивою нотой, тогдашніе разказы генерала Скобелева, знавшаго фронтоваго солдата, но не вѣдавшаго русскаго человѣка и притомъ не имѣвшаго ни малѣйшаго образованія, чѣмъ однако не стыдился хвастаться до цинизма. *Солдатскіе досуги* Даля не похожи были и на позднѣйшія книжки для народнаго чтенія, которыя писались и пишутся неумѣлыми руками либо изъ-за однихъ денегъ, либо съ предвзятыми тенденціями. Вскорѣ послѣ того какъ было учреждено Министерство Государственныхъ Имуществъ, просвѣщенный министръ, хотя и съ образованіемъ на французскій ладъ, графъ П. Д. Киселевъ, сознавалъ что мало того чтобы выучить крестьянина грамотѣ, надо дать ему полезное и сообразное съ его понятіями чтеніе. Онъ поручилъ служившимъ при немъ князю В. Ѳ. Одоевскому и А. П. Заблоцкому-Десятовскому составить *Сельское чтеніе*. Статьи Даля: *Не положивъ не ищи*, *Что̀ знаетъ о томъ не спрашивай*, притчи: *О дятлѣ*, *О дубовой бочкѣ*, *Ось и чека* и пр. были лучшими украшеніями *Сельска-*

---

* Въ *Собраніи сочиненій Даля*, С.-Петербургъ 1861, этихъ статей нѣтъ.

го *чтенія.* Въ послѣдствіи, уже въ пятидесятыхъ годахъ, когда Владиміръ Ивановичъ Даль находился на полупокоѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, великій князь генералъ-адмиралъ Константинъ Николаевичъ обратился къ Далю съ приглашеніемъ написать книжку для чтенія матросовъ. Бывшій мичманъ Черноморскаго флота, въ 1851 году, написалъ *Матросскіе досуги*, состоящіе изъ ста одиннадцати статей. И доселѣ нѣтъ въ нашей литературѣ ничего лучше, ничего пригоднѣе для народнаго чтенія какъ *Солдатскіе* и *Матросскіе досуги* и статьи *Сельскаго чтенія*, написанныя первѣйшимъ знатокомъ русскаго простонароднаго быта, Казакомъ Луганскимъ. А между тѣмъ о нихъ и помину нѣтъ.

На все былъ мастеръ Казакъ Луганскій. Пріятель его художникъ Сапожниковъ около 1840 года нарисовалъ десятка три каррикатуръ изъ быта петербургскихъ Нѣмцевъ. Даль написалъ къ нимъ текстъ подъ названіемъ: *Похожденія Віоль д'Амура*, напечатанный вмѣстѣ съ альбомомъ рисунковъ въ *Библіотекѣ для Чтенія.* * Казалось бы, что тутъ писать, чѣмъ себя выставить? Но Казакъ Луганскій, говоримъ, на все былъ мастеръ. Конечно, его *Віоль д'Амуръ* не художественное произведеніе; но сколько и въ немъ веселаго юмора, такъ свойственнаго всѣмъ Далевымъ разказамъ, сколько подмѣчено характерныхъ чертъ, сколько задушевности, правды!

Написалъ Казакъ Луганскій и драматическое произведеніе, *Ночь на распутіи или утро вечера мудренѣе.* Эта „старая бывальщина въ лицахъ" написана В. И. Далемъ по настояніямъ Пушкина. Содержаніе ея фантастическое. Тутъ кромѣ удѣльнаго князя Вышеслава, его дочери Зори и ея жениховъ, дѣйствуютъ Домовой, Водяной, Лѣшій, Оборотень, Русалки, и всѣ они дѣйствуютъ вполнѣ по-русски, то-есть вполнѣ сообразно съ представленіями о нихъ созданными русскимъ народомъ. Въ художественномъ отношеніи *Ночь на распутіи* слаба, но она замѣчательна какъ опытъ выставить на сцену русскій сказочный міръ. Даль разказывалъ что Глинка не разъ ему говаривалъ что послѣ *Руслана и Людмилы* онъ непремѣнно примется за *Ночь на распутіи.* И какое бы въ самомъ дѣлѣ прекрасное либретто для русской оперы можно было сдѣлать изъ этой „старой бывальщины"! Въ пятидесятыхъ годахъ, *Ночь на распутіи* была поставлена на сценѣ Александринскаго театра въ Петербургѣ. Поставлена она была въ лѣтніе

* Въ *Собраніи сочиненій Владиміра Даля* изд. 1861, его нѣтъ.

мѣсяцы, разучена плохо, сыграна еще хуже начинавшими и провинціальными актерами. Къ довершенію всего театральная дирекція сдѣлала изъ *Ночи на распутіи* нѣчто въ родѣ балаганнаго представленія, подобнаго Берговскимъ на Адмиралтейской площади во время Масляницы или Святой Недѣли. Сцены русалокъ на озерѣ;—превращеніе Оборотня въ зайца, въ полетушу, въ сороку; — наводненіе покоевъ княжнаго родича Весны водою текущею изъ волосъ похищенной русалки Порѣзвуши;—Лѣшій идущій въ лѣсу въ ровень съ деревьями, а полемъ въ ровень съ травою;—круженіе утопленниковъ и утопленницъ въ воздухѣ надъ озеромъ;—Водяной съ русалками затопляющіе лѣсъ и пр. — все это дирекція могла бы, еслибы захотѣла, поставить великолѣпно, но она поставила въ такой степени безобразно что глядя на сцену не вѣрилось что сидишь въ Императорскомъ театрѣ, а не въ ярмарочномъ балаганѣ странствующихъ фокусниковъ. Театральная дирекція; ухлопавшая около того времени тысячъ сто на постановку безобразной оперы Верди *Сила судьбы*, едва ли пять рублей израсходовала на постановку *Ночи на распутіи*. Піеса разумѣется пала. Если къ этому прибавить что *Ночь на распутіи* была поставлена на сцену не только безъ согласія автора, жившаго тогда въ Нижнемъ, но даже вопреки его желанію, то можно до нѣкоторой впрочемъ степени составить надлежащее понятіе о степени добросовѣстности и уваженія къ отечественнымъ писателямъ тогдашней дирекціи С.-Петербургскихъ театровъ, не говоря уже о степени пониманія ею русскихъ драматическихъ произведеній. Узнавъ о постановкѣ своей *Ночи на распутіи* безъ желанія автора, В. И. Даль хотѣлъ было протестовать, — но какъ и кому? Притомъ же дѣло сдѣлано. Нарядивъ піесу въ балаганный костюмъ, дирекція театровъ успѣла, какъ говорится, ухлопать піесу: дѣло стало-быть непоправное. Авторъ поропталъ и постарался забыть объ этомъ.

Въ Оренбургѣ у Даля вполнѣ созрѣла мысль о составленіи *Словаря живаго великорусскаго языка*. Тамъ же принялся онъ за изученіе древнихъ памятниковъ нашей словесности. Онъ сблизился съ инспекторомъ классовъ Оренбургскаго Неплюевскаго военнаго училища, Александромъ Никифоровичемъ Дьяконовымъ, о дружбѣ съ которымъ поминаетъ въ *Напутномъ Словѣ* къ своему *Словарю*. Одинъ только Дьяконовъ оказывалъ тогда въ Оренбургѣ, по словамъ самаго Даля, умное и дѣльное

* Изданія канцлера графа Н. П. Румянцева.

сочувствіе къ трудамъ его. Когда, лѣтъ черезъ десять послѣ того, я въ Нижнемъ-Новгородѣ каждый почти день бывалъ у Даля, и мы цѣлые вечера просиживали съ нимъ надъ *Актами* археографической коммиссіи, надъ *Лѣтописями* и *Житіями святыхъ*, отыскивая въ нихъ по крохамъ старинныя слова и объясняя ихъ остатками сохранившимися по разнымъ закоулкамъ Русской земли, онъ бывало часто говаривалъ. „Вотъ точно также Александръ Никифоровичъ Дьяконовъ въ Оренбургѣ ходилъ ко мнѣ съ *Киршей Даниловымъ*, да съ *Памятниками русской словесности XII вѣка*, и точно также мы цѣлые вечера просиживали надъ ними съ покойникомъ. Изученіе старинныхъ памятниковъ утвердило тогда во мнѣ намѣреніе составить *Словарь*, а то право не разъ приходило на умъ бросить всѣ запасы для него какъ ни на что негодный хламъ. Дьяконовъ поддержалъ меня. Если будетъ когда-нибудь словарь, такъ спасибо вамъ съ покойнымъ Александромъ Никифоровичемъ.“

Объ этомъ В. И. Даль въ *Напутномъ Словѣ* къ своему *Словарю* такъ засвидѣтельствовалъ: „Помощниковъ въ отдѣлкѣ словаря найти очень трудно и, правду сказать, этого нельзя и требовать; надо отдать безмездно цѣлые годы жизни своей работая не на себя, какъ батракъ. Такихъ помощниковъ или сотрудниковъ у меня и не было; мало того, по службѣ и жизни вдали отъ столицъ, даже почти не было людей съ которыми бы можно было отвести душу и посовѣтоваться въ этомъ дѣлѣ. Въ семъ отношеніи нельзя не помянуть мнѣ однако двухъ дружески ко мнѣ расположенныхъ людей, въ коихъ я находилъ умное и дѣльное сочувствіе къ своему труду: А. Н. Дьяконова, уже покойника, инспектора корпуса въ Оренбургѣ, и П. И. Мельникова въ Нижнемъ.“ *

Въ восемь лѣтъ жизни въ Оренбургскомъ краѣ Владиміръ Ивановичъ изъѣздилъ его весь изъ конца въ конецъ, вдоль и поперекъ. Онъ не разъ ѣзжалъ съ В. А. Перовскимъ по обѣимъ сторонамъ Урала. Онъ сопровождалъ царствующаго нынѣ Государя Императора, обозрѣвавшаго въ 1837 году Оренбургскій край. Онъ сдѣлалъ извѣстный Хивинскій походъ 1839—1840 годовъ и оставилъ вѣрное изображеніе его въ любопытныхъ письмахъ къ роднымъ и знакомымъ, напечатанныхъ лѣтъ шесть тому назадъ въ *Русскомъ Архивѣ*. Даль былъ всегда скроменъ и до крайности остороженъ. Ни однимъ

* *Толковый словарь живаго великорусскаго языка.* Томъ I, стр. XIV.

словомъ не упомянулъ онъ въ этихъ письмахъ, ничѣмъ не выдалъ настоящаго виновника неудачи тогдашняго похода въ Хиву, но всегда и всѣмъ говаривалъ въ послѣдствіи что виновникомъ неудачи былъ командиръ кавалеріи, злобный на Россію Полякъ, генералъ Ціолковскій. Воспользовавшись прямодушіемъ Перовскаго, онъ своими распоряженіями умышленно погубилъ въ снѣжной степи всѣхъ до единаго 12.000 верблюдовъ.

VII.

Послѣ Хивинскаго похода В. А. Перовскій рѣшился оставить Оренбургское генералъ-губернаторство, но заботясь о драгоцѣнномъ для себя и для службы человѣкѣ, какъ называлъ онъ Владиміра Ивановича, заблаговременно постарался его пристроить въ Петербургѣ. Братъ его Левъ Алексѣевичъ Перовскій былъ тогда товарищемъ министра удѣловъ, и Василій Алексѣевичъ просилъ его взять къ себѣ Даля. Вскорѣ по переводѣ Даля въ Министерство Удѣловъ, Левъ Алексѣевичъ Перовскій назначенъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ оставленіемъ за нимъ и должности товарища министра удѣловъ. Владиміръ Ивановичъ, считаясь на службѣ по удѣльному вѣдомству, съ сентября 1841 года, сдѣлался ближайшимъ сотрудникомъ и правою рукою новаго министра внутреннихъ дѣлъ, то-есть съ самаго вступленія его въ управленіе этимъ министерствомъ, ознаменованнаго на страницахъ нашей исторіи неустанною и въ полномъ смыслѣ слова просвѣщенною дѣятельностію. Когда Перовскій получилъ графское достоинство, на гербѣ новаго графа былъ написанъ девизъ придуманный Далемъ: *Не слыть а быть.* Это—вѣрный девизъ. Онъ вполнѣ характеризуетъ министра Перовскаго.

Всякій кто зналъ министерство внутреннихъ дѣлъ во времена Перовскаго вполнѣ согласится что онъ имѣлъ рѣдкую способность выбирать людей. Въ его время, на низшія даже должности въ министерствѣ опредѣляемы были неиначе какъ кончившіе курсъ въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ то время какъ въ другихъ вѣдомствахъ недоброжелательно смотрѣли на чиновниковъ кромѣ службы занимавшихся наукою и литературой, когда за повѣсти отправляли на службу въ Вятку,* а иной разъ и подальше, Перовскій любилъ окружать себя пишущими людьми, сознавалъ

* Салтыковъ, извѣстный подъ псевдонимомъ Щедрина.

и открыто высказывалъ что каждому истинно просвѣщенному министру такъ поступать необходимо. Безъ просьбъ, безъ ходатайствъ, переводилъ онъ молодыхъ людей заявившихъ чѣмъ-нибудь себя въ наукѣ или литературѣ изъ губерній въ министерство, назначая ихъ на мѣста которыхъ тщетно добивались кандидаты съ сильными протекціями. Онъ ходатайствовалъ предъ Государемъ о возвращеніи ученыхъ людей изъ ссылокъ и приближалъ ихъ къ себѣ, какъ напримѣръ профессора Московскаго университета Н. И. Надеждина, сосланнаго въ Устьсысольскъ за напечатаніе въ *Телескопѣ* писемъ Чадаева. Были примѣры что канцелярскіе департаментскіе чиновники посланные въ долгую командировку туда гдѣ есть университеты, чтобъ обратить на себя вниманіе Перовскаго, возвращались въ Петербургъ съ дипломами на ученыя степени, другіе выдерживали кандидатскіе экзамены въ Петербургскомъ университетѣ. На суммы министерства Перовскій производилъ археологическія изысканія въ Крыму, въ Новороссійскихъ губерніяхъ, въ развалинахъ Сарая, отыскивалъ мѣсто погребенія князя Пожарскаго, торговаго пути по Россіи въ доисторическую эпоху и пр. Кромѣ Надеждина, котораго приблизилъ къ себѣ съ самаго начала своего министерства, онъ пригласилъ на службу профессоровъ Московскаго университета П. Г. Рѣдкина и А. И. Чивилева. При Перовскомъ служили графъ Д. Н. Толстой, В. В. Скрипицынъ, докторъ Рафаловичъ Н. А. Жеребцовъ, баронъ А. Ѳ. Штакельбергъ, И. П. Липранди. Въ числѣ молодыхъ людей служившихъ при Перовскомъ были: археологи графъ А. С. Уваровъ, И. П. Сахаровъ, князь А. А. Сибирскій, этнографъ А. В. Терещенко, статистикъ А. И. Артемьевъ, оріенталисты П. С. Савельевъ, В. В. Григорьевъ, литераторы графъ Сологубѣ и только еще начинавшіе тогда И. С. Тургеневъ, И. С. Аксаковъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, графъ А. К. Толстой, М. Н. Лонгиновъ и другіе. При немъ же находились А. В. Головнинъ и графъ Д. А. Толстой, бывшій и настоящій министры народнаго просвѣщенія, Я. В. Ханыковъ, Н. А. Милютинъ, П. А. Валуевъ, графъ А. К. Сиверсъ, А. К. Гирсъ, К. К. Гротъ, графъ Ю. И. Стейнбокъ, графъ Э. К. Чапскій и многіе другіе. * Но ближе всѣхъ стоялъ къ ми-

* Благодаря дружескому расположенію Даля я самъ былъ взятъ графомъ Перовскимъ въ министерство изъ провинціальныхъ (нижегородскихъ) губернаторскихъ чиновниковъ, не бывши до того въ Петербургѣ, не просивши и не искавши мѣста, казалось бы, по прежнему

нистру Владиміръ Ивановичъ Даль. Въ этомъ человѣкѣ Левъ Алексѣевичъ Перовскій нашелъ не только неутомимаго сотрудника, посвященнаго имъ во всѣ тайны государственной дѣятельности, но и преданнаго друга. Когда въ послѣдствіи Даль удалился изъ Петербурга, графъ Перовскій, вполнѣ чувствуя столь важную потерю, писалъ ему однажды въ Нижній: „Послѣ васъ я безъ рукъ.“

Даль и Надеждинъ вели самыя важныя дѣла въ министерствѣ подъ личнымъ руководствомъ самого министра, вели ихъ весьма нерѣдко помимо подлежащихъ департаментовъ. Мнѣ самому, предъ отъѣздомъ въ одну командировку, случилось выслушать такое приказаніе графа Перовскаго: „о прямой цѣли порученія никому ни слова не говорите кромѣ Даля, Надеждина и Милютина.“ Было бы слишкомъ долго перечислять всѣ работы исполненныя Владиміромъ Ивановичемъ когда онъ находился при графѣ Перовскомъ. Упомяну о главнѣйшихъ. Онъ составилъ дѣйствующій до нынѣ уставъ губернскихъ правленій, принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ по устройству бѣдныхъ дворянъ, и объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, составлялъ карантинныя правила, *

и по нынѣшнему, невозможнаго для незнаемаго провинціала безъ сильныхъ протекцій... Также взятъ былъ Перовскимъ изъ Казани извѣстный статистикъ нашъ А. И. Артемьевъ и другіе.

* Правила эти были гораздо облегчительнѣе прежнихъ, и облегченія сдѣланы по вліянію Даля. Онъ не вѣрилъ въ прилипчивость чумы вслѣдствіе прикосновенія здороваго человѣка къ какой-либо вещи принадлежавшей зачумленному. Онъ разказывалъ много случаевъ замѣченныхъ имъ во время наблюденій надъ чумою въ Турецкую кампанію 1829 года. Между прочимъ онъ сообщалъ слѣдующее: „Только-что наши войска перешли Балканскія горы, въ главную квартиру графа Дибича пріѣхалъ курьеромъ одинъ офицеръ, кажется, съ береговъ Дуная. Въ главной квартирѣ чумы тогда еще не было, но въ тѣхъ мѣстностяхъ откуда пріѣхалъ офицеръ она уже развилась въ сильной степени, хотя объ этомъ не было еще извѣстно Дибичу и бывшему при немъ штабу. Курьеръ пріѣхалъ раннимъ утромъ, свѣдѣнія привезенныя имъ настолько были важны что фельдмаршала разбудили, и онъ принялъ курьера въ своей палаткѣ. Пошли объясненія, Дибичъ разложилъ карту на своей постелѣ и разсуждалъ съ прибывшимъ. Этотъ придерживалъ карту, и своими потными и запыленными руками оставилъ слѣды на подушкѣ фельдмаршала, который отпустивъ курьера легъ спать. Курьеръ нѣсколько времени ходилъ по лагерю, раздавая штабнымъ офицерамъ привезенныя письма, пилъ съ ними чай и наконецъ въ одной палаткѣ легъ отдохнуть. Онъ не вставалъ болѣе:

по поводу возникшихъ въ западныхъ губерніяхъ дѣлъ написалъ изслѣдованіе объ употребленіи Евреями христіанской крови. Это изслѣдованіе было напечатано въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. * Подъ редакціей Даля составлялись ежегодные всеподданнѣйшіе отчеты по министерству, всеподданнѣйшіе доклады, и всѣ записки предназначаемыя для внесенія въ Государственный Совѣтъ и Комитетъ Министровъ. Въ 1844 году онъ написалъ по порученію графа Перовскаго чрезвычайно любопытную записку о законодательствѣ о скопцахъ, ** а вслѣдъ затѣмъ изслѣдованіе о скопческой ереси. Изъ печатныхъ

оказалось что онъ пріѣхалъ уже зачумленный; на другой или третій день его не стало. Ни фельдмаршалъ, ни кто-либо изъ штабныхъ офицеровъ не заболѣлъ чумою, а черезъ нѣсколько дней по смерти курьера вдругъ появилась она между солдатами въ той части лагеря гдѣ не былъ курьеръ, привезшій, какъ думали тогда, чуму въ главную квартиру. Когда В. И. Даль находился при графѣ Л. А. Перовскомъ, по его представленію отправленъ былъ въ Константинополь, въ Сирію и Египетъ докторъ Рафаловичъ для изслѣдованія чумы на мѣстахъ сильнѣйшаго ея развитія. Его наблюденія были приняты къ соображенію при составленіи новыхъ карантинныхъ правилъ.

* Чрезвычайно рѣдкая книга. Одинъ экземпляръ ея находится въ Чертковской библіотекѣ, находящейся нынѣ при Московскомъ музеѣ. Книги этой было напечатано до ста экземпляровъ. Оставшіеся отъ разсылки разнымъ правительственнымъ лицамъ, экземпляры ея находились у графа Л. А. Перовскаго, когда онъ, оставя Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, управлялъ Министерствомъ Удѣловъ, равно какъ и экземпляры напечатанныхъ въ ограниченномъ числѣ книгъ Ю. Ѳ. Самарина: *Общественное хозяйство города Риги* и Н. И. Надеждина: *Изслѣдованіе о скопческой ереси*. Графъ Перовскій скончался въ концѣ 1856 года. Въ то время говорили, и кажется правдоподобно, что одинъ незначительный и притомъ совершенно бездарный и не свѣдущій чиновникъ, состоявшій при графѣ Л. А. для переписки неважныхъ по содержанію бумагъ, „мня службу приносити“ поусердствовалъ. Онъ сжегъ всѣ эти экземпляры, хотя впрочемъ не былъ ни Евреемъ, ни рижскимъ бюргеромъ, ни даже скопцомъ. Поусердствовалъ онъ на доблестномъ поприщѣ сожженія книгъ единственно изъ любви къ столь благородному искусству.

** Она напечатана (первая половина ея) въ IV книжкѣ *Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей* 1872 года, въ печатаемыхъ тамъ *Матеріалахъ для исторіи хлыстовской и скопческой ересей*, собранныхъ мною. Въ мое собраніе бумагъ о расколѣ вошли между прочимъ переданныя мнѣ покойнымъ В. И. Далемъ его бумаги по этому предмету, равно какъ и бумаги Н. И. Надеждина.

экземпляровъ послѣдняго изъ названныхъ трудовъ уцѣлѣлъ единственный экземпляръ подаренный Далемъ въ Чертковскую библіотеку. Когда это изслѣдованіе, написанное по Высочайшему повелѣнію, представлено было графомъ Перовскимъ государю, онъ былъ очень доволенъ и спросилъ объ имени автора. Когда же Перовскій назвалъ Даля, императоръ Николай Павловичъ поспѣшилъ освѣдомиться какого онъ исповѣданія. Владиміръ Ивановичъ былъ лютераниномъ, и государь призналъ неудобнымъ разсылать высшимъ духовнымъ и гражданскимъ лицамъ книгу по вѣроисповѣдному предмету написанную иновѣрцемъ. Написать новое изслѣдованіе поручено было Надеждину, который въ свой трудъ внесъ всю работу Даля.

В. И. Даль, служа при графѣ А. А. Перовскомъ, имѣлъ казенную квартиру въ томъ же домѣ у Александринскаго театра гдѣ жилъ и самъ министръ. Всѣ знали что̀ значитъ Даль для министра, и потому было неудивительно что губернаторы и другія важныя лица служившія по вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, всѣ искатели мѣстъ и наградъ, взбирались по девяноста ступенямъ въ квартиру Владиміра Ивановича; но онъ всегда былъ для нихъ невидимкой. За то всякій знатный ли незнатный ли, всякій совершенно даже безвѣстный человѣкъ, если приносилъ Казаку Луганскому нѣсколько областныхъ словъ или нѣсколько пословицъ или поговорокъ, съ самымъ теплымъ участіемъ былъ принимаемъ въ его семействѣ. Но ему тамъ и заикнуться не давали о службѣ или дѣлахъ. По четвергамъ собирался у Владиміра Ивановича кружокъ близкихъ людей: тутъ бывали академики, профессоры, литераторы, художники, музыканты, моряки, артиллеристы, военные инженеры, офицеры генеральнаго штаба, все люди мысли, сло̀ва и искуства. Здѣсь-то, на этихъ четвергахъ, зародилась и выработалась мысль объ учрежденіи Русскаго Географическаго Общества, которое бы находилось въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ. Въ 1845 году графъ Перовскій исходатайствовалъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе этого Общества, самаго дѣятельнаго изъ всѣхъ русскихъ ученыхъ обществъ, сдѣлавшаго такъ много въ 27 лѣтъ своего существованія. Имя Владиміра Ивановича значится въ числѣ именъ его учредителей.

И въ Оренбургѣ при В. А. Перовскомъ, и въ Петербургѣ при графѣ Л. А. Перовскомъ, В. И. Даль успѣвалъ удѣлять время на веденіе записокъ обо всемъ что̀ происходило вокругъ

него, обо всѣхъ дѣлахъ въ которыхъ онъ принималъ участіе какъ секретарь и какъ довѣренное лицо обоихъ Перовскихъ. Какой драгоцѣнный матеріалъ для исторіи! Но ему не суждено было уцѣлѣть. Уже болѣе полутора стопъ бумаги исписано было бисернымъ почеркомъ Даля. Вслѣдъ за описаніемъ Оренбургскаго края и любопытнымъ сказаніемъ о бытѣ уральскихъ казаковъ, отбываніи ими службы, рыболовствѣ и отношеніяхъ къ Киргизамъ, въ запискахъ Даля подробно описана была Киргизская степь, помѣщено было множество разказовъ вышедшихъ изъ Хивы русскихъ плѣнниковъ,* а равно и торговцевъ посѣщавшихъ Бухару, Ташкентъ и Коканъ; разказывалось объ экономическомъ устройствѣ Башкиръ, описанъ каждый кантонъ башкирскій. Тутъ же находилось описаніе добыванія соли на Илецкой защитѣ, золотыхъ пріисковъ около Златоуста, рыбныхъ лововъ въ Уралѣ, Эмбѣ и на Каспійскомъ морѣ; записаны всѣ происшествія (1834—1841) случившіяся въ Оренбургскомъ краѣ, всѣ сношенія В. А. Перовскаго съ средне-азіятскими независимыми владѣтелями и въ заключеніе былъ подробно описанъ Хивинскій походъ 1839—1840 годовъ. За время съ 1842 по 1848 годъ описаны всѣ замѣчательныя происшествія въ Имперіи не только по офиціальнымъ донесеніямъ, но и по другимъ источникамъ, тогда весьма доступнымъ Далю. Разказано о всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ производившихся въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, причемъ набросана была мастерская и правдивая характеристика почти всѣхъ тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей и вообще людей въ какомъ-либо отношеніи замѣчательныхъ. Тутъ были описаны дѣла по католицизму, сношенія Россіи съ Римскимъ дворомъ, назначеніе въ епископы-номинаты минскаго архидіакона Павла Равы и каноника Гинтило, реформы въ хозяйствѣ латинскихъ монастырей, дѣйствія графа Блудова въ Римѣ, возведеніе на армянскій патріаршій престолъ католикоса Нерсеса, еврейскія дѣла, дѣло эмиссара Канарскаго въ западныхъ губерніяхъ, дѣло о расхищеніи денегъ въ Комитетѣ о Раненыхъ Политковскимъ и въ Петербургской управѣ благочинія Клевенскимъ, о контрабандистахъ въ Петербургѣ, объ остзейскихъ дѣлахъ

---

* Изъ нихъ уцѣлѣли записанныя въ особыя тетрадки два разказа: 1) плѣнника Θедора Θедоровича Грушина и 2) вышедшихъ изъ Хивы плѣнниковъ объ осадѣ Персіянами въ 1837 и 1838 годахъ крѣпости Герата. Оба помѣщены во второмъ томѣ *Собранія сочиненій В. Даля* изданія 1861 года.

при баронѣ Паленѣ, Головинѣ и князѣ Суворовѣ, о пожарахъ и поджогахъ 1842 года, объ убійствахъ Кроткова и другихъ помѣщиковъ Симбирской губерніи крестьянами, о лжеимператорахъ Константинахъ, появлявшихся въ восточной части европейской Россіи и пр. При описаніи хода дѣлъ въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ указано было на всѣ закулисныя интриги и описаны вліянія разныхъ частныхъ лицъ обоего пола. Словомъ, это была самая полная и притомъ совершенно правдивая лѣтопись за цѣлыя пятнадцать лѣтъ (1833—1848). Тутъ же были описаны и дѣла литературныя, дѣйствія нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ, все что дѣлалось въ Академіи Художествъ, въ театральной дирекціи и пр.

Въ 1848 году графъ Перовскій, находившійся тогда въ сильной борьбѣ съ графами Орловымъ и Несельроде, сказалъ однажды Далю: „До меня дошли слухи которые могутъ быть истолкованы въ дурную сторону.... Что у васъ за собранія по четвергамъ и какія записки вы пишете?“ Владиміръ Ивановичъ съ полною откровенностію разказалъ все графу Перовскому, которому записки были вполнѣ извѣстны; онъ всѣ ихъ читалъ и даже многое сообщалъ Далю для ихъ дополненій. Министръ удовольствовался объясненіемъ, но сказалъ: „Надобно быть осторожнѣе“. Съ того дня четверги прекратились, а драгоцѣнныя записки погибли въ каминѣ. Въ послѣдствіи Даль часто жалѣлъ объ утратѣ этихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ для нашей исторіи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, но всегда прибавлялъ: „Въ то тяжелое время поступить иначе мнѣ было нельзя, я долженъ былъ беречь не себя, а министра; у него тогда было много враговъ, стремившихся устранить его отъ государственной дѣятельности. Попадись тогда мои записки въ недобрыя руки, ихъ непремѣнно сдѣлали бы пунктомъ обвиненія Льва Алексѣевича.“

Послѣ того утомленный служебными трудами и частыми безсонными ночами, В. И. Даль сталъ просить графа Перовскаго дать ему мѣсто управляющаго одной изъ удѣльныхъ конторъ. Перовскій и слышать не хотѣлъ объ удаленіи изъ Петербурга неутомимаго своего сотрудника и самаго преданнаго друга. Владиміръ Ивановичъ жаловался на разстройство здоровья, Перовскій отпустилъ его на цѣлое лѣто въ южныя губерніи для отдыха. Во время этого отдыха, если только можно назвать его отдыхомъ, запасы для *Словаря* еще значительно пополнились; но здоровье Даля, прежде крѣпкое, а въ Петербургѣ сильно

пошатнувшееся, не поправилось. Неотступныя просьбы Даля и ходатайство В. А. Перовскаго склонили наконецъ министра на самую тяжелую, какъ выразился онъ, жертву: въ 1849 году Владиміръ Ивановичъ получилъ мѣсто удѣльнаго управляющаго въ Нижнемъ Новгородѣ.

Отношенія уѣхавшаго въ Нижній Даля къ Перовскому нимало не измѣнились. Онъ былъ въ постоянной съ нимъ перепискѣ. Министръ иногда отвѣчалъ ему самъ, и кромѣ того раза по два въ мѣсяцъ П. Г. Рѣдкинъ передавалъ ему отвѣты графа или спрашивалъ отъ его имени мнѣній по разнымъ дѣламъ, часто вовсе не относящимся до удѣльнаго управленія. Эта переписка была мнѣ извѣстна. По указанію Владиміра Ивановича я посланъ былъ графомъ Перовскимъ въ Нижегородскую губернію для ревизіи городскаго хозяйства, а потомъ и въ качествѣ начальствующаго статистическою экспедиціей, а также для изслѣдованій современнаго состоянія раскола и для производства нѣкоторыхъ слѣдственныхъ дѣлъ по особенно важнымъ случаямъ. Министромъ мнѣ было приказано во всѣхъ дѣйствіяхъ руководиться совѣтами и указаніями Даля, что̀ впрочемъ должно было оставаться секретомъ для мѣстной администраціи. Поэтому Владиміръ Ивановичъ не таилъ отъ меня переписки съ министромъ, а въ послѣдствіи даже ввелъ меня самого въ личную съ нимъ переписку, помимо офиціальныхъ донесеній и рапортовъ. И я могу свидѣтельствовать что графъ Левъ Алексѣевичъ постоянно выражалъ сердечную скорбь свою о томъ что лишился въ Далѣ самаго дѣльнаго чиновника въ министерствѣ и самаго преданнаго ему человѣка. „Такихъ сотрудниковъ какъ вы, до васъ у меня не было, да и не будетъ“, писалъ онъ однажды Далю.

XIII.

Частые объѣзды удѣльныхъ имѣній, разбросанныхъ по всей губерніи, поправили нѣсколько разстроенное долговременною сидячею жизнію здоровье Владиміра Ивановича и значительно увеличили его запасы для *Словаря*. Мнѣ не рѣдко доводилось бывать въ разныхъ селеніяхъ при разговорахъ его съ крестьянами объ ихъ бытѣ, хозяйствѣ и т. п. Было чему и было у кого поучиться какъ надо говорить съ русскимъ простолюдиномъ! И какъ любилъ народъ ласковаго, всегда справедливаго, а въ случаѣ надобности и строгаго управляющаго!

Его слова для крестьянъ были закономъ не ради страха, но ради любви и довѣрія. Крестьяне вѣрить не хотѣли чтобы Даль былъ не природный русскій человѣкъ. „Онъ ровно въ деревнѣ взросъ, на палатяхъ вскормлёнъ, на печи вспоёнъ“, говаривали они про него. И какъ онъ хорошо себя чувствовалъ, какъ доволенъ былъ когда находился среди добраго и толковаго нашего народа! „И до всякаго-то, братцы, до крестьянскаго дѣла какой онъ доточный“, говаривали про своего управляющаго крестьяне. „Тамъ борону починилъ, да такъ что нашему брату и не вздумать, тамъ научилъ какъ сдѣлать чтобы съ оконъ зимой не текло да угару въ избѣ не было, тамъ лошадь крупинками своими вылѣчилъ, а лошадь такая ужь была что хоть въ оврагъ тащи.“ Эти крупинки (гомеопатическія) были всегда съ Далемъ; разъѣзжая по деревнямъ, онъ лѣчилъ и людей и скотину. Бывало пріѣдетъ въ удѣльный приказъ, крестьяне ужь въ сборѣ, дожидаются управляющаго, а среди нихъ больные, старики, женщины, дѣти. Прежде чѣмъ толковать о дѣлахъ, Владиміръ Ивановичъ обойдетъ больныхъ, кому сдѣлаетъ операцію, (особенно много дѣлалъ онъ глазныхъ операцій), кому дастъ врачебный совѣтъ, кому велитъ тутъ же при себѣ проглотить гомеопатическія крупинки. Будучи ревностнымъ поборникомъ гомеопатіи, онъ исходатайствовалъ у графа Перовскаго разрѣшеніе устроить въ Нижнемъ Новгородѣ удѣльную гомеопатическую больницу и построить для нея обширный каменный домъ. Она существовала до оставленія Далемъ должности нижегородскаго удѣльнаго управляющаго въ 1859 году.

Въ Нижнемъ свободнаго времени у него было гораздо больше чѣмъ въ Петербургѣ. Здѣсь онъ, по желанію Великаго Князя Константина Николаевича, написалъ свои *Матросскіе досуги*. Эта книга вмѣстѣ съ его же *Солдатскими досугами* составляетъ, какъ уже сказано, лучшее собраніе статей для народнаго чтенія. Никто лучше Даля не писалъ для народа, а между тѣмъ его *Досуги* забыты.... А какъ бы они были пригодны теперь, когда грамотность стала, благодаря Бога, распространяться въ низшихъ слояхъ русскаго народа! Здѣсь же въ Нижнемъ Даль возвратился къ прежней своей литературной дѣятельности. Онъ писалъ очерки русской жизни и печаталъ ихъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Такихъ очерковъ написалъ онъ ровно сто. Они занимаютъ два тома собранія его сочиненій изданныхъ въ 1861 году. Въ предисловіи къ нимъ или, по вы-

раженію его, въ *Напутномъ словѣ*, онъ говоритъ: „Тридцать лѣтъ тому (*Московскій Телеграфъ* 1830 года) какъ показались первыя попытки писателя который не цѣнитъ высоко сочиненій своихъ, но полагаетъ что они могутъ быть полезны по направленію своему и по языку, особенно позднѣйшія. Такое направленіе высказалось было въ немъ въ самомъ началѣ (*Сказки* 1833), но постороннія обстоятельства пригнели его, * а общій вкусъ тогдашней письменности требовалъ *повѣстей*. По сему двоякому поводу, свойственное этому писателю стремленіе обнаружилось снова уже гораздо позже, подъ конецъ дѣятельности его, въ очеркахъ и мелкихъ разказахъ, которые А. А. Краевскій назвалъ *Картинами русскаго быта*. Есть и между ними нѣсколько пустыхъ и пошловатыхъ, но по языку они исправнѣе первогоднихъ. За всѣмъ тѣмъ въ изданіи этомъ собрано все что было напечатано кромѣ газетныхъ статеекъ и одной выкинутой повѣстушки. ** Сочинитель самъ многимъ весьма недоволенъ и не охотно сталъ бы перечитывать теперь все что на вѣку своемъ написалъ; но въ поправки и передѣлки онъ не пускался: имъ не было бы конца.“

Съ самаго пріѣзда въ Нижній, В. И. Даль сталъ приводить въ порядокъ собранныя имъ въ количествѣ 37 тысячъ русскія пословицы. До тѣхъ поръ всѣ выходившія въ свѣтъ русскія пословицы (каждое собраніе въ пять или шесть разъ меньше Далевскаго) были располагаемы по алфавиту. „Но азбучный сборникъ, какъ справедливо возразилъ Даль, можетъ служить развѣ для одной забавы: чтобы заглянувъ въ него поискать есть ли тамъ пословица которая мнѣ взбрела на умъ или она пропущена.“ В. И. Даль призналъ необходимымъ расположить свой запасъ пословицъ по ихъ смыслу. Онъ работалъ такъ: Всѣ собранныя пословицы были у него переписаны въ двухъ экземплярахъ на одной сторонѣ листа, другая оставалась чистою. Разрѣзавъ ихъ на „*ремешки*“, онъ одинъ экземпляръ этихъ ремешковъ подклеивалъ въ одну изъ ста восьмидесяти тетрадей, озаглавленныхъ названіемъ не предположенныхъ, а явившихся сами собой во время работы разрядовъ: Богъ. Вѣра. Грѣхъ. Изувѣрство. Расколъ. Ханжество. Судьба. Терпѣніе и т. д. За тѣмъ разбирался каждый разрядъ. Пословицы подбирались по ихъ послѣ-

* Рѣчь идетъ о послѣдствіяхъ напечатанія *Перваго Пятка* Русскихъ сказокъ, то-есть о томъ какъ В. И. Даль имѣлъ случай познакомиться со статсъ-секретаремъ Мордвиновымъ.

** *Похожденія Віоль д'Амура.*

довательности и связи, по ихъ значенію. Другой экземпляръ *ремешковъ* подклеивался въ другую тетрадь, алфавитную по первымъ буквамъ не перваго, но главнаго слова. Такимъ образомъ составились примѣры, столь обильно разсыпанные по страницамъ *Толковаго словаря*. За этою работой, которую мы шутя прозвали работою по *„ремешковой системѣ“*, Даль просиживалъ каждый вечеръ часа по три, по четыре. Для него это было работой механическою. Бывало рѣжетъ и подклеиваетъ ремешки, а самъ разказываетъ бывальщину, да такъ разказываетъ что только слушай да записывай. Но лишь только ударитъ 11 часовъ, Даль затушитъ стоявшія бывало предъ нимъ свѣчи, встанетъ и пожелавъ гостямъ доброй ночи скажетъ: „Одиннадцать часовъ, спать пора.“ Вообще въ распредѣленіи времени онъ былъ до крайности точенъ. Такъ повелось у него смолоду и кончилось со смертью. Когда въ 1853 году началась Крымская война, онъ половину послѣобѣденнаго времени удѣлялъ на другое дѣло— на щипанье корпіи для раненыхъ. Въ послѣдствіи, здѣсь въ Москвѣ, когда онъ кончилъ свой знаменитый *Словарь*, его каждый вечеръ можно было видѣть за письменнымъ столомъ на которомъ онъ щипалъ корпію. Кажется не одинъ десятокъ пудовъ ея отправлено было В. И. Далемъ въ военное вѣдомство въ продолженіе послѣднихъ 20 лѣтъ.

У *Сборника Пословицъ* до напечатанія ихъ въ 1862 году была своя исторія, исторія мытарствъ и похожденій. Въ предисловіи къ *Сборнику* Даль говоритъ:

„Сборнику моему суждено было пройти много мытарствъ задолго до печати и притомъ безъ малѣйшаго искательства съ моей стороны, а по просвѣщенному участію и настоянію особы, на которую не смѣю и намекнуть, не зная будетъ ли это угодно. Но люди, и притомъ люди ученые по званію, признали изданіе Сборника вреднымъ, даже опаснымъ.... Нашли что сборникъ этотъ небезопасенъ, посягая на развращеніе нравовъ.... *Это куль муки и щепоть мышьяку*, * сказали они. Домогаясь напечатать *памятники народныхъ глупостей*, г. Даль домогался дать имъ печатный авторитетъ. Къ опаснымъ для нравственности отнесены пословицы: „Благословясь не грѣхъ.“ „Середа да пятница хозяину въ домѣ не указчица.“ Находили непозволительнымъ сближеніе сподрядъ пословицъ или поговорокъ:

* Такой пословицы въ народѣ нѣтъ. Эта „уголовная“, по выраженію Даля, пословица сочинена покойнымъ академикомъ протоіереемъ Кочетовымъ.

„У него руки долги“ (то-есть власти много) и „У него руки длинны“ (то-есть воръ).

Дополняю неясныя слова Даля. Дѣло было на моихъ глазахъ.

Одна изъ Высочайшихъ особъ пожелала видѣть *Сборникъ Пословицъ*, и получивъ его въ рукописи, признала полезнымъ его напечатать, но предварительно препроводилъ его въ Академію Наукъ, въ которой В. И. Даль былъ членомъ-корреспондентомъ.* Въ Академіи поручили разборъ *Сборника* академику протоіерею Кочетову; онъ-то и нашелъ щепоть мышьяку въ Далевыхъ *Пословицахъ*. Даль отказался отъ печатанія пословицъ. Онъ писалъ въ Академію: „Не знаю въ какой мѣрѣ Сборникъ мой могъ бы быть вреденъ или опасенъ для другихъ, но убѣждаюсь что онъ бы могъ сдѣлаться небезопаснымъ для меня. Если же впрочемъ онъ могъ побудить столь почтенное лицо, члена высшаго ученаго братства, *къ сочиненію уголовной пословицы, то очевидно развращаетъ нравы*.. Остается положить его на костеръ и сжечь. Я же прошу позабыть что Сборникъ былъ представленъ, тѣмъ болѣе что это сдѣлано не мною.“

Лишь черезъ девять лѣтъ послѣ того, *Пословицы* Даля нашли мѣсто въ *Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*. Лишь въ 1862 году появилась эта книга, столь необходимая и для филолога, и для этнографа, и для всякаго литератора, который желаетъ писать не по-французски а по-русски.

Графъ Перовскій, управлявшій удѣлами, скончался въ концѣ 1856 года. Со смертью его, служебныя отношенія Даля неминуемо должны были измѣниться. Въ Нижнемъ въ то время занималъ мѣсто губернатора бывшій декабристъ, основатель „Союза Благоденствія“, А. Н. Муравьевъ, человѣкъ вполнѣ достойный, но къ сожалѣнію находившійся подъ вліяніемъ окружавшихъ его многочисленныхъ родственниковъ. Сначала онъ жилъ съ Далемъ что-называется душа въ душу. Оба высоко-нравственные, оба высоко-образованные люди, связаны были сверхъ того вѣрою въ ученіе Сведенборга. Но въ послѣдствіи между этими друзьями, вслѣдствіе навѣтовъ и бабьихъ сплетенъ, пробѣжала черная кошка. Произошло столкно-

---

* Вскорѣ послѣ того какъ Россійская Академія была присоединена къ Академіи Наукъ въ видѣ втораго ея отдѣленія, Даля, бывшаго членомъ-корреспондентомъ по первому, то-есть по физико-математическому отдѣленію, не спросясь его, перевели во второе. Это очень оскорбило его.

веніе. Даль забылъ что не всякій министръ есть Перовскій, написалъ къ его преемнику такое же откровенное письмо какія привыкъ писать къ графу Льву Алексѣевичу. Преемникомъ графа Перовскаго былъ родной братъ нижегородскаго губернатора. Владиміръ Ивановичъ получилъ отъ него замѣчаніе (первое послѣ постройки моста черезъ Вислу) и подалъ въ отставку.

IX.

Послѣ десятилѣтняго пребыванія въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ самомъ концѣ 1859 года, Владиміръ Ивановичъ, переѣхавъ въ Москву, поселился на Прѣснѣ, въ домѣ имъ купленномъ у г. Иваненка, а построенномъ исторіографомъ княземъ Щербатовымъ. Въ этомъ домѣ написана была *Исторія Россійскаго государства*, въ этомъ домѣ (въ нашествіе Наполеона поплатившемся паркетомъ въ гостиной, гдѣ какой-то французскій генералъ, не умѣя топить наши печи, разводилъ костры) кончены были работы по *Толковому Словарю*. Изъ Нижняго В. И. Даль привезъ *Словарь* окончательно обработанный до буквы П. Въ Москвѣ недуги Даля усилились, а онъ работалъ, работалъ неутомимо, иногда до обмороковъ. Онъ часто бывало говаривалъ: „Ахъ, дожить бы до конца *Словаря*! Спустить бы корабль на воду, отдать бы Богу на руки!“

Желаніе его исполнилось, онъ дожилъ до свершенія своего великаго труда.

Но какая неустанная работа потребовалась для изданія этого *Словаря*. Онъ напечатанъ шестью разными наборами не въ абзацахъ, а въ строку. Кто хоть нѣсколько знакомъ съ типографскимъ дѣломъ, тотъ пойметъ какой трудъ, какое вниманіе надо было употребить для повѣрки такого набора. Даль держалъ *до четырнадцати корректуръ* трехсотъ тридцати листовъ своего труда: въ словарѣ малѣйшая опечатка не должна имѣть мѣста.... Въ *Напутномъ Словѣ* ко *Словарю* В. И. Даль говоритъ: „Выборъ, а затѣмъ частью и отливка шести разныхъ наборовъ и другія пріуготовленія печатни скрали почти полгода; правка такой книги какъ *Словарь* тяжела и мѣшкотна, а тѣмъ болѣе для одной пары старыхъ глазъ; вотъ причины медленности выхода *Словаря*; но что зависитъ отъ составителя, то конечно одна только смерть или болѣзненное одряхлѣніе могли бы остановить начатое.“

Корректуру перваго листа *Словаря* В. И. Даль послалъ въ

1863 году на показъ между прочимъ покойному Гречу, прося у него какъ у опытнаго лингвиста совѣтовъ. „Когда я первый правочный листъ *Словаря* выслалъ Н. И. Гречу, говоритъ Владиміръ Ивановичъ въ *Напутномъ Словѣ*, чтобъ онъ собща со мною порадовался началу успѣха завѣтнаго труда, то этотъ семидесятипятилѣтній дѣлатель, несмотря на вражду мою съ грамматикой, настоялъ на высылкѣ къ нему по почтѣ (въ Петербургъ) каждаго правочнаго листа, возвращая его съ поправками и замѣтками своими ко мнѣ въ Москву; а когда я отговаривался, совѣстясь затруднять его такимъ нескончаемымъ трудомъ, то онъ отвѣчалъ: „Дайте мнѣ умереть за этою работой!“ Замѣтки этого заслуженнаго уставщика русской грамоты были мнѣ крайне полезны, охранивъ меня отъ многихъ промаховъ; и если они не всѣ безусловно мною приняты, то это уже сдѣлано сознательно, или по необходимости, чтобы не нарушить цѣлости принятыхъ однажды, право или неправо, основаній.“

Первое сочувствіе знаменитый трудъ Даля встрѣтилъ въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, учрежденномъ при Московскомъ университетѣ. Безспорная заслуга Общества!

О сочувствіи этомъ Владиміръ Ивановичъ такъ разказываетъ:

„Составитель обязанъ объявить по какому случаю *Словарь* его вовсе неожиданно поступилъ въ печать. По прибытіи его въ Москву, зимою на 1860 годъ, Общество Любителей Русской Словесности, почтившее его уже до сего званіемъ члена своего, пожелало узнать ближе въ какомъ видѣ обрабатывается *Словарь*, и что̀ именно уже сдѣлано. Отчетъ въ этомъ отдалъ онъ запискою, читанною въ засѣданіяхъ Общества 1860 года (въ частномъ засѣданіи 25го февраля и въ публичномъ 6го марта).* Горячо и настойчиво отозвалось на это все Общество подъ предсѣдательствомъ покойнаго А. С. Хомякова, и тотчасъ же предложено было, не откладывая дѣла, найти средства для изданія *Словаря*.

„Дѣло составителя было при семъ заявить о всѣхъ затрудненіяхъ и неудобствахъ какія онъ могъ предвидѣть, давно уже самъ обсуждая это дѣло: *Словарь* доведенъ еще только до половины, и едва ли прежде восьми или десяти лѣтъ можетъ

---

* *Записка о Русскомъ Словарѣ* напечатана въ первой книжкѣ *Русской Бесѣды* на 1860 годъ и потомъ перепечатана въ предисловіи къ *Толковому Словарю живаго великорусскаго языка*, стр. XVI—XXIV.

быть оконченъ; собирателю подъ шестьдесятъ лѣтъ; изданіе станетъ дорого, а между тѣмъ вѣроятно не окупится; кому нуженъ неоконченный *Словарь*?

„Но нашлось нѣсколько сильныхъ и горячихъ голосовъ, и первымъ изъ нихъ былъ голосъ М. П. Погодина, устранившій всѣ возраженія эти тѣмъ что если видѣть всюду однѣ помѣхи и препоны, то ничего сдѣлать нельзя; ихъ найдется еще много впереди, несмотря ни на какую предусмотрительность нашу; а печатать *Словарь* надо, не дожидаясь конца его и притомъ не упуская времени. Самая печать неминуемо должна продлиться нѣсколько лѣтъ, а потому будетъ еще время подумать объ остальномъ, лишь бы дѣло пущено было въ ходъ.

„Тогда поднялся еще одинъ голосъ, А. И. Кошелева, съ другимъ вопросомъ: чего станетъ изданіе готовой половины *Словаря*? И по отвѣту что безъ 3.000 руб. нельзя приступить къ изданію, даже разчитывая на нѣкоторую помощь отъ выручки, деньги эти были, такъ-сказать, положены на столъ." *

Бывшій въ то время министромъ народнаго просвѣщенія статсъ-секретарь А. В. Головнинъ, въ сороковыхъ годахъ служившій при графѣ Перовскомъ подъ непосредственнымъ начальствомъ В. И. Даля, ** еще въ 1862 году докладывалъ Государю Императору о напечатанныхъ *Пословицахъ Русскаго народа* и о составленіи Далемъ первой половины *Толковаго Словаря*. Державный покровитель наукъ, въ день празднованія тысячелѣтія Россіи, послалъ составителю этого *Словаря*, собирателю *Пословицъ* и знаменитому русскому писателю Владиміру Далю, аннинскую ленту при Высочайшей грамотѣ, въ которой изложены заслуги „знаменитаго писателя" на поприщѣ отечественной словесности. Въ 1864 году, министръ представилъ Государю Императору первый томъ *Толковаго Словаря* (буквы А—З). Его Величеству угодно было даровать своему народу *Словарь* его живаго языка. Всѣ издержки по изданію *Толковаго Словаря* Даля Государь принялъ на свой счетъ. Такимъ образомъ, если мы имѣемъ теперь *Словарь*, смотря на который едва вѣрится чтобъ это былъ трудъ одного человѣка, *Словарь* подобнагому которо нѣтъ на другихъ языкахъ, *** то

---

* *Толковый Словарь живаго великорусскаго языка*, т. I, стр. XIV.

** Онъ былъ секретаремъ особенной канцеляріи министра, а Даль управлялъ ею.

*** Говорится въ томъ смыслѣ что на другихъ языкахъ нѣтъ такого ловаря въ которомъ бы собраны были всѣ областныя реченія, а при-

этимъ мы всецѣло обязаны народолюбивому и народомъ любимому Царю нашему, воспитаннику Далева друга, незабвеннаго Жуковскаго, отъ котораго Онъ научился любить и уважать отечественную литературу и родное слово. *

Четыре огромные тома in 4to въ 330 листовъ, плодъ неустанныхъ 47-лѣтнихъ трудовъ, въ 1867 году явились предъ русскою публикой. Какъ бы загремѣло имя Даля еслибъ это былъ словарь французскій, нѣмецкій, англійскій! А у насъ хоть бы одно слово въ какомъ-нибудь журналѣ. ** Ни одинъ университетъ не выразилъ своего уваженія къ монументальному труду Даля возведеніемъ его на степень доктора русской словесности, между тѣмъ какъ дипломы на докторскую степень раздавались зря. Ни одинъ университетъ не почтилъ составителя *Толковаго Словаря* званіемъ почетнаго члена или хотя простымъ привѣтомъ неутомимому труженику окончившему столь великое дѣло!... Я не зналъ человѣка скромнѣе и нечестолюбивѣе Даля, но и его удивило такое равнодушіе. Впрочемъ я ошибся: одинъ университетъ, въ Россіи находящійся, съ должнымъ уваженіемъ отнесся къ труду Даля. Это университетъ нѣмецкій, существующій въ исконномъ русскомъ городѣ Юрьевѣ, нынѣ Дерптомъ именуемомъ. Оттуда прислали Далю за *русскій Словарь* латинскій дипломъ и нѣмецкую пре-

---

мѣры были бы заимствованы не изъ искусственной литературы, а *изъ устъ самого народа, творца своего языка*, то-есть изъ пословицъ, пѣсенъ, сказокъ, поговорокъ и т. п.

* Три тысячи рублей, первоначально данныя на изданіе *Словаря*, были возвращены В. И. Далемъ А. И. Кошелеву, который не пожелалъ взять ихъ обратно, но предоставилъ въ распоряженіе Общества Любителей Россійской Словесности для изданія русскихъ пѣсенъ собранныхъ покойнымъ Кирѣевскимъ. Въ собраніе это вошли и пѣсни собранныя В. И. Далемъ. До сихъ поръ издано девять выпусковъ пѣсенъ подъ редакціей секретаря Общества П. А. Безсонова.

** Это очень понятно. Чтобы дѣльно писать о Далевомъ словарѣ надо много знать, надо знать кромѣ того нашъ народъ и его живую рѣчь во всѣхъ ея изгибахъ. Какъ бы ни велико было у взявшагося писать знаніе русской грамматики и книжнаго языка, этого недостаточно Даль говоритъ прямо что русской грамматики покамѣсть еще нѣтъ, а книжный языкъ, особенно языкъ писателей послѣдняго времени, онъ отвергаетъ. Вотъ сказать что въ *Словарѣ* помѣщены слова составленныя самимъ Далемъ, выдуманныя имъ, какъ сдѣлалъ это г. Пыпинъ, это намъ съ руки.

мію.* Честь и слава россійскимъ университетамъ! А кажется въ нихъ сидѣли тогда не одни гг. Пыпины.

Когда *Толковый Словарь* былъ конченъ печатаніемъ, ординарный академикъ М. П. Погодинъ писалъ въ Академію:

„*Словарь* Даля конченъ. Теперь русская Академія Наукъ безъ Даля немыслима. Но вакантныхъ мѣстъ ординарнаго академика нѣтъ. Предлагаю: всѣмъ намъ, академикамъ, бросить жеребій кому выйти изъ Академіи вонъ, и упразднившееся мѣсто предоставить Далю. Выбывшій займетъ первую какая откроется вакансію.“

Академія Наукъ единогласно избрала Владиміра Ивановича въ свои почетные члены. Затѣмъ она присудила *Толковому Словарю* Ломоносовскую премію. Разборъ *Словаря* составленъ ординарнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ. Кромѣ того академикомъ Л. И. Шренкомъ составлена была записка о зоологическихъ названіяхъ въ *Толковомъ Словарѣ*, а академикомъ Ф. И. Рупрехтомъ о ботаническихъ названіяхъ. Я. К. Гротъ составилъ также дополненія къ *Словарю* Даля.** Владиміръ Ивановичъ съ благодарностью воспользовался замѣчаніями названныхъ академиковъ. По изданіи *Словаря*, къ нему стали поступать изъ разныхъ мѣстъ много дополненій, особенно отъ г. Микуцкаго изъ Варшавы. Все это, всѣ присылаемыя и самимъ замѣчаемыя въ сочиненіяхъ разныхъ писателей слова, В. И. Даль вписывалъ въ печатный экземпляръ *Словаря*. Дополненія находятся у его наслѣдниковъ. Покойный собирался издать ихъ особо.*** Теперь осталось въ продажѣ весьма немного экземпляровъ *Толковаго Словаря*,**** и если во второе изданіе его будутъ включены приготовленныя составите-

* Она учреждена вдовою Нѣмкою (забылъ фамилію) и назначена для наградъ за знаменитые успѣхи въ области языкознанія.

** Разборъ Я. К. Грота и записки его, Л. И. Шренка и Ф. И. Рупрехта напечатаны въ *Собраніи статей читанныхъ въ отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, томъ VII, 1870 года.

*** Часть ихъ помѣщаема была при *Словарѣ* въ видѣ дополненій. Эти дополненія печатались на одной сторонѣ листа въ видахъ приспособленія ихъ къ работѣ по „ремешковой системѣ“. Ремешки эти можно подклеивать и въ самый *Словарь* на подлежащихъ мѣстахъ.

**** Не болѣе 150 изъ 1500. Замѣчательно что много экземпляровъ *Толковаго Словаря* выписано отъ иностранныхъ книгопродавцевъ за границу.

лемъ дополненія, то онъ будетъ почти въ полтора раза обширнѣе.

Въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности Даль былъ предложенъ въ почетные члены предсѣдателемъ А. И. Кошелевымъ, дѣйствительными членами: княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и Мельниковымъ, и секретаремъ П. К. Щебальскимъ. Предъ засѣданіемъ, въ которомъ должна была производиться баллотировка, предложеніе лежало на столѣ. Всѣ члены Общества до единаго присоединили свои подписи къ предложенію названныхъ четырехъ членовъ. Баллотировки произвести было нельзя, ибо всѣ избиратели предложили Владиміра Ивановича въ почетные члены. Черезъ нѣсколько дней, когда изготовленъ былъ дипломъ, депутація, состоявшая изъ предсѣдателя Общества и многихъ членовъ, отправилась въ домъ Даля съ просьбой: „сдѣлать Обществу высокую честь—принять званіе почетнаго его члена“.

Императорское Русское Географическое Общество, мысль о которомъ возникла въ сороковыхъ годахъ на Далевыхъ вечерахъ, увѣнчало трудъ его Константиновскою золотою медалью. Разборы были, по порученію этнографическаго отдѣленія Общества, написаны ординарнымъ академикомъ И. И. Срезневскимъ и членомъ общества П. И. Савваитовымъ. Кромѣ того написалъ разборъ еще членъ Общества г. Пыпинъ. По поводу сего послѣдняго разбора В. И. Даль напечаталъ въ концѣ IV тома своего *Словаря* слѣдующій *Отвѣтъ на приговоръ*:

„Этнографическое Отдѣленіе Русскаго Географическаго Общества, удостоивая *Толковый Словарь* мой Константиновской золотой медали, говоритъ по сему поводу: „Вполнѣ соглашаясь съ оцѣнкой сдѣланной труду г. Даля гг. Срезневскимъ и „Савваитовымъ, Отдѣленіе признало его заслуживающимъ Константиновскую медаль. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду ре„цензію на *Толковый Словарь* г. Пыпина, хотя и разсматриваю„щаго его со стороны чисто филологической, члены Отдѣленія „почли долгомъ заявить и съ своей стороны что было бы весь„ма желательно чтобы такія слова (то-есть слова не общеупо„требительныя въ языкѣ и какъ бы вновь составленныя), какъ „указанныя г. Пыпинымъ и подобныя имъ, были вносимы въ „*Словарь* не иначе какъ съ оговоркою *гдѣ именно и кѣмъ они* „*сообщены составителю*, черезъ что самое, по ихъ мнѣнію, устра„нится отъ этого важнаго и необходимаго для всѣхъ изданія, „возможное въ противномъ случаѣ, нареканіе на г. Даля что

„онъ помѣщаетъ въ *Словарь* народнаго языка слова и рѣчи „противныя его духу и слѣдовательно повидимому вымышленныя, или по крайней мѣрѣ весьма сомнительнаго свойства.“ Такъ какъ я уже много лѣтъ за недосугомъ ничего не читаю, отдавъ всѣ силы свои, все время, и всѣ глаза *Словарю*, то я не видалъ и не слышалъ даже ничего объ этомъ приговорѣ столь уважаемаго ученаго Общества, ниже о разборѣ г. Пыпина. Все это дошло до меня только нынѣ, черезъ пять лѣтъ, иначе я бы тогда же счелъ долгомъ объясниться. Мнѣ извѣстенъ былъ доселѣ одинъ только темный и безыменный намекъ въ томъ же духѣ, сдѣланный однимъ изъ гг. академиковъ. * Я тогда же писалъ къ нему, просилъ прямыхъ указаній и объясненій, но просилъ безуспѣшно; объясненій ни моихъ, ни своихъ, повидимому, не желали; а такъ какъ намекъ былъ очень темный и могъ относиться даже и не ко мнѣ, то я и не могъ настаивать на объясненіи. Требованіе Отдѣленія кажется простое и правое: укажи гдѣ ты взялъ слова эти, мы ихъ не знаемъ, не слыхали, въ *Академическомъ Словарѣ* ихъ нѣтъ; но задача трудна и даже неисполнима. Предвидя такое требованіе, я уже говорилъ о немъ въ *Напутномъ Словѣ* своемъ къ *Словарю*. Если словарь набирается только изъ книгъ, то конечно на нихъ можно сослаться; будетъ побольше труда, ссылки займутъ много мѣста, но исполнить это можно. Если составляется словарь обработаннаго, вполнѣ устоявшагося языка, то въ этомъ указаніи почти нѣтъ надобности; составитель новаго французскаго или нѣмецкаго словаря едва ли найдетъ много такихъ словъ коихъ бы не было ни въ одномъ изъ вышедшихъ уже словарей; языкъ давно перепотрошенъ на всѣ лады и каждое слово его перебрано и перещупано въ пальцахъ. А что̀ дѣлать русскому словарнику который одинъ, своею душой, собралъ гораздо за 80.000 словъ, коихъ нѣтъ доселѣ ни въ одномъ словарѣ, откуда они вытѣснены условными, письменными реченіями, частью плохо придуманными, частью взятыми изъ помянутыхъ готовыхъ нѣмецкихъ и французскихъ словарей? Скажутъ: и у 80.000 словъ можно сдѣлать отмѣтки; но спрашиваю, на что̀ и на кого ссылаться? Этнографическое Отдѣленіе говоритъ: „Вносить съ оговоркою „гдѣ именно и кѣмъ слова составителю сообщены“. Академія

---

* Покойнымъ академикомъ Коркуновымъ, редактировавшимъ *Областной Словарь Академіи Наукъ.*

могла бы это сдѣлать при изданіи *Областнаго Словаря*, потому что ей сообщались слова за подписью собирателей, а я-то, самъ собиратель, то-есть, подбиравшій крохи эти случайно и сорокъ лѣтъ сряду, на кого я сошлюсь? Или мнѣ выставить при каждомъ словѣ: *слышано въ городѣ Ирбити*, *отъ купца Пряничникова*, или *въ деревнѣ Поповой*, *Семеновскаго уѣзда*, *Нижегородской губерніи*, *отъ крестьянки Макаровой*? Вѣдь краткое указаніе на губернію, коли слово мѣстное, у меня есть; множество словъ искаженныхъ *Областнымъ Словаремъ* указаны либо исправлены мною, знакъ сомнѣнія (?) выставленъ при каждомъ подозрѣваемомъ мною словѣ—не знаю что̀ я могъ сдѣлать болѣе? Записывая чуть ли не съ 1819 года всякое новое для меня слово, гдѣ бы оно мнѣ ни попадалось, могъ ли я предвидѣть подобное требованіе и могъ ли его исполнить? Развѣ я ходилъ по слова какъ по грибы, набралъ кузовъ, принесъ домой и пожалуй подписалъ: „изъ такого-то бора"? Кто занимался этимъ дѣломъ, тотъ понимаетъ что на заказъ словъ не наберешь, а хватаешь ихъ на лету, въ бесѣдѣ, когда они безо всякаго раздумья бываютъ сказаны. Люди близкіе со мною не разъ останавливали меня, среди жаркой бесѣды, вопросомъ: „Что̀ вы записываете?" А я записываю сказанное вами слово котораго нѣтъ ни въ одномъ словарѣ. Никто изъ собесѣдниковъ не можетъ вспомнить этого слова, никто ничего подобнаго не слышалъ, и даже самъ сказавшій его, первый же и отрекается; а когда я затѣмъ покажу что̀ записалъ: *горонить*, *замолаживать* или *увѣй*, или что-нибудь подобное, то оказывается что одинъ не дослышалъ слова этого, другой спрашиваетъ при семъ случаѣ что̀ оно значитъ, а третій дивится: чего тутъ записывать? слово обиходное, всякому извѣстное!... Что̀ же я отмѣчу при такомъ словѣ—а ихъ тысячи—чье имя или свидѣтельство подъ нимъ выставлю? Имя этого собесѣдника? Но онъ никому изъ ученыхъ не извѣстенъ; Николаевыхъ и Ведерниковыхъ на Руси много, да наконецъ и онъ могъ придумать слово это, также какъ я; воля ваша, опричь случаевъ гдѣ слово относится къ весьма ограниченной мѣстности или къ какому-нибудь ремеслу, промыслу, трудно дѣлать удостовѣренія или ручательство. Кромѣ нравственной поруки, другой нѣтъ; можно бы развѣ только пожелать чтобы прежде подобнаго нареканія, сами судьи ознакомились побляже съ живымъ, не книжнымъ языкомъ, и можетъ-быть многія сомнѣнія тогда бы сами собой исчезли. Я говорю прямо и по совѣсти

что *Словарь* мой не заслужилъ на почвѣ этнографіи той высшей награды которой онъ былъ удостоенъ, это мое искреннее убѣжденіе, потому что въ народописательномъ отношеніи въ немъ нѣтъ ничего полнаго, связнаго и цѣльнаго; но подобное заподозрѣнье, въ общихъ словахъ, заподозрѣнье ученымъ обществомъ, лишаетъ его въ глазахъ современниковъ даже и языковаго достоинства: коли словарю нельзя вѣрить, коли онъ набитъ офеньскими, то-есть придуманными словами вмѣсто природныхъ, то какой же это словарь? Множество такихъ офеньскихъ, либо сочиненныхъ или искаженныхъ словъ, я не принялъ изъ академическаго *Областнаго Словаря*, большое число ихъ исправилъ или отмѣтилъ ихъ офеньскими, или ставилъ при нихъ знакъ сомнѣнія,—и за тѣмъ буду самъ придумывать свои слова?

„Но я знаю что потомство разсудитъ иначе и назоветъ нареканіе это, печатно высказанное, напраслиной. Русскій языкъ станетъ современемъ болѣе доступнымъ для образованныхъ сословій, пишущіе люди сроднятся съ нимъ и конечно не найдутъ въ *Словарѣ* моемъ того что̀ имъ предсказали современники. Я впрочемъ никогда и нигдѣ не одобрялъ безусловно всего безъ различія что̀ обязанъ былъ включить въ *Словарь*: выборъ предоставленъ писателю.

„Возьмемъ другой примѣръ: по живому составу нашего языка или по свойству словообразованья его, каждый глаголъ самъ собою даетъ отъ себя цѣлое гнѣздо производныхъ, даетъ существительныя, прилагательныя, нарѣчія и пр. Изъ этихъ словъ, какъ я указалъ примѣрами въ передовой статьѣ своей (къ *Словарю*), и половины нѣтъ въ прочихъ словаряхъ; я старался пополнить пропуски эти,—но на что̀ я пошлюсь, еслибы потребовали у меня отчета откуда я взялъ такое-то слово? Я не могу указать ни на что̀ кромѣ самой природы, духа нашего языка, могу лишь сослаться на міръ, на всю Русь; но не знаю было ли оно въ печати, не знаю гдѣ, и кѣмъ, и когда оно говорилось. Коли есть глаголъ *пособлять*, *пособить*, то есть и *посáбливать*, хотя бы его въ книгахъ нашихъ и не было, и есть: *посабливанье, пособленье, пособъ* и *пособка* и пр. На кого же я сошлюсь что слова эти есть, что я ихъ не придумалъ? На русское ухо—больше ни на кого.

„Все это я писалъ, не видавъ разбора (г. Пыпина), на который Этнографическое Отдѣленіе ссылается; разспросы мои наконецъ объяснили мнѣ что разборъ этотъ никогда не былъ

напечатанъ, и я съ великимъ трудомъ добылъ свѣдѣніе о томъ на какія именно слова моего *Словаря* разборщикъ ссылается. Онъ приводитъ ихъ всего только *три*, говоря: „гармонію онъ (Даль) переводитъ: *согласъ*, гимнастику—*ловкосиліе*, автоматъ—*живуля*", и при послѣднемъ словѣ ставитъ два знака удивленія. Основываясь на этихъ трехъ словахъ разборщикъ (г. Пыпинъ) говоритъ: „рядомъ со словами общественными, словами „областными, онъ (Даль) ставитъ *часто*, ничѣмъ ихъ не обоз„начая, слова собственнаго сочиненія."

„Еслибы до времени открыто было въ *Словарѣ* моемъ не болѣе этихъ трехъ словъ моего сочиненія, то не лишку ли сказано что составитель дѣлаетъ это *часто?* Но первое изъ нихъ, *согласъ*, конечно не моего сочиненія; можетъ-быть оно не печаталось досели, писалось однако же, а еще чаще говорилось: *по общему согласу нашему*, пишутъ въ мірскихъ приговорахъ; согласіе или *согласъ*—у старообрядцевъ кругъ, секта; *ихъ согласъ не беретъ*, говорится въ народѣ же не рѣдко, и потому это слово не мое изобрѣтенье; меня можно обвинить развѣ только въ томъ что я его поставилъ какъ толкованіе въ числѣ тринадцати другихъ словъ, что я предложилъ слово это въ такомъ значеньи въ какомъ оно можетъ-быть доселѣ не принималось; но посему-то рядомъ съ нимъ и поставлено еще двѣнадцать другихъ словъ; кромѣ того слова *согласъ* въ значеніи *гармоніи*, въ красной строкѣ, на своемъ мѣстѣ, подъ буквою *с* — нѣтъ, а оно объяснено тамъ какъ *согласіе* и *согласность*. Второе слово, *живуля*, также сочинено не мною, оно есть въ народѣ, и на сей разъ я могу сослаться на загадку, какъ сдѣлано и въ *Словарѣ* моемъ. Или я самъ сочинилъ и загадку эту? Что же мнѣ отвѣчать на такое обвиненіе? Я могу только просить обвинителя моего подумать о томъ что онъ дѣлаетъ, и притомъ напередъ подумать, а потомъ сказать. *Живуля* въ народѣ нѣчто полуживое или по движеніямъ своимъ подобное живому. *Сидитъ живая живулечка на живомъ стуличкѣ, теребитъ живое мясцо* (младенецъ). Этого мало: слово это не только не выдумано мною, оно даже въ самомъ значеніи своемъ какъ *автоматъ* взято изъ устъ народа. Мужикъ разказывалъ что видѣлъ *живуль*, въ томъ числѣ и Наполеона; * другой спросилъ ходятъ ли они, и на отрицательный отвѣтъ продолжалъ: „такъ это не *живуля*, а болваны, а я такъ видѣлъ *живулю*, куклу, четверти въ три, и бѣгаетъ она сама,

* Въ ярмарочномъ балаганѣ съ восковыми фигурами.

одна, на кругахъ." Вотъ откуда я взялъ значенье этого слова, и за всѣмъ тѣмъ при переводѣ его словомъ *автоматъ* поставилъ еще вопросительный знакъ (см. *живой*). Наконецъ, третій примѣръ: *ловкосиліе*, правда, слово моего сочиненья, но и его нѣтъ на своемъ мѣстѣ подъ буквою *л*, а оно поставлено только *какъ объяснительное* при словѣ *гимнастика* и притомъ также съ вопросительнымъ знакомъ. Итакъ, изъ числа трехъ словъ или примѣровъ на коихъ основанъ крайне тяжкій приговоръ, одно слово можетъ служить къ обвиненію, но и это слово вставлено только ради объясненія, набрано тѣми же буквами какъ всѣ толкованія, и притомъ съ вопросительнымъ знакомъ. Правда ли, послѣ этого, что *„онъ* (Даль) *ставитъ часто, ничѣмъ ихъ не обозначая, слова собственнаго сочиненія?*

„Утверждаю что во всемъ *Словарѣ* моемъ нѣтъ ни одного выдуманнаго мною слова, то-есть нѣтъ въ красной строкѣ, какъ слова объясняемаго; въ толкованіяхъ могутъ попадаться, хотя весьма рѣдко, слова не бывшія доселѣ въ обиходѣ; спрашиваю еще разъ не за себя, а за самое дѣло, можно ли послѣ сего такъ о немъ отозваться, какъ это случилось въ помянутомъ разборѣ (г. Пыпина)? Вѣдь о такомъ трудѣ говорить на махъ нельзя; вѣдь найдутся же люди, не теперь, такъ современемъ, кои сами вникнутъ въ дѣло и разберутъ его по совѣсти! А покуда это еще не сдѣлано, я самъ знаю за *Словаремъ* своимъ болѣе недостатковъ чѣмъ кто-либо; но порока который добрые люди хотятъ навязать ему въ немъ нѣтъ.

„Если трудъ цѣлой жизни человѣка поносится однимъ легкомысленно кинутымъ словомъ, то на это и отвѣчать было бы нечего; но если слово это содержитъ въ себѣ прямое обвиненіе, то на него отвѣчать должно, и отвѣчать не ради личности своей, а ради дѣла. Чая въ противникѣ своемъ (г. Пыпинѣ), *честнаго человѣка*, я увѣренъ что онъ за симъ сдѣлаетъ одно изъ двухъ: либо докажетъ не однимъ и даже не тремя примѣрами что „Даль ставитъ часто, ничѣмъ ихъ не обозначая, слова своего сочиненья", либо объявитъ что онъ ошибся и что беретъ слово свое назадъ."

Это было напечатано въ январѣ 1867 года, съ тѣхъ поръ до кончины Даля протекло безъ малаго шесть лѣтъ. *Честный человѣкъ*, какъ назвалъ Даль г. Пыпина, и не доказалъ, и не сказалъ что онъ ошибся... Знаменіе времени!

Здѣсь нарочно приведено длинное объясненіе В. И. Даля, чтобы показать насколько основательно сужденіе г. Пыпина

послужившее однако источникомъ мнѣній и сплетень въ нѣкоторыхъ кружкахъ о томъ будто Даль сочинялъ слова, искони находящіяся въ устахъ народа, но невѣдомыя нѣкоторымъ петербургскимъ фельетонистамъ, которые страждутъ ничѣмъ неизлѣчимымъ недугомъ самомнѣнія и внутренней пустоты.

Кончивъ печатаніе *Словаря*, Владиміръ Ивановичъ отдохнулъ отъ трудовъ. Онъ сдѣлалъ все: *Словарь* и *Пословицы* изданы, пѣсни переданы въ Общество Любителей Россійской Словесности для печатанія ихъ вмѣстѣ съ пѣснями Кирѣевскаго, сказки отданы для напечатанія покойному А. Н. Аѳанасьеву. Разныя записки и служебныя бумаги О. М. Бодянскому, который помѣщалъ и помѣщаетъ ихъ въ *Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей*, и П. И. Бартеневу для *Русскаго Архива*, нѣкоторыя бумаги—М. П. Погодину; большое собраніе записокъ относящихся до раскола—мнѣ. Раздавъ такимъ образомъ свои запасы, В. И. Даль говаривалъ что онъ теперь спокоенъ, будучи увѣренъ что все собранное имъ въ теченіе полустолѣтія рано или поздно увидитъ свѣтъ Божій.

Казалось бы, съ окончаніемъ долговременныхъ и тяжелыхъ трудовъ, здоровье Владиміра Ивановича должно было если не возстановиться, то хоть поправиться. Вышло наоборотъ. Ему некуда было дѣвать часовъ отведенныхъ для занятій *Словаремъ*. Щипанье корпіи, разумѣется, не могло удовлетворить трудолюбца... Долговременная привычка къ постоянному труду, вдругъ прекратившемуся, вредно повліяла на здоровье великаго трудолюбца. Самъ онъ сознавалъ это, и сознавая сталъ опять писать *Картины русскаго быта* для *Русскаго Вѣстника*,* и *Бытописаніе* для народнаго чтенія.

Бытописаніе — это Моисеево Пятикнижіе, изложенное примѣнительно къ понятіямъ русскаго простонародья. Трудъ замѣчательный по своей ясности, простотѣ и доступности пониманію малосвѣдущихъ людей.** Особенно замѣчательны въ немъ нравственныя толкованія разныхъ мѣстъ Св. Писанія, примѣненныя къ быту и обычаямъ нашей сельщины-деревенщины. Нѣкоторыя изъ нихъ отличаются не только чрезвычайною

* *Картины русскаго быта* напечатанныя въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1867 и 1868 годовъ. Это были послѣднія напечатанныя при жизни В. И. Даля его сочиненія

** В. И. Даль имѣлъ также намѣреніе передать Евангеліе на языкѣ простонародья, но въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ и притомъ разумѣется буквально. Переведенная такимъ образомъ XIII глава Евангелія Матвѣя находится теперь въ рукописи у М. П. Погодина.

ясностью, но и такими примѣненіями къ жизни которыя ускользали отъ вниманія современныхъ церковныхъ учителей. Для примѣра приведу слѣдующее. Говоря о Синайскомъ законодательствѣ, Даль объясняетъ каждую изъ десяти заповѣдей. Объясняя четвертую, онъ говоритъ что святить установленные праздники должно не гульбой, не пьянствомъ и обжорствомъ, а добрыми дѣлами и помышленіями о Богѣ и будущей жизни. „Но если, прибавляетъ онъ, ты все это исполнишь, то исполнилъ ты только половину Божіей заповѣди, другая за тобой. Въ ней сказано: „шесть дней дѣлай и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя.“ Значитъ каждый день трудись, опохмѣляться въ понедѣльникъ и думать не смѣй, всѣ шесть дней работай, сотвори *всѣ* свои дѣла до единаго, ни какой работы не смѣй оставлять до другой недѣли. Такъ Богъ велѣлъ. Онъ сказалъ не просто „сотвори дѣла“, а „сотвори *вся* дѣла“.

Бытописаніе Даля прошло много мытарствъ по цензурамъ. Иныхъ смущало то что вмѣсто непонятной народу „скиніи“, у него стоитъ палатка, шатеръ; вмѣсто „брада Аароня“—Ааронова борода; вмѣсто „стана израильскаго“(въ пустынѣ)—еврейскій таборъ. Другіе недоумѣвали можно ли допустить лютеранину поучать православный народъ. Третьи находили несогласія съ хронологіей LXX толковниковъ. Владиміръ Ивановичъ сдѣлалъ всѣ указанныя ему поправки, наконецъ во всемъ изложеніи не найдено ни малѣйшей неправославной мысли, тѣмъ не менѣе затрудненія не исчезали. Въ Московской духовной цензурѣ рукопись пролёжала около двухъ лѣтъ, надъ нею все думали, и возвратили автору что-называется безъ отказу безъ приказу. Въ 1869 году я отвезъ рукопись *Бытописанія* въ Петербургъ. Тамошняя духовная цензура одобрила ее къ напечатанію, но *Бытописаніе* все-таки осталось ненапечатаннымъ, хотя одна особа и бралась его напечатать, еще съ картинами. А какъ бы хорошо было теперь дать пробуждающемуся отъ тьмы невѣжества нашему народу эту книгу, доступную его пониманію! Какъ бы это было полезно! Теперь даже и того препятствія нѣтъ что написалъ эту книгу иновѣрецъ. За годъ до смерти онъ вступилъ въ лоно православной церкви, которую всегда признавалъ изъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій ближайшею къ ученію Христа Спасителя. А между тѣмъ какъ явныя и тайныя препятствія воздвигаемы были противъ распространенія Далева *Бытописанія* въ народѣ, въ дѣтской

даже литературѣ то-и-дѣло появлялись разказы изъ Библіи съ сужденіями далеко не православными, а въ нѣкоторыхъ народныхъ школахъ преподавалось что источникъ всякой жизни не Богъ а кислородъ, что міръ не сотворенъ а самъ собой сдѣлался.... Но эти писатели и учители по всѣмъ актамъ значатся православными, а Даль — лютеранинъ. Изъ сего явствуетъ что ихъ наставленія народу полезны, а Далево *Бытописаніе* вредно.*

Чтò же побудило Владиміра Ивановича приложить послѣдніе труды свои къ *Бытописанію?* На это онъ имѣлъ свои причины. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда у насъ на Руси повѣяло новымъ духомъ, когда все встрепенулось и какъ бы ожило, много заботъ было положено на распространеніе грамотности въ темной массѣ нашего простонародья. Умножались народныя сельскія училища; по городамъ появлялись небывалыя дотолѣ воскресныя школы; въ полкàхъ стали учить солдатъ грамотѣ; открылись школы при церквахъ, на фабрикахъ, въ тюрьмахъ.... В. И. Даль отъ души радовался этому, но зная Русскій народъ несравненно лучше и ближе горячившихся санктпетербургскихъ „народниковъ“, недоумѣвалъ надъ однимъ — чтò же будетъ читать народъ обучившійся грамотѣ? Готовы ли для него книги? „Нѣтъ спору, говорилъ онъ, что ученье свѣтъ, а неученье тьма, и что грамотѣ учиться всегда пригодится, а когда будетъ больше грамотныхъ, дураковъ поменьше будетъ; однако, прибавлялъ онъ, на одной грамотѣ далеко не уѣдешь. Нужно для народа чтеніе, а гдѣ оно? Не въ тѣхъ ли книжкахъ московскаго издѣлья чтò офени по деревнямъ въ коробьяхъ разносятъ, или тѣ чтò начали какъ блины печь петербургскіе борзописцы? Необходимо заготовить книги, да чтобъ эти книги, хоть бы были и не складны письмомъ, да были бы складны смысломъ.... А безъ нихъ какой прокъ въ грамотѣ? Развѣ что въ кабакахъ фальшивые паспорты писать?“ Эти мысли, живя еще въ Нижнемъ, постоянно и открыто высказывалъ Владиміръ Ивановичъ и писалъ въ письмахъ къ друзьямъ, а въ 1859 году не задолго до переѣзда въ Москву изложилъ ихъ въ одной изъ столичныхъ газетъ. Боже мой! какой гвалтъ подняли тѣ кого Даль обозвалъ борзописцами! Во всѣхъ газетахъ посыпались на него обвиненія: Даль ретроградъ! Даль гасильникъ просвѣщенія! и т. д. Разные въ то время считавшіеся

---

* Предъ кончиной, В. И. Даль свое *Бытописаніе* передалъ въ рукописи свояченицѣ своей Натальѣ Львовнѣ Соколовой.

верхомъ ума и остроумія *Свистки* и *Гудки* завели такую Katzenmusik предъ Далемъ что изъ-за нея не слышно было ни одного умнаго слова.... Надъ Далемъ смѣялись самые набольшіе изъ вожаковъ тогдашняго такъ-названнаго потомъ „нигилистическаго“ направленія литературы.... Стало-быть другимъ тутъ умствовать было нечего: признавай все огуломъ Даля невѣждой и гасильникомъ, на томъ и дѣлу конецъ. Не зная новоявленныхъ чудотворцевъ россійской словесности, зная литераторовъ по Пушкину, Жуковскому, Гоголю и другимъ находившимся съ Далемъ въ дружбѣ и общеніи, не бывавъ десять лѣтъ въ Петербургѣ, онъ предполагалъ что тамъ все еще обстоитъ попрежнему, то-есть что въ средѣ пишущихъ „новыхъ людей“, какъ во время оно, царятъ и здравый смыслъ, и добросовѣстность, и знаніе. Въ этомъ убѣжденіи онъ и выступилъ съ объясненіемъ гдѣ доказывалъ что произошло недоразумѣніе, что его не поняли, что онъ не противъ народнаго образованія, но противъ грамотности *безъ чтенія*, что грамотность составляетъ не цѣль, а только средство для достиженія цѣли. За это Даля обругали пуще прежняго. Онъ пересталъ писать.

Между тѣмъ бѣснованіе новоявленныхъ чудотворцевъ бѣдной русской печати шло далѣе и далѣе, и чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ... Они сами однако поняли что одной грамоты мало, что народу ученье нужно. И вотъ одни вздумали знакомить его преимущественно съ естественными науками, а пуще всего съ физіологіей и особенно съ рефлексами мозга; другіе не шутя предлагали учить мальчиковъ въ сельскихъ школахъ политической экономіи. Начали писать книги и книжки для народнаго чтенія. Слава Богу что онѣ теперь позабыты.... И впрямь и вкось въ этихъ книжкахъ обо всемъ говорилось въ поученіе народу, обо всемъ кромѣ закона Божія и закона государственнаго. Много говорилось о правахъ, ни слова объ обязанностяхъ. Проскакивали глумленія надо всѣмъ что̀ свято для народнаго міровоззрѣнія.... Занятый печатаніемъ сначала своихъ *Пословицъ*, а потомъ *Словаря*, Владиміръ Ивановичъ скорбѣлъ душою, приглядываясь къ шабашу Лысой горы, какъ онъ выражался, во всемъ безобразіи разыгравшемуся въ извѣстныхъ приходахъ нашей литературы. Когда же кончилъ онъ многотрудную работу надъ *Словаремъ*, принялъ намѣреніе писать книги для народнаго чтенія. Съ чего же начать? Конечно съ „вѣчной книги“ со сло́ва Божія. Кончивъ *Бытописаніе*, намѣревался онъ продолжать трудъ свой,

рія христіанской церкви послѣ апостоловъ.* Пытливый и нѣсколько мечтательный духъ Владиміра Ивановича занятъ былъ на нѣкоторое время и спиритизмомъ, но это продолжалось недолго. Принявъ православіе, онъ отвергъ Сведенборга и успокоилъ пытливость своего духа въ ученіи и преданіяхъ восточной церкви. „Я всю жизнь искалъ истины и теперь нашелъ ее,“ говорилъ онъ, вступивъ въ ограду православія.

Осенью 1871 года съ Владиміромъ Ивановичемъ случился первый легкій ударъ, и первымъ его дѣломъ было пригласить глубоко уважаемаго имъ священника, отца Преображенскаго, для присоединенія къ нашей церкви и дарованія таинства св. причащенія по православному обряду. Удары повторялись одинъ за другимъ и послѣ каждаго онъ прибѣгалъ къ божественному таинству. Сентября 22го 1872 года онъ скончался

* Это переложеніе (въ рукописи) находится у М. П. Погодина. Кстати о Сведенборгѣ. Однажды, еще въ Нижнемъ, мы читали съ В. И. Далемъ *Arcana Coelestia* именно то мѣсто гдѣ Сведенборгъ говоритъ что онъ просилъ Бога дозволить ему заживо испытать все что испытываетъ человѣкъ при разлученіи души съ тѣломъ, и имѣлъ послѣ того видѣніе. Тогда я только-что знакомился еще съ ученіемъ Сведенборга. Упомянутая книга была для меня новостью. Когда мы прочли видѣніе, я съ удивленіемъ сказалъ: „Помилуйте, Владиміръ Ивановичъ, да вѣдь это наши Ѳеодорины мытарства, *Житіе Василія Новаго*, только внѣшнія формы нѣсколько не тѣ, а смыслъ тотъ же самый....“ Онъ отвѣчалъ: „Да вѣдь говорилъ же я вамъ что у Сведенборга ничего нѣтъ противнаго христіанству. А вы вотъ о чемъ подумайте: у католиковъ вмѣсто мытарствъ — чистилище, у протестантовъ нѣтъ чистилища, но нѣтъ и мытарствъ; православія Сведенборгъ не зналъ, онъ нигдѣ ни однимъ словомъ о немъ не коснулся, даже въ описаніи страшнаго суда, гдѣ говоритъ обо всѣхъ исповѣданіяхъ христіанскихъ и нехристіанскихъ. О народныхъ вѣрованіяхъ Русскаго народа, о *Житіи Василія Новаго*, никакого понятія онъ не имѣлъ, а написалъ то же или почти то же самое. И во всѣхъ его *арканахъ*, то-есть таинствахъ, меньше всего сообразнаго съ католическими и лютеранскими воззрѣнія, и больше всего съ православными преданіями. А православія, говорю, онъ не зналъ ни русскаго, ни византійскаго, не былъ знакомъ не только съ *Житіемъ Василія Новаго*, но даже и съ важнѣйшими писателями православной церкви, Василіемъ Великимъ, Григоріемъ Богословомъ и другими.“—„Что жъ изо всего этого?“ спросилъ я. „А то, отвѣчалъ онъ, что въ преданіяхъ вашей вѣры правды гораздо больше чѣмъ въ воззрѣніяхъ нашей.“ Это было сказано въ пору самаго сильнаго увлеченія его сведенборгизмомъ.

Итакъ скончалъ онъ жизнь свою въ русской церкви. А былъ ли Даль Русскимъ по духу, онъ—Датчанинъ по племени? Всегда, съ ранней молодости.

Лѣтъ пять тому назадъ, въ какомъ-то, не упомню, журналѣ, напечатано было о Славянахъ въ Даніи. Тамъ было упомянуто о Славянахъ Даляхъ. Надо было видѣть восторгъ Владиміра Ивановича при этомъ извѣстіи!

Около того же времени поднялся въ печати вопросъ о Нѣмцахъ прибалтійскаго края. Въ это время дерптскіе друзья Даля требовали отъ него категорическаго отвѣта кто онъ—Русскій или Нѣмецъ.

Вотъ что̀ писалъ онъ имъ: „Ни прозваніе, ни вѣроисповѣданіе, ни самая кровь предковъ не дѣлаютъ человѣка принадлежностью той или другой народности. Духъ, душа человѣка — вотъ гдѣ надо искать принадлежности его къ тому или другому народу. Чѣмъ же можно опредѣлить принадлежность духа? Конечно проявленіемъ духа — мыслію. Кто на какомъ языкѣ думаетъ, тотъ къ тому народу и принадлежитъ. Я думаю по-русски.“

Этимъ отъ души высказаннымъ признаніемъ кончу воспоминанія о дорогомъ моемъ учителѣ и руководителѣ на поприщѣ русской словесности, о русскомъ великомъ трудолюбцѣ, о русскомъ православномъ человѣкѣ, Владимірѣ Ивановичѣ Далѣ.

Вѣчная да будетъ ему память!

П. МЕЛЬНИКОВЪ.

НОВАЯ МАГДАЛИНА*

РОМАНЪ.

ВИЛЬКИ КОЛЛИНЗА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ГЛАВА XVI.

Встрѣчаются опять.

Мерси, погруженная въ свои мысли, не замѣчала ни движенія двери, ни голосовъ въ оранжереѣ.

Сознаніе страшной необходимости, пробуждавшееся въ душѣ ея время отъ времени въ теченіе послѣдней недѣли, мучило ее опять. Она обязана была открыть истину и возвратить должное Граціи Розберри. Чѣмъ долѣе она откладывала свое признаніе, тѣмъ болѣе жестоко обижала она женщину у которой отняла имя и положеніе въ свѣтѣ, безпріютную женщину не имѣвшую возможности представить свидѣтелей или бумаги которые доказали бы ея правоту. Но какъ ни горячо чувствовала это Мерси, у нея не хватило мужества чтобы преодолѣть ужасъ овладѣвавшій ею при мысли о предстоящемъ признаніи, и признаніе откладывалось со дня на день.

* См. *Русск. Вѣстн.* 1872, №№ 10, 11, 12 и 1873 № 2.

Что же мѣшало ей сознаться? Былъ ли то страхъ за самое себя?

Она содрогалась при одной мысли о возвращеніи въ міръ въ которомъ не было для нея ни убѣжища, ни надежды. Но этотъ страхъ она еще могла бы преодолѣть, она могла бы покориться этой участи.

Нѣтъ! Она молчала не изъ страха за послѣдствія своего признанія, она молчала потому что не могла заставить себя открыть Горацію и леди Дженетѣ что обманула ихъ любовь.

Леди Дженета становилась съ каждымъ днемъ все добрѣе и добрѣе съ ней. Горацій съ каждымъ днемъ привязывался къ ней все сильнѣе и сильнѣе. Какъ сказать Горацію, какъ сказать леди Дженетѣ что она недостойна ихъ любви.—Это выше моихъ силъ! Они такъ добры со мной,—это выше моихъ силъ!

Такъ кончалось ея колебаніе въ теченіе семи предшествовавшихъ дней, такъ кончилось оно и теперь.

Голоса на отдаленномъ концѣ оранжереи смолкли. Дверь начала опять отворяться чуть замѣтно.

Мерси сидѣла на своемъ мѣстѣ не замѣчая ничего. Мысли ея приняли новое направленіе. Она впервые рѣшилась взглянуть на будущее съ новой точки зрѣнія. Предположивъ что она сознается, или что женщина мѣсто которой она занимала найдетъ средство уличить ее, какую же пользу, спросила она себя, извлечетъ изъ этого миссъ Розберри?

Перенесетъ ли леди Дженета на свою настоящую родственницу любовь которою она удостоила свою мнимую родственницу? Нѣтъ. Настоящая Грація, при всѣхъ своихъ правахъ, не замѣнитъ ложную Грацію. Качества которыми Мерси заслужила любовь леди Дженеты были качествами принадлежавшими Мерси. Леди Дженета умѣла отдавать каждому должное, но сердце свое она не отдастъ вторично незнакомой женщинѣ. Грація Розберри будетъ формально признана ея родственницей, и только.

Давала ли надежду эта новая точка зрѣнія?

— Да, она давала ложную надежду на возможность загладить вину не открывая истины. Чего лишилась Грація вслѣдствіе поступка Мерси? Она лишилась жалованья компаньйонки и лектрисы леди Дженеты. Если она нуждается въ деньгахъ, Мерси будетъ отдавать ей свои сбереженія отъ щедрыхъ подарковъ леди Дженеты. Если она нуждается въ занятіи, Мер-

си доставить ей и занятіе, словомъ, Мерси сдѣлаетъ для нея все чего она ни потребуетъ, лишь бы она пошла на соглашеніе.

Ободренная этою новою надеждой и утомленная бездѣйствіемъ въ пустой комнатѣ, Мерси встала. За нѣсколько минутъ предъ тѣмъ она содрогалась при одной мысли о встрѣчѣ съ Граціей; теперь она ничего такъ не желала какъ найти средство повидаться съ Граціей тайно, повидаться немедленно, въ этотъ же день если возможно. Придумывая какъ бы это сдѣлать, она безсознательно оглянула комнату. Глаза ея случайно остановились на двери билліардной.

Показалось ли это ей, или дверь дѣйствительно сначала немного подалась впередъ, потомъ тихо затворилась?

Показалось ли это ей, или она дѣйствительно слышала въ ту же минуту голоса въ оранжереѣ?

Она остановилась и стала прислушиваться. Говоръ смолкъ, если это былъ дѣйствительно говоръ. Она подошла къ двери, чтобы разрѣшить свое первое сомнѣніе, протянула руку къ замку, но въ это мгновеніе голоса въ оранжереѣ (въ которыхъ можно было теперь ясно узнать два мужскіе голоса) послышались опять.

Въ этотъ разъ она разслышала даже сказанныя слова.

— Не будетъ ли еще какихъ-нибудь приказаній, сударь? спросилъ одинъ изъ мущинъ.

— Ничего болѣе, отвѣчалъ другой.

Услышавъ второй голосъ, Мерси вздрогнула и слегка покраснѣла. Она остановилась въ нерѣшимости возлѣ двери билліардной.

Нѣсколько мгновеній спустя второй голосъ послышался ближе къ столовой.—Вы здѣсь, тетушка? спросилъ онъ осторожно. Съ минуту длилось молчаніе, потомъ голосъ послышался опять у самаго входа въ столовую.

— Тетушка, вы здѣсь? повторилъ онъ.—Я имѣю нѣчто сказать вамъ.

Мерси собралась съ духомъ и отвѣчала:—Леди Дженеты здѣсь нѣтъ. Съ этими словами она повернулась къ оранжереѣ и увидала предъ собой Юліана Грея.

Они остановились другъ предъ другомъ молча. Положеніе, по совершенно различнымъ причинамъ, было одинаково затруднительно для обоихъ.

Предъ Юліаномъ стояла женщина которую онъ долженъ былъ избѣгать, женщина—которую онъ любилъ.

Предъ Мерси стоялъ человѣкъ котораго она боялась, поступки котораго (съ ея точки зрѣнія) доказывали что онъ подозрѣваетъ ее.

По внѣшности обстоятельства сопровождавшія ихъ первую встрѣчу повторились теперь точь-въ-точь, съ тою только разницей, что желаніе скрыться обнаруживалось теперь со стороны мущины, а не со стороны женщины. Мерси заговорила первая.

— Вы ожидали встрѣтить здѣсь леди Дженету? спросила она одержанно.

Онъ, съ своей стороны, отвѣчалъ еще сдержаннѣе.

— Все равно, сказалъ онъ,—я приду въ другой разъ.

Съ этими словами онъ сдѣлалъ шагъ назадъ. Она подвинулась впередъ, со смѣлымъ намѣреніемъ заговорить съ нимъ, чтобъ удержать его.

Его желаніе удалиться, сдержанность его отвѣта подтвердили ея ложное подозрѣніе что онъ, одинъ онъ, понялъ истину. Если она угадала, если онъ за границей сдѣлалъ открытія вслѣдствіе которыхъ судьба ея теперь въ его рукахъ, попытка соглашенія съ Граціей будетъ безполезна. Первою и главною необходимостью теперь было узнать на какомъ счету она у этого человѣка. Чтобы рѣшить свое страшное сомнѣніе обдававшее ее холодомъ съ головы до ногъ, она остановила его въ ту минуту когда онъ готовъ былъ выйти и заговорила съ нимъ съ жалкимъ подобіемъ улыбки на лицѣ.

— Леди Дженета занята съ гостями, сказала она.—Не угодно ли вамъ подождать здѣсь? Она скоро вернется.

Старанье скрыть отъ него свое волненіе вызвало мимолетный румянецъ на ея щеки. Какъ ни измѣнилась она въ послѣднее время, но обаяніе ея красоты было еще настолько сильно чтобъ удержать его вопреки его воли. Все что̀ онъ хотѣлъ сказать леди Дженетѣ было то что въ оранжереѣ онъ встрѣтилъ одного изъ садовниковъ и предупредилъ его также какъ и привратника. Это можно было написать, и уходя изъ дома послать записку теткѣ. Ради своего собственнаго спокойствія, ради Горація, онъ былъ вдвойнѣ обязанъ воспользоваться первымъ предлогомъ какой пришелъ бы ему въ голову и уйти отъ Мерси. Онъ сдѣлалъ попытку и поколебался. Презирая себя за свое малодушіе, онъ позволилъ себѣ взглянуть

на нее. Глаза ихъ встрѣтились. Юліанъ вошелъ въ столовую.

— Если мое присутствіе не помѣшаетъ вамъ, сказалъ онъ въ замѣшательствѣ,—я воспользуюсь вашимъ позволеніемъ и подожду здѣсь.

Она замѣтила его замѣшательство, замѣтила и то что онъ старался не глядѣть на нее. Глаза ея опустились, сердце забилось сильнѣе.

„Если я взгляну на него еще разъ", думала она, „я упаду къ его ногамъ и сознаюсь ему во всемъ что̀ я сдѣлала."

„Если я взгляну на нее еще разъ", думалъ онъ, „я упаду къ ея ногамъ и сознаюсь ей что люблю ее."

Съ опущенными глазами онъ поставилъ ей стулъ. Съ опущенными глазами она поклонилась ему и сѣла. Никогда между людьми не было болѣе полнаго недоразумѣнія какъ теперь между этими двумя.

Рабочая корзинка стояла возлѣ Мерси. Она взяла ее и принялась разбирать цвѣтную шерсть, чтобы выиграть время и собраться съ духомъ. Онъ стоялъ за ея стуломъ, глядя на красивый оборотъ ея головы, на пышную массу ея волосъ. Онъ сознавалъ что оставаясь съ ней поступаетъ какъ малодушный человѣкъ, какъ лживый другъ, и тѣмъ не менѣе остался съ ней.

Молчаніе продолжалось. Дверь билліардной опять беззвучно отворилась, и въ отверстіи показалось внимательное женское лицо.

Въ ту же самую минуту Мерси собралась съ духомъ и рѣшилась заговорить.—Не хотите ли сѣсть? предложила она, все еще не глядя на него, все еще занятая разборкой шерсти.

Онъ повернулся чтобы взять стулъ, повернулся такъ быстро что видѣлъ движеніе двери притворенной Граціей Розберри.

— Развѣ въ той комнатѣ кто-нибудь есть? спросилъ онъ.

— Не знаю, отвѣчала Мерси.—Нѣсколько времени тому назадъ мнѣ показалось что дверь тихо отворилась и тотчасъ же затворилась опять.

Юліанъ пошелъ къ двери билліардной. Въ эту же минуту Мерси уронила одинъ изъ своихъ клубковъ. Онъ вернулся чтобы поднять его, потомъ подошелъ къ двери и растворилъ ее. Въ билліардной не оказалось никого.

Не подслушивалъ ли кто-нибудь, и не успѣлъ ли подслушивавшій скрыться? Въ отворенную дверь курильной комнаты

видно было что и эта комната пуста. Третья дверь, дверь прихожей выходившей на дворъ, была также отворена. Юліанъ затворилъ и заперъ ее и вернулся въ столовую.

— Остается только предположить, сказалъ онъ обращаясь къ Мерси,—что дверь билліардной была не плотно притворена, и что порывъ вѣтра изъ прихожей шевельнулъ ее.

Мерси приняла молча объясненіе, которымъ онъ самъ повидимому былъ не вполнѣ доволенъ. Съ минуту онъ съ безпокойствомъ оглядывалъ комнату, потомъ прежнее очарованіе овладѣло имъ опять. Онъ взглянулъ на красивый поворотъ ея головы, на пышную массу ея волосъ. Она все еще не находила въ себѣ мужества предложить ему критическій вопросъ. Она казалась слишкомъ занятою своею работой чтобы взглянуть на него, чтобы заговорить съ нимъ. Молчаніе стало невыносимо. Онъ прервалъ его избитымъ вопросомъ о здоровьи.

— Я чувствую себя настолько хорошо чтобы стыдиться за безпокойство которое я причинила окружающимъ, отвѣчала она.—Сегодня я сошла внизъ въ первый разъ, и вотъ стараюсь развлечься работой.

Она взглянула на корзинку. Разноцвѣтная шерсть была частью въ клубкахъ, частью въ распущенныхъ моткахъ.—Вотъ путаница-то! воскликнула Мерси съ робкою улыбкой.—Какъ мнѣ привести это въ порядокъ?

— Я помогу вамъ если позволите, предложилъ Юліанъ.

— Вы!

— Почему же нѣтъ? спросилъ онъ съ минутною вспышкой своего веселаго юмора.—Вы забываете что я священникъ. Священники пользуются привилегіей оказывать услуги молодымъ женщинамъ. Позвольте мнѣ попробовать.

Онъ поставилъ предъ ней стулъ, сѣлъ и взялъ одинъ изъ спутанныхъ мотковъ. Минуту спустя шерсть была растянута на его рукахъ, и конецъ освобожденъ для сматыванія. Въ этомъ незначительномъ, мирномъ занятіи было что-то успокоительное, и страхъ Мерси значительно ослабѣлъ. Она начала сматывать шерсть съ его рукъ въ клубокъ и за этимъ занятіемъ произнесла смѣлыя слова которыя должны были заставить его высказать мало-по-малу свои подозрѣнія, если онъ дѣйствительно подозрѣвалъ истину.

ГЛАВА XVII.

Ангелъ хранитель.

— Вы, кажется, были здѣсь, когда со мной сдѣлался обморокъ? начала она.—Какою трусихой должна я была показаться вамъ!

Онъ покачалъ головой.—Я не считаю васъ трусихой, возразилъ онъ.—Никакое мужество не устояло бы противъ страшной неожиданности поразившей васъ. Я не удивляюсь что вы упали въ обморокъ и не удивляюсь что вы были больны.

Руки ея опустились. Чтò значитъ эта неожиданная симпатія? Не ставитъ ли онъ ей какую-нибудь ловушку? Подъ вліяніемъ этого страшнаго сомнѣнія, она начала разсматривать его смѣлѣе.

— Горацій говорилъ мнѣ что вы были за границей, продолжала она.—Весело провели вы тамъ время?

— Я ѣздилъ не для развлеченія, отвѣчалъ онъ.—Я предпринялъ эту поѣзку съ цѣлью навести нѣкоторыя справки....

Онъ замолчалъ, не желая возобновлять тяжелый для нея разговоръ.

Голосъ ея упалъ, пальцы задрожали вокругъ клубка шерсти, но она собралась съ духомъ и продолжала свои разспросы:

— Достигли вы какихъ-нибудь результатовъ?

— Нѣтъ, я не достигъ никакихъ результатовъ о которыхъ стоило бы говорить.

Осторожность этого отвѣта подтверждала ея худшія опасенія. Не видя другаго средства заставить его высказаться, она рѣшилась предложить ему прямой вопросъ.

— Я хочу знать ваше мнѣніе, начала она.

— Осторожнѣе, перебилъ Юліанъ.—Вы путаете шерсть.

— Я хочу знать ваше мнѣніе объ особѣ которая такъ напугала меня.—Считаете ли вы ее....

— Считаю ли я ее? Чтò вы хотѣли сказать?

— Считаете ли вы ее авантюристкой?

(Въ ту самую минуту когда она произносила эти слова, вѣтви одного изъ кустовъ въ оранжереѣ были бѣзшумно раздвинуты рукою въ черной перчаткѣ, и за зеленью листьевъ показалось лицо Граціи Розберри. Она успѣла скрыться

незамѣченная изъ билліардной и пробралась въ оранжерею, какъ въ мѣсто болѣе безопасное. Помѣстившись за кустомъ она могла и видѣть и слышать все что происходило въ столовой.)

— Я смотрю съ болѣе снисходительной точки зрѣнія, отвѣчалъ Юліанъ.—Я думаю что она поступаетъ подъ вліяніемъ заблужденія, и я не осуждаю ее, а жалѣю.

— Вы жалѣете ее, повторила Мерси, смотавъ послѣдній кругъ шерсти съ рукъ Юліана и бросивъ клубокъ въ корзинку.— Не хотите ли вы сказать этимъ, спросила она рѣзко,—что вы вѣрите ей?

Юліанъ всталъ съ своего мѣста и устремилъ не нее удивленный взглядъ.

— Богъ съ вами, миссъ Розберри! Какъ могла придти вамъ въ голову такая мысль?

— Вы меня совсѣмъ не знаете, возразила она, пытаясь говорить шутливымъ тономъ.—Съ ней вы встрѣтились прежде чѣмъ со мной, вы жалѣете ее, а отъ сожалѣнія до убѣжденія въ ея правотѣ не такъ далеко. Могла ли я быть увѣрена что вы не подозрѣваете меня!

— Подозрѣвать *васъ!* воскликнулъ онъ.—Вы не знаете какъ вы огорчаете, какъ вы поражаете меня. Подозрѣвать *васъ!* У меня этого и въ мысляхъ никогда не было. Нѣтъ въ мірѣ человѣка который былъ бы такъ безгранично увѣренъ въ васъ какъ увѣренъ я.

Его глаза, его голосъ, его манеры, все доказывало что онъ говорилъ отъ чистаго сердца. Она сравнила его благородную увѣренность въ ней (увѣренность которой она была недостойна) съ своею недовѣрчивостью къ нему. Она была виновата не только противъ Граціи Розберри, она была виновата и противъ Юліана Грея. Могла ли она обманывать его также какъ обманывала другихъ? Могла ли она принять его безграничное довѣріе къ себѣ? Никогда не чувствовала она такого отвращенія къ самоуниженіямъ, которыя были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ея ложнаго положенія, какъ въ эту минуту. Въ негодованіи на самое себя и не смѣя взглянуть на него, она молча отвернулась. Онъ замѣтилъ это движеніе и объяснилъ его по своему. Приблизясь къ ней, онъ тревожно спросилъ ее:—Не оскорбилъ ли я васъ?

— Вы не знаете какъ ваше довѣріе трогаетъ меня, сказала она не поднимая на него глазъ. — Вы не знаете какъ я благодарю васъ за вашу доброту.

Она внезапно поколебалась. Ея тонкій тактъ подсказалъ ей что она заговорила съ излишнимъ жаромъ, что выраженіе ея благодарности можетъ показаться ему преувеличеннымъ. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ сказать слово, она протянула ему свою корзинку.

— Потрудитесь поставить ее на столъ, сказала она.—Я сегодня чувствую себя неспособною работать.

Онъ долженъ былъ на минуту повернуться къ ней спиной, чтобъ отнести корзинку на столъ. Въ эту минуту мысли ея перелетѣли мгновенно отъ настоящаго къ будущему. Что̀ если Грація представитъ когда-нибудь доказательства своей правоты и покажетъ ему ложную Грацію въ настоящемъ свѣтѣ? Какъ взглянетъ онъ на ея поступокъ? Нельзя ли узнать это не выдавъ себя? Она рѣшилась попробовать.

— Дѣти становятся неотвязчивыми если разъ отвѣтить на ихъ вопросъ, и женщины въ этомъ отношеніи похожи на дѣтей, сказала она, когда онъ вернулся къ ней.—Выдержитъ ли ваше терпѣніе если я возвращусь опять къ особѣ о которой мы только-что говорили?

— Попробуйте, отвѣчалъ онъ съ улыбкой.

— Что̀ еслибы вы не смотрѣли на нее съ вашей снисходительной точки зрѣнія, еслибы вы были увѣрены что она обманываетъ васъ и другихъ съ какою-нибудь низкою цѣлью? Вы отвернулись бы отъ нея съ ужасомъ и отвращеніемъ?

— Избави Богъ чтобъ я когда-нибудь отвернулся отъ какого бы то ни было человѣка, отвѣчалъ онъ съ жаромъ.—Кто изъ насъ имѣетъ на это право?

Она едва смѣла вѣрить своимъ ушамъ.

— Вы стали бы попрежнему жалѣть ея и сочувствовать ей?

— Всѣмъ сердцемъ.

— О, какъ вы добры!

Онъ поднялъ руку въ знакъ предостереженія. Тонъ ея голоса сталъ мягче; блескъ его глазъ усилился. Она затронула вѣру которою онъ жилъ, убѣжденія которыя руководили его скромною, благородною жизнью.

— Нѣтъ, воскликнулъ онъ,—не говорите этого! Скажите что я стараюсь любить моего ближняго какъ самого себя. Кто кромѣ фарисея можетъ считать себя лучше другихъ? Худшій изъ насъ можетъ стать завтра же лучшимъ. Истинная христіанская добродѣтель есть вѣра въ своего ближняго. Истинный христіанинъ долженъ вѣрить въ человѣка какъ вѣритъ въ

Бога. Какъ бы низко ни палъ человѣкъ, онъ имѣетъ всегда возможность подняться на крыльяхъ раскаянія съ земли на небо. Человѣчность священна. Человѣчность имѣетъ свое безсмертное назначеніе. Кто смѣетъ сказать грѣшнику: „Для тебя нѣтъ надежды?“ Кто осмѣлится сказать о какомъ бы то ни было человѣкѣ что въ немъ нѣтъ ничего хорошаго, когда этотъ человѣкъ вышелъ изъ рукъ Создателя?

Онъ на минуту отвернулся, стараясь пересилить свое волненіе.

Ея глаза, слѣдившіе за нимъ, блеснули минутнымъ энтузіазмомъ, и опустились опять съ утомленіемъ. О, еслибъ онъ былъ съ ней и могъ дать ей совѣтъ въ роковой день когда она впервые направила свои стопы къ Мабльторпъ-Гаусу! Она горько вздохнула. Онъ услыхалъ вздохъ, и повернувшись къ ней, взглянулъ на нее съ новымъ интересомъ въ лицѣ.

— Миссъ Розберри, сказалъ онъ.

Она была такъ занята своими горькими воспоминаніями что не слыхала его обращенія.

— Миссъ Розберри! повторилъ онъ приближаясь къ ней.

Она вздрогнула и подняла глаза.

— Позволите ли вы мнѣ предложить вамъ одинъ вопросъ? сказалъ онъ.

Слова его испугали ее.

— Не подумайте что я спрашиваю ихъ изъ пустаго любопытства, продолжалъ онъ,—и не отвѣчайте мнѣ если вашъ отвѣтъ былъ бы измѣной чужой тайнѣ.

— Тайна! повторила она.—О какой тайнѣ говорите вы?

— Мнѣ сейчасъ пришло въ голову не имѣетъ ли для васъ вопросъ который вы сейчасъ мнѣ предложили какого-нибудь интереса, отвѣчалъ онъ.—Не думали ли вы о какой-нибудь несчастной женщинѣ,—не объ особѣ которая испугала васъ, конечно,—но о какой-нибудь другой женщинѣ которую вы знаете.

Голова ея медленно опустилась на грудь. Онъ очевидно не подозрѣвалъ что она говорила о себѣ: его голосъ и манеры свидѣтельствовали что его увѣренность въ ней была такъ же тверда какъ всегда. Но его послѣднія слова тѣмъ не менѣе привели ее въ ужасъ. У ней не хватило духу отвѣчать ему.

Онъ принялъ наклоненіе ея головы за утвердительный отвѣтъ.

— Вы принимаете участіе въ ней? спросилъ онъ.

Въ этотъ разъ она отвѣтила едва слышно:

— Да.

— Ободрили вы ее?

— Я не рѣшалась ободрить ее.

Лицо его внезапно оживилось.—Идите къ ней, сказалъ онъ.—Идите къ ней и позвольте мнѣ идти съ вами чтобъ утѣшить и ободрить ее.

— Для нея утѣшеніе уже невозможно, она пала слишкомъ низко, отвѣчала Мерси тихо и угрюмо.

— Что̀ же такое она сдѣлала?

— Она низко обманула честныхъ людей которые довѣрились ей. Она жестоко повредила другой женщинѣ.

Юліанъ сѣлъ въ первый разъ рядомъ съ ней. Интересъ одушевлявшій его теперь былъ выше упрековъ. Онъ могъ говорить съ Мерси не сдерживая себя, могъ смотрѣть на нее съ чистымъ сердцемъ.

— Вы судите ее слишкомъ строго, сказалъ онъ.—Знаете ли вы что̀ она выстрадала прежде чѣмъ поддалась искушенію?

Мерси промолчала.

— Скажите мнѣ, продолжалъ онъ,—жива ли та особа которой она повредила?

— Жива.

— Если такъ, то ваша знакомая еще можетъ искупить свою вину. Придетъ еще можетъ-быть время когда эта грѣшница заслужитъ наше прощеніе и уваженіе.

— Неужели вы могли бы уважать ее? грустно спросила Мерси.—Можетъ ли такая душа какъ ваша понять что̀ она перечувствовала?

Добрая и мимолетная улыбка оживила его внимательное лицо.

— Вы забываете мою печальную опытность, отвѣчалъ онъ.— Какъ я ни молодъ, но я встрѣчалъ не мало женщинъ грѣшившихъ и страдавшихъ. Даже по тому немногому что̀ вы разказали мнѣ я могу понять что̀ должна была перечувствовать эта женщина. Я понимаю, напримѣръ, что искушеніе ея было сильнѣе человѣческаго сопротивленія. Правъ я?

— Да.

— Она не имѣла можетъ-быть въ это время никого кто могъ бы дать ей совѣтъ, предостеречь и спасти ее. Правда?

— Правда.

— Искушаемая и одинокая, предоставленная самой себѣ, эта женщина могла рѣшиться мгновенно на поступокъ который теперь грустно оплакиваетъ. Она можетъ-быть всею душой готова искупить свою вину и не знаетъ какъ это сдѣлать. Вся ея энергія парализована отчаяніемъ и ужасомъ къ самой себѣ, чувствами которыя ведутъ къ самому горячему раскаянію. Неужели въ такой женщинѣ нѣтъ ничего кромѣ низости и порочности? Я этого не думаю. Очень можетъ быть что она женщина съ благородною душой и благородно докажетъ это. Дайте ей только возможность, и можетъ-быть наша бѣдная грѣшница займетъ мѣсто между лучшими изъ насъ и сдѣлается уважаемою, безупречною и счастливою женщиной.

Глаза Мерси, внимательно устремленные на него пока онъ говорилъ, опустились въ смущеніи, когда онъ кончилъ.

— Такая будущность, сказала она,—невозможна для особы о которой я думаю. Она уже упустила возможность искупить свою вину, для нея уже нѣтъ надежды.

Юліанъ подумалъ съ минуту.

— Мы должны понять другъ друга, сказалъ онъ.—Она совершила обманъ во вредъ другой женщинѣ. Такъ ли я понялъ васъ?

— Да.

— И этимъ поступкомъ принесла пользу себѣ?

— Да.

— Угрожаетъ ли ей обнаруженіе обмана?

— Нѣтъ, она въ безопасности,—въ настоящее время по крайней мѣрѣ.

— Въ безопасности пока сама не сознается?

— Пока сама не сознается.

— Вотъ ей средство искупить ея вину! воскликнулъ Юліанъ.—Ея будущность предъ ней. Надежда еще не потеряна.

Со сжатыми руками и едва переводя духъ отъ волненія, смотрѣла Мерси на его вдохновенное лицо и слушала его утѣшительныя слова.

— Объяснитесь, сказала она.—Научите ее черезъ меня какъ она должна поступить.

— Пусть она сознается въ своей винѣ пока ей не угрожаетъ обнаруженіе обмана, отвѣчалъ Юліанъ.—Пусть она отдастъ должное женщинѣ которую обидѣла, пока эта женщина еще не въ состояніи уличить ее. Пусть она пожертвуетъ всѣмъ что̀ пріобрѣла обманомъ священной обязанности искупленія

своей вины. Если она въ силахъ сдѣлать это для успокоенія своей совѣти и изъ состраданія къ обиженной, сдѣлать къ своему стыду и къ своей погибели, то она женщина съ благородною душой, женщина достойная довѣрія, любви и уваженія. И еслибъ я увидалъ что фарисеи и фанатики нашего міра отворачиваются отъ нея съ презрѣніемъ, я протянулъ бы ей руку въ присутствіи ихъ всѣхъ. Я сказалъ бы ей: возстань бѣдная, оскорбленная душа, ангелы небесные радуются надъ тобой! Займи свое мѣсто между благородными созданіями Божіими.

Въ послѣднихъ словахъ онъ безсознательно повторилъ то что сказалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ церкви Пріюта. Съ удесятеренною силой и убѣдительностью подѣйствовали они теперь на Мерси. Тихая, внезапная загадочная перемѣна произошла въ ней. Ея взволнованное лицо было прекрасно. Выраженіе страха и неувѣренности въ ея большихъ сѣрыхъ глазахъ замѣнилось спокойнымъ внутреннимъ сіяніемъ, великодушною и твердою рѣшимостью.

Съ минуту длилось молчаніе. Оно было необходимо имъ обоимъ. Юліанъ первый заговорилъ опять.

— Убѣдилъ ли я васъ, спросилъ онъ,—что она еще можетъ спастись, что для нея надежда еще не потеряна?

— Вы убѣдили меня что она не имѣетъ болѣе искренняго друга чѣмъ вы, отвѣчала Мерси съ тихою благодарностью въ голосѣ.—Она покажетъ себя достойною вашего благороднаго довѣрія, она докажетъ вамъ что вы говорите не напрасно.

Все еще не понимая ея, онъ направился къ двери.

— Не теряйте драгоцѣннаго времени, сказалъ онъ.—Не оставляйте ее въ одиночествѣ. Если вы не пойдете къ ней сами, то позвольте мнѣ сходить къ ней отъ вашего имени.

Она сдѣлала ему знакъ остаться. Онъ сдѣлалъ шагъ назадъ и остановился въ удивленіи, видя что она не намѣревается встать съ мѣста.

— Останьтесь здѣсь, сказала она ему внезапно измѣнившимся тономъ.

— Извините, возразилъ онъ,—я васъ не понимаю.

— Сейчасъ поймете, дайте мнѣ собраться съ духомъ.

Онъ остался у двери, смотря на Мерси вопросительнымъ взглядомъ. Человѣкъ съ менѣе благородною душой или не до такой степени увѣренный въ ней какъ онъ былъ увѣренъ въ

эту минуту заподозрилъ бы ея тайну. Юліанъ былъ все еще такъ же далекъ отъ подозрѣнія какъ и всегда.

— Не желаете ли вы остаться однѣ? спросилъ онъ.—Не уйти ли мнѣ на время?

Она взглянула на него съ испугомъ.—Уйти отъ меня? повторила она, и внезапно смолкла, не договоривъ того что̀ хотѣла сказать. Они находились на разстояніи половины комнаты другъ отъ друга. Слова которыя она намѣревалась сказать не выговаривались безъ поощренія съ его стороны.—Нѣтъ, воскликнула она внезапно,—не покидайте меня.... Подойдите ко мнѣ.

Онъ молча повиновался. Молча, съ своей стороны, она указала ему на стулъ возлѣ нея. Юліанъ сѣлъ. Она посмотрѣла на него и поколебалась опять. Съ твердою рѣшимостью сознаться ему не знала какъ начать. Женскій инстинктъ подсказалъ ей: „ищи одобренія въ его прикосновеніи“, и она сказала ему просто и безыскусственно: „ободрите меня. Дайте мнѣ вашу руку“. Онъ не отвѣчалъ ей ни словомъ, ни движеніемъ. Его умъ былъ очевидно занятъ чѣмъ-то другимъ, его глаза смотрѣли на нее задумчиво. Онъ былъ готовъ отгадать ея тайну, и въ слѣдующую минуту отгадалъ бы ее, но Мерси, такъ же невинно какъ сдѣлала бы это его сестра, взяла его руку. Нѣжное соприкосновеніе ея пальцевъ пробудило его чувства, разожгло его страсть, заглушило чистое стремленіе оживлявшее его за минуту, парализовало его соображенія, когда онъ уже готовъ былъ понять причину перемѣны въ ея обращеніи и смыслъ ея странныхъ словъ. Все что̀ было въ немъ человѣческаго содрогнулось подъ обаяніемъ ея прикосновенія. Но мысль о Гораціи сдержала его: рука его лежала пассивно въ ея рукѣ; глаза его смотрѣли безпокойно въ сторону.

Не подозрѣвая его чувствъ, она сжала его руку сильнѣе и сказала ему:—Не отворачивайтесь отъ меня. Вашъ взглядъ ободряетъ меня.

Его рука отвѣтила на ея пожатіе. Онъ отдался вполнѣ наслажденію смотрѣть на нее. Она лишила его послѣдняго самообладанія. Еслибъ она не заговорила въ эту минуту, онъ произнесъ бы слова въ которыхъ сталъ бы каяться всю жизнь.

— Я должна сказать вамъ болѣе, несравненно болѣе того что̀ сказала до сихъ поръ, начала она.—Великодушный, сострадательный другъ, позвольте мнѣ сказать это здѣсь.

Она попыталась броситься на колѣни къ его ногамъ. Онъ вскочилъ съ мѣста и удержалъ ее, приподнимая ее по мѣрѣ того какъ приподнимался самъ. Слова только-что вырвавшіяся у нея, поразительное движеніе сопровождавшее ихъ объяснили ему истину. Виновная женщина о которой она говорила была она сама.

Въ ту минуту когда она была въ его объятіяхъ, когда ея грудь почти прикасалась къ его груди, дверь библіотеки отворилась.

Въ комнату вошла леди Дженета Рой.

ГЛАВА XVIII.

Поиски вокругъ дома.

Грація Розберри, все еще слушавшая въ оранжереѣ, видѣла какъ дверь отворилась и узнала хозяйку дома. Она прокралась подальше и спряталась въ такомъ мѣстѣ которое не было видно изъ столовой.

Леди Дженета не пошла дальше порога. Она остановилась и окинула строгимъ взглядомъ племянника и свою пріемную дочь.

Мерси опустилась на ближайшій стулъ. Юліанъ остался возлѣ нея. Онъ все еще не могъ опомниться отъ внезапнаго открытія, все еще не могъ оторвать отъ Мерси испуганно-вопросительнаго взгляда.

Леди Дженета заговорила первая. Она обратилась къ племяннику.

— Вы были правы, мистеръ Юліанъ Грей, сказала она самымъ укоризненнымъ тономъ къ какому только была способна.—Я должна была принять мѣры чтобы вы, возвратясь сюда, не застали здѣсь никого кромѣ меня. Я не задерживаю васъ. Можете уйти изъ моего дома.

Юліанъ оглянулся на тетку. Она указывала на дверь. При его возбужденномъ состояніи духа, это движеніе задѣло его за живое. Онъ отвѣчалъ безъ своего обычнаго почтенія къ лѣтамъ своей тетки и къ ея положенію относительно его.

— Вы кажется забыли, леди Дженета, что я не одинъ изъ вашихъ лакеевъ. Я имѣю серіозныя причины, о которыхъ вы ничего не знаете, оставаться еще въ вашемъ домѣ. Можете быть увѣрены что я не буду пользоваться вашимъ гостепріимствомъ ни одной лишней минуты.

Съ послѣдними словами онъ повернулся опять къ Мерси. Глаза ихъ встрѣтились. Ея робкій взглядъ мгновенно укротилъ бушевавшія въ немъ чувства. Участіе къ ней переполнило его сердце. Теперь, и только теперь, понялъ онъ вполнѣ какъ она страдала. Состраданіе и довѣріе съ которыми онъ отнесся къ неназванной женщинѣ о которой она говорила стали вдесятеро сильнѣе когда онъ узналъ что эта женщина она сама. Онъ обратился опять къ теткѣ и прибавилъ болѣе мягкимъ тономъ:

— Эта молодая особа имѣетъ сообщить мнѣ нѣчто наединѣ и по этой причинѣ я не могу уйти изъ вашего дома немедленно.

Леди Дженета, все еще находившаяся подъ впечатлѣніемъ того чтò застала войдя въ комнату, взглянула на племянника съ сердитымъ изумленіемъ. Неужели Юліанъ игнорируетъ права Горація Гольмкрофта въ присутствіи невѣсты Горація Гольмкрофта? Она обратилась къ своей пріемной дочери.

— Грація! воскликнула она,—слышали вы чтò онъ сказалъ? Чтò же вы молчите? должна ли я напомнить вамъ....

Она остановилась. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ онѣ жили вмѣстѣ, леди Дженета замѣтила что Мерси не слушаетъ ея. Мерси неспособна была слушать. Она увидала по глазамъ Юліана что онъ понялъ ее наконецъ.

Леди Дженета повернулась опять къ племяннику и обратилась къ нему съ такими жестокими словами какихъ еще никогда не слыхалъ отъ нея сынъ ея любимой сестры.

— Если въ васъ есть хоть малѣйшее чувство благопристойности, я не говорю уже о чести, вы уйдете изъ моего дома немедленно, и этимъ окончится ваше знакомство съ этою молодою особой. Избавьте меня отъ протестовъ и извиненій. Я понимаю чтò значитъ то чтò видѣла отворивъ эту дверь.

— Вы поняли совершенно превратно то чтò вы видѣли отворивъ эту дверь, спокойно возразилъ Юліанъ.

— Можетъ-быть я поняла превратно и признаніе которое слышала отъ васъ часъ тому назадъ, отпарировала леди Дженета.

Юліанъ бросилъ испуганный взглядъ на Мерси и подошелъ къ теткѣ.

— Ни слова объ этомъ, сказалъ онъ ей шепотомъ.—Она можетъ услышать.

— Вы хотите сказать что она не знаетъ о вашей любви къ ней?

— Нѣтъ, благодаря Бога она не подозрѣваетъ о ней.

Въ искренности этого отвѣта не могло быть сомнѣнія. Тонъ его голоса доказывалъ его невинность, такъ какъ никакія слова не доказали бы ее. Леди Дженета отступила въ невыразимомъ изумленіи, не зная какъ поступить и что̀ сказать.

Наступившее молчаніе было прервано стукомъ въ дверь библіотеки. Вошелъ слуга съ новостью, и съ дурною новостью, какъ это было видно по его смущенному лицу.

Леди Дженета была такъ раздражена что появленіе слуги показалось ей дерзостью съ его стороны.

— Кто васъ звалъ? спросила она рѣзко. — Какъ вы осмѣлились прервать насъ?

Слуга извинился и смутился еще болѣе.

— Прошу прощенія, миледи. Я осмѣлился... мнѣ нужно было поговорить съ мистеромъ Юліаномъ Греемъ.

— Что̀ такое? спросилъ Юліанъ.

Слуга взглянулъ робко на леди Дженету, поколебался, и посмотрѣлъ на дверь, какъ бы порываясь выйти.

— Не знаю, сударь, можно ли сказать это въ присутствіи леди Дженеты.

Леди Дженета тотчасъ же поняла причину смущенія своего слуги.

— Я знаю въ чемъ дѣло, сказала она. — Ужасная женщина проникла сюда опять. Да или нѣтъ?

Глаза слуги обратились за совѣтомъ къ Юліану.

— Да или нѣтъ? повторила леди Дженета повелительно.

— Точно такъ, миледи, отвѣчалъ слуга.

Дальнѣйшіе разспросы Юліанъ взялъ на себя.

— Гдѣ она? началъ онъ.

— По всей вѣроятности гдѣ-нибудь возлѣ дома, сударь.

— Вы ее видѣли?

— Нѣтъ, сударь.

— Кто же ее видѣлъ?

— Жена привратника.

Послѣдній отвѣтъ смутилъ Юліана. Жена привратника слышала наставленія которыя онъ далъ ея мужу и не могла принять какую-нибудь другую женщину за Грацію.

— Давно ли это было? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не такъ давно, сударь.

— Определите точнѣе. Въ какое именно время?

— Этого я не знаю, сударь.

— Говорила жена превратника съ этою особой?

— Нѣтъ, ей не удалось логоворить съ ней, сколько я понялъ. Жена привратника очень полная женщина. Молодая особа ее замѣтила и убѣжала.

— Въ какой сторонѣ дома видѣли ее?

Слуга указалъ по направленію къ боковой прихожей.

— Въ этой сторонѣ, сударь. Или въ цвѣтникѣ, или въ разсадникѣ, но навѣрное не знаю.

Юліанъ убѣдился что свѣдѣнія слуги были слишкомъ поверхностны чтобы принести пользу и спросилъ въ домѣ ли жена привратника.

— Нѣтъ, сударь. Мужъ ея ищетъ вокругъ дома, а она стережетъ ворота. Они прислали сюда своего мальчика и, насколько я его понялъ, они были бы вамъ очень благодарны еслибы вы дали имъ какой-нибудь совѣтъ.

Изъ всего видѣннаго и слышаннаго Юліанъ вывелъ заключеніе что пріѣзжая изъ Мангейма была уже въ домѣ, что это она подслушивала въ двери билліардной и успѣла уйти пока онъ подходилъ къ двери, и что затѣмъ, ускользнувъ отъ преслѣдованія жены привратника, она скрылась гдѣ-нибудь возлѣ дома.

Дѣло было не шуточное. Всякая ошибка могла повести къ весьма печальнымъ послѣдствіемъ.

Если Юліанъ угадалъ сущность признанія съ которымъ хотѣла обратиться къ нему Мерси, то особа тщетно старавшаяся заставить признать себя Граціей Розберри была дѣйствительно ни кто иная какъ Грація Розберри.

Если принять это за вопросъ рѣшенный, подумалъ Юліанъ, то необходимо постараться найти возможность логоворить съ Граціей наединѣ, чтобъ она не рѣшилась опять на неосторожное заявленіе своихъ правъ и не искала встрѣчи съ пріемною дочерью леди Джeнеты. Хозяйка квартиры которую онъ нанялъ для нея сообщила ему что ея жилица твердо рѣшилась найти случай повидаться съ „миссъ Розберри“ въ отсутствіи леди Дженеты и джентльменовъ. „Только дайте мнѣ сойтись съ ней лицомъ къ лицу“, говорила она, „и я заставлю ее сознаться кто она такая“. При настоящемъ положеніи дѣлъ встрѣча ихъ могла повести къ прискорбнымъ послѣдствіямъ.

Теперь все зависѣло отъ вліянія Юліана на отчаянную женщину, и никто не зналъ гдѣ найти эту женщину.

Принявъ все это въ соображеніе, онъ рѣшился отправиться немедленно въ сторожку привратника, навести тамъ справки и организовать поиски подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ.

Юліанъ взглянулъ въ сторону Мерси. Откладывая продолженіе разговора прерваннаго леди Дженетой на самомъ критическомъ пунктѣ, онъ приносилъ тяжелую жертву.

Мерси встала. Пропустивъ безъ вниманія его разговоръ съ теткой, она слышала все что̀ онъ говорилъ съ слугой. Лицо ея доказывало что она слушала съ такимъ же вниманіемъ какъ и леди Дженета, но съ тою разницей что старушка казалась испуганною, а Мерси не обнаруживала ни малѣйшихъ признаковъ страха. Она казалась только заинтересованною и нѣсколько взволнованною.

Юліанъ обратился къ теткѣ.

— Успокойтесь, пожалуста, сказалъ онъ. — Я надѣюсь что узнавъ подробности мы легко отыщемъ эту женщину. Опасаться нечего. Я буду самъ руководить поисками и возвращусь сюда при первой возможности.

Леди Дженета слушала разсѣянно. По выраженію ея лица Юліанъ понялъ что она обдумываетъ какой-нибудь планъ. Проходя мимо Мерси онъ остановился и долженъ былъ сдѣлать надъ собою большое усиліе чтобы сдержать волненіе овладѣвавшее имъ при одномъ взглядѣ на нее. Сердце его билось усиленно, голосъ дрожалъ когда онъ обратился къ ней.

— Мы увидимся опять, сказалъ онъ.—Я никогда не предлагалъ вамъ моей помощи и моего участія такъ искренно какъ предлагаю теперь.

Она поняла его. Глаза ея опустились, она не отвѣтила. На его глазахъ выступили слезы, и онъ поспѣшилъ выйти изъ комнаты.

Притворяя за собою дверь билліардной, онъ слышалъ что леди Дженета сказала:

— Я сейчасъ вернусь къ вамъ, Грація. Подождите здѣсь.

Онъ заключилъ изъ этихъ словъ что у леди Дженеты есть какое-нибудь спѣшное дѣло и затворилъ дверь.

Не успѣлъ онъ дойти до курильной комнаты, какъ дверь за нимъ отворилась. Онъ обернулся и увидалъ леди Дженету.

— Вы желаете поговорить со мной? спросилъ онъ.

— Мнѣ нужно взять у васъ кое-что прежде чѣмъ вы уйдете.

— Что̀ такое?

— Вашу карточку.

— Мою карточку?

— Да, вы сейчасъ совѣтовали мнѣ не безпокоиться, но я не могу не безпокоиться. Я не увѣрена, какъ увѣрены вы, что эта женщина внѣ дома. Очень можетъ быть что она прячется гдѣ-нибудь въ домѣ и появится лишь только вы уйдете. Вспомните что̀ вы сказали мнѣ сегодня.

Юліанъ понялъ намекъ и не отвѣтилъ.

— Вы сказали что ближайшій полицейскій домъ, получивъ вашу карточку, пришлетъ опытнаго человѣка въ партикулярномъ платьѣ по адресу который вы назначите. Я прошу васъ, ради безопасности Граціи, оставить мнѣ вашу карточку прежде чѣмъ вы уйдете изъ дома.

Юліанъ не имѣлъ права высказать причины мѣшавшія ему теперь воспользоваться своими предосторожностями въ виду того самаго стеченія обстоятельствъ противъ котораго эти предосторожности были приняты. Могъ ли онъ выдать настоящую Грацію Розберри за сумашедшую? Могъ ли онъ отправить ее въ полицейскій домъ? Съ другой стороны, онъ былъ связанъ честнымъ словомъ (даннымъ въ такую минуту когда обстоятельства, повидимому, того требовали) доставить теткѣ возможность воспользоваться законною защитой когда она сочтетъ это нужнымъ. Между тѣмъ леди Дженета, не привыкшая къ противорѣчію, стояла предъ нимъ съ протянутою рукой въ ожиданіи его карточки.

Что̀ было дѣлать? Единственнымъ исходомъ изъ затрудненія было, повидимому, покориться требованіямъ минуты. Еслибъ ему удалось отыскать Грацію, онъ легко избавилъ бы ее отъ незаслуженнаго оскорбленія, на случай же чтобъ это оскорбленіе не было нанесено ей во время его отсутствія, онъ могъ послать въ полицейскій домъ записку съ увѣдомленіемъ чтобы полученіе его карточки было оставлено безъ послѣдствій до новыхъ инструкцій. Отдавая теткѣ свою карточку, онъ сдѣлалъ только одну оговорку.

— Я увѣренъ, тетушка, что вы не обратитесь къ помощи полиціи безъ положительной и крайней необходимости. Но я долженъ сдѣлать одно условіе: обѣщайте мнѣ сохранить мои предосторожности въ тайнѣ....

— Въ тайнѣ отъ Граціи? перебила леди Дженета. (Юліанъ поклонился.) Неужели вы считаете меня способною пугать ее?

Развѣ я мало страдала отъ ея испуга? Можете быть увѣрены что я сохраню это въ тайнѣ отъ Граціи.

Успокоенный на этотъ счетъ, Юліанъ поспѣшно вышелъ изъ дома. Лишь только дверь за нимъ затворилась, леди Дженета взяла золотой карандашикъ висѣвшій на ея часовой цѣпочкѣ и написала на карточкѣ своего племянника вызовъ полицейскому въ партикулярномъ платьѣ: „вы нужны въ Маблеторпъ-Гаусѣ“, и положивъ карточку въ старомодный карманъ своего платья, возвратилась въ столовую.

Мерси ждала ее, послушная ея приказанію.

Въ первыя двѣ минуты ни слова не было сказано ни съ той, ни съ другой стороны. Теперь, когда леди Дженета осталась наединѣ съ своею пріемною дочерью, въ манерахъ ея стала замѣтна нѣкоторая холодность и рѣзкость. То что̀ она застала, возвратясь изъ гостиной, не выходило у нея изъ ума. Она нашла Мерси сильно взволнованною и подозрительно молчаливою. Юліанъ можетъ-быть и невиненъ (согласилась она), странности мущинъ необъяснимы, но Мерси во всякомъ случаѣ виновата. Женщины не попадаютъ въ объятія мущинъ не подавъ къ тому повода. Оправдывая Юліана, леди Дженета не находила оправданія для Мерси. „Между ними есть какое-то тайное соглашеніе, и виновата конечно она“, подумала старушка. „Въ такихъ случаяхъ виноваты всегда женщины“.

Мерси, блѣдная, спокойная и безмолвная, ждала чтобы леди Дженета заговорила первая, и леди Дженета, сильно взволнованная, принуждена была прервать молчаніе.

— Послушайте, другъ мой, начала она рѣзко.

— Что̀ вамъ угодно, леди Дженета?

— Долго ли будете вы сидѣть замкнувъ ротъ и уставившись глазами въ коверъ? Развѣ вы не имѣете никакого своего мнѣнія о настоящемъ ужасномъ положеніи вещей? Очень вы испуганы?

— Нисколько, леди Дженета.

— Даже не встревожены?

— Нисколько, леди Дженета.

— А! Я не предполагала въ васъ такого хладнокровія, послѣ того что̀ видѣла недѣлю тому назадъ. Поздравляю васъ съ выздоровленіемъ. Слышите что̀ я говорю? Я поздравляю васъ съ выздоровленіемъ.

— Благодарю васъ, леди Дженета.

— Я не такъ спокойна какъ вы. Во время *моей* молодости, мы,

женщины, былй трусихи, и я до сихъ поръ не избавилась отъ этого недостатка. Я очень безпокоюсь. Слышите? Я безпокоюсь.

— Очень жаль, леди Дженета.

— Благодарю васъ. Знаете ли что̀ я намѣрена сдѣлать?

— Не знаю, леди Дженета.

— Я намѣрена созвать всѣхъ домашнихъ. Говоря „домашнихъ", я разумѣю, конечно, только мущинъ. Женщины въ этомъ случаѣ безполезны. Вы меня, кажется, не слушаете?

— Я слушаю васъ съ полнымъ вниманіемъ, леди Дженета.

— Благодарю опять. Я сказала что женщины въ этомъ случаѣ безполезны.

— Я слышала, леди Дженета.

— Я хочу поставить по одному слугѣ у каждаго входа въ домъ. Я распоряжусь немедленно. Хотите идти со мною?

— Развѣ я принесу какую-нибудь пользу если пойду съ вами, миледи?

— Ни малѣйшей, конечно. Въ этомъ домѣ приказываю я, а не вы. Я звала васъ съ собой съ совершенно другою цѣлью. Я забочусь о васъ болѣе чѣмъ вы полагаете, я боюсь оставить васъ здѣсь одну.

— Очень вамъ благодарна, леди Дженета. Я не боюсь остаться здѣсь одна.

— Не боитесь! Я не встрѣчала въ жизни моей такого героизма, развѣ только въ романахъ! А если эта ужасная женщина проберется сюда?

— Въ этотъ разъ я не испугаюсь какъ испугалась недѣлю тому назадъ.

— Не храбритесь слишкомъ, молодая особа. Предположите... Боже, и подумать-то страшно! Мнѣ пришло въ голову не спряталась ли она въ оранжереѣ. Юліанъ ушелъ искать вокругъ дома. Кто осмотритъ оранжерею?

— Если позволите, я осмотрю оранжерею.

— Вы?!!

— Если позволите.

— Я просто не вѣрю своимъ ушамъ! Вѣкъ живи, вѣкъ учись, говоритъ старая пословица. Мнѣ казалось что я знаю вашъ характеръ, но такая смѣлость для меня новость.

— Позвольте мнѣ напомнить вамъ, леди Дженета, что обстоятельства измѣнились. Въ первый разъ я была поражена неожиданностью ея появленія, теперь я предупреждена что она здѣсь.

— И вы дѣйствительно такъ спокойны какъ говорите?

— Дѣйствительно, леди Дженета.

— Такъ поступайте какъ знаете. Но на всякій случай я вотъ что̀ сдѣлаю: я оставаю одного изъ слугъ въ библіотекѣ. Вы можете позвонить если что-нибудь случится: слуга подниметъ тревогу, и тогда я буду знать какъ поступить. У меня есть планъ, прибавила старушка, съ удовольствіемъ ощупывая въ своемъ карманѣ карточку Юліана. — Не смотрите такъ какъ будто хотите спросить что̀ это за планъ. Я могу только сказать что онъ вполнѣ удовлетворителенъ. Еще разъ, и въ послѣдній, спрашиваю я васъ: пойдете вы со мной, или останетесь здѣсь?

— Я останусь здѣсь.

Съ этими словами она почтительно отворила предъ леди Дженетой дверь библіотеки. Во все время разговора она была холодно-почтительна и ни разу не рѣшилась взглянуть на леди Дженету. Убѣжденіе что черезъ нѣсколько часовъ она будетъ выгнана изъ этого дома не покидало ея ни на минуту и уже разлучило ее нравственно съ ея благодѣтельницей, любовь которой она заслужила подъ чужимъ именемъ. Леди Дженета, не будучи въ состояніи угадать причину перемѣны въ своей молодой подругѣ, ушла сзывать свой домашній гарнизонъ сильно озадаченная и (какъ необходимое слѣдствіе этого) очень недовольная.

Мерси осталась у двери, провожая глазами свою благодѣтельницу, удалявшуюся по направленію къ главной швейцарской. Она искренно любила горячую и великодушную старушку. Сердце ея болѣзненно сжималось при мысли что настанетъ время когда запрещено будетъ произносить ея имя въ присутствіи леди Дженеты.

Но теперь она не страшилась пытки признанія. Она не только желала увидаться опять съ Юліаномъ, она ждала его съ нетерпѣніемъ. Она рѣшилась доказать ему въ этотъ же день что онъ не ошибся въ ней.

„Пусть она сознается въ своей винѣ пока ей не угрожаетъ обнаруженіе обмана. Пусть она отдастъ должное женщинѣ которую обидѣла, пока эта женщина не въ состояніи уличить ее. Пусть она пожертвуетъ всѣмъ что̀ пріобрѣла обманомъ, священной обязанности искупленія своей вины. Если она въ состояніи это сдѣлать, она женщина съ благородною душой, женщина достойная довѣрія, любви и уваженія.“ Эти слова, какъ и тѣ которыми онъ заключилъ свою рѣчь, все еще

звучали въ ея ушахъ такъ торжественно какъ будто она ихъ слушала. „Возстань, бѣдная, оскорбленная душа, ангелы небесные радуются надъ тобой. Займи свое мѣсто между благороднѣйшими созданіями Бо́жіими.“ Есть ли хоть одна женщина которая послѣ такихъ словъ Юліана Грея не рѣшилась бы на какую бы то ни было жертву чтобъ оправдать его довѣріе? „О, еслибы ваши худшія опасенія могли оправдаться“, подумала Мерси провожая глазами леди Дженету. „Еслибы Грація Розберри пришла теперь въ эту комнату, какъ безбоязненно я встрѣтила бы ее!“

Она затворила дверь библіотеки только когда леди Дженета скрылась изъ виду.

Повернувшись и поднявъ глаза, она вскрикнула отъ удивленія.

Предъ ней на стулѣ, съ котораго она только-что встала, сидѣла, какъ бы вызванная ея желаніемъ, торжествующая, зловѣще безмолвная Грація Розберри.

ГЛАВА XIX.

Злой духъ.

Опомнившись отъ изумленія, Мерси порывисто двинулась впередъ, готовая начать свое покаяніе. Грація остановила ея высокомѣрнымъ движеніемъ руки.

— Не приближайтесь ко мнѣ, сказала она повелительно.— Останьтесь тамъ гдѣ вы теперь.

Мерси остановилась. Слова Граціи поразили ее. Ища поддержки, она безсознательно оперлась на ближайшій стулъ. Грація сдѣлала опять повелительное движеніе и издала второе приказаніе.

— Я запрещаю вамъ садиться въ моемъ присутствіи, сказала она.—Вспомните кто вы. и кто я.

Тонъ которымъ были сказаны эти слова былъ самъ по себѣ оскорбленіемъ. Мерси подняла голову; сердитый отвѣтъ готовъ былъ сорваться съ ея языка. Она сдержала себя и молча покорилась. „Я хочу быть достойною довѣрія Юліана Грея“, подумала она стоя возлѣ стула. „Я снесу оскорбленія женщины противъ которой я такъ виновата.“

Обѣ смотрѣли съ минуту другъ на друга молча. Онѣ видѣлись наединѣ первый разъ послѣ своего свиданія во фран-

цузской хижинѣ. Странный контрастъ представляли эти двѣ женщины. Грація, маленькая и худая, съ безцвѣтнымъ лицомъ, съ рѣзкимъ, заносчивымъ взглядомъ, одѣтая въ простое, изношенное черное платье, казалась, сидя на своемъ стулѣ, существомъ низшей сферы въ сравненіи съ Мерси Меррикъ, которая стояла предъ ней въ своемъ богатомъ шелковомъ платьѣ, высокая и величественная, съ покорно преклоненною головой, кроткая, терпѣливая, прекрасная. Еслибы человѣку не знавшему этихъ двухъ женщинъ сказать что онѣ играли роли въ романической исторіи, что одна изъ нихъ была дѣйствительно родственница леди Дженеты Рой, а другая обманомъ завладѣла ея именемъ и положеніемъ, и предоставить ему угадать которая изъ двухъ была обманщица, онъ не задумываясь указалъ бы на Грацію Розберри.

Осмотрѣвъ свою жертву съ головы до ногъ съ презрительнымъ и мелочнымъ вниманіемъ, Грація первая прервала молчаніе.

— Стойте такъ. Мнѣ пріятно видѣть васъ въ такомъ положеніи, сказала она, наслаждаясь своими жестокими словами.— Въ этотъ разъ не къ чему падать въ обморокъ. Ни леди Дженеты здѣсь нѣтъ, чтобы привести васъ въ чувство, ни джентльменовъ, чтобъ ухаживать за вами. Наконецъ-то я вижу васъ, Мерси Меррикъ. Теперь вамъ не ускользнуть отъ меня.

Вся мелочность сердца и ума, выказанная Граціей во французской хижинѣ, послѣ того какъ Мерси разказала ей свою исторію, обнаружилась теперь опять. Женщина которая въ то время не почувствовала побужденія протянуть руку своей страдающей и кающейся ближней неспособна была теперь отнестись съ состраданіемъ къ своей жертвѣ и не оскорблять ее своимъ торжествомъ. Нѣжный голосъ Мерси отвѣчалъ ей кроткимъ, просящимъ тономъ.

— Я не избѣгала васъ, сказала она.—Я пришла бы къ вамъ сама еслибы знала что вы здѣсь. Я вполнѣ готова сознаться что я согрѣшила противъ васъ и искупить мою вину всѣми зависящими отъ меня средствами. Я не боюсь теперь свиданія съ вами, потому что ничего такъ не желаю какъ заслужить ваше прощеніе.

Какъ ни былъ примирителенъ этотъ отвѣтъ, тонъ непритворнаго и скромнаго достоинства которымъ онъ былъ высказанъ возмутилъ Грацію.

— Какъ смѣете вы говорить со мной какъ съ женщиной

вамъ равною! воскликнула она.—Вы стоите предо мной и отвѣчаете мнѣ какъ будто считаете себя въ правѣ быть здѣсь. Дерзкая, безсовѣстная женщина! *Я* имѣю право быть здѣсь, но какъ принуждена я поступить? Я принуждена прокрадываться къ дому прячась отъ слугъ какъ воровка и выжидая какъ нищая. И все для чего? Для того только чтобы найти возможность поговорить съ *вами*. А вы, уличная бродяга, вы разыгрываете здѣсь барыню!

Голова Мерси опустилась ниже; рука опиравшаяся на стулъ задрожала.

Тяжело было выносить одно оскорбленіе за другимъ, но вліяніе Юліана было еще сильно. Она отвѣчала такъ же кротко какъ и прежде.

— Если вамъ пріятно мучить меня такими жестокими словами, сказала она,—я не имѣю права сердиться на васъ.

— Вы ни на что̀ не имѣете права, возразила Грація.—Развѣ вы имѣете право носить платье которое на васъ? Взгляните на себя и взгляните на меня. (Глаза ея остановились съ выраженіемъ тигрицы на дорогомъ платьѣ Мерси.) Кто далъ вамъ это платьѣ? Кто далъ вамъ эти драгоцѣнности? Я знаю. Леди Дженета дала ихъ Грація Розберри. А вы развѣ Грація Розберри? Платье это мое. Снимите браслеты и брошь. Они подарены мнѣ.

— Вы скоро получите ихъ, миссъ Розберри. Мнѣ осталось владѣть ими не болѣе нѣсколькихъ часовъ.

— Что̀ вы хотите сказать?

— Какъ ни дурно вы обращаетесь со мною, я обязана загладить свою вину предъ вами. Я рѣшилась открыть истину.

Грація насмѣшливо улыбнулась.

— Открыть истину, повторила она.—Я не такъ глупа чтобы повѣрить вамъ. Вы олицетворенная ложь съ головы до ногъ. Чтобы вы были способны отказаться добровольно отъ вашихъ нарядовъ и драгоцѣнностей и отъ вашего положенія въ этомъ домѣ и возвратиться на улицу! Никогда!

Слабый румянецъ набѣжалъ на блѣдныя щеки Мерси, но она все еще была подъ добрымъ вліяніемъ Юліана, она все еще была въ силахъ сказать себѣ: „Я вынесу что̀ угодно чтобы только не разочаровать Юліана Грея". Поддерживаемая мужествомъ которое онъ внушилъ ей, она твердо выносила пытку которой подвергала ее Грація, но послѣ послѣднихъ словъ

въ ней произошла зловѣщая перемѣна: она выслушала ихъ молча, она не рѣшилась отвѣтить.

Безмолвная покорность на ея лицѣ взорвала Грацію окончательно.

— Вы не сознаетесь, продолжала она.—Вы имѣли уже цѣлую недѣлю чтобы сознаться, и не сознались. Нѣтъ! Вы изъ такихъ женщинъ которыя обманываютъ и лгутъ до конца. И я этому рада. Я буду имѣть наслажденіе обличить васъ при всѣхъ домашнихъ. Я буду счастливою виновницей того что васъ выгонять на улицу. И наслажденіе видѣть какъ васъ поведетъ заруку полиція, и толпа будетъ указывать на васъ пальцами и смѣяться надъ вами пока васъ не запрутъ въ тюрьму, это наслажденіе почти вознаградитъ меня за все что̀ я вытерпѣла.

Въ этотъ разъ жало ядовитой насмѣшки проникло глубоко. Оскорбленіе было невыносимо. Мерси сдѣлала своей мучительницѣ первое предостереженіе.

— Миссъ Розберри, сказала она,—я вынесла покорно самыя жестокія слова какія вы только могли сказать мнѣ, но не оскорбляйте меня болѣе. Увѣряю васъ что я вполнѣ рѣшилась возвратить вамъ ваши права и всѣмъ сердцемъ готова сознаться во всемъ.

Голосъ ея дрожалъ отъ волненія. Грація слушала ее съ жесткою, недовѣрчивой улыбкою и съ презрѣніемъ во взглядѣ.

— Звонокъ возлѣ васъ, сказала она.—Позвоните.

Мерси взглянула на нее съ безмолвнымъ изумленіемъ.

— Вы воплощенное раскаяніе, вы жаждете открыть истину, продолжала Грація насмѣшливо.—Откройте ее немедленно при всѣхъ. Позовите леди Дженету, позовите мистера Грея, мистера Гольмкрофта, позовите слугъ. Упадите на колѣни и сознайтесь при всѣхъ что вы обманщица. Тогда только я повѣрю вамъ, но не раньше.

— Умоляю васъ, не вооружайте меня противъ васъ, воскликнула Мерси.

— Какое мнѣ дѣло вооружены вы противъ меня, или нѣтъ?

— Ради васъ самихъ прошу васъ, не выводите меня изъ терпѣнія.

— Ради меня самой! Дерзкое вы созданіе! Вы вздумали угрожать мнѣ.

Мерси сдѣлала послѣднее усиліе, между тѣмъ какъ сердце ея билось все сильнѣе и сильнѣе и щеки разгорались отъ приливавшей крови, и овладѣла собою.

— Имѣйте ко мнѣ хоть сколько-нибудь жалости, сказала она.—Какъ ни дурно я поступила относительно васъ, я все-таки женщина. Леди Дженета обращается со мною какъ съ дочерью, Горацій Гольмкрофтъ мой женихъ. Я не могу сказать въ глаза леди Дженетѣ и Горацію какъ жестоко я ихъ обманула. Но они узнаютъ это тѣмъ не менѣе. Я рѣшилась сознаться во всемъ сегодня же Юліану Грею.

Грація расхохоталась. — Ага! воскликнула она съ циническимъ взрывомъ веселости. — Наконецъ-то вы договорились до сущности дѣла.

— Будьте осторожнѣе, сказалъ Мерси.—Будьте осторожнѣе.

— Юліану Грею! Я стояла за дверью биліардной и видѣла какъ вы завлекали сюда Юліана Грея. Сознаніе предъ Юліаномъ Греемъ будетъ не пыткой, а наслажденіемъ.

— Довольно, миссъ Розберри, довольно! Бога ради не выводите меня изъ терпѣнія. Будетъ вамъ мучить меня.

— Не даромъ же вы таскались по улицамъ. Вы женщина практическая. Вы знаете какъ полезно заручиться двумя защитниками. Если мистеръ Гольмкрофтъ отвернется отъ васъ, у васъ останется мистеръ Грей. О, какъ вы мнѣ противны! Я беру на себя открыть глаза мистеру Юліану Грею. Я скажу ему на какой женщинѣ онъ женился бы, еслибы не я.

Она замолчала, и слѣдующая насмѣшка, можетъ-быть еще болѣе ядовитая, осталась невысказанною.

Женщина которую она такъ оскорбляла внезапно приблизилась къ ней. Поднявъ безпомощно глаза, Грація увидала надъ собой лицо блѣдное какъ смерть отъ страшнаго гнѣва, сосредоточивающаго всю кровь въ сердцѣ.

— Вы берете на себя открыть глаза мистеру Юліану Грею, медленно повторила Мерси.—Вы скажете ему на какой женщинѣ онъ женился бы еслибы не вы?

Она смолкла на минуту, и прибавила вопросъ отъ котораго Грація похолодѣла съ головы до ногъ.

— Кто вы такая?

Сдержанная ярость во взглядѣ и въ тонѣ голоса выразила ясно что Мерси была наконецъ выведена изъ терпѣнія. Въ отсутствіи ангела хранителя злой духъ сдѣлалъ свое дѣло. Лучшія чувства, которыя пробудилъ въ ней Юліанъ, были отравлены ядомъ женскаго языка. Легкое средство отмстить за всѣ вынесенныя оскорбленія было въ ея власти. Въ жару своего негодованія она не колеблясь воспользовалась имъ.

— Кто вы такая? повторила она свой вопросъ.

Грація ободрилась и попыталась возразить, но Мерси остановила ее презрительнымъ движеніемъ руки.

— А, помню! продолжала она все еще съ подавленною яростью въ голосѣ.—Вы помѣшенная которая была здѣсь недѣлю тому назадъ. Теперь я уже не боюсь васъ. Сядьте и отдохните немного, Мерси Меррикъ.

Смѣло назвавъ ее этимъ именемъ, Мерси отвернулась отъ нея и сѣла на стулъ, на который Грація запретила ей сѣсть при началѣ свиданія.

Грація вскочила.

— Что̀ это значитъ? спросила она.

— Это значитъ, отвѣчала Мерси презрительно,—что я беру назадъ все что̀ сказала вамъ сегодня.—Это значитъ что я рѣшилась сохранить мое положеніе въ этомъ домѣ.

— Вы съ ума сошли!

— Звонокъ не далеко отъ васъ. Позвоните, продолжала Мерси.—Сдѣлайте то что̀ вы заставляли меня сдѣлать. Позовите всѣхъ домашнихъ и спросите ихъ кто изъ насъ сумашедшая, вы или я?

— Мерси Меррикъ! Вы будете каяться въ этихъ словахъ до конца вашей жизни.

Мерси встала и устремила сверкающіе глаза на женщину все еще продолжавшую угрожать ей.

— Вы надоѣли мнѣ, сказала она. — Уйдите изъ этого дома пока есть возможность уйти. Если же вы останетесь, я позову леди Дженету.

— Вы не можете позвать ее! Вы не смѣете позвать ее!

— И могу и смѣю. Вы не имѣете никакого доказательства противъ меня. Я владѣю вашими бумагами, положеніемъ въ этомъ домѣ, довѣріемъ леди Дженеты. Я хочу оправдать ваше мнѣніе обо мнѣ, я хочу сохранить мои платья и драгоцѣнности и мое положеніе въ этомъ домѣ. Я не признаю себя виновною. Общество поступало со мной жестоко, я ничѣмъ не обязана обществу и считаю себя въ правѣ брать отъ него все что̀ удастся взять. Развѣ я могла предугадать что вы оживете? Развѣ я унизила ваше имя и вашу репутацію? Я дѣлаю честь и вашему имени, и вашей репутаціи. Я заслужила общую любовь и общее уваженіе. Вы думаете что леди Дженета и васъ полюбила бы такъ какъ полюбила меня? Никогда! Я говорю вамъ прямо что я занимаю чужое положеніе съ большею

честью чѣмъ вы занимали бы свое собственное, и я намѣрена сохранить его за собой. Я не возвращу вамъ вашего имени. Дѣлайте что̀ угодно, я не боюсь васъ.

Она высказала эти необдуманныя слова безъ остановки и такъ горячо что не было возможности прервать ее.

— Вы не боитесь меня, возразила Грація.—Можетъ-быть, но торжество ваше продолжится не долго. Я написала моимъ друзьямъ въ Канаду, они заступятся за меня.

— Къ чему же это поведетъ? Вашихъ друзей здѣсь никто не знаетъ. Я пріемная дочь леди Дженеты. Неужели вы думаете что она повѣритъ вашимъ друзьямъ? Она сожжетъ ихъ письма, если они напишутъ, она не впуститъ ихъ въ свой домъ, если они пріѣдутъ. Черезъ недѣлю я буду женой Горація Гольмкрофта. Кто тогда поколеблетъ мое положеніе? Кто посмѣетъ оскорбить меня?

— Подождите немного. Вы забыли о начальницѣ Пріюта?

— Отыщите ее, если можете. Я не сказала вамъ ея имени. Я не сказала вамъ гдѣ этотъ Пріютъ?

— Я объявлю ваше имя въ газетахъ и такимъ образомъ отыщу начальницу Пріюта.

— Объявите это имя хоть во всѣхъ лондонскихъ газетахъ. Неужели вы думаете что я сказала вамъ, совершенно незнакомой мнѣ особѣ, настоящее имя подъ которымъ я была извѣстна въ Пріютѣ? Вы знаете только имя которымъ я назвалась когда выѣхала изъ Англіи. Начальница Пріюта не знаетъ никакой Мерси Меррикъ. И Горацій никогда не слыхалъ этого имени. Онъ видѣлъ меня во французской хижинѣ, когда вы лежали безъ чувствъ на постели. На мнѣ былъ мой сѣрый плащъ, и никто изъ присутствовавшихъ не видалъ меня въ платьѣ сестры милосердія. Обо мнѣ уже наводили справки на континентѣ, и безъ всякаго результата, какъ я узнала сегодня. Я могу пользоваться спокойно вашимъ положеніемъ и вашимъ именемъ. Я Грація Розберри, а вы Мерси Меррикъ. Опровергните это если можете.

И подойдя къ одному изъ боковыхъ столовъ, Мерси позвонила.

Въ ту же самую минуту дверь билліардной отворилась. Въ комнату вошелъ Юліанъ Грей.

Едва переступилъ онъ за порогъ двери, какъ противоположная дверь была растворена настежь слугой, стоявшимъ на сторожѣ въ библіотекѣ. Слуга отступилъ почтительно въ сторону

и пропустилъ леди Дженету Рой и Горація Гольмкрофта, возвратившагося со свадебнымъ подаркомъ, приготовленнымъ его матерью для его невѣсты.

ГЛАВА XX.

Полицейскій въ партикулярномъ платьѣ.

Юліанъ окинулъ взглядомъ комнату и остался у двери.

Взволнованныя лица обѣихъ женщинъ дали ему понять что ему не удалось предупредить столкновеніе котораго онъ опасался. Онѣ встрѣтились наединѣ. Каковы будутъ послѣдствія ихъ свиданія, онъ еще не могъ угадать. Въ присутствіи тетки ему осталось только ждать удобной минуты для объясненія съ Мерси и быть готовымъ вмѣшаться, если по невѣдѣнію истины будетъ сдѣлано что-нибудь такое что̀ могло бы подвергнуть Грацію незаслуженному оскорбленію.

Образъ дѣйствія принятый въ эту минуту леди Дженетой былъ вполнѣ согласенъ съ характеромъ леди Дженеты.

Тотчасъ же замѣтивъ незванную гостью, она взглянула пытливо на Мерси.

— Ну, что̀? Развѣ я вамъ не говорила? спросила она. — Очень вы испугались? Нѣтъ! Нисколько не испугались? Удивительно! Она обратилась къ слугѣ:—Подождите въ библіотекѣ. Вы можетъ-быть понадобитесь мнѣ. Она повернулась къ Юліану:—Предоставьте все это мнѣ. Я знаю какъ поступить. Она оглянулась на Горація:—Останьтесь тамъ гдѣ вы теперь и молчите.

Покончивъ съ этими необходимыми наставленіями, она сдѣлала нѣсколько шаговъ въ сторону Граціи, которая стояла со сдвинутыми бровями, съ вызывающимъ взглядомъ и съ твердо сжатыми губами.

— Я не имѣю ни малѣйшаго желанія оскорбить васъ или поступить съ вами грубо, начала леди Дженета спокойнымъ тономъ.—Я хочу только сказать что ваши посѣщенія не приведутъ ни къ какому удовлетворительному результату. Надѣюсь что вы не заставите меня употребить болѣе рѣзкія выраженія, надѣюсь что вы уйдете изъ моего дома.

Приказаніе удалиться не могло быть высказано съ большею снисходительностью къ предполагаемому умственному

разстройству особы къ которой оно было обращено. Грація поняла это и отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ.

— Я требую чтобъ вы выслушали меня ради моего отца и ради меня самой, сказала она.—Я не уйду отсюда.

Она взяла стулъ и сѣла безъ приглашенія въ присутствіи хозяйки дома.

Леди Дженета помолчала съ минуту, стараясь овладѣть собою. Юліанъ воспользовался возможностью заговорить, и обратился къ Граціи.

— Такъ-то вы держите свое обѣщаніе? сказалъ онъ кротко.—Вы дали мнѣ слово что не пойдете опять въ Маблеторпъ-Гаусъ.

Прежде чѣмъ Грація успѣла отвѣтить, леди Дженета овладѣла собою. Она начала свой отвѣтъ повелительнымъ указаніемъ на дверь библіотеки.

— Если вы не рѣшитесь уйти отсюда прежде чѣмъ я дойду до этой двери, сказала она,—я лишу васъ возможности противорѣчить мнѣ. Я привыкла чтобы мнѣ повиновались въ моемъ домѣ, и заставлю васъ повиноваться. Вы сами заставляете меня употреблять рѣзкія выраженія. Я предупреждаю васъ пока еще не поздно: уйдите отсюда.

Она пошла медленно къ двери библіотеки. Юліанъ попробовалъ опять вмѣшаться. Тетка остановила его движеніемъ говорившимъ ясно: „избавьте меня отъ вашихъ совѣтовъ". Юліанъ взглянулъ на Мерси. Неужели она останется безучастною? Да. Она стояла, опустивъ голову, въ сторонѣ ото всѣхъ остальныхъ. Горацій пытался обратить на себя ея вниманіе, но тщетно.

Дойдя до двери, леди Дженета оглянулась на маленькую черную фигурку продолжавшую сидѣть неподвижно на стулѣ.

— Уйдете вы или нѣтъ? спросила она въ послѣдній разъ.

Грація встала сердито съ мѣста и устремила свои ехидные глаза на Мерси.

— Я не хочу быть изгнанною изъ вашего дома въ присутствіи этой обманщицы, сказала она. — Если я уступлю, то уступлю только силѣ. Я настаиваю на своемъ правѣ занимать положеніе которое она отняла у меня. Уговаривать меня безполезно, обратилась она къ Юліану. — Пока эта женщина будетъ находиться въ этомъ домѣ подъ моимъ именемъ, я не уйду отсюда. Я предупреждаю ее при всѣхъ васъ что я уже написала моимъ друзьямъ въ Канаду, и вызываю ее опровер-

гнуть въ присутствіи всѣхъ васъ что она безсовѣстная авантюристка Мерси Меррикъ.

Этотъ вызовъ вынудилъ Мерси принять участіе въ томъ что̀ происходило вокругъ нея и защитить себя. Она обязалась нѣсколько времени тому назадъ опровергнуть свою соперницу ея же собственнымъ оружіемъ. Она рѣшилась заговорить. Горацій, замѣтивъ ея намѣреніе, остановилъ ее.

— Вы унизите себя, если отвѣтите ей, сказалъ онъ.—Уйдемте изъ этой комнаты, возьмите мою руку.

— Да, уведите ее! воскликнула Грація.—Я понимаю какъ ей должно быть неловко въ присутствіи честной женщины. Да, *ей*, а не *мнѣ* слѣдуетъ выйти изъ этой комнаты.

Мерси выдернула свою руку изъ-подъ руки Горація.

— Я не уйду отсюда, сказала она спокойно.

Горацій началъ уговаривать ее.

— Я не въ состояніи оставаться здѣсь, сказалъ онъ. — Оскорбляя васъ, эта женщина оскорбляетъ и меня, хотя она и неотвѣтственна въ своихъ поступкахъ.

— Никто не будетъ терпѣть долѣе, возразила леди Дженета, и вынувъ изъ кармана карточку Юліана, отворила дверь библіотеки.

— Сходите въ полицейскій домъ, сказала она въ полголоса слугѣ, — и отдайте эту карточку дежурному инспектору. Скажите ему что нельзя терять ни минуты.

— Подождите! воскликнулъ Юліанъ прежде чѣмъ тетка успѣла затворить дверь.

— Подождите! повторила леди Дженета съ негодованіемъ. — Я приказываю ему идти, а вы говорите „подождите". Что̀ это значитъ?

— Прежде чѣмъ вы отошлете карточку, я долженъ поговорить съ этою особой, сказалъ Юліанъ, указавъ на Грацію. — Затѣмъ, прибавилъ онъ, повернувшись къ Мерси, — я обращусь къ вамъ съ просьбой дать мнѣ возможность объясниться съ вами безъ помѣхи.

Его тонъ пояснилъ намекъ. Мерси не рѣшилась взглянуть на него. Ея измѣнившееся лицо и безпокойное молчаніе свидѣтельствовали о тяжеломъ волненіи происходившемъ въ ея душѣ. Лучшія стороны ея натуры, снова пробужденныя Юліаномъ, уже вступили въ борьбу съ воспоминаніемъ объ оскорбленіяхъ которыя она вытерпѣла отъ Граціи, и можетъ-быть взяли бы верхъ, еслибы въ эту критическую минуту озлобленная

Грація не нашла въ ея колебаніи средства кольнуть ее опять ея объясненіемъ съ Юліаномъ.

— Не бойтесь оставить его со мной, сказала она съ насмѣшливою учтивостью. — Я не имѣю надобности прельщать мистера Юліана Грея.

Подозрительная ревность Горація (уже возбужденная послѣдними словами Юліана) готова была заявить о себѣ открыто, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ сказать слово, негодованіе внушило Мерси неожиданный отвѣтъ.

— Благодарю васъ, мистеръ Грей, сказала она, не поднимая на него глазъ.—Мнѣ больше не о чемъ говорить съ вами, и я не буду безпокоить васъ опять.

Этими необдуманными словами она взяла назадъ свое признаніе, и въ присутствіи женщины у которой отняла имя и положеніе выразила рѣшимость сохранить ихъ за собой.

Горацій не сказалъ ни слова, но онъ не былъ удовлетворенъ. Онъ видѣлъ что пока Мерси говорила, глаза Юліана были устремлены на нее съ грустнымъ и вопросительнымъ вниманіемъ, онъ слышалъ что Юліанъ тихо вздохнулъ, когда она кончила.

Подумавъ съ минуту и взглянувъ на посѣтительницу въ бѣдномъ черномъ платьѣ, Юліанъ поднялъ голову съ видомъ человѣка принявшаго внезапное рѣшеніе.

— Дайте мнѣ карточку, сказалъ онъ слугѣ тономъ не допускавшимъ противорѣчія.

Слуга повиновался.

Не отвѣчая леди Дженетѣ, заявившей снова о своемъ правѣ дѣйствовать самостоятельно, Юліанъ вынулъ изъ портъ-сигара карандашъ и прибавилъ свою подпись къ тому что̀ уже было написано на карточкѣ. Отдавъ ее опять слугѣ, онъ извинился предъ теткой.

— Извините меня за мое вмѣшательство, сказалъ онъ. — Я имѣлъ серіозную причину сдѣлать то что̀ сейчасъ сдѣлалъ и скажу вамъ ее въ болѣе удобное время. Теперь же я не буду больше препятствовать вашему намѣренію. Напротивъ, я облегчилъ вамъ достиженіе цѣли.

Говоря это онъ поднялъ карандашъ которымъ подписалъ свое имя.

Леди Дженета, недоумѣвающая и оскорбленная, не отвѣчала и приказала слугѣ идти и исполнить порученіе.

Въ комнатѣ настало молчаніе. Глаза всѣхъ присутствовав-

шихъ обратились съ большею или меньшею тревогой къ Юліану. Мерси была удивлена и испугана. Горацій, какъ и леди Джанета, считалъ себя оскорбленнымъ самъ не зная чѣмъ. Даже Грація Розберри была смущена предчувствіемъ какого-то непрошенаго вмѣшательства, къ которому она не была готова. Слова и манеры Юліана съ тѣхъ поръ какъ онъ написалъ свое имя на карточкѣ были проникнуты таинственностью, причину которой никто изъ присутствовавшихъ не могъ понять.

Причина эта тѣмъ не менѣе можетъ быть выражена въ немногихъ словахъ. Юліанъ все еще руководствовался своею увѣренностью во врожденномъ благородствѣ натуры Мерси.

Онъ безъ труда понялъ по обращенію Граціи съ Мерси въ его присутствіи что въ продолженіи прерваннаго имъ свиданія Грація безжалостно воспользовалась преимуществами своего положенія, что вмѣсто того чтобъ обратиться къ чувству справедливости и къ благородству Мерси, вмѣсто того чтобы принять ея искреннее раскаяніе и поощрить ее искупить ея вину какъ можно полнѣе и скорѣе, Грація оскорбляла ее, и что естественнымъ слѣдствіемъ этого было то что Мерси поколебалась въ своемъ добромъ намѣреніи.

Средствомъ поправить положеніе дѣлъ (какъ Юліанъ понялъ его въ началѣ) было объясниться съ Граціей, успокоить ее признаніемъ что его взглядъ на справедливость ея требованій измѣнился въ ея пользу и убѣдить ее, ради ея собственныхъ интересовъ, уполномочить его передать Мерси ея извиненіе и сожалѣніе о случившемся и такимъ образомъ привести ихъ къ дружескому соглашенію.

Съ этимъ намѣреніемъ онъ обратился къ однимъ женщинамъ съ просьбой поговорить съ нимъ наединѣ. То что̀ послѣдовавало за этимъ, новое оскорбленіе Граціи и отвѣтъ Мерси, показали ему что такой образъ дѣйствія какой онъ имѣлъ въ виду не привелъ бы ни къ какому удовлетворительному результату

Послѣ этого осталось только одно средство, поправить положеніе дѣлъ, рискованное средство, предоставить событіямъ идти своимъ естественнымъ путемъ и положиться на благородство Мерси.

Пусть она увидитъ полицейскаго, пусть она узнаетъ каковъ будетъ результатъ его вмѣшательства, пусть ей останется выбрать одно изъ двухъ: или допустить чтобы Грація была отправлена въ домъ умалишенныхъ, или самой сознаться въ своемъ обманѣ. Если Юліанъ въ ней не ошибся, она благородно

проститъ всѣ нанесенныя ей обиды и окажетъ справедливость своей соперницѣ.

Но что̀ если его увѣренность въ ней не что̀ иное какъ самообольщеніе влюбленнаго, что̀ если она не рѣшится отказаться отъ своего положенія—что̀ тогда?

Увѣренность Юліана въ Мерси не позволила ему остановиться на этой темной сторонѣ вопроса. Въ его власти было допустить или не допустить въ домъ полицейскаго. Онъ обезоружилъ леди Дженету, пославъ въ полицейскій домъ предостереженіе чтобъ его карточка безъ его подписи была оставлена безъ послѣдствій. Сознавая возможность отвѣтственности которую бралъ на себя, зная что Мерси еще не сдѣлала ему такого признанія которое компрометтировало бы ее, онъ подписалъ свое имя безъ малѣйшаго колебанія, и теперь стоялъ глядя на женщину которую хотѣлъ побѣдить лучшею стороной ея собственной души и былъ единственнымъ спокойнымъ лицомъ въ комнатѣ.

Ревность Горація усмотрѣла во внимательномъ взглядѣ Юліана и въ потупленныхъ глазахъ Мерси доказательство тайнаго соглашенія между ними. Не имѣя предлога къ открытому вмѣшательству, онъ попытался разлучить ихъ.

— Вы сейчасъ сказали, обратился онъ къ Юліану,—что желаете поговорить съ этою особой (онъ указалъ на Грацію). Уйти намъ, или вы уйдете съ ней въ библіотеку?

— Мнѣ не о чемъ говорить съ нимъ! воскликнула Грація, прежде чѣмъ Юліанъ успѣлъ отвѣтить.—Я имѣла случай убѣдиться что онъ менѣе кого-либо другаго способенъ оказать мнѣ справедливость. Онъ уже опутанъ. Если мнѣ слѣдуетъ поговорить съ кѣмъ-нибудь наединѣ, то это съ вами. Вы болѣе всѣхъ другихъ заинтересованы въ открытіи истины.

— Что̀ вы хотите сказать?

— Желаете вы жениться на уличной женщинѣ?

Горацій сдѣлалъ шагъ въ ея сторону. По выраженію его лица видно было что онъ способенъ вытолкать ее изъ дома собственными руками. Леди Дженета удержала его.

— Вы были сейчасъ правы совѣтуя Граціи уйти изъ комнаты, сказала она. — Уйдемъ всѣ трое. Юліанъ останется и распорядится какъ слѣдуетъ. Пойдемте.

Нѣтъ. Со странною непослѣдовательностью Горацій теперь самъ помѣшалъ Мерси уйти изъ комнаты. Въ жару своего негодованія онъ утратилъ всякое сознаніе собственнаго достоин-

ства, онъ снизошелъ до уровня женщины которую самъ считалъ помѣшанною. Къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ онъ отошелъ въ сторону и взялъ футляръ который оставилъ на столѣ когда вошелъ. Это былъ свадебный подарокъ который онъ привезъ своей невѣстѣ. Оскорбленное самолюбіе внушило ему мысль отомстить за Мерси передавъ ей подарокъ въ присутствіи Граціи.

— Подождите! воскликнулъ онъ злобно. Эта несчастная сейчасъ получитъ отвѣтъ. Видѣть и слышать она въ состояніи. Пусть она увидитъ и услышитъ.

Онъ открылъ футляръ и вынулъ великолѣпное жемчужное ожерелье старинной работы.

— Грація, сказалъ онъ своимъ самымъ изысканнымъ тономъ,—мать моя посылаетъ вамъ свою любовь и поздравленіе съ нашею близкою свадьбой и проситъ васъ принять этотъ жемчугъ какъ часть вашего подвѣнечнаго наряда. Онъ принадлежитъ нашей фамиліи уже нѣсколько столѣтій, мать моя сама вѣнчалась въ немъ, а теперь передаетъ его вамъ, какъ уважаемому и любимому члену нашего семейства.

Онъ поднялъ ожерелье чтобы надѣть его на шею Мерси.

Юліанъ смотрѣлъ на нее въ тревожномъ ожиданіи. Вынесетъ ли она пытку на которую неумышленно обрекалъ ее Горацій?

Да. Чего не вынесла бы она въ присутствіи Граціи Розберри? Гордость поддерживала ее. Ея прекрасные глаза просіяли какъ могутъ просіять только глаза женщины при видѣ драгоцѣннаго украшенія. Ея величественная голова граціозно наклонилась подъ ожерелье, лицо оживилось румянцемъ. Ея торжество надъ Граціей было полно. Юліанъ опустилъ голову. Въ эту грустную минуту онъ задалъ себѣ вопросъ: не ошибся ли я въ ней?

Горацій надѣлъ на нее ожерелье.

— Примите этотъ жемчугъ отъ вашего мужа, моя милая, сказалъ онъ съ гордостью и отступилъ назадъ чтобы полюбоваться на нее.—Теперь, прибавилъ онъ, бросивъ искоса презрительный взглядъ на Грацію,—мы можемъ уйти въ другую комнату. Она видѣла и слышала.

Думая обезоружить ее, онъ только вооружилъ ея ядовитый языкъ новымъ жаломъ.

— Что-то услышите и увидите *вы*, когда я получу мои доказательства изъ Канады, возразила она.—Вы услышите что

ваша жена украла мое имя и положеніе, вы увидите что ваша жена будетъ изгнана изъ этого дома.

Мерси обратилась къ ней съ неудержимою вспышкой злобы.

— Безумная! воскликнула она.

Зараза злобы сообщилась черезъ воздухъ комнаты леди Дженетѣ. И она повернулась къ Граціи, и она воскликнула:

— Безумная!

Горацій послѣдовалъ ея примѣру. Онъ былъ внѣ себя. Онъ устремилъ злобный взглядъ на Грацію и повторилъ заразительное слово·

— Безумная!

Грація не отвѣчала, она была побѣждена наконецъ. Тройное обвиненіе дало ей впервые понять ясно какое страшное подозрѣніе она навлекла на себя. Она попятилась назадъ съ тихимъ крикомъ ужаса и наткнулась на стулъ. Она упала бы еслибы Юліанъ не подоспѣлъ къ ней и не поддержалъ ея.

Леди Дженета направилась къ двери библіотеки, отворила ее, внезапно остановилась и отступила въ сторону какъ бы освобождая дорогу.

На порогѣ отворенной двери появился мущина.

Онъ не былъ ни джентльменъ, ни ремесленникъ, ни слуга. Одѣтъ онъ былъ дурно, въ засаленномъ черномъ сюртукѣ, висѣвшемъ на немъ какъ на вѣшалкѣ, въ жилеткѣ которая была ему коротка и узка, въ панталонахъ походившихъ на два безформенные черные мѣшка. Перчатки его были ему слишкомъ велики, чисто вычищенные сапоги скрипѣли при всякомъ движеніи. Глаза его необычайно внимательные привыкли высматривать въ дверныя щелки, большія уши, оттопыренныя какъ уши обезьяны, привыкли слушать за чужими дверями. Манеры его были спокойно довѣрчивыя когда онъ говорилъ, непроницаемо загадочныя когда онъ молчалъ. Онъ оглянулъ великолѣпную комнату не обнаруживъ ни удивленія, ни восхищенія, внимательно разглядѣлъ всѣхъ присутствовавшихъ, окинувъ ихъ однимъ взглядомъ своихъ хитрыхъ глазъ, онъ поклонился леди Дженетѣ, молча показывая ей, какъ свою рекомендацію, карточку которою былъ вызванъ, и спокойно остановился, облеченный своею роковою таинственностью. Это былъ полицейскій въ партикулярномъ платьѣ.

Никто не заговорилъ съ нимъ. Всякій внутренно содрогнулся, словно въ комнату вползло отвратительное пресмыкающееся.

Онъ, ни мало не смущенный, посмотрѣлъ на Юліана и на Горація.

— Здѣсь мистеръ Юліанъ Грей? спросилъ онъ.

Юліанъ довелъ Грацію до стула. Глаза ея были устремлены на вошедшаго. Она дрожала.—Кто это? прошептала она. Юліанъ, не отвѣтивъ ей, обратился къ полицейскому.

— Подождите тамъ, сказалъ онъ указывая на самый отдаленный уголъ комнаты.—Я сейчасъ поговорю съ вами.

Полицейскій, скрипя сапогами, перешолъ на другую сторону комнаты. Проходя по ковру, онъ мысленно оцѣнилъ его. Онъ оцѣнилъ стулъ на который сѣлъ. Онъ былъ совершенно спокоенъ. Ему было рѣшительно все равно сидѣть ли спокойно и ждать, или изучать характеръ каждаго изъ присутствовавшихъ, лишь бы платили за одно какъ и за другое.

Даже рѣшимость леди Дженеты дѣйствовать самостоятельно не устояла при появленіи полицейскаго. Она предоставила распоряжаться племяннику. Юліанъ взглянулъ на Мерси. Онъ зналъ что развязка зависѣла теперь не отъ него, а отъ нея.

Она почувствовала на себѣ его глаза, между тѣмъ какъ ея глаза были устремлены на полицейскаго. Она повернула голову, поколебалась и внезапно подошла къ Юліану. Она дрожала, какъ и Грація Розберри. Она прошептала, какъ и Грація Розберри:—кто это?

Юліанъ отвѣчалъ ей прямо кто былъ этотъ человѣкъ.

— Для чего онъ здѣсь? спросила она.

— Развѣ вы не можете угадать?

— Нѣтъ.

Горацій отошелъ отъ леди Дженеты и присоединился къ Мерси и Юліану, встревоженный ихъ таинственнымъ объясненіемъ.

— Не мѣшаю ли я? спросилъ онъ.

Юліанъ, вполнѣ его понимая, отошелъ немного въ сторону. Онъ оглянулся на Грацію Почти вся длина большой комнаты отдѣляла ихъ отъ мѣста гдѣ она сидѣла. Она не сдѣлала никакого движенія съ тѣхъ поръ какъ онъ посадилъ ее на стулъ. Она была поражена самымъ ужаснымъ изъ всѣхъ родовъ страха,—страхомъ предъ неизвѣстностью. Ея вмѣшательство не угрожало имъ, и можно было быть увѣреннымъ что она не услышитъ ихъ если они будутъ говорить въ полголоса. Юліанъ, подавая примѣръ, понизилъ голосъ.

— Спросите Горація для чего здѣсь полицейскій, сказалъ онъ Мерси.

Она тотчасъ же задала вопросъ: для чего онъ здѣсь?

Горацій взглянулъ на Грацію и отвѣчалъ:

— Онъ здѣсь для того чтобъ освободить насъ отъ этой женщины.

— Вы хотите сказать что онъ возьметъ ее?

— Да.

— Куда же онъ помѣститъ ее?

— Въ полицейскій домъ.

Мерси вздрогнула и взглянула на Юліана. Онъ слѣдилъ за малѣйшими измѣненіями въ ея лицѣ. Она обратилась опять къ Горацію.

— Въ полицейскій домъ, повторила она.—Для чего?

— Что за вопросъ, возразилъ Горацій раздражительно. Для того чтобы лишить ее свободы.

— Вы хотите сказать что ее посадятъ въ тюрьму?

— Нѣтъ, въ убѣжище.

Мерси взглянула опять на Юліана. Лицо ея выражало страхъ и удивленіе.—Горацій навѣрное ошибается, сказала она.— Этого быть не можетъ.

Юліанъ предоставилъ отвѣчать Горацію. Всѣ способности его души были повидимому сосредоточены на наблюденіи за измѣненіями въ лицѣ Мерси. Она принуждена была обратиться опять къ Горацію.

— Какого рода убѣжище, спросила она.—Вы говорите конечно не о домѣ умалишённыхъ?

— Почему же нѣтъ? возразилъ онъ.—Сначала можетъ-быть рабочій домъ, потомъ домъ умалишенныхъ. Что вы находите въ этомъ удивительнаго? Вы сами назвали ее въ глаза безумною. Боже мой! какъ вы блѣдны! Что съ вами?

Она повернулась въ третій разъ къ Юліану. Страшный выборъ предстоявшій ей обнаружился наконецъ безъ всякихъ прикрасъ. Или возвратить чужое имя и чужія права, или запереть Грацію Розберри въ домъ умалишенныхъ—вотъ въ какой формѣ представился ей выборъ. Она рѣшилась мгновенно. Прежде чѣмъ она заговорила, Юліанъ прочелъ ея намѣреніе въ ея глазахъ. Твердый внутренній блескъ который онъ уже видѣлъ въ нихъ раньше засвѣтился опять ярче и чище прежняго. Совѣсть которую онъ подкрѣпилъ, душа которую

онъ спасъ взглянули на него и сказали: не сомнѣвайся въ насъ болѣе.

— Прикажите этому человѣку уйти.

Таковы были ея первыя слова. Она высказала ихъ (указывая на полицейскаго) чистымъ, звучнымъ, рѣшительнымъ голосомъ, слышнымъ въ самомъ отдаленномъ концѣ комнаты.

Юліанъ взялъ незамѣтно ея руку и обѣщалъ сй минутнымъ пожатіемъ свою братскую симпатію и помощь. Остальные присутствовавшіе взглянули на нее съ безмолвнымъ удивленіемъ. Грація встала, полицейскій тоже. Леди Дженета, присоединилась къ Горацію и вполнѣ раздѣляла его смущеніе и испугъ, взяла рѣзко ея руку и потрясла ее, какъ бы стараясь пробудить ее отъ сна. Мерси осталась непоколебима. Мерси повторила рѣшительно:

— Прикажите этому человѣку уйти.

Леди Дженета вышла изъ терпѣнія.

— Чтò съ вами? спросила она строго.—Понимаете ли вы чтò говорите? Этотъ человѣкъ призванъ сюда ради вашихъ интересовъ, какъ и ради моихъ, онъ здѣсь чтобъ избавить васъ, какъ и меня, отъ дальнѣйшихъ непріятностей и оскорбленій. А вы настаиваете, настаиваете въ моемъ присутствіи, чтобъ ему приказано было уйти! Чтò это значитъ?

— Вы узнаете чтò это значитъ черезъ полчаса, леди Дженета. Я не настаиваю, я только повторяю мою просьбу: прикажите этому человѣку уйти.

Юліанъ перешелъ на другую сторону комнаты (подъ сердитымъ взглядомъ тетки) и сказалъ полицейскому:

— Идите въ полицейскій домъ и ждите тамъ пока не получите отъ меня какихъ-нибудь распоряженій.

Непріятно-внимательные глаза полицейскаго перешли съ Юліана на Мерси и оцѣнили ея красоту, какъ оцѣнили коверъ и стулья. „Старая исторія", подумалъ онъ. „Хорошенькая женщина всегда рано или поздно сдѣлаетъ по-своему." Онъ прошелъ комнату скрипя сапогами, поклонился съ гадкою улыбкой и скрылся въ дверь библіотеки.

Благовоспитанность леди Дженеты заставляла ее сдерживаться пока полицейскій былъ въ комнатѣ. Когда онъ вышелъ, она обратилась къ Юліану.

— Я полагаю что вы посвящены въ тайну всего этого, сказала она.—Я полагаю что вы имѣете какую-нибудь основа-

тельную причину дѣйствовать вопреки моимъ приказаніямъ въ моемъ домѣ.

— Я еще никогда не обнаруживалъ недостатка почтенія къ вамъ, миледи, отвѣчалъ Юліанъ.—Скоро вы узнаете что я и теперь не виноватъ противъ васъ.

Леди Дженета взглянула на другую сторону комнаты. Грація слушала съ напряженнымъ вниманіемъ, сознавая что событія приняли какой-то таинственный оборотъ въ ея пользу.

— Входитъ ли въ ваше новое распоряженіе моими дѣлами, продолжала леди Дженета,—то чтобъ эта особа осталась въ моемъ домѣ?

Страхъ овладѣвшій Граціей еще не вполнѣ оставилъ ее. Она предоставила отвѣчать Юліану. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ сказать слово, Мерси перешла комнату и шепнула Граціи:

— Дайте мнѣ время сознаться письменно. Я не могу сознаться въ ихъ присутствіи, съ этимъ на шеѣ.

Она указала на ожерелье. Грація бросила на нее угрожающій взглядъ и внезапно молча отвернулась.

Мерси отвѣчала на вопросъ леди Дженеты.

— Прошу васъ, миледи, позволить ей остаться здѣсь на полчаса. Черезъ полчаса причина моей просьбы объяснится.

Леди Дженета не препятствовала болѣе. Что-то въ лицѣ Мерси, или въ голосѣ Мерси, заставило ее промолчать, какъ заставило промолчать Грацію. Разговоръ былъ возобновленъ Гораціемъ. Онъ обратился къ Мерси, стоявшей рядомъ съ Юліаномъ, и спросилъ тономъ сдержаннаго гнѣва и подозрительности.

— Могу ли и я разчитывать услыхать черезъ полчаса объясненіе вашего страннаго поведенія? спросилъ онъ.

Свадебный подарокъ его матери былъ надѣтъ на шею Мерси *его* руками. Сердце ея больно сжалось, когда она взглянула въ его лицо и увидала какъ уже сильно былъ онъ огорченъ и оскорбленъ. Слезы выступили на ея глазахъ. Она отвѣчала ему тихо и смиренно:

— Если вамъ угодно, и сдерживаемыя рыданія сдавили ей горло.

Оскорбленный Горацій не удовлетворился такимъ отвѣтомъ.

— Я терпѣть не могу тайнъ и загадокъ, продолжалъ онъ рѣзко.—Въ моемъ семейномъ кружкѣ мы привыкли относиться другъ къ другу откровенно. Для чего долженъ я ждать пол-

часа объясненія, которое можетъ быть дано немедленно? Чего будемъ мы ждать?

Пока Горацій говорилъ, леди Дженета овладѣла собой.

— Я совершенно согласна съ вами, сказала она.—Я тоже спрашиваю: чего будемъ мы ждать?

Даже самообладаніе Юліана поколебалось, когда тетка его повторила этотъ прямой вопросъ. Какъ отвѣтитъ Мерси? Устоитъ ли ея мужество?

— Вы спросили меня чего должны вы ждать, сказала она Горацію твердо и спокойно.—Хотите узнать еще нѣчто о Мерси Меррикъ?

Леди Дженета выслушала съ выраженіемъ утомленія и досады.

— Не возобновляйте *этого*, сказала она.—Мы уже достаточно знаемъ о Мерси Меррикъ.

— Извините, миледи, вы знаете не все. Я единственное лицо которое можетъ сказать вамъ все.

— Вы?

Она почтительно наклонила голову.

— Я просила васъ, леди Дженета, продолжала она,—подождать полчаса. Черезъ полчаса я даю вамъ слово что Мерси Меррикъ будетъ въ этой комнатѣ. Вотъ чего вы должны ждать, леди Дженета Рой и мистеръ Горацій Гольмкрофтъ.

Обязавшись этими словами сознаться въ своемъ преступленіи, она сняла съ шеи ожерелье, положила его въ футляръ и отдала Горацію.

— Оставьте его у себя, сказала она съ минутною дрожью въ голосѣ,—пока мы не встрѣтимся опять.

Горацій взялъ футляръ молча. Онъ смотрѣлъ и дѣйствовалъ какъ человѣкъ съ разсудкомъ парализованнымъ изумленіемъ. Рука его взяла футляръ машинально, глаза его слѣдили за Мерси задумчиво вопросительнымъ взглядомъ. Леди Дженета раздѣляла по-своему его чувства. Смутный страхъ и тревога нависли надъ душой ея какъ туча. Въ эту достопамятную минуту она впервые почувствовала свои годы и впервые смотрѣла женщиной своихъ лѣтъ.

— Позволите ли вы мнѣ, миледи, уйти въ мою комнату? спросила Мерси почтительно.

Леди Дженета дала разрѣшеніе молча. Послѣдній взглядъ Мерси предъ выходомъ изъ комнаты былъ обращенъ ко Граціи. „Довольны вы теперь?“ спрашивали, повидимому, ея большіе сѣрые глаза. Грація отвернулась съ досадливымъ движеніемъ.

Даже ея ограниченная натура расширилась на минуту, и жалость, вопреки ей самой, закралась въ ея сердце.

Послѣднія слова Мерси были обращены kъ Юліану и kасались Граціи.

— Вы позаботитесь чтобъ ей дали kомнату, въ kоторой она могла бы подождать одна? Вы предупредите ее сами kогда пройдетъ полчаса?

Юліанъ отворилъ предъ ней дверь библіотеkи.

— Вы поступили прекрасно, благородно! прошепталъ онъ.— Будьте увѣрены въ моемъ участіи и въ моей помощи.

Ея глаза, застилавшіеся слезами, взглянули на него и поблагодарили его. На его глазахъ тоже выступили слезы. Она спокойно прошла kомнату и скрылась изъ виду прежде чѣмъ онъ затворилъ за ней дверь.

ГЛАВА XXI.

Шаги въ kорридорѣ.

Мерси была одна.

Она испросила себѣ полчаса уединенія въ своей kомнатѣ имѣя въ виду употребить это время на изложеніе своего объясненія письменно, въ формѣ письма kъ Юліану Грею.

Ничто въ послѣднихъ событіяхъ не облегчило ей сознанія что она овладѣла сердцами Горація и леди Джеветы обманомъ. Только чрезъ Юліана могла она высказать то что̀ должно было возвратить Граціи Розберри ея законное положеніе въ домѣ.

Но kакъ ей выразить ему свое признаніе? Письменно или словесно?

Послѣ всего случившагося съ тѣхъ поръ kакъ леди Джевета прервала ихъ, она предпочла бы личное объясненіе съ человѣkомъ такъ делиkатно понявшимъ ее, оkазывавшимъ ей таkое неизмѣнное дружеское участіе. Но неодноkратное проявленіе подозрительной ревности Горація kъ Юліану предупредило ее что она только создала бы себѣ новыя затрудненія и поставила бы въ неловkое положеніе Юліана повидавшись съ нимъ наединѣ поkа Гораційй былъ въ домѣ.

Единственный образъ дѣйствія остававшійся ей былъ тотъ kоторый она выбрала. Она рѣшилась написать свое признаніе въ письмѣ kъ Юліану и въ kонцѣ прибавить нѣсколько инструкцій относительно его дальнѣйшаго образа дѣйствій.

Эти инструкціи состояли въ томъ чтобъ онъ сообщилъ Горацію и леди Дженетѣ содержаніе ея письма въ библіотекѣ, между тѣмъ какъ она, исполняя свое обѣщаніе показать имъ Мерси Меррикъ, будетъ ждать въ сосѣдней комнатѣ своего приговора. Ея рѣшимость не прятаться за Юліана отъ послѣдствій къ которымъ можетъ повести ея признаніе родилась въ душѣ ея въ ту минуту когда Горацій и вслѣдъ за нимъ леди Дженета спросили ее для чего она откладываетъ свое объясненіе и чего заставляетъ она ихъ ждать. Страданіе которое причинили ей эти вопросы дало начало ея намѣренію ждать лично своего приговора въ одной комнатѣ, между тѣмъ какъ Юліанъ будетъ говорить за нее въ другой. „Пусть разобьютъ если хотятъ, мое сердце“, подумала она въ эту горькую минуту. „Это будетъ только то что̀ я заслужила.“

Она заперла дверь и открыла свой письменный ящикъ. Зная какое трудное дѣло предстояло ей исполнить, она старалась приготовиться къ нему.

Попытка была тщетная. Тѣ которые занимаются писаніемъ какъ своею спеціальностью можетъ-быть одни только способны размѣрить громадное разстояніе раздѣляющее концепцію отъ воплощенія ея въ слова. Тяжелое волненіе въ которомъ Мерси была нѣсколько часовъ сряду сдѣлало ее совершенно неспособною къ трудной работѣ изложенія письменно событій въ ихъ постепенномъ совершеніи и отношеніи другъ къ другу. Не разъ пробовала она начать письмо и наконецъ отказалась въ отчаяніи отъ тщетной попытки.

Чувство замиранія въ сердцѣ, истерическое давленіе въ груди предупредили ее объ опасности оставаться праздною, жертвой мрачнаго самоосужденія и воображаемыхъ опасностей.

Она обратилась инстинктивно къ размышленію о своемъ будущемъ. Въ ея будущемъ не было никакихъ недоразумѣній и усложненій. Оно начиналось и кончалось возвратомъ въ Пріютъ, если начальница согласится принять ее. Она не была несправедлива къ Юліану, она знала что его великодушное сердце будетъ сочувствовать ей, что его добрая рука протянется къ ней съ помощью. Но что̀ случилось бы еслибъ она легкомысленно приняла его помощь? Скандалъ указалъ бы на ея красоту и на его молодость и истолковалъ бы низкими побужденіями чистѣйшую дружбу которая могла бы возникнуть между ними. И онъ былъ бы жертвой, потому что лишился бы своей доброй славы. Нѣтъ, ради него, изъ благодарности къ нему ея

знакомство съ Юліаномъ Греемъ должно было окончиться съ ея отъѣздомъ изъ Мабзеторпъ-Гауса.

Драгоцѣнныя минуты проходили. Она рѣшилась написать начальницѣ Пріюта и спросить можетъ ли она разчитывать получить прощеніе и быть принятою опять въ Пріютъ. Занятіе письмомъ которое легко было написать могло имѣть укрѣпляющее дѣйствіе на ея умъ и приготовить ее къ письму которое трудно было написать. Прежде чѣмъ взяться за перо, она постояла съ минуту у окна, думая о прошломъ къ которому ей предстояло возвратиться.

Ея окно выходило на востокъ. Тусклый отблескъ освѣщеннаго Лондона отражался на небѣ на которомъ она остановила глаза. Онъ словно манилъ ее ко всѣмъ ужасамъ страшныхъ улицъ, обѣщалъ указать ей путь къ большимъ мостамъ надъ темною рѣкой и облегчить ей страшный скачокъ въ будущую жизнь или въ уничтоженіе,—Богъ вѣсть.

Она содрогаясь отвернулась отъ окна. „Неужели я рѣшусь на такой конецъ, если начальница Пріюта откажетъ принять меня?" спросила она себя.

Она принялась за письмо.

„Сударыня.—Прошло такъ много времени съ тѣхъ поръ какъ вы потеряли меня изъ виду что я едва рѣшилась писать вамъ. Я боюсь что вы уже произнесли свой приговоръ надо мною какъ надъ ожесточенною, неблагодарною женщиной.

Я вела ложную жизнь, я не была въ состояніи написать вамъ до нынѣшняго дня. Теперь, когда я стараюсь сдѣлать все что въ моихъ силахъ чтобъ искупить мою вину, теперь, когда я раскаяваюсь всѣмъ сердцемъ, могу ли я попросить позволенія возвратиться къ другу помогавшему мнѣ въ теченіи нѣсколькихъ несчастныхъ лѣтъ? О, сударыня, не отвергайте меня. У меня нѣтъ никого кромѣ васъ къ кому я могла бы обратиться за помощью.

„Позволите ли вы мнѣ сознаться во всемъ? Простите ли вы мнѣ когда узнаете что я сдѣлала? Примите ли вы меня опять въ Пріютъ, если можете дать мнѣ какое-нибудь занятіе которымъ я могла бы зарабатывать себѣ кровъ и пищу?

„Прежде чѣмъ наступитъ ночь, я должна оставить домъ въ которомъ пишу это письмо. Мнѣ некуда идти. Небольшая сумма денегъ и нѣсколько цѣнныхъ вещей которыми я обладаю должны быть оставлены здѣсь. Онѣ пріобрѣтены неправильнымъ путемъ, онѣ не мои. Въ настоящую минуту на свѣтѣ нѣтъ существа болѣе безпріютнаго чѣмъ я. Вы христіанка. Не ради меня, ради Христа сжальтесь надо мной и возьмите меня къ себѣ.

„Я хорошая сидѣлка, какъ вамъ извѣстно, и шью хорошо.

Не можете ли вы дать мнѣ возможность трудиться тѣмъ или другимъ спообомъ?

„Я могу также быть учительницей, самою незатѣйливою. Но это безполезно. Кто рѣшится поручить своихъ дѣтей такой женщинѣ какъ я. А между тѣмъ я такъ люблю дѣтей. Мнѣ кажется что я могла бы быть если не счастливою, то довольною своею судьбой еслибы могла имѣть дѣло съ ними. Нѣтъ ли благотворительныхъ обществъ старающихся помогать безпріютнымъ дѣтямъ бродящимъ по улицамъ? Я вспоминаю свое собственное дѣтство и думаю какъ я была бы счастлива еслибы могла спасти другихъ дѣтей отъ того до чего дошла я. Надъ такимъ дѣломъ я могла бы работать неустанно дни и ночи. Я положила бы въ него все мое сердце и имѣла бы то преимущество предъ счастливыми и обезпеченными женщинами что кромѣ этого мнѣ не о чемъ было бы думать. Надѣюсь что мнѣ довѣрили бы несчастныхъ малютокъ взять съ улицъ, еслибы вы замолвили слово за меня. Если я хочу слишкомъ многаго, простите меня. Я такъ несчастна, такъ одинока и такъ утомлена жизнью.

„Еще одна просьба. Мнѣ осталось быть здѣсь очень не долго. Не отвѣтите ли вы мнѣ телеграммой, сказавъ только да или нѣтъ.

„Меня знаютъ здѣсь не подъ тѣмъ именемъ подъ которымъ вы меня знали. Прошу васъ адресовать телеграмму „достопочтимому Юліану Грею, Маблеторпъ-Гаусъ, Кенсингтонъ“. Онъ здѣсь и передастъ эту телеграмму мнѣ. Никакими словами нельзя выразить какъ я ему обязана. Онъ никогда не отчаявался во мнѣ, онъ спасъ меня отъ меня самой. Да благословитъ и да вознаградитъ Господь этого добрѣйшаго и благороднѣйшаго человѣка какого я когда-либо знала.

„Мнѣ остается только попросить васъ извинить это длинное письмо и вѣрить вашей благодарной слугѣ.“

Она подписала и запечатала письмо и надписала адресъ. За тѣмъ впервые замѣтила препятствіе о которомъ должна бы была подумать раньше.

По почтѣ письмо ея не дошло бы во-время до мѣста своего назначенія. Его нужно было послать съ частнымъ посланнымъ. До сихъ поръ слуги леди Дженеты были всѣ до одного къ ея услугамъ. Имѣла ли она право употреблять ихъ по своимъ дѣламъ, когда черезъ полчаса могла быть сама выгнана изъ дома какъ обезчещенная женщина? Не лучше ли явиться въ Пріютъ прямо, не спросивъ позволенія, чѣмъ посылать слугу леди Дженеты?

Пока она все еще обдумывала этотъ вопросъ, раздался стукъ въ ея дверь. Отворивъ ее, она увидѣла горничную леди Дженеты, со сложеннымъ листомъ почтовой бумаги въ рукѣ.

— Отъ миледи, миссъ, сказала служанка подавая записку.— Отвѣта не надо.

Мерси остановила ее когда она уже выходила изъ комнаты. Появленіе служанки дало ей новую мысль. Она спросила не будетъ ли кто изъ слугъ въ этотъ день въ городѣ.

— Одинъ изъ грумовъ поѣдетъ верхомъ съ порученіемъ къ каретнику миледи.

Пріютъ былъ въ двухъ шагахъ отъ магазина каретника. При такихъ обстоятельствахъ Мерси рѣшилась дать порученіе слугѣ.

— Сдѣлайте одолженіе, попросите грума завезти это письмо. Ему не придется сворачивать въ сторону чтобъ отдать его, это мѣсто на его дорогѣ.

Служанка охотно согласилась исполнить ея просьбу. Оставшись опять одна, Мерси взглянула на записку которую держала въ рукахъ.

До сихъ поръ ея благодѣтельница никогда не объяснялась съ ней письменно когда онѣ были обѣ дома. Чтò могло значить такое отступленіе отъ установленныхъ привычекъ? Неужели проницательная леди Дженета уже заподозрила истину. Нервы Мерси были сильно возбуждены. Она дрожала развертывая письмо.

Оно начиналось безъ обращенія и не было подписано. Вотъ чтò писала леди Дженета:

„Я должна попросить васъ отложить на нѣсколько времени объясненіе которое вы обѣщали мнѣ. Въ мои годы непріятныя открытія очень тяжелы. Я должна собраться съ духомъ чтобъ услышать то чтò вы имѣете сообщить мнѣ. Я постараюсь не заставлять васъ ждать долго. Между тѣмъ все будетъ идти по старому. Мой племянникъ и Горацій Гольмкрофтъ и молодая особа которую я застала въ столовой останутся по моему желанію въ домѣ пока я не буду въ состояніи встрѣтиться опять съ ними и съ вами."

Этимъ письмо кончалось. Къ какому заключенію могло оно привести?

Угадала ли леди Дженета истину, или только предположила что ея пріемная дочь имѣла какія-нибудь компрометтирующія сношенія съ Мерси Меррикъ? Одно названіе „молодая особа", которымъ она обозначила въ письмѣ свою непрошенную гостью, доказывало что ея взглядъ на Грацію измѣнился. Но доказывали ли эти слова что она отгадала какого рода признаніе го-

товится высказать ей Мерси? Не только въ эту минуту, но и въ послѣдствіи не было возможности разъяснить этотъ вопросъ. До конца своей жизни леди Джевета не сказала никому къ какимъ заключеніямъ пришла она въ этотъ достопамятный день и что она перечувствовала.

Но среди многаго загадочнаго и неразрѣшимаго, одно было ясно. Время которымъ Мерси могла располагать въ своей комнатѣ было продолжено ея благодѣтельницей. Пройдетъ можетъ-быть нѣсколько часовъ прежде чѣмъ у нея спросятъ обѣщаннаго объясненія. Между тѣмъ она успѣетъ собраться съ духомъ и написать свое признаніе въ формѣ письма къ Юліану Грею.

Она положила предъ собой листокъ бумаги, оперлась головой на руку и начала снова припоминать событія прошлаго, начавъ со дня своей первой встрѣчи съ Граціей Розберри во французской хижинѣ и кончая днемъ въ который онѣ сошлись вторично лицомъ къ лицу въ столовой Маблеторпъ-Гауса.

Цѣпь событій мало по малу, звено за звеномъ, начала развертываться, и Мерси замѣтила внезапно какъ съ самаго начала случай и судьба сглаживали ей путь къ тому что она сдѣлала.

Встрѣтившись при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, ни Мерси, ни Грація не удостоили бы другъ друга такими признаніями какими онѣ обмѣнялись во французской хижинѣ. Но при общемъ испытаніи и общей опасности, въ чужой странѣ, двѣ женщины соотечественницы естественно почувствовали влеченіе открыть другъ предъ другомъ свои сердца. Ни при какихъ другихъ обстоятельствахъ Мерси не могли бы познакомиться при первой встрѣчѣ съ положеніемъ и дѣлами Граціи и не подверглась бы искушенію, послѣ катастрофы случившейся съ Граціей, воспользоваться ея бумагами.

Перебирая одно за другимъ дальнѣйшія событія которыя такъ естественно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ странно способствовали ей исполнить свой замыселъ, она дошла до позднѣйшаго періода, когда Грація прибыла въ Англію. Здѣсь опять она замѣтила какъ случай и судьба сглаживали путь къ ихъ вторичной встрѣчѣ въ Маблеторпъ-Гаусѣ.

Она хорошо помнила что была, по просьбѣ леди Дженеты, на собраніи одного благотворительнаго общества, когда Грація пришла въ первый разъ въ Маблеторпъ-Гаусъ. Еслибы ея возвращеніе замедлилось на нѣсколько минутъ, Юліанъ

успѣлъ бы увести Грацію изъ комнаты, и Мерси была бы избавлена отъ страшной встрѣчи при которой она упала безъ чувствъ на полъ. Но случилось такъ что время ея отсутствія неожиданно сократилось, въ чемъ она не нашла тогда ничего необыкновеннаго. Члены собранія такъ разошлись въ своихъ мнѣніяхъ о дѣлѣ по поводу котораго собрались что понадобилась неизбѣжная въ такихъ случаяхъ отсрочка преній. Случай и судьба устроили такъ что Мерси вошла въ комнату въ ту именно минуту когда Грація Розберри настаивала на томъ чтобъ ее свели лицомъ къ лицу съ женщиной овладѣвшею ея положеніемъ.

Всѣ эти событія еще никогда не представлялись Мерси въ такомъ роковомъ свѣтѣ. Она была утомлена и разстроена потрясающими происшествіями этого дня.

Мало-по-малу раздражающее дѣйствіе новаго направленія принятаго ея мыслями начало обнаруживаться. Сердце ея замирало отъ суевѣрнаго страха. Смутное предчувствіе чего-то ужаснаго билось съ ея пульсомъ, пробѣгало съ кровью по ея жиламъ. Мистическій ужасъ окружалъ ее какъ атмосфера комнаты. Яркій свѣтъ свѣчей казался тусклымъ. Неестественные звуки слышались ей въ шумѣ вѣтра. Она внезапно почувствовала на своемъ лицѣ свои собственныя холодныя руки и не могла отдать себѣ отчета какъ и когда подняла она ихъ. Она боялась оглянуться назадъ.

Въ такомъ ужасномъ состояніи она внезапно услыхала мужскіе шаги въ корридорѣ. Въ другое время это только удивило бы ее, теперь заставило ее опомниться. Шаги, чьи бы они ни были, свидѣтельствовали о жизни и человѣческомъ присутствіи. Она взяла опять машинально перо и вспомнила о своемъ письмѣ къ Юліану.

Въ ту же минуту шаги стихли у ея двери. Раздался стукъ. Она была все еще въ сильномъ волненіи, она не владѣла собою. Услышавъ стукъ она тихо вскрикнула. Прежде чѣмъ онъ повторился, она успѣла собраться съ духомъ и отворила дверь.

Въ корридорѣ стоялъ Горацій Гольмкрофтъ.

Его лицо, обыкновенно румяное, было блѣдно. Его волосы, которыми онъ занимался особенно тщательно, были растрепаны. Утрированная изысканность манеръ исчезла. Онъ былъ теперь человѣкомъ безъ всякихъ прикрасъ, угрюмымъ, подозрительнымъ, раздраженнымъ до крайности. Онъ посмотрѣлъ

на нее внимательно подозрительнымъ взглядомъ. Онъ спросилъ ее безъ предисловій и извиненій холодно сердитымъ тономъ:

— Извѣстно ли вамъ что̀ происходитъ внизу?

— Я не выходила изъ своей комнаты, отвѣчала она. — Я знаю только что леди Дженета отсрочила объясненіе которое я обѣщала ей.

— Такъ вы не слыхали что̀ сдѣлала леди Дженета послѣ того какъ вы оставили насъ? Вы не слыхали что она учтиво предоставила свой собственный будуаръ въ распоряженіе женщины которую выгоняла изъ своего дома полчаса тому назадъ? И вы дѣйствительно не знаете что мистеръ Юліанъ Грей самъ проводилъ туда эту внезапно возвеличенную гостью? И что я остался одинъ среди всѣхъ этихъ перемѣнъ, противорѣчій и загадокъ и все еще ничего не знаю?

— Эти вопросы совершенно лишніе, сказала Мерси кротко.— Кто же могъ разказать мнѣ что̀ происходитъ внизу прежде чѣмъ вы постучались въ мою дверь?

Онъ посмотрѣлъ на нее съ насмѣшливо-притворнымъ изумленіемъ.

— Какъ вы недогадливы сегодня, сказалъ онъ.—Развѣ вашъ другъ мистеръ Юліанъ Грей не могъ сказать вамъ? Я удивляюсь что онъ еще не являлся къ вамъ съ своимъ тайнымъ свиданіемъ.

— Я не понимаю васъ, Горацій.

— Я и не хочу чтобъ вы понимали меня, возразилъ онъ раздражительно.—Юліанъ Грей долженъ будетъ понять меня. Я надѣюсь что онъ дастъ мнѣ отчетъ въ таинственныхъ сношеніяхъ установившихся между вами за моею спиной. Онъ избѣгаетъ меня, но я доберусь до него.

Въ его манерахъ было больше угрозы чѣмъ въ словахъ. У Мерси явилось опасеніе что онъ завяжетъ ссору съ Юліаномъ Греемъ.

— Вы очень ошибаетесь, сказала она горячо. — Вы несправедливы къ вашему лучшему другу. О себѣ я не говорю. Вы скоро узнаете почему я покорно выношу подозрѣнія которыя другая женщина приняла бы за оскорбленіе.

— Почему? Скажите это сейчасъ. Не откладывая ни на минуту.

До сихъ поръ они стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи другъ отъ друга, Мерси на порогѣ двери, онъ прислонясь къ противоположной стѣнѣ корридора. При послѣднихъ словахъ онъ

внезапно приблизился къ ней, схватилъ ея руку и сжалъ ее до боли. Она старалась высвободиться.

— Пустите, сказала она.—Чего вы хотите отъ меня?

Онъ выпустилъ ея руку такъ же внезапно какъ взялъ ее.

— Вы узнаете чего я хочу отъ васъ, возразилъ онъ.—Женщина грубо оскорбившая васъ, женщина которую извиняетъ только ея помѣшательство, удержана въ домѣ по вашему желанію, когда полицейскій готовъ арестовать ее. Я имѣю право знать что̀ это значитъ. Я помолвленъ съ вами. Если вы не хотите довѣриться другимъ, вы обязаны объясниться со мной. Я не хочу ждать пока леди Дженетѣ вздумается выслушать васъ. Я требую (вы сами вынуждаете меня выражаться такъ рѣзко), я требую чтобъ вы сказали мнѣ какъ вы замѣшаны въ этомъ дѣлѣ. Я принужденъ былъ придти къ вамъ сюда, потому что не видалъ возможности объясниться съ вами иначе. Вы избѣгаете меня, вы запираетесь отъ меня въ своей комнатѣ. Я еще не мужъ вашъ, я не имѣю права войти къ вамъ. Но есть много другихъ комнатъ открытыхъ для насъ. Библіотека свободна, и я позабочусь чтобы намъ не помѣшали. Я теперь иду туда и предлагаю вамъ послѣдній вопросъ. Черезъ недѣлю вы обѣщали быть моею женой. Откроете вы мнѣ свои тайны, или нѣтъ?

Колебаніе въ эту минуту было бы гибельно. Чувство справедливости дало почувствовать Мерси что Горацій требуетъ только должнаго. Она отвѣчала не задумавшись:

— Черезъ пять минутъ я приду къ вамъ въ библіотеку, Горацій.

Ея готовность исполнить его желаніе удивила и тронула его. Онъ взялъ ея руку.

Она вытерпѣла отъ него все что̀ только могло внушить ему его оскорбленное самолюбіе. Но самою горькою минутой была та когда онъ поднялъ ея руку къ своимъ губамъ и нѣжно прошепталъ:—„моя милая, правдивая Грація!“ Она могла только сдѣлать ему знакъ оставить ее и поспѣшно ушла въ свою комнату.

Ея первымъ чувствомъ когда она осталась опять одна было удивленіе,—удивленіе что ей до сихъ поръ не пришло въ голову что ея женихъ имѣетъ полное право быть ея первымъ повѣреннымъ. Тяжесть признанія въ томъ что они оба обмануты въ своей любви заставила ее поставить Горація на одинъ уровень съ леди Дженетой. Теперь она впервые поняла что ихъ

права на ея откровенность далеко не одинаковы. Чего бы ей ни стоило сознаться Горацію лицомъ къ лицу, это должно быть сдѣлано.

Не колеблясь ни минуты, она отложила въ сторону свои письменныя принадлежности. Она не могла понять какъ ей пришло въ голову сдѣлать Юліана посредникомъ между ней и ея женихомъ. Симпатія Юліана (подумала она) произвела на нее такое сильное впечатлѣніе что заставила ее забыть свой несомнѣнный долгъ, не допускавшій никакихъ сдѣлокъ.

Она просила Горація подождать пять минутъ. Срокъ этотъ оказался слишкомъ долгимъ.

Единственнымъ средствомъ сохранить достаточно мужества для страшнаго признанія въ томъ кто она была и что̀ она сдѣлала было не думать о немъ заранѣе и сознаться безъ приготовленій. Стыдъ обезсилилъ бы ее, еслибъ она дала себѣ время подумать.

Она повернулась къ двери чтобы послѣдовать за нимъ не медленно.

Какъ ни тяжела была эта минута, но самый нераціональный изъ всѣхъ женскихъ инстинктовъ,—инстинктъ заботливости о своей наружности, заставилъ ее остановиться. Она вынесла не мало потрясающихъ испытаній съ тѣхъ поръ какъ одѣлась чтобы сойти внизъ. Вспомнивъ это, она машинально остановилась, вернулась назадъ и взглянула въ зеркало.

Не тщеславіе было поводомъ къ этому поступку. Она сдѣлала это такъ же безсознательно какъ застегнула бы разстегнувшуюся перчатку или поправила смятое платье.

Минутная улыбка, горькая и безнадежная, показалась на лицѣ ея. „Мрачная, страшная, преждевременно состарѣвшаяся“, подумала она. „Ничего! такъ лучше! Это облегчитъ ему ударъ, и онъ не пожалѣетъ обо мнѣ.“

Съ этою мыслью она пошла къ нему въ библіотеку.

ФОРМЫ ВОДЫ

ВЪ ОБЛАКАХЪ И РѢКАХЪ, ВО ЛЬДѢ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ*

СОЧИНЕНІЕ ДЖОНА ТИНДАЛЯ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

XXXVI. Образованіе разсѣлинъ. Соображенія.

249. Въ предположеніи что мы продолжаемъ трудиться вмѣстѣ, вступимъ теперь на новое поле изслѣдованій. Сложивъ нашу цѣль, мы, послѣ тяжелой денной работы на ледникѣ *du Géant*, возвращаемся домой, какъ вдругъ, подъ нашими ногами, раздается трескъ, какъ бы выходящій изъ массы ледника. Въ испугѣ мы осматриваемъ ледъ. Звукъ повторяется, и нѣсколько выстрѣловъ раздаются одинъ за другимъ. Они слышатся то справа, то слѣва, какъ будто ломится ледъ кругомъ насъ, но мы ничего не видимъ.

250. Мы внимательно разглядываемъ ледъ и послѣ старательныхъ поисковъ, въ продолженіе цѣлаго часа, находимъ наконецъ причину выстрѣловъ. Они возвѣщаютъ рожденіе трещины. Изъ лужи на ледникѣ пошли пузыри, и мы усматриваемъ что дно лужи пересѣкаетъ узкая трещина изъ которой

---

* См. №№ 1й и 2й *Русск. Вѣстн.*

выходатъ пузыри. Вправо и влѣво отъ лужи мы можемъ прослѣдить трещину на большія разстоянія. Мѣстами она едва замѣтна и нигдѣ не довольно широка для того чтобъ можно было всунуть въ нее лезвіе ножа.

251. Трудно повѣрить чтобъ грозныя разсѣлины, черезъ которыя мы съ вами перебирались со страхомъ, зачинались въ такомъ маломъ видѣ. Тѣмъ не менѣе дѣйствительно бываетъ такъ. Большія зіяющія пропасти около и выше ледяныхъ каскадовъ *Géant* и Талефра образовались изъ узкихъ трещинъ, которыя постепенно расширялись въ разсѣлины. Такимъ образомъ мы наглядно и поучительно убѣждаемся въ томъ что явленія происшедшія повидимому отъ внезапнаго дѣйствія крайне напряженныхъ силъ могутъ возникнуть вслѣдствіе такихъ медленныхъ процессовъ, которые можно открыть только при помощи тонкихъ наблюденій. На явленія природы вліяютъ два обстоятельства: *напряженность* дѣйствующей силы и *продолжительность времени* ея дѣйствія. Сильная напряженность, въ краткій срокъ, производитъ внезапные перевороты; но то же самое видимое явленіе можетъ произойти при долговременномъ дѣйствіи слабо напряженной силы. Эта истина разительно подтверждается Альпійскими ледяными каскадами и разсѣлинами. Многія геологическія явленія, наводящія съ перваго взгляда на мысль о крутыхъ переворотахъ, въ дѣйствительности могли образоваться такимъ же едва замѣтнымъ путемъ.

XXXVII. Сосульки.

252. Самыя большія разсѣлины встрѣчаются въ высокихъ *névés*, гдѣ онѣ принимаютъ видъ то длинныхъ разверстыхъ расщелинъ, то неправильно очертанныхъ пропастей. Изъ нихъ брезжетъ слабый голубой свѣтъ, который постепенно гаснетъ во мракѣ ихъ глубины. Надъ окраинами пропастей, наичаще съ южной стороны, виситъ снѣжный гребень, съ котораго спускаются, подобно сталактитамъ, ряды прозрачныхъ сосулекъ въ 10, 20 и 30 футовъ длины. Эти висячія копья составляютъ лучшее украшеніе разсѣлинъ на большихъ высотахъ.

253. Какъ онѣ образуются? Очевидно отъ таянія снѣга. Но почему растаявшая вода снова замерзаетъ въ видѣ твердыхъ копій? Вы видали сосульки на краяхъ крышъ образовавшіяся отъ таянія снѣга на крышѣ. Если мы поймемъ какъ произо-

шли эти сосульки, то мы поймемъ и происхожденіе большихъ сталактитовъ въ Альпійскихъ разсѣлинахъ.

254. Совокупимъ извѣстныя намъ свѣдѣнія и, размысливъ надъ ними внимательно, постараемся основать на нихъ теорію сосулекъ.

255. Вы знаете что атмосферный воздухъ едва нагрѣвается солнечными лучами, kакъ видимыми такъ и невидимыми. Воздухъ чрезвычайно прозраченъ для всѣхъ родовъ лучей, и только тѣ весьма немногіе изъ нихъ для которыхъ онъ *не* прозраченъ тратятъ свою силу на его нагрѣваніе.

256. Не такъ бываетъ со снѣгомъ на который падаютъ солнечные лучи. Онъ поглощаетъ солнечное тепло, и въ ясный день, на вершинахъ высокихъ Альповъ, во многихъ мѣстахъ, блеститъ растаявшая вода. Въ то же время температура воздуха надъ горами и вокругъ ихъ можетъ-быть на нѣсколько градусовъ ниже точки замерзанія.

257. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стóитъ только перейти съ мѣста освѣщеннаго солнцемъ въ тѣнь. Довольно одного шага чтобы термометръ, стоявшій высоко, опустился низко. Перемѣна зависитъ не отъ разности въ температурѣ *воздуха*, но просто оттого что термометръ не подвергается прямому дѣйствію солнечныхъ лучей. Даже оставляя термометръ на своемъ мѣстѣ, достаточно прикрыть его экраномъ, задерживающимъ лучи солнца, чтобы доказать холодъ воздуха.

258. Взгляните теперь на снѣгъ на крышѣ вашего дома. Онъ таетъ отъ играющихъ на немъ солнечныхъ лучей; вода просачивается къ краю и падаетъ каплями. Если край крыши освѣщается солнцемъ, вода остается водою; но если край не на солнцѣ, то капля, прежде выхода изъ снѣга, погружается въ тѣнь. Въ тѣни же, какъ вы видѣли, температура можетъ-быть ниже точки замерзанія. Если такъ, то капля, прежде паденія, замерзаетъ и образуетъ зачатокъ сосульки. Новыя капли и струйка, стекая по этому зачатку, частію замерзаютъ и утолщаютъ его въ корнѣ. Другая часть воды доходитъ до конца сосульки, свѣшивается съ него и замерзаетъ прежде паденія, отчего сосулька удлиняется. Въ Альпахъ, гдѣ таяніе обильно и холодъ въ тѣни разсѣлины очень силенъ, образующіяся такимъ же путемъ сосульки достигаютъ большой величины. Осушеніе снѣга по прекращеніи дѣйствія солнца также порождаетъ сосульки.

259. Объясненіе образованія сосулекъ любопытно и имѣетъ

свою важность, но несравненно важнѣе уразумѣть какъ переплетены между собою, подобно нитямъ ткани, тѣ явленія совокупность которыхъ мы называемъ природою. Нельзя понять сосульки, не зная что солнечные лучи способны своею силою довести снѣгъ до таянія и вздуть пузырь на человѣческой кожѣ, что будучи сосредоточены они могутъ сжечь все тѣло человѣка, а проходя сквозь воздухъ они не повышаютъ его ледяной температуры.

XXXVIII. Бергшрундъ.

260. Возвратимся къ трещинамъ и разсмотримъ ихъ происхожденіе. Надъ нетающими снѣгами, *névés*, возвышаются верхніе пики и гребни Альповъ, прислоняясь къ которымъ снѣгъ часто накопляется крутыми сугробами. Мы уже знаемъ что *névés* и ледники медленно движутся внизъ, но обыкновенно верхняя часть сугробовъ такъ крѣпко пристаетъ къ скаламъ что держится на нихъ, между тѣмъ какъ нижняя отрывается. При этомъ образуется характеристическая трещина, которая въ тѣхъ альпійскихъ мѣстностяхъ гдѣ говорятъ по-нѣмецки, называется *бергшрундъ*. Она часто, подобно рву, окружаетъ пикъ, какъ бы охраняя къ нему доступъ отъ покушеній странствующихъ по горамъ.

261. Взглянемъ внимательнѣе на происхожденіе этой трещины. Вообразимъ что снѣгъ еще не разорвался. Его верхнія части пристали къ скаламъ и чрезвычайно медленно спускаются внизъ. Нижнія же его части, потому ли что онѣ глубже и тяжеле, или потому что онѣ слабѣе прикрѣплены къ скаламъ, побуждаются къ болѣе скорому движенію. Въ нижнемъ снѣгѣ порождается *усиліе* оторваться отъ верхняго. Сперва этому усилію сопротивляется сцѣпленіе *névé*, но наконецъ оно уступаетъ, и образуется трещина вдоль той самой линіи по которой вліяло усиліе. Другими словами: *образуется трещина въ направленіи перпендикулярномъ къ линіи по которой тянуло снѣгъ.*

XXXIX. Поперечныя трещины.

262. Происхожденіе трещины въ *névé* и въ ледникахъ одинаково. По какой-либо причинѣ во льдѣ возникаетъ побужденіе раздаться, но какъ онъ *растянуться* не можетъ, то онъ *трескается* поперекъ линіи по которой его тянетъ. Возьмите

для примѣра ледяной каскадъ *Géant* или Талефра, подъ которыми трещины разверсты какъ страшныя пасти. Вообразите что *névé* и ледникъ сметены прочь, такъ что обнажена поверхность по которой они движутся. Мы увидимъ что съ ущелья *Géant* эта поверхность спускается легкимъ склономъ до мѣста занимаемаго теперь вершиною каскада. Здѣсь она перегибается и круто спускается внизъ до основанія ледника, гдѣ отлогость склона снова дѣлается незначительною.

263. Поразмыслите о движеніи *névé* по такой поверхности. Спускаясь изъ ущелья эта снѣжная масса достигаетъ вершины каскада. Перейдя вершину она должна перегнуться чтобъ удержаться на своемъ ложѣ. Чтò же должно произойти? Поверхность *névé* очевидно напрягается, разрывается, и образуется трещина. Каждая новая часть *névé*, при переходѣ черезъ вершину каскада, разрывается точно также, и по кручѣ каскада спускается внизъ рядъ трещинъ, одна за другою. Между каждыми двумя пропастями идетъ большая поперечная гряда. Отъ вліянія мѣстныхъ растягиваній на кручѣ, эти гряды часто разрываются поперекъ и образуютъ изъ себя ледяныя башни, *séracs*. Вдоль кручи возникаютъ новыя гряды и башни, потому что при спускѣ разрывы умножаются.

264. Чтò должно произойти при подошвѣ каскада? Здѣсь отлогость склона внезапно уменьшается. Ясно что не только не могутъ раскрываться новыя трещины, но что и прежнія должны вполнѣ или отчасти смыкаться. При вершинѣ каскада поверхность, отъ перегибанія, дѣлалась выпуклою, а при основаніи она, отъ сгибанія, дѣлается вогнутою. Въ первомъ случаѣ трещины должны открываться, а во второмъ онѣ закрываются. Такое разсужденіе вполнѣ согласно съ фактами.

265. Обнажите вашу руку и вытяните ее прямо. На сторонѣ противоположной локтю, сдѣлайте чернилами двѣ точки, въ разстояніи полудюйма одну отъ другой. При сгибаніи руки, точки станутъ сближаться и наконецъ совпадутъ вмѣстѣ. Пусть эти двѣ точки представляютъ оба края трещины при основаніи ледянаго каскада; сгибаніе руки походитъ въ такомъ случаѣ на сгибаніе льда, а совпаденіе точекъ—на смыканіе трещины.

266. Эти замѣчанія справедливы и для различныхъ частей Ледянаго Моря. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ склонъ изъ отлогаго мѣняется на крутой, и ледники, переходя черезъ перегибъ, трескаются на своемъ хребтѣ. Такъ образуются *поперечныя*

трещины. Подобная перемѣна въ покатости есть противъ *Angle*, а другая, бо́льшая—въ верховьѣ ледника *des Bois*; вслѣдствіе чего Ледяное Море въ первой точкѣ непроходимо, а въ послѣдней ледъ такъ взломанъ и растерзанъ, какъ мы видѣли и описали. Ниже *Angle* и при подошвѣ ледника *des Bois* покатость уменьшается, трещины смыкаются, и ледникъ снова дѣлается сплошнымъ и плотнымъ.

XL. Трещины на краяхъ.

267. Были ли бы трещины и въ томъ случаѣ еслибы наклоненіе ложа не измѣнялось? Конечно ихъ было бы менѣе, но онѣ не исчезли бы вовсе; ибо существуютъ еще другія причины растягивающія ледъ и заставляющія его разрываться. Главнѣйшая изъ этихъ причинъ есть болѣе скорое движеніе средины ледника.

268. Опираясь на замѣчательные труды покойнаго Гопкинса, изъ Кембриджа, разслѣдуемъ вмѣстѣ это обстоятельство. Намъ будетъ пріятно разрѣшить его, если мы предварительно взглянемъ на тѣ запутанныя и обманчивыя явленія которыя подлежатъ объясненію. Поэтому я желалъ бы чтобы вы отправились со мною въ Базель, Тунъ, Интерлакенъ и Гриндельвальдъ, гдѣ вы увидали бы Веттергорнъ, Эйгеръ и всѣ самые высокіе пики Бернскаго Оберланда—Финстерааргорнъ, Шрекгорнъ, Мёнхъ и Юнгфрау. Въ Гриндельвальдѣ, какъ мы уже знаемъ, находятся два извѣстные ледника—Обергриндельвальдскій и Унтергриндельвальдскій; на послѣднемъ мы начинаемъ наши наблюденія.

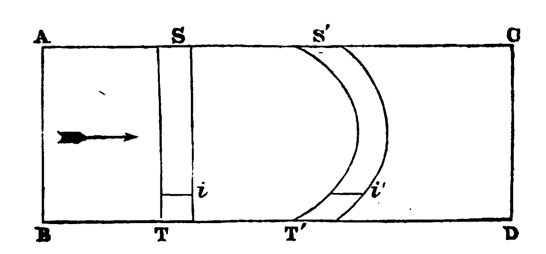
269. Выйдя изъ деревни въ глубинѣ долины, мы можемъ взобраться на противоположную гору. Оставивъ влѣво большія известковыя пропасти Веттергорна, мы вступаемъ на тропу, съ которой открывается видъ на весь ледникъ. Здѣсь намъ представляется прекрасный примѣръ тому какъ разверзаются трещины на гребнѣ возвышенія и смыкаются при его подошвѣ. Но всего замѣчательнѣе боковыя трещины ледника, такъ-называемыя *трещины на окраинахъ*.

270. Мы находимъ многочисленныя трещины на краяхъ ледника, даже въ такихъ мѣстахъ гдѣ средина его остается плотною, и замѣчаемъ что эти трещины идутъ не вдоль ледника и не прямо поперекъ его, но составляютъ съ его окраи-

нами уголъ почти въ 45°. Начинаясь отъ краевъ ледника трещины направлены *вверхъ*, это значитъ что концы трещинъ примыкающихъ къ окружающимъ горамъ какъ бы стягиваются *внизъ*. Безъ пріобрѣтенныхъ нами свѣдѣній, вы навѣрное заключили бы что средина ледника остается позади, вслѣдствіе болѣе скораго движенія боковыхъ частей.

271. Дѣйствительно, видъ трещинъ привелъ къ такому заключенію Агассиса, прежде нежели онъ измѣрилъ движеніе средины и краевъ Унтерааарскаго ледника. Искусный въ рѣшеніи механическихъ задачъ Гопкинсъ тотчасъ опредѣлилъ наклоненіе боковыхъ трещинъ, происходящее отъ болѣе скораго движенія центра. Стоя у ледника съ карандашомъ и записною книжкой въ рукѣ, я сейчасъ объясню вамъ въ чемъ дѣло.

272. Положимъ что на прилагаемомъ чертежѣ AC представляетъ одну сторону ледника, BD другую, а стрѣлка указываетъ направленіе движенія. Пусть ST означаетъ поперечный слой ледника, взятый поперекъ его, напримѣръ сегодня. Такъ какъ средина движется скорѣе сторонъ, то черезъ нѣсколько дней или недѣль слой спустится внизъ и приметъ форму S'T'.

273. Возьмемъ у края слоя въ начальномъ положеніи небольшой квадратъ Ti. Спустившись внизъ, квадратъ вытянется въ ромбоидальную фигуру T'i'. Обратите вниманіе на діагональ Ti квадрата; въ нижнемъ положеніи, еслибы ледъ былъ растяжимъ, она вытянулась бы въ линію T'i'. Съ перваго взгляда на чертежъ вы убѣдитесь что трещина должна быть направлена *косвенно* кверху.

274. На всемъ краю ледника, по причинѣ болѣе скораго движенія средины, ледъ долженъ раздаться; вслѣдствіе чего боковыя части ледника разсѣкаются многочисленными трещинами, даже въ такомъ мѣстѣ гдѣ въ срединѣ ихъ нѣтъ.

275. Любопытно видѣть какъ въ другихъ мѣстахъ попереч-

ныя трещины средины соединяются съ боковыми трещинамя и образуютъ большія кривыя трещины, которыя тянутся черезъ весь ледникъ, изъ края въ край. Выпуклость кривой обращена (фиг. 8) кверху, сообразно законамъ механики. Если

эти законы вамъ неизвѣстны, то по виду кривыхъ вы не заключите что средина ледника движется скорѣе. Когда скатывается большая масса земли или отвердѣвшій илъ, можно иногда видѣть тѣ же явленія какія представляетъ ледъ.

XLI. Продольныя трещины.

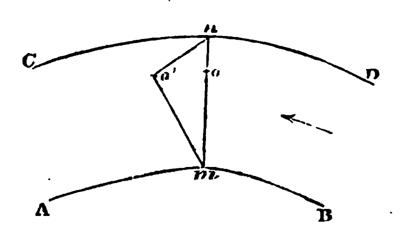
276. Мы разслѣдовали поперечныя трещины на краяхъ. Но когда ледникъ выходитъ изъ крутаго и узкаго ущелья на сравнительно горизонтальную равнину, на которой онъ можетъ расширяться въ обѣ стороны, то движеніе его отчасти останавливается, и на пологую его часть напираютъ части лежащія на болѣе крутой отлогости позади. Здѣсь линія напора лежитъ въ направленіи ледника, и ледъ стремится раздаться въ направленіи перпендикулярномъ къ этой линіи. По послѣдней линіи ледникъ разрывается, и образуются продольныя трещины.

277. Примѣры такихъ трещинъ видны на нижней части ледника Роны, когда мы смотримъ на него съ Гримзельскаго перехода или съ какой-либо господствующей надъ нимъ точки на прилегающихъ къ нему горахъ.

XLII. Трещины образующіяся вслѣдствіе закривленій ледниковъ.

278. Нужно объяснить еще одно обстоятельство, съ которымъ, при теперешнемъ запасѣ нашихъ свѣдѣній, совладать вамъ будетъ очень легко. Вспомните что въ началѣ нашихъ разслѣдованій мы перешли черезъ Ледяное Море, со стороны *Chapeau* на сторону Монтанвера. При этомъ я обратилъ ваше вниманіе на то что на сторонѣ ледника прилегающей къ *Chapeau* больше трещинъ чѣмъ на срединѣ и на Монтаверской сторонѣ (75). Отчего это происходитъ? Зная что сторона ледника обращенная къ *Chapeau* движется скорѣе чѣмъ другая, и что точка самаго быстраго движенія лежитъ не на срединѣ, но удалена отъ нея къ востоку, намъ не трудно дать на этотъ вопросъ удовлетворительный отвѣтъ.

279. Положимъ что на прилагаемомъ чертежѣ AB и CD представляютъ кривые края Ледянаго Моря подъ Монтанверомъ, и проведемъ поперекъ ледника прямую *mn*. Пусть *o* будетъ точка наибольшаго движенія. Механическое состояніе обѣихъ сторонъ ледника ясно обнаруживается. Положимъ что линія *mn* есть прямая упругая струна, которой концы укрѣплены; ухватимъ ее крѣпко двумя пальцами въ точкѣ *o* и притянемъ ее въ *o'*, такъ чтобы разстояніе *o'* отъ края CD не измѣнялось. Часть *no* струны вытянется въ *no'*, а часть *mo* въ *mo'*, и вы усмотрите что короткая линія, сравнительно съ ея длиною, вытянулась болѣе чѣмъ длинная. Другими словами, на *no* напряженіе сильнѣе чѣмъ на *mo'*, и еслибы дошло до разрыва, то порвалась бы короткая линія.

280. Эти двѣ линіи изображаютъ условія напряженности на двухъ сторонахъ ледника. Боковыя части задерживаются назади, а средина движется впередъ, и такимъ образомъ средина

стремится оторваться отъ краевъ. Перемѣщеніе точки наибольшаго движенія, вслѣдствіе закривленія долины, приводитъ ледъ въ болѣе напряженное состояніе на восточной сторонѣ ледника чѣмъ на западной. Поэтому на восточной сторонѣ больше трещинъ чѣмъ на западной.

281. Вотъ причина почему трудно ходить по восточной сторонѣ Ледянаго Моря, и она заставила насъ перейти черезъ ледникъ насупротивъ Монтанвера. На восточной сторонѣ двѣ выпуклыя извилины соотвѣтствуютъ одной на западной сторонѣ, и потому вообще на восточной сторонѣ Ледянаго Моря болѣе разрывовъ чѣмъ на западной.

XLIII. Гряды моренъ, столы на ледникахъ и песчаные конусы.

282. Когда мы съ вами переходили въ первый разъ черезъ Ледяное Море, изъ Трелапорта въ *Couvercle*, мы видѣли что полосы камней и гравія, изъ которыхъ составлены срединныя морены, поднимаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на высоту отъ двадцати до тридцати футовъ надъ уровнемъ ледника. При разсмотрѣніи этихъ моренъ оказывается что гравій составляетъ только поверхностный слой и лежитъ на большой ледяной грядѣ, которая тянется вдоль хребта ледника. Какія причины подняли эту ледяную гряду?

283. Многія дѣти читали опытъ доктора Франклина, который въ ясный солнечный день клалъ на снѣгъ лоскутки ткани разнаго цвѣта. Лоскутки погружались въ снѣгъ, темные больше свѣтлыхъ.

284. Поразмыслимъ объ этомъ опытѣ. Солнечные лучи падаютъ на верхнюю поверхность ткани и нагрѣваютъ ее. Тепло, сквозь толщину ткани, проводится на нижнюю поверхность и оттуда переходитъ въ снѣгъ, который отъ тепла таетъ. Очевидно что количество тающаго снѣга зависитъ отъ количества тепла проводимаго съ верхней поверхности ткани на нижнюю.

285. Ткань есть такъ-называемый дурной проводникъ. Она не даетъ сквозь себя свободнаго пропуска теплу. Но когда теплу надлежитъ проникнуть сквозь толщину одного лишь лоскутка, то на другую его сторону выходитъ довольно еще значительная его часть. Удвойте, утройте или учетверите толщину

ткани, или, лучше, кладите одинъ лоскутокъ на другой, и вы составите наконецъ такую толщину сквозь которую ощутительное количество тепла не можетъ проникнуть съ верхней поверхности на нижнюю.

286. Что̀ должно произойти когда лоскутъ толстой ткани или рядъ лоскутовъ положенныхъ одинъ на другой прикрываютъ собою снѣгъ освѣщаемый яркимъ солнцемъ? Снѣгъ вокругъ ткани растаетъ, а снѣгъ лежащій подъ тканью будетъ защищенъ отъ вліянія солнечнаго тепла. Если дѣйствіе будетъ продолжительно, то неминуемо уровень снѣга вокругъ ткани опустится, и она останется на снѣжномъ холмикѣ.

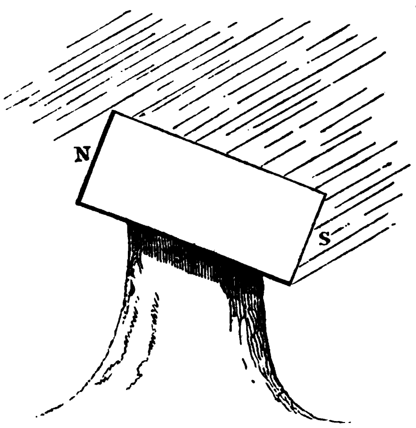
287. Теперь вы поймете причину ледяныхъ грядъ подъ моренами. Онѣ произошли не отъ того что ледъ вздулся кверху; но отъ того что ледъ прикрытый камнями и гравіемъ защищенъ отъ солнца, между тѣмъ какъ вправо и влѣво ледникъ таетъ отъ вліянія его лучей, и подъ прикрышкою остается возвышенная ледяная гряда.

288. Такимъ же образомъ объясняются различныя другія явленія на ледникѣ. На Ледяномъ Морѣ встрѣчаются иногда каменныя плиты поддерживаемыя ледяными столбами, такъ называемые *столы ледниковъ*. Они происходятъ не отъ вырастанія на ледникѣ ледянаго стержня, но отъ таянія ледника вокругъ прикрытаго камнемъ льда. Вотъ изображеніе одного изъ столовъ на Ледяномъ Морѣ.

289. Замѣтьте что плита стола на ледникѣ никогда не лежитъ горизонтально на своемъ столбѣ. Она наклоняется къ одной сторонѣ, и изъ многочисленныхъ наблюденій оказывается что это наклоненіе таково что по нему можно всегда опредѣ-

лить на ледникѣ направленіе полуденной линіи. Солнце, находясь въ полдень на югѣ отъ зенита, согрѣваетъ своими лучами южный край стола, между тѣмъ какъ сѣверный остается въ тѣни. Поэтому болѣе нагрѣтый край не такъ хорошо защищаетъ находящійся подъ нимъ ледъ какъ сѣверный. Столъ наклоняется, и наконецъ плита скатывается съ своего подножія.

290. Прилагаемый рисунокъ представляетъ какъ бы образцовый столъ. Косвенныя линіи изображаютъ солнечные лучи и наклоненіе показано такое какое мы замѣчаемъ на ледникахъ.

291. Кремень такъ не поднимается; подобно франклиновскому лоскуту ткани темнаго цвѣта, кремень погружается въ ледъ. Комъ черной земли не остается на поверхности, но уходитъ въ ледъ. Во многихъ частяхъ Ледяное Море продырявлено на подобіе сота погруженіемъ въ ледъ такихъ пятенъ грязи.

292. Этого не случается если грязь имѣетъ такую толщину что можетъ предохранить ледъ отъ таянія. Песокъ часто смывается ручьями съ горъ или моренъ и разсѣевается по нѣкоторымъ мѣстамъ на ледникѣ, причемъ обнаруживается любопытное явленіе: засыпанная пескомъ поверхность возвышается, и поднимается выше тамъ гдѣ слой песка глубже. Возникаютъ маленькіе пики и холмы, и если распредѣленіе песка было благопріятно, а дѣйствіе продолжительно, то образуются маленькія горы, иногда отдѣльныя, иногда соединенныя въ группы, какъ бы миніатюрное подобіе Альпъ. *Песчаные конусы* Ледянаго Моря не такъ бросаются въ глаза, но на ледникахъ Гёрнерскомъ, Алечскомъ, Мортерачскомъ и другихъ они образуются отдѣльно и группами и достигаютъ иногда отъ десяти до двадцати футовъ вышины.

XLIV. Мельницы на ледникѣ.

293. При помощи продолжительныхъ наблюденій мы изучали съ вами характеръ Ледянаго Моря. Мы ежедневно ходили по нему съ опредѣленною цѣлью, но не отворачивали нашихъ глазъ и отъ другихъ предметовъ. Случайные взгляды на вещи на которыя не обращено наше вниманіе открываютъ намъ, при научномъ изслѣдованіи, новые предметы для изученія.

294. Когда мы прогуливались по льду близь Трелапорта, насъ часто поражалъ звукъ похожій на глухой раскатъ грома. Мы искали причину этого звука и нашли ее.

295. Въ этой части ледника есть обширная площадь цѣльнаго льда. На ней достаточно мѣста для того чтобы струйки воды могли слиться въ ручейки и ручьи; ручьи соединяются въ стремительные потоки, которые иногда прорываютъ себѣ во льдѣ глубокія русла. Въ своемъ теченіи эти потоки встрѣчаютъ такое мѣсто гдѣ ледникъ отъ напряженія треснулъ и образовалась трещина поперекъ потока. Здѣсь водѣ открывается путь на дно ледника. Продолжительнымъ дѣйствіемъ потокъ промываетъ себѣ колодезь, а трещина обращается въ начало воронки необозримой глубины, въ которую вода низвергается съ громовымъ трескомъ.

296. Такая воронка съ водопадомъ на ледникѣ называется *мельницею*.

297. Держитесь крѣпко за мою руку пока вы стоите у края воронки и смотрите въ глубь. Пропасть освѣщенная слабымъ чисто-голубымъ свѣтомъ прекрасна, но и ужасна. Случалось что неосторожные люди падали въ такіе колодцы: за одной или двумя секундами головокруженія слѣдовала мгновенная смерть. На ледникахъ и въ горахъ, для такихъ какъ мы съ вами изслѣдователей, осторожность должна обратиться въ привычку.

298. Трещина въ которую спустился потокъ и размылъ въ ней мельницу, движется вмѣстѣ съ ледникомъ внизъ. Слѣдующая часть льда надвигается на то мѣсто гдѣ ледъ отъ напряженія разрывается. Образуется новая трещина выше мельницы, которую потокъ покидаетъ, и она движется далѣе внизъ какъ пустой колодезь. На Ледяномъ Морѣ предъ Большою Мельницею (Grand Moulin) мы насчитываемъ не менѣе шести

такихъ покинутыхъ водою ямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ до 90 футовъ глубины.

299. Мы съ вами желаемъ измѣрить, если можно, всю глубину Ледянаго Моря. Нельзя не воспользоваться для этой цѣли Большою Мельницею. Наша первая попытка опредѣлить глубину Мельницы не удалась, потому что отъ напора падающей воды оборвалась наша веревка. Кусокъ сала помѣщенный во впадинѣ снизу гири даетъ морякамъ средство судить о днѣ моря. Беремъ такую гирю и убѣждаемся что не можемъ достать ею дна ледника, такъ какъ наша веревка не довольно длинна чтобы спустить гирю далѣе 163 футовъ.

300. Съ 28го іюля по 8е августа мы слѣдили за движеніемъ Большой Мельницы. Въ первый день было опредѣлено положеніе Мельницы. До 31го числа она спустилась внизъ на 50 дюймовъ; спустя немного болѣе сутокъ Мельница подвинулась на 74 дюйма. До 8го августа она подвинулась на 198 дюймовъ, среднимъ числомъ на 18 дюймовъ въ двадцать четыре часа. Безъ сомнѣнія и въ слѣдующее лѣто Большая Мельница будетъ грохотать подъ Трелапортомъ, но подобно трещинѣ на *Grand Plateau* (XVI), эта мельница будетъ уже не наша. Ледъ который она пробуравила спустился теперь вѣроятно слишкомъ на милю ниже того мѣста которое онъ занималъ въ 1857 году.

XLV. Измѣненія въ объемѣ воды отъ тепла и холода.

301. Мы видѣли на ледникѣ колодези наполненные водою чисто-голубаго цвѣта. Нѣкоторые изъ нихъ не иное что̀ какъ сомкнувшіеся при основаніи колодези пересохшихъ мельницъ. Для объясненія ихъ была предложена теорія, сама по себѣ хотя и несостоятельная, но основанная на такихъ свѣдѣніяхъ о свойствахъ воды которыхъ нельзя не знать такимъ изслѣдователямъ какъ вы и я.

302. Когда мы анатомировали съ вами озерный ледъ лучомъ тепла (XI), мы замѣтили маленькія пятнушки, означавшія пустоту въ центрѣ жидкаго цвѣтка, происшедшаго отъ вліянія луча. Мы объяснили эти пятнушки тѣмъ фактомъ что объемъ воды изъ разстаявшаго льда менѣе объема этого льда; и что слѣдовательно вода цвѣтка не можетъ наполнить всего пространства занимаемаго цвѣткомъ.

303. Вотъ еще болѣе наглядный опытъ для объясненія этого предмета. Небольшую стклянку наполненную водой закупоримъ пробкою чрезъ которую плотно проходитъ узкая стеклянная трубка, такъ чтобы вся стклянка и трубка до извѣстной высоты были наполнены водою.

304. Станемъ нагрѣвать стклянку пламенемъ спиртовой лампы. При первомъ дѣйствіи пламени жидкость въ трубкѣ тотчасъ опускается ниже. Это происходитъ отъ быстраго расширенія стклянки при дѣйствіи тепла; въ началѣ вліянія пламени она тотчасъ дѣлается шире.

305. Но расширеніе воды скоро беретъ верхъ надъ расширеніемъ стклянки, и мы видимъ что жидкій столбецъ въ стеклянной трубкѣ поднимается, какъ ртуть въ трубкѣ нагрѣваемаго термометра.

306. Наша трубка имѣетъ десять дюймовъ длины, и при началѣ опыта вода стояла на высотѣ пяти дюймовъ. Подъ вліяніемъ спиртовой лампы вода поднимается до самаго конца трубки и льется черезъ край. Этотъ опытъ ясно доказываетъ что вода отъ тепла расширяется.

307. Положимъ теперь на подносъ немного толченаго льда и соли, поставимъ на него стклянку и обложимъ ее этою охлаждающею смѣсью. Вода въ трубкѣ станетъ опускаться внизъ, чѣмъ доказывается что вода отъ холода сжимается. Предоставимъ водѣ понижаться въ трубкѣ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ; мы замѣтимъ что жидкость опускается все медленнѣе и медленнѣе и наконецъ останавливается.

308. Не спускайте глазъ съ жидкаго столбца въ трубкѣ; онъ остается въ покоѣ менѣе минуты и снова приходитъ въ движеніе, но движется уже не внизъ, а вверхъ. *Охлаждающая смѣсь производитъ теперь такое же дѣйствіе какъ пламя.*

309. Не трудно опустить въ стклянку, сквозь пробку, термометръ и опредѣлить при какой температурѣ жидкость перестаетъ сжиматься и начинаетъ расширяться. Мы найдемъ что въ это мгновеніе температура жидкости чуть-чуть болѣе $+ 4^0$ Цельзія.

310. Слѣдовательно при этой температурѣ вода достигаетъ своей *наибольшей плотности.*

311. Четыре градуса ниже, при 0^0, жидкость начинаетъ превращаться въ твердые кристаллы льда, который, какъ вамъ извѣстно, плаваетъ поверхъ воды, потому что при ровномъ съ нею вѣсѣ онъ имѣетъ большій объемъ. Прекращеніе сбли-

женія частицъ, при 4° тепла, есть приготовленіе къ слѣдующему за тѣмъ акту кристаллизаціи, въ которомъ расширеніе отъ холода бываетъ самое большое. До замерзанія объемъ увеличивается очень мало и постепенно, а въ моментъ замерзанія онъ увеличивается съ неимовѣрною силой.

312. Силою этого расширенія флорентійскіе академики разорвали мѣдный шаръ толщиною въ три четверти дюйма. Тою же силой знаменитый астрономъ Гюйгенсъ, въ 1667 году, разрывалъ желѣзные стволы толщиною въ палецъ. Майоръ Уильямсъ въ суровую зиму, въ Квебекѣ, налилъ водою мортиру и заткнулъ ее деревяннымъ обрубкомъ. При температурѣ около 30° Цельзія ниже точки замерзанія воды, металлъ выдержалъ давленіе, но обрубокъ былъ выброшенъ на разстояніе 400 футовъ. Въ Варшавѣ такимъ же образомъ разрывали гранаты, и я самъ клалъ на полчаса въ охлаждающую смѣсь толстыя, наполненныя водой бомбы, отчего онѣ растрескивались на куски.

313. Упомянутая въ началѣ этой главы теорія колодцевъ заключается въ слѣдующемъ. Вода на поверхности колодца нагрѣвается солнцемъ, положимъ до + 4° Цельзія. Соприкасающаяся со льдомъ вода на днѣ имѣетъ температуру точки замерзанія или около того. Поэтому болѣе тяжелая вода находится наверху; она опускается на дно, гдѣ отъ ея тепла таетъ ледъ, и такимъ образомъ колодезь углубляется.

314. Подобное теченіе несомнѣнно существуетъ и не остается безъ вліянія, но я думаю что оно не можетъ произвести того дѣйствія о которомъ идетъ рѣчь. *Углубленіе* колодца возможно если ледъ на днѣ таетъ скорѣе чѣмъ на поверхности ледника. Трудно представить себѣ какимъ образомъ солнечное тепло поглощенное водою и унесенное на дно колодца побуждаетъ ледъ таять тамъ скорѣе чѣмъ онъ таетъ наверху, подъ падающими на него солнечными лучами. Поверхность ледника должна таять *по крайней мѣрѣ* такъ же скоро какъ и дно колодца, а потому теченіе не можетъ произвести приписываемаго ему дѣйствія.

XLVI. Послѣдствія вышеописанныхъ свойствъ воды. — *Исправленіе заблужденій.*

315. Свойство воды не сжиматься отъ холода при температурѣ ниже + 4° Цельзія я узналъ въ молодыхъ лѣтахъ и помню какое оно произвело на меня впечатлѣніе. Мнѣ предложили поразмыслить о томъ что̀ произошло бы въ случаѣ если-

бы не существовало этого единственнаго исключенія изъ общаго закона.

316. Меня заставили призадуматься надъ положеніемъ населеннаго рыбою озера, котораго поверхность окружена очень холоднымъ воздухомъ. Мнѣ объясняли что остывающая вода уменьшается въ объемѣ, дѣлается тяжелѣе и опускается на дно, а на мѣсто ея выплываетъ изъ глубины озера вода болѣе теплая и легкая.

317. Мнѣ указали что еслибы вода не имѣла этого свойства, то процессъ кругообращенія совершался бы до тѣхъ поръ пока вся вода въ озерѣ не остыла бы до точки замерзанія. Тогда началось бы замерзаніе и продолжалось бы все время пока оставалась въ озерѣ вода не обратившаяся въ ледъ; вслѣдствіе чего все живущее въ озерѣ было бы истреблено. Къ этому присоединились бы еще другія бѣдствія, и всѣ они предотвращены тѣмъ вполнѣ исключительнымъ обстоятельствомъ, что послѣ нѣкотораго времени остывающая вода дѣлается легче, плаваетъ на поверхности озера и тамъ замерзаетъ, образуя изъ себя предохранительную крышу для остающихся подъ нею живыхъ существъ.

318. Одинъ изъ весьма основательныхъ ученыхъ, графъ Румфордъ, написалъ по поводу этого вопроса слѣдующее: „Въ обширныхъ предѣлахъ видимаго творенія для изслѣдованія человѣческаго ума не представляется другаго предмета доказывающаго такъ поразительно мудрость Творца и его особенную заботливость, при общемъ устроеніи вселенной, о сохраненіи животной жизни, какъ это удивительное свойство воды.

319. „Прошу читателя слѣдить за мною внимательно въ изслѣдованіи этого любопытнаго предмета, и вмѣстѣ прошу у него довѣрія и снисхожденія. Я понимаю какой опасности подвергается смертный дерзающій объяснять предначертанія Безконечной Мудрости. Попытка наша смѣлая, но конечно не неумѣстная.

320. „Еслибы Провидѣніе не оказывало при этомъ случаѣ помощи, которую можно назвать чудодѣйственною, то, въ предѣлахъ полярнаго круга, вся прѣсная вода замерзала бы зимою на очень большую глубину, и погибли бы всѣ деревья и растенія.“

321. Графъ Румфордъ пространно излагаетъ съ такой точки зрѣнія пути и предначертанія Всемогущаго, и не колеблясь обзываетъ очень рѣзкими словами тѣхъ которые не раздѣля-

ютъ его мнѣній. Онъ называетъ ихъ загрубѣлыми и презрѣнными. Но весь энтузіазмъ графа Румфорда по поводу этого предмета и весь его гнѣвъ на людей различнаго съ нимъ мнѣнія основаны на ошибочномъ свѣдѣніи.

322. Вода не *единственное* исключеніе изъ общаго закона. Кромѣ частицъ составляющихъ эту жидкость, есть еще другія частицы требующія для себя болѣе простора въ твердомъ кристаллизованномъ состояніи, чѣмъ въ близкомъ къ нему жидкомъ состояніи. Таково желѣзо. Твердый кусокъ этого металла плаваетъ на расплавленномъ желѣзѣ какъ ледъ на водѣ. Висмутъ представляетъ еще болѣе поразительный примѣръ: при переходѣ этого металла изъ жидкаго состоянія въ твердое бомба можетъ быть выброшена съ такою же силой какъ и при замерзаніи воды. Свойство то же, а между тѣмъ оно безполезно для охраненія жизни рыбъ.

324. Жизнь и жизненныя условія, по необходимости, должны находиться въ согласіи. Это аксіома, ибо безъ благопріятныхъ условій жизнь не можетъ существовать. Но какъ жизнь такъ и ея условія предполагаютъ дѣйствія Неисповѣдимой Силы. Мы не знаемъ ни ея происхожденія, ни ея конца. Виновны въ самонадѣянности тѣ которые возводятъ на престолъ вселенной увеличенное подобіе самихъ себя и приписываютъ ему свои же дѣйствія, только въ колоссальномъ размѣрѣ.

XLVII. Молекулярный механизмъ замерзанія воды.

325. Возвращаемся къ нашей наукѣ. Какъ представить себѣ расширеніе воды при замерзаніи? Какимъ дѣйствіемъ частицы требуютъ для себя, съ такою непреодолимою силой, болѣе мѣста въ твердомъ состояніи, чѣмъ въ близкомъ къ нему жидкомъ состояніи? Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы должны заимствовать наши понятія изъ чувственнаго міра и потомъ прилагать ихъ къ міру недосягаемому для нашихъ чувствъ.

326. Мы не забыли нашу бесѣду о полюсахъ атомовъ (§ 10) и о томъ какъ примѣняется къ кристалламъ понятіе о полярной силѣ. Если сказанное объ этомъ предметѣ сохранилось въ вашей памяти, то вамъ не трудно будетъ понять почему актъ кристаллизаціи сопровождается расширеніемъ объема.

327. Кладу предъ вами нѣсколько магнитовъ. Какъ вещество они подлежатъ вліянію тяготѣнія, и еслибъ они были совершенно свободны, они начали бы двигаться одинъ къ другому, побуждаемые притягательною силой тяготѣнія.

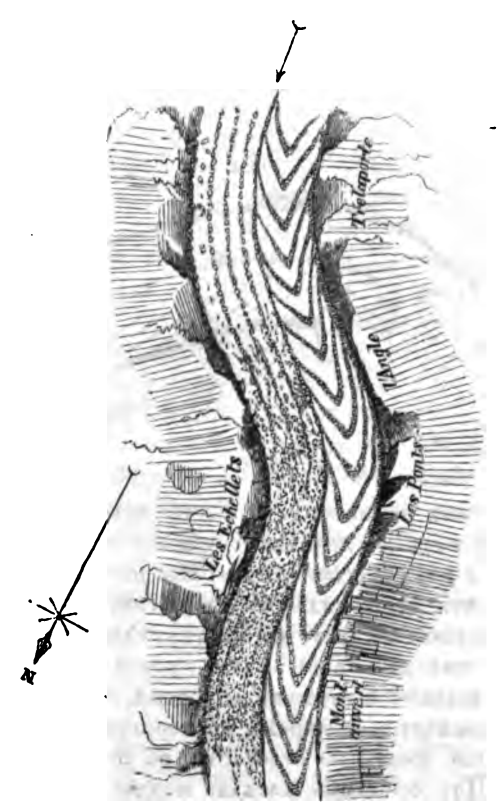
328. Но вещество въ нихъ не простое, а *магнитное*. Они дѣйствуютъ одинъ на другой не только силою притяженія, но также и полярною силой магнетизма. Представьте себѣ что магниты размѣщены на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго и могутъ двигаться совершенно свободно. Сперва начинаетъ дѣйствовать тяготѣніе и сближаетъ ихъ между собою. Исходящая изъ полюсовъ магнитная сила въ началѣ незамѣтна; но когда разстояніе между магнитами уже уменьшилось до извѣстной степени, тогда полярная сила начинаетъ обнаруживать свое вліяніе. Точки взаимно притягивающіяся сходятся вмѣстѣ, а точки взаимно отталкивающіяся удаляются одна отъ другой, и легко вообразить что вслѣдствіе такого дѣйствія магниты могутъ размѣститься такъ что займутъ болѣе мѣста. Предположите что магниты вложены въ ящикъ, который тѣсно окружаетъ ихъ собою въ то мгновеніе когда начинаетъ дѣйствовать полярная сила. Легко понять что въ стремленіи принять новое расположеніе углы и концы магнитовъ могутъ напирать на стѣнки ящика, и даже сломать его, если силы имѣютъ достаточную для того напряженность.

329. Это понятіе можно примѣнить къ частицамъ воды. Онѣ, подобно магнитамъ, подлежатъ вліянію двухъ различныхъ силъ. При охлажденіи жидкости, онѣ, повинуясь взаимному между собою притяженію, приближаются одна къ другой. Но когда сближеніе достигло извѣстныхъ предѣловъ, тогда начинаютъ дѣйствовать новыя притягивающія и отталкивающія силы, *исходящія изъ особенныхъ точекъ частицъ.* Притягиваемыя точки сходятся вмѣстѣ, а отталкиваемыя удаляются одна отъ другой. Частицы располагаются въ другомъ порядкѣ, причемъ для нихъ потребно болѣе мѣста, и потребность эта такъ могуча что превозмогаетъ всякое обыкновенное сопротивленіе. Вотъ, въ общихъ выраженіяхъ, объясненіе расширенія воды при отвердѣніи. Не трудно устроить такой снарядъ который показалъ бы это на опытѣ.

XLVIII. Полосы грязи на Ледяномъ Морѣ.

330. Когда мы переходимъ съ яркаго солнечнаго свѣта въ слабо освѣщенную комнату, все кажется намъ такъ темнымъ что мы не отличаемъ ясно находящіеся въ комнатѣ предметы. Сильно пораженный волнами свѣта (§ 3) оптическій нервъ притупляется, и дѣлается снова чувствительнымъ не прежде какъ по истеченіи нѣкотораго времени.

331. Поэтому я выбираю теперешній часъ для особеннаго наблюденія на Ледяномъ Морѣ. Солнце сѣло за гребнемъ Шармоза, и поверхность ледника покрылась легкою тѣнью. Наша главная дневная работа окончена, но у насъ осталось еще довольно силъ чтобы взобраться по прилегающимъ къ Монтанверу склонамъ на высоту около тысячи футовъ надъ льдомъ.

332. Мы смотримъ внизъ на ледникъ, который мы отсюда лучше обнимаемъ нашимъ взоромъ чѣмъ изъ Монтанвера. Мы замѣчаемъ что по его восточной сторонѣ разстилается грязь отъ скученныхъ вмѣстѣ срединныхъ моренъ. Поверхность ледника *du Géant* кажется сравнительно чистою, но мы видимъ на ней нѣчто такое чего мы не замѣчали прежде. Она пересѣкается рядомъ сѣрыхъ изогнутыхъ полосъ, которыя слѣдуютъ одна за другою внизъ отъ Трелапорта. Съ нашего мѣста мы насчитываемъ восемнадцать такихъ полосъ.

333. Это *грязныя полосы* Ледянаго Моря; ихъ наблюдалъ въ первый разъ профессоръ Форбсъ въ 1842 году.

334. Полосы тянутся по леднику далѣе чѣмъ намъ видно; если мы перейдемъ черезъ долину Шамуни и взойдемъ на горы противоположной стороны до мѣста близь маленькой гостиницы называемой Ла-Флежеръ, то намъ откроется видъ на конецъ ледника, и покажется заключительный рядъ полосъ. Мы находимъ полосы только на той части ледника которая спускается съ ущелья *du Géant*.

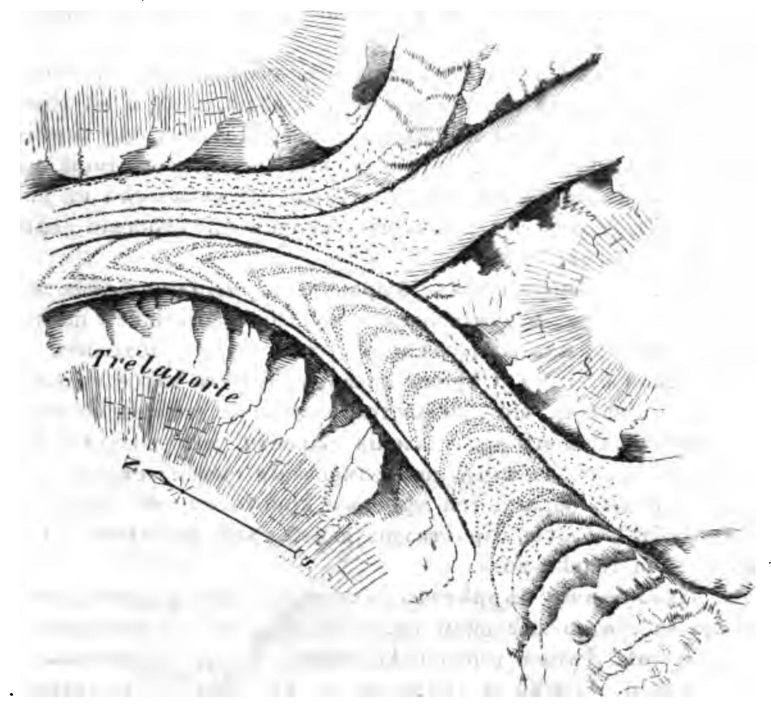

Source of the Arveiron.

335. Отчего онѣ происходятъ? Вамъ знакомъ величественный и полный видъ на ледникъ и ущелье *du Géant* изъ Станціи Разсѣлины надъ Трелапортомъ. Мы должны туда взобраться чтобы видѣть весь рядъ полосъ внизъ до Монтанвера и вверхъ до основанія ледянаго каскада на ледникѣ *du Géant*. Каскадъ очевидно имѣетъ вліяніе на ихъ происхожденіе.

336. Какое вліяніе? Отвѣтить не трудно. Ледникъ, какъ намъ извѣстно, разрывается поперекъ на вершинѣ ледянаго каскада и опускается внизъ по отлогости, въ видѣ ряда поперечныхъ градъ. При основаніи каскада пропасти смыкаются, но

гряды отчасти остаются и образуютъ выпуклости, которыя, подобно большимъ волнамъ, тянутся поперекъ ледника. Эти выпуклости все болѣе и болѣе закривляются по причинѣ болѣе скораго движенія центра, а впадины между ними наполняются грязью и обломками, которые смываются ручьями съ прилежащихъ склоновъ.

337. Отъ вліянія солнца выпуклости постепенно понижаются и совершенно исчезаютъ еще далеко до Трелапорта. Накопившаяся между ними грязь остается и лежитъ поперечными полосами на плоской поверхности ледника. Подъ Трелапортомъ, гдѣ долина суживается, полосы очень заостряются и сохраняютъ потомъ этотъ видъ на всемъ протяженіи Ледянаго Моря. Другіе ледники съ каскадами имѣютъ такія же полосы.

XLIX. Морской ледъ и морскія ледяныя горы.

338. Теперь мы пріобрѣли столько свѣдѣній что можемъ приступить къ изслѣдованіямъ на другомъ поприщѣ. Вода дѣлается тяжелѣе и не такъ легко замерзаетъ, если въ ней рас-

творена соль. Поэтому морская вода тяжелѣе прѣсной, и Океанъ обмывающій Гренландію замерзаетъ только при температурѣ, которая почти на два градуса ниже точки замерзанія прѣсной воды. Если морская вода содержитъ въ себѣ такъ много соли что удѣльный вѣсъ ея доходитъ до 1, 1.045, то, по наблюденію Скоресби, она замерзаетъ лишь тогда когда температура опускается на 10° Цельзія ниже точки замерзанія.

339. Кристаллизующая сила тщательно отбрасываетъ соль и употребляется вся на замораживаніе воды, даже и въ томъ случаѣ когда послѣдняя насыщена солью. Поэтому при таяніи морской воды получается вода прѣсная. Соляныя частицы попадающіяся въ морскомъ льдѣ застряли механически въ его порахъ. Онѣ не имѣютъ никакого значенія въ строеніи ледяныхъ кристалловъ.

340. Эта, если можно такъ выразиться, *исключительность* водяныхъ частицъ, побуждающая ихъ выбрасывать всѣ постороннія элементы изъ сооружаемыхъ ими формъ, доходитъ до удивительной степени. Сѣрная кислота имѣетъ такое сильное сродство съ водою, что признается химиками самымъ могущественнымъ дѣятелемъ для удаленія сырости изъ воздуха. Но еще Фарадей показалъ что при замерзаніи смѣси сѣрной кислоты съ водою образуются прѣсные кристаллы, не содержащіе въ себѣ кислоты. Кристаллизующей силѣ въ такой смѣси подчиняется только вода.

341. Каждую зиму въ арктическихъ странахъ море замерзаетъ и покрывается чрезвычайно толстымъ льдомъ на обширномъ пространствѣ. Лѣтнее тепло и колыханіе волнъ взламываютъ этотъ ледъ, и обломки его разносятся вѣтрами и теченіями. Эти обломки сталкиваются, сдавливаются, громоздятся одинъ на другой и составляютъ главную опасность для мореплавателей въ полярныхъ моряхъ.

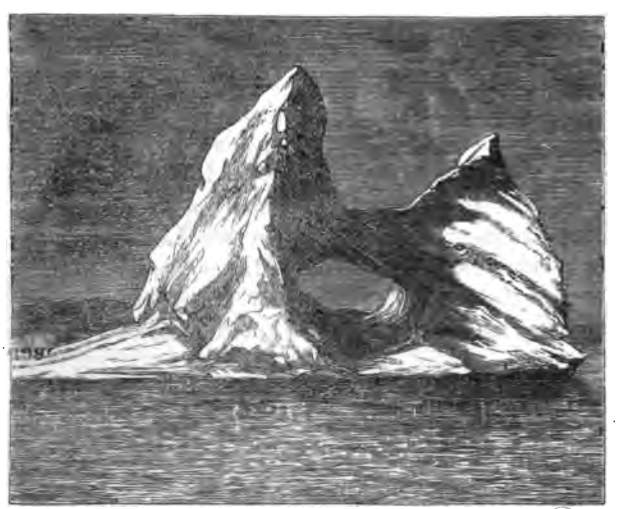
342. Между плавающими массами плоскаго льда встрѣчаются еще болѣе огромныя массы совсѣмъ иного происхожденія—*ледяныя горы* арктическихъ морей. Онѣ возвышаются иногда на сто футовъ надъ водою, при чемъ вѣсъ погруженнаго въ воду льда долженъ быть всемеро болѣе вѣса льда виднаго по..хъ ея.

343. Первые наблюдатели поразительныхъ явленій обыкновенно увлекаются удивленіемъ и воображеніемъ. Чтобы избавиться вполнѣ отъ вліянія происходящихъ отъ того ошибокъ я ссылаюсь на журналъ хладнокровнаго и неустрашимаго арк-

тическаго мореплавателя сэръ-Леопольда Мак-Клинтока. Онъ описываетъ ледяную гору въ 250 футовъ вышины, сидѣвшую на мѣли на глубинѣ 500 футовъ. Слѣдовательно вся гора имѣла 750 футовъ вышины, и подобная высота большихъ ледяныхъ горъ встрѣчается не очень рѣдко.

344. Изъ Баффинова залива эти огромныя массы плывутъ чрезъ Девисовъ проливъ въ пространный Атлантическій океанъ. Нужно большое количество тепла чтобы ледъ растаялъ (§ 48); а потому ледяныя горы таятъ такъ медленно что бо́льшія изъ нихъ сохраняются проплывъ 2.000 миль (3.000 верстъ) отъ мѣста ихъ рожденія.

345. Откуда онѣ берутся? Изъ арктическихъ ледниковъ. Съ горъ во внутренности материка спускается въ долины отвердѣвшій снѣгъ и наполняетъ ихъ льдомъ. Образуемые этимъ путемъ ледники, подобно швейцарскимъ ледникамъ, движутся постепенно къ низу. Арктическіе ледники достигаютъ моря, входятъ въ него и часто бороздятъ дно подводными моренами. Подмываемые плескомъ волнъ и не выдерживая напора собственной своей тяжести, ледники разрываются поперекъ и сдаютъ морю огромныя массы льда. Нѣкоторыя изъ нихъ садятся на мѣль у смежныхъ береговъ и часто сохраняются въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Другія уплываютъ на югъ и таютъ въ теплыхъ водахъ Атлантическаго океана. Прилагаемый рисунокъ снятъ съ фотографіи, сдѣланной Брадфордомъ въ недавнюю экспедицію въ сѣверныя моря.

L. Эггишгорнъ, Мергеленское озеро и его ледяныя горы.

346. Мнѣ не хочется чтобъ вы покинули Швейцарію не видавъ ея ледяныхъ горъ. Въ ней есть ледники еще болѣе величавые чѣмъ Ледяное Море, и вамъ нужно съ ними познакомиться. Отыскивая истокъ Роны, мы уже поднялись однажды въ долину Роны. Отправимся еще разъ въ нее вмѣстѣ; отдохнемъ немного въ городкѣ Віешѣ и пойдемъ оттуда прямо въ прекрасную гостиницу на склонѣ Эггишгорна. Здѣсь будетъ наша главная квартира пока мы займемся обозрѣніемъ царя европейскихъ ледяныхъ потоковъ—большаго Алечскаго ледника.

347. Со включеніемъ самой длинной ея вѣтви, эта величавая ледяная рѣка имѣетъ около двадцати миль (30 верстъ) въ длину, а ширина ея въ срединѣ составляетъ около мили съ четвертью (около 950 саж.). Самыя большія горы Бернскаго Оберланда, Юнгфрау, Мёнхъ, Тругбергъ, Алечгорнъ, Брейтгорнъ, Глечгорнъ, и многіе другіе высокіе пики и гребни собираютъ для нея снѣга надъ снѣжною линіей. Изъ трехъ большихъ долинъ въ сердцѣ горъ эти снѣга спускаются и, соединившись вмѣстѣ, образуютъ ледяной потокъ Алеча, въ томъ мѣстѣ которое шутникъ горецъ назвалъ Площадью Согласія (Place de la Concorde) природы. Названіе это удачно если оно должно означать спокойное величіе, красоту формы и чистоту тоновъ.

348. Наша гостиница стоитъ не на самомъ пикѣ Эггишгорна, но веселая утренняя прогулка приводитъ насъ на вершину. Оттуда ледникъ представляется намъ въ видѣ большой рѣки, простирающейся вверхъ до основаній Юнгфрау, и внизъ, за Бель-Альпъ, къ своему концу. Направляя наше зрѣніе далѣе внизъ, мы видимъ самую величавую въ Альпахъ группу горъ и примыкающіе къ ней пики Маттергорнъ и Вейсгорнъ. Сцена поразительно величественна; множество не поименованныхъ здѣсь пиковъ и гребней содѣйствуютъ великолѣпію картины.

349. Вправо, далеко внизу, мы замѣчаемъ окруженный осѣняющими его горами предметъ, удивляющій своею красотою зрителей не приготовленныхъ къ его виду. Намъ открывается

обнаженный бокъ ледника, котораго блестящіе ледяные утесы имѣютъ отъ шестидесяти до семидесяти футовъ вышины. Повидимому Алечъ тщетно порывается здѣсь бросить отъ себя вѣтвь въ боковую долину. Нѣкогда было такъ, но теперь вѣтвь безпрестанно обламывается у самаго ствола ледника, и большое пространство, покрытое въ давніе времена льдомъ, занято теперь растаявшею изъ него водою. Такимъ путемъ образовалось озеро чистѣйшаго голубаго цвѣта, которое доходитъ до самой подошвы ледяныхъ утесовъ, подмываетъ ихъ, подобно тому какъ арктическія волны подмываютъ гренландскіе ледники, и принимаетъ въ себя оторванныя имъ массы льда. Смотря внизъ на озеро, мы видимъ на его спокойной поверхности маленькія ледяныя горы, плавающія словно бѣлоснѣжные лебеди съ сопровождающею ихъ пѣною.

350. Это прекрасное Мергелинское озеро. * Вы видите плескъ и вслѣдъ за тѣмъ слышите гулъ погружающагося льда. Ледникъ обломился на вашихъ глазахъ и швырнулъ въ озеро ледяную гору. Вода на всемъ озерѣ заколыхалась и представляетъ, въ маломъ размѣрѣ, примѣръ тѣхъ огромныхъ волнъ которыя вздымаются при погруженіи обширныхъ ледяныхъ острововъ, оторванныхъ отъ арктическихъ ледниковъ. Взгляните на конецъ озера. Онъ загроможденъ остатками выброшенныхъ на берегъ ледяныхъ горъ, занесенныхъ туда вѣтромъ или медленно спустившихся по теченію воды, которая тихо движется въ этомъ направленіи.

351. Спустимся мысленно на край озера, гдѣ мнѣ однажды довелось побывать. Около средины его держится большая одинокая ледяная гора. Вдругъ раздается шумъ какъ бы отъ водопада; мы смотримъ на ледяную гору и видимъ что съ

* Въ минувшемъ 1872 году, отъ внезапнаго переворота сцена измѣнилась. Мергелинское озеро прорвалось. На нѣкоторомъ пространствѣ вода бѣжала подъ ледникомъ, но на срединѣ разстоянія между Бель-Альпомъ и Эггишгорномъ, она вышла на сторонѣ Эггишгорна и образовала потокъ между ледникомъ и склономъ горы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эта рѣка имѣла въ ширину около 350 футовъ, въ другихъ она дѣлалась впятеро уже. Тамъ и сямъ, по нагроможденнымъ глыбамъ льда, лились высокіе водопады. Потокъ съ невыразимою яростію падалъ съ глыбы на глыбу и наполнялъ воздухъ облакомъ брызгъ. Когда сошла вода, на днѣ потока, въ одномъ мѣстѣ, покрытомъ мягкимъ пескомъ, остались большія воронки размытыя кружившимся надъ нимъ водоворотомъ

боковъ ея струится вода. Откуда взялась вода? Отъ таянія подводнаго льда верхняя часть горы перетянула своею тяжестію нижнюю, гора повернулась вверхъ дномъ, и при кувыркаміи захватила съ собою много воды, которая бѣжитъ каскадомъ по ея сторонамъ. Замѣтьте что ледяная гора, за мгновеніе предъ тѣмъ снѣжно-бѣлая, приняла нѣжно-голубой цвѣтъ твердаго льда. Отъ дѣйствія солнца она скоро снова побѣлѣетъ. Огромныя горы сѣверныхъ морей иногда переворачиваются такимъ же образомъ. На Эггишгорнѣ можно пріятно и съ пользою провести недѣлю.

LI. Бель-Альпъ.

352. Съ Эггишгорна я могу повести васъ по горному хребту около Беттенскаго озера, рыбы котораго мы съ вами уже отвѣдали, на Ридеръ-Альпъ, а оттуда, черезъ Алечъ, на Бель-Альпъ. Это пріятная горная прогулка; но мы съ вами предпочитаемъ пробраться низомъ по леднику. Мѣстами дорога удобна, но иногда трещины затрудняютъ путь и переправляться черезъ нихъ дѣло не легкое. Твердая рѣшимость и внимательное наблюденіе, которыя были для насъ такъ полезны въ трудныхъ мѣстахъ, помогутъ намъ и здѣсь. Мы миновали трещины и послѣ четырехъ часовъ веселаго труда мы стоимъ съ вами на склонѣ, который ведетъ въ Бель-Альпскую гостиницу.

353. Это одно изъ лучшихъ мѣстъ отдохновенія въ Альпахъ. Предъ нами тянется внизъ отъ Эггишгорна и Мергелинскаго озера длинная полоса Алечскаго ледника, съ большою срединною мореною на своемъ хребтѣ. Около насъ дикій проходъ Масса, въ которомъ улегся носъ ледника подобно головѣ змѣя. Прекрасная система Обер继алечскихъ ледниковъ у насъ подъ руками. Надъ нами высится легко доступный пикъ Шпарренгорнъ, на который мы можемъ съ вами взобраться съ небольшимъ въ часъ. Ниже насъ Обералечскій ледникъ, представляющій самыя совершенныя срединныя морены. Близь насъ огромная масса Алечгорна, придавленная вѣчными снѣгами и оканчивающаяся бурымъ утесомъ. Къ Алечгорну прислоняются другіе почти столь же величавые пики. Здѣсь стоитъ Нестгорнъ, а если мы обойдемъ вокругъ на западъ, то мы придемъ къ упомянутой выше кулѣ трехъ горъ, Вейсгорна, Маттергорна и Дома. Взгляните на трещины ледника прямо

подъ нами. На своемъ концѣ ледникъ спускается съ крутой отлогости и очень потрескался. Но трещины раскрываются еще прежде чѣмъ ледникъ доходитъ до крутаго склона, и вы замѣчаете связь между трещинами на краяхъ и поперечными, отчего образуется система кривыхъ разсѣлинъ, обращенныхъ выпуклою стороною своей кривизны кверху. Механическая причина этого явленія вамъ извѣстна. На ледникѣ стоитъ много хорошихъ столовъ. Я желалъ бы остаться здѣсь съ вами на недѣлю для изслѣдованія существующихъ ледниковъ и отысканія ясныхъ признаковъ ледниковъ уже исчезнувшихъ.

LII. Ледники Риффельбергскій и Гёрнерскій.

354. Хотя наши измѣренія и наблюденія на Ледяномъ Морѣ представляютъ собою болѣе или менѣе все чтѣ можетъ быть сдѣлано или изслѣдовано въ другихъ мѣстахъ, но я желаю познакомить васъ съ большою системою ледниковъ, которые спускаются съ сѣверныхъ склоновъ Монтерозы и прилегающихъ горъ. Съ Бель-Альпа мы можемъ спуститься въ Бригъ и оттуда ѣхать въ Виспъ; но мы съ вами предпочитаемъ прохладныя вершины, а потому мы пойдемъ вокругъ мыса Несселя, пока станемъ надъ долиною Роны, предъ Виспомъ. Изъ этого селенія мы, черезъ часъ пути, придемъ въ Стальденъ, гдѣ долина раздвояется: одна вѣтвь ведетъ черезъ Саасъ на Монтеморо, другая, черезъ селеніе Св. Николая, въ Церматъ. Мы избираемъ послѣднюю дорогу.

355. Въ Церматѣ мы не останавливаемся. На горномъ хребтѣ, на высотѣ 4.000 футовъ надъ долиною, мы усматриваемъ Риффельбергскую гостиницу и отправляемся туда. Здѣсь прямо предъ нами высится шпицъ Маттергорна. Невѣроятно чтобы нога человѣка могла когда-либо попирать его. Твердость и ловкость совершили однако этотъ подвигъ, хотя первые смѣльчаки и поплатились за то ужасною цѣною. На маленькомъ Церматскомъ кладбищѣ мы находимъ могилы двухъ самыхъ замѣчательныхъ горныхъ путешественниковъ Савойи и Англіи; они, вмѣстѣ съ двумя отважными сотоварищами, свалились съ Маттергорна въ 1865 году.

356. Отъ Риффельберга часъ пути до знаменитаго Гёрнерграта, откуда открывается такой широкой видъ на ледники Монтерозы. Огромный бугоръ совершенно обнаженной скалы,

называемый Риффельбергомъ, для Гёрнерскаго ледника со впадающими въ него вѣтвями то же что Разсѣлина для Ледянаго Моря. Съ южной стороны этотъ утесъ неприступенъ, хотя и кажется удобнымъ для восхожденія. Здѣсь въ 1865 году тоже погибъ человѣкъ, похороненный, какъ и другіе, на Церматскомъ кладбищѣ. Миновавъ Риффельское озеро, мы поднимаемся на Риффельбергъ съ его верхней стороны. Взобраться на вершину подвигъ не легкій, но оттуда открывается видъ на самую удивительную картину.

357. Предъ нами стоитъ огромная масса Монтерозы, о многихъ ликахъ; снѣга ея видны отъ основанія до вершины. Вправо колоссальный гребень Лискама, также покрытый снѣгомъ, а между ними двумя лежитъ западный ледникъ Монтерозы. Этотъ ледникъ встрѣчается съ другимъ ледникомъ образующимся изъ обширныхъ снѣжныхъ полей Чима ди-Яцци; соединясь вмѣстѣ они составляютъ Гёрнерскій ледникъ, и изъ точки ихъ соединенія тянется обычная срединная морена. На этой сторонѣ Лискама возвышаются двѣ прекрасныя снѣжныя горы, близнецы Касторъ и Поллуксъ, далѣе стоятъ утесы Брейтгорна, малый Маттергорнъ и лежитъ широкое снѣжное поле Теодула, а надъ нимъ высится большой Маттергорнъ, черезъ который мы впослѣдствіи переправимся въ Италію.

358. Долины и углубленія между этими горами наполнены ледниками. Со склона близнеца Кастора спускается ледникъ *des Jumeaux* (Близнецовъ), съ близнеца Поллукса — Черный ледникъ, съ Брейтгорна — ледникъ Трифти; далѣе слѣдуютъ ледники малаго Маттергорна и Теодула. Каждый изъ нихъ, вступая въ главный токъ, приноситъ съ собою свою срединную морену. Съ нашего теперешняго положенія мы можемъ насчитать девять такихъ моренъ. Здѣсь мы видимъ какъ ледъ, еще въ бо́льшей степени чѣмъ на Ледяномъ Морѣ, поддается давленію: широкія *névés* сжимаются въ токъ Гёрнерскаго ледника въ бѣлыя полосы, которыя все болѣе и болѣе суживаются между ограничивающими ихъ моренами и наконецъ совершенно изчезаютъ подъ камнями и гравіемъ.

359. На двухъ главныхъ составныхъ полосахъ ледянаго потока мы видимъ морены какъ бы выходящія изъ массы ледника; онѣ лежатъ отдѣльно среди льда и не продолжаются далѣе вверхъ. Эти подледныя по своему происхожденію морены были оторва-

ны отъ выступовъ скалъ совершенно покрытыхъ льдомъ. Онѣ лежали скрытыя въ массѣ ледника и появились наружу когда растаялъ, отъ вліянія солнца, прикрывавшій ихъ ледъ.

360. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть о повѣрьи горныхъ альпійскихъ жителей будто бы ледники выбрасываютъ изъ себя всякую нечистоту. На Ледяномъ Морѣ мы съ вами замѣтили большія пятна глины и черной грязи, которыя очевидно выступили изъ массы ледника, и мы догадываемся какъ легко могло составиться понятіе о выбрасываніи у людей не привыкшихъ ко внимательному наблюденію. Въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ не ледникъ, а солнце, отъ лучей котораго таетъ ледъ надъ скрытыми подъ нимъ нечистотами, отчего онѣ, подобно тѣламъ проводниковъ на ледникѣ Боссоновъ (143), появляются на дневной свѣтъ.

361. Ни одинъ ледникъ не представляетъ столько любопытныхъ предметовъ какъ ледникъ Гёрнерскій. Мы видимъ здѣсь песчаные конусы, ледяные столы, глубокіе проходы промытые во льдѣ ручьями и фантастическ и прикрытые валунами, составляющими черезъ нихъ какъ бы мосты, мельницы, ледяныя со сводами пещеры, иногда очень обширныя и красивыя. Въ нижней части ледника средняя морена отчасти изчезаетъ въ трещинѣ, и появляется снова при подошвѣ отлогости. Въ продолженіи многихъ лѣтъ этотъ ледникъ все болѣе и болѣе надвигался на лежащіе предъ нимъ луга, взрывалъ на своемъ пути почву и опрокидывалъ строенія. Въ послѣднія пятнадцать лѣтъ онъ отступаетъ назадъ; такое отступленіе вообще замѣчено въ это время во всѣхъ Альпійскихъ ледникахъ. Изъ-подъ свода въ концѣ Гёрнерскаго ледника, какъ обыкновенно, вытекаетъ рѣка.

(До слѣд. №).

НА ЗАМѢЧАНІЕ Г. ИЛОВАЙСКАГО

Уклоняясь отъ моего вызова изложить въ нѣсколькихъ положительныхъ словахъ начало нашей исторіи сообразно съ собственнымъ мнѣніемъ, г. Иловайскій, въ *Русскомъ Архивѣ* возвращается къ своей прежней статьѣ, и утверждаетъ что она имѣетъ характеръ не только отрицательный, но и положительный, указывая на слѣдующіе якобы выводы:

1. „Русь и Варяги суть два разные народы.

2. „Русь есть племя туземное и притомъ славянское.

3. „Русь искони обитала въ южной Россіи.

4. „Русь была извѣстна у древнихъ писателей подъ именемъ Роксоланъ.

5. „862 годъ и Рюрикъ съ братьями должны быть оставлены какъ легенда и пр. и пр.“

Объясняю г. Иловайскому его недоразумѣнія, которыя выводами названы быть никакъ не могутъ, потому что ни изъ чего правильно не выводятся.

1. Русь и Варяги были такими же двумя разными народами, какъ Баварцы и Нѣмцы, какъ Римляне и Италіянцы, или нынѣшніе Русскіе и Славяне. Баварцы, Римляне и Русскіе суть виды, а Нѣмцы, Италіянцы, Славяне—суть роды.

Въ такомъ же значеніи эти слова употреблялись и въ XI

столѣтіи: „А словеньскій языкъ и русскій одно есть: *отъ Варягъ бо прозвашася Русью*, а первое бѣша Словене, аще и Поляне звахусь“. *Итакъ, Варяги и Русь не были разные народы, а относились одинъ къ другому какъ родъ къ виду.*

Слова лѣтописи ясны и согласны со всѣми прочими ея мѣстами, равно какъ и со всѣми прочими источниками, а вы ихъ знать не хотите. Чѣмъ же можно убѣдить васъ?

2. Что Русь не была племенемъ туземнымъ, видно изъ приведеннаго мѣста лѣтописи, гдѣ ясно сказано что Русью прозвались словенскія племена, а прежде назывались они Полянами (Древлянами, Сѣверянами и пр.). А вотъ вамъ и еще подтвержденія въ другихъ словахъ, столько же положительныхъ:

„Се бо *токмо* словенскъ языкъ въ Руси: Поляне, Древляне, Ноугородцы, Полочане, Дреговичи.... а се суть *инии* языцы, иже дань даютъ Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома и пр.“

„*Отъ тѣхъ* (Варягъ) *прозвася руская* земля. Новугородци, ти суть людье Новогородьци отъ рода Варяжина, *прежде* бо бѣша Словѣни.“

„Сице бо ся зваху ти Варязи Русь, яко си друзіи зовутся Свеи, Агляне, Урмани, тако и си“.

Скучно прибѣгать къ азбукѣ исторіи, но вѣдь и съ нею не знакомы наши несчастные судьи фельетонисты.

Въ XII и XIII еще столѣтіи имя Руси не крѣпко присвоивалось ко всѣмъ частямъ молодаго государства, напримѣръ Галичу, Суздалю и даже Чернигову, и относилось преимущественно къ Кіеву, какъ его гнѣзду, изъ котораго концентрическими кругами оно распространялось и распространяется, даже до послѣднихъ земли:

1152. Договоромъ Галицкаго князя Владимирка съ великимъ княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ Кіевскимъ, Галицкій князь долженъ былъ возвратить Кіевскому всѣ русскія волости, имъ захваченныя: „Што *русской* земли волости, то възворотити все“.

Володимерко Галицкій, смотря изъ окна на отъѣзжавшаго кіевскаго посла, сказалъ съ насмѣшкой: „вонъ *русскій* мужъ поѣхалъ отъимавъ всѣ волости!“

1154. Поиде Дюрги (Юрій Долгорукій Суздальскій) съ Ростовци и съ Суздальци *въ Русь*, то-есть къ Кіеву.

1214. Мстиславъ.... бѣ (въ Галичѣ) со всѣми князьями *русскыми* и черниговскыми.

Итакъ, Русь не была племенемъ туземнымъ, славянскимъ.

3. Что Русь обитала въ южной Россіи,—пусть г. Иловайскій укажетъ хоть на одно свидѣтельство свое или иностранное, а противорѣчащихъ можно представить вдоволь.

Лѣтопись говоритъ о разселеніи племенъ славянскихъ, и исчисляетъ всѣ, а Руси тамъ нѣтъ:

„По многѣхъ же временѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска; отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими.... Морава, Чеси, Хорвате бѣли, Серебь.... Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ.... Поляне.... Лутичи.... Мазовшане.... Поморяне.... також де и ти Словѣне пришедши и сѣдоша по Днѣпру, и нарекошася Поляне.... Древляне.... Дреговичи.... Полочане.... Сѣверъ“...

Гдѣ же Русь? Ея нѣтъ нигдѣ на нашемъ востокѣ и югѣ.

А вотъ гдѣ она:

„Афетово бо и то колѣно Варяги: Свеи, Урмане, *Русь*, Агняне, Галичане, Волхва, Римляне, Нѣмци, Корлязи, Веньдицы, Фрягове и прочии, ти же присядятъ отъ запада къ полуденью, и сосѣдятся съ племенемъ Хамовымъ“.

Итакъ, Руси на югѣ не существуетъ.

4. Роксоланъ поднимаете вы изъ гробовъ, въ коихъ они покоились двѣ тысячи лѣтъ съ княземъ Росъ, Гогомъ и Магогомъ пророка Іезекіиля! Наши невѣжды почтутъ это шуткою, и я долженъ имъ объяснить: у пророка Іезекіиля есть вотъ какое мѣсто, XXXVIII, 2: „Сыне человѣчъ, утверди лице твое на Гога и на земли Магога, князя Росъ, Мосоха и Ѳевеля, и прорцы нань.“

Слово Росъ славнѣйшіе толкователи, по свидѣтельству Эверса, переводили именемъ нарицательнымъ: глава. Такъ и въ Вулгатѣ: Fili hominis, pone faciem tuam contra Gog, terram Magog, *principem* capitis Mosoch et Thubal. У Лютера: der oberste Fürst ist in Mesech und Thubal.

Эверсъ, защищая свое положеніе о хозарствѣ Руси, говоритъ что „александрійскіе переводчики пророчества Іезекіилева писали собственное имя совершенно такъ какъ встрѣчается оно у Византійцевъ: Ρῶς.“ „И если тогда были Росы, гдѣ оставались они до среднихъ вѣковъ? Не полагать ли ихъ въ Роксоланахъ? Можетъ быть.“

Вотъ это-то мнѣніе, опровергнутое многажды, и воспроизводитъ теперь г. Иловайскій.

О Роксоланахъ пусть онъ справится съ Шафарикомъ, который изслѣдовалъ съ такою тщательностію исторію всѣхъ

племенъ юго-восточныхъ. Это было Сарматское племя. (Тацитъ: Roxolani, Sarmatica gens; Плиній: Alani et Rhoxolani).

„Съ появленіемъ Готовъ на Черномъ Морѣ, Роксолане рѣже и рѣже упоминаются въ этомъ краѣ, а по прибытіи Гуновъ и совсѣмъ *изчезаютъ* изъ исторіи. Можно догадываться что однихъ изъ нихъ истребили Готы, а другихъ Гуны; а что̀ осталось, то поспѣшило соединиться съ родичами своими Аланами.“

Можете справиться и въ моемъ разсужденіи о происхожденіи Руси, написанномъ 50 лѣтъ тому назадъ.

Прибавлю: Роксоланами называлось около времени Рождества Христова какое-то южное племя, ну а всѣ прочія-то племена, жившія отъ него на сѣверѣ; вѣдь имѣли другія имена, приводимыя у тѣхъ же писателей, которыя говорятъ о Роксоланахъ? Какія же есть звенья между Роксоланами и Русью.... но объ этомъ разсуждать, ей-Богу, и стыдно и совѣстно!

5. Вы требуете чтобы легенда, такъ вами названная, о Рюрикѣ была оставлена, но вѣдь это надо доказать: гдѣ же ваши доказательства? Противъ свидѣтельства лѣтописей вы представляете до сихъ поръ только ваши гаданія!

Пять разобранныхъ положеній своихъ г. Иловайскій продолжаетъ словами: и пр. и пр. Что̀ разумѣется подъ этими *прочими*, я вообразить никакъ не могу, и повторяю вызовъ — изложить вкратцѣ начало русской исторіи, ибо нельзя же довольствоваться замѣчаніемъ что „исторія Польши, Чехіи, Франціи, Германіи и т. д. тоже не имѣетъ при своемъ началѣ ни опредѣленнаго года, ни опредѣленнаго лица, однако ихъ исторію *какъ-нибудь* да начинаютъ.“ Ну и начните вы какъ-нибудь русскую исторію, а я опять вамъ повторяю что вы никакъ не можете начать ее не вызвавъ возраженій, основанныхъ на источникахъ безъ числа.

О словѣ *нетій* вы меня не поняли. Нетій, какъ норманское слово, я потому и принесъ вамъ въ жертву, что оно инымъ представляется спорнымъ, а еслибъ оно было безспорно норманское, то я разумѣется не сталъ бы имъ жертвовать, а сохранилъ какъ оружіе въ *своемъ* норманскомъ арсеналѣ.

Кромѣ пяти разобранныхъ положеній, въ отвѣтѣ г. Иловайскаго есть еще нѣсколько околичностей, хотя я просилъ его отъ нихъ воздерживаться въ заключеніи моего вызова. Долженъ отвѣчать и на нихъ, чтобы не получать впредь подобныхъ.

1. Вы говорите: „Не спорю что я, можетъ-быть, отнесся къ нимъ (моимъ возраженіямъ) съ излишнею строгостію.“

Позвольте мнѣ разказать вамъ одинъ смѣшной анекдотъ изъ нашей старой университетской жизни: былъ назначенъ въ тридцатыхъ годахъ у насъ попечителемъ кн. С. М. Голицынъ. Онъ пріѣхалъ осматривать гимназію, въ которой былъ директоромъ Юрій Никитичъ Бартеневъ, извѣстный своимъ умомъ и своеобразіемъ. Понявъ своего начальника, онъ обратился къ учителю, который началъ экзаменовать учениковъ въ присутствіи кн. Голицына, и закричалъ на него: „Строже, еще строже, слышите, еще строже!“ Попечитель остался очень доволенъ.

Позвольте и мнѣ попросить у васъ строгости, больше строгости, строгости! Ваша строгость доставитъ мнѣ на старости особенное удовольствіе.

2. Вы говорите что изслѣдованіемъ своимъ о Норманахъ не хотѣли переубѣдить меня, а имѣли въ виду будущихъ дѣятелей нашей науки.

Отвѣчаю: Шлёцеръ замѣчалъ что русская исторія дѣлаетъ обыкновенно три шага впередъ и потомъ два назадъ. Въ наше время она, увы, сдѣлала уже далеко за два шага назадъ (кромѣ изданія матеріаловъ), уведенная даже до Роксоланъ: слѣдовательно есть надежда что теперь у нашей науки чередъ за тремя шагами впередъ, и будущіе дѣятели, авось Богъ дастъ, оставя варяжскіе зады, займутся чѣмъ-нибудь пополезнѣе, что̀ и вамъ, любя васъ все-таки и уважая, совѣтую.

3. Вы извиняетесь въ нарушеніи моего спокойствія своими возраженіями: напротивъ, въ этомъ отношеніи я вамъ очень благодаренъ: развязываніе всякихъ узловъ, хоть и не Гордіевыхъ, замѣняетъ мнѣ вечернюю партію въ ералашъ.

Разобравъ ваши положенія и отразивъ *по необходимости* ваши околичности по пунктамъ, я повторяю вамъ просьбу, чтобы вы впередъ ограничились, въ исполненіе вашихъ же словъ, только наукою, хоть и съ Роксоланами, и воздерживались отъ лишнихъ выходокъ о строгости, переубѣжденіи и спокойствіи, припоминая пословицу что стараго воробья на мякинѣ не проведешь.

М. ПОГОДИНЪ.

9го марта.

Природа наградила миссъ Бондъ инстинктами кошки наслаждающейся мученіями своей жертвы.

— Славная у меня завтра будетъ сцена съ Джозефомъ, сказала она мистеру Гаркросу.

— Какъ? Неужели онъ способенъ ревновать ко мнѣ?

— Еще бы! Онъ не выноситъ когда я говорю съ какимъ-нибудь мущиной. Мнѣ кажется что онъ скорѣе согласился бы запереть меня въ тюрьму, чѣмъ позволить мнѣ повеселиться съ чужимъ человѣкомъ.

Уэстонъ Валлори ушелъ отъ Джанны, негодуя на ея дерзость и на Гаркроса какъ на виновника своего униженія. Такой грубый отпоръ со стороны крестьянской дѣвушки былъ въ сущности вздоромъ. Джанна не внушала ему никакихъ серіозныхъ чувствъ, онъ только восхищался ея наружностью, но быть отвергнутымъ ею было для него тѣмъ не менѣе такъ же тяжело какъ еслибъ его отвергла любимая женщина. Онъ былъ человѣкъ чувствительный къ мелкимъ оскорбленіямъ, а оскорбленіе со стороны Гаркроса было для него втрое тяжеле чѣмъ со стороны всякаго другаго человѣка. Ему казалось что Гаркросъ умышленно становится ему во всемъ поперекъ дороги, что испортивъ весь планъ его жизни женитьбой на Августѣ, онъ хочетъ помѣшать ему даже въ такихъ пустякахъ какъ ухаживаніе за красивою крестьянскою дѣвушкой.

Послѣ такой непріятности онъ утратилъ расположеніе заботиться объ увеселеніи гостей. Обѣдъ въ душной палаткѣ, говоръ и шумъ утомили его до крайности. Еслибы не обязанность почетнаго распорядителя, которую возложила на него леди Клеведонъ, онъ скорѣе согласился бы увидать всѣхъ поселянъ провалившимися въ преисподнюю, чѣмъ выносить такъ долго ихъ общество. Но надо было угождать хозяйкѣ дома, чтобы на слѣдующій годъ получить опять приглашеніе въ Клеведонъ, гдѣ время проходило очень пріятно и столъ былъ безукоризненный. Дѣло было однако уже сдѣлано, а забавлять буколическихъ юношей и ихъ краснощекихъ возлюбленныхъ было бы излишнею снисходительностью. Уэстонъ предоставилъ ихъ самимъ себѣ и ушелъ въ садъ, гдѣ леди Клеведонъ въ это время имѣла обыкновеніе пить чай.

Но въ этотъ день въ саду не было чая. Въ большой столовой только-что кончился завтракъ, и слуги разносили кофе на террасѣ, гдѣ аристократическіе гости собрались

посмотрѣть на танцы. Мистеръ Валлори чувствовалъ такъ же мало расположенія присоединиться къ привилегированному классу, какъ и плясать на лужайкѣ съ поселянами. Словомъ, онъ былъ не въ духѣ и чувствовалъ потребность въ подкрѣпляющемъ дѣйствіи хорошей сигары. Онъ походилъ по дорожкѣ которая вела къ любимой бесѣдкѣ леди Клеведонъ, выкурилъ двѣ сигары и усѣлся въ бесѣдкѣ прислонившись спиной къ стѣнѣ и протянувъ ноги на садовой стулъ. Онъ думалъ о своихъ невзгодахъ.

„Лишь бы найти точку опоры и облечь исторію этой миссъ Брайервудъ, или миссъ Редмайнъ, въ ощутительную форму, и я не замедлилъ бы показать кузинѣ Августѣ какого рода человѣка она предпочла мнѣ. Желалъ бы я знать что̀ сказала бы она, еслибъ я отыскалъ для нея миссъ Редмайнъ и доказалъ ей что мужъ ея негодяй. Она нашумѣла бы не мало, нагрозила бы разводомъ, и въ концѣ концовъ простила бы его. Другія женщины поступаютъ такъ, но она не похожа на другихъ. Мнѣ кажется, она не переваритъ чего-нибудь въ этомъ родѣ, и если ей открыть глаза, другу моему Гаркросу придется плохо.

Лучи солнца, падавшіе прямо на бесѣдку, палили нестерпимо, и мистеръ Валлори принужденъ былъ покинуть свое убѣжище. Онъ вернулся къ дому, подразнилъ какаду, заглянулъ въ библіотету, и найдя ее прохладною и пустою, усѣлся въ кресло у одного изъ отворенныхъ оконъ, въ углу, совершенно загороженномъ однимъ изъ высокихъ книжныхъ шкафовъ. Здѣсь онъ нашелъ *Punch* и два новыхъ журнала. Этого было достаточно чтобы дочитаться до усыпленія. Онъ открылъ одинъ изъ журналовъ, прочелъ полстраницы, и книга тихо выскользнула изъ его рукъ. Онъ заснулъ сладкимъ сномъ.

Ничего не могло быть успокоительнѣе сна Уэстона. Бремя его непріятностей стало нечувствительно, и осталось только безсознательное наслажденіе полнѣйшимъ покоемъ въ удобномъ креслѣ, въ прохладной комнатѣ, подъ благовоннымъ вѣяніемъ лѣтняго вѣтерка, освѣжавшаго его лицо. Долгое время сонъ его былъ безъ сновидѣній, потомъ появилось смутное ощущеніе чего-то, онъ не зналъ чего, происходившаго въ комнатѣ, потомъ полусознаніе что надо проснуться, и наконецъ слухъ его былъ пораженъ рѣзкимъ мужскимъ голосомъ.

Онъ мгновенно проснулся, выпрямился, съ широко раскрытыми глазами, и устремилъ все свое вниманіе на то что̀ го-

ворилось за шкафомъ. Кресло его стояло въ самомъ углу между шкафомъ и стѣной, такъ что онъ былъ совершенно скрытъ отъ лицъ стоявшихъ въ центрѣ комнаты.

Онъ проснулся въ ту минуту когда незнакомый голосъ произнесъ:—„вы можетъ-быть слышали обо мнѣ, леди Клеведонъ. Мое имя Ричардъ Редмайнъ.“

Онъ это слышалъ и слышалъ все что за этимъ послѣдовало, и безъ труда сообразилъ что фермеръ считаетъ портретъ Губерта Гаркроса портретомъ баронета.

„Странный оборотъ принимаютъ дѣла, и кризисъ повидимому приближается“, подумалъ Уэстонъ.—„Теперь я знаю что за личность этотъ Редмайнъ и надѣюсь поладить съ нимъ. Человѣкъ горячій, какъ видно. Онъ не остановится ни предъ какимъ отчаяннымъ поступкомъ. Да, мистеръ Гаркросъ еще не покончилъ съ дочерью Редмайна“, сказалъ онъ себѣ, вставъ съ мѣста и осторожно заглядывая въ комнату, когда голоса смолкли.

Библіотека была пуста. Уэстонъ вышелъ въ садовую дверь и отправился отыскивать Ричарда Редмайна.

— Я возьму на себя трудъ указать ему его недруга, сказалъ онъ себѣ.—Сэръ-Френсисъ Клеведонъ хорошій человѣкъ, и я не допущу чтобъ онъ вынесъ на своихъ плечахъ слѣдствія чужаго преступленія.

Онъ провелъ нѣсколько времени тщетно ища Редмайна въ толпѣ, и къ своей крайней досадѣ встрѣтился съ полковникомъ Давенантомъ, который заставилъ его возвратиться къ своимъ обязанностямъ почетнаго распорядителя.

Когда въ рощѣ стемнѣло, мистеръ Гаркросъ и его спутница возвратились на лугъ, гдѣ говоръ, смѣхъ и танцы стали еще оживленнѣе чѣмъ были днемъ. Мѣстный оркестръ успѣлъ отдохнуть и подкрѣпиться въ палаткахъ и, обнаруживая болѣе смѣлости чѣмъ искусства, угощалъ публику оглушительною музыкой. Пока мистеръ Гаркросъ и Джанна танцовали лансье, на деревьяхъ засвѣтились фонари, освѣтившіе между прочимъ и Джозефа Флуда, сидѣвшаго поодаль отъ танцующихъ, и смотрѣвшаго кусая ногти на Джанну. Послѣ лансье мистеръ Гаркросъ далъ своей дамѣ урокъ вальса, такъ какъ миссъ Бондъ была уже въ такомъ возбужденномъ состояніи что забыла думать что это удовольствіе запрещено ей отцомъ. Мистрисъ Гаркросъ, гуляя съ однимъ изъ Кентскихъ магнатовъ, увидала своего мужа танцующимъ, и такъ какъ не

въ ея характерѣ было ревновать его къ деревенскимъ красавицамъ, она была только удивлена такой чрезмѣрной снисходительности съ его стороны, которую она извинила бы только въ томъ случаѣ, еслибъ онъ искалъ избранія, а эти поселяне были избирателями.

День между тѣмъ угасъ; на вѣтвяхъ деревьевъ и вокругъ водоемовъ фонтановъ заблистали цвѣтные фонари; люди легкомысленные стали ждать съ нетерпѣніемъ фейерверка; люди положительные все чаще и чаще заходили въ палатки, гдѣ не было недостатка въ прохладительныхъ. Полковникъ, видя все усиливавшееся возбужденіе гостей, началъ безпокоиться. Онъ устроилъ какъ нельзя лучше всѣ подробности праздника, но не позаботился о средствахъ избавиться отъ гостей.

— Надѣюсь что они уйдутъ тотчасъ послѣ фейерверка, сказалъ онъ мистеру Ворту, стоя съ нимъ у входа въ главную палатку.

Управляющій засмѣялся.

— Едва ли! Еслибъ у меня хватило телѣгъ чтобы развести ихъ всѣхъ по домамъ, это было бы единственнымъ средствомъ избавиться отъ нихъ.

Джозефъ Флудъ выпилъ свою долю крѣпкаго эля, поданнаго разгоряченнымъ танцорамъ. Онъ старался залить прохладною влагой зеленоглазое чудовище ревности, но чѣмъ болѣе онъ пилъ, тѣмъ оно терзало его сильнѣе. Голова бѣднаго малаго пылала какъ въ огнѣ.

Первый урокъ въ плѣнительномъ искусствѣ вальса, при блескѣ полной августовской луны, затмѣвавшей своимъ серебристымъ свѣтомъ разноцвѣтное освѣщеніе фонарей, былъ въ высшей степени пріятенъ Джаннѣ, какъ самъ по себѣ, такъ и потому что она знала что ея женихъ слѣдитъ за ней, спрятавшись гдѣ-нибудь за деревьями. Мистеръ Гаркросъ былъ хорошій танцоръ, хотя въ послѣдніе годы танцовалъ мало. Было время когда онъ считалъ нужнымъ быть въ числѣ лучшихъ танцоровъ въ большой залѣ. Въ этотъ день онъ выпилъ больше чѣмъ привыкъ пить, и подъ вліяніемъ излишняго возбужденія вальсировалъ такъ какъ никогда еще не вальсировалъ до сихъ поръ. Онъ велѣлъ капельмейстеру играть скорѣе и заставилъ миссъ Бондъ протанцовать по газону, среди нѣсколькихъ запыхавшихся горничныхъ и ихъ тяжелыхъ кавалеровъ, вальсъ такой же дикій какъ полуночные танцы чертей и вѣдьмъ на Блоксбергѣ. Другія пары мало-по-малу

остановились и отошли въ сторону, а мистеръ Гаркросъ и Джанна, озаренные полною луной, продолжали вальсировать одни.

Зрители наградили ихъ шумными аплодисментами, когда они кончили, и музыка внезапно смолкла. У мистера Гаркроса ни одинъ волосъ не шелохнулся, дама же его едва переводила духъ, раскраснѣлась и имѣла нѣсколько фантастическій видъ въ своемъ длинномъ платьѣ и съ растрепанными волосами.

— Я не имѣла понятія что вальсъ такъ прекрасенъ, сказала Джанна, съ трудомъ переводя духъ.

— Я не имѣлъ понятія что вы такъ прекрасны, пока не увидалъ васъ при лунномъ освѣщеніи, сказалъ ея кавалеръ, восхищаясь съ чисто артистическимъ наслажденіемъ ея красотой, смягченною и облагороженною луннымъ свѣтомъ. — Вы имѣете врожденный даръ къ вальсу, но не можетъ быть чтобы вы не упражнялись въ этомъ искусствѣ до нынѣшняго вечера.

— Я иногда вальсирую одна въ саду, когда увѣрена что отецъ меня не увидитъ, отвѣчала Джанна, — и сама напѣваю музыку. Но вальсъ такъ утомителенъ.

— Вы вальсируете одни въ саду, сказалъ мистеръ Гаркросъ съ сожалѣніемъ.—Бѣдное дитя!

Такое стремленіе къ невѣдомымъ наслажденіямъ которому суждено было остаться навсегда неудовлетвореннымъ казалось ему дѣйствительно достойнымъ сожалѣнія.

„Жаль что въ этомъ классѣ общества встрѣчаются хорошенькія дѣвушки“, подумалъ онъ. „Было бы лучше еслибъ онѣ всѣ были некрасивы“.

Онъ принесъ миссъ Бондъ большой стаканъ лимонаду и остановился въ нерѣшимости придумывая какой-нибудь предлогъ уйти отъ нея. Онъ былъ крайне утомленъ своею обязанностію почетнаго распорядителя, въ которой упражнялся съ самаго полудня, и былъ бы очень доволенъ еслибы могъ уйти и выкурить сигару въ одной изъ темныхъ колоннадъ.

Но миссъ Бондъ, овладѣвъ безукоризненнымъ кавалеромъ, не расположена была отпустить его отъ себя до окончанія праздника. Въ полночь прекрасный сонъ долженъ былъ окончиться, и ей предстояло сдѣлаться опять Сандрильйоной, безъ надежды получить царство вслѣдствіе потеряннаго башмака. Но пока была возможность имѣть принца своимъ кавалеромъ, она намѣрена была удержать его при себѣ. Къ тому же она

боялась встрѣтиться безъ защитника съ раздраженнымъ Джозефомъ. Она рѣшила избѣгать его пока онъ не успокоится и не придетъ въ такое состояніе когда будетъ возможно разсѣять его подозрѣнія. Отца она уже не боялась, узнавъ отъ одной изъ своихъ подругъ что онъ сидитъ въ отдаленіи отъ танцевъ и разсуждаетъ о политикѣ, какъ подобаетъ набожному нонконформисту.

— Вы останетесь показать мнѣ фейерверкъ, не правда ли? спросила она мистера Гаркроса, какъ бы угадавъ его намѣреніе.

— Развѣ ракеты и римскія свѣчи будутъ лучше отъ того что мы станемъ смотрѣть на нихъ вмѣстѣ? спросилъ онъ, польщенный тѣмъ что ей такъ нравилось его общество, но все еще мечтая о сигарѣ.

— Я увѣрена что съ вами они понравятся мнѣ больше, отвѣчала Джанна.—Останьтесь.

— Я, конечно, останусь, если вы желаете. Не походить ли намъ по парку? Фейерверкъ начнется не раньше какъ черезъ часъ. Теперь ровно девять. Посмотрите какъ хорошъ паркъ при освѣщеніи цвѣтныхъ фонарей, напоминающихъ мнѣ мой дѣтскій рай,—Воксголь.

Миссъ Бондъ предпочла бы побродить въ толпѣ подъ руку съ мистеромъ Гаркросомъ, еслибъ онъ былъ такъ любезенъ что предложилъ ей свою руку, чего онъ еще не сдѣлалъ съ тѣхъ поръ какъ они кончили вальсъ. На то только и нуженъ ей былъ великосвѣтскій кавалеръ чтобы покрасоваться съ нимъ предъ завистливыми подругами, клеведонскими прачками и молочницами. Джанна не была расположена къ сентиментальности, а освѣщенный луною паркъ она могла видѣть каждую лунную ночь во всякое время года. Цвѣтные фонари, блиставшіе въ темныхъ деревьяхъ и мѣстами висѣвшіе фестонами между вѣтвями, были для нея несравненно интереснѣе. Какъ не жаль ей было оторваться отъ этой картины, но замѣтивъ его намѣреніе уйти отъ нея, она согласилась на предложеніе мистера Гаркроса. Они пошли медленно по заросшей травой аллеѣ, промѣнявъ свѣтъ и шумъ праздника на невозмутимую тишину и красоту лунной ночи.

Мистеръ Гаркросъ былъ молчаливъ. Ему уже давно надоѣло говорить по обязанности, и воспоминанія, которыхъ онъ не могъ прогнать въ этотъ вечеръ, овладѣли имъ всецѣло. Такъ горьки и грустны и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ отрадны были эти

воспоминанія, что какъ ни старался онъ направить мысли на что-нибудь другое, они возвращались безпрерывно къ одной и той же незабвенной эпохѣ въ его прошломъ. Даже его неинтересная спутница своею пустотою и обыденностью напоминала ему по силѣ контраста другую дѣвушку, въ обществѣ которой онъ никогда не скучалъ, въ невинной душѣ которой никогда не пробуждалось злаго желанія.

„Мнѣ необходимо уѣхать немедленно въ Лондонъ и оттуда въ Норвегію или въ какое-нибудь другое нецивилизованное мѣсто, гдѣ жизнь моя была бы въ опасности и мнѣ некогда было бы думать о прошломъ, сказалъ онъ себѣ.—Надо положить конецъ этому праздному времяпровожденію. Оно ужасно. Я чувствую что еще недѣля такой жизни погубитъ меня. Надо придумать какой-нибудь предлогъ чтобъ уѣхать. Пусть Августа остается, если хочетъ, и удовлетворяетъ общественныя приличія, а я уѣду завтра во чтò бы то ни стало.“

ГЛАВА XLI.

Какъ скоро дѣлается дурное дѣло.

Послѣ свиданія съ леди Клеведонъ въ библіотекѣ, Ричардъ Редмайнъ пошелъ искать сэръ-Френсиса. Но всѣ его поиски были тщетны. Сумерки уже сгустились въ ночь, а онъ все еще бродилъ въ толпѣ, не покидая надежды встрѣтиться съ своимъ недругомъ, ни съ кѣмъ не говоря и почти не замѣчаемый веселыми гостями. Онъ былъ совершенно одинокъ въ этой счастливой толпѣ. Онъ зашелъ наконецъ въ одну изъ палатокъ, чтобы подкрѣпить силы виномъ, выпилъ свой стаканъ молча и вышелъ, чтобы возобновить свои безплодные, поиски.

Всѣ цвѣтные фонари уже сверкали на деревьяхъ, веселье и танцы были во всемъ разгарѣ, когда Редмайнъ вышелъ изъ палатки. Яркій свѣтъ, шумная толпа и оглушительная музыка произвели одуряющее дѣйствіе на его разгоряченный умъ. Въ послѣдніе годы онъ былъ большею частью одинъ и совсѣмъ отвыкъ отъ общества. Онъ постоялъ нѣсколько времени озираясь съ недоумѣніемъ, потомъ рѣзко повернулся и ушелъ въ темную часть прохладнаго парка, гдѣ трава была ему по колѣна.

Онъ шелъ нѣсколько времени не разбирая дороги и не зная куда идетъ, и остановился только когда увидалъ подъ ногами распростертое на землѣ человѣческое тѣло.

Браконьеръ, можетъ-быть, подумалъ онъ. Но браконьеръ едвали выбралъ бы такую ночь для своей опасной охоты. И полная луна и многолюдіе остановили бы его.

Редмайнъ наклонился чтобы разсмотрѣть поближе препятствіе преграждавшее ему путь. Это былъ человѣкъ лежавшій ничкомъ, безъ шляпы и положивъ голову на сложенныя руки.

— Что съ вами, любезный? спросилъ Редмайнъ, удивленный его позой.—Развѣ что-нибудь случилось?

— Да, случилось, отвѣчалъ угрюмо незнакомецъ, приподнимаясь и протягивая руку къ лежавшему возлѣ него ружью.— Но того что случилось вамъ не поправить, если только вы не знаете какого-нибудь средства противъ тщеславія и легкомысленности женщинъ.

Человѣкъ говорившій это былъ грумъ Джозефъ Флудъ.

— На что вамъ это ружье? спросилъ Редмайнъ строгимъ тономъ.

— А вамъ какое дѣло?

— Вы стрѣляли дичь?

— Нѣтъ, не стрѣлялъ.

— Такъ для чего же вамъ ружье?

— Я самъ не знаю для чего. На всякій случай.

— Оно заряжено?

— Да, оно заряжено пулей. Оставьте меня въ покоѣ.

— Здѣсь вамъ не мѣсто ходить съ заряженнымъ ружьемъ.

— Неужели? А вамъ здѣсь мѣсто ходить безъ ружья? Я слуга въ этомъ домѣ, я грумъ сэръ-Френсиса и могу ходить здѣсь сколько мнѣ угодно.

— Но не съ ружьемъ.

— Почему же не съ ружьемъ? Это мое собственное ружье. Я можетъ-быть хотѣлъ пострѣлять дикихъ утокъ вонъ на томъ пруду.

— На утокъ не тратятъ пуль.

— Мнѣ все равно. Если хотите знать правду, я хотѣлъ застрѣлить одного изъ молодыхъ лебедей, чтобы достать перо для шляпки моей возлюбленной. Надѣюсь что вы противъ этого не имѣете ничего. И почему васъ такъ безпокоитъ то что васъ вовсе не касается?

Редмайнъ поглядѣлъ на него подозрительно. Въ манерахъ

молодаго человѣка было что-то странное, но это могло быть только слѣдствіемъ излишняго употребленія крѣпкихъ напитковъ. Редмайну не было никакого дѣла до его намѣреній, и онъ отпустилъ его безъ дальнѣйшихъ разспросовъ, но интересуясь знать куда онъ пойдетъ, послѣдовалъ за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи.

Грумъ шелъ по извилистой тропинкѣ, то скрываясь, то опять показываясь между деревьями, пока не дошелъ до пригорка на которомъ возвышался небольшой обветшалый храмъ въ классическомъ стилѣ. Благодѣтельный плющъ, прикрывающій и украшающій разрушеніе, вился вокругъ дорическихъ колоннъ; паукъ растянулъ между ними свои сѣти; ласточка свила гнѣздо надъ карнизомъ. Этотъ храмъ былъ одною изъ фантастическихъ затѣй на которыя сэръ-Лука промоталъ свое состояніе. Сэръ-Френсисъ намѣревался реставрировать его когда позволятъ время и карманъ. Между тѣмъ, при лунномъ освѣщеніи, онъ имѣлъ очень живописный видъ.

Здѣсь Джозефъ Флудъ спряталъ свое ружье подъ каменную скамью стоявшую предъ храмомъ, и насвистывая невеселую пѣсню, ушелъ въ противоположную сторону. Ричардъ Редмайнъ видѣлъ какъ онъ пряталъ ружье, и проводивъ его глазами, вошелъ на пригорокъ и усѣлся на каменныхъ ступеняхъ храма.

Съ нимъ была трубка, его неизмѣнная утѣшительница. Онъ сталъ курить сидя въ тѣни падавшей отъ колоннъ и отъ карниза и слѣдилъ какъ голубыя кольца дыма расплывались въ тихомъ воздухѣ.

Онъ нашелъ наконецъ своего недруга. Долгое исканіе, казавшееся безполезнымъ даже искателямъ по профессіи, увѣнчалось успѣхомъ. Пройдетъ часъ или около того, и онъ будетъ стоять лицомъ къ лицу съ человѣкомъ погубившимъ его дочь. И тогда—что́ же тогда? Къ чему поведетъ ихъ встрѣча? Онъ можетъ обвинить, обличить и опозорить его на всю жизнь въ глазахъ всякаго честнаго человѣка, можетъ заклеймить безчестіемъ имя которымъ этотъ человѣкъ по всей вѣроятности гордится. Но удовлетворитъ ли это жажду мести мучившую его нѣсколько лѣтъ? Дастъ ли это ему спокойный сонъ и мирную кончину? Успокоитъ ли это его наболѣвшее сердце, смягчитъ ли это его горе? Тысячу разъ нѣтъ! Могутъ ли слова, пустыя слова, отмстить за его дочь? Развѣ

ея соблазнитель не заслужилъ несравненно болѣе тяжкаго наказанія?

Чтò замышлялъ онъ на далекихъ высотахъ, между источниками широкихъ рѣкъ текущихъ съ горъ къ морю, въ томъ мрачномъ уединеніи гдѣ величіе природы возвышаетъ душу человѣка, чтò замышлялъ онъ тамъ, когда думалъ о днѣ въ который сойдется лицомъ къ лицу съ соблазнителемъ своей дочери? Не мщеніе словами, не пустыя угрозы. Какую клятву далъ онъ себѣ среди этого дикаго міра, пробуждавшаго дикіе инстинкты въ его сердцѣ? Онъ хорошо помнилъ какая это была клятва.

Онъ хранилъ въ своей спальнѣ въ Брайервудѣ пару револьверовъ, которые купилъ въ Мельборнѣ, послѣ вторичной поѣздки въ Австралію, купилъ для самозащиты, но и не безъ мысли что когда-нибудь они могутъ пригодиться и на другое дѣло. Онъ повѣсилъ ихъ надъ своею кроватью, и часто смотрѣлъ на нихъ съ мрачнымъ наслажденіемъ, лежа въ постели въ холодныя сѣрыя утра.

Онъ вспомнилъ теперь о своихъ пистолетахъ, и отдалъ бы все свое состояніе за то чтобъ одинъ изъ нихъ былъ въ этотъ день въ его карманѣ. Но могло ли ему придти въ голову взять такое оружіе на сельскій праздникъ, въ день рожденія примѣрнаго сквайра? Онъ вспомнилъ о ружьѣ заряженномъ пулей и лежавшемъ возлѣ него подъ каменною скамьей.

Для чего понадобилось этому человѣку ружье въ такой вечеръ? пришло ему въ голову. Но онъ не остановился на этомъ вопросѣ. Онъ былъ такъ занятъ своимъ собственнымъ положеніемъ что чужія дѣла, каковы бы они ни были, не могли интересовать его. Еслибъ онъ могъ предупредить убійство, свернувъ съ пути къ своей цѣли, онъ этого не сдѣлалъ бы въ этотъ вечеръ.

Онъ выкурилъ вторую трубку, и его цѣль, представлявшаяся ему вначалѣ туманною и неопредѣленною, обозначилась яснѣе.

Обличить его? Опозорить его? Нѣтъ! Онъ исполнитъ клятву которую далъ себѣ въ тотъ день когда узналъ объ участи своей дочери. Онъ останется вѣренъ самому себѣ и ея памяти. О послѣдствіяхъ, о цѣнѣ которою придется поплатиться предъ Богомъ и обществомъ за удовлетвореніе своей жажды мести, онъ думалъ такъ же мало какъ еслибы былъ худшимъ изъ язычниковъ и находился наединѣ съ сво-

имъ врагомъ въ мірѣ гдѣ не существуетъ правосудія. Принявъ окончательное рѣшеніе, онъ закурилъ третью трубку съ мрачнымъ успокоеніемъ, какъ довольный дикарь напавшій на слѣды своего врага и поджидающій его у своего вигвама, въ тѣни камедевыхъ деревъ, чтобъ убить его томагаукомъ. Онъ однако еще не подозрѣвалъ что жертва его приближается къ нему, расчищая ему путь къ мрачному концу окончательно опредѣлившемуся въ его умѣ.

Полная луна всходила все выше и выше; ясная ночь становилась часъ-отъ-часу яснѣе, и магическій свѣтъ, придающій красоту самому обыкновенному ландшафту, разлился надъ очарованнымъ лѣсомъ. Ричардъ Редмайнъ вспомнилъ свое австралійское имѣніе и лунное освѣщеніе которое видалъ тамъ, вспомнилъ свои несбывшіяся мечты. Безъ Граціи это имѣніе потеряло для него всякую привлекательность, безъ Граціи даже Брайервудъ былъ хуже чѣмъ могила. Съ ней онъ утратилъ цѣль своей жизни и свое мѣсто на землѣ, и жилъ только для того чтобъ отмстить за нее.

Въ этотъ вечеръ онъ чувствовалъ въ себѣ сверхъестественныя силы, онъ считалъ себя какъ бы осужденнымъ идти къ извѣстной цѣли. Еслибъ онъ зналъ старыя греческія исторіи, въ которыхъ люди дѣйствуютъ какъ слѣпыя орудія судьбы, осужденные идти во что бы то ни стало къ предопредѣленному концу, онъ нашелъ бы сходство между собою и этими жалкими существами.

Гдѣ-то вдалекѣ часы пробили половину десятаго. Этотъ звукъ прорѣзался сквозь лѣсную тишину, хотя шумъ праздника и музыка не были слышны. Какъ еще рано! А ему казалось что цѣлая вѣчность прошла съ тѣхъ поръ какъ онъ увидалъ сэръ-Френсиса Клеведона.

Его третья трубка подходила къ концу, когда онъ услыхалъ въ отдаленіи тихій шелестъ травы, потомъ замѣтилъ мелькавшее между деревьями женское платье, казавшееся бѣлымъ при лунномъ свѣтѣ, потомъ услыхалъ женскій смѣхъ и мужской голосъ, и наконецъ увидалъ дѣвушку и мущину, которые шли разговаривая въ его сторону.

Редмайнъ положилъ въ сторону трубку и сталъ слѣдить за приближавшеюся парой, сначала безцѣльно, потомъ со внезапнымъ интересомъ, наконецъ съ дикою радостью. Онъ спустился ниже по ступенямъ храма, протянулъ руку подъ каменную скамью, ощупалъ въ травѣ спрятанное ружье, вынулъ

его, осмотрѣлъ курокъ, приложилъ къ плечу и прицѣлился не колеблясь.

Онъ много упражнялся въ стрѣльбѣ въ Австраліи, когда бродилъ отъ нечего дѣлать съ утра до ночи по лѣсамъ и холмамъ.

Дѣвушка и ея спутникъ подходили ближе; дѣвушка была очевидно простая крестьянка, спутникъ же ея джентльменъ, и лицо его было такъ же хорошо знакомо Редмайну какъ его собственное. Какъ онъ наклоняется къ своей спутницѣ, и какъ она упивается его низкою лестью! Этотъ человѣкъ, кажется, только для того и живетъ чтобы соблазнять невинныхъ дѣвушекъ, думалъ Редмайнъ. Развѣ не слѣдуетъ освободить міръ отъ такого негодяя?

Они были на разстояніи двадцати миль отъ бесѣдки, и ни тотъ, ни другая не смотрѣли по сторонамъ. Редмайнъ дожидался чтобъ они подошли еще ближе, и выстрѣлилъ прицѣлившись въ грудь мущины.

Несчастный упалъ ничкомъ въ траву. Дѣвушка остановилась, дико озираясь, и съ крикомъ ужаса упала на колѣни предъ убитымъ. Ричардъ Редмайнъ бросилъ ружье въ заросшую травой ложбину и пошелъ спокойно домой.

— Я радъ что это сдѣлалъ, сказалъ онъ себѣ.

ГЛАВА XLII.

Не тотъ.

Никто не замѣтилъ удаленія Ричарда Редмайна изъ Клеведонскаго парка. Его юношескія похожденія за орѣхами и бѣлками ознакомили его съ каждымъ бугромъ и рвомъ, съ каждымъ кустомъ орѣшника, и шиповника въ окрестностяхъ Брайервуда. Онъ зналъ что у южной стѣны парка стояла лѣстница, съ помощью которой онъ могъ перелѣзть на Кингсберійскую дорогу въ такомъ мѣстѣ гдѣ въ это время можно было не опасаться никакой встрѣчи.

Но чувство страха не смутило его ни на минуту. Въ его быстромъ удаленіи не было ничего похожаго на бѣгство преступника. Онъ сдѣлалъ свое дѣло, и шелъ домой. Много ли, мало ли времени пройдетъ пока его не позовутъ къ отвѣту за это дѣло, ему было все равно. А то что рано или поздно при-

дется отвѣтить, онъ считалъ неизбѣжнымъ, и намѣренъ былъ не отрекаться отъ своего поступка, хотя бы пришлось поплатиться смертью на висѣлицѣ.

Въ результатѣ своего смѣлаго выстрѣла онъ не сомнѣвался. Человѣкъ попадавшій въ птицу казавшуюся точкой въ голубомъ небѣ не способенъ былъ промахнуться стрѣляя въ человѣка на разстояніи тридцати шаговъ.

Раскаивался ли онъ въ своемъ поступкѣ? Сожалѣлъ ли онъ что сдѣлалъ дѣло отлучившее его отъ его ближнихъ и сравнившее его съ Каиномъ? Нѣтъ. Не раскаяніе чувствовалъ онъ, а успокоеніе, словно исполнилъ задачу своей жизни. Онъ взглянулъ на небо, представилъ себѣ свою дочь въ надзвѣздномъ мірѣ, и готовъ былъ крикнуть ей что всѣ ея обиды отмщены.

Первыя ракеты показались надъ деревьями, когда онъ влѣзалъ на лѣстницу. Онъ остановился на верхней перекладинѣ и сталъ смотрѣть на огненный дождь сыпавшійся по небу.

„Они еще ничего не знаютъ, если пускаютъ свой фейерверкъ“, подумалъ Редмайнъ.

Онъ постоялъ нѣсколько минутъ на лѣстницѣ, ожидая продолженія, но послѣ нѣсколькихъ первыхъ ракетъ, быстро слѣдовавшихъ одна за другою, фейерверкъ внезапно прекратился.

Редмайнъ спрыгнулъ на пустынную дорогу и скоро свернулъ на луговую тропинку по которой пришелъ утромъ. Онъ не ускорялъ шаговъ, какъ человѣкъ опасающійся преслѣдованія, онъ шелъ медленно и былъ спокойнѣе чѣмъ во время своего утренняго пути въ Клеведонъ.

Было около одиннадцати часовъ, когда онъ вернулся въ Брайервудъ. Какая страшная тишина царила въ старомъ домѣ, когда онъ вошелъ, и какъ звучно раздавались шаги его по непокрытому полу! Онъ вспомнилъ вечеръ когда вернулся въ первый разъ изъ Австраліи, гордый и счастливый, и вошелъ въ этотъ домъ, увѣренный что дочь бросится ему на шею и прижмется головой къ его груди. О, несчастная ночь! Неужели человѣкъ погубившій эту дѣвушку не заслужилъ смерти?

„Могъ ли я не убить его?“ спросилъ онъ себя съ полнымъ убѣжденіемъ что поступилъ справедливо. Онъ не зажегъ огня въ кухнѣ, не остался посидѣть внизу, но прошелъ прямо наверхъ въ свою спальню и тотчасъ же легъ въ постель. Воспользоваться ночью чтобы бѣжать и спастись отъ послѣдствій

своего преступленiя не пришло ему въ голову ни на минуту. Онъ считалъ безчестнымъ отречься отъ сдѣланнаго дѣла, спастись позорнымъ бѣгствомъ и допустить чтобы какой-нибудь невинный человѣкъ поплатился за его поступокъ. Ложась въ постель, онъ вспомнилъ что было время когда на ней лежалъ негодяй замышлявшiй въ его домѣ погубить его дочь, и подумалъ со злобнымъ чувствомъ удовлетворенiя какъ жестко и холодно ложе на которое онъ уложилъ его въ этотъ вечеръ, и какъ страшенъ его сонъ.

„Такимъ людямъ должны сниться дурные сны когда они спятъ вѣчнымъ сномъ“, сказалъ онъ себѣ.

Но не долго бодрствовалъ онъ и думалъ о своей жертвѣ, и о своемъ преступленiи. Онъ много пилъ въ Клеведонѣ и провелъ весь день на воздухѣ и на ногахъ, отъ чего отвыкъ въ послѣднее время. Размышленiя его мало-по-малу превратились въ рядъ безсвязныхъ мыслей, и когда кингсберiйскiе церковные часы пробили половину двѣнадцатаго, онъ уже спалъ спокойнымъ сномъ младенца.

Странное чувство овладѣло имъ, когда онъ проснулся на слѣдующее утро, вскорѣ послѣ восхода солнца и, оглянувъ ярко-освѣщенную комнату, мгновенно вспомнилъ событiе прошлой ночи. Сцена въ лѣсу предстала предъ нимъ со всѣми своими ужасными подробностями, но онъ не почувствовалъ ни малѣйшаго раскаянiя. Ему стало только немного жаль молодой, красивой женщины, такъ мужественно отстаивавшей своего мужа. Его собственное положенiе не внушало ему ни малѣйшей тревоги. Въ память о своей дочери онъ готовъ былъ искупить свое мщенiе хоть позорною смертью на висилицѣ.

Было только пять часовъ, когда онъ сошелъ внизъ и вышелъ въ садъ. Буши, утомленные вчерашними треволненiями, еще спали.

„Я наслушаюсь вдоволь объ убiйствѣ, когда мистрисъ Бушъ встанетъ“, сказалъ онъ себѣ и началъ ходить въ ожиданiи по саду, куря трубку и поглядывая время отъ времени на окно кухни. Но прошло часа полтора прежде чѣмъ отворились ставни, и въ одномъ изъ оконъ повитыхъ плющомъ показалась его экономка.

— А вы проспали сегодня, мистрисъ Бушъ, сказалъ Редмайнъ, подходя по лугу къ растворенному окну.

— Проспала, мистеръ Редмайнъ! воскликнула она.—Я глазъ

не смыкала всю ночь, и удивляюсь какъ я могла встать съ постели. Я до сихъ поръ дрожу какъ въ лихорадкѣ. И это не отъ разстройства желудка, потому что я ѣла и пила вчера очень умѣренно, а Бушъ былъ трезвъ какъ судья и плакалъ отъ умиленія, когда мы пили здоровье сэръ-Френсиса. Нѣтъ, мистеръ Редмайнъ, не угощеніе перевернуло всѣ наши внутренности, а ужасная смерть бѣднаго джентльмена о которой мы узнали лишь только начался фейерверкъ.

— Какого джентльмена? Что̀ вы хотите сказать?

— Можетъ ли быть чтобы вы ничего не знали, мистеръ Редмайнъ? Мой мужъ видѣлъ васъ, когда вы выходили изъ палатки арендаторовъ, и мы были очень обрадованы что вы передумали и рѣшились повеселиться подобно другимъ.

— Да, мнѣ неожиданно пришла фантазія пойти на праздникъ, но я чувствовалъ себя тамъ какъ рыба вынутая изъ воды, и вскорѣ послѣ обѣда ушелъ домой.

— Такъ вы дѣйствительно ничего не знаете? воскликнула мистрисъ Бушъ, вытаращивъ на него глаза.

— Чего не знаю?

— Вы не слыхали что одинъ изъ джентльменовъ былъ убитъ возлѣ каменной беседки.

— Джентльменъ былъ убитъ, повторилъ Редмайнъ смѣло.— Это любопытно.

— Любопытно, мистеръ Редмайнъ? Это ужасно. Говорятъ что онъ умеръ мгновенно, и никто не знаетъ кто убилъ и за что̀. Можетъ-быть изъ ревности. Онъ ухаживалъ весь день за вертлявою дочерью Бонда, а у нея столько же поклонниковъ сколько пальцевъ на рукахъ и на ногахъ. Бѣдная жена его, говорятъ, упала какъ мертвая, когда его принесли на террасу, гдѣ она была съ другими гостями.

— Бѣдная, сказалъ Редмайнъ задумчиво.—Мнѣ очень жаль леди Клеведонъ.

— Леди Клеведонъ! воскликнула мистрисъ Бушъ съ изумленіемъ.—Да, ей конечно тоже тяжело. Трауръ, похороны и все тому подобное и при такомъ множествѣ гостей, и случилось это въ день рожденія сэръ-Френсиса.

— Да, въ день его рожденія, повторилъ Редмайнъ съ злымъ смѣхомъ.—Желалъ бы я знать предчувствовалъ ли онъ, дѣлая столько шума по поводу дня своего рожденія, что это его послѣдній день.

— Послѣдній, мистеръ Редмайнъ? Что̀ это значитъ? Вы

можетъ-быть хотите сказать что онъ уже не будетъ дѣлать намъ никакихъ праздниковъ въ день своего рожденія, послѣ несчастія съ его другомъ?

— Съ его другомъ? Что̀ вы хотите сказать? Развѣ не сэръ-Френсисъ Клеведонъ убитъ въ эту ночь?

— Сэръ-Френсисъ Клеведонъ? Что̀ это вы, мистеръ Редмайнъ? Съ чего вамъ пришло въ голову такое ужасное предположеніе? Я ничего такого не сказала о сэръ-Френсисѣ. Избави Богъ! Убитъ его другъ.

— Его другъ! Да вы съ ума сошли. Я знаю что убитъ сэръ-Френсисъ.

— Ваша бѣдная голова начинаетъ измѣнять вамъ, мистеръ Редмайнъ, сказала мистрисъ Бушъ примирительнымъ тономъ. Она была увѣрена что ея хозяинъ вернулся изъ Австраліи не въ полномъ разсудкѣ.

— Развѣ я сказала вамъ что-нибудь такое изъ чего вы могли заключить что убитъ сэръ-Френсисъ? Убитъ одинъ изъ его друзей, джентльменъ изъ Лондона, какой-то мистеръ Гаркроcингъ. Я знаю только что его имя начинается съ Г.

Редмайнъ отошелъ задумчиво отъ окна. Можетъ-быть онъ дѣйствительно не въ полномъ разсудкѣ въ этотъ день, пришло ему въ голову, или былъ не въ полномъ разсудкѣ наканунѣ вечеромъ, и глаза его видѣли не то что̀ было на самомъ дѣлѣ. Но онъ былъ увѣренъ что лицо которое онъ видѣлъ въ рощѣ при свѣтѣ луны было то самое которое онъ зналъ какъ свое собственное по миніатюрному портрету.

Не былъ ли онъ жертвой какого-нибудь страшнаго обмана воображенія, не былъ ли его разсудокъ отуманенъ виномъ, не убилъ ли онъ въ пьяномъ видѣ невиннаго? Такое предположеніе казалось слишкомъ ужаснымъ чтобы быть возможнымъ. Тѣмъ не менѣе сэръ-Френсисъ былъ живъ; смерть Граціи осталась не отмщенною, а самъ онъ сдѣлался убійцей.

„На слова этой женщины нельзя полагаться, сказалъ онъ себѣ послѣ долгаго раздумья.—Легче допустить что она ошибается, чѣмъ то что мои глаза обманули меня вчера. Я наведу справки.“

И не теряя времени онъ тотчасъ жѐ пошелъ по луговой тропинкѣ въ Клеведонъ. Но пройдя немного, онъ сообразилъ что Кингсбери ближе, и что тамъ должно быть извѣстно все что̀ ему нужно было знать.

Проходя по улицѣ, онъ замѣтилъ что обитатели селенія

были въ какомъ-то особенномъ возбужденіи. У дверей трактира собралась толпа, у колодца, между высокими вязами, стояли двѣ запряженныя телѣги, у садовой калитки мистера Ворта ходилъ верховой. Ричардъ Редмайнъ рѣшился войти въ эту калитку, зная что отъ Ворта можно получить болѣе достовѣрныя свѣдѣнія чѣмъ отъ деревенскихъ сплетниковъ.

— Дома мистеръ Вортъ? спросилъ онъ верховаго, и горько улыбнулся при мысли что этотъ человѣкъ можетъ-быть также полицейскій и имѣетъ порученіе искать убійцу.

— Мистеръ Вортъ въ своей конторѣ, но онъ занятъ съ однимъ джентльменомъ, отвѣчалъ верховой.

— Какъ бы онъ ни былъ занятъ, сказалъ Редмайнъ,—мнѣ необходимо видѣть его.

Съ этими словами онъ направился къ двери конторы, въ которой не былъ ни разу послѣ своего непріятнаго объясненія съ управляющимъ въ день возвращенія изъ Австраліи. Онъ вошелъ смѣло и засталъ Ворта въ таинственномъ совѣщаніи съ начальникомъ Танбриджской полиціи.

— Я не принимаю сегодня, сказалъ Вортъ поспѣшно, но взглянувъ на вошедшаго, воскликнулъ:—какъ, Редмайнъ! Зачѣмъ вы пришли въ такой день?

— Чтобъ узнать что̀ случилось въ Клеведонѣ, я ни отъ кого не могъ добиться удовлетворительнаго отвѣта. Всѣ точно съ ума сошли.

— А мнѣ кажется что все случившееся уже давно извѣстно всѣмъ и каждому на разстояніи двадцати миль вокругъ Кингсбери. Вчера вечеромъ въ Клеведонскомъ паркѣ совершено страшное убійство. Человѣкъ застрѣленъ какъ кроликъ. Вотъ что̀ случилось.

— Но кто этотъ человѣкъ! воскликнулъ Редмайнъ.—Можете вы сказать мнѣ его имя?

— Его имя Гаркросъ, отвѣчалъ Вортъ.—Но вы его не знаете, онъ здѣсь пріѣзжій.

— Гаркросъ, Гаркросъ! повторилъ Редмайнъ съ недоумѣніемъ.—А я слышалъ что убитъ сэръ-Френсисъ Клеведонъ.

— Глупъ былъ тотъ кто вамъ это сказалъ, возразилъ управляющій съ нетерпѣніемъ.—Но не можете ли вы оставить меня вдвоемъ съ этимъ джентльменомъ. У васъ есть съ нимъ дѣло.

Ричардъ Редмайнъ вышелъ изъ конторы не сказавъ болѣе ни слова. Съ него было достаточно того что̀ онъ узналъ. Онъ

убилъ невиннаго, отяготилъ душу безполезнымъ преступленіемъ, замаралъ руки кровью человѣка ничѣмъ его не оскорбившаго. Онъ не зналъ куда пойти, что сдѣлать съ собой когда вышелъ изъ конторы. Вся жизнь, казалось ему, была рядомъ ошибокъ. Еслибъ онъ исполнилъ просьбу своей дочери и взялъ ее съ собою въ Австралію, она была бы теперь жива, еслибъ онъ не вернулся изъ вторичной поѣздки въ Австралію, онъ не сдѣлалъ бы этого безполезнаго и ужаснаго преступленія. Теперь онъ впервые почувствовалъ себя убійцей. Онъ пошелъ по большой дорогѣ въ Клеведонъ, не чувствуя ни жара, ни усталости, чтобъ узнать какія-нибудь подробности и окончательно убѣдиться въ своей ошибкѣ. Возможно ли что его глаза ввели его въ заблужденіе! Сэръ-Френсисъ Клеведонъ живъ и торжествуетъ и можетъ-быть смѣется надъ нимъ въ душѣ, а невинный человѣкъ убитый его преступною рукой лежитъ мертвый.

У южнаго входа онъ засталъ садовника Бонда, двухъ или трехъ служителей и нѣсколько человѣкъ поселянъ, разсуждавшихъ о вчерашней катастрофѣ. Джанна Бондъ лежала въ спальнѣ наверху въ сильной горячкѣ.

— И пусть это послужитъ ей урокомъ и заставитъ ее раскаяться и свернуть съ преступнаго пути, сказалъ садовникъ.

— Не подозрѣваете ли вы кого-нибудь? спросилъ старый лавочникъ изъ Гублефорда.

— Виноватъ только тотъ кто спустилъ курокъ, мистеръ Перкисъ, отвѣчалъ садовникъ многозначительно. — Я имѣю, конечно, свои подозрѣнія, но предпочитаю не сообщать ихъ никому. Время покажетъ.

— А гдѣ будутъ похороны? Здѣсь? продолжалъ разспрашивать любопытный Перкисъ.

— Нѣтъ, его отвезутъ сегодня ночью въ Лондонъ и погребутъ въ семейномъ склепѣ въ Кенсаль-Гринѣ.

— Жаль, замѣтилъ Перкисъ.—Половина графства проводила бы его до могилы, еслибъ его похоронили здѣсь. Въ Лондонѣ, судя по газетамъ, убійства не рѣдкость, и тамъ ему не окажутъ такой чести.

Затѣмъ разговоръ пошелъ о слѣдствіи имѣвшемъ быть въ два часа, о ранѣ убитаго, объ оружіи которымъ было совершено преступленіе. Обо всѣхъ этихъ предметахъ было нѣсколько мнѣній, такъ какъ за предѣлами Клеведона не многіе обладали достовѣрными свѣдѣніями. Ричардъ Редмайнъ

слушалъ молча. Садовникъ и мистеръ Перкисъ время отъ времени обращались къ нему съ своими замѣчаніями.

— Въ газетахъ пишутъ вслѣдъ за всякимъ преступленіемъ что полиція уже напала на слѣдъ виновнаго, хотя еще ничто неизвѣстно достовѣрно и не можетъ быть обнародовано, замѣтилъ Перкисъ.—Повѣрьте, мистеръ Бондъ, что и въ этомъ случаѣ полиція уже напала на слѣды преступника. Какъ вы думаете, изъ ружья или изъ пистолета былъ сдѣланъ выстрѣлъ?

— Грумъ капитана Гартвуда былъ здѣсь предъ завтракомъ объѣзжая лошадь своего барина, и говорилъ мнѣ что доктора вынули полдюжины дробинокъ, слѣдовательно выстрѣлъ былъ сдѣланъ изъ ружья и безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія. Никто не заряжаетъ ружье дробью обираясь убить человѣка.

— Этого нельзя сказать, мистеръ Бондъ, возразилъ Перкисъ.—Чѣмъ хуже человѣкъ, тѣмъ хитрѣе совершаетъ онъ свое преступленіе. Онъ хотѣлъ быть-можетъ сбить съ толку слѣдователей. Но я не могу понять причину преступленія. Никто не совершаетъ убійства безъ причины.

— Кромѣ сумашедшихъ, сказалъ садовникъ.—Мнѣ сдается что это убійство было дѣломъ сумашедшаго.

— Что̀ это вы говорите, мистеръ Бондъ? Я называю это насмѣшкой надъ законами страны. Стóитъ только человѣку сдѣлать какое-нибудь необычайное преступленіе чтобъ его провозгласили сумашедшимъ.

Ричардъ Редмайнъ стоялъ немного поодаль, разсѣянно слушая, потомъ, рѣшившись взглянуть на сцену вчерашней катастрофы, подошелъ къ калиткѣ, но былъ остановленъ садовникомъ.

— Извините, мистеръ Редмайнъ, сказалъ онъ.—Хотя вы человѣкъ извѣстный, но я имѣю строгія предписанія отъ полиціи и обязанъ исполнять ихъ. Сегодня запрещено ходить въ паркъ.

— Почему?

— Не мое дѣло знать зачѣмъ и почему. Я долженъ только исполнять приказанія.

— Вы правы. Я не особенно интересуюсь этимъ дѣломъ, но если на кого-нибудь падетъ подозрѣніе и кто-нибудь будетъ задержанъ, я желалъ бы чтобы меня объ этомъ увѣдомили. Не можете ли вы прислать кого-нибудь ко мнѣ въ Брайервудъ?

— Хорошо, мистеръ Редмайнъ. Я пришлю сказать вамъ если что-нибудь случится.

Минуту спустя къ калиткѣ подошелъ молодой малый съ лицомъ сіявшимъ гордостью и сознаніемъ собственнаго достоинства. Онъ принесъ новость еще неизвѣстную этимъ людямъ, и они это тотчасъ же поняли.

— Что̀ новаго, Джимъ? спросили его.

— Очень важная новость, отвѣчалъ онъ торжественно.—Нашли ружье которымъ былъ убитъ джентльменъ.

— А, такъ ружье уже нашли, сказалъ Бондъ.—Остальное не трудно узнать. Скоро найдутъ и самого убійцу.

Онъ задумчиво посмотрѣлъ вслѣдъ Редмайну, уходившему по пыльной большой дорогѣ.

— Странно что онъ такъ интересуется этимъ дѣломъ что проситъ присылать ему извѣстія, замѣтилъ онъ.

— Дѣйствительно странно, Бондъ, возразилъ Перкисъ.—Но съ тѣхъ поръ какъ онъ вернулся изъ Австраліи, нѣтъ на свѣтѣ человѣка страннѣе Ричарда Редмайна. Проклятое золото вскружило ему голову, вотъ мое мнѣніе. Выкапывая изъ земли золотые слитки какъ земляныхъ червей, человѣкъ идетъ противъ природы и долженъ нести за это наказаніе.

— Вы правы, отвѣчалъ Бондъ.—Въ потѣ лица твоего будешь зарабатывать хлѣбъ свой, говорится въ Священномъ Писаніи, но объ откапываніи золота и о стофунтовыхъ слиткахъ въ немъ не упоминается.

ГЛАВА XLIII.

„Да, братъ, прокляни со мной этотъ ужасный часъ.“

Гробовая тишина воцарилась въ Клеведонскомъ домѣ. Не слышно было ни стука билліардныхъ шаровъ, ни взрывовъ серебристаго смѣха съ аккомпаниментомъ мужскихъ голосовъ, ни блестящей музыки Шопена и Шульгофа на большомъ роялѣ въ гостиной, ни веселыхъ вальсовъ въ верхнихъ комнатахъ, занимаемыхъ гостями женскаго пола, ни шелеста шелковыхъ платьевъ. Затихъ веселый шумъ дома полнаго гостей. Занавѣсы оконъ были спущены, мракъ и тишина воцарились въ опустѣвшихъ комнатахъ.

Большинство гостей леди Клеведонъ обратилось въ бѣгство.

Они поспѣшили уѣхать съ самымъ раннимъ поѣздомъ, поручивъ своимъ горничнымъ и лакеямъ заботиться о перевозкѣ ихъ багажа. Кому пріятно было оставаться въ мѣстѣ оскверненномъ убійствомъ? Прекрасный старый домъ, освѣщенный утреннимъ солнцемъ, казался уѣзжавшимъ гостямъ страшнымъ склепомъ, за каменными стѣнами котораго скрывались всѣ ужасы могилы. Они уѣхали вскорѣ послѣ восхода солнца и оставили хозяевамъ письма полныя изъявленій благодарности и сочувствія и увѣренности что въ такое время сэръ-Френсису и леди Клеведонъ пріятно будетъ остаться одним.

Клеведонскіе слуги быстро уничтожили всѣ слѣды праздника. Убитый лежалъ на верху, въ комнатѣ которая была его спальней, а женѣ его была наскоро устроена постель въ сосѣдней уборной. Здѣсь она сидѣла одна, неподвижная какъ статуя, съ лицомъ почти такимъ же блѣднымъ какъ закрытое лицо въ сосѣдней комнатѣ, съ руками сложенными на колѣняхъ и съ глазами безцѣльно устремленными въ пространство.

Леди Клеведонъ въ теченіи страшной ночи и безотраднаго утра не разъ подходила къ ея двери и упрашивала ее со слезами позволить ей посидѣть съ ней. — Милая мистрисъ Гаркроссъ, позвольте мнѣ войти. Я не буду надоѣдать вамъ; не буду говорить, позвольте мнѣ только посидѣть съ вами. Августа только качала головой, и движеніемъ руки приказывала горничной отвѣтить за нее. Присутствіе Тульйонъ она терпѣла какъ мы терпимъ присутствіе собаки.

Она видѣла какъ мужа ея клали на кровать, она присутствовала когда доктора осматривали его раны, и когда все было окончено, начала бродить безцѣльно по комнатамъ. Какъ горячо, какъ безпредѣльно она любила его. Она всегда знала что онъ дорогъ ей, но только теперь оцѣнила вполнѣ всю силу своей любви. Она жила только для себя, наполнивъ свою жизнь одѣваніями и визитами, поставивъ себѣ главною цѣлью достичь высокаго положенія въ обществѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ любила своего мужа всею душою. Но она хранила свои чувства втайнѣ; она боялась отдать ему свое сердце, какъ боялась ввѣрить ему свое состояніе. Она думала что ему достаточно знать что онъ ей не противенъ, что она снизошла до того что стала его женой. Глубину и силу своей любви къ нему она скрывала отъ него.

Думая объ этомъ теперь, когда его уже не было, она поняла

что обманывала его и повредила этимъ себѣ, лишивъ себя любви, которую могла бы внушить ему, еслибы поменьше думала о себѣ. Онъ лежалъ теперь мертвый, и ей казалось что безъ него жизнь ея утратила всякое значеніе, что этотъ человѣкъ, съ которымъ она была такъ холодна, составлялъ для нея весь ея міръ, что наряды и визиты были только средствомъ наполнить праздное время. Она поняла теперь какъ дорога была ей его будущность и то положеніе которое онъ долженъ былъ пріобрѣсти для нея. Его не стало, и ея будущность превратилась въ пустую страницу. Что значу я безъ него? спросила она себя. Ея молодость, красота и богатство были безполезны теперь, когда его не стало.

Его смерть была сама по себѣ несчастіемъ такимъ ужаснымъ что въ первое время она мало думала объ ея причинѣ. Какъ будетъ она жить безъ него? Этотъ вопросъ заглушалъ всѣ другія мысли. Привыкнувъ съ дѣтства считать себя центромъ міра, или по крайней мѣрѣ той сферы въ которой она вращалась, она видѣла теперь въ смерти мужа прежде всего ущербъ своимъ собственнымъ интересамъ. Она думала: да, даже въ этотъ первый день, когда сидѣла безмолвная какъ статуя, она думала о своемъ домѣ въ Мастодонтъ-Кресчендѣ и о томъ что все его великолѣпіе теперь безполезно. Въ состояніи ли она будетъ привлекать въ свой салонъ знаменитости Лондона, и давать такіе обѣды о которыхъ говорятъ, и сдѣлать свой *cordon bleu* средствомъ восхожденія по общественной лѣстницѣ? Увы, свѣтило ея дома угасло. Она была теперь только богатая вдова, которую свѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ предпріимчивыхъ искателей богатыхъ невѣстъ, постарается забыть. До сихъ поръ она обольщала себя мыслью что Губертъ Гаркросъ имѣетъ значеніе только чрезъ нея, и извѣстенъ болѣе какъ мужъ ея, чѣмъ самъ по себѣ, но въ этотъ часъ просвѣтлѣнія она поняла что сама имѣла значеніе только чрезъ него.

Приготовленіе постели въ уборной было напраснымъ трудомъ. Мистрисъ Гаркросъ не прилегла ни на минуту въ эту страшную ночь, какъ ни умоляла ее Тульйонъ лечь и постараться заснуть.

— Не надоѣдайте мнѣ, говорила она съ нетерпѣніемъ.—Я можетъ не буду въ состояніи заснуть нѣсколько мѣсяцевъ.

На слѣдующее утро, въ полдень, сэръ-Френсисъ пришелъ попросить ее принять его на нѣсколько минутъ. Радомъ съ

уборной находился маленькій будуаръ, который нѣкогда былъ молельней, но въ которомъ теперь стояла только пара креселъ, письменный столъ у окна и красивый шкапчикъ для книгъ. Въ эту комнату сэръ-Френсисъ вызывалъ мистрисъ Гаркросъ, и послѣ нѣсколькихъ минутъ потраченныхъ на переговоры, происходившіе съ помощью Тульйонъ, и нѣсколькихъ отказовъ со стороны мистрисъ Гаркросъ, она согласилась выйти къ нему.

— Неужели вы не надѣнете свѣжаго утренняго платья, сударыня? воскликнула горничная, видя что барыня ея не намѣрена переодѣваться, но мистрисъ Гаркросъ отстранила ее нетерпѣливымъ движеніемъ и вышла, похожая на призракъ, въ своемъ смятомъ кисейномъ платьѣ и съ растрепанными волосами.

— Дорогая моя мистрисъ Гаркросъ, мы всѣ страдаемъ за васъ, сказалъ онъ съ участіемъ.—Я не нахожу словъ для выраженія нашихъ чувствъ, и слова въ такое время были бы неумѣстными. Но я счелъ необходимымъ, даже рискуя огорчить васъ, попросить у васъ этого свиданія. Есть вещи о которыхъ необходимо переговорить немедленно.

— О, Боже! воскликнула она, смотря на него полными отчаянія глазами,—какъ вы похожи на него!

„Какъ глупо съ моей стороны забыть о сходствѣ“, подумалъ сэръ-Френсисъ.—„Мнѣ не слѣдовало показываться ей въ такое время.“

Онъ поставилъ ей стулъ у отвореннаго окна.

— Пусть мое сходство съ вашимъ мужемъ дастъ мнѣ право разсчитывать на вашу дружбу, сказалъ онъ.—Вѣрьте моему искреннему желанію, моей твердой рѣшимости предать въ руки правосудія его убійцу и помогите мнѣ въ этомъ если можете. Дайте мнѣ нить къ разрѣшенію этой страшной тайны. Не было ли у него враговъ? Не оскорбилъ ли онъ кого-нибудь?

— Нѣтъ, я не знаю ни одного человѣка котораго онъ когда-либо оскорбилъ и никогда не слыхала чтобъ онъ имѣлъ враговъ. Но я знаю что ему не хотѣлось ѣхать сюда и что я заставила его пріѣхать вопреки его желанію.

— Ему не хотѣлось ѣхать сюда?

— Да, онъ былъ противъ этой поѣздки, и имѣлъ основательную причину, которую я не могу сообщить вамъ. Еслибъ онъ довѣрился мнѣ съ самаго начала, мы не пріѣхали бы сюда. Но я привезла его вопреки его желанію, привезла на смерть.

Сэръ-Френсисъ поглядѣлъ на нее удивленнымъ взглядомъ и предположилъ что она не въ полномъ разсудкѣ.

— Вы не можете дать мнѣ никакого указанія, мистрисъ Гаркросъ? спросилъ онъ.

— Никакого.

— Такъ мы будемъ дѣйствовать безъ вашей помощи. Полиція работаетъ съ самаго восхода солнца. На всѣ станціи желѣзной дороги послано предостереженіе, и всякое сколько-нибудь подозрительное лицо будетъ остановлено. Мы телеграфировали чтобы сюда выслали двухъ слѣдователей, и я уже извѣстилъ о случившемся мистера Валлори. Вамъ можетъ-быть пріятно будетъ имѣть при себѣ отца въ такое время.

— Мой отецъ не можетъ принести здѣсь никакой пользы, сказала Августа апатично, но минуту спустя прибавила со внезапнымъ оживленіемъ:—Да, вы должны непремѣнно отыскать его убійцу. Это вашъ долгъ.

— Я это знаю, мистрисъ Гаркросъ. Мой другъ и гость убитъ на разстояніи четверти мили отъ моего дома, въ оградѣ моей усадьбы. Неужели вы думаете что я не считаю себя обязаннымъ отмстить за его смерть?

Августа улыбнулась загадочно, горькою улыбкой.

— Ваши чувства очень естественны, сказала она.

Съ минуту длилось молчаніе. Сэръ-Френсисъ не находилъ возможности сказать ей что-нибудь утѣшительное. Общія фразы которыми друзья утѣшаютъ страдающихъ были бы въ этомъ случаѣ болѣе чѣмъ неумѣстны.

— Какъ мнѣ ни тяжело говорить о такомъ предметѣ, началъ сэръ-Френсисъ, приступая нерѣшительно къ главной цѣли своего посѣщенія,—но я долженъ предложить вамъ вопросъ относительно похоронъ. Гдѣ вы желаете похоронить вашего мужа?

Она издала слабый стонъ и закрыла лицо руками, но минуту спустя отвѣчала спокойнымъ голосомъ:

— Въ нашемъ фамильномъ склепѣ въ Кенсаль-Гринѣ. Тамъ лежитъ моя мать, туда положатъ и меня когда придетъ мое время.

— У него нѣтъ своего собственнаго склепа, то-есть такого гдѣ лежатъ его родные и въ которомъ онъ можетъ-быть желалъ быть погребеннымъ? спросилъ сэръ-Френсисъ.

— Нѣтъ.

— И вы не желали бы чтобъ онъ былъ похороненъ въ Кингсбери, гдѣ лежатъ всѣ Клеведоны, кромѣ моего отца?

— О, нѣтъ, нѣтъ.

— Этого достаточно, мистрисъ Гаркросъ.— Я больше не буду надоѣдать вамъ такими вопросами. Мистеръ Уэстонъ Валлори хлопочетъ неутомимо съ ранняго утра, и я надѣюсь что вы довѣрите ему и мнѣ второстепенныя подробности.

Онъ сказалъ нѣсколько словъ въ похвалу усопшему, напирая особенно на его общественное и профессіональное значеніе, выразилъ увѣренность что его смерть будетъ почувствована какъ большая потеря, и въ заключеніе попросилъ мистрисъ Гаркросъ позволить Жоржи посидѣть съ ней.

— Вы всегда любили ее, сказалъ онъ,—и Жоржи васъ любитъ и очень огорчена тѣмъ что вы не хотите видѣть ее. Я не говорю что она въ состояніи васъ утѣшить, но въ ея присутствіи вамъ будетъ легче чѣмъ въ этомъ страшномъ уединеніи. А еслибы вы перешли въ ея комнату, это было бы еще лучше.

— Вы очень добры, но я предпочитаю быть одной,—быть съ нимъ, прибавила она, взглянувъ въ сторону комнаты гдѣ лежалъ покойникъ.

— Но вамъ было бы легче еслибы вы ушли отсюда, настаивалъ сэръ-Френсисъ. Сюда будутъ приходить посторонніе: коронеръ и другіе люди которыхъ нельзя не пустить. Послѣдуйте моему совѣту.

— Нѣтъ, отвѣчала она твердо.—Чтò бы ни дѣлалось вокругъ меня, мнѣ не можетъ быть тяжеле чѣмъ теперь. Я не уйду отсюда.

Сэръ-Френсисъ сдѣлалъ еще одну тщетную попытку уговорить ее и ушелъ глубоко тронутый и съ тяжелымъ сознаніемъ своей неспособности утѣшить ее.

Выйдя въ коридоръ, онъ встрѣтилъ жену, которую почти не видалъ со вчерашняго завтрака. Онъ провелъ ночь въ совѣщаніи съ полицейскими и другими мѣстными авторитетами, разговаривая о подробностяхъ ночной трагедіи съ капитаномъ Гартвудомъ и двумя или тремя другими гостями, которые собрались въ курильной комнатѣ, избѣгая уединенія своихъ спаленъ.

— Бѣдный Гаркросъ! Онъ былъ совсѣмъ не такого рода человѣкъ чтобы можно было ожидать что онъ умретъ такою

смертью, сказалъ капитанъ, какъ будто мистеръ Гаркросъ умеръ отъ апоплексіи.

— Видѣлъ ты ее? спросила Жоржи, и сэръ-Френсисъ въ отвѣтъ описалъ ей свое свиданіе съ мистрисъ Гаркросъ.

— Бѣдная! О, Френсисъ, это несчастіе ужасно для нея, но для меня оно вдвое ужаснѣе.

Они вошли, пока сэръ-Френсисъ описывалъ свое свиданіе съ Августой, въ ту самую комнату гдѣ Жоржи наканунѣ вечеромъ тщетно ждала своего мужа для объясненія, которое еще не произошло до сихъ поръ.

— Милая моя, сказалъ сэръ-Френсисъ нѣжно,—я знаю что это тяжелое испытаніе для тебя, но подумай во сколько разъ оно тяжеле для нея.

— О, Френсисъ, еслибъ это случилось съ тобою, сказала Жоржи.

Эта мысль такъ удивила сэръ-Френсиса что онъ только пожалъ плечами.

— А это могло бы случиться съ тобою, продолжала Жоржи.

— Право я не понимаю, другъ мой, почему это могло бы случиться со мною. Такія вещи не дѣлаются безъ причины. Бѣдный Гаркросъ вѣроятно возбудилъ чѣмъ-нибудь ненависть убійцы, можетъ-быть неумышленно разорилъ его, выигравъ противъ него процессъ. Нѣкоторые люди принимаютъ такъ горячо къ сердцу всякое зло причиненное имъ другими и такъ много о немъ думаютъ что сходятъ съ ума.

— Чтò если онъ былъ убитъ по ошибкѣ, Френсисъ? Чтò если убійца принялъ его за тебя?

— Принялъ его за меня, Жоржи? Чтò ты хочешь сказать? Кому можетъ придти въ голову убить меня?

— Не сдѣлалъ ли ты что-нибудь такое чѣмъ могъ возбудить чью-нибудь ненависть, Френсисъ? Можетъ-быть лѣтъ пять тому назадъ, когда ты былъ легкомысленнѣе? Нѣтъ ли у тебя какой-нибудь тайны которая страшила бы тебя въ такое время какъ теперь? Нѣтъ ли чего-нибудь такого чтò внушаетъ тебѣ страхъ или раскаяніе? Ты говорилъ мнѣ не разъ что я знаю всю исторію твоего прошлаго, но нѣтъ ли въ ней одной страницы которую ты не рѣшился раскрыть предо мной? О, милый мой, будь откровененъ со мной. Никакой грѣхъ въ прошломъ или настоящемъ не уменьшитъ моей любви къ тебѣ. Скажи мнѣ правду, Франкъ. Лучше поздно чѣмъ никогда.

— Честное слово, Жоржи, я совсѣмъ не понимаю на что ты намекаешь. Я не утаилъ отъ тебя никакой тайны, ни большой, ни маленькой.

— Такъ ты ничѣмъ не возбудилъ ненависть къ себѣ въ Ричардѣ Редмайнѣ? Ты никогда не былъ въ Брайервудѣ?

— Въ Брайервудѣ? Я даже не знаю гдѣ это мѣсто.

— О, Франкъ, лицо твое такъ правдиво, а между тѣмъ я его видѣла въ медальйонѣ который показывалъ мнѣ этотъ человѣкъ. Это было лицо соблазнителя его дочери.

— Въ какомъ медальйонѣ? Какой дочери? Стыдно тебѣ, Жоржи, мучить меня такими загадками.

— Редмайнъ обвинялъ тебя въ томъ что ты увезъ его дочь и показывалъ мнѣ медальйонъ съ твоимъ миніатюрнымъ портретомъ.

— Я увезъ его дочь! Когда же это было?

— Пять лѣтъ тому назадъ.

— А Брайервудъ вѣроятно въ Кентѣ? Но вѣдь ты знаешь, Жоржи, что я пріѣхалъ въ Кентъ въ первый разъ только въ прошломъ году, и что я никогда не снималъ съ себя миніатюрнаго портрета кромѣ того который подарилъ тебѣ. Право, Жоржи, наша жизнь не обѣщаетъ быть пріятною, если ты будешь время отъ времени дѣлать мнѣ такія сцены.

Сэръ-Френсисъ готовъ былъ разсердиться, и Жоржи пришлось извиняться и увѣрить мужа что она никогда не сомнѣвалась въ немъ, но была только очень несчастна, потому что этотъ ужасный человѣкъ казался способнымъ на все и имѣлъ сильныя доказательства справедливости своего обвиненія, и что миніатюрный портретъ былъ какъ двѣ капли воды похожъ на ея милаго Франка.

— Можетъ-быть это портретъ Гаркроса, замѣтилъ сэръ-Френсисъ.

— О, нѣтъ. Лицо на портретѣ гораздо красивѣе и моложе его лица.

— Но портретъ снятъ пять лѣтъ тому назадъ.

— Можетъ-быть, отвѣчала Жоржи сомнительно,—но онъ больше похожъ на тебя. Подумай что я должна была выстрадать, Франкъ.

— Слѣдовательно ты сомнѣвалась во мнѣ, Жоржи. Это очень не хорошо съ твоей стороны, это супружеская измѣна. Но ради Бога разкажи мнѣ все что знаешь о Редмайнѣ и объ

его обвиненіи. Ты можетъ-быть дашь мнѣ возможность разъяснить это страшное убійство.

— Я знаю что онъ былъ очень сердитъ и казался мнѣ способнымъ на все, отвѣчала Жоржи, и на дальнѣйшіе разспросы мужа описала сцену въ библіотекѣ и повторила все что сказалъ ей Ричардъ Редмайнъ.

„Это объясняетъ почему Гаркросу не хотѣлось ѣхать сюда“ подумалъ сэръ-Френсисъ.

Онъ поцѣловалъ жену и охотно простилъ ей ея проступокъ который онъ назвалъ супружескою измѣною.

— Но впередъ никогда не сомнѣвайся во мнѣ, Жоржи. Ты рискуешь поддаться какому-нибудь обману, и я можетъ-быть не буду въ состояніи доказать такъ легко мое alibi какъ въ этотъ разъ. Теперь я пойду поговорить о томъ что узналъ отъ тебя съ констеблемъ Руфкелемъ и съ Уэстономъ Валлори.

— Неужели этого несчастнаго фермера повѣсятъ, Френсисъ?

— Повѣсятъ непремѣнно если онъ убійца.

— Но онъ былъ оскорбленъ такъ жестоко.

— Согласенъ, другъ мой, но законъ не даетъ права убивать обольстителей.

— О, Френсисъ, какъ мнѣ будетъ жаль если этого человѣка повѣсятъ. Я сочувствовала ему всѣмъ сердцемъ, когда онъ разказывалъ мнѣ свою исторію, несмотря на то что онъ обвинялъ тебя.

— Мнѣ также жаль его, Жоржи, но моя прямая обязанность въ этомъ дѣлѣ отмстить за смерть моего гостя.

Онъ ушелъ въ свой кабинетъ, мрачную, просто убранную комнату на задней сторонѣ дома, въ которой онъ принималъ мистера Ворта и которая служила теперь сборнымъ пунктомъ полиціи. Сэръ-Френсисъ засталъ въ ней Уэстона, стоявшаго съ сигарой у отвореннаго окна.

Сэръ-Френсисъ повторилъ ему то что узналъ отъ жены и что было не новостью для Уэстона.

— Да, отвѣчалъ онъ, бросая окурокъ сигары,—сомнѣнія быть не можетъ. Убійца Редмайнъ.

— Развѣ вы полагаете что Гаркросъ виноватъ въ этой исторіи съ дочерью.

— Безъ сомнѣнія. Гаркросъ провелъ лѣто въ Брайервудѣ пять лѣтъ тому назадъ и былъ очень скрытенъ относительно этого времени, не хотѣлъ даже сказать намъ названіе фермы,

пока мы не узнали его случайно. Я давно подозрѣвалъ что тутъ есть какая-нибудь тайна, но не думалъ что она такъ серіозна.

Въ эту минуту вошелъ констебль Руфнель, съ видомъ человѣка только-что вышедшаго побѣдителемъ изъ необычайныхъ затрудненій.

— Мнѣ кажется что я напалъ на слѣды преступника, Руфнель, сказалъ сэръ-Френсисъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сэръ? спросилъ констебль съ саркастическою улыбкой.—А я уже нашелъ самого убійцу.

— Какъ, вы нашли...

— Нашелъ, сэръ, нашелъ ружье, что то же самое. Убійца Джозефъ Флудъ, вашъ грумъ, и у меня уже готово столько уликъ противъ него что больше и не надо.

ГЛАВА XLIV.

„Удары судьбы не минуютъ и невинныхъ".

Ричардъ Редмайнъ пошелъ домой окончательно убѣжденный въ своей ошибкѣ. Тяжесть его преступленія не тяготила его совѣсть пока онъ считалъ себя убійцей соблазнителя своей дочери. По его мнѣнію, убить такого человѣка было бы не преступленіемъ, а справедливымъ возмездіемъ. Но убить человѣка который не сдѣлалъ ему никакого зла! Пролить невинную кровь! Это было совсѣмъ другое дѣло. Это было преступленіе, лежавшее тяжелымъ бременемъ на его душѣ.

Онъ вернулся въ Брайервудъ, но не нашелъ здѣсь успокоенія. Знакомыя комнаты привели его въ ужасъ своею тишиной, тѣснотой и недостаткомъ воздуха. Въ саду ему показалось также тѣсно и душно. Голосъ мистрисъ Бушъ, напѣвавшей старинную пѣсню, терзалъ его нервы. Онъ былъ въ томъ настроеніи духа когда жизнь кажется человѣку нестерпимою, когда ему приходитъ охота раздробить себѣ голову. Онъ поднялся на верхъ въ свою спальню, снялъ пистолеты, подержалъ одинъ изъ нихъ въ рукахъ, нерѣшительно разглядывая его и думая какъ легко положить конецъ земнымъ страданіямъ, перейти изъ нестерпимаго настоящаго въ неизвѣстное будущее. Но послѣ нѣсколькихъ минутъ раздумья, онъ повѣсилъ пистолеты на прежнее мѣсто.

— Надо дождаться конца этого дѣла, сказалъ онъ себѣ.— Было бы малодушіемъ бѣжать отъ отвѣтственности.

Еслибы не эта мысль и не опасеніе что за его преступленіе можетъ пострадать невинный, онъ охотно бѣжалъ бы изъ этого тѣснаго міра въ Австралію, и поселился бы среди обширныхъ пастбищъ и голубыхъ озеръ, гдѣ могъ быть свободенъ какъ дикій король. До сихъ поръ онъ любилъ свой Кентскій домъ болѣе всякаго другаго мѣста въ мірѣ, но въ этотъ день сердце его сжималось при видѣ окрестнаго ландшафта, стѣсненнаго лѣсами и холмами, которые, казалось ему, онъ могъ достать рукой.

— О, Боже, зачѣмъ я послѣшилъ? думалъ онъ.—Зачѣмъ я не дождался случая когда могъ бы разсчитаться съ нимъ не рискуя ошибиться? Я терпѣлъ долго и могъ бы потерпѣть еще немного. Развѣ моя ненависть могла остыть? Выстрѣлить наудачу, въ темнотѣ! Однако я былъ увѣренъ что вижу его лицо. Не дьяволъ ли подшутилъ надо мной? Я выпилъ вчера вѣроятно очень много, потому что не помнилъ себя послѣ того какъ увидалъ его. Но я вполнѣ владѣлъ собою когда выстрѣлилъ и готовъ поклясться что видѣлъ его лицо.

Редмайнъ никогда не былъ суевѣренъ, но теперь готовъ былъ признать себя жертвой какой-нибудь оверхъестественной силы, такъ былъ онъ увѣренъ что лицо человѣка въ котораго онъ выстрѣлилъ было оригиналомъ миніатюрнаго портрета въ медальонѣ.

Онъ ходилъ взадъ и впередъ мимо цвѣточныхъградъ, на которыхъ все еще цвѣли розы,—не тепличныя розы, а цѣлые кусты, свободно разросшіеся въ ширину и въ вышину,—розы, которыя такъ любила Грація, которыми жена его украшала лучшую гостиную въ праздничные дни. Нѣкоторые изъ кустовъ были старше его.

Онъ ходилъ взадъ и впередъ въ агоніи сомнѣнія и ожиданія. Былъ третій часъ, и слѣдствіе въ Клеведонѣ должно уже было подходить къ концу. Каковъ будетъ результатъ? Чтò если никто не будетъ заподозрѣнъ? Какъ ему поступить въ такомъ случаѣ? Позаботиться о своей безопасности, и бѣжать немедленно въ Австралію? Но чтò если послѣ его отъѣзда обстоятельства сложатся такъ что невинный будетъ заподозрѣнъ, осужденъ и повѣшенъ за его преступленіе, прежде чѣмъ онъ узнаетъ объ этомъ?

„Нѣтъ, сказалъ онъ себѣ рѣшительно. Я не способенъ на

...ь. Я останусь здѣсь и буду молчать пока это не ...сти никому никакого вреда, но лишь только кто-...сль заподозрѣнъ, я выдамъ себя.“

Онъ сталъ думать о томъ что̀ должно послѣдовать за такимъ поступкомъ. Тяжело будетъ умереть на глазахъ людей которые знали его съ дѣтства и всегда любили и уважали, тяжело обезчестить доброе старое имя Редмайновъ, обезчестить такимъ пятномъ котораго не смоютъ нѣсколько поколѣній честныхъ Редмайновъ, тяжело предстать предъ людьми въ качествѣ ночнаго убійцы и негодяя, не давшаго своему врагу даже возможности защищаться, тяжело умереть на эшафотѣ проклятымъ своими ближними. Что̀ скажутъ Джемсъ и Ганна когда узнаютъ объ его поступкѣ? Онъ вспомнилъ свое прекрасное австралійское помѣстье и все что̀ онъ могъ бы сдѣлать тамъ, и жизнь на которую онъ утратилъ право показалась ему необычайно прекрасною.

Онъ ничего не ѣлъ со вчерашняго дня, но время отъ времени въ теченіи долгихъ часовъ мучительнаго ожиданія подкрѣплялъ силы виномъ. Напрасно уговаривала его мистрисъ Бушъ съѣсть кусочекъ поросенка съ лукомъ и шалфеемъ, котораго она приготовила во этотъ жаркій день какъ нѣчто „легкое и вкусное“. Онъ отказался отъ обѣда и продолжалъ ходить по саду, прислушиваясь къ отдаленному бою церковныхъ часовъ и ожидая извѣстій изъ Клеведона. Онъ надѣялся что кто-нибудь придетъ сообщить ему о результатѣ слѣдствія.

И надежда его оправдалась. Въ половинѣ шестаго мужъ мистрисъ Бушъ вернулся къ вечернему чаю, который онъ обыкновенно пилъ въ задней кухнѣ, среди кадокъ, метлъ и щетокъ, потому что мистрисъ Бушъ считала главную кухню съ ея бѣлоснѣжною печкой и блестящимъ таганомъ комнатой слишкомъ парадною для ежедневныхъ трапезъ.

Очень тихо и робко, какъ человѣкъ не понимающій для чего его сотворила природа и считающій себя лишнимъ атомомъ въ мірѣ, возвращался обыкновенно Бушъ домой, но въ этотъ день онъ вошелъ въ заднюю кухню съ гордымъ и торжествующимъ видомъ и съ сознаніемъ своего значенія какъ обладателя новостей, которыя въ его власти сообщить, въ его власти и утаить.

— Итакъ... началъ онъ торжественно, усаживаясь между узкимъ столикомъ и оконною рамой.

— Что такое, *сердито спросила* мистрисъ Бушъ, отрѣзая ломоть хлѣба большимъ кухоннымъ ножомъ.—*Господи*, какъ онъ важничаетъ! Что ты сидишь раскрывъ ротъ какъ *лунь*? Что случилось?

— Если ты не хочешь знать, я не скажу, проворчалъ мистеръ Бушъ.—Что ты лѣзешь на меня словно хочешь отрѣзать мнѣ носъ?

— А ты не выставляй его, проворчала жена презрительно. Что ты важничаешь какъ индѣйскій пѣтухъ? Я вижу что таскался въ Клеведонъ вмѣсто того чтобы работать и узналъ тамъ какую-нибудь новость объ убійствѣ.

— Я никуда не таскался, но кое-что знаю, возразилъ Бушъ оскорбленнымъ тономъ.

— А если знаешь, такъ говори! воскликнула мистрисъ Бушъ въ сильнѣйшемъ негодованіи.—Терпѣть не могу когда люди такъ ломаются.

— Такъ я тебѣ вотъ что скажу, началъ Бушъ, едва выговаривая слова ртомъ набитымъ хлѣбомъ и масломъ.—Слѣдствіе кончено, и когда я шелъ домой, встрѣчается мнѣ Самъ Гринвей и говоритъ: ну, Бушъ, слышали ли вы о слѣдствіи?—Нѣтъ, говорю, Самуэль, не слыхалъ. А онъ говоритъ:—Я былъ у южной сторожки и тамъ все разузналъ. Подозрѣніе пало на Джозефа Флуда, грума сэръ-Френсиса, и онъ уже арестованъ. И все дѣло вышло изъ-за дочери Бонда, которую Джозефъ приревновалъ къ этому лондонскому франту, съ которымъ она кокетничала, и Джозефъ застрѣлилъ его изъ ревности.

— Безсовѣстная! воскликнула мистрисъ Бушъ.—Я всегда говорила что она не кончитъ добромъ съ своими раскрахмаленными юбками и шейными лентами, несмотря на то что отецъ ея такой набожный методистъ какихъ мало. Повѣсить слѣдовало бы ее, если въ законахъ страны есть смыслъ и справедливость, а не этого бѣднаго молодаго человѣка.

Бушъ, принявшійся за овощи, сомнительно покачалъ головой. Такое перенесеніе преступленій на ихъ первоначальную причину было для него совершенно новою идеей.

— Мнѣ кажется что если Джозефъ Флудъ застрѣлилъ человѣка, то Джозефъ Флудъ и долженъ отвѣчать за свое преступленіе. Джанна вела себя легкомысленно, я ея не оправдываю, но дѣвушки всѣ на одинъ ладъ.

— Вотъ какъ! воскликнула мистрисъ Бушъ подавляя свое негодованіе.—Стоитъ только дѣвушкѣ быть красивою чтобы

